

ВСПОМНИТЬ ВСЁ

Леонид МЛЕЧИН

**СЕКРЕТЫ
РОССИЙСКОЙ
ДИПЛОМАТИИ**

**ОТ ГРОМЬКО
ДО ЛАВРОВА**

Annotation

Россия всегда играла ключевую роль на международной арене. Но внешняя политика государства, как правило, является отражением происходящих в нем внутренних процессов. Со сменой правителей менялся и политический курс нашей страны, что влекло за собой кардинальные перемены во внешнеполитическом ведомстве. Это проявлялось как в назначении нового министра, так и в смене приоритетов в работе. Требовались другие, более гибкие дипломатические подходы к решению мировых проблем. В данной книге автор показывает историю развития дипломатии с начала 50-х годов до наших дней, причем не только с позиции самих работников российского МИДа, но и с позиции их зарубежных коллег. Более того, автор приводит тексты личных бесед с министрами и непосредственными участниками событий.

- [Лернид Млечин](#)
  -
  - [Андрей Андреевич Громыко](#)
    -
    - [А мог стать летчиком](#)
    - [«К дипслужбе непригоден»](#)
    - [Прощание с покровителем](#)
    - [«Мы вас похороним»](#)
    - [Прусские традиции](#)
    - [Овсяный суп для госсекретаря](#)
    - [Схватка с вице-президентом](#)
    - [Тосты и прогулки](#)
    - [Скандал с президентом](#)
    - [История с ботинком](#)
    - [Карибский кризис](#)
    - [Кремлевское трио и министр](#)
    - [Пистолет у виска](#)
    - [Шпионы или дипломаты?](#)
    - [Упадок разрядки](#)
    - [«Не поеду в Японию!»](#)
    - [Искусство выжимания лимона](#)
    - [«Вопрос номер пять»](#)

- [Тройка](#)
- [«Не надо с ним спорить»](#)
- [«Дипломат копает себе могилу рюмкой»](#)
- [Маска, которая приросла к лицу](#)
- [Покупка шляп](#)
- [Три года в роли президента](#)
- [Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе](#)
  -
  - [Учитель, сын учителя](#)
  - [Восстание 1956 года](#)
  - [В роли чистильщика](#)
  - [Один перед бушующей толпой](#)
  - [Моторная лодка на Смоленской площади](#)
  - [«Какие у вас планы на вечер?»](#)
  - [Лучший друг — в тюрьме](#)
  - [«Жаль, что мы расстаемся таким образом»](#)
  - [Пропавшие танки](#)
  - [Кровавый апрель](#)
  - [Ружье в обмен на спиннинг](#)
  - [Иракско-кувейтская война](#)
  - [«Я подаю в отставку!»](#)
  - [Министр на три недели](#)
  - [Возвращение в Грузию](#)
  - [Джаба на завтрак](#)
  - [Два покушения](#)
  - [Генерал Деникин как свидетель обвинения](#)
- [Александр Александрович Бессмертных](#)
  -
  - [Два месяца до путча](#)
  - [Личная записка министру](#)
  - [Буря в Персидском заливе](#)
  - [Саддам капитулировал](#)
  - [Можно читать и по бумажке](#)
  - [В августе лучше не отдыхать](#)
- [Борис Дмитриевич Панкин](#)
  -
  - [Два указа](#)
  - [От стажера до главного редактора](#)
  - [Шведская модель](#)

- [Жертвоприношение в центре Праги](#)
- [ЗИЛ у подъезда](#)
- [«Куда ты хочешь поехать?»](#)
- [Недобрые соседи](#)
- [Андрей Владимирович Козырев](#)
  -
  - [Стать министром — катастрофа](#)
  - [Служба в «отстойнике»](#)
  - [«Ничего, вы оставайтесь»](#)
  - [Ночные бодрствования в пуще](#)
  - [Между войной и миром](#)
  - [Генерал Коржаков как связной](#)
  - [Борис Николаевич приглашает поужинать](#)
  - [Вахтовый метод в дипломатии](#)
  - [Когда делят пирог...](#)
  - [Хлебнул горячего](#)
  - [«Что мы можем для тебя сделать?»](#)
  - [Победа и поражение одновременно](#)
  - [Сцена в аэропорту](#)
  - [«Ранний» и «поздний»](#)
  - [Сочные мужские поцелуи](#)
  - [В клетке с тигром](#)
  - [Вокруг одни враги](#)
  - [Передача дел](#)
  - [Завидный жених](#)
- [Евгений Максимович Примаков](#)
  -
  - [Смерть сына](#)
  - [Спасти могла только пересадка сердца](#)
  - [Лечащий врач](#)
  - [Детство без отца](#)
  - [Срочный вызов к президенту](#)
  - [Лучший предвыборный ход](#)
  - [Обеды подшевели](#)
  - [Непьющий посол плохо служит Родине](#)
  - [Иногда можно подождать до утра](#)
  - [Девятый хозяин](#)
  - [Он не любил Америку?](#)
  - [Один на один с «железной леди»](#)

- [Дворцы Саддама Хусейна](#)
- [Что у разведки в клюве?](#)
- [Золушка на балу](#)
- [«На нас это давит»](#)
- [Почему он согласился?](#)
- [Жизнь взаимы](#)
- [Возвращение Черномырдина](#)
- [«Уговаривайте Примакова!»](#)
- [Разворот](#)
- [Что сделал Примаков?](#)
- [Самая достойная отставка](#)
- [Склоки в коридорах власти](#)
- [Президент рискнул и выиграл](#)
- [«За Примакова — надежду России!»](#)
- [Игорь Сергеевич Иванов](#)
  -
  - [Суворовская выучка](#)
  - [Исчезнувшая спина](#)
  - [До последнего патрона](#)
  - [Кровавый распад](#)
  - [Война в Боснии](#)
  - [Тито хотел отдать Косово, но передумал](#)
  - [Вторая битва за Косово](#)
  - [Непризнанная республика](#)
  - [Кого же нам поддержать?](#)
  - [Прыжок на Приштину: игра на грани войны](#)
  - [Свержение Милошевича](#)
  - [Разговоры вместо обеда](#)
  - [Новая концепция](#)
  - [Вторая война в Ираке](#)
  - [Для рыбалки время еще не пришло](#)
  - [Уход в Совет безопасности](#)
- [Сергей Викторович Лавров](#)
  -
  - [Автор гимна](#)
  - [«Вечерняя дойка»](#)
  - [Противостояние с Киевом](#)
  - [Газ как инструмент дипломатии](#)
  - [На грани войны](#)

- [Вновь встает вопрос о НАТО](#)
  - [Бандера ссорит наши народы](#)
  - [Катынское наследство](#)
  - [Грузинская война](#)
  - [Где же вашингтонский обком?](#)
  - [Орден министру](#)
- [notes](#)
    - [1](#)

Лернид Млечин

Секреты российской дипломатии. От Громыко до Лаврова

Сэр Генри Уоттон, британский поэт и дипломат, в 1604 году написал на форзаце книги свое определение дипломата, которое получило широкое распространение: «Добропорядочный человек, посланный за границу, чтобы лгать от имени своей страны». Это определение превращает дипломата всего лишь в исполнителя.

Все министры уверяют, что разработка внешней политики — прерогатива первого лица, что они лишь исполняют волю генерального секретаря или президента. Но это лукавство. Личность министра оказывает решающее влияние на формирование политики. Вячеслав Михайлович Молотов придал политике догматизм и упрямство, которых не было у Сталина. Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе шел дальше Горбачева в партнерстве с Западом. При одном и том же президенте Ельцине Андрей Владимирович Козырев пытался сделать Россию союзником Запада, а Евгений Максимович Примаков сменил курс. При Сергее Викторовиче Лаврове сначала ставили задачу наладить стратегическое партнерство со странами НАТО, а теперь мы враждуем.

Шеварднадзе перестал быть министром, потому что исчезло само государство — Советский Союз. Дмитрий Трофимович Шепилов ушел с поста министра на повышение — секретарем ЦК. Андрей Андреевич Громыко ненадолго занял высокую, но безвластную должность председателя Президиума Верховного Совета СССР. Примаков под аплодисменты Государственной Думы переместился с поста министра прямо в кресло главы правительства. Обратный путь проделал Молотов: он с поста председателя Совета министров переехал в Министерство иностранных дел.

Одиннадцать из четырнадцати министров подвергались жесткой критике: одни — пока еще занимали должность, остальные — после отставки или даже после смерти. Некоторых из них проклинают как монстров и демонов и по сей день. Исключение — Примаков. Он на посту министра обрел еще больше сторонников и поклонников.

Андрей Андреевич Громыко

Скромное обаяние «Господина «Нет»

Юноше, мечтающему стать министром иностранных дел, смело надо брать за образец Андрея Андреевича Громыко. Аспирант из Белоруссии приехал в Москву, его взяли на дипломатическую службу, сразу же направили на работу в Соединенные Штаты. Он быстро стал послом, заместителем министра, первым заместителем, министром. Счастливчик!

Но это одна сторона его жизни. Была и другая, о которой загодя следует узнать всякому, кто желает в министры. Вот эпизод реальной жизни. Министр иностранных дел Громыко пришел к первому секретарю ЦК и главе правительства Никите Сергеевичу Хрущеву докладывать свои соображения. Надел очки и стал читать подготовленную министерством записку. Хрущев нетерпеливо прервал министра:

— Погоди, ты вот послушай, что я сейчас скажу. Если совпадет с тем, что у тебя написано, хорошо. Не совпадет-выбрось свою записку в корзину.

И выбросил Громыко в корзину все, что долго готовил со своим аппаратом, и покорно слушал первого секретаря, который своего министра иностранных дел ни в грош не ставил. В отставку Громыко не подал, даже не обиделся, принял как должное, потому что понимал: если хочешь сделать карьеру, на начальство не обижайся.

Однажды, возвращаясь из зарубежной командировки, министр, пребывая в ностальгическом настроении, рассказал своим подчиненным, что он с тринадцати лет ходил с отцом на заготовку леса. Иногда он сплавливал плоты по реке. Надо было, балансируя на скользких бревнах, разгребать заторы. Один неточный шаг — и упал в воду. А бревна как будто старались подмять сплавщика под себя. Отличная тренировка для дипломата, заключил министр.

Андрей Андреевич Громыко пробыл на посту министра иностранных дел двадцать восемь лет, поставив абсолютный рекорд для советского времени. Но таковы российские традиции. Если российскому императору нравился министр иностранных дел, тот сохранял свой пост до глубокой старости. В XIX веке любимый ныне князь Александр Михайлович Горчаков был министром двадцать шесть лет. А нелюбимый граф Карл Нессельроде — сорок лет.

А мог стать летчиком

Будущий министр родился 18 июля 1909 года в деревне Старые Громыки неподалеку от Гомеля. В деревне было больше ста дворов, и почти все жители носили фамилию Громыко.

Андрей Андреевич был вторым ребенком в семье, первой на полтора года раньше родилась его старшая сестра Татьяна, но она рано умерла. Двое младших братьев-Алексей и Федор — погибли на фронте. Третий, Дмитрий, тоже воевал, но выжил. Андрея Андреевича миновала чаша сия, он провел войну в далекой Америке.

Громыко всегда хотел и любил учиться. Он окончил семилетку, потом профтехшколу в Гомеле, техникум в Борисове и, наконец, поступил в Экономический институт в Минске. В 1931 году вступил в партию, его сразу избрали секретарем партячейки в техникуме. В том же году он женился. Лидия Дмитриевна, верная спутница его жизни, была на два года моложе. Она родилась в деревне Каменке там же, в Белоруссии.

После двух лет учебы в институте Громыко назначили директором средней школы под Минском: доучиваться приходилось вечерами. Лидия Дмитриевна работала в совхозе зоотехником. Но это продолжалось не долго. В ЦК Компартии Белоруссии отобрали группу аспирантов из семи человек, которые должны были стать преподавателями общественных наук. Громыко, молодого, вдумчивого и серьезного специалиста, включили в список. Ему предстояло, защитив диссертацию, объяснять студентам-экономистам преимущества ведения сельского хозяйства при социализме.

Андрей Андреевич не очень обрадовался предложению: не хотел опять жить на стипендию, все-таки он уже женатый человек. Но природная тяга к образованию пересилила. Выпускные экзамены в институте сдал экстерном, успешно прошел собеседование, и его зачислили в аспирантуру. Учили аспирантов политэкономии, марксистской философии и — что решило судьбу Громыко — английскому языку.

В 1934 году аспирантов из Минска перевели в Москву во Всесоюзный научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства. Андрей Андреевич учился и ездил с лекциями по подмосковным совхозам и колхозам. Он видел, что деревня голодает, но рассказывал о пользе раскулачивания и успехах коллективизации. Эта работа не слишком увлекала Громыко. Его помнят как сухого, лишенного эмоций, застегнутого на все пуговицы человека, но в юные годы он был не лишен

романтических настроений. Мечтал стать летчиком, решил поступить в летное училище, но опоздал: туда брали только тех, кому еще не исполнилось двадцать пять, а он попал в Москву, как раз отметив двадцатипятилетие.

Позднее Громько говорил, что между летчиком и дипломатом есть нечто общее. Например, умение не терять голову в экстремальных ситуациях. Этим искусством он владел в совершенстве. Его хладнокровию можно было только позавидовать.

В аспирантуре Громько проучился четыре года, написал кандидатскую диссертацию по экономике социалистического сельского хозяйства, защитил ее в 1936 году и был взят на работу старшим научным сотрудником в Институт экономики Академии наук. Одновременно Громько преподавал политэкономии в Московском институте инженеров коммунального строительства. В 1938 году в журнале «Вопросы экономики» опубликовал статью, посвященную 90-летию «Манифеста Коммунистической партии», на следующий год журнал поместил его статью о книге Ленина «Развитие капитализма в России».

В период массовых репрессий карьеры делались быстро. В 1938 году Громько некоторое время исполнял обязанности ученого секретаря института — после ареста его предшественника. Его хотели назначить ученым секретарем Дальневосточного филиала Академии наук. Но Громько благоразумно отказался и не прогадал.

В начале 1939 года его вызвали в комиссию ЦК, которая набирала кадры для наркомата иностранных дел. Вакансий образовалось много. Прежних сотрудников или посадили, или уволили. В комиссию входили Молотов и Маленков. Им понравилось, что Громько — партийный человек, из провинции, можно сказать, от сохи, — а читает по-английски. Знание иностранного языка было редкостью. Громько взяли. А он еще сопротивлялся, не хотел идти по дипломатической линии.

В наркомате его оформили ответственным референтом — это примерно равняется нынешнему рангу советника. Но уже через несколько дней поставили заведовать американским отделом. Это высокое назначение его нисколько не смутило. Отдел США не был ведущим, как сейчас. Главными считались европейские подразделения.

«В 1939 году мы оба работали в центральном аппарате наркоминдела, — вспоминал дипломат Николай Васильевич Новиков, который тоже станет послом в США, — оба в роли заведующих отделами: он — отделом американских стран, я — ближневосточным. Несколько замкнутый по характеру, он избегал тесного общения со своими коллегами

— «директорами департаментов», как мы в шутку именовали друг друга».

«К дипслужбе непригоден»

Громько несказанно повезло. Репрессии расчистили ему стартовую площадку. Через несколько месяцев его вызвали к Сталину, что было фантастической редкостью. Даже среди полпредов лишь немногие имели счастье лицезреть генерального секретаря. В кабинете вождя присутствовал Молотов. Он, собственно, и устроил эти смотрины — показывал Сталину понравившегося ему новичка.

— Товарищ Громько, имеется в виду послать вас на работу в наше полпредство в Америке в качестве советника, — сказал Сталин. — В каких вы отношениях с английским языком?

— Веду с ним борьбу и, кажется, постепенно одолеваю, — доложил будущий министр, — хотя процесс изучения сложный, особенно когда отсутствует необходимая разговорная практика.

Вождь дал ему ценный совет:

— Когда приедете в Америку, почему бы вам временами не захаживать в американские церкви, соборы и не слушать проповеди церковных пастырей? Они ведь говорят четко на английском языке. И дикция у них хорошая. Ведь недаром русские революционеры, находясь за рубежом, прибегали к такому методу совершенствования знаний иностранного языка.

В октябре 1939 года Громько отправился в Вашингтон, где старательно изучал не только английский язык, но и историю, экономику и политику Соединенных Штатов. Андрей Андреевич не терял времени даром и не позволял себе наслаждаться заграничной жизнью. Это помогло ему стать выдающимся дипломатом и сделать блистательную карьеру. Конечно, к этому следует добавить его особое везение.

Советник полпредства в Вашингтоне Громько руководил Бюро технической информации при полпредстве, созданном в 1939 году для сбора легальными средствами сведений, важных для отечественной промышленности, в первую очередь военной. Бюро было тем не менее засекречено.

Надо полагать, Сталин и Молотов посылали Громько на смену тогдашнему полпреду Константину Уманскому, в котором они уже несколько разочаровались. Но началась война, отношения с Вашингтоном внезапно приобрели особую важность, и послом (указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 мая 1941 года полпредов произвели в

чрезвычайные и полномочные послы) в Соединенных Штатах назначили Литвинова. Максиму Максимовичу молодой Громыко не понравился.

Анатолий Федорович Добрынин, который позднее тоже был послом в Соединенных Штатах, смеясь, говорил:

— Каждый посол писал характеристики своим подчиненным. Ветераны утверждали, что Литвинов написал такую характеристику: Громыко к дипломатической службе непригоден.

Максим Максимович сильно недооценил своего молодого подчиненного. Его самого в 1943 году отозвали, а Громыко занял его место. Назначение послом молодого дипломата, не имевшего политического веса, было маленькой мстью Сталина президенту Франклину Рузвельту за то, что союзники слишком долго не открывали второй фронт.

Много позже Молотов рассказывал:

— Я Громыко поставил — очень молодой и неопытный дипломат, но честный. Мы знали, что этот не подведет...

Новому послу в Соединенных Штатах исполнилось всего тридцать четыре года. Это был выросший в глубокой провинции человек, преподаватель марксизма-ленинизма, то есть догматик и начетчик по профессии. Что-то из этих догм засело в нем навсегда, что-то он сумел преодолеть. Все-таки Андрей Андреевич попал в Америку сравнительно молодым, старательно занимался самообразованием. Литвинов в силу своего характера, биографии и взглядов на жизнь сохранял определенную самостоятельность в суждениях и действиях. Громыко же принадлежал к тем, кого называли «призывниками 1937 года», кто знал, что малейшее сомнение в мудрости начальства смерти подобно. Литвинов много жил за границей, неплохо понимал западных политиков и сам был в определенном смысле европейским человеком. Громыко свои университеты проходил в годы репрессий и воспитывался в духе ненависти к Западу.

Послания Громыко из Вашингтона того времени свидетельствуют о скудости анализа, примитивности взгляда на политику Соединенных Штатов, неспособности понять цели и намерения американцев. Провинциальный экономист Громыко еще не был готов разобраться в иной цивилизации. Со временем он проделает огромную эволюцию, многое поймет, но какие-то определяющие принципы западной демократии навсегда останутся для него загадкой.

К концу войны центр международной жизни начал перемещаться в Соединенные Штаты, и Громыко превратился в важнейшую фигуру большой дипломатии. В 1944 году Андрей Андреевич возглавил советскую

делегацию в Думбартон-Оксе, где создавалась Организация Объединенных Наций. На конференции в Сан-Франциско в июне 1945 года от имени Советского Союза он подписал Устав ООН. Этот символический акт навеки закрепил за ним место в истории дипломатии. До конца жизни Громыко внимательно следил за делами ООН, считал ее своим детищем.

В апреле 1946 года Громыко утвердили постоянным представителем в ООН и дали ему ранг заместителя министра иностранных дел. Эпоха сотрудничества с западными державами заканчивалась, начиналась холодная война. Историки подсчитали, что в конце сороковых Громыко больше двадцати раз использовал право вето, данное постоянным членам Совета Безопасности, поэтому его и стали именовать «Господин «Нет».

Громыко быстро и квалифицированно исполнял указания Москвы, не знал усталости, и Молотов на него нарадоваться не мог. Из всех советских дипломатов он выделял именно Громыко. Андрей Андреевич по характеру был похож на Вячеслава Михайловича, да еще и прошел его школу, усвоил молотовский дипломатический стиль — сухой, жесткий, неуступчивый. Андрею Андреевичу не хватало только молотовской внутренней непреклонности, готовности отстаивать свои взгляды не только в спорах с иностранными дипломатами, но и с товарищами по партии, что было куда опаснее. Поддержка министра укрепила позиции Громыко.

Сохранилось письмо Громыко первому заместителю министра иностранных дел Андрею Януарьевичу Вышинскому от 26 марта 1946 года. Вышинский в свойственной ему барской манере упрекал Громыко в перебоях с информацией из посольства. Посол отвечал, что упрек «совершенно необоснован», потому что не было оперативной связи. И приписал: «Вместо того, чтобы запросить и выяснить в чем дело, Вы рекомендуете мне «быстрее поворачиваться». Могу Вас заверить, что я поворачиваюсь достаточно быстро».

Громыко проработал за океаном девять лет. В 1948 году его вернули домой.

«В Москву мы возвращались пароходом, — вспоминала его дочь, Эмилия Громыко-Пирадова. — Вещи погрузили на советский пароход «Победа», а сами сели на шведский пароход «Грипсхольм», который отходил в более удобное для нас время, то есть раньше. Мы посетили Лондон, Стокгольм, Хельсинки... В обеденном зале на столе была крахмальная скатерть, посуда, приборы и хрусталь смотрелись изысканно. Все блестело. Когда мы прощались со стюардом, папа щедро расплатился с ним...

Трагически сложилась судьба многих советских граждан, которые

отплыли из Нью-Йорка на нашем теплоходе «Победа». Пароход был специально прислан за семьями советских работников, отработавших свой срок и возвращавшихся на родину. Когда пароход уже был на пути в Одессу, на нем вспыхнул пожар, причиной которого явилось небрежное хранение киноплёнки... Погибло свыше сорока человек».

Большинство пассажиров теплохода составляли армяне-репатрианты, которые после войны пожелали вернуться на историческую родину. Министерство государственной безопасности доложило Сталину, что пожар возник в результате диверсии: американские агенты заложили горючий материал в Нью-Йорке.

Сталин приказал искать американских разведчиков среди самих репатриантов: они прибыли в СССР, чтобы поджечь нефтяные промыслы в Баку...

14 сентября 1948 года секретарь ЦК Георгий Максимилианович Маленков доложил вождю:

«Докладываю, что во исполнение указаний, изложенных в Вашей телеграмме о теплоходе «Победа» приняты следующие меры:

1. Министерством госбезопасности -
  - а) направлен и сегодня прибыл в Баку специальный уполномоченный МГБ СССР, заместитель министра госбезопасности т. Селивановский с группой ответственных работников в числе восьми человек;
  - б) направлен и сегодня прибыл в Ереван начальник Управления МГБ СССР т. Рогов с группой ответственных работников МГБ в числе семи человек.

Тт. Селивановский и Рогов получили задания в соответствии с указаниями, изложенными в Вашей телеграмме.

2. Постановлением Совета министров СССР от 14 сентября полностью и немедленно отменена репатриация в СССР зарубежных армян и воспрещен прием армянских переселенцев в Армению, откуда бы переселенцы ни направлялись».

Безумие носило тотальный характер...

Молотов назначил Андрея Андреевича еще одним первым заместителем министра. Вячеслав Михайлович открыто покровительствовал Громько, а Вышинский столь же откровенно не любил быстро растущего соперника, который к тому же был на четверть века моложе. Через год Молотова убрали, а министром сделали Вышинского.

Прощание с покровителем

Это были худшие годы для Громыко. Он слишком долго отсутствовал в Москве, не нажил опыта сложных чиновничьих интриг, доносов и подсиживаний. А Вышинский чувствовал себя в этом мире как рыба в воде. Конечно, Андрея Андреевича знал Сталин, и без санкции вождя ничего с ним сделать было нельзя. Но министр действовал исподтишка. Он капал на Громыко, старался на чем-нибудь его подловить, жаловался членам политбюро на недостаточную политическую зрелость своего заместителя, обвинил Громыко в том, что он виноват в неудачном экономическом соглашении с китайцами.

На XIX съезде партии Громыко избрали кандидатом в члены ЦК, но в июне 1952 года отправили послом в Англию. Это было очевидным понижением. Когда Громыко приехал в Лондон, резидент внешней разведки министерства госбезопасности, выяснив по своим каналам, что посол не в фаворе, отправил на него телегу в Москву. Громыко пришлось писать объяснение на имя Сталина. Все это могло поставить крест на его дипломатической карьере.

Борьба с Вышинским, в тот и без того мрачный период, наложила свой отпечаток на поведение Громыко. Он навсегда запомнил, что внутренняя дипломатия, то есть взаимоотношения с высокопоставленными чиновниками, важнее дипломатии внешней. В разговоре с молодыми дипломатами называл это «первой заповедью чиновника».

Громыко считал Вышинского самым большим интриганом и, вспоминая это время, говорил:

— Он погубил много людей.

Но тут же, как бы сочувственно, добавлял:

— Но и его жизнь поломала.

«Андрей Андреевич взялся было, оказавшись во временном полубезде в Лондоне, — вспоминал его заместитель Владимир Семенович Семенов, — писать нечто вроде мемуаров — попал под бдительное око, еле выбрался из-под него, получив, кажется, выговор».

Работая послом в Лондоне, Громыко подготовил книгу «Экспорт американского капитала. Из истории экспорта капитала США как орудия экономической и политической экспансии». Книгу он выпустил под псевдонимом Г. Андреев. В 1956 году ученый совет Московского университета присвоил ему ученую степень доктора экономических наук.

Так что позиции для перехода на научную работу были подготовлены. Но обошлось.

Сталин умер, и в МИД вернулся Молотов. Он немедленно отозвал Громыко из Лондона. В апреле 1953 года тот вернулся на прежнюю должность первого заместителя министра.

Андрей Андреевич понимал, что своей карьерой целиком и полностью обязан Молотову. Но чувство благодарности нисколько не помешало ему участвовать в устроенной Хрущевым кампании дискредитации Молотова. На собрании партийного актива МИД в 1955 году первый заместитель министра Громыко резко критиковал своего начальника, говорил о необходимости обновления внешней политики. Молотов сидел в президиуме, вместе со всеми хлопал оратору и ничуть не обиделся на своего выдвигенца, поскольку в собственной долгой жизни сам часто поступал точно так же.

А уж когда Молотова громили на пленуме ЦК в 1957 году, его любимец Громыко поспешил бросить свою горсть земли в политическую могилу Вячеслава Михайловича. На этом знаменитом пленуме Андрей Андреевич даже пытался шутить, чего за ним вообще не водилось. Он со всей силой обличал Молотова, Маленкова и Кагановича:

— Эти люди всех нас считают подростками, которые, как говорят, под стол пешком ходят. Верно, многие из нас моложе некоторых участников антипартийной группы. Но согласитесь, что это не наша вина. Если уж и есть чья-либо в этом вина, то скорее наших родителей... Товарищи, даже буржуазия не может себе позволить такой роскоши, когда человек, потерявший всякую ценность для государственного руководства, занимает место. Пример: Черчилль. Он неплохо отслужил в интересах колониальной Британской империи, но, когда он потерял ценность, его отправили рисовать пейзажи. Я думаю, что тройку, а, может быть, и некоторых из тех, которые блокировались с этой тройкой, нужно тоже отправить рисовать пейзажи.

Зал весело смеялся.

Громыко говорил о том, что именно Хрущев руководит внешней политикой и все импульсы исходят от него и что он просто «преклоняется перед той огромной работой большой государственной важности», которую проводит Никита Сергеевич:

— Я не стесняюсь об этом говорить, хотя возглавляю в настоящее время наше дипломатическое ведомство. Если бы я не хотел и не желал бы об этом говорить, то ложно понимал бы престиж МИД.

И напоследок Громыко еще раз прошелся по своему крестному отцу:

— Хорошо, если бы Молотов мысленно отошел в середину зала и посмотрел на себя, говорящего с этой трибуны. Он увидел бы, какая это жалкая картина. Я не буду говорить о замечаниях Молотова; они надерганы в попытке вылить грязь на голову первого секретаря. Но Молотов не замечает, а, может быть, сейчас и замечает, что он испачкался этой грязью сам с головы до ног.

Когда Молотова в июне 1956 года во второй раз убрали из МИД, Громыко рассчитывал, что на сей раз уж точно он станет министром. Но Хрущев прислал на Смоленскую площадь своего любимца Дмитрия Трофимовича Шепилова. Для Громыко это стало ударом. Его сын, Анатолий Андреевич Громыко, рассказывал мне, что в тот день отец, который был фантастически сдержанным человеком, дал волю своим чувствам — взял грабли и пошел убирать двор на даче во Внукове...

Открытому, веселому Шепилу скучноватый первый зам не понравился. В его секретариате ждали, что Андрея Андреевича вот-вот уберут. Громыко, говорят, уже стал подбирать себе место в Академии наук.

«Мы вас похороним»

Барская любовь, как известно, недолга. Шепилова забрали назад в ЦК. На заседании президиума ЦК возникла дискуссия: кого назначить министром? Обсуждались две кандидатуры — Андрея Андреевича Громыко и Василия Васильевича Кузнецова, которого после смерти Сталина, когда шла перетряска кадров, сместили с поста председателя ВЦСПС.

Личных претензий к Кузнецову не было — просто срочно понадобилась его высокая должность руководителя советских профсоюзов. На нее пересадили Николая Михайловича Шверника, при Сталине возглавлявшего Президиум Верховного Совета. А главой Верховного Совета СССР (пост безвластный, но заметный) поставили Ворошилова — маршал, живая легенда, понадобился новому коллективному руководству страны, сильно в себе неуверенному, для солидности.

5 марта вечером на пленуме ЦК, когда наследники Сталина делили власть и посты, было решено назначить Кузнецова заместителем министра иностранных дел и отправить его в Китай в качества посла и представителя ЦК. Но от идеи услатить его в Пекин быстро отказались, и он остался в МИД. С 1955 года он тоже состоял в должности первого заместителя министра, как и Громыко.

Кузнецов казался членам президиума ЦК более предпочтительной фигурой. Инженер-металлург, он сделал порядочную карьеру в промышленности, накануне войны стал заместителем председателя Госплана, а потом уже оказался в профсоюзах. Но в глазах Хрущева опыт и вес Кузнецова были скорее недостатком: ему нужен был грамотный специалист-международник без собственного политического веса, который станет беспрекословно исполнять его указания.

Рассказывают, будто Хрущева отговаривали делать Громыко министром, отзывались о нем неважно: безынициативный, дубоватый. Но Никита Сергеевич внешней политикой намеревался заниматься сам и отмахнулся от возражений:

— Политику определяет ЦК. Да вы на этот пост хоть председателя колхоза назначьте, он такую же линию станет проводить.

В феврале 1957 года Андрей Андреевич был утвержден министром. Кузнецов, спокойный и невозмутимый, оставался у него первым замом двадцать лет, пока осенью 1977 года Василия Васильевича не перевели на

повышение первым заместителем председателя Президиума Верховного Совета. Председателем был Брежнев, так что Кузнецов занимался всей работой аппарата. Вторым первым заместителем министра стал Николай Семенович Патоличев, бывший секретарь ЦК КПСС. Он с Громыко не ладил и, на свое счастье, через год, в августе 1958 года, получил назначение министром внешней торговли.

Никита Сергеевич Хрущев много и охотно занимался международными делами. Члены президиума ЦК вдруг стали ходить чуть ли не на все приемы в посольства — даже на самые рядовые, куда обыкновенно и министр иностранных дел не приходит, вспоминал Виктор Михайлович Суходрев, личный переводчик высшего руководства страны. Еще недавно советские вожди были недоступны для иностранцев, и вдруг зарубежные дипломаты получили возможность запросто беседовать со всеми кремлевскими небожителями. Президиум ЦК — все одинаково невысокого роста, все очень полные — кроме сухощавого Анастаса Ивановича Микояна, в одинаковых костюмах появлялись среди дипломатов и не отказывались выпить рюмку-другую.

Хрущев стал — в отличие от мировой практики — во время коктейлей произносить тосты. На одном таком приеме после долгих рассуждений о соревновании капитализма и социализма разгоряченный Никита Сергеевич вдруг резюмировал свою страстную речь резкой фразой:

— Придет время, и мы вас похороним!

Эта фраза прогремела на весь мир. Ее восприняли как призыв к конфронтации. Суходрев считал, что Хрущев имел в виду историческую неизбежность победы коммунизма во всем мире. Но для всего мира эти слова прозвучали угрожающе, потому что подкреплялись быстрым наращиванием военной мощи Советского Союза.

Хрущев делал упор на личные контакты с руководителями других государств. Часто повторял:

— Лучше всего по всем спорным вопросам могут договориться именно руководители государств. А уж если они не договорятся, то как можно ожидать, что проблемы разрешат люди менее высокого ранга?

Министра иностранных дел он считал просто чиновником и самостоятельной роли для него не видел. Громыко был поставлен в весьма невыгодное положение. Скажем, вся подготовительная работа по возведению Берлинской стены в 1961 году — а разделение Берлина оказало огромное влияние на ситуацию в Европе — прошла мимо него.

Хрущев обращался к главе ГДР Вальтеру Ульбрихту через советского посла в Берлине Михаила Георгиевича Первухина. Посол тоже писал из

Берлина лично Хрущеву и долго колебался, отправлять ли копию Громыко, зная, что Никита Сергеевич недолюбливал министра. Потом все-таки отправил, чтобы уж совсем не портить отношения с Громыко.

У Хрущева была мощная команда помощников. Громыко низвели до роли эксперта — приглашали, когда нужна была формулировка, совет, справка. Первую скрипку в выработке политики играло окружение Никиты Сергеевича. Громыко оставалась рутинная работа, малоинтересная для профессионала. Причем это все еще было время, когда дипломаты не столько договаривались, сколько грозили друг другу.

Едва Андрей Андреевич стал министром, как ему поручили составить обращение к премьер-министру Норвегии Эйнару Герхардсену, который принял решение о вступлении страны в НАТО. Это было не дипломатическое послание, а самая настоящая угроза:

«Норвежскому народу пришлось бы дорого расплачиваться за свои базы, построенные в Норвегии, если бы планы стратегов НАТО нашли свое осуществление... В ответ на агрессивные действия против СССР мы были бы поставлены перед необходимостью принять самые энергичные меры с тем, чтобы нанести сокрушительный удар по агрессору, в том числе и по базам, расположенным вблизи наших границ».

Каждую неделю в Москву приезжал иностранный гость. Сам Хрущев часто и надолго ездил за границу. С серьезными дипломатическими поручениями Никита Сергеевич посылал за границу то своего нового выдвиженца Фрола Романовича Козлова, которого забрал в Москву с поста первого секретаря Ленинградского обкома, то Анастаса Ивановича Микояна, то своего зятя — главного редактора «Известий» Алексея Ивановича Аджубея.

Хрущев исходил из того, что не боги горшки обжигают, и любой может справиться с дипломатической миссией. Он не учитывал, что хитрые и опытные советские чиновники, приезжая на Запад, имели дело с очень достойными партнерами, такими же мастерами демагогии, только более свободными в своих действиях.

Прусские традиции

В апреле 1958 года в Западной Германии побывал первый заместитель главы правительства Анастас Микоян. Проинструктированный в Москве, он начал переговоры с канцлером ФРГ Конрадом Аденауэром в атакующем стиле — напомнил о том, что кайзеровская Германия после Октябрьской революции оккупировала значительную часть России и поставила Советское правительство в трудное положение.

Аденауэр легко парировал его слова:

— Не забывайте, пожалуйста, что кайзеровская Германия в немалой степени помогла Ленину и его сторонникам прийти к власти, предоставив большевикам немалую сумму — двадцать миллионов марок золотом!

Канцлер не упустил случая напомнить и о секретных военных контактах рейхсвера и Красной Армии, и о позорном разделе Польши Сталиным и Гитлером.

После беседы канцлер давал завтрак в честь советской делегации. Министр иностранных дел Генрих фон Brentано доложил канцлеру, что накануне на ужине Микоян выступил с речью, полной нападок на Федеративную Республику.

Канцлер сказал Анастасу Ивановичу:

— Послушайте, господин Микоян, я слышал о вашей вчерашней речи. Вам не следует этого делать у меня. Иначе вы вынудите меня отвечать вам очень резко, а я бы хотел этого избежать.

Микоян ответил, что считает свою предстоящую речь очень дружественной.

— Дорогой господин Микоян, — предложил хитрый канцлер, — посмотрите, с какой речью я выступлю.

Конрад Аденауэр, словно в знак особого доверия, прочитал ему выдержки из своего выступления. А потом попросил и Микояна показать его выступление, чтобы убедиться, действительно ли оно дружественное. Микоян, поколебавшись, сунул руку в карман и вытащил текст. Аденауэр внимательно выслушал перевод и попросил вычеркнуть некоторые острые фразы. Анастасу Ивановичу ничего не оставалось, кроме как согласиться. После этого они спустились на нижний этаж, где в банкетном зале уже собрались остальные гости. Аденауэр знал, что советский гость в юности окончил духовную семинарию в Тифлисе, даже проучился один год в Эчми-адзинской духовной академии и едва не стал священником. Канцлер

поинтересовался у Микояна, отчего тот отказался от такого достойного занятия. Микоян рассказал, что незадолго до посвящения в сан его вдруг охватили величайшие сомнения: он утратил веру в Бога. В этот период душевного смятения ему попала в руки книга Карла Маркса «Капитал». Она явилась для него откровением.

Аденауэр удивленно взглянул на Микояна:

— Я тоже однажды заглядывал в «Капитал», но совершенно не понял его.

— Я и сам понял только со второго раза, — признался Микоян.

Неизвестно, поверил ли Аденауэр в то, что его собеседник действительно освоил этот серьезнейший научный труд. Судя по тому, что всю свою взрослую жизнь делал и говорил Микоян, Марксовы идеи так и остались для него тайной за семью печатями.

Западногерманский канцлер Аденауэр не без юмора описывал, как к нему явился советский посол Андрей Андреевич Смирнов, чтобы передать очередную порцию недовольства Москвы. Посол заговорил о том, что советское правительство обеспокоено разговорами западногерманских генералов о продолжении традиций немецкой армии. Аденауэр ответил, что ему такие высказывания немецких генералов неизвестны. Но он, напротив, помнит свой визит в Москву и выстроенный при встрече почетный караул.

— Выправка советских солдат и их подчеркнуто чеканный строевой шаг, по-моему, были вполне в духе прусской и царской традиций, — заметил канцлер. — Вот такого рода традиции как раз и не культивируются в бундесвере.

Тогда советский посол перешел к разговору о том, что в Федеративной Республике появляется очень много тенденциозных публикаций и фильмов, искаженно изображающих советскую действительность. Смирнов привел в пример три приключенческих фильма, которые незадолго до этого демонстрировались в ФРГ, — «Врач из Сталинграда», «Тайга», «Шелковые чулки». Аналогичная картина и в области литературы, говорил посол: издается много книг, отравляющих атмосферу.

— Что было бы, если бы Советский Союз стал платить той же монетой? — внушительно заявил посол. — Ведь материала для этого предостаточно. В советском народе во времена войны и оккупации накопилось столько ненависти, что было бы совсем нетрудно вновь разбудить ее, прибегнув к соответствующим публикациям. Но к чему бы это привело?

Канцлер был готов и к такому повороту беседы.

— Иногда происходят очень странные вещи, — задумчиво сказал Аденауэр. — Сегодня утром я получил письмо от одного очень умного человека, который озабочен тем, что в Федеративной Республике показывают слишком много советских фильмов, которые являются пропагандистским материалом в пользу Советской России. А вчера руководитель моего ведомства печати фон Эккардт принес мне сводку последних нападок советской прессы на Федеративную Республику, хотя я его об этом не просил. Позволю себе передать ее теперь вам, господин посол.

Овсяный суп для госсекретаря

Хрущев мечтал быть принятым в клуб лидеров великих держав. Ему хотелось, чтобы его уважали не только как главу Советского Союза, но и как деятеля мирового масштаба. Для этого в первую очередь следовало установить контакты с Соединенными Штатами. Но Никита Сергеевич не знал, как подступиться к этой задаче. Казалось, что отношения между двумя странами безнадежно испорчены.

В мае 1957 года Хрущев дал интервью американской газете «Нью-Йорк тайме»:

«Если говорить о международной напряженности, то дело, очевидно, сводится в конечном счете к отношениям между двумя странами — Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки... Мы считаем, что если Советский Союз сможет договориться с Соединенными Штатами, то тогда нетрудно будет договориться и с Англией, Францией и другими странами».

Против этого тезиса возражал Молотов, который считал неправильным преувеличивать роль США. Но Хрущеву меньшие по масштабам и мощи державы не казались достойными партнерами. Правда, он сам не очень верил, что договориться с американцами будет легко:

— Если бы, допустим, встретились наш министр Громыко и ваш секретарь Даллес, то они за сто лет ни до чего не договорились бы, и, может быть, только внуки дождались бы каких-либо результатов от этих переговоров.

Летом 1959 года в Москву приехал вице-президент США Ричард Никсон. Через десять с лишним лет Никсон вернется в Москву в качестве президента и будет вести плодотворные переговоры с Брежневым. Но это уже будет другой Никсон и другая Москва. А в пятьдесят девятом это был скорее бой на ринге.

Официальная цель поездки Никсона состояла в том, чтобы открыть 24 июля в парке Сокольники первую американскую выставку. Советская выставка уже прошла в Нью-Йорке. Кроме того, Никсону предстояло пригласить советского руководителя в Америку.

Упор на выставке в Сокольниках делался на производстве потребительских товаров в США. Американцы развернули студию цветного телевидения, которого в Советском Союзе еще не видели. Американцы предлагали устроить в студии живые дискуссии, которые

будут в прямом эфире транслироваться по телевизионной сети выставки.

Председатель госкомитета по культурным связям с зарубежными странами Георгий Александрович Жуков доложил в ЦК КПСС, что заявил протест американскому представителю: «Я еще раз подчеркнул, что мы считаем абсолютно неприемлемым проведение на выставке и тем более показ по телевидению каких-либо дискуссий».

С книжной выставки изъяли всю «сомнительную» литературу. Самыми неприятными были сведения о доходах американцев, но тут поделаться ничего не смогли. Тогда ограничили число тех, кому достанутся билеты, а также предписали выделить «специальных людей из числа членов партии, комсомольцев и беспартийного актива для организации критических записей в книге отзывов посетителей, имея в виду критику американского образа жизни».

Известный историк Сергей Сергеевич Дмитриев записал в дневнике:

«26 июля 1959 года. Ажиотаж вокруг американской выставки сильнейший. Билеты распространяются через партийные организации. Это так умно, что граничит со смешным... Власти делают все, чтобы отвлечь людей от американской выставки. С большим шумом на другом конце метро (выставка в Сокольниках) — в Лужниках открыли, едва ли не впервые за сорок два года жизни советской Москвы, ярмарку. Всячески туда народ отвлекают — слухи пустили, будто там любые дефицитные товары найдешь. На деле стоят дикие очереди на солнцепеке — тени в Лужниках нет, асфальт кругом, раскаленный в котловине.

В Третьяковке открыли поспешно выставку Рериха. В Манеже бешеным темпом гонят работы по подготовке к открытию выставки чешского стекла. Срочно открыли Главный Ботанический сад Академии наук СССР, который вот уже несколько лет подряд все обещали открыть. На Кузнецком и в Парке культуры имени Горького открыли еще несколько выставок.

В печати ежедневно «разоблачительные» материалы об ужасной жизни в США, о голоде, безработице, преследованиях негров, пожарах в школах, преступлениях малолетних, о том, что США буквально пожирают клопы, крысы и прочая нечисть. Все, что показывает американская выставка, — вранье, очковтирательство, пропаганда, если судить по страницам советских газет. В воздухе стоит дым от вранья...»

Никсон долго готовился к поездке, беседовал со всеми специалистами по Советскому Союзу, изучал личность Хрущева. Встретился с побывавшими в Вашингтоне двумя первыми замами Хрущева в правительстве — Анастасом Микояном и Фролом Козловым.

«В ходе длительных бесед со мной каждый из них подал несколько довольно быстрых и крученых мячей, — писал Никсон в одной из своих книг. — Но встреча с Хрущевым после бесед с ними — это все равно что игра с командой высшего класса после игры со слабаками. Он пускает в ход умопомрачительный набор различных приемов: сногшибательную скорость, крученые мячи, слабые и сильные подачи, весь арсенал трюков — и все это в сбивающем с толку темпе. Я нанес сотни протокольных визитов руководителям правительств многих стран, но никогда раньше глава правительства не встречал меня тирадой нецензурных слов, переводя которые на английский его переводчик краснел».

Канцлер ФРГ Конрад Аденауэр сказал Никсону:

— Нет сомнения, что Хрущев хочет править миром. Но одновременно он не хочет войны. Он не собирается править разрушенными городами и мертвецами.

Канцлер вспомнил, как во время переговоров в Москве Хрущев взорвался:

— Я прежде увижу вас в аду, чем соглашусь с вами по этому вопросу!

Аденауэр реагировал немедленно:

— Если вы увидите меня в аду, то лишь потому, что первым туда попадете.

После этой перепалки разговор пошел легче.

Никсон попросил совета и у бывшего государственного секретаря Джона Фостера Даллеса, который уже был болен раком и знал о своей скорой кончине. Он ничего не мог есть и испытывал такие боли, что заснуть мог только после большой дозы успокоительного. Но днем Даллес отказывался принимать наркотические препараты, боясь, что они могут повлиять на его умственные способности. Никсону он сказал, что, когда начинается напряженная работа, требующая от него полной сосредоточенности, он не чувствует боли.

Незадолго до смерти Даллес успел совершить большую поездку по Европе. В феврале 1959 года он прилетел в Бонн. Его встретил Конрад Аденауэр, который ужаснулся, увидев госсекретаря. В машине Даллес сказал, что чувствует себя очень плохо, должен соблюдать строгую диету и не может поэтому принимать приглашения на официальные банкеты.

Аденауэр все же уговорил Даллеса присутствовать на ужине, повар приготовит для него овсяный суп, который подадут так, что никто из присутствующих не заметит, что госсекретарю принесли что-то особое. Даллес согласился. Овсяный суп ему явно понравился. Сменивший его на посту государственного секретаря Соединенных Штатов Кристиан Гертер,

прилетев в Бонн на переговоры, передал канцлеру привет от Даллеса и просьбу дать рецепт овсяного супа, которым его угощали. Гертер признался, что подумал вначале, будто это зашифрованное послание.

Аденауэр послал Даллесу рецепт супа и несколько пакетиков овсянки, так как в Америке ее невозможно было разыскать. Когда в мае 1959 года Аденауэр приехал на его похороны, ему сказали, что овсянка была последним блюдом, которое Даллес ел перед кончиной. Когда Даллес скончался, шло совещание министров иностранных дел в Женеве.

Все министры отправились на похороны. Громыко ехать не хотел. Хрущев решил, что Андрей Андреевич не прав, и велел ему отправляться за океан:

— Даже приятно попридтиствовать на церемонии похорон своего врага.

Даллес провел последние дни в больнице «Уолтер Рид». Там его и посетил Ричард Никсон. Бывший госсекретарь постоянно сосал кубики льда, чтобы смягчить жжение в горле. Никсон спросил его:

— Что прежде всего я должен постараться довести до сознания Хрущева?

Даллес никогда не спешил с ответом, но на сей раз он задумался дольше обычного.

— Нет нужды убеждать Хрущева в наших добрых намерениях. Он знает, что мы не угрожаем безопасности Советского Союза. Но он должен знать, что мы и его понимаем. Хрущев говорит, что он за мирное сосуществование. Он имеет в виду, что восстание против некоммунистического правительства — дело правое, и его следует поддерживать, а восстание против коммунистического правительства, как это он показал в Венгрии, дело всегда неправое, и его следует подавлять. Таким образом, мирное сосуществование, за которое он выступает, — это мир для коммунистических стран и постоянная внутренняя борьба и конфликты для некоммунистических стран. Нужно дать ему понять, что ему не удастся получить и то и другое.

Схватка с вице-президентом

Через два месяца Никсон прилетел в Москву. Его сопровождали брат президента Милтон Эйзенхауэр и знаменитый адмирал Хаймэн Риквер, отец атомного подводного флота. Встречал их первый заместитель главы советского правительства Фрол Козлов. Аэродром был пуст, если не считать дипломатов и корреспондентов.

Американским послом в Советском Союзе был Ллуэллин Томпсон, карьерный дипломат, который в первый раз приехал в Москву еще в 1939 году. Даже в самые опасные дни осени сорок первого, когда всех дипломатов эвакуировали в Куйбышев, Томпсон оставался в Москве. В 1957-м Эйзенхауэр назначил его послом в Москве.

Ллуэллин Томпсон увел Никсона в небольшую гостиную рядом со спальней посла на втором этаже и там рассказывал о ситуации в Москве. Контрразведчики гарантировали, что в этой комнате (единственной во всем посольстве!) нет подслушивающих устройств.

Никсон лег спать пораньше, но из-за большой разницы во времени ему не спалось. В половине шестого утра он встал, разбудил своего помощника и вместе с советским охранником, который одновременно исполнял обязанности переводчика и водителя, поехал на Даниловский рынок. Когда вице-президент был мальчиком, он работал в лавке отца и рано утром ездил с ним на рынки в Лос-Анджелесе, чтобы к открытию лавки доставить свежие фрукты и овощи. Ему хотелось сравнить рынки. Американца встретили очень доброжелательно, предлагали ему фрукты и овощи, от денег отказывались. Он почти час ходил по рынку. Вице-президента поразила только одна деталь: он увидел две пары весов — одними пользовался продавец, другими покупатель, чтобы перевесить покупку и убедиться, что его не обвесили. Понятие «контрольные весы» ему было незнакомо.

У Никсона выпрашивали билеты на американскую выставку. Решив, что билеты дороги для этих людей, он попросил помощника дать им сто рублей. Но все засмеялись: билеты нельзя было достать ни за какие деньги.

Посещение рынка было незапланированным и разозлило хозяев. «Правда», «Известия», «Труд» негодуяще обвинили Никсона в попытке «подкупить» и «унизить» советского человека: он пытался раздавать деньги, позируя американским фотоаппаратам.

Встречи в Кремле начались в кабинете маршала Ворошилова,

председателя Президиума Верховного Совета СССР. Потом гостя отвели в кабинет Хрущева. Когда американцы вошли, Никита Сергеевич демонстративно рассматривал модель спутника, отправленного на Луну.

«Я чувствовал, что он находится в раздраженном состоянии, — вспоминал Никсон. — Он все время оглядывал меня с ног до головы, как портной может оглядывать клиента, чтобы сшить ему костюм, или, скорее, как похоронных дел мастер оглядывает будущего покойника, чтобы подобрать ему гроб».

Хрущев был страшно недоволен тем, что американский конгресс принял резолюцию в поддержку стран, поработанных Советским Союзом. Стуча кулаком по столу, Хрущев заявил, что считает это серьезной провокацией. Никсон попытался объяснить, что конгресс не подчиняется исполнительной власти. Хрущев никак не мог остановиться.

— Эта резолюция воняет! — кричал он, стуча по столу.

Он выражал свои эмоции с помощью непечатных слов, выходящих столь далеко за рамки дипломатического языка, что Олег Александрович Трояновский, его молодой переводчик, густо покраснел и не без колебаний перевел его слова.

Хрущев сам приехал на открытие выставки. Он не устал спорить и пытался поддеть Никсона:

— Американцы потеряли умение торговать. Вы постарели и не торгуетесь, как раньше. Вам надо влить свежие силы.

— А вам надо иметь товары, чтобы торговать, — нашелся Никсон.

Хрущев заговорил о том, что Советский Союз желает жить в мире, но готов защитить себя в случае войны. Он обещал, что Советский Союз через семь лет достигнет уровня развития Соединенных Штатов:

— Когда мы догоним вас и станем вас обгонять, мы помашем вам рукой. Если вы захотите, мы остановимся и скажем — пожалуйста, догоняйте нас...

Он остановил какого-то человека на выставке и восторженно сказал Никсону:

— Ну, какие это рабы? Имея людей с таким духом, как мы можем проиграть?

Никсон старался сдерживать себя, он был всего лишь вице-президентом и гостем.

— Вы не должны бояться обмена идеями, в конце концов, вы ведь всего не знаете...

— Если я всего не знаю, — оборвал его Хрущев, — то вы ничего не знаете о коммунизме, кроме того, что боитесь его.

Проходили мимо бакалейной лавки. Никсон сказал:

— Может быть, вам будет интересно узнать, что у моего отца была небольшая лавка в Калифорнии и все мальчики в нашей семье, учась в школе, одновременно работали в этой лавке.

Хрущев презрительно отмахнулся и фыркнул:

— Все торговцы — воры!

Никсон ответил:

— Воры бывают везде. Я видел сегодня, как люди перевешивают продукты, купленные в государственном магазине.

Они остановились в павильоне, где были выставлены образцы кухонной техники. Здесь и состоялся знаменитый кухонный спор. Заговорили сначала о достоинствах разных стиральных машин. Тут Никсон решил объяснить, что не только богатые американцы могут купить дом, представленный на выставке.

— Это типичный для Соединенных Штатов дом, — рассказывал вице-президент, — его стоимость четырнадцать тысяч долларов — эти деньги можно выплачивать двадцать пять-тридцать лет. Большинство рабочих могут купить себе такой дом.

Хрущева ничто не могло смутить. Он, не моргнув глазом, выпалил:

— У нас тоже найдутся рабочие и крестьяне, которые могут выложить четырнадцать тысяч долларов наличными за жилье.

Никита Сергеевич убежденно говорил о том, что капиталисты строят дом всего на два десятилетия, а в Советском Союзе дома строятся так, чтобы они остались и детям и внукам.

— Вы думаете, что русские будут поражены этой выставкой? Для того чтобы американец мог купить такой дом, он должен иметь очень много долларов, а у нас достаточно быть гражданином страны. Если у американца нет долларов, его право купить подобный дом превращается в возможность ночевать под мостом.

Никсон пытался ему возражать:

— Мы не считаем, что эта выставка поразит советский народ, но она заинтересует его точно так же, как ваша выставка заинтересовала нас. Разнообразие, право выбора, тот факт, что дома строят тысячи различных фирм, — вот что важно для нас. Мы не хотим, чтобы какой-то один высокопоставленный государственный чиновник принимал решения и говорил, что мы будем иметь дома одного типа.

Хрущев ответил, что лучше иметь одну модель стиральной машины, чем много разных.

Никсон заметил:

— Не лучше ли сравнивать качества наших стиральных машин, чем мощь наших ракет? Разве не такого соревнования вы хотите?

— Да, мы хотим такого соревнования! — закричал Хрущев. — Это ваши генералы кричат о ракетах, а не о кухонной утвари, это они грозят нам ракетами, это они хорохорятся, что могут стереть нас с лица земли. Но этого мы, конечно, никому не позволим сделать. А тем, кто попытается, мы покажем, как говорят у нас в России, кузькину мать. Мы сильны, мы можем побить вас.

Никсон гнул свою линию:

— По моему мнению, вы сильны, и мы сильны. В некотором отношении вы сильнее нас, а в другом — мы сильнее. Но мне кажется, что в наш век спорить, кто сильнее, — занятие совершенно бесполезное... Для нас спор, кто сильнее, не имеет смысла. Если начнется война, обе наши страны проиграют.

Хрущев стал шутить:

— Четвертый раз мне приходится говорить, и я не узнаю моего друга господина Никсона. Если все американцы с вами согласны, то с кем же тогда мы не согласны? Ведь мы же именно этого и хотим.

Но Никсон не отставал:

— Когда мы садимся за стол переговоров, нельзя требовать, чтобы все было так, как хочет одна сторона. Одна сторона не может предъявлять ультиматум другой.

Хрущеву слова вице-президента не понравились.

— Мне показалось, что вы угрожаете мне. Мы тоже гигантская страна. Если вы будете нам угрожать, мы ответим угрозой на угрозу.

— Я не угрожал вам. Мы никогда не станем прибегать к угрозам, — отвечал Никсон.

— Вы косвенным образом угрожали мне, — возбужденно воскликнул Хрущев. — У вас кое-что есть, и у нас кое-что есть, и к тому же получше вашего! Это вы хотите соревноваться в гонке вооружений.

— Мы прекрасно знаем, что у вас есть. Для меня не имеет существенного значения, чьи ракеты и бомбы лучше.

Спор закончился. Вице-президент положил руку на плечо Хрущеву и сказал:

— Боюсь, я плохо выполнил роль хозяина.

Хрущев обратился к девушке-гиду:

— Благодарю вас, хозяйюшка, за то, что вы любезно предоставили нам возможность провести эту дискуссию на кухне.

Пошли дальше по выставке. Никсон и Ворошилов оказались впереди.

Хрущев шел сзади. Никсон обернулся и пригласил Никиту Сергеевича присоединиться к ним. Хрущев с сардонической улыбкой ответил:

— Вы идите с президентом, а я знаю свое место.

Госты и прогулки

Вечером на официальном открытии выставки Никсон произнес заранее подготовленную речь, которая была опубликована в «Правде» и «Известиях». Вице-президент говорил на крайне болезненную для советских лидеров тему — о том, сколько американских семей владеет автомобилями, телевизорами, сколько имеет собственные дома.

— Цифры наглядно свидетельствуют о том, что Соединенные Штаты, крупнейшая в мире капиталистическая страна, подошли, с точки зрения распределения благ и богатств, ближе всего к идеалу всеобщего благосостояния в бесклассовом обществе.

Этого Хрущев не мог вытерпеть. Он подскочил и стал возражать. Но Никсон его остановил:

— Слово предоставлено мне. Теперь моя очередь говорить.

После обмена речами Никсон подвел Хрущева к столу с калифорнийскими винами. Хрущев предложил выпить «за мир и ликвидацию всех военных баз на чужой территории».

Никсон не хотел поднимать тост против собственных вооруженных сил и уточнил:

— Давайте просто выпьем за мир.

Начался спор о военных базах, но кто-то провозгласил тост за долголетие Хрущева. Никсон был рад сменить тему:

— Выпьем за это. Мы можем не соглашаться с вашей политикой, но хотим, чтобы вы были в добром здравии. За то, чтобы вы дожили до ста лет!

Они выпили, но Хрущев решил оставить последнее слово за собой:

— Когда нам будет по девяносто девять лет, мы продолжим обсуждение этих вопросов.

Но в такой пикировке Никсон был в своей тарелке и позволил себе довольно рискованное замечание:

— Вы хотите сказать, что в девяносто девять лет вы все еще будете у власти и у вас в стране по-прежнему не будет свободных выборов?

Хрущев пригласил вице-президента на дачу (по словам Никсона, «это было одно из роскошнейших имений, которые мне когда-либо приходилось видеть») и предложил прокатиться по Москве-реке, «чтобы посмотреть, как живут рабы».

Восемь раз Хрущев останавливал катер, чтобы поздороваться за руку с

купающимися.

— Скажите, вы порабощенные, вы рабы?! — кричал он им.

— Нет, нет! — отвечали отдыхающие.

После этого Хрущев тыкал пальцем Никсону под ребра и торжествующе говорил:

— Видите, как живут наши рабы!

На обратном пути катер сел на мель. Никсону показалось, что Хрущев сейчас просто расстреляет рулевого. Когда они пересаживались в другую лодку, чтобы продолжить поездку, вице-президент, оглянувшись на рулевого, увидел «самого несчастного человека на свете»... После прогулки был устроен обед на лужайке перед дачей под березами.

Хрущев практически не прикоснулся к спиртному и был абсолютно трезв. Микоян пытался завязать разговор с женой американского президента Пэт Никсон, которая сидела справа от Хрущева. Никита Сергеевич его немедленно оборвал:

— Послушай, ты, хитрый армянин! Госпожа Никсон принадлежит мне. Разговаривай на своей стороне стола.

Он пальцем провел линию посреди стола и сказал:

— Это железный занавес. Не смей его переступить!

Хрущев очень рекомендовал гостям рыбу:

— Это любимое блюдо Сталина. Он говорил, что такая рыба укрепляет организм.

Микоян рассказывал Никсону, как Сталин вызывал их всех ночью, и заметил:

— Мы спим гораздо лучше с тех пор, как нами руководит товарищ Хрущев.

Улыбнувшись, он добавил:

— Думаю, вы понимаете, что я имею в виду.

Дальше разговор пошел на военные темы. Хрущев рассказывал о том, что неделю назад Советский Союз запустил межконтинентальную баллистическую ракету, которая пролетела семь тысяч километров и отклонилась от цели меньше чем на два километра. Никита Сергеевич, перегнувшись через стол, сказал Никсону, что сообщит ему сейчас нечто секретное:

— У одной из баллистических ракет отказала система отключения двигателей, и ракета пошла мимо цели — дальше, к Аляске. Но к счастью, упала все-таки не на Аляску, а рухнула в океан.

Хрущев говорил, что Советский Союз уже располагает достаточным количеством ракет среднего и дальнего радиуса действия, чтобы уничтожить

всех противников в Европе и разрушить основные города в Соединенных Штатах. Никита Сергеевич не сомневался, что его вооруженные силы способны в первый же день войны уничтожить Германию, Францию и Англию. Конечно, Советский Союз тоже понесет потери, заметил первый секретарь ЦК КПСС, но европейские страны просто превратятся в пустыню. Дальше Никсон повел себя как заправский разведчик. Поскольку американцы плохо представляли себе ситуацию в советских вооруженных силах, то он стал доносить Хрущева специальными вопросами:

— Почему Советский Союз продолжает строить бомбардировщики, если вы довольны количеством ракет и точностью их попадания?

Никита Сергеевич ответил, что производство бомбардировщиков почти прекращено, потому что ракеты точнее. Кроме того, люди иногда не в состоянии сбросить бомбы на цель из-за эмоциональной реакции, а на ракеты можно положиться.

— Сожаление вызывает судьба моряков, — заметил Хрущев. — За исключением подводных лодок флот совершенно устарел. Крейсера и авианосцы — это просто мишени для ракет, и я прекратил строительство больших надводных кораблей.

Никсон знал, что Соединенные Штаты опередили Советский Союз в создании подводных лодок, которые могут запускать ракеты из-под воды. Никсон поинтересовался, много ли удалось добиться. Хрущев ответил, что советские военные считают запуск ракет с суши более эффективным, чем с моря.

Никсону было известно, что США ушли вперед в создании твердого топлива для ракет, и он поинтересовался, каковы успехи советских ученых. Хрущев ответил, что он политик, а не технический специалист, и некомпетентен в этом вопросе.

Тут Пэт Никсон вмешалась в разговор. Она рассмеялась:

— Оказывается, существует какой-то вопрос, который господин Хрущев не может обсуждать. Мне казалось, что господин Хрущев все держит в руках и все знает.

Все рассмеялись. Микоян заметил:

— Даже у Никиты Сергеевича недостаточно рук, чтобы всем заниматься, и он нуждается в помощи.

Хрущев вновь и вновь возвращался к разговору о разрушительных возможностях советских ракет, настойчиво повторял, что Советский Союз превосходит Соединенные Штаты по ракетам, а против ракет нет защиты. С веселой улыбкой он пересказал анекдот, придуманный англичанами:

— Пессимист говорит, что для уничтожения Англии достаточно шести

атомных бомб, а оптимист утверждает, что понадобится девять или десять.

Никсон пришел к выводу, что Хрущев вовсе не таков, каким он хочет казаться. Большая ошибка считать его человеком, который способен начать войну в припадке гнева или выпив лишку. Когда обсуждаются серьезные вопросы, он трезв, холоден и невозмутим. Никсон составил себе и представление о дипломатической тактике советского лидера. Во-первых, Хрущев требует того, на что не имеет права претендовать. Во-вторых, он угрожает войной, если не получает требуемого. В-третьих, он обвиняет других в том, что они создают угрозу миру, отказываясь принимать его требования. В-четвертых, в уплату за мир он получает как минимум половину того, на что без всяких оснований претендовал вначале.

Скандал с президентом

У президента Дуайта Эйзенхауэра сложилось о Хрущеве лучшее впечатление, чем у Никсона. В том же 1959 году Никита Сергеевич побывал в Америке. Ему очень хотелось поехать, но одновременно он боялся, вспоминает посол Олег Гриневский. Сможет ли он достойно вести переговоры с западным миром? Вдруг его за ровню не сочтут? Заманят, а потом унизят, по носу щелкнут, попытаются запугать, чтобы сделать уступчивее на переговорах. От Запада ведь всегда ждали подвоха. И в его окружении охотно нажимали на эту мозоль. С одной стороны, говорили о Западе с презрением, с другой — пугали. Однако встретили его очень доброжелательно. По словам Виктора Суходрева, американцам импонировал простой и откровенный человек, который обращался к ним без дипломатических ухищрений.

Поездка в Америку произвела на Хрущева сильнейшее впечатление. Он увидел, как можно жить. Отношение к американцам резко изменилось. Хрущев решил, что с Америкой надо дружить. На следующий год, в июне 1960-го, в Москве с ответным визитом ждали Дуайта Эйзенхауэра. Приезд американского президента мог стать важным событием, которое уменьшило бы враждебность между двумя странами. Но, как это часто бывает в мировой политике, пагубную роль сыграли спецслужбы. Американские разведчики уговорили Эйзенхауэра продолжить полеты самолетов-разведчиков У-2 над советской территорией.

У-2 был создан во время холодной войны, чтобы следить за Советским Союзом. Первый полет состоялся в августе 1955 года. Самолет У-2 способен летать и ночью и днем, в любую погоду: он снабжен всеми видами фотооборудования и радиолокатором. Но скорость У-2 — семьсот километров в час — сравнительно небольшая, что делает самолет уязвимым.

1 мая 1960 года американский самолет-разведчик, пилотируемый Фрэнсисом Гэри Пауэрсом, был сбит над Свердловском. Яков Петрович Рябов, бывший первый секретарь Свердловского обкома КПСС, рассказывал мне:

— Это произошло прямо на моих глазах, когда мы собрались на демонстрацию. Погода была чудесная, солнечная, но прохладная. Стоим, вдруг вижу: прямо над головой возникли два огромных белых шара. Я еще удивился: что это такое? Первый раз такой фейерверк вижу.

Гэри Пауэрс выпрыгнул с парашютом и остался жив. В Москве это скрывали. Но заместитель министра иностранных дел Яков Александрович Малик выдал секрет одному из послов. Хрущев пришел в бешенство. Малик сохранил должность, но эта история, пишет посол Дмитрий Федорович Сафонов, стала для него ударом, возможно, сыгравшим роковую роль в преждевременном уходе из жизни: «С тех пор редко доводилось мне видеть его таким жизнерадостным и энергичным, каким он представлялся мне раньше»...

В Министерство иностранных дел вызвали норвежского посла Оскара Гундерсена. Сотрудник норвежской референтуры Виктор Федорович Грушко (будущий генерал-полковник и первый заместитель председателя КГБ) вспоминал, как мрачный Громыко заявил протест норвежскому правительству: американский самолет-разведчик должен был приземлиться на норвежском военном аэродроме в Будё, следовательно, территория Норвегии используется в агрессивных целях. Посол пытался возражать.

— Я не стану с вами больше говорить на эту тему, — небывало резко отрезал Громыко. — Сказанное мной является неопровержимым фактом. Доложите об этом своему правительству. Это все. Вас я слушать больше не желаю.

В истории с У-2 и Хрущев, и Эйзенхауэр повели себя неразумно. Никита Сергеевич стал требовать от американского президента извинений, хотя главы государств никогда не принимают на себя ответственность за своих шпионов — именно для того, чтобы нормальные межгосударственные отношения могли продолжаться. А Эйзенхауэр стал защищать право Америки проводить разведывательные полеты, что еще больше разозлило Хрущева.

В мае Хрущев и Эйзенхауэр должны были увидеться в Париже на встрече лидеров четырех ведущих держав. Едва все собрались, Хрущев заявил, что если президент Соединенных Штатов отказывается принести извинения, то Советский Союз отзывает свое приглашение, Эйзенхауэр не может быть гостем нашей страны...

На этом встреча закончилась.

Министр обороны маршал Родион Яковлевич Малиновский радостно поддержал Хрущева:

— Нечего с ними цацкаться.

Громыко на склоне лет писал в своей книге: «Я иду за Хрущевым, а в голове одна мысль: «Чистый выпендрож!» Хрущев теряет контроль над собой, что для государственного деятеля недопустимо». В воспоминаниях Громыко осуждал Хрущева за то, что он покинул парижскую встречу и

сорвал визит Эйзенхауэра в СССР.

В реальности в тот момент Громыко думал и действовал несколько иначе. Сотрудник советского посольства в Париже Владимир Всеволодович Снегирев вспоминал, как для советской делегации привезли большой запас продовольствия. Чтобы добро не пропадало, в посольстве устроили большой ужин. Первый тост произнес министр обороны Малиновский:

— Мы здесь, в Париже, были свидетелями исторического события, когда наш дорогой Никита Сергеевич со свойственным ему умением загнал этого заживевшего буржуя в угол и заставил его извиняться.

Громыко не отставал и говорил о гениальности «нашего дорогого Никиты Сергеевича». Андрей Андреевич взирал на первого секретаря с показным восторгом, хотя непредсказуемость и импровизации Хрущева часто его пугали.

Николай Митрофанович Луньков, который был послом в Норвегии, вспоминает визит Хрущева в Осло. Во время прогулки Хрущев, его зять главный редактор «Известий» Алексей Иванович Аджубей и главный редактор «Правды» Павел Алексеевич Сатюков ушли вперед. Громыко сказал Лунькову:

— Вы поравняйтесь с Никитой Сергеевичем и побудьте рядом на случай, если возникнут какие-либо чисто норвежские вопросы.

В тот момент, когда Луньков приблизился, Хрущев оживленно говорил Аджубею и Сатюкову:

— Слушайте, как вы думаете, что, если у нас создать две партии — рабочую и крестьянскую?

При этом он оглянулся и выразительно посмотрел на Лунькова. Тот понял, что надо отстать. Посол на ухо пересказал Громыко то, что услышал. Громыко осторожно сказал:

— Да, это интересно. Но вы об этом никому не говорите.

История с ботинком

В сентябре 1960 года Хрущев отправился в Нью-Йорк на сессию Генеральной Ассамблеи ООН. Вместе со всей делегацией он плыл на турбоэлектроходе «Балтика». Это немецкое судно досталось советскому флоту после войны в качестве трофея, его называли «Вячеслав Молотов». После изгнания Молотова с партийного Олимпа теплоход переименовали в «Балтику».

Никита Сергеевич жил в люксе «А» по левому борту. Рано утром он появлялся на палубе и дышал свежим воздухом. Гулял даже в сильнейший шторм. По судовому радио крутили его любимую песню «Рушничок». Время от времени поднимался на мостик, чтобы перемолвиться словом с капитаном Павлом Алексеевичем Майоровым. Вечером в музыкальном салоне смотрел фильмы. Ровно в одиннадцать уходил в свою каюту.

Но Хрущев не отдыхал, а работал — диктовал стенографисткам наброски своих будущих выступлений в Нью-Йорке. Никита Сергеевич не упускал случая поддразнить Громыко. Говорил своему окружению:

— Смотрите, как молодо выглядит Андрей Андреевич. Ни одного седого волоска. Сразу видно, что он сидит себе в своем уютном закутке и чаек попивает.

Громыко делал вид, что ему смешно.

В Нью-Йорке у экипажа турбоэлектрохода произошло неприятнейшее происшествие. В город отпустили группу механиков, и сбежал котельный машинист эстонец Виктор Яаниметс. Он попросил у американцев политическое убежище. В другой ситуации капитану судна не поздоровилось бы, но Никита Сергеевич не захотел поднимать шум.

Хрущев был сильно недоволен деятельностью ООН, где большинство стран голосовало против Советского Союза. Он пытался сместить тогдашнего генерального секретаря Дага Хаммаршельда и предлагал перевести штаб-квартиру из Нью-Йорка в какое-нибудь другое место. Никита Сергеевич присутствовал на всех заседаниях Генеральной Ассамблеи, хотя руководители государств обычно не тратят на это времени. Но Хрущев полностью отдался новому для него делу. Он словно вернулся в годы своей юности, когда сражался на митингах с противниками генеральной линии партии.

В первый раз Хрущев стал скандалить, когда выступал представитель Филиппин, который говорил о том, что Советский Союз аннексировал

Прибалтику и подавил народное восстание в Венгрии. Хрущев, вспоминал Виктор Суходрев, пытался топтать ногами, но на полу лежал ковер. Тогда он стал стучать кулаками по столу. Отчаянно барабанил и сидевший рядом с ним Громыко. Потом Андрей Андреевич станет рассказывать, что он этого не делал и, напротив, пытался успокоить Хрущева. На самом деле он старался не отставать от своего лидера — лояльность хозяину всего важнее.

А на следующий день Хрущев стал стучать по столу башмаком, когда выступал представитель франкистской Испании. Потом Хрущев объяснял это по-разному. Но сразу после этой истории он сказал откровенно: он так стучал кулаками, что у него часы остановились. И это его совсем разозлило.

— Вот, думаю, черт возьми, еще и часы свои сломал из-за этого капиталистического холуя. И так мне обидно стало, что я снял ботинок и стал им стучать.

Он потребовал слова, вышел на трибуну и стал кричать:

— Франко установил режим кровавой диктатуры и уничтожает лучших сынов Испании. Настанет время, народ Испании поднимется и свергнет кровавый режим!

Председательствовавший на заседании ирландец Фредерик Боланд пытался его остановить:

— Выступающий оскорбляет главу государства Испании, а это у нас не принято.

Хрущеву никто не перевел эти слова. А он решил, что председательствующий вступился за испанца, и накинулся на Боланда:

— Ах вот как? И вы, председатель, тоже поддерживаете этого мерзкого холуя империализма и фашизма? Так вот что я вам скажу: придет время, и народ Ирландии поднимется против своих угнетателей! Народ Ирландии свергнет таких, как вы, прислужников империализма!

Обычно сдержанный и невозмутимый Боланд закричал, что лишает Хрущева слова. А тот продолжал говорить, хотя микрофон у него отключили. Он покинул трибуну только тогда, когда Боланд просто вышел из зала, и заседание прервалось.

Громыко впоследствии скажет, что это был позор, когда Хрущев стучал ботинком. Но сам он в тот момент был готов идти с хозяином до конца. Хотя губы у него были белые — подобного скандала Организация Объединенных Наций еще не знала.

15 октября 1960 года на заседании президиума ЦК Хрущев отчитался о поездке в Нью-Йорк. Громыко добавил, что поездка «намного укрепила

наши внешнеполитические позиции». Слово получил и сопровождавший Хрущева главный редактор «Правды» Павел Сатюков.

— Западники вопили, что разрушаются парламентские традиции, — сообщил Сатюков. — Но поездка тов. Хрущева является самой великой поездкой. Резонанс в мире огромный, победа колоссальная.

Карибский кризис

4 ноября 1960 года новым президентом Соединенных Штатов был избран Джон Кеннеди. Вступая в должность 20 января 1961 года, он посвятил внутренним проблемам страны всего несколько слов. Говорил в основном о внешней политике, считая, что лишь она способна прославить его среди потомков.

— Все народы, — сказал тогда Кеннеди, — как бы мы к ним ни относились, должны знать, что мы заплатим любую цену, вынесем любые тяготы, стерпим любые невзгоды, но поможем всем друзьям и будем сражаться со всеми врагами, чтобы обеспечить победу свободы!

В Москве слова нового президента восприняли как чистой воды демагогию. Летом 1961 года Кеннеди и Хрущев встретились на нейтральной территории — в Вене. Они присматривались друг к другу. Кеннеди предложил принять совместное заявление об отказе от войны как средства решения конфликтов. Хрущев отверг это предложение, потому что это лишало его возможности участвовать в антиимпериалистической борьбе, то есть давать оружие и посылать войска в помощь всем, кто такой помощи попросит. Никита Сергеевич был разочарован тем, что на смену такому опытному политику, как Эйзенхауэр, пришел совсем новый человек, да еще моложе советского руководителя на двадцать с лишним лет.

Считается, что на встрече в Вене американский президент произвел на Хрущева впечатление несмышленьша, с которым нетрудно будет справиться, и это привело к решению отправить на Кубу ядерное оружие. Но решение о переброске ракетно-ядерного оружия было принято в Москве еще до встречи с Кеннеди, 18 мая 1962 года, на заседании Совета обороны, а задумано Хрущевым еще раньше. Беседа с новым президентом могла только укрепить Хрущева в этой мысли.

В Вене Хрущев спросил Кеннеди:

— Господин президент, а сколько вам лет?

Кеннеди ответил. Хрущев задумчиво сказал:

— Да, моему старшему сыну сейчас было бы столько же или даже больше.

Все восприняли это как стремление поставить молодого американского президента на место. Но, по словам Суходрова, Хрущев произнес эти слова с грустью. Он просто вспомнил своего погибшего на

войне сына Леонида, и ничего иного в виду не имел.

И все же совершенно очевидно, что Кеннеди не понравился тогда Хрущеву. В своем кругу Никита Сергеевич даже сказал:

— Да, если сейчас у американцев такой президент, то мне жаль американский народ.

После возвращения из Вены Громыко выступал в министерстве на партактиве. О встрече Хрущева и Кеннеди он сказал:

— Если образно выразиться, то это была встреча гиганта и пигмея.

Встреча не получилась — это было ясно всем. Александр Трифонович Твардовский, прочитав материалы встречи Хрущева с Кеннеди в Вене, записал в дневнике: «Сперва был порядочно смущен заключительной беседой Никиты Сергеевича с Кеннеди. Но взял с собой, почитал, вдумался: нет, это не так. Не может же быть, чтобы мы впрямь напрашивались на войну. Это проба характеров и нервов».

На самом деле Никита Сергеевич и впрямь едва не напросился на войну. Идея отправить ядерные ракеты на Кубу принадлежит самому Хрущеву. В своих воспоминаниях он пишет, что его целью было спасти Кубу от американского нападения. Благородное объяснение. Не о себе, о других думали. Но, по существу, цель была иной: показать американцам, что Советский Союз тоже может доставить им неприятность. СССР вынужден был жить в окружении военных баз США. Пусть теперь американцы лишатся привычного чувства безопасности и осознают, каково находиться под прицелом чужих ракет.

Хрущев был уверен, что ему удастся втайне повернуть эту операцию, а уж потом, когда американцы будут поставлены перед фантомом, они увидят, что деваться им некуда. Он собирался в ноябре сам приехать на Кубу, чтобы подписать с Фиделем Кастро договор о военном сотрудничестве и взаимных обязательствах и оповестить весь мир, что отныне кубинцы могут не бояться американцев. Хрущев не мог представить себе, какой будет реакция американцев. Недооценивал он и президента Кеннеди.

Никто в руководстве не возразил Хрущеву. Промолчал и Громыко, хотя, по должности, обязан был объяснить Никите Сергеевичу, как поведут себя американцы, да не посмел. Хрущев — в отличие от Брежнева — ко всем обращался только на «вы», но Андрей Андреевич перед ним робел.

«Громыко боялся Хрущева до неприличия, — вспоминал один из помощников министра Валентин Михайлович Фалин. — Когда последний повышал тон, у министра пропадал дар речи. В ответ на тирады главы правительства слышалось дробное «да-да-да», «понял», «будет

исполнено». Даже если разговор велся по телефону, лоб министра покрывался испариной, а положив трубку на рычаг, он еще минуту-другую сидел неподвижно. Глаза устремлены в какую-то точку, неизбывная тоска и потерянности во всем облике».

Другие члены президиума ЦК не понимали ни ситуации в мире, ни американцев. К тому же внешняя политика и военные дела — это прерогатива первого секретаря. Думали, что пронесет, что американцы не пойдут на обострение — кишка тонка.

Сообщение о советских ракетах на Кубе оказалось сюрпризом не только для американцев, но и для советских людей. Доставка ракет и ядерных боеголовок была хорошо засекреченной операцией. Тогдашний председатель КГБ Владимир Ефимович Семичастный рассказывал мне, что об отправке ядерных боеголовок на Кубу он узнал от своего начальника разведки Александра Михайловича Сахаровского, и то когда это уже стало известно американцам.

— Разумеется, органы КГБ обеспечивали доставку на Кубу ракет и другого оружия. Но относительно ядерного оружия нас не поставили в известность... Я вызвал начальника контрразведки: «В чем дело?» И военная контрразведка через некоторое время мне доложила: да, действительно, на Кубу отправлено ядерное оружие.

— Значит, Хрущев не поставил в известность даже председателя КГБ?

— Я ведь к тому времени всего год был председателем, — ответил Семичастный, — в состав президиума ЦК не входил. Вообще был всего лишь кандидатом в члены ЦК. Меня еще комсомольцем считали. Да и не все члены президиума ЦК об этом знали.

— Но разве не было принято в таких случаях запросить мнение разведки о возможной реакции Соединенных Штатов, прогноз развития событий?

— Так это Хрущев должен был мне раскрыть свой замысел. А это означало, что и определенная часть моего аппарата все узнает. Я же должен перед разведкой вопрос поставить: как американцы отнесутся? А если мой аппарат знает, в МИД узнают, тут возможна утечка информации. Американцы были бы заранее в курсе дела, а этого он и хотел избежать. К тому же Хрущев такой человек был, что он не только американцев, но и нас хотел удивить: вот он какой выдающийся политик, все может!

Причем подготовка к отправке ядерных ракет проходила на фоне трагедии в Новочеркасске, где в те же июньские дни забастовка рабочих Новочеркасского электровозостроительного завода переросла в настоящий рабочий бунт. Он был спровоцирован постановлением ЦК и Совета

министров о повышении цен на мясо-молочные продукты. Рабочих разогнали войска Северо-Кавказского военного округа под командованием дважды Героя Советского Союза генерала армии Исы Александровича Плиева. Солдаты стреляли в мирных людей. Двадцать три человека были убиты. Четырнадцать судили, половину расстреляли, половину приговорили к длительным срокам заключения. Генералу Плиеву, чьи войска отличились в Новочеркасске, Хрущев поручил командовать советскими войсками на Кубе. Ему нужен был человек, который без колебаний примет решение применить силу.

На дизель-электроходе «Индибирка» из Североморска в кубинский порт Мариель, начиная с сентября 1962 года, доставили тридцать шесть боеголовок к ракетам Р-12 и двадцать четыре к ракетам Р-14. Р-12 и Р-14— это баллистические ракеты средней дальности, разработанные конструктором Михаилом Кузьмичом Янгелем. Первую приняли на вооружение в марте 1959 года, вторую двумя годами позднее. Максимальная дальность полета Р-12 — две с лишним тысячи километров, Р-14 — четыре с половиной тысячи километров. Мощность штатного ядерного боезаряда превышала две мегатонны, но на Кубу отправили уже проверенные боеголовки мощностью в одну мегатонну. Однако сами ракеты Р-14 перебросить на Кубу не успели.

Кроме того, на Кубу доставили ядерные боеголовки для двенадцати тактических ракет «Луна» с дальностью полета около двухсот километров, шесть атомных бомбы несколько ядерных торпед для бомбардировщиков Ил-28.

Таким образом, на Кубе находился обширный арсенал, достаточный для ведения настоящей ядерной войны — в общей сложности 164 ядерных боеприпаса. Группа советских войск на Кубе включала в себя 51-ю (Ромненскую) ракетную дивизию, 11-ю (Днепропетровскую) зенитно-ракетную дивизию и 10-ю (Волгоградскую) зенитную дивизию противовоздушной обороны, четыре мотострелковых полка, авиационную (157 боевых самолетов, 33 вертолета) и морскую (18 ракетных катеров, четыре подводные лодки) группировки, береговой ракетный полк — восемь пусковых установок «Сопка» и части обеспечения.

Для переброски всей группы понадобилось 85 судов, которые выполнили 183 рейса. Личный состав в пути держали в трюме, где температура достигала пятидесяти градусов. Выходить днем на палубу запрещалось, выпускали подышать и размяться по ночам — небольшими группами. На Кубе им пришлось не легче: жара, высокая влажность, служить было очень тяжело.

Приказ генералу Плиеву о запуске ядерных ракет мог отдать только лично Хрущев. А вот тактические ракеты «Луна» Плиев имел право применить в случае высадки американцев на кубинскую территорию.

Еще в августе директор ЦРУ предупредил президента Кеннеди о возможности переброски советских ракет на Кубу. Но достоверной информации не было. Кеннеди до последнего не верил тому, что Советский Союз может так поступить. Тем более, что министр иностранных дел Громыко и посол Добрынин клялись, что ракет на Кубе нет и не будет.

16 октября рано утром президенту Кеннеди представили точную информацию о советских ракетах средней дальности на Кубе — это были данные аэрофотосъемки. Тут же в Белом доме собрался Совет национальной безопасности. Первое предложение — нанести по советским ракетам упреждающий удар. Министр обороны Роберт Макнамара и брат президента Роберт Кеннеди, занимавший пост министра юстиции, призывали к осторожности. Макнамара говорил:

— Бомбардировка пусковых установок советских ракет на Кубе приведет к гибели находящихся там советских специалистов. Это, несомненно, вызовет ответные меры Москвы. Мы потеряем контроль над ситуацией, эскалация конфликта приведет к настоящей войне.

Макнамара объяснил, что бомбардировка с воздуха не гарантирует полного уничтожения всех ракет. Оставшиеся ракеты могут быть запущены, и они взорвутся над американскими городами...

В Москве не подозревали, что Кеннеди уже все известно, и продолжали играть в прежнюю игру, вызывая у американцев возмущение. 18 октября Громыко, находившийся в Вашингтоне, убежденно говорил, что на Кубе размещено только оборонительное оружие, чем подорвал доверие к себе со стороны американцев. Эта ложь исключила возможность договориться втихую, не ставя в известность общественность, решить проблему дипломатическими средствами.

В Москву Громыко, который не понял, что происходит в Белом доме, благодушно сообщил, что напряжение в Вашингтоне спадает и военная акция американцев против Кубы исключена.

Гром грянул, когда 22 октября 1962 года в семь вечера президент Кеннеди, выступая по радио и телевидению, сообщил, что на Кубе обнаружены советские ракеты, и потребовал убрать их. За час до этого в советское посольство в Вашингтоне передали личное послание Кеннеди Хрущеву. Первая реакция Хрущева и президиума ЦК — агрессивно-возмущенная. На Кубу ушло распоряжение ускорить постановку ракет на

боевое дежурство.

23 октября появился ответ Москвы:

«В связи с провокационными действиями правительства США Советское правительство заслушало министра обороны СССР Маршала Советского Союза товарища Малиновского Р. Я. о проведенных мероприятиях по повышению боевой готовности в Вооруженных Силах и дало министру обороны необходимые указания, в том числе до особого распоряжения:

1. Задержать увольнение в запас из Советской Армии военнослужащих старших возрастов в ракетных войсках стратегического назначения, в войсках противовоздушной обороны и на подводном флоте.

2. Прекратить отпуска всему личному составу.

3. Повысить боеготовность и бдительность во всех войсках».

Это был сигнал, который свидетельствовал о том, что советское руководство намерено не договариваться, а конфликтовать. В ответном послании Хрущева президенту Кеннеди все обвинения отвергались с порога.

Однако грозное заявление Кеннеди многих смутило. Первый секретарь ЦК Компартии Украины Петр Ефимович Шелест, человек очень жесткий, консервативный, выходец из военно-промышленного комплекса, записал в дневнике: «Видно, у нас произошла какая-то недоработка, а может быть, просто зарвались. Ведь самоуверенности очень много, нелишне и сбавить».

23 октября Кеннеди установил вокруг Кубы карантинную зону и предупредил, что американский военный флот получил приказ останавливать и досматривать все суда, идущие с грузом на Кубу, дабы не допустить поставку на остров наступательного оружия.

Первый опасный момент возник утром 24 октября, когда советские суда подошли к карантинной зоне. Первоначальный приказ из Москвы советским капитанам гласил: прорываться.

«Я почувствовал, — писал потом Роберт Кеннеди, — что мы стоим на краю пропасти и обратного пути нет... Президент Кеннеди уже утратил контроль над развитием событий».

В самый последний момент Хрущев сообразил, что он делает, и приказал судам развернуться. Если бы суда попытались прорваться к Кубе, американские боевые корабли открыли бы огонь. И как бы тогда повели себя Хрущев и Кеннеди?

В тот же день Кеннеди получил гневное послание от Хрущева:

«Вы, господин президент, бросили нам вызов. По какому праву Вы это

сделали? Вы, господин президент, объявляете не карантин, а выдвигаете ультиматум и угрожаете, что, если мы не будем подчиняться Вашим требованиям, то Вы примените силу. Нет, господин президент, я не могу с этим согласиться!.. Действия США в отношении Кубы — это прямой разбой, это, если хотите, безумие вырождающегося империализма».

25 октября в США провели учебную атомную тревогу. Стратегические дальние бомбардировщики Б-52 с ядерным оружием на борту, сменяясь, постоянно находились в воздухе, готовые через Арктику лететь к советским границам. Ситуация стала очень напряженной. Президент Кеннеди, опасаясь, что у кого-то из военных не выдержат нервы, приказал снять взрыватели с ядерного оружия. Приказ применить ядерное оружие будет исходить только из Белого дома, предупредил своих военных президент.

Постепенно до Хрущева дошло, какую кашу он заварил. И на одном из заседаний он обреченно произнес:

— Все, дело Ленина проиграно.

Никита Сергеевич попал в ловушку, которую сам себе поставил. Что делать, если Соединенные Штаты нанесут удар по Кубе? Ответить ядерным ударом по Америке? То есть начать глобальную ядерную войну? Да страна к ней не готова и может проиграть.

«Создалась такая нервная обстановка, что и президиум ЦК, и Совет министров перешли на круглосуточный режим работы, — рассказывал Семичастный. — И у нас в КГБ три-четыре дня окна по ночам не гасли. Резидентуры по всему миру занимались только этим. В последние дни, когда все на волоске висело, телеграммы отправляли в эфир, не шифруя, потому что шифровать да расшифровывать времени не было. Потеря часов и минут могла закончиться сумасшедшей войной».

Отправив ракеты на Кубу, Хрущев не просчитал возможные варианты развития событий. А теперь получалось, что есть один выход — отступить, вернуть ракеты назад. А чтобы это не выглядело полной капитуляцией, получить у американцев хоть что-нибудь взамен.

Но о терзаниях Хрущева в Вашингтоне ничего не знали. Американские политики призывали Кеннеди к «хирургическому удару» по ракетным позициям на Кубе. Начальник объединенного комитета начальников штабов генерал Максвелл Тэйлор сказал, что надо дать кубинцам сутки на эвакуацию населения, а потом уничтожить ракеты. Генералы были готовы нанести удар и по Советскому Союзу. Братьям Кеннеди приходилось их сдерживать.

Самым большим «голубем» оказался министр обороны Роберт

Макнамара. Он говорил на совещаниях, что русские уже обладают межконтинентальными баллистическими ракетами, которые способны долететь до территории Соединенных Штатов. Поэтому установка советских ракет на Кубе принципиально ничего не меняет, просто Хрущев получает возможность нанести удар на несколько минут быстрее. Макнамара, по существу, советовал президенту вообще ничего не предпринимать.

Но для правительства Кеннеди появление ракет на Кубе было смертельным вызовом. Его политические противники не простили бы ему, если бы он не сумел заставить Хрущева убрать ракеты. Боялись, что ракеты рано или поздно попадут в руки Фиделя Кастро, который не остановится ни перед чем, чтобы запустить их в сторону ненавистной Америки. Да и Хрущев решит, что ему все можно. Ведь первая мысль, которая мелькнула у американцев: Хрущев все это предпринял, чтобы присоединить к ГДР Западный Берлин, оставшийся самостоятельным. Эту версию, не желая того, подкрепили и советские разведчики, действовавшие по указанию председателя КГБ Семичастного.

Разведчики всего лишь должны были продублировать сигналы, которые пытался подать Хрущев: Москва не желает конфликта и ищет удобного способа выйти из этой опасной ситуации. Но они, пожалуй, еще больше усилили подозрения американцев. Резидент советской разведки в Вашингтоне Александр Семенович Феклисов, который работал под псевдонимом Фомин, на встрече с известным американским журналистом Джоном Скали по собственной инициативе сказал, что в случае американского удара по Кубе Советский Союз нанесет ответный удар по «уязвимому району».

Скали тут же уточнил:

— Это будет Западный Берлин?

— Как ответная мера это вполне возможно, — легко ответил Феклисов.

Мысль о том, что это приведет к гибели людей, которые вообще не имеют отношения к кризису, устроенному Хрущевым, сотруднику КГБ и в голову не приходила. Скали сказал, что Соединенные Штаты защитят Берлин. Феклисов не мог скрыть иронии:

— Знаешь, Джон, когда в бой идет тысячная лавина советских танков, а с воздуха на бреющем полете атакуют самолеты-штурмовики, то они все сметут на своем пути.

Феклисов говорил это в расчете, что его слова будут переданы в Белый дом. Кеннеди воспринял эти слова всерьез и передал через Скали

формулу выхода из кризисной ситуации: СССР убирает ракеты, США не нападают на Кубу и снимают блокаду. Добрынин отказался подписать телеграмму с этим сообщением. Феклисов послал шифровку по своей линии. Но это сообщение Хрущева не интересовало. Ему нужно было официальное заверение со стороны Кеннеди, что он отказывается от попыток нанести удар по Кубе. Этого будет достаточно для того, чтобы убрать ядерное оружие.

26 октября Хрущев передал Кеннеди новое послание, свидетельствующее о его готовности найти компромисс. Но американцы даже не успели на него ответить. События следующего дня перечеркнули примирительный тон Хрущева. 27 октября, в субботу, развернутая на Кубе ракетная дивизия уже была готова нанести удар по территории США двадцатью четырьмя ракетами. Вашингтон они точно могли уничтожить. Теперь любой пустяк мог привести к войне.

Тем утром у одного из американских самолетов У-2 вышла из строя навигационная система, и вместо Аляски он сорок минут находился над Чукоткой, не подозревая об этом. Ему на выручку отправили истребитель F-102, чтобы он увел за собой потерявшего ориентацию пилота. Таким образом, над советской территорией оказались уже два нарушителя. Им наперехват вылетели советские истребители. Когда об этом узнал министр обороны Макнамара, у него не выдержали нервы. Он воскликнул:

— Это же война с Советским Союзом!

Более сдержанный президент Кеннеди хмыкнул и произнес свою знаменитую фразу:

— Всегда найдется сукин сын, способный испортить все дело.

Американские самолеты успели исчезнуть раньше, чем подоспели советские перехватчики. Но ситуация уже выходила из-под контроля Хрущева и Кеннеди. Фидель Кастро жаждал решительной схватки. После появления советского ядерного оружия на острове он решил, что должен поставить американцев на место. Он требовал от советских войск решительных действий и приказал сбивать американские самолеты. Кубинские зенитчики стреляли, но не попадали. Зато дивизион зенитно-ракетных комплексов С-75 «Десна» двумя ракетами сбил американский самолет-разведчик. Летчик погиб. Об этом министр обороны Малиновский лично доложил Хрущеву. Тот спросил:

— Кто отдал приказ?

— Сами решили, — ответил Малиновский. — Товарищ Кастро приказал сбивать вражеские самолеты.

Наверное, в этот момент Хрущев понял, что ситуация стала настолько

опасной, что мир семимильными шагами движется к войне. Его генералы на Кубе сами, без приказа из Москвы втянутся в боевые действия.

Довольный Кастро позвонил генералу Плиеву и поблагодарил советских ракетчиков. Обломки самолета собрали и увезли в Гавану, в музей. Мысль о том, что вслед за этим может начаться война, Кастро не пугала. Зато советские офицеры в любую минуту ждали американского удара.

Хрущев распорядился без его личного разрешения по американским самолетам больше не стрелять. Американцы, разумеется, не знали о его приказе. Они исходили из обратного: русские уже пустили в ход оружие. В Вашингтоне этот день запомнился как «черная суббота». Президент Кеннеди отправил своего брата к советскому послу Добрынину сказать, что «если вы не ликвидируете свои базы на Кубе, то мы сделаем это за вас».

Министерство обороны США представило президенту план удара по позициям советских ракет на Кубе. «Мы ожидали, — вспоминал Роберт Кеннеди, — что во вторник начнется война».

Американцы всерьез готовились к удару по Кубе и, вероятно, нанесли бы его, если бы в Москве не пошли на попятную. Никита Сергеевич органически не мог публично признать совершенную ошибку, но понимал, что исправлять ее надо, потому как на волоске висит само существование страны.

Хрущев представлялся человеком неуравновешенным, неспособным справиться с эмоциями, но это поверхностное впечатление. Его бывший помощник по международным делам Олег Трояновский считает, что Хрущев почти всегда держал себя в руках, а если выходил из себя, то это было актерство. Хотя он и тут переигрывал. Понимая, что мир находится на грани войны и надо спешить, Хрущев передал Кеннеди новое послание по открытому радио. Никита Сергеевич обещал вывести ракеты с Кубы, но просил в ответ убрать американские ракеты из Турции. Кеннеди легко согласился.

Американские ракеты были размещены в Турции при Эйзенхауэре. Это были уже устаревшие ракеты на жидком топливе — ненадежные, неточные и очень уязвимые. Они потеряли свое значение после того, как США обзавелись ракетами на твердом топливе.

Когда Кеннеди стал президентом, он сам сказал, что ракеты из Турции надо убрать. Но государственный департамент уговорил его отложить этот вопрос, чтобы не раздражать турок, которые считали американские ракеты гарантией безопасности. В начале 1962 года Кеннеди еще раз сказал

государственному секретарю Дину Раску, чтобы тот начал переговоры с турками о выводе ракет. Раск не спешил выполнить его указание. И тем самым дал Хрущеву прекрасную возможность заключить формально равноценную сделку.

27 октября Кеннеди получил послание от Хрущева, в котором говорилось: «Мы вывезем наши ракеты с Кубы, если вы вывезете свои из Турции... Советский Союз даст торжественное обязательство не вторгаться в Турцию и не вмешиваться в ее внутренние дела; США должны дать такое же обязательство в отношении Кубы».

Кеннеди был в бешенстве из-за того, что госдепартамент поставил его в такое положение: ведь предложение Хрущева было вполне разумным. Он велел ответить Москве, что через какое-то время уберет «Юпитеры» из Турции.

28 октября Хрущев сообщил американцам, что приказал демонтировать ракеты и вернуть их домой. Все кончилось. Кризис миновал. В нашей стране многие вообще даже и не узнали о том, что произошло.

Я спрашивал Семичастного:

— Вы сами думали тогда, что война может начаться?

— Думал. У меня такое положение было, что я видел: все может быть. Имейте в виду — холодная война иногда доходила до такой точки кипения, что страшно становилось.

Американские военные были недовольны скорой развязкой. «В то воскресное утро, когда русские ответили, что вывозят свои ракеты, — вспоминал Роберт Кеннеди, — один высокопоставленный военный сказал, что в понедельник в любом случае следует нанести удар...»

Фидель Кастро был чудовищно разочарован, когда узнал, что ракеты с острова уберут. По существу, на этом его дружба с Советским Союзом закончилась. Впоследствии он рассматривал Москву как дойную корову, которую надо использовать во имя продолжения кубинской революции...

На следующий год, в сентябре 1963-го, начались трудности с хлебом. В Николаеве, на Украине, хлеб вовсе исчез из магазинов. А в николаевском порту в этот момент отгружали хлеб для Кубы. В городе началось недовольство. Портовые грузчики вовсе отказались работать. И что же? На погрузку поставили воинские подразделения. Суда на Кубу ушли вовремя — не хотели Кастро обижать.

Ретирада с Кубы была неизбежной. Вся эта история имела неприятные последствия для главного действующего лица — Хрущева. Карибский кризис подточил единоличную власть Никиты Сергеевича. Товарищи по

партийному руководству увидели его растерянным, увидели, как он признал свою ошибку и отступил.

Николай Григорьевич Егорычев, который был тогда первым секретарем Московского горкома, рассказывал мне, что в один из тех октябрьских дней сидел в кабинете Фрола Романовича Козлова, тогда уже второго человека в партии. Козлову позвонил кто-то из военных с вопросом:

— Американцы подошли к нашему судну, хотят досмотреть. Как быть?

— Разрешить! А что еще? Мы же дали согласие.

— Но там же наше оружие! Оно секретное.

— Ну и что! Пусть смотрят. Мы же действительно уходим.

Козлов повесил трубку и доверительно сказал Егорычеву:

— Ну, наш дед-то совсем расквасился. Очень он перепугался!

Если бы позиции Хрущева не ослабли, осторожный Козлов ни за что не позволил бы себе выразиться о первом секретаре столь пренебрежительно. Правда, сам Никита Сергеевич пытался делать вид, что ничего особенного не случилось. Членам президиума ЦК он небрежно бросил:

— А вы что хотите, чтобы я, как молоденький офицер, пукнув на балу, застрелился?

Через два года, в октябре 1964-го, ему припомнили и Карибский кризис.

Хрущев причинил Западу массу неудобств, но не добился никаких выгод для собственной страны. Он умел начинать кризисы, но не знал, как их разрешить. Результатом его политики явилась огромная растрата ресурсов без всякой стратегической компенсации.

«Что же Хрущев? — писал знаменитый режиссер Михаил Ильич Ромм. — Что-то было в нем очень человеческое и даже приятное. Но вот в качестве хозяина страны он был, пожалуй, чересчур широк. Эдак, пожалуй, ведь и разорить целую Россию можно. В какой-то момент отказали у него все тормоза, все решительно. Такая у него свобода наступила, такое отсутствие каких бы то ни было стеснений, что, очевидно, это состояние стало опасным — опасным для всего человечества...»

Кремлевское трио и министр

После Карибского кризиса сменили представителя в ООН Валериана Александровича Зорина, который по приказу Москвы вынужден был долгое время опровергать неопровержимое — наличие ракет на Кубе. Ему на смену приехал востоковед Николай Трофимович Федоренко. Многие дипломаты полагали, что и Андрей Андреевич Громыко лишится своего поста. Тем более, что Хрущев не слишком ценил своего министра, пренебрежительно говорил о нем:

— Можно не сомневаться, что Громыко в точности выполнит данные ему инструкции, выжмет из собеседника максимум. Но не ждите от Громыко инициативы и способности принимать решения под собственную ответственность. Типичный чиновник.

Хрущев поддразнивал Громыко, посмеивался над ним, считал его трусом. Утверждают, что в своем кругу Никита Сергеевич будто бы говорил:

— Прикажи Громыке сесть голой задницей на лед, он с перепугу и сядет.

Ходили слухи, что зять Хрущева, главный редактор газеты «Известия» Алексей Аджубей, метил на место министра иностранных дел. Хрущеву нравилось назначать на высокие посты молодых людей. Известный журналист-известинец Мэлор Георгиевич Стуруа рассказывал, как однажды позвонил Громыко по редакционной «вертушке» — аппарату правительственной связи — посоветоваться.

— Зачем вы мне звоните? Ведь у вас есть Аджубей! — буркнул Громыко и повесил трубку.

«А в МИДе странно, — записал в дневнике один из заместителей министра. — В предчувствии перемен идет глухая и мелкая борьба страстей вокруг весьма личных аспираций. Глупо и противно, когда в этом участвуют достойные люди, цепляющиеся за пуговицы на мундирах».

Может быть, Алексей Аджубей, очень одаренный человек, и стал бы министром, но Хрущева раньше отправили на пенсию.

В дальнейшем Громыко не пришлось бояться, что кто-то покусится на его кресло. Впрочем, злые языки утверждали, что Анатолий Федорович Добрынин именно по этой причине так долго пробыл послом в Вашингтоне. Если бы он вовремя вернулся в Москву, то имел бы шанс сменить Андрея Андреевича в главном кабинете на седьмом этаже

высотного здания на Смоленской площади.

Когда сняли Хрущева, Громыко внутренне перекрестился: Никита Сергеевич если даже и не собирался его снимать, то, во всяком случае, изрядно гонял и принижал. До конца своих дней о Хрущеве он говорил неодобрительно: не знаешь, что он выкинет. Зато о Сталине был высокого мнения. Громыко любил вспоминать, как во время встречи большой тройки зашла речь о будущих границах Европы. Черчилль, обращаясь к Сталину, иронически сказал:

— Господин премьер-министр, но ведь Львов никогда не входил в состав России!

Сталин, подумав, ответил:

— Вы правы, Львов никогда не входил в состав России. Но Варшава-то входила!

Еще Громыко нравилось то, что Сталин был в состоянии сам продиктовать любой документ. Если Сталину в документе что-то не нравилось, он велел кому-нибудь взять карандаш и, покуривая трубку, диктовал новый текст.

Теперь Громыко предстояло налаживать отношения с новым руководством страны, во главе которого стояли трое — Леонид Ильич Брежнев, избранный первым секретарем ЦК, Алексей Николаевич Косыгин, возглавивший правительство, и Николай Викторович Подгорный, который сначала занимал ключевой пост второго секретаря ЦК, а через год стал председателем Президиума Верховного Совета СССР. Расстановка сил в президиуме ЦК была неясна. Помимо официальных трех руководителей очень сильные позиции занимал секретарь ЦК Александр Николаевич Шелепин, которого многие прочили в руководители партии.

Громыко, не раздумывая, сделал ставку на Брежнева и не прогадал. Но правильно поставить себя в новом руководстве было непросто. Когда Андрей Андреевич готовился к выступлению на первом при Брежневе XXIII съезде партии, то его помощникам пришлось написать семнадцать вариантов речи. Он никак не мог сообразить, о чем правильнее и выгоднее всего говорить. Громыко всегда был душой и телом предан тому, кто в данный момент стоял у власти. Министр внешней торговли Николай Патоличев, сидевший в том же высотном здании на Смоленской площади, однажды заметил известному советскому дипломату Фалину:

— Знай, Валентин, в правительстве не любят и не уважают твоего Громыко... Салтыкова бы Щедрина на него...

Зато Брежнев оценил преданность Громыко. Они быстро перешли на «ты», и Леонид Ильич к министру иностранных дел очень прислушивался.

У Брежнева были свои проблемы. Он первое время несколько опасался международных дел, чувствовал себя не слишком уверенно. Брежнев в качестве генерального секретаря ЦК вел переговоры с коммунистами всего мира. Но с главами западных государств, президентами или премьерами, по протоколу встречались либо глава правительства Косыгин, либо председатель Президиума Верховного Совета Подгорный.

Подгорный был совсем уж темный человек. Однажды он вместе с первым секретарем ЦК Компартии Белоруссии Кириллом Трофимовичем Мазуровым побывал на сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Во время обеда, устроенного в советском представительстве в Нью-Йорке, Подгорный, вспоминая бывший первый заместитель министра иностранных дел Георгий Маркович Корниенко, сочувственно произнес:

— Трудная у вас, дипломатов, работа. Я бы сроду не смог стать дипломатом.

Мазуров сказал:

— Смог бы, если бы партия приказала.

Подгорный отмахнулся:

— Нет, не смог бы, у меня нет данных для такой работы.

Мазуров не отступал:

— А вот Епишев был у тебя секретарем обкома, а поехал послом в Югославию.

Подгорный искренне удивился:

— Э, скажешь тоже, Епишев — так то ж культурный человек.

Подгорный был очень напористым, самоуверенным и недалеким. К Брежневу относился покровительственно, держался с ним на равных, возможно, видел себя на первых ролях. Николаю Викторовичу нравилось, когда его именовали президентом, и на переговорах с иностранцами он выступал в роли главы советской делегации. На официальных приемах он оказывался хозяином, к нему обращались с тостами и приветствиями иностранные президенты.

Брежнева это злило. Должность Подгорного была декоративной, но он опирался на Украину, где еще недавно работал первым секретарем, на влиятельное украинское руководство и на выходцев с Украины, которых было немало в Москве на ключевых постах. Избавиться от Подгорного Брежневу долго не удавалось. Сначала Леонид Ильич сменил руководство на Украине, поставив в Киеве своих людей, а потом их руками снял Подгорного, которого вывели из Политбюро прямо на пленуме ЦК. Для Николая Викторовича это было как гром среди ясного неба.

Председатель Совета министров Косыгин поначалу всерьез

претендовал на ведущую роль во внешней политике. Он охотно ездил за границу и принимал иностранных гостей. В политических вопросах был крайне консервативен, если не сказать реакционен. В феврале 1965 года Косыгин поехал в Северный Вьетнам, чтобы сообщить вьетнамцам, что они получают массированную военную помощь. На обратном пути из Ханоя он встретился с Мао Цзэдуном, безуспешно пытался уговорить его снизить накал полемики между двумя странами и даже пригласил его в Москву. На что Мао ответил:

— Я устал, не всегда принимаю участие в заседаниях политбюро и, видимо, скоро умру...

В январе 1966 года в Ташкенте Косыгин почти две недели пытался сблизить позиции президента Пакистана Айюб Хана и премьер-министра Индии Лал Бахадур Шастри. И ему удалось добиться успеха — была подписана Ташкентская декларация. Но, к несчастью, в эту же ночь индийский премьер-министр умер.

Косыгину в июне 1967 года поручили встретиться с американским президентом Линдоном Джонсоном — после шестидневной войны на Ближнем Востоке, когда Израиль разгромил арабские армии. Ему же досталась почти невыполнимая миссия — договариваться в 1969 году с китайцами после боев на острове Даманском. В конце марта в советское посольство в Пекине позвонил Косыгин. Трубку снял дипломат Алексей Иванович Елизаветин. Несколько расстроенный Косыгин сказал:

— Я имею поручение Политбюро переговорить лично с товарищами Мао Цзэдуном или Чжоу Эньлаем. Мы пытались связаться с ними по аппарату ВЧ-связи, но на телефонной станции в Пекине сидит какой-то хам, отвечает грубо и отказывается соединить меня с ними. Чем может помочь посольство?

Елизаветин объяснил, что теперь связаться с китайскими руководителями без предварительной договоренности с МИД едва ли возможно. Посольство попросило устроить разговор. Китайский чиновник высокомерно ответил:

— Никакого разговора по телефону быть не может. Если у советской стороны есть что сказать китайскому руководству, то это следует сделать по дипломатическим каналам.

Это был невежливый отказ, о чем Елизаветин доложил Косыгину по телефону в сдержанных выражениях, исходя из того, что переговоры по ВЧ-связи китайцы, естественно, прослушивают.

Первая удобная возможность поговорить с китайцами возникла во время похорон вьетнамского лидера Хо Ши Мина. В Ханой прилетели и

Косыгин, и Чжоу Эньлай. Советские дипломаты предложили китайцам организовать встречу, вспоминал посол Валерий Васильевич Цыбуков, сотрудник секретариата Громыко.

Китайцы долго не отвечали. Косыгин полетел домой. Когда он уже сделал промежуточную посадку в Ташкенте, Пекин сообщил, что Чжоу готов встретиться. В политбюро считали, что Косыгину не к лицу поворачивать назад. Но хитроумный Громыко предложил выход. Косыгин из Ташкента все-таки полетел в Пекин, но в официальном сообщении было сказано, что он сделал остановку в китайской столице по пути домой. Беседа в пекинском аэропорту позволила понизить уровень напряженности между двумя странами.

В мире решили, что надо иметь дело именно с Косыгиным — он в Москве старший. К нему на прием просились послы, ему адресовали свои послания руководители других государств, его воспринимали как наследника Хрущева на посту главы правительства.

Отношения между Громыко и Косыгиным не сложились. Когда Косыгин в Ташкенте мирил лидеров Индии и Пакистана, там был, разумеется, и Громыко, рассказывает Виктор Суходрев. Надо было ехать на переговоры, вдруг Громыко вспомнил, что оставил в комнате папку — наверное, в первый и последний раз в жизни. Министр просил Косыгина минуту подождать и побежал за папкой. Но Косыгин преспокойно сел в машину и уехал. Появляется Громыко, а его никто не ждет, и он не знает, что делать... В результате ему пришлось ехать на «Волге» вместе с переводчиками. Косыгин посмотрел на Громыко с нескрываемым ехидством и сказал:

— Ну что? Папку забыл? Все секреты небось разгласил...

Громыко не смел отвечать тем же, пока не стал членом политбюро, но сделал все, чтобы отодвинуть главу правительства от внешней политики. Косыгин отдавать иностранные дела не хотел, возмущался, если внешнеполитические вопросы обсуждали без него.

Громыко твердо встал на сторону Брежнева, вовлекая его в международные дела и отталкивая других. Министр доказывал, что все важные переговоры должен вести не глава правительства, а генеральный секретарь ЦК КПСС. Что касается протокола, то об этом можно договориться. После XXIV съезда партии в 1971 году советские послы стали объяснять в странах пребывания, что все послания в Москву надо адресовать не Косыгину, а Брежневу. Анатолий Сергеевич Черняев, который в те годы работал в международном отделе ЦК, оказавшись в кабинете Брежнева, услышал телефонный разговор генсека с Косыгиным.

Леонид Ильич разговаривал, не снимая трубку, используя систему громкой связи, поэтому присутствовавшие слышали весь разговор.

Косыгин заговорил о предстоящем визите американского президента Никсона в Москву:

— Посмотри, как Никсон обнаглел. Бомбит и бомбит Вьетнам. Сволочь. Слушай, Леня, а может быть, нам его визит отложить?

— Ну что ты!

— А что! Бомба будет что надо!

— Бомба-то бомба, да кого она больше заденет.

— Да, пожалуй. Но надо ему написать, что ли.

— Да, кажется, у меня лежит какое-то письмо от Никсона. Я еще на него не ответил. Вот и воспользуюсь.

Брежнев тут же связался с Громыко:

— Ты знаешь, Косыгин предложил Никсона отложить. Бомба, говорит, будет.

— Да он что? — Громыко остолбенел, даже не сразу нашелся что ответить.

А потом произнес целый монолог по поводу того, что «у этого Косыгина двадцать мнений на каждый день».

— Ну ладно, ладно, — сказал Брежнев. — Обговорим все на политбюро.

Позиция Громыко по внешнеполитическим вопросам была для Брежнева важнее мнения главы правительства. Впрочем, пока Леонид Ильич был здоров, он действовал вполне самостоятельно, иногда обходился без своего министра. Эгон Бар, один из ближайших сотрудников канцлера ФРГ Вилли Брандта, пишет, что, когда в 1971 году Брежнев пригласил Брандта в Крым, «это было сделано сравнительно элегантно, чтобы исключить участие Громыко в переговорах... Министру это не могло быть приятно. Впрочем, ему наверняка приходилось переносить удары и посильнее».

Пистолет у виска

Одна из главных трудностей Громыко состояла в том, что члены политбюро либо совсем ничего не понимали в мировых делах, либо находились в плену каких-то фантастических мифов. Сложные чувства испытывали советские лидеры в отношении американцев: уважение и презрение, зависть и пренебрежение. В Москве всегда тяжело переживали президентские выборы в США, не зная, как наладятся отношения с новым человеком.

В мае 1972 года Ричард Никсон впервые прилетел в Москву в роли президента Соединенных Штатов, и это стало огромным событием для Брежнева. Впрочем, для американцев тоже. Отношения двух стран шли от кризиса к кризису.

В 1970 году руководитель аппарата Белого дома и будущий государственный секретарь Александр Хейг приехал к Добрынину в здание советского посольства на Шестнадцатой улице в Вашингтоне. Они уединились в кабинете посла, окна которого из соображений безопасности всегда были наглухо закрыты ставнями. Хейг угрожающим тоном изложил суть президентского поручения.

Американская разведка обнаружила, что Советский Союз строит в Сьенфуэгосе, на южном побережье Кубы, базу для атомных подводных лодок. Появление на острове советских подлодок с ядерным оружием было бы нарушением договоренностей, достигнутых Кеннеди и Хрущевым. Хейг от имени президента Никсона предъявил ультиматум: строительство должно быть прекращено. Хейг, повысив голос, сказал:

— Либо вы сами ликвидируете базу в Сьенфуэгосе, либо мы это сделаем за вас.

Лицо Добрынина, обычно крайне любезное, потемнело от гнева. Ледяным тоном посол произнес, что считает этот демарш неприемлемым. Но в Москве не хотели устраивать новый ракетный кризис, поэтому все уладилось. Через некоторое время Добрынин сказал Хейгу, что Громыко поручил ему сообщить следующее:

— У нас нет базы подводных лодок на Кубе, и мы не создаем там военно-морских сооружений. Мы будем строго придерживаться договоренности 1962 года.

Советские подводные лодки продолжали время от времени заходить на Кубу, но база, как таковая, не создавалась...

Визиту Никсона в Москву придавалось большое значение. Протокольные вопросы обсуждали на заседании политбюро, вспоминал Черняев. Брежнев озабоченно говорил:

— Никсон в Китае ходил по Великой китайской стене с мадам. А у нас всюду мадам будет ходить одна. А вместе — только на «Лебединое озеро». Удобно ли? Не надо селить сопровождающих Никсона в гостинице. Там за ними Андропову не уследить. Надо их всех — в особняки на Ленинские горы. Заодно и контактов будет меньше. Встреча на аэродроме. Обычно у нас машут флажками и кричат: «Дружба!» Сейчас это не пойдет. Но надо, чтобы не молчали совсем. Надо пятерых-шестерых ребят подготовить, чтобы что-нибудь по-английски сказали президенту, пожелали, скажем, успеха в переговорах...

Подгорный предложил показать Никсону оркестр народных инструментов имени Николая Петровича Осипова и ансамбль песни и пляски имени Александра Васильевича Александрова.

Брежнев отмахнулся:

— Это не то, чем мы можем блеснуть.

Секретарь ЦК Михаил Андреевич Суслов посоветовал сводить в Алмазный фонд.

— Не то! Мы с Николаем (Подгорным) видели в Иране такой фонд, что наш на его фоне просто жалкий.

Подгорный предложил представить Никсону дипломатический корпус не в аэропорту, а позже в Кремле. И эта идея не понравилась Брежневу.

— Голо будет на аэродроме. И вообще, не надо походить на китайцев. Вон Чжоу Эньлай: пришел в своих широких штанах, угрюмый и повел Никсона внутрь аэровокзала. Это не годится. Мы — культурные люди...

Переговоры с Никсоном шли непросто. Советские руководители затеяли разговор о войне во Вьетнаме — им нужно было произвести впечатление на своих, оправдаться перед ЦК, показать, что они заняли принципиальную позицию. Причем разговор шел на повышенных тонах. Подгорный говорил:

— Вы же убийцы, на ваших руках кровь стариков, женщин и детей. Когда вы, наконец, прекратите эту бессмысленную войну?

Но, закончив эту тему, тут же сменили тон и, как ни в чем не бывало, вместе с делегацией отправились ужинать, где все крепко выпили. Американский президент с трудом встал из-за стола.

В разговоре с глазу на глаз Леонид Ильич сказал Никсону, что хотел бы установить с ним личные, доверительные отношения, рассказывал Виктор Суходрев. Этому, сказал Брежнев, его учил один из представителей

старой гвардии большевиков. Никсону Брежнев не пояснил, кого он имел в виду, а Суходреву сказал: это был Молотов... Переговоры Брежнев вел без Громько, сам был еще в хорошей физической форме. Никсон пригласил Брежнева совершить ответный визит.

Брежнева накануне поездки в Соединенные Штаты терзали те же волнения, что и Хрущева. Брежнев тоже больше всего беспокоился, отнесутся ли к нему как к равному в этой цитадели капитализма?

Бывший член политбюро Виталий Иванович Воротников вспоминал, как на пленуме ЦК Брежнев выступил с докладом «О международном положении и внешней политике КПСС». Это было перед поездкой на переговоры с Никсоном. Брежневу нужна была поддержка, и он ее получил. Министр обороны маршал Андрей Антонович Гречко произнес весомую фразу:

— Леонид Ильич, в своей трудной и ответственной работе помни, что мы с тобой, что ты опираешься на плечи народа, нашей партии и Советской Армии!

Как и Хрущев, Брежнев, побывав в Америке, весьма впечатлился. Брежнев хотел создать условия, которые сделали бы немислимой войну между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Тем более, что встречали его доброжелательно, подарили «линкольн». Правительство США не располагало средствами для покупки такой дорогой машины, попросили нескольких бизнесменов скинуться, чтобы укрепить отношения с Россией.

Брежнев в Америке вел себя уверенно и свободно. Поскольку жену он с собой не брал, то два дня с ним провела стюардесса его личного самолета. Брежнев даже представил ее президенту Никсону, тот и бровью не повел, только вежливо улыбнулся.

Во время ужина с Никсоном, на котором больше никого не было и во время которого была выпита заботливо припасенная американским президентом бутылка «Столичной», Брежнев жаловался на то, как трудно ему в вопросах разоружения и установления хороших отношений с Соединенными Штатами убеждать коллег по руководству — особенно Подгорного и Косыгина. Это могло рассматриваться не только как проявление искренности, желание объяснить ситуацию в Кремле, но и как своего рода игра: я-то обеими руками «за», но не я один решаю...

После визита Никсона и ответной поездки в США Брежнев стал считать себя человеком, который сделал разрядку реальностью. Ему нравилось, когда в западной печати писали о нем как о миротворце, о крупном политическом деятеле. И он действительно кое-что поменял в

политике, например, сократил военную помощь Вьетнаму и Египту.

Члены политбюро воспринимали разрядку просто как хитрый шаг в борьбе с империализмом, а Брежнев впечатлялся после поездок за границу и встреч с крупными мировыми политиками. Благотворное влияние оказывало внешнеполитическое окружение — советники и помощники. Его первая настоящая поездка на Запад состоялась во Францию в 1971 году. Он серьезно готовился, отверг подготовленные в МИД тексты речей, требовал найти человеческие слова, говорил:

— Вот мы на фронте мечтали о том дне, когда смолкнет канонада, можно будет поехать в Париж, подняться на Эйфелеву башню, возвестить оттуда так, чтобы было слышно везде и повсюду, — все это кончилось, кончилось навсегда!.. Надо вот как-то ярко написать про это. И не просто написать и сказать, а сделать...

Брежнев все-таки заставлял военных соглашаться на ограничение ядерных вооружений. Помощник генерального секретаря по международным делам Александр Михайлович Александров-Агентов описывал, как Брежнев собрал у себя в ЦК на Старой площади руководителей вооруженных сил и оборонной промышленности. Обсуждался проект договора с американцами. Военные наотрез отказывались идти на уступки американцам, хотя те тоже делали какие-то шаги навстречу. Дискуссия шла пять часов. Наконец Брежнев не выдержал:

— Ну, хорошо, мы не пойдем ни на какие уступки, и соглашения не будет. Гонка ядерных вооружений продолжится. Вы можете мне, как главнокомандующему вооруженными силами страны, дать здесь твердую гарантию, что мы непременно обгоним Соединенные Штаты и соотношение сил между нами станет более выгодным для нас, чем оно есть сейчас?

Такой гарантии никто из присутствовавших дать не решился.

— Так в чем тогда дело? — с напором сказал Брежнев. — Почему мы должны продолжать истощать нашу экономику, непрерывно наращивая военные расходы?

Брежнев был главным мотором Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, которое прошло в Хельсинки в 1975 году. Подготовка продолжалась несколько лет. Для Советского Союза главное заключалось в признании послевоенных границ. Для остального мира — в защите прав и свобод человека. Переговоры по гуманитарным вопросам шли два года. Прочитав проект Заключительного акта, члены политбюро заявляли, что подписывать такое нельзя — Запад начнет нам указывать, что и как делать.

Но Громыко знал, что Брежнев мечтает поехать на эту конференцию, и покривил душой. Он сказал, что на эту часть договоренностей можно не обращать внимания.

— Мы в своем доме хозяева. Будем делать только то, что сочтем нужным.

Брежнев получил возможность поехать в Хельсинки и подписать исторический документ. Громыко старался делать и говорить только то, что было приятно Брежневу.

Во время поездки в ФРГ Брежневу предстояло посетить Гамбург. У него на груди висело огромное количество Золотых Звезд, вызывавших изумление у западных немцев. Посол Фалин попытался убедить его хотя бы на время расстаться с наградами:

— Леонид Ильич, гамбургцы народ своеобразный. Они орденов не жалуют. Не сочтете ли вы целесообразным принять во внимание эту традицию?

Брежнев спросил мнение Андрея Андреевича. Министр буркнул:

— У них свои традиции, у нас свои. Чего тебе, Леонид, стесняться показывать свои честно заслуженные награды?

Леонид Ильич не забывал верного соратника. Громыко получил семь орденов Ленина, на один больше, чем было у Вышинского. В 1969 году, к шестидесятилетию, Брежнев дал ему Золотую звезду Героя Социалистического Труда. К семидесятилетию Громыко получил вторую звезду.

Но позитивный импульс зарубежных визитов генерального секретаря быстро затухал. Другие члены политбюро, менее открытые, чем Хрущев, или менее сентиментальные, чем Брежнев, да и вся критическая масса партийного аппарата все равно воспринимали Соединенные Штаты как врага. Перед XXV съездом в Завидове, где Брежневу готовили отчетный доклад, Леонид Ильич вдруг вспомнил Карибский кризис:

— Никита хотел надуть американцев. Кричал на президиуме ЦК: «Мы попадем ракетой в муху в Вашингтоне!» И этот дурак Фрол Козлов ему вторил: «Мы держим пистолет у виска американцев!» А что получилось? Позор! И чуть в ядерной войне не оказались. Сколько пришлось потом трудов положить, чтобы поверили, что мы действительно хотим мира. Я искренне хочу мира и ни за что не отступлюсь. Однако не всем эта линия нравится. Не все согласны.

Помощник генерального секретаря Александров-Агентов возразил:

— Ну что вы, Леонид Ильич. Население страны двести пятьдесят миллионов, среди них могут быть и несогласные. Стоит ли волноваться по

этому поводу?

Брежнев отмахнулся:

— Ты не крути, Андрюша. Ты ведь знаешь, о чем я говорю. Несогласные не там где-то среди двухсот пятидесяти миллионов, а в Кремле. Они не какие-нибудь пропагандисты из обкома, а такие же, как я. Только думают иначе!

Вместе с тем не следует переоценивать способность Брежнева здраво оценивать то, что происходило за границами Советского Союза. Анатолий Добрынин вспоминает беседу с ним один на один осенью 1976 года, когда в США в разгаре была предвыборная кампания. Брежнев искренне удивлялся, почему Джеральд Форд не сделал знаменем своей кампании «борьбу за мир», что повело бы за ним «всех честных американцев».

Добрынин пытался объяснить ему настроения американцев, но успеха не имел. Брежнев оставался в плену идеологических догм. Он хотел улучшения отношений с Америкой, завидовал ее успехам, но верил, что рано или поздно социализм победит в соревновании с капитализмом.

Шпионы или дипломаты?

В 1970 году в Федеративной Республике Германии к власти пришло правительство, сформированное социал-демократами и свободными демократами. Правые, христианские демократы, потеряли власть впервые за все послевоенное время.

Новое правительство возглавил социал-демократ Вилли Брандт. В отличие от своих предшественников на посту канцлера Брандт был известным антифашистом. Он бежал из нацистской Германии и провел войну в эмиграции, в Норвегии. У Вилли Брандта была чудесная, обаятельная улыбка. Говорят, что глаза — зеркало души. Это в полной мере относилось к Вилли Брандту. Он всю жизнь провел в политике и тем не менее остался порядочным, открытым человеком, которому был чужд цинизм. Он даже сохранил в себе некий идеализм.

В тридцатые годы юного социал-демократа Брандта искало гестапо, чтобы отправить в концлагерь. После войны немецкие неонацисты требовали поставить его к стенке. Германские националисты называли канцлера предателем национальных интересов. И советские газеты поначалу именовали Брандта социал-предателем.

Брандт сделал то, чего не хотели делать его предшественники. Он поехал в Польшу, чтобы подвести черту под Второй мировой войной. Брандт признал новые границы Польши и отказался от претензий Германии на территории восточнее линии Одер-Нейссе. Брандт признал существование второго немецкого государства — Германской Демократической Республики. Это привело к разрядке напряженности на Европейском континенте. Вот поэтому в 1971 году он был удостоен Нобелевской премии мира.

Люди в разных странах были потрясены, когда во время визита в Варшаву Вилли Брандт вдруг опустился на колени перед памятником варшавскому гетто. Это не был запланированный жест. Это было движение души. «Перед пропастью немецкой истории и под тяжестью памяти о миллионах убитых я сделал то, что делают люди, когда им не хватает слов», — напишет он потом. Ему лично незачем было извиняться. Брандт сделал это за тех, кто должен был извиниться, но не захотел.

И такие же люди окружали его. В первом правительстве, которое Брандт сформировал, министром иностранных дел и вице-канцлером стал Вальтер Шеель. Позднее его выберут президентом Западной Германии.

Шеель с женой взяли на воспитание нескольких детей с темным цветом кожи из разных стран. Он хотел доказать, что для человека с нормальной психикой и нормальным взглядом на мир люди не делятся по этническому или расовому принципу.

По некоторым признакам можно было понять, что Брандт намерен улучшить отношения с Советским Союзом. Он написал письмо своему формальному партнеру — главе Советского правительства Косыгину. Брандт в дипломатичной форме намекнул, что хотел бы установить контакты с Москвой. А дальше начинается самое интересное. После перестройки бывшие офицеры советской внешней разведки раскрыли тайную сторону восточной политики. Главный рассказчик — бывший генерал-майор КГБ Вячеслав Ервандович Кеворков, написавший книгу под названием «Тайный канал. Москва, КГБ и восточная политика Бонна».

Генерал Кеворков — человек известный в журналистской Москве. Он долгие годы работал во втором главном управлении КГБ (контрразведка), руководил отделом, который следил за работой иностранных корреспондентов в Советском Союзе. Человек живой, контактный, он находился в добрых отношениях со многими пишущими людьми. Например, дружил с писателем Юлианом Семеновичем Семеновым. Семенов даже вывел его в романе «ТАСС уполномочен заявить» в качестве одного из героев. Генерал Славин — и в книге, и в фильме, поставленном по роману, — это и есть Слава, Вячеслав Кеворков. Супермужественный и мудрый человек.

Кеворков жил в писательском поселке в подмосковном Переделкине, где купил половину дачи. Вторая половина дачи принадлежала фотокорреспонденту Юрию Дмитриевичу Королеву, который в Великую Отечественную добровольцем ушел на фронт, а в 1994 году был ограблен и убит как раз на пути в Переделкино. Неподалеку от дачи Кеворкова жил еще один его друг — сотрудник разведки Валерий Вадимович Леднев со своей женой, которая играла в Театре сатиры и в знаменитом телевизионном «Кабачке 13 стульев».

Леднев работал под журналистским прикрытием. Он был редактором международного отдела газеты «Советская культура». Газета не принадлежала к числу ведущих, международный отдел не был в газете главным, и его несведущие коллеги удивлялись, как Ледневу удается постоянно ездить в Западную Германию, что было по тем временам большой редкостью. Леднев и Кеворков ездили в ФРГ по делам разведки.

По словам генерала Кеворкова, председатель КГБ Юрий Андропов сразу же после прихода Вилли Брандта к власти приказал своим чекистам

установить с Бонном тайный канал связи. С немецкой стороны партнером стал ближайший сотрудник Вилли Брандта, статс-секретарь в ведомстве федерального канцлера Эгон Бар.

Еще до прихода социал-демократов к власти, летом 1963 года, Эгон Бар выступал в Евангелической академии в Тутцинге. Он говорил об «изменении посредством сближения», эта идея — Wandel durch Annäherung (перемены через контакты) ляжет в основу восточной политики правительства ФРГ. Там же Вилли Брандт сказал: «Решение германского вопроса возможно только вместе с Советским Союзом, а не в конфронтации с ним».

С московской стороны связными были Вячеслав Кеворков и Валерий Леднев. В принципе ничего особенного в этом нет. Иногда политикам не нравится протокольное общение через чопорных и медлительных дипломатов, они хотят ускорить дело, напрямую связаться друг с другом, и тогда они обращаются за помощью к разведчикам. По словам Кеворкова, всю работу по сближению Советского Союза и Западной Германии выполнил КГБ. Министерство иностранных дел и главный советский дипломат Громыко только мешали разведчикам.

Но советские дипломаты, которые ведали отношениями с Западной Германией, иронически воспринимают сенсационные признания бывших разведчиков. Дипломаты говорят, что вся работа по установлению отношений с Вилли Брандтом, по подготовке договора с ФРГ была проделана все-таки не разведчиками, а сотрудниками Министерства иностранных дел. Громыко сам пятнадцать раз встречался с внешнеполитическим советником Брандта Эгоном Баром и столько же раз с министром иностранных дел Вальтером Шеелем.

Эгон Бар позднее рассказывал, как Громыко знакомился с Вилли Брандтом — тот служил еще министром иностранных дел, но уже было ясно, что он может возглавить правительство. Встреча произошла в Нью-Йорке во время сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Корреспондент немецкого информационного агентства передал Бару записку следующего содержания: «Советский пресс-атташе сообщил мне, что, если господин Брандт пожелает побеседовать с господином Громыко, ответ будет положительным».

Это был характерный ход. Пожелание более значимого лица встретиться и «прощупать» нового заметного политика надлежало трансформировать в просьбу лица менее значимого принять его. «Я проникся симпатией к человеку, который, казалось, всегда находился на службе, — писал Эгон Бар о Громыко. — Работа загораживала человека.

Будучи мастером своего дела, он, конечно, мог позволить себе — пусть и сухо, но поболтать, однако не любил этих «мелких разговоров».

Сам канцлер говорил, что «нашел Громько более приятным собеседником, чем представлял его себе по рассказам об этом язвительном «Господине «Нет». Он производил впечатление корректного и невозмутимого человека, сдержанного на приятный англосаксонский манер».

Вилли Брандт поставил на карту свою политическую карьеру ради того, чтобы установить новые отношения между немцами и русскими, между немцами и славянами, между немцами и Восточной Европой. Несмотря на проклятия многих своих соотечественников, он приехал в Москву, чтобы в письменной форме подтвердить: итоги войны неизменны, и немцы не будут претендовать на территории, которых они лишились в 1945 году. 12 августа 1970 года Вилли Брандт подписал с Косыгиным Московский договор. ФРГ и Советский Союз признали нерушимость послевоенных границ и договорились решать спорные вопросы только мирным путем. Послевоенная Европа жила в страхе перед советскими танками. Московский договор, подписанный Брандтом, успокоил европейцев. И Москва убедилась в том, что Федеративная Республика не готовится к военному реваншу. Восточная политика Брандта сделала жизнь в Европе более спокойной и разумной.

Но на советских людей договор с немцами произвел поначалу пугающее впечатление. Брежнев полусуто позвонил главному мидовскому германисту Валентину Михайловичу Фалину:

— Ты что натворил? Звонят секретари обкомов. На Смоленщине, в Белоруссии и Предуралье население расхватывает соль, мыло и спички: «С немцами договор подписали. Значит — скоро война».

Судьба Московского договора зависела от депутатов бундестага. Могли его и не ратифицировать. Это был бы провал для Брандта, но еще больший провал для Брежнева. Ему могли бы сказать — а мы тебе говорили, что с этими реваншистами нельзя иметь дело».

Многие партийные чиновники выступали против сближения с западными немцами, хотя боялись высказывать это публично. Первый секретарь ЦК Компартии Украины Петр Шелест записал в дневнике: «В «Литературной газете» появился снимок: Брежнев, Брандт и его супруга стоят под руку, улыбаются. Кому это нужно, неужели мы такие «друзья и приятели», чтобы это так рекламировать в нашей печати?»

А в Западной Германии сплотились силы, которые пытались торпедировать договор. Весной 1972 года Москва замерла в ожидании:

удастся ли Брандту добиться в бундестаге ратификации Московского договора — у социал-демократов не хватало голосов.

Генерал Кеворков пишет, что получил в резидентуре советской разведки чемоданчик с большой суммой в немецких марках с заданием передать деньги Эгону Бару для подкупа депутатов от оппозиции. Кеворков пишет, что передать деньги ему не удалось, и он отвез чемоданчик назад в резидентуру.

Но один депутат от оппозиции все-таки проголосовал за Московский договор. Утверждают, что он действительно был подкуплен. Впрочем, у депутата могли быть и иные мотивы. Для Западной Европы разрядка стала возможностью выбраться из-под доминирования великих держав. «Восточную политику» Брандта поддержал такой консервативный политик, как глава баварского правительства Франц Йозеф Штраус. Сын мясника, он не стеснялся в выражениях и однажды сказал: «По мне лучше задница Эйзенхауэра, чем лицо Сталина». Но Штраус искал пути для восстановления отношений между двумя Германиями, которые не признавали друг друга.

От исхода голосования в Бонне многое зависело. Оно происходило накануне пленума ЦК КПСС по международным делам, и Брежнев понимал, что если немцы отвергнут договор, то кто-нибудь на пленуме скажет: зачем нам нужна эта разрядка, если империалисты нас обманывают на каждом шагу? И все усилия Брежнева и Громыко пойдут насмарку...

По страшной иронии судьбы политическую карьеру Вилли Брандта сломали те, кто был ему столь многим обязан. Он вынужден был уйти в отставку с поста канцлера, когда выяснилось, что его личный референт Гюнтер Гийом работал на разведку ГДР. Разведчики любят рассказывать о всемогуществе своей организации и о тех благих делах, которые совершает разведка. Но любопытно, что о подвигах разведки повествуют только сами разведчики.

Как показывает мировой опыт, разведка может быть лишь вспомогательным средством дипломатии, и не более того. А иногда, как в случае с Брандтом, самые большие успехи разведки наносят ущерб государству.

Когда Вилли Брандт зачитывал в бундестаге заявление об уходе в отставку — из-за истории со шпионом Гийомом, Эгон Бар заплакал. Он плакал, не стесняясь окружающих и фотокорреспондентов. Он сожалел не о том, что и ему придется покинуть правительство. Он сожалел о том, что из активной политики уходит Вилли Брандт — человек, рожденный для того, чтобы находиться на посту канцлера.

После ухода Брандта восточные немцы неофициально извинились перед ним: это не мы, а русские заставляли держать возле вас агента. Москва тоже нашла способ выразить сожаление: мы бы никогда такого не сделали, это все восточные немцы. Брандта эти извинения очень веселили. Новым канцлером стал Гельмут Шмидт, занявший более жесткую позицию в отношении ГДР и СССР.

Упадок разрядки

В ноябре 1974 года американский президент Джеральд Форд прилетел во Владивосток, чтобы встретиться с Брежневым.

«По обочинам дороги, — вспоминал будущий член-корреспондент Академии наук Игорь Иванов, — солдаты в спешке крушили ветхие, покосившиеся заборы и втыкали в снег свежесрубленные елки, имитируя потмекинское благоустройство в честь американских гостей. Правда, в итоге американский президент поехал в город другой дорогой — не с гражданского, а с военно-морского аэродрома, и на этом пути его ждал сюрприз.

На платформе конечной станции маршрута Форда под названием «Океанская» висело бодрое объявление, что именно сегодня в ее окрестностях состоятся краевые соревнования по ориентированию.

— Отменят — безапелляционно изрек я.

Михаил Абрамович Мильштейн из Института США и Канады засомневался. И оказался прав. Во всеобщей горячке подготовки встречи на высшем уровне соревнования отменить забыли, и буквально через час после расположения гостей на правительственных дачах: Брежнева — у первого секретаря Приморского обкома, а Форда — у командующего Тихоокеанским флотом, по лесу вокруг них вдруг забегали спортивного вида люди с компасами в руках, которых дружно ловила и наша, и американская охрана».

Во время встречи возникло более серьезное осложнение. Все документы, связанные с ограничением стратегических вооружений, были заранее согласованы. Но Джеральд Форд внезапно попросил кое-что поменять. По мнению советских экспертов, это изменение, выгодное американцам, вполне можно было принять. Во всяком случае, из-за него не следовало отказываться от подписания столь важных документов.

Но Брежнев не хотел принимать единоличное решение и в соответствии с партийными традициями запросил мнение политбюро. Тем более, что встрече с Фордом и без того предшествовала бурная дискуссия в Москве. Военные доказывали, что нельзя подписывать договор, если в нем не учтены американские средства передового базирования — ракеты и самолеты на базах вокруг СССР. Это оружие первого удара, учитывая их близость к советской территории.

Министр обороны Гречко грозно заявил, что, если подобный договор

будет заключен, то военные снимают с себя ответственность за безопасность страны. Брежнев возмутился: как это Гречко смеет обвинять генерального секретаря в забвении интересов Родины? Андрей Антонович потом позвонил, извинился. Брежнев ему зло ответил:

— Так не пойдет. Назвал предателем при всех, а берешь слова назад втихую.

Предварительную схватку Брежнев выиграл. Но теперь, когда он был уже во Владивостоке, возникло новое затруднение. Старшим в Москве оставался Подгорный. Он через два часа перезвонил Брежневу и сказал, что предложение американцев совершенно неприемлемо. Подгорный предложил отложить встречу до следующего года, а за это время поднажать на Вашингтон. Леонид Ильич повесил трубку и пошел советоваться с Громыко.

Генеральный секретарь пребывал в нерешительности. Он не хотел срывать встречу с Фордом, но и не мог идти против мнения членов политбюро, оставшихся в Москве. Громыко очень твердо высказался против переноса встречи, считая, что это нанесет ущерб советско-американским отношениям, да и заморозит переговоры по стратегическим вооружениям.

Брежнев опять сел за телефон, поговорил с Косыгиным, Устиновым и Андроповым, а потом еще раз позвонил Подгорному. Но тот стоял на своем, да еще и позвал к аппарату министра обороны Гречко, который вообще не хотел договариваться с американцами.

Вот тогда Брежнев взорвался. Он сказал Подгорному:

— Хорошо, раз вы настаиваете, тогда я сейчас объявлю Форду, что встреча прекращается, а сам возвращаюсь в Москву. Соберем политбюро, я там вместе с Громыко выступлю, и пусть нас рассудят.

Николай Викторович испугался и пошел на попятную. Он сразу сказал, что ему, Брежневу, там на месте виднее, как вести дело с американцами, а политбюро в любом случае поддержит его решение. Брежнев вновь настоял на своем, но все эти споры ему дорого обошлись — во время переговоров у него случился спазм сосудов головного мозга.

А после встречи с Фордом произошло уже серьезное нарушение мозгового кровообращения. Брежнев заметно сдал. Глаза у него стали злые и подозрительные, пишет Валентин Фалин, пропал юмор. Леонид Ильич не мог запомнить важные детали и на переговорах иной раз начинал импровизировать. Поэтому установилась такая практика. Брежнев зачитывал подготовленные заявления, а потом уже Громыко вел дискуссию.

Чем дальше, тем меньше Брежнев был способен вести серьезные переговоры, вспоминал Виктор Суходрев. Он зачитывал подготовленный текст, не очень интересуясь ответами иностранных партнеров. А сами переговоры передоверял Громыко, говоря:

— Ну, Андрей, включайся.

И тот вел диалог.

Брежнев переживал из-за того, что у него возникли проблемы с речью. После переговоров говорил Громыко:

— Андрей, по-моему, я сегодня плохо говорил...

Громыко был начеку и начинал успокаивать генерального:

— Нет, нет, Леонид. Все нормально. Все нормально... Тут ни убавить, ни прибавить...

Посол Владимир Петрович Ступишин вспоминал, как в 1979 году в Москву приехал президент Франции Валери Жискар д'Эстэн. Зная брежневские пристрастия, привез ему в подарок два автомобиля типа «джип». На переговорах Брежнев зачитывал все по бумаге и периодически осведомлялся у своих соседей Косыгина и Громыко:

— Ну что, Алексей, хорошо я читаю?

— Хорошо, хорошо, Леонид Ильич.

— Ну что, Андрей, хорошо я читаю?

— Хорошо, очень хорошо, Леонид Ильич.

Только однажды Брежнев вдруг поднял голову и неожиданно сказал французскому президенту:

— Что мы с вами тут толчем воду в ступе? Говорим о разоружении. Так это одни слова, потому что не хотите вы никакого разоружения.

Валери Жискар д'Эстэн оторопел, но быстро нашелся, и переговоры вернулись в прежнее, размеренное русло.

Брежнев все больше полагался на своего министра. Когда посол в ФРГ Фалин, разговаривая с Брежневым, что-то предлагал, тот всегда спрашивал:

— А что думает Громыко?

Фалин говорил:

— Министр, разумеется, в курсе. Но министр не принимает к рассмотрению точек зрения, не совпадающих с его собственной.

На это Брежнев обыкновенно отвечал:

— Я с тобой согласен. Убеди Громыко и действуй.

«Не поеду в Японию!»

В апреле 1973 года Громыко был избран членом политбюро (вместе с министром обороны Гречко и председателем КГБ Андроповым). До избрания в политбюро Андрей Андреевич выступал в роли самого важного, но подсобного внешнеполитического работника. Теперь он постепенно становился чуть ли не единоличным творцом внешней политики.

Министр иностранных дел почувствовал себя почти непререкаемым авторитетом и был вполне доволен своей деятельностью. Выступая перед аппаратом министерства, он говорил:

— Смотрите, товарищи, не так давно мы были вынуждены прикидывать на политбюро, прежде чем предпринимать какой-либо внешнеполитический шаг, какова будет реакция США, что сделает Франция и так далее. Эти времена закончились. Если мы считаем, что что-либо надо обязательно сделать в интересах Советского Союза, мы это делаем. Что бы они ни кричали, соотношение сил таково, что пошевелиться они больше уже не смеют. Мы стали действительно великой державой...

Во внешнеполитических делах последнее слово оставалось за Громыко. Он уступал, только если возражали военные. С министром обороны Гречко и сменившим его на этом посту Устиновым он не спорил. По словам академика Георгия Аркадьевича Арбатова, Дмитрий Федорович Устинов был влиятельным, сильным человеком как по характеру (напористость, даже наглость со всеми, кто был ниже), так и в силу того, что за ним стоял военно-промышленный комплекс.

Громыко, сам человек напористый, перед ним почти панически робел. Он по-своему помогал Устинову, когда рассказывал о поисках американского империализма. После Андрея Андреевича слово брал министр обороны и говорил, сколько ему еще нужно оружия, чтобы противостоять американцам. Военные хотели иметь столько же, сколько есть у США, плюс еще сколько-то, чтобы иметь возможность воевать сразу по всем азимутам. Это и подорвало страну.

В то же время Громыко желал хороших отношений с Соединенными Штатами, хотя и говорил своему сыну:

— Америка — это такая страна, где все время ждешь, что они еще выкинут, чтобы насолить нам и нашим союзникам.

Громыко помнил о том, что США и СССР были союзниками во время войны. То был звездный час отношений между двумя странами и его молодость. Громыко по-своему любил Америку, считал себя знатоком Америки. При этом полагал, что Запад может начать ядерную войну против Советского Союза и что этому надо помешать. Он был искренним сторонником политики ограничения и сокращения вооружений, мирного сосуществования. При нем появилась разрядка, правда, при нем же она и зачахла.

Борьба против гонки вооружений начиналась как чистой воды пропаганда, но со временем стала приносить пользу. А ведь первоначально дипломаты обслуживали потребности военных — пытались затормозить развитие тех видов оружия, которые были более совершенны у противника.

Уезжавшему в Вашингтон Добрынину позвонил Громыко:

— Анатолий Федорович, зайдите ко мне покалякать о вашей будущей работе.

Министр дал послу неожиданный совет:

— Я прошу вас иметь в виду, что у нас в политбюро нет постоянного единства взглядов и мнений по советско-американским отношениям. К сожалению, большинство моих коллег не знают Америку, не бывали там, не понимают, как функционирует американская политическая система. Соответственно, они склоняются — в силу самой атмосферы холодной войны — к конфронтационному мышлению и стремлению почти автоматически «дать отпор» американцам. Поэтому послу проще докладывать в Москву «сенсации» по поводу козней империалистов. Это легко усваивается, но серьезно мешает планомерной работе МИД. Смело и аргументировано поддерживайте все то, что могло бы вести нас к улучшению и развитию отношений. Надо исподволь закреплять мысль о том, что не только противоборство, но и сотрудничество в поисках договоренностей возможно и целесообразно...

Громыко интересовали только Соединенные Штаты, крупные европейские страны и Организация Объединенных Наций. Весь остальной мир для Громыко практически не существовал. Сердце у него не лежало к государствам третьего мира. Он не считал их серьезными партнерами. В Индию его всего однажды заставили съездить. И то чуть не силком.

— Он считал, что третий мир — это одно беспокойство, — рассказывал Анатолий Добрынин. — Он сам мне это говорил.

Частично такая позиция объяснялась тем, что третьим миром и социалистическими странами занимался не МИД, а ЦК партии. И послами

туда отправляли не дипломатов, а бывших партийных секретарей. Восток и арабский мир Громыко не интересовали, поэтому он отдал эти регионы на откуп международному отделу ЦК, во главе которого многие годы стоял секретарь ЦК Борис Николаевич Пономарев — он начинал еще в Коминтерне. Зато министр не подпускал людей Пономарева к американским и европейским делам. Эта конкуренция усугублялась дурными отношениями между Пономаревым и Громыко. Один из бывших сотрудников международного отдела ЦК рассказал такой эпизод. Пономарев зашел в комнату, где предстояли какие-то переговоры, увидел, что справа от председательского места лежит папка Громыко. Пономарев отодвинул ее и положил свою, чтобы самому сесть рядом с хозяином.

В конце декабря 1975 года в Завидове, где шла работа над очередной речью генерального секретаря, приехал Громыко. Они три часа беседовали с Брежневым. Все думали, что министр приехал поздравлять — на следующий день 19 февраля Леониду Ильичу исполнялось шестьдесят девять лет. Но утром Брежнев за завтраком сказал:

— Вот Громыко отпросился от Японии. Он по решению политбюро должен ехать в начале января. Я согласился: конечно, неохота ему Новый год портить подготовкой, поездка трудная. Да и смысла особого нет: они хотят островов, мы их не даем. Так что результатов все равно никаких не будет. Ничего не изменится — поедет он или не поедет.

Помощник Брежнева по международным делам Александров-Агентов буквально взорвался:

— Неправильно это, Леонид Ильич. Мы — серьезное государство? Мы должны держать слово? Или нам плевать? Мы четырежды обещали, японцы уже опубликовали о визите в газетах. Мы с их престижем должны считаться? Или мы совсем хотим отдать их китайцам? Громыко, видите ли, Новый год не хочется портить. И решение политбюро для него ничто! Приехал отпрашиваться! Неправильно вы поступили, Леонид Ильич!

Брежнев не ожидал атаки, вяло оправдывался:

— Он попросил, я согласился...

Александров-Агентов, человек сухой, но преданный делу, гнул свое:

— Вот и неправильно, что согласились. Американский госсекретарь Киссинджер в этом году пять раз был в Японии. Тоже ведь ничего, кажется, не изменилось. А наш Громыко в Бельгию, Италию, во Францию, еще куда-то — пожалуйста. А как действительно сложную работу делать, ему «не хочется Новый год портить». Надо разговаривать с японцами. Пусть, как вы говорите, мы ничего не можем сейчас им дать. Но надо вести переговоры, показывать свою добрую волю. Это крупнейшая страна, и она

хочет иметь дело с нами. Этим стоит дорожить, считаться с этим. В этом смысл дипломатии.

Александров-Агентов был профессиональным дипломатом. Начинал в годы войны сотрудником советской миссии в Швеции, то есть под руководством Александры Михайловны Коллонтай. Почти полтора десятка лет проработал в центральном аппарате Министерства иностранных дел, пока не перешел к Леониду Ильичу. Другие помощники генерального поддержали Александрова. Брежнев пытался перевести разговор на другую тему. Но не получилось. Он помрачнел, бросил салфетку:

— Хорошенький подарочек вы подготовили мне ко дню рождения!

Леонид Ильич ушел. Через час вернулся, посмотрел на Александрова:

— Целый час разговаривал с Громыко. Сказал ему, чтобы ехал в Японию.

Отсутствие интереса к третьему миру стало, возможно, одной из причин провала советской политики на Ближнем Востоке. После шестидневной войны 1967 года, которая закончилась полной победой Израиля, в политбюро решили разорвать отношения с еврейским государством. Арабские страны радостно приветствовали это решение. Тем более, что они стали получать советское оружие в удвоенном количестве.

Казалось, что Советский Союз приобрел себе на Арабском Востоке друзей на вечные времена. Но вскоре выяснилось, что Советский Союз не в состоянии играть ключевую роль на Ближнем Востоке, потому что не имеет отношений с Израилем. Роль всем нужного посредника досталась Соединенным Штатам. Кончилось это тем, что Египет, крупнейшее арабское государство, выслал советских военных советников, повернулся лицом к Соединенным Штатам и с их помощью заключил мир с Израилем.

В Москве понимали, что сами поставили себя в неудобное положение. В 1973 году президент Сирии Хафез Асад за четыре дня до начала войны оповестил советское руководство: он ударит по Израилю, они с «братом Садатом» все обсудили и согласовали. Брежнев ответил президенту Асаду, что тот идет на очень рискованный шаг и последствия могут быть иные, чем ожидают в Сирии. Тогда Асад распорядился отстранить советских военных специалистов, чтобы они не мешали. Для Сирии октябрьская война вновь закончилась на редкость неудачно. От полного разгрома ее спасло советское вмешательство. После октябрьской войны Брежнев сказал Громыко:

— Будем участвовать в переговорах, и надо гарантировать границы Израиля. И в свое время установим дипломатические отношения с Израилем.

Министр заметил:

— Арабы обидятся. Шум будет.

Брежнев выругался:

— Пошли они к е... матери! Мы сколько лет им предлагали разумный путь. Нет, они хотели повоевать. Пожалуйста: мы дали им технику, новейшую — какой во Вьетнаме не было. Они имели двойное превосходство в танках и авиации, тройное — в артиллерии, а в противовоздушных и противотанковых средствах — абсолютное превосходство. И что? Их опять раздолбали. И опять они драпали. И опять вопили, чтобы мы их спасли. Садат меня дважды среди ночи к телефону поднимал. Требовал, чтобы я послал десант. Мы за них воевать не будем. И я затевать мировую войну из-за них тем более не собираюсь...

Но политбюро так и не решилось столь радикально поменять ближневосточную политику, хотя арабские братья ни в грош не ставили советских политиков.

Государственный секретарь США Генри Киссинджер рассказывает в мемуарах, как в 1974 году он с помощью «челночной дипломатии», то есть перелетая из Дамаска в Иерусалим, добился соглашения о разъединении сирийских и израильских войск на Голанских высотах. В день, когда Киссинджер и президент Хафез Асад завершали работу над документом, в Дамаск прилетел Громыко.

«В девять часов вечера его самолет уже был над Дамаском, — не без удовольствия вспоминает Киссинджер. — В это время у нас с Асадом был самый разгар работы. Начальник штаба ВВС Сирии заверил меня, что все уладит. В результате самолет Громыко начал описывать круги над городом. Когда через сорок пять минут у него почти кончилось горючее, я милостиво согласился, чтобы его самолет приземлился при условии, что его поставят подальше от моего самолета. Самолет советского министра загнали куда-то в дальний темный угол аэродрома, где Громыко приветствовал заместитель министра иностранных дел Сирии, так как все вышестоящие сирийские руководители были заняты переговорами со мной».

Считается, что внешнюю политику Советского Союза определяла идеология. Это не совсем так. В Ираке убивали коммунистов, а Москва молчала, чтобы не ссориться с багдадскими руководителями. Аятолла Хомейни, придя к власти в Иране, уничтожил просоветскую партию Туде. Москва смолчала, чтобы не раздражать Хомейни.

Западные дипломаты много раз пытались обсудить с Громыко положение в Камбодже, где у власти находился Пол Пот и где кровь лилась

рекой. Министр стереотипно отвечал:

— У нас нормальные отношения с этой страной, и мы не владеем никакой информацией, которая бы подтверждала ваши сведения.

Преследование диссидентов породило волну антисоветских настроений. Когда Громыко появлялся на Западе, журналисты спрашивали его о процессах над диссидентами.

— Процессы? Какие процессы? — переспрашивал министр иностранных дел, приложив руку к уху.

Затем отвечал:

— Я не хочу обсуждать эти вещи.

Американский президент Джимми Картер, как человек очень совестливый, постоянно говорил о том, что Советский Союз должен соблюдать права человека. Громыко не обращал внимания на его слова и переходил к большой политике. Однажды во время беседы с Громыко Картер завел речь об арестованном в Москве физике Анатолии Щаранском, который добивался выезда в Израиль (где он станет министром). Его не только не отпустили, но и посадили как американского шпиона.

Громыко недоуменно переспросил президента:

— А кто это — Щаранский?

Картер обомлел и перевел разговор на другую тему. Присутствовавший при разговоре посол Добрынин подумал: как ловко министр ушел от неприятного разговора. А когда разговор закончился и они сели в машину, Громыко недоуменно спросил Анатолия Федоровича:

— А кто такой этот Щаранский?

Он действительно просто не желал ничего об этом знать и велел помощникам сообщения на правозащитные темы ему на стол не класть.

Искусство выжимания лимона

Энергия, редкая работоспособность, блестящая память, настойчивость — все это помогло Громыко стать министром. Но как дипломат он сформировался под влиянием Молотова и Сталина. От Молотова он научился догматизму и формализму, нежеланию понимать и учитывать точку зрения партнера по переговорам.

Громыко был актером, который умело скрывал свои намерения и настроения. Лишь в редчайших случаях чувства брали у него верх над разумом. Были люди, которые выводили Громыко из себя. Британский министр иностранных дел Джордж Браун попытался установить с коллегой неформальные отношения и во время завтрака обратился к Громыко самым непринужденным образом:

— Андрушка!

Громыко поправил его холодным тоном:

— Если хотите обратиться ко мне неофициально и одновременно вежливо, то надо говорить Андрей Андреевич.

Тот, ясное дело, не осилил имени-отчества. Но нелюбовь Громыко к англичанину усилилась, все попытки британского министра наладить отношения пошли насмарку. Англичанам вообще трудно приходилось с Громыко. Британские дипломаты вспоминали, что советский министр мог часами вести бесплодные беседы.

Другой британский министр Алек Дуглас-Хьюм даже как-то попытался остановить Громыко словами, что он прекрасно знает содержание последних передовиц «Правды», и нет особого смысла тратить драгоценное время на их пересказ. Но Громыко продолжал распространяться о миролюбивом духе советской внешней политики. Дуглас-Хьюм предложил объявить перерыв. Потом министры встретились вдвоем, и только тогда беседа приобрела более деловой характер.

Громыко высоко ценил подготовительную работу — подбор материалов к переговорам, считал, что это необходимо сделать самому, чтобы быть на высоте в момент переговоров. Министр не чурался черновой работы, поэтому часто брал верх над менее подготовленным и менее опытным дипломатом. Он не допускал импровизаций в дипломатии, хотя импровизация — это необходимый элемент в дипломатии. Но во время холодной войны импровизация была опасным делом.

Природа наградила его крепким здоровьем, что позволяло ему

выдерживать огромные нагрузки, особенно во время зарубежных визитов. В дни заседаний сессии Генеральной Ассамблеи ООН он в день проводил несколько встреч с министрами иностранных дел разных государств и всегда был собран и готов к дискуссии.

Чувство долга у Громыко было колоссальное. Однажды во время выступления в ООН у него случился обморок. Министр просто перегрелся. В Нью-Йорке было жарко, а Андрей Андреевич одевался тепло, даже летом носил кальсоны. Мощных кондиционеров тогда еще не было. Охранники буквально унесли его из зала заседаний. Министр пришел в себя и, несмотря на возражения помощников, вернулся в зал и завершил выступление. Ему устроили овацию.

В один из январских дней 1977 года министр позвонил своему заместителю Владимиру Семенову. Пожаловался:

— Во время церемонии под юпитерами стоял и думал, что выдержу. Но не выдержал и потерял сознание. Обморок. Товарищи поддержали... Врачи сказали, что надо отдохнуть в Барвихе. У меня переутомление было. Глотал таблетки. Я люблю работу, но со сном не получается. Три года назад решил проявить характер: ни одной таблетки снотворного. И не пил. Но, оказывается, это все-таки необходимо!

Через десять дней министр опять соединился с Семеновым.

«В мембране телефона усталый и чуть сбитый голос, — записал в дневнике Семенов. — Сказал, что врачи приказали после партконференции в МИД сдать кровь и уложили в больницу. «Накануне у меня был приступ стенокардии, была боль, я не знал, что ее надо снимать и как, все терпел и вытерпел... Я думал: главное интеллект, а оказалось — сильнее то, что ниже головы». Он, конечно, болел, и очень. «Переутомление». А в сердце холод и тоска. Это был не просто душевный разговор, это был крик души. Дескать, отшумела шумная и буйная, а теперь койку береги. «Еще пару недель здесь подержат — ЭКГ получше, врачи даже повеселели, через неделю пускать будут гулять, а сейчас по комнате только».

Андрей Андреевич мог часами вести переговоры, ничего не упустив и ничего не забыв. Перед Громыко лежала папка с директивами, но он ее не открывал, вспоминает Сухо-древ. Он делал пометки синим карандашом. Если речь шла о сложных разоруженческих материях, где имеется масса цифр и технических подробностей, то он считывал только цифры. Все остальное держал в голове, хотя его коллеги, в том числе американские госсекретари, преспокойно листали толстые папки и зачитывали самое важное.

Громыко серьезно изучал своего будущего партнера на переговорах,

читал его биографию, пытался понять его методы ведения беседы, расспрашивал наших послов об этом человеке. Он обладал уникальной памятью. Мог вдруг поинтересоваться каким-то событием, скажем, двухмесячной давности, а его помощники и заместители часто оказывались в неловкой ситуации, поскольку они не могли вспомнить, что же там произошло. Когда возникала проблема, он сразу искал аналог в истории дипломатии. И если находил, то знал, как решить новую проблему.

— У всех память разная, — говорил Громько. — Но если дипломат укрепляет себя в мысли, что память у него слабая, то это просто скверно. Разумнее не жаловаться на свою память, а тренировать ее и развивать.

Громько понимал, какой ущерб может причинить неправильно сказанное слово. Хорошие дипломаты отличаются от плохих и посредственных умением четко формулировать. Все важнейшие документы ложились на стол министра. Дипломаты часто поражались точности его правки, он чувствовал тончайшие нюансы.

Андрей Андреевич хорошо владел английским, но обязательно требовал перевода. Хитрость Громько состояла в том, что он получал дополнительное время для размышлений. Громько внимательно слушал, как переводят его собственные слова, поправлял переводчика. Неточности в переводе его страшно раздражали.

Его партнеры ценили и то, что его «да» было столь же надежным, как и его «нет».

Андрей Андреевич говорил сыну, напутствуя его перед заграничной командировкой:

— Запомни золотое правило дипломатии — когда идет переговорный процесс, абсолютно недопустимо сразу раскрывать другой стороне все карты, хотеть решить проблему одним махом. Многим политикам кажется, что стоит только убедительно изложить свои предложения, продемонстрировать искренность и стремление к сотрудничеству, как все получится. Это иллюзия!

Если вам удалось достичь успеха на переговорах, учил мидовскую молодежь министр, не спешите кричать об успехе, хотя лавры и принадлежат вам. Сделайте так, чтобы заключение договора стало заслугой высшего эшелона власти.

Поразительным образом изворотливость во «внутренней политике», то есть в отношениях с начальством, сочеталась в нем с неуступчивостью во внешней политике. Громько, вспоминая посла Олег Алексеевич Гриневский, развил эту стратегию. Он вывел три золотых правила дипломатии сверхдержав.

Первое. Требуйте все по максимуму и не стесняйтесь в запросах. Требуйте то, что вам никогда не принадлежало.

Второе. Предъявляйте ультиматумы. Не жалейте угроз, а как выход из создавшегося положения предлагайте переговоры. На Западе всегда найдутся люди, которые клюнут на это.

Третье. Начав переговоры, не отступайте ни на шаг. Они сами предложат вам часть того, что вы просили. Но и тогда не соглашайтесь, а выжимайте большее. Они пойдут на это. Вот когда получите половину или две трети того, чего у вас не было, тогда можете считать себя дипломатом.

Правила Громько неизменно срабатывали, пока западные дипломаты его не раскусили. У него появился сильный противник — Генри Киссинджер, сначала помощник американского президента по национальной безопасности, а затем государственный секретарь Соединенных Штатов.

Президент Ричард Никсон желал войти в историю в качестве миротворца. Он хотел, чтобы его самого считали ключевой фигурой в вопросах внешней политики. Он решительно, а иногда и просто оскорбительно отстранял от принятия решений государственный департамент и госсекретаря Уильяма Роджерса. Все щекотливые переговоры президент поручал своему помощнику, считая, что этот человек, который все еще говорил с сильным немецким акцентом (Киссинджер родился в Германии, его привезли в Америку ребенком) не может составить ему конкуренцию. Но вопреки ожиданиям Никсона Генри Киссинджер стал весьма популярной фигурой. Он сумел установить деловые отношения с советским руководством. Громько иногда называл Киссинджера «чертом», но очень серьезно относился к нему и доверял его обещаниям.

Иногда переговоры проходили в весьма экзотических условиях. Во время приезда Киссинджера в Москву, вспоминал Суходрев, Брежнев предложил поохотиться на кабанов. Государственный секретарь стрелять не стал, Брежнев одного кабана свалил, а другого ранил. Егеря отправился за ним в погоню. Остались Брежнев, Киссинджер и Суходрев, который достал из сумки продукты: батон белого, буханку черного, колбасу, сыр, огурцы, помидоры и бутылку «Столичной». Брежнев сказал Киссинджеру:

— Ну что, Генри, приступим? И не сиди без дела — бери нож и режь колбасу.

Суходрев перевел, и Киссинджер взялся за нож. Они втроем выпили бутылку, а разговор шел на важнейшую тему — об отношениях с Китаем. Брежнев требовал ответа: не затевают ли американцы союз с Китаем

против СССР?

Киссинджер высоко оценивал Громыко, называл его мастером дипломатии. Советский министр не верил в счастливое озарение или в ловкий маневр. Это противоречило бы его врожденной осторожности. Он был неутомим и невозмутим. Если он выходил из себя, значит, эта вспышка была тщательно продумана. Громыко никогда не вступал в переговоры, не вникнув в суть дела. Было бы самоубийством начать переговоры с ним, не изучив досконально документов, признавался Киссинджер.

Андрей Андреевич воспитал целую школу переговорщиков, которые проявили себя умелыми профессионалами в этом самом трудном для дипломата деле. Участвовать в переговорах, когда их вел Громыко, было хорошей школой. Более молодые дипломаты записывали за своим министром умелые ходы и удачные, эффектные формулировки. Он умело выторговывал серьезные уступки в обмен на незначительные, пользовался нетерпением своих партнеров и вытягивал из них согласие. Он никуда не торопился, как бы исходя из того, что всегда будет министром.

Громыко был бесконечно терпелив. Он старался измотать противника, торгуясь с ним по каждому поводу, и, только убедившись, что лимон выжат до конца, переходил к следующему вопросу. Он накапливал второстепенные выигрыши, пока они не складывались в крупный успех.

Киссинджер заметил, что Громыко для начала всегда занимал твердокаменную позицию. Это основное правило покера — не раскрывай своих карт, пока не узнаешь карт противника. Независимо оттого, какие предложения Громыко был уполномочен обсудить, он всегда на первой встрече повторял старые позиции и старые возражения. На следующей стадии Громыко сварливо перечислял все те необоснованные требования, которые американцы выдвигали прежде. Затем он пускался в разглагольствования о терпеливости и великодушии его собственного правительства. Это была увертюра — по этой части он был подлинным виртуозом. Он полагался на нетерпеливость своего оппонента, а сам уступал лишь тогда, когда разочарованный партнер уже собирался встать, чтобы прервать переговоры.

По словам Киссинджера, переговоры с советскими дипломатами превращались в испытания на выносливость. Нельзя было ждать уступок до тех пор, пока советский партнер не убеждался сам и не убеждал своих московских начальников в том, что другая сторона исчерпала свою гибкость. Громыко часами мог выбивать из собеседника самые крохотные уступки. Ему почти всегда удавалось сделать так, чтобы за ним было

последнее слово. Правда, Киссинджер ему не уступал, он тоже хотел, чтобы его слова завершали встречу, поэтому их беседа никак не могла закончиться.

Громько, завершая беседу, говорил:

— Ну что же, я могу, вернувшись в Москву, доложить советскому руководству и лично Леониду Ильичу, что американская сторона считает...

И тут он начинал излагать американскую позицию, чуть-чуть приближая ее к своей, слегка играя словами. Неопытные собеседники не знали, что делать: Громько вроде бы всего лишь повторял их слова, а в реальности слегка сдвигал их позицию. В следующий раз он продолжал давить дальше, отталкиваясь от уже достигнутого. Как писала одна британская газета, его манера вести переговоры напоминала бормашину: она была проникающей, непрерывной и болезненной.

Однако со временем эта тактика стала оборачиваться против самого Громько. В конце концов иностранные дипломаты сообразили, что если проявить достаточную выдержку, то можно заставить самого Громько идти на уступки. Если переговоры очень затягивались, тут уж Громько торопился поскорее подписать соглашение. Его охватывало опасение, что в последний момент партнер сыграет с ним злую шутку и откажется от уже достигнутого, и тогда придется отвечать за провал переговоров.

Громько пунктуально выполнял инструкции, которые фактически сам себе составлял — члены политбюро просто утверждали написанное министром. Но даже инструкция всегда предусматривала возможность уступки, компромисса, чтобы получить уступку взамен. А Громько патологически не любил переходить на запасную позицию. Хотя, не выходя за рамки инструкции, он мог согласиться на некие уступки. Так всегда делается. Добрынин рассказывал, как он предлагал Громько:

— Андрей Андреевич, используйте запасную позицию. Я чувствую, что Киссинджер на нее согласится.

— Чувствовать мало, вы можете мне гарантировать, что он согласится?

Он без нужды затягивал дело и упускал возможность заключить соглашение на выгодных условиях, терял удобный момент. В Вашингтоне появлялся новый президент, и приходилось подписывать соглашение на куда менее выгодных условиях.

Иногда министр напускал на себя суровость и бескомпромиссность, боясь, что товарищи по политбюро обвинят его в слабости по отношению к классовым врагам. Иногда он зарывался, обещал Брежневу, что добьется большего, чем мог. Тогда переговоры едва не срывались, и уже самому

Громыко приходилось чем-то серьезно жертвовать. «Загнанный (часто самим собой) в угол, — пишет Фалин, — он не считал зазорным жертвовать капитальными ценностями».

Ему не хватало гибкости. Торговаться — это правильно, но надо знать меру. Погнавшись за мелочами, можно упустить главное.

«Вопрос номер пять»

После Киссинджера госсекретарем стал Сайрус Вэнс — до этого заместитель министра обороны, полномочный представитель по улаживанию внутренних и внешних кризисов в администрации президента Линдона Джонсона.

— Мне, — вспоминает Добрынин, — пришлось провести около восьмидесяти встреч по берлинским делам с госсекретарем Вэнсом. Каждый из нас упорно повторял одно и то же, как заезженная пластинка, потому что все аргументы были исчерпаны.

И Сайрус Вэнс как-то сказал:

— Давай сделаем так. Когда ты приходишь по берлинским делам, то говоришь, что начинаешь беседу, скажем, с вопроса, известного нам под номером пять. Я ссылаюсь на ответ номер восемь. После этого мы пьем виски и расходимся. Ты возвращаешься в посольство, все вопросы и ответы у тебя есть, и ты пишешь в Москву отчет о беседе, а я в том же духе докладываю президенту...

Вэнса считали чопорным, скучным, осторожным и мелочно пунктуальным. Но он был честным, опытным, быстро схватывал суть вопроса. Самого себя он называл настырным. Это было бесполезное качество в переговорах с Громько. Вэнсу приходилось труднее, чем Громько, который всю жизнь занимался одним делом и все держал в уме. Андрей Андреевич вообще ощущал свое превосходство над американскими дипломатами, которые каждые четыре года менялись; новой команде приходилось заново осваивать науку общения с русскими.

Андрей Андреевич прибыл в Вашингтон на встречу с Вэнсом с таким видом, словно его словарь целиком состоял лишь из производных от слова «нет», писал Струоб Тэлботт, который был журналистом, а потом сам стал дипломатом. Даже после ночи, проведенной в советском посольстве, где он отсыпался после долгого перелета, Громько хмурился и сердился, взирая на все с неприязнью. Потом был обед, участники переговоров как бы забыли о разногласиях. Советский министр стал рассказывать о временах своей посольской работы в Вашингтоне и всем понравился. Как выразился один из присутствовавших на переговорах, «это был единственный раз, когда я увидел, что кислая складка у рта Громько разгладилась».

После обеда госсекретарь Вэнс в личной беседе (присутствовали только переводчики) сказал Громько, что, если во время намеченной на

следующий день встречи с президентом Джимми Картером повторится такая же сцена упрямства, которую целый день терпит Вэнс, переговоры об ограничении ядерных вооружений тут же и скончаются. Тогда Громыко переменялся. Он сообщил, что у него есть полномочия предложить целый ряд компромиссов. Вэнс с трудом удержался от вздоха облегчения. Переговоры были спасены.

Вэнс быстро понял, как нужно вести дела с Громыко, и доложил своему президенту:

— С русскими можно говорить очень откровенно, но чтобы рядом никого не было. Тогда они откроются и скажут вам: «Ну ладно, наша проблема заключается в том, что...» Так вы поймете их затруднения и сможете прикинуть, нельзя ли их учесть, когда вы будете добиваться собственных целей. Русские просто не могут обсуждать все это открыто в присутствии всех своих сотрудников. Такие обсуждения для них опасны.

Сайрус Вэнс понял, что нужно вернуться к секретной дипломатии, тайным каналам, встречам подальше от журналистов. Поэтому Киссинджеру, который это сразу понял, и удавалось договариваться с Громыко. Накануне встреч на высшем уровне американцы старались заранее ознакомить советских дипломатов со своей позицией. Советские дипломаты этого никогда не делали, но американцы не обижались. Это была не любезность, а тактический прием: советская делегация проявляла большую гибкость, если заранее знала, чего ей следует ожидать, и загодя могла разработать перечень своих уступок.

Американская система оставляла большой простор для импровизации. Президент США мог быстрее принять решение, чем политбюро. Государственному секретарю Соединенных Штатов достаточно было согласовать свои предложения с президентом, а Громыко вынужден был убеждать все политбюро.

Договариваться об ограничении и сокращении ядерного оружия было безумно сложным делом. Военные — и советские, и американские — противились любым ограничениям и винули своих дипломатов в том, что они позволили другой стороне подписать документ на выгодных для себя условиях.

Заместитель министра иностранных дел Владимир Семенов рассказывал в узком кругу, как он приступал к переговорам с американцами на ядерные темы. Министр обороны маршал Гречко на политбюро сказал, что сама идея договоренности с американцами преступна. Идти на переговоры надо вовсе не для того, чтобы договариваться. И, обратившись к дипломату, добавил:

— Если Семенов намерен о чем-то договориться, то пусть сам решит, где он намерен сидеть — на Лубянке или на гауптвахте Московского военного округа.

Маршал Гречко и министр Громыко и не подозревали, что нечто подобное произносилось и в Вашингтоне. Американские военные с нескрываемой ненавистью говорили, что Генри Киссинджер «попросту идет у Советов на поводу», что достигнутые им соглашения «фарс, невыгодный для Америки», что «Киссинджер потерял разум».

Главным противником Генри Киссинджера стал министр обороны Дональд Рамсфелд, бывший футболист, борец и летчик. Он возражал против любых соглашений с Советским Союзом и довольно успешно мешал Киссинджеру. В январе 2001 года Рамсфелд вновь занял пост министра обороны Соединенных Штатов — в правительстве Джорджа Буша-младшего.

Поскольку все эти соглашения касались конкретных цифр, и спор шел именно из-за цифр, американцы всякий раз предлагали положить на стол данные обо всем оружии, которым располагают обе стороны, и тогда уже договариваться. Но советская делегация отвечала, что в ее обязанности не входит помогать американской разведке, и наотрез отказывалась предоставлять любые данные о своем оружии. Кроме того, советские дипломаты говорили, что они же не просят американцев предоставить им данные об американских вооружениях. Но в этом не было нужды, все это публиковалось в открытой печати.

Когда в семидесятых годах шла работа над вторым договором о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-2), американцы вновь поставили вопрос об обмене данными. Глава советской делегации опытный дипломат Владимир Семенов раздраженно сказал:

— Кому нужен обмен данными? У вас есть национальные технические средства, поэтому вам все известно.

Американцы действительно знали многое из того, что не было известно советским гражданам, не допущенным к высшим секретам государства. И советские военные представители очень нервничали, когда американцы называли данные о советском оружии, которые не полагалось знать советским дипломатам. Дипломатов военные не посвящали в свои секреты. У американцев все было наоборот.

Когда госсекретарь Вэнс весной 1977 года полетел в Москву с новыми предложениями о сокращении стратегических вооружений, военные члены делегации попросили разрешения с ними ознакомиться. Вэнс разрешил своему помощнику показать военным документ, но не полностью. Для них

оставалась секретом запасная позиция. Американцы знали, что Громыко своим упрямством иногда заставляет отступать на запасные позиции. В данном случае делали вид, что запасной позиции нет вовсе.

Помощник Вэнса поехал в американское посольство и разместился в так называемом сейфе — специальном помещении, защищенном от электронного прослушивания. Он с помощью ножниц и клея стал вырезать из текста инструкций места, которые военным не следовало знать. Его застукали за этим занятием.

Предусмотрительный Владимир Семенов распорядился записывать свои беседы с американцами на магнитофон. Входивший в состав советской делегации на переговорах по ОСВ-1 генерал-лейтенант КГБ Сергей Александрович Кондрашев похвалил Семенова:

— Это сразу сняло все вопросы, которые были насчет того, о чем будут говорить наши представители. Один очень высокий руководитель, прочитав записи ваших бесед, спросил, откуда он все это берет? Ведь за всю беседу он ничего не сказал по существу, а американцы благодарят его за разъяснения. Я объяснил им, что это и есть дипломатическое искусство плюс эрудиция...

С советской стороны переговоры вели, разумеется, дипломаты, но все решалось в Генштабе. Повлиять на военных мог только генеральный секретарь. Все документы с американцами подписывались только после того, как Брежнев нажимал на военных. Он и выдавил из них согласие подписать в 1979 году с американцами второй договор об ограничении стратегических вооружений ОСВ-2.

Причем американские ястребы были так же недовольны договором, как и советские. Накануне отлета Джимми Картера в Вену, где должно было состояться подписание, сенатор Генри Джексон, который всегда критиковал нарушения прав человека в СССР, заявил, что Картер идет по стопам британского премьера Невилла Чемберлена, подписавшего в 1938 позорное Мюнхенское соглашение с Гитлером. Джексон напомнил о том, что правительство Англии тоже вело переговоры о разоружении с нацистской Германией. Кончилось это тем, что чувствительный к критике Картер приказал своим помощникам не раскрывать зонты, хотя в Вене шел проливной дождь.

— Я скорее промокну до нитки, чем возьму в руки зонт, — говорил Картер.

Дело в том, что Чемберлен, вернувшись из Мюнхена, рассказывал о соглашении с Гитлером, стоя под большим зонтом...

Картер и Брежнев уже отправлялись в Вену, а документ, который им

предстояло подписать, еще не был готов. Над текстом трудились советская и американская делегации в Женеве. Последний раунд переговоров продолжался до трех утра, после чего руководители делегаций Виктор Карпов и Ральф Эрл на радостях выпили шампанского и разошлись спать.

Технический персонал остался перепечатывать текст в четырех экземплярах; по два на каждом языке. Если в одном экземпляре первым упоминался СССР, то в другом на первое место ставились США. Даже в чисто бумажном деле соблюдалась полная симметрия.

Американской делегации было проще: она уже располагала персональным компьютером, и все ошибки можно было поправить на экране, получая безукоризненно чистый текст. Машинисткам советской делегации пришлось перепечатать примерно сто пятьдесят страниц на обычных пишущих машинках на специальной договорной бумаге с красной рамкой. Если машинистка допускала хотя бы одну ошибку, страницу перепечатывали. Руководители делегаций поставили свои инициалы на каждой странице всех четырех экземпляров. И текст торжественно повезли в Вену.

Встреча руководителей СССР и США по протоколу должна была состояться на американской территории, потому что американские президенты уже дважды приезжали в Советский Союз, а в дипломатии действует железный принцип взаимности. Но советские дипломаты недвусмысленно объяснили американцам: политбюро считает нецелесообразным, чтобы Брежнев летел через океан. Американцы с пониманием отнеслись к состоянию здоровья Брежнева. Как и следовало ожидать, на первой же пресс-конференции корреспондент английского телевидения поинтересовался состоянием здоровья Брежнева.

На вопросы отвечали пресс-секретарь американского президента Джоди Пауэлл и Леонид Митрофанович Замятин, заведующий отделом внешнеполитической пропаганды ЦК КПСС (в открытой печати — отдел международной информации). Замятин не скрывал своего недовольства:

— Поставленный вопрос не имеет никакого отношения к предмету нашей пресс-конференции. Тем не менее, я отвечу. Наш президент выполняет огромный объем государственной и партийной работы в нашей стране. Здесь, в Вене, у вас появится возможность наблюдать за его работой, а эта работа, естественно, требует отменного здоровья. И на свое здоровье он не жалуется. Появляющиеся в вашей печати сообщения на этот счет — всего лишь домыслы.

Тут же поднялся специальный корреспондент «Известий» Мэлор Стурау, острый на язык, и в порядке взаимности попросил пресс-секретаря

американского президента:

— Расскажите нам, каково политическое здоровье господина Картера?

— Без особых перемен, — ответил Пауэлл.

В гостинице к Мэлору Стуруа подошел Громько, пожал ему руку и сказал:

— Леонид Ильич поручил мне передать вам благодарность за ваш вопрос на пресс-конференции. Я и Устинов присоединяемся к нему.

В первый день пребывания в Вене Картер и Брежнев нанесли визит вежливости президенту Австрии Рудольфу Кирхшлегеру, который по конституции осуществляет чисто представительские функции. Разговор продолжался несколько минут. Брежнев вдруг прочувствованно сказал Картеру:

— Бог нам не простит, если мы потерпим неудачу.

Все были изумлены ссылкой генерального секретаря Коммунистической партии на Бога. Замятин на пресс-конференции пояснил, что Брежнева не так поняли:

— Леонид Ильич хотел сказать, что будущие поколения нам не простят, если мы потерпим неудачу.

Процедура подписания проходила в Редутном зале дворца Хофбург. Подписав все экземпляры договора, Брежнев и Картер вдруг поцеловались, чего от них не ожидали. Несколько деликатных вопросов Брежнев и Картер обговорили наедине. В основном разговор касался контроля над соблюдением договора. После падения шахского режима в Иране Соединенные Штаты лишились своих наблюдательных пунктов, которые были расположены на границе с Советским Союзом. Эти станции с гигантскими антеннами находились близко к полигону, откуда запускались советские ракеты, — Тюратам (около Аральского моря), и к полигону, где испытывались противоракеты, — Сары-Шаган (около озера Балхаш).

Разведывательные посты в Иране фиксировали момент старта и записывали телеметрические данные, поступающие на наземный командный пункт. Это позволяло фиксировать длину и диаметр ракеты, а также вес забрасываемого груза, то есть определять тип ракеты. Теперь в распоряжении Соединенных Штатов осталось только разведывательное оборудование, размещенное на территории Турции. Этого было недостаточно. США попросили у турецкого правительства разрешения на полеты самолетов-разведчиков У-2 вдоль советской границы. Турки ответили, что согласятся только в том случае, если Москва не станет возражать.

Картер завел этот разговор с Брежневым. Тот отвечал уклончиво, но

понимал, что президенту необходимо доказать сенату, что Америка располагает возможностями для проверки СНВ-2, иначе сенаторы договор не ратифицируют. Еще при подготовке договора об ограничении стратегических вооружений и договора о противоракетной обороне обе страны договорились не мешать работе спутников, радиолокационных станций раннего обнаружения и средств электронного подслушивания. Каждая сторона знала, что другая ее не обманывает.

Когда появились ракеты с разделяющимися головными частями индивидуального наведения, возникла новая проблема. Как уследить за тем, чтобы другая сторона не попыталась втайне заменить моноблочные боеголовки — на боеголовки с разделяющимися головными частями? Сошлись на том, что надо отказаться от сооружения навеса над шахтой, где размещена ракета с моноблочной частью, чтобы нельзя было завести туда другие боеголовки и тайно от разведывательных спутников оснастить ракеты разделяющимися головными частями.

Но все было не так просто. Американцы встревожились, когда в районе украинских городов Деражня и Первомайск моноблочные ракеты и ракеты с разделяющимися головными частями стали размещать в почти одинаковых шахтах. Американцев не хотели запутать, просто для новых ракет использовали старые шахты. Но после того, как бетонные крышки шахт закрывались, спутник не мог определить, где какая ракета. Отличались только командные пункты. Построенные для новых ракет УР-1 ООН УТТХ (по натовской классификации СС-19) с разделяющимися головными частями посты управления имели куполообразные антенны.

Руководитель советской делегации на переговорах Владимир Семенов удивился, почему американцы беспокоятся, если по внешнему виду антенны сразу видно, что за ракета в шахте. Но руководитель американской делегации ему возразил:

— Антенна ничего не доказывает. Мы знаем, что вы можете запустить такую ракету и без антенны. Мы засекали такой пуск.

Семенов сразу перестал спорить. Но сами американцы потом забеспокоились: не выдали ли они тем самым русским способности своих спутников?

Нечто подобное происходило и в Соединенных Штатах. На базе Мальмстром в штате Монтана размещались рядом ракеты «Минитмен-2» с одной боеголовкой и «Минитмен-3» с разделяющимися головными частями. Американцы понимали, что отличить одну шахту от другой практически невозможно. Но советские дипломаты могли точно установить, где какие ракеты, — об этом написала местная американская

газета.

Тройка

В последние годы Громыко стал человеком, чье слово значило очень многое — и уже не только в международных делах. Когда здоровье Брежнева ослабло, политику страны стала определять тройка: министр обороны Дмитрий Устинов, председатель КГБ Юрий Андропов и министр иностранных дел Андрей Громыко.

В начале 1980-х годов Громыко, сторонник разрядки, стал занимать все более жесткую позицию. Не потому что изменил взгляды, а потому что увидел: разрядка не в моде, Брежнев уходит, надо выдвигаться вперед, а на мирных предложениях уважения в партийном аппарате не заработаешь. Громыко писал в мемуарах: «Сила советской внешней политики в том, что правда нашей страны более убедительна, чем все военные базы или армейские корпуса, на которые полагаются Соединенные Штаты Америки. Для того, чтобы наши идеи завоевали на свою сторону широчайшие массы, их не нужно подкреплять бряцанием оружия и организацией интервенций».

Эти слова кажутся издевкой на фоне принятых при Громыко решений ввести войска сначала в Чехословакию, а затем в Афганистан. Судьба Чехословакии в 1968 году решалась партийным руководством, но он отдал свой голос в пользу крайних мер, то есть ввода войск. На заседании политбюро он говорил, что руководители Чехословакии «не пойдут на наши предложения, и тогда уже мы осознанно будем подходить к решению вопроса о применении крайних мер». Министр успокоил политбюро:

— Сейчас международная обстановка такова, что крайние меры не могут вызвать обострения, большой войны не будет.

У себя в министерстве Громыко объяснял подчиненным:

— Никаких неожиданностей в связи с вводом войск не было. Был поднят шум, истерия в западной печати. По опыту 1956 года было ясно, что других действий со стороны Запада не будет. Румыны, югославы доказывают, что ввод войск — ошибка. Наш ответ: кроме суверенитета социалистических государств есть суверенитет социалистического содружества. Пусть это не отвечает букве Устава ООН — Устав принимался, когда не было социалистического содружества.

В 1980 году Громыко занял очень воинственную позицию в отношении Польши, где буквально на глазах рушился социалистический строй. Министр говорил, что «нам нельзя терять Польшу», и считал, что

надо идти на введение «чрезвычайного положения для спасения революционных завоеваний».

Кровавая афганская кампания отчасти на совести Громыко. За девять лет боевых действий советские войска потеряли более тринадцати тысяч человек. Каждый год войны стоил нашей стране три миллиарда долларов. Громыко нельзя считать инициатором, но он был соавтором решения о вводе войск, принятого 12 декабря 1979 года и оформленного решением политбюро №П 176/125.

Вот как выглядит этот документ, написанный секретарем ЦК Константином Устиновичем Черненко от руки:

«К положению в А:

1. Одобрить соображения и мероприятия, изложенные тт. Андроповым Ю.В., Устиновым Д.Ф., Громыко А.А.

Разрешить им в ходе осуществления этих мероприятий вносить коррективы непринципиального характера.

Вопросы, требующие решения ЦК, своевременно вносить в Политбюро.

Осуществление всех этих мероприятий возложить на тт. Андропова Ю.В., Устинова Д.Ф., Громыко А.А.

2. Поручить тт. Андропову Ю.В., Устинову Д.Ф., Громыко А.А. информировать Политбюро ЦК о ходе исполнения намеченных мероприятий.

Секретарь ЦК Л.И. Брежнев».

К решению приложена справка, тоже написанная Черненко:

«26 декабря 1979 г. (на даче присутствовали тт. Брежнев Л.И., Устинов Д.Ф., Громыко А.А., Черненко К.У.) о ходе выполнения постановления ЦК КПСС №П 176/125 от 12 декабря 1979 года доложили тт. Устинов, Громыко, Андропов.

Тов. Брежнев Л.И. высказал ряд пожеланий, одоблив при этом план действий, намеченных товарищами на ближайшее время. Признано целесообразным, что в таком же составе и направлении доложенного плана действовать Комиссии Политбюро ЦК, тщательно продумывая каждый шаг своих действий...»

Удивленный Добрынин спросил министра:

— Зачем ввели войска в Афганистан, ведь крупно поспоримся с американцами?

Громыко успокоительно ответил:

— Это только на месяц, все сделаем и быстро уйдем.

Американский посол в Москве Томас Уотсон добился приема у

Громыко. Выразил недоумение правительства Соединенных Штатов: руководитель Афганистана, который просил Советский Союз о присылке войск, был убит, как только войска вошли в страну, и туда доставили на советском самолете нового президента. Как-то не похоже на смену правительства...

— Кто вам все это сказал? — брезгливо ответил министр. — Ваш президент вопит на весь мир, потом слышит собственное эхо и считает, что это голос Бога!

Международные последствия ввода войск были для Советского Союза очень тяжелыми. Это одно из крупнейших поражений советской политики времен Громыко. Наверное, сказался возраст, притупилась интеллектуальная бдительность. Ни потери советских войск, ни судьба афганского народа министра не интересовали. Лишенный от природы некоторых важных человеческих качеств, с годами он еще и научился абстрагироваться от страданий других людей.

Британский лорд Каррингтон вспоминает, как он приезжал в Москву с предложением провести международную конференцию по Афганистану. Громыко холодно ответил, что это нереальное предложение. Каррингтон прямо спросил его: не считает ли он ужасающим факт, что из девятнадцатимиллионного населения Афганистана три или четыре миллиона стали беженцами и бежали в Пакистан из-за советского военного вмешательства? Громыко равнодушно ответил:

— Они не беженцы. Афганцы всегда были кочевниками.

Он произносил такие ястребиные речи, которых давно не слышали. Он утерял способность договариваться с американцами. Наверное, чувствовал, что у него что-то не получается, поэтому нервничал.

Новый американский президент Рональд Рейган, вступивший в должность в январе 1981 года, занял очень жесткую позицию, от которой в Москве отвыкли. Он назначил государственным секретарем генерала Александра Хейга, который ушел в отставку с поста командующего войсками НАТО в Европе. Первый же контакт Хейга с советскими дипломатами превратился в скандал.

Советский посол Добрынин проработал в Вашингтоне столько лет, что стал дуайеном дипломатического корпуса. Киссинджер установил с ним особые отношения. Добрынину поставили аппарат прямой связи с государственным департаментом. И он (единственный из всех послов) имел возможность проникать в государственный департамент со служебного входа, куда более удобного, чем вход для посетителей.

Когда пришел Хейг, эту привилегию отменили, но забыли

предупредить секретариат Добрынина. Поэтому посольский лимузин был остановлен и отправлен назад. Добрынин решил, что его сознательно подвергли такому унижению. Но сдержался. Добрынин умел пленять вашингтонскую публику, как выражались американцы, «очаровательным подражанием буржуазным светским манерам».

У посла всегда наготове была приятная фраза. Пожимая Хейгу руку, он сказал:

— Приятно видеть вас снова в Вашингтоне, Ал. Вы здесь на месте.

Но самые ловкие комплименты уже не могли снизить накал противостояния. Помимо Афганистана причиной серьезного кризиса в отношениях между Востоком и Западом стали новые советские ракеты средней дальности.

В 1981 году в Советском Союзе на вооружение был принят мобильный ракетный комплекс с двухступенчатой баллистической ракетой средней дальности РСД-10 «Пионер». Натовцы назвали новую ракету СС-20. Она имела разделяющиеся головные части индивидуального наведения с тремя ядерными боезарядами. Дальность полета превышала пять тысяч километров.

Установка «Пионеров» вдоль западных границ шла стремительными темпами. Американцы фиксировали, что каждую неделю появляются две новые ракеты. Всего было поставлено на вооружение шестьсот пятьдесят ракет. Появление такого количества современного ядерного оружия меняло баланс сил в Европе. Военные хотели еще разместить «Пионеры» и на Чукотке, чтобы под ударом оказалась территория США. Но там вечная мерзлота, необжитая территория, на такие непосильные для страны расходы все же не пошли.

Советские ядерные силы средней дальности, нацеленные на Западную Европу, породили возмущение и страх. А в Москве, писал академик Георгий Арбатов, началось ликование: вот какие мы сильные и умные, ущемили, напугали американцев и НАТО.

Канцлер ФРГ Гельмут Шмидт пытался объяснить советскому руководству, что они играют в опасную игру:

— Целью ваших новых ракет может быть только ФРГ, и я обязан предпринять какие-то меры. Эти ракеты нарушают баланс сил в Европе. Если вы будете продолжать установку ракет, я потребую от американцев принять меры.

Шмидт летел через Москву и в аэропорту заговорил об этом с Косыгиным и Громыко. Косыгин почувствовал, что канцлер настроен серьезно, и хотел продолжить беседу, но Громыко, который терпеть не мог

Шмидта, свернул разговор.

Дело в том, что еще в 1975 году на встрече с Брежневым канцлер иронически заметил:

— Советско-германские отношения развивались бы плодотворнее, если бы Громыко держал себя гибче.

Брежнев в тот день чувствовал себя как-то особенно усталым. Ему было не до шуток. Он ответил сухо:

— Громыко пользуется полным доверием советского руководства и выражает его позицию.

Присутствовавший на беседе министр запомнил слова немца. «До ухода с поста главы правительства ФРГ Шмидт не был прощен, — пишет Фалин. — Громыко вел его по списку своих оскорбителей и предвзято воспринимал все, что исходило от канцлера».

Привело это к самым печальным последствиям. В декабре 1979 года НАТО приняло решение разместить в Западной Европе 464 новые крылатые ракеты наземного базирования «Томагавк» и заменить 108 устаревших ракет «Першинг» модернизированными ракетами «Першинг-2», которые еще только дорабатывались. Но пока ракеты не установлены, страны НАТО предложили Москве вступить в переговоры, чтобы сократить численность ядерного оружия в Европе.

Советские дипломаты пытались натравить общественное мнение Западной Европы на Соединенные Штаты. Говорили, что в случае войны Советскому Союзу придется, к сожалению, нанести удар по густонаселенной Европе, которая столь неразумным образом разрешает американцам размещать у себя новые ракеты. Но это только породило всплеск антисоветских чувств.

Гельмут Шмидт до последнего надеялся уговорить Москву что-то предпринять. Посол в ФРГ Фалин со своей стороны тоже пытался убедить Брежнева в необходимости действовать. Генеральный секретарь отвечал безнадежным **ТОНОМ**:

— Валентин, ну что ты на меня нападаешь. Убеди Громыко.

Валентин Фалин услышал за этим признание: разве ты не видишь, что «для них» я больше не авторитет?

Государственный секретарь Хейг и министр Громыко встретились осенью 1981 года в Нью-Йорке. Хейг говорил потом, что Громыко обнаружил некое чувство юмора «с оттенком сарказма утомленного человека, которому на протяжении полувековой дипломатической деятельности приходилось сталкиваться со всеми проявлениями человеческого безрассудства и который знает, что так будет и впредь».

Посмотрев снизу вверх на присутствовавшего на переговорах американского посла в Москве Хартмана, отличавшегося высоким ростом, Громько весело заметил:

— Дома он кажется еще выше, чем в Москве. Хартман все растет и растет.

На что Хейг, указав на столь же высокого Добрынина, заметил, что по послам между двумя странами достигнут паритет.

В начале встречи, отметили американцы, Громько выглядел бодрым и моложе своих лет, но к концу беседы казался постаревшим и слишком утомленным. Все же ему было семьдесят два года. Он отер лоб рукой, явно чувствуя усталость и вместе с тем облегчение.

Президент Рональд Рейган предложил «нулевое решение»: Советский Союз убирает свои ракеты «Пионер», Соединенные Штаты отказываются от установки «Першингов» и «Томагавков». Советские военные с негодованием отвергли это предложение. Начальник Генерального штаба маршал Сергей Федорович Ахромеев объяснил дипломату Юлию Александровичу Квицинскому, которому поручили заняться ракетной проблемой, что количество «Пионеров» будет еще увеличено. Кроме того, есть план развернуть несколько сотен оперативно-тактических ракет меньшей дальности. Квицинский поразился:

— Как же так, только что в соответствии с директивами, одобренными политбюро, я заявлял, что количество ракет не увеличится, что их число надо заморозить.

— Тогда об этом нельзя было говорить, а сейчас нужно сказать, — равнодушно ответил маршал. — Сегодня скажите «да», а завтра — «нет». Мало ли чего вы там заявляете, вы же не Брежнев.

То есть Леонид Ильич публично говорил, что установка новых ракет заморожена, вся пропагандистская машина была приведена в действие, чтобы доказать миролюбие Советского Союза, а военные лихорадочно наращивали ядерный потенциал в Европе. Ахромеев показал Квицинскому карту объектов НАТО в Европе, по которым должен быть нанесен ядерный удар; на ней значилось девятьсот с лишним целей. На каждую цель для верности было наведено несколько ядерных боезарядов.

Личная неприязнь Громько к канцлеру Шмидту и нежелание спорить с военными сыграли роковую роль. В Западной Европе появились новые американские ракеты, что поставило Советский Союз в весьма невыгодное положение. Новое американское ядерное оружие в Европе усилило ощущение уязвимости. Иначе говоря, установка огромного количества «Пионеров» не только не укрепила безопасность страны, а, напротив,

подорвала ее. И в советской печати уже заговорили об опасности войны.

Внешняя политика последних громыкинских лет, когда Брежнев уже не мог ни в чем участвовать, и после его смерти, уже при Андропове, производила впечатление непредсказуемой и непродуманной. Излишняя, ненужная жесткость свидетельствовала об отсутствии уверенности в себе. Внешняя политика оказалась почти полностью подчиненной интересам вооруженных сил. Вот почему при Шеварднадзе военные, лишившись своих позиций, будут возмущаться поведением дипломатов.

Ракетную проблему решил Горбачев. Он, в конце концов, принял вполне разумный «нулевой вариант» Рейгана. В декабре 1987 года Рейган и Горбачев подписали договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. Все «Пионеры» пришлось уничтожить. Огромные деньги и силы были потрачены зря.

Борис Иосифович Поклад ведал в Министерстве иностранных дел отношениями с европейскими социалистическими странами. Во время очередной поездки в Польшу его поразило, что сотрудники посольства и сами поляки по-разному оценивали происходящее в стране, но все говорили о грядущих переменах.

Борис Поклад передал свои впечатления послу — им был Станислав Антонович Пилотович, недавний секретарь компартии Белоруссии. Посол безапелляционно заявил:

— Обстановка в Польше спокойная, и мы ее контролируем.

И чтобы как-то подтвердить свою правоту и закончить неприятный для него разговор, положив руку на аппарат междугородной правительственной ВЧ-связи, сказал:

— Я чуть ли не каждый день говорю с Леонидом Ильичем.

«Наивный ты человек, — подумал Поклад. — Если завтра что-то случится в Польше, отвечать будешь ты, а Леонид Ильич будет ни при чем». И то, что потом произошло в Польше при Б.И. Аристове, было результатом тех процессов, которых не хотел замечать Пилотович».

В 1978 году Станислава Пилотовича отозвали из Варшавы. Работник его ранга обычно получал назначение в более приятную страну. Пилотовичу, отмечает Борис Поклад, «после освобождения от должности не нашлось места в Министерстве иностранных дел». Его вернули в Минск на пост меньший, чем он занимал до Варшавы.

В Польшу отправили послом первого секретаря Ленинградского горкома Бориса Ивановича Аристова. В МИД ему рекомендовали не торопиться с оценкой ситуации в стране.

«Однако месяца через два-три, — пишет Поклад, — из Варшавы

пришла именно такая телеграмма. Ситуация в Польше оценивалась в целом как напряженная. Эта депеша вызвала сильное раздражение на Старой площади, причем на высоком уровне... Сыр-бор разгорелся главным образом из-за того, что посол не имел право давать такую серьезную телеграмму, пробыв в стране всего-ничего...»

Аристов спокойно объяснил:

— Но ведь эту телеграмму писал не я один, над ней работал коллектив посольства, который знает обстановку в Польше...

В конце эпохи Громыко страна оказалась в глухой обороне по всем направлениям — из-за Афганистана и прав человека. Его внешняя политика ничем не могла помочь стране, дипломатия превратилась в перебранку — как при Молотове и Вышинском. Неважный итог работы министра иностранных дел.

Самая жесткая беседа в жизни Громыко состоялась после того, как рано утром 1 сентября 1983 года советский самолет-перехватчик Су-15 двумя ракетами сбил южнокорейский гражданский самолет «Боинг-747» и все 269 пассажиров погибли. Мир был потрясен. Сначала политбюро вообще отрицало, что самолет был сбит. Потом сообщили, что по самолету стреляли, но не попали. И только через несколько дней в официальном заявлении советского правительства выразилось сожаление «по поводу гибели ни в чем не повинных людей».

Ужас трагедии, помноженной на трусливое вранье, породил волну антисоветских настроений. И они перечеркнули все попытки снять напряжение в отношениях с Западом.

Соединенные Штаты пытались помешать постройке газопровода, который доставлял сибирский газ на западноевропейский рынок. Поэтому частично готовность Москвы вернуться к разрядке носила экономический характер: нужно было обеспечить нормальные экономические отношения с Западом. Возобновились переговоры в Женеве о ракетах. Трехлетний мертвый период в советско-американских отношениях закончился в декабре 1984 года, незадолго до прихода Горбачева к власти, когда министр Громыко и госсекретарь Шульц провели переговоры в Женеве. И в декабре же Михаил Сергеевич приехал в Лондон, где очаровал Маргарет Тэтчер...

Но когда 8 сентября 1983 года Громыко и американский государственный секретарь Джордж Шульц сели за стол переговоров, госсекретарь сразу сказал, что у него есть поручение президента сделать заявление по поводу сбитого самолета. Громыко сухо ответил:

— У меня есть свои предложения по повестке дня. Мало ли, что вам приказал сделать ваш президент. А я хочу обсуждать вопросы, от которых

действительно зависят судьбы планеты: ситуация в мире, отношения между СССР и США. В свое время я отвечу на любые ваши вопросы. И дам еще свою характеристику тому, что произошло. Но с этого начинать я не буду.

Шульц твердил, что у него есть поручение начать именно с этого. Надо заметить, что Громыко практически невозможно было вывести из себя. Даже в самые напряженные минуты выражение его лица не менялось. Но тут он покраснел и стукнул кулаком по столу:

— Ну, если так, тогда вообще разговора не будет. Так я и доложу, когда приеду в Москву, что американцы наотрез отказываются вести с нами дело, не хотят говорить о действительно животрепещущих, важнейших проблемах в мире. — Он еще раз стукнул кулаком и встал. — В таком случае не надо продолжать беседу.

Джордж Шульц тоже стукнул кулаком и тоже вскочил. Они стояли друг против друга, и было такое ощущение, что они сейчас подерутся. Остальные члены делегации не знали, что делать: вставать или не вставать. Громыко и Шульц все-таки совладали со своими чувствами, сели и продолжили беседу. Но нормальный диалог был разрушен.

Отношения с Америкой безнадежно портились. Громыко ничего не мог поделать. Сам это понимал в последние годы, нервничал. Чувствовалось, что он устал и выдохся. Американцы называли министра «Мрачный Гром».

Рональд Рейган готовился к новым выборам в 1984 году, когда соперник-демократ Уолтер Мондейл обвинил его в нежелании урегулировать разногласия с Москвой: Рейган — единственный послевоенный президент, который ни разу не встретился с руководителем Советского Союза. Джордж Шульц тоже настаивал на том, что пора приступить к серьезному разговору с русскими. И тогда Громыко пригласили в Белый дом поговорить о возобновлении переговоров по военным делам.

Помощники попросили Рейгана обсудить с Громыко один важный вопрос, когда они на короткий момент останутся вдвоем в овальном кабинете перед обедом. Дипломаты с удовлетворением отметили, что два джентльмена что-то коротко обсудили, причем оба согласно кивнули. После обеда сотрудники государственного департамента спросили советских дипломатов, каким же будет их ответ на заданный вопрос. Но гости даже не понимали, о чем их спрашивают.

Тогда заместитель государственного секретаря Марк Палмер поинтересовался у охранника, который через потайное окошко наблюдал

за происходящим в овальном кабинете, что же там происходило. Выяснилось, что Рейган, которому было семьдесят три, спросил Громыко, которому было семьдесят пять, не желает ли министр воспользоваться президентским туалетом перед обедом. Громыко с удовольствием принял предложение. Он зашел первым, его примеру последовал Рейган. Они вымыли руки и в неплохом настроении отправились обедать. Продвинуть разоружение не удалось, но по крайней мере некоторое взаимопонимание было достигнуто.

К джентльменам присоединилась Нэнси Рейган, понимая, как важны эти переговоры. Когда все стояли с бокалами, Громыко попросил Нэнси:

— Скажите вечером своему мужу на ухо одно слово: мир.

Нэнси кивнула:

— Хорошо, я так и сделаю, а сейчас я говорю вам на ухо: мир.

«Не надо с ним спорить»

В определенной степени Громыко был машиной. Он подчинялся раз и навсегда заведенному порядку. И в его расписании находилось место для всего, что он хотел сделать. К приезду министра, рассказывал посол Ростислав Александрович Сергеев, работавший в его аппарате, помощники подбирали и клали на стол самые важные телеграммы и сообщения, поступившие за ночь из посольств и других ведомств, а также из ТАСС, где специальная группа готовила столь же секретные обзоры иностранной печати для руководства страны.

Группа советников при министре существовала с 1959 года. Они приходили в МИД к восьми утра. В девять они уже докладывали Громыко о важнейших событиях в мире.

Для подготовки документа министр собирал у себя нескольких дипломатов, и они обсуждали существо проблемы. Затем отдел или управление трудилось над проектом документа, через день-другой следовало представить первый набросок. Кто-то из сотрудников читал его вслух, а министр, вооружившись синим карандашом, следил по тексту, что-то правил или говорил, как следует изменить. Самые секретные документы он диктовал либо своему советнику, либо кому-то из ведущих дипломатов. Если он соглашался с документом, то ставил карандашом свои инициалы «А. Г.». Если не соглашался, то просто перекладывал в папку просмотренных документов. Бумага возвращалась назад. Почерк у него был ужасный, но секретари, помощники и машинистки научились разбирать его пометки.

Обедал он в одиночестве за маленьким столом в комнате отдыха, куда вела дверь из его кабинета. Работал в кабинете № 706 на седьмом этаже до восьми-девяти вечера, потом ехал домой и продолжал трудиться. Его квартира находилась сначала на улице Горького около площади Маяковского, позднее в районе Пушкинской площади и затем на улице Станиславского.

— В роли помощника в последний раз за день я приезжал к нему домой уже за полночь, чтобы забрать просмотренные им документы, — рассказывал мне Александр Александрович Бессмертных, который со временем сам станет министром. — Он был типичный трудоголик, работяга. Трудился до двенадцати, до часу ночи.

«Поздно вечером был у Андрея Андреевича дома, — записал в

дневнике его заместитель Владимир Семенов. — Он с ходу задиктовал один документ, буквально на страничку, весьма изящный (не в пример тому, что я заготовил днем на ту же тему). Он не критиковал мой проект, стараясь смягчить смысл перемены, но это была с его стороны деликатность. Я это видел. И оценил, конечно. И учился. В политике бывает неловкое: возьмешь не ту ноту, и пойдет все не в нужном ключе».

По словам Фалина, министр превратил свою жизнь в сплошное бурлачество. В значительной степени — потому что не позволял своим помощникам и заместителям никакой самостоятельности. Хотя он собрал сильную команду — Корниенко, Воронцов, Бессмертных, Карпов, Комплектов, Квицинский, Адамишин, Фалин, Добрынин. Многие из них продолжали дипломатическую службу и после его ухода.

Много лет его первым заместителем был Василий Васильевич Кузнецов — «мудрый Васвас», как говорили в МИД. Министр занимался большой политикой, а Кузнецов вел текущие дела. Он не уклонялся от решения сложных и щекотливых вопросов и не пытался свалить опасное дело на других замов. Угрюмый от рождения, Кузнецов внешне походил на Громыко. Но коллеги высоко его ценили. Он ненавидел сталинское время, рассказывал:

— В любой момент мог раздаться стук в дверь. Никто не знал, где окажется завтра — на работе или в тюрьме.

«Василий Васильевич ведет дела по-стариковски, едва отбиваясь от текучки, не решаясь двигать крупные вопросы, — не скрывал своего недовольства Владимир Семенов. — Он способен затратить полдня на вызволение наших моряков из Ганы и отложить в сторону любые проекты большой политики... Да и ему, конечно, труднее продвигать большие дела наверху, где сейчас архиосторожны и архибдительны».

Умный и образованный, Кузнецов старательно носил маску серости. Это была единственная возможность уцелеть. Он утешал дипломатов, которые жаловались, что не удастся доказать министру какую-нибудь очевидную вещь:

— Не надо с ним спорить. Если он что-то твердо решил, его не своротишь.

После ухода Кузнецова в Президиум Верховного Совета первым замом стал Георгий Маркович Корниенко. Он взял на себя всю практическую работу по руководству министерством. О своем заместителе Громыко был высокого мнения. Оказавшийся в кабинете министра дипломат рассказывал, как Андрею Андреевичу позвонил один кандидат в члены политбюро и хотел посоветоваться. Он ехал в США во главе

делегации, предполагал, что возникнет вопрос о сокращении ядерных вооружений. Так вот, он намерен сказать следующее...

Громыко его прервал и сказал:

— Что бы вы ни сказали, вы можете допустить неточность, а это осложнит переговоры. Этот вопрос в Союзе знают только три человека: Брежнев, я и Корниенко.

Министр — от Молотова до Громыко — оставался для дипломатов почти божеством, абсолютно недоступным. Можно было проработать всю жизнь в МИД и ни разу не увидеть министра. К нему допускались только самые высокие по рангу дипломаты. Время приема у министра устанавливал его первый помощник Василий Георгиевич Макаров, известный своими грубыми манерами. Но министра он устраивал, поскольку, как хороший сторожевой пес, надежно ограждал от внешнего мира с его неприятностями и сюрпризами. В МИД злые языки утверждали, что есть один способ расположить к себе первого помощника — он был равнодушен к материальным благам. Тогда дверь кабинета министра могла приоткрыться.

Громыко никого не называл по имени-отчеству, только по фамилии. За исключением членов политбюро — они друг к другу обращались по имени. Наверное, в нем это сохранилось со старых времен, но для его ближайших помощников это было не очень приятно. Один из них как-то заметил:

— Наверное, он даже не знает, как меня зовут.

Громыко в мидовских делах был неограниченным самодержцем. Но некоторые послы, лично известные генеральному секретарю и потому уверенные в себе, пытались донести свое мнение до политбюро через голову министра. Посол имел право адресовать свою шифротелеграмму не только в Министерство иностранных дел, но и отправить ее «по большой разметке», то есть всему руководству страны. Шифровки от послов они читали в первую очередь.

Громыко, ясное дело, не любил, когда послы обращались к Брежневу, минуя министра, даже прямо запрещал им это делать. Впрочем, могущественный Андрей Андреевич не всегда был властен над послами в крупных странах, позволявшими себе своевольничать. Некоторых послов и назначали без участия Громыко.

Сергей Георгиевич Лапин, который со временем возглавит ТАСС, а затем Гостелерадио, рассказывал, как его в 1965 году вызвали на заседание президиума ЦК. Брежнев заговорил о том, что нужно найти посла в Китай — это был момент, когда отношения с Пекином стремительно ухудшались. Брежнев долго перечислял качества, нужные послу, а потом вдруг сказал:

— Мы полагаем, что такими качествами обладает товарищ Лапин.
И тут же решение было принято.

В 1973 году бывшего министра сельского хозяйства Владимира Владимировича Мацкевича назначили послом в Чехословакию. Мацкевич поехал на Смоленскую площадь в Министерство иностранных дел. В 4-м европейском отделе зашел познакомиться с Борисом Покладом, который отвечал за Чехословакию.

«Мацкевич, — вспоминал Поклад, — рассказал о себе, где он работал, о своем хобби — охоте. С удовольствием и довольно долго перечислял награды, которые получил на этом поприще. Сказал, что совсем недавно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата сельскохозяйственных наук. Причем на заседании ученого совета было высказано мнение, что представленная диссертация отвечает требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям».

— Поэтому, — небрежно сказал Мацкевич, — с отъездом в Прагу я повременю. Сначала надо защитить докторскую диссертацию, а потом уже ехать.

Через некоторое время Мацкевич заглянул в министерство уже будучи доктором наук. Новому послу рекомендовали советником-посланником дипломата, который ему, что называется, не глянулся. Но его родственником был Петр Андреевич Абрасимов, заведующий отделом ЦК КПСС по работе с заграничными кадрами и по выездам. Абрасимов был человеком высокомерным и недалеким, но с большим опытом и связями, посему чувствовал себя уверенно.

Борис Поклад сказал Мацкевичу, что в таком случае вопрос можно считать решенным. Владимир Владимирович тут же возразил, заметив, что это обстоятельство его не смущает, он пойдет к Громько и все уладит. Так и случилось. Несколько дипломатов сменили место работы, чтобы Мацкевич избавился от работника, который ему не нравился.

Но и новый советник-посланник не пришелся ему по душе. От него посол избавился иным способом. Поклада попросили позвонить Юрию Владимировичу Андропову. Председатель КГБ сказал, что резидент в Праге докладывает и уже не в первый раз, что у советника-посланника крайне плохие отношения с руководством компартии Чехословакии... Чехословацкие друзья очень жалуются на него...

— Ну, что будем делать? — спросил Андропов. И как бы рассуждая и советуясь, сказал: — Мне кажется, надо снять напряжение. Дальше терпеть это нельзя. Будем отзываться...

Борис Поклад обещал доложить заместителю министра, курирующему

этот регион, но вопрос был уже решен.

Когда Мацкевичу исполнилось шестьдесят девять лет, его назначили послом в Австралию. Это была обычная ротация дипломатических кадров. Причем кадровики на Смоленской площади думали, что доставят Владимиру Владимировичу удовольствие: страна симпатичная, а работы значительно меньше, чем в Чехословакии. Не угадали. Мацкевич сказал Покладу, что жена больна и ехать в Австралию не может, да и вообще он хочет в семьдесят лет выйти на пенсию.

— Но ведь, наверное, уже есть решение политбюро ЦК о вашем назначении! — воскликнул дисциплинированный Поклад. — Теперь уже ничего не поделаешь.

— Решение-то есть, но его можно изменить, — спокойно заметил Мацкевич. — Надо самому определиться.

Он соединился по вертушке с Константином Устинови-чем Черненко, тогдашним членом политбюро и секретарем ЦК КПСС и, говоря с ним на «ты», попросился на прием. Тот сразу же ответил: «Приезжай». Вернувшись из ЦК, Владимир Владимирович с радостью сообщил, что вопрос решен: в Австралию он не поедет, поработает еще год в Праге и спокойно уйдет на пенсию. Такого в Министерстве иностранных дел не видывали. Для карьерных дипломатов решение политбюро было законом. Выяснилось, что ради близкого к Леониду Ильичу человека и закон можно отменить...

С дипломатами, которых привечал генеральный секретарь, Громыко приходилось непросто. Валентин Фалин описывает в воспоминаниях необычную сцену в кабинете Брежнева. Присутствовали Громыко и референт генерального секретаря по международным делам Евгений Матвеевич Самотейкин. Фалин обратился к Брежневу:

— Не знаю, дошла ли до вас, Леонид Ильич, моя телеграмма по итогам беседы с канцлером на прошедшей неделе. Брандт приглашал меня к себе, чтобы, по сути, заявить протест...

— Какая телеграмма? От какого числа? — Брежнев повернулся к Громыко: — Андрей, почему мне не доложили?

Громыко, метнув в сторону Фалина сердитый взгляд, произнес:

— Леонид, я тебе излагал ее содержание по телефону.

Не обращая внимания на министра, Фалин пересказал свой разговор с канцлером ФРГ Вилли Брандтом, который не без оснований упрекал советскую дипломатию в неискренности.

Громыко перебил своего посла:

— По-вашему, только западные немцы говорят правду?

Фалин обратился к генеральному секретарю:

— Леонид Ильич, разрешите мне закончить доклад, затем я буду готов ответить на вопросы, которые есть у Андрея Андреевича.

Это был прямой вызов, к такому Громыко не привык. Министр, по словам самого Фалина, потемнел лицом, сложил лежавшие перед ним бумаги, подошел к генеральному секретарю:

— Леонид, ты знаешь, у меня встреча. Я позже тебе позвоню.

После этого разговора референт генсека Самотейкин по-дружески сказал Фалину:

— На Леонида Ильича произвело впечатление, что ты не дрогнул перед Громыко. Вместе с тем он обеспокоен, во что этот инцидент тебе обойдется.

Но министр не стал мстить послу за очевидное унижение, что в общем свидетельствует в пользу Громыко. Он умел переступать через свои чувства и эмоции. Более того, когда однажды Брежнев был недоволен действиями Фалина и чуть было не отстранил его от работы, Громыко принял гнев на себя, хотя вполне мог бы и подлить масла в огонь.

«Министр, надо ему отдать должное, умел ругаться самым обидным образом, — вспоминал Юлий Квицинский. — Однажды он довел меня почти до слез, объявив ошибочной и неприемлемой формулировку преамбулы соглашения, хотя сам утвердил эту формулировку, но теперь забыл об этом. Я молча встал и вышел из кабинета министра. Через некоторое время мне сказали, что министр вызывает меня вновь. Я попросил передать, что не пойду и прошу меня от дальнейшего участия в переговорах освободить. Тогда пришел старший помощник В.Г. Макаров, который уговорил меня не делать глупостей. Когда я вернулся, министр встретил меня ворчанием, из которого можно было разобрать такие слова, как «не работник, а красная девица», «слова ему нельзя сказать». Но браниться перестал».

Он устраивал разносы за мелкие ошибки. Но вспышки гнева были непродолжительными и часто не влияли на отношение к сотруднику. Нагрубив, иногда на следующий день извинялся. Все большие советские начальники были взбалмошны, но Громыко все-таки не часто давал себе волю и — главное — не был мстителен и злопамятен. Не унижал и не топтал своих подчиненных.

Он, может быть, был единственным членом политбюро, который ценил и уважал талантливых и образованных людей. Брежневу тоже нравились некоторые интеллектуалы, но чисто утилитарно — они ему писали речи и книги. А Громыко таких людей продвигал и по служебной

лестнице.

Павел Семенович Акопов, который работал в Египте, вспоминает, что Громыко уважал тех, кто умел за себя постоять и не трусил. Во время октябрьской войны 1973 года на Ближнем Востоке Громыко постоянно звонил в Каир — в посольстве установили аппарат закрытой связи с Москвой. Послом в Египте был Владимир Михайлович Виноградов. Президент Египта Анвар Садат обычно принимал его ночью. В один из вечеров Громыко искал Виноградова, звонил каждые полчаса, а тот все никак не возвращался от Садата. В какой-то момент Громыко не выдержал и сказал Акопову:

— Вы писать можете? Берите ручку и бумагу.

И стал диктовать:

— Передайте Садату, что у нас появилась информация о том, что англичане...

А дальше Громыко что-то говорит, а Акопов никак не мог разобрать. Он несколько раз переспросил. Громыко вышел из себя и стал кричать:

— Вы что, глухой?

Акопов набрался нахальства и сказал:

— Андрей Андреевич, этот телефон не терпит крика.

Министр успокоился и стал говорить, отчетливо произнося каждое слово.

Впрочем, подчиненные Громыко чаще завоевывали его симпатии более традиционными способами. Тот же Акопов вспоминает, как министр прилетел в Каир. В отсутствие посла Акопов оставался временным поверенным в делах. Громыко пригласил его вечером на ужин. Акопов от волнения ни слова не мог вымолвить, но сообразил, что ему делать, и стал ссылаться на книгу Громыко «Экспорт американского капитала». «И вдруг я посмотрел в его глаза, — пишет Акопов. — Они засияли, он стал каким-то добрым, мягким. Представьте себе, я никогда его таким не видел. Я почувствовал, что попал в точку».

В 1961 году министр издал книгу «Экспансия доллара» — под псевдонимом. А в 1982 году уже под собственным именем — солидный том «Внешняя экспансия капитала. История и современность». За ученые труды Андрей Андреевич получил ленинскую и государственную премии. Экспорт капитала казался Громыко чем-то ужасным — в то время как его наследники думают только о том, как бы привлечь в Россию иностранные инвестиции, без которых невозможно развитие экономики.

«Дипломат копает себе могилу рюмкой»

Громько был аскетичен в быту. Сам он почти не пил, хотя мог выпить кружку пива, снисходительно относился к увлечению горячительными напитками только в том случае, если ценил дипломата. На узком совещании в январе 1977 года сокрушался:

— Есть вопрос идейно-воспитательной работы. В 1976 году восемнадцать работников были отозваны из-за рубежа. В основном потому, что были дружны с бутылкой. Я не врач, не намерен доказывать вред алкоголя. Если человек теряет голову от рюмки, он не годится в дипломаты.

Вот какие советы Громько-старший давал сыну, отправляя его на работу за границу:

— На приемах не пей. Дипломат копает себе могилу рюмкой. Не выпячивайся, будь скромнее. Старайся больше слушать, чем говорить. Важно слышать не себя, а собеседника. Если не уверен, что надо говорить, лучше промолчи. И еще — не заводи дружбу с иностранцами. Политикам и дипломатам это обуза.

Он и сам следовал собственным правилам. Держал язык за зубами не только в разговорах с иностранцами.

«В домашней обстановке, — свидетельствует его дочь, — папа за столом никогда не сидел на месте хозяина (в торце) и не вел себя как хозяин. Хозяйкой стола была мама... Единственный человек, который вел себя тише других и говорил меньше других, был мой папа... Папа не любил, когда кто-либо заводил разговор о политике, хмурился и переводил беседу на другую тему. А если ему задавали вопрос, касающийся политики, он говорил: «Задайте мне вопрос полегче», — и сдержанно улыбался».

Он следил за собой, делал упражнения с гантелями, много гулял — обязательно проходил десять километров в день. В Нью-Йорке, когда он приезжал осенью на сессию Генеральной Ассамблеи ООН, сотрудникам представительства приходилось сопровождать его на прогулке. Вся дипломатическая молодежь от этих прогулок стонала — пройти десять километров вместе с министром оказывалось тяжким делом.

После прогулки устраивалась трапеза. Все хотели выпить, но Громько выпивок не одобрял. Тогда Добрынин брал на себя инициативу и говорил:

— Андрей Андреевич, может быть, пригубим что-нибудь для

поднятия духа?

Если Громыко не реагировал на слова Добрынина, выпивка отменялась. Иногда Громыко говорил:

— Я не буду. А кто хочет, может выпить.

Тогда официантки ставили бутылки с водкой и вином на стол.

Все это описал Аркадий Николаевич Шевченко, который стал заместителем Генерального секретаря ООН. Шевченко в 1978 году попросил политического убежища в Соединенных Штатах. Шевченко бежал после того, как его попросили срочно приехать в здание советского представительства при ООН.

Его пригласил к себе советский представитель Олег Трояновский и показал телеграмму из Москвы — Шевченко срочно вызывали на родину. Телеграмма повергла Шевченко в панику. Он вернулся к себе в здание Организации Объединенных Наций и позвонил своему связному — офицеру Центрального разведывательного управления Соединенных Штатов. Жене Шевченко ничего не сказал, оставил записку, которую она увидит только утром. Положил в портфель снимок дочери, фотографию своей жены вместе с женой Громыко и большое групповое фото с Брежневым. Ночью Шевченко спустился по пожарной лестнице, перешел через улицу и сел в ожидавшую его машину. Его спрятали в доме, принадлежавшем ЦРУ.

Советский посол в Соединенных Штатах Анатолий Добрынин и представитель в ООН Олег Трояновский потребовали от американцев устроить встречу с Шевченко. Но это был бесполезный разговор. Два посла уговаривали его вернуться, а Шевченко повторял, что он решил остаться — и точка.

После его побега Громыко раздраженно сказал председателю КГБ Андропову, что помощников у него было много и он просто не помнит такого человека — Шевченко. Контрразведчики, которые обыскали московскую квартиру Шевченко, принесли Андропову фотографии, на которых министр иностранных дел был запечатлен вместе со своим беглым помощником в домашнем интерьере. Работая в Нью-Йорке, Аркадий Николаевич и его жена, как могли, радовали супругу министра — Лидию Дмитриевну. Сын Шевченко перечислил подарки, которые супруги Шевченко делали жене министра...

Аркадий Шевченко подружился с сыном министра — Анатолием Громыко. Шевченко познакомился с ним, когда учился в МГИМО. Они вместе написали статью для журнала «Международная жизнь», главным редактором которого был Громыко-младший. Не эта ли дружба сыграла

ключевую роль в стремительном возвышении Шевченко? Знаю еще одного человека, который сделал порядочную карьеру в министерстве иностранных дел, написав книгу вместе с сыном министра...

Шевченко взяли на работу в МИД, где он быстро сделал карьеру, в 1969 году стал одним из помощников Громыко. А до побега в течение пяти лет занимал почетную и приятную, хотя и безвластную должность заместителя генерального секретаря ООН по политическим делам. Этот пост сулил в дальнейшем назначение послом в крупную страну.

Шевченко попросил убежища в США за год с лишним до того, как действительно совершил побег. Для начала его попросили поработать на американское правительство, то есть на ЦРУ. Что именно Шевченко мог передать американцам? Инструкции из Москвы насчет того, какую позицию займет в ООН советский представитель. Информационные материалы, которые рассылались заграничным представительствам. Мог передать разговоры с высокопоставленными гостями из Москвы. Назвал сотрудников резидентур КГБ и военной разведки — всех, кого знал.

Многие годы Аркадий Шевченко прожил в страхе. Пока он, готовясь к побегу, работал на ЦРУ, боялся, что сотрудники КГБ его заподозрят, силком посадят в самолет, привезут домой и расстреляют. Он был не далек от истины — с ним так бы и поступили, но к подозрительному резиденту в свое время не прислушались.

Тогдашний резидент советской внешней разведки в Нью-Йорке генерал Юрий Иванович Дроздов, который затем стал начальником нелегальной разведки, уверял, что сразу почувствовал, что в советской колонии в Нью-Йорке есть предатель. Хотя скорее резидентура обратила внимание на разгульный образ жизни Шевченко. Так советские люди за границей себя не ведут, решили бдительные чекисты.

На первый сигнал резидента из Нью-Йорка начальник разведки и будущий председатель КГБ Владимир Александрович Крючков не обратил внимания. После второго послания резидента — генерал Дроздов писал, что Шевченко запил, не общается с людьми, — было все-таки решено отозвать его в Москву. Но текст телеграммы составили так неумело, что Аркадий Николаевич испугался и ушел к американцам.

Почему Шевченко убежал? Политические мотивы предположить трудно. Не тот он был человек. Скорее ему очень понравился образ жизни заместителя Генерального секретаря ООН и связанные с этой должностью почет, привилегии и комфорт. Не хотелось возвращаться в Москву. Видимо, что-то разладилось и в его личной жизни. Ему было сорок семь лет. Мужчины после сорока часто переживают своего рода кризис.

Американцы нашли ему женщину, профессионалку. Потом она написала мемуары, из которых следовало, что она была потрясена неопытностью советского дипломата в интимных отношениях. Прожить целую жизнь и не знать радостей жизни — она искренне ему сочувствовала. Открывшиеся радости жизни помогли Шевченко адаптироваться в Соединенных Штатах.

Но, судя по всему, особенно счастливой его жизнь в Америке назвать трудно. Бывший помощник Громыко боялся, что его убьют за предательство. Но умер он своей смертью ровно через двадцать лет после своего шумного побега.

Его жена, которая вернулась в Советский Союз, не выдержала и покончила с собой. Его сын, Геннадий, успешно начавший службу в Министерстве иностранных дел, лишился работы и многие годы провел в общении с сотрудниками КГБ.

Маска, которая приросла к лицу

Люди, работавшие с Громыко, оценивают его по-разному. Большинство уверено, что он и в частной, личной жизни был таким же сухарем, как и на службе.

«Папа в принципе был аккуратистом, — рассказывала его дочь. — У него каждая вещь лежала на своем месте. Он всегда носил рубашки с галстуком. Я не помню, чтобы он был когда-нибудь в майке, в рубашке без галстука, чтобы у него был расстегнут воротничок или засучены рукава. Только когда он был уже пожилым человеком, иногда по воскресеньям надевал спортивную рубашку темно-синего или темно-серого цвета...

На пляже он никогда не раздевался. Так и сидел в брюках, рубашке с галстуком и шляпе. Снимал только пиджак. Он не считал удобным для советского посла ходить в трусах перед иностранцами. Журналисты могли изловчиться, сделать любую фотографию и представить папу в смешном или неловком виде».

Юмора ему отчаянно не хватало. Хотя иногда он пытался шутить. Михаил Степанович Капица рассказывал, как во время разговора с Фам Ван Донгом, премьер-министром Вьетнама, Громыко предложил сделать паузу и спросил:

— Знаете ли вы, что такое обмен мнениями? — И сам ответил: — Это когда товарищ Капица приходит ко мне со своим мнением, а уходит с моим.

И захохотал. Капица позволил себе заметить, что бывает и наоборот.

— Но это редко! — откликнулся министр.

«Михаил Степанович Капица был личностью незаурядной, — пишет дипломат Эрнест Евгеньевич Обминский. — Блестящий знаток Азии, он мог бы сделать и более значительную карьеру, но мешали откровенный нрав и женщины. Представьте голову римского патриция на мощном теле, смелые выпуклые голубые глаза, прямой нос и чувственный рот. Ни одна женщина не могла выдержать его взгляд и поспешно опускала глаза. К тому же он умел разрядить любую официальную обстановку, и даже твердокаменный хозяин МИД А.А. Громыко не мог удержаться от улыбки, слушая его вольные речи».

Впрочем, кривая улыбка Громыко никого не радовала. Помощники министра шутили, что он «улыбается, как Мона Лиза». Застегнутый на все пуговицы, Андрей Андреевич иногда демонстрировал вымученный и

скупой юмор, улыбаться которому заставляли правила вежливости.

Впрочем, Брайан Уркварт, заместитель Генерального секретаря ООН по политическим вопросам, вспоминая о Громыко, заметил, что «его ирония прорывалась, как луч солнца сквозь зимние облака, и оказывалась полезной при многих трудных обсуждениях. Ему нравилось отпускать короткие шутки, например, сказать после длительных обсуждений резолюции: «У меня есть только одна маленькая поправка. Добавить слово «нет» в постановляющий пункт». Конечно, в результате этого резолюция утрачивала смысл, но шутка все равно вызывала смех».

Лишь немногие советские дипломаты позволяли себе шутить. Это было рискованным делом. Однажды перед началом переговоров в Москве американский дипломат заинтересовался большой малахитовой шкатулкой, стоявшей на столе. Он дотронулся до крышки, и раздался громкий звонок. Американец вздрогнул. Это был председательский звонок. Георгий Корниенко, вообще-то неизвестный пристрастием к юмору, вдруг широко улыбнулся и пошутил по-английски:

— Ну, вот и нет Вашингтона!

Анатолий Добрынин подхватил шутку:

— Скорее позвоните в Вашингтон и скажите, что это была ошибка!..

Большинству тех, кто его знал, Громыко запомнился человеком скрытным и замкнутым, лишенным человеческого тепла. Его сын рассказывал мне:

— Никогда не видел его лежащим на диване, никогда не видел небритым. Он был человеком немецкой пунктуальности. Отдыхая в Барвихе, он упал и сломал правую руку. Как же подписывать документы? Заказали печатку с факсимиле.

Но есть люди, которые уверяют, что было два Громыко — и очень разных. Один из них вполне симпатичный. Валерий Цыбуков, бывший сотрудник секретариата министра, рассказал, как Громыко назначил одного руководителя управления МИД послом. Тот уехал, а через три года умер. Громыко сказал в узком кругу:

— Когда мы его назначали послом, то знали, что он неизлечимо болен. Но мы сознательно пошли на это, чтобы дать ему возможность завершить карьеру послом Советского Союза.

Сын Хрущева Сергей Никитич вспоминал, что, когда тяжело заболела его сестра, понадобилась помощь американского врача. Но как получить для него визу? Рискнул позвонить Громыко, с которым жил в одном доме. Тот предложил зайти. Выслушал, сказал:

— Ну что же, это дело гуманное. Я постараюсь помочь. Позвони мне

завтра.

Лидия Дмитриевна, оберегавшая мужа от всевозможных неприятностей, вставила:

— Андрюша, сам ты этого вопроса решить не можешь. Это надо согласовать.

Она понимала, что всякое участие в делах семейства Хрущева едва ли понравится Брежневу. Но когда на следующий день Сергей Хрущев позвонил Громыко, выяснилось, что указание выдать визу уже дано.

— Надо понять ту эпоху, в которой людям надо было выжить, — говорил Бессмертных. — Громыко был чрезвычайно осторожен. Он окружил себя защитной толстой кожей, за которой скрывался интеллигентный и ранимый человек. Эта защитная система спасала его от неудач. После войны всякое общение с внешним миром было смертельно опасно, потому что самым страшным обвинением было обвинение в шпионаже. Министерство иностранных дел находилось в зоне особого риска.

Так и появилась у него маска, которая всеми воспринималась как его истинная натура. А под маской скрывался очень интересный человек. Дипломаты, которые работали у него в группе помощников, видели его и дома, и на даче, считают Громыко одним из самых эрудированных и интеллигентных людей того времени. На его рабочем столе в кабинете оставался только маленький прямоугольник свободного места, остальное было занято книгами. Он неплохо разбирался в искусстве, очень интересовался историей, собирал историческую литературу.

Бессмертных как-то спросил министра, почему одни и те же книги так долго лежат у него на столе. Громыко ответил, что у него такое правило — пока не дочитает, в шкаф не поставит. Книги позволяли ему расслабиться, отвлечься, передохнуть.

— Помню его последнюю в роли министра встречу с госсекретарем США Джорджем Шульцем, — вспоминал Бессмертных. — Мы приехали в Женеву. Я уже был членом коллегии, руководил отделом Соединенных Штатов. За десять минут до начала переговоров зашел к Громыко. Я был уверен, что он либо читает инструкции для нашей делегации, либо просматривает так называемый «разговорник», где собран весь материал по темам, которые могут возникнуть на переговорах. Но я увидел, что он сидит и отрешенно читает какой-то детектив. Даже в ходе переговоров он находил возможность отвлечься...

Громыко был научен жизнью: слово — серебро, молчание — золото. Если вообще можно ничего не говорить, то лучше и не говорить. Он

избегал встреч один на один, даже на неформальные мероприятия брал переводчика. Так ему было спокойнее. Он начинал свою карьеру в те времена, когда даже послам запрещалось встречаться с иностранцами наедине. Его привычка прятаться под маской от внешнего мира лишь иногда позволяла ему раскрываться.

— Но не зря же его называли «Господином «Нет», — напомнил я Александру Бессмертных.

— Такова была дипломатия тех лет, — ответил он. — Министры того времени мало чем отличались друг от друга. Холодная война весьма ограничивала дипломатию, как таковую, ведь главным достоинством дипломатов считалось умение говорить «нет». Поэтому наиболее популярной в те времена резолюцией на документе была — «оставить без ответа», то есть превыше всего ценились осторожность и умение вообще не занимать никакой позиции.

Это точно сформулировал бывший член политбюро и секретарь ЦК Александр Николаевич Яковлев:

— Он выбрал формулу выживания — слово «нет». Люди гибнут на слове «да». Сказав «нет», не пропадешь.

Громыко никогда не снимал маску в том мире, где каждый взгляд, каждое слово улавливались и анализировались. Но как только он оказывался в кругу близких сотрудников или семьи, превращался в иного человека.

Покупка шляп

Андрей Андреевич слыл страстным борцом с курением и алкоголизмом. На приемах мог выпить рюмку-другую водки, но курения вообще не признавал. И вдруг на одной старой фотографии — еще тех времен, когда он служил послом в США, — его помощники увидели его затягивающимся сигаретой. Они радостно положили снимок ему на стол, и он страшно смутился: скрывал, что когда-то и сам баловался табаком.

Он был неприхотлив в еде. Любил чай с сушками и вареньем, гречневую кашу. Предпочитал темные и серые костюмы. Отдыхать на юг Громыко ездил на поезде. В правительственном вагоне четыре купе, одно — большое — для министра и его жены, три поменьше — для членов семьи. На каждой остановке (кроме ночных) к члену политбюро Громыко приходил очередной первый секретарь обкома. Громыко каждого расспрашивал о видах на урожай. Видимо, считал, что так надо. В Симферополе первый секретарь Крымского обкома приглашал Громыко с семьей к столу.

На отдыхе не вылезал из моря. Отмечал синим карандашом в специальной тетради, сколько он совершил заплывов, потом хвастался. После Хрущева он, как и другие члены политбюро, стал увлекаться охотой. И все говорили, что Громыко надо дарить ружья.

Друзей у него не было — ему хватало общения с семьей. Хотя даже в разговорах с сыном он был крайне осторожен, в нем всегда присутствовал внутренний цензор. Однажды рассказал дома анекдот — так это все запомнили как событие. Он, хитро глядя, спросил домочадцев:

— А что было до сотворения мира? — Сделал паузу и сам ответил: — Госплан.

Напутствуя первого советского генерального консула в Западном Берлине в 1971 году, Андрей Андреевич пошутил:

— Вот видите, даже Наполеон был всего лишь консулом, а вы сразу становитесь генконсулом.

Громыко был предан своей жене, с которой прожил всю жизнь. Говорили, что она сильно влияла на кадровую политику министерства, потому что Андрей Андреевич к ней всегда прислушивался. Виктор Суходрев оказался свидетелем того, как министру позвонила раздраженная жена и стала жаловаться, что дочери ее дальних родственников поступали на курсы, где готовили стенографисток-машинисток для МИД. Но их не

приняли, потому что они получили по двойке. Громыко вызвал своего старшего помощника, который был в курсе дела, и спросил:

— В чем дело? Почему девочки получили двойки за диктант? Это безобразие! Просто возмутительно!

Помощник стал объяснять:

— Андрей Андреевич, они наделали массу ошибок, поэтому поставили им двойки...

Громыко разозлился:

— Я сейчас вам такой диктант задам! И вы у меня тоже двойку получите! Немедленно займитесь этим!

Суходрев рассказывает, что Лидия Дмитриевна, приезжая в США вместе с министром, ездила за покупками для всей семьи, искала товар подешевле. Громыко всегда привозил подарки первым лицам в политбюро — шляпы, рубашки и галстуки. Сам, конечно, не покупал, поручал переводчику. Лидия Дмитриевна неизменно отчитывала Суходрева за то, что он выбрал слишком дорогой товар.

Особая сложность состояла в покупке шляп. Те фасоны, которые носили в политбюро, давно вышли из моды, и в Нью-Йорке их просто не было в продаже. Но каждый год Громыко отправлял Суходрева на поиски «нужных» шляп серого цвета. Он брал образцы, привозил. Громыко придирчиво изучал. Иногда приходилось по несколько раз ездить в магазин, где на каждой шляпе ставились инициалы будущих владельцев — Брежнева, Громыко, Андропова, Подгорного, Черненко...

Товарищам по политбюро Громыко всегда был готов посодействовать. Киевский лидер Петр Шелест дал указание постоянному представителю Украины при ООН организовать его жене Ирине личное приглашение в Соединенные Штаты. Но на всякий случай Шелест позвонил Громыко: как на это посмотрит министр иностранных дел?

Андрей Андреевич был бесконечно любезен, сказав:

— Это правильно, пусть съездит и посмотрит другой мир.

И даже предложил взять жену Шелеста в свой спецсамолет — он летел в Нью-Йорк на сессию Генеральной Ассамблеи ООН.

Громыко радел родным людям. Его дочь Эмилия вышла замуж за профессора МГИМО Александра Сергеевича Пирадова. Для него это был третий брак. Первой его женой была дочь Серго Орджоникидзе. Пирадов быстро получил ранг посла и уехал в Париж представителем в ЮНЕСКО.

«Во время войны он служил в подразделениях СМЕРШ, после войны преподавал в МГИМО, специалист в области международно-правовых проблем космоса, — вспоминал один из его парижских подчиненных. —

Внешнюю политику знал из главного первоисточника — от А.А. Громыко... Но он практически не знал иностранных языков (слабо английский) и не мог обходиться без переводчиков. Это ограничивало его контактность, и он не ходил на многие приемы, устраиваемые иностранцами».

Заместителем к Пирадову прислали молодого и энергичного дипломата Владимира Леонидовича Быкова. Его успешной карьере тоже немало способствовал удачный брак. Он женился на дочери крупного партийного работника Петра Абрасимова, который был послом в ГДР и во Франции, а в ту пору руководил отделом ЦК по работе с загранкадрами и по выездам.

На партийном собрании Владимир Быков неосмотрительно объявил, что отправлен в представительство «навести порядок». Пирадову эти слова сильно не понравились. Его тесть был влиятельнее, и Быкова отозвали в Москву.

Сын Громыко Анатолий тоже захотел попробовать себя в дипломатии. В молодом возрасте он стал советником-посланником в посольстве ГДР. Но вскоре понял, что посольская должность для него заказана, поэтому перешел на научную работу. Его сделали директором Института Африки Академии наук СССР.

Ганс Дитрих Геншер, который много лет был министром иностранных дел ФРГ, вспоминал, как он приглашал Громыко с женой к себе на ужин:

«Он рассказывал нам о внуках, с которыми провел отпуск на Черном море. Они были в шутку произведены им во флотские чины за успехи в гребле: младший стал старшиной 1-й статьи, а старший — лейтенантом. Он рассказывал об их проделках на даче, о том, как они, например, за спиной охранника включили сигнализацию. Громыко сказал: «Вы можете себе представить, какие это имело у нас последствия».

Три года в роли президента

Позднережневские времена убедили Громыко в том, что он не хуже других может руководить страной, а одной внешней политики для него маловато. Он носил, не снимая, почетный значок «50 лет в КПСС», демонстрируя свой солидный партийный стаж. После смерти второго секретаря ЦК Михаила Суслова он вознамерился занять его место. Но совершил большую ошибку: позвонил председателю КГБ Андропову и стал советоваться, не следует ли ему, Громыко, занять эту должность? Разговор получился для Андропова неприятным, потому что это кресло он уже считал своим, о чем Громыко вскоре узнал.

Юрий Владимирович однажды на политбюро серьезно возразил Громыко, пишет Фалин. Министр довольно невежливо высказался насчет того, что каждому следует заниматься своим делом, на что Андропов недовольно буркнул:

— Во внешней политике у нас разбирается лишь один товарищ Громыко.

Отношения между соперниками лишились прежней приязни. Тем более, что если Черненко на встречах с иностранцами мог только прочитать подготовленный ему текст и постоянно поворачивался к Громыко, ища у него одобрения, то Андропов не нуждался в помощи министра при общении с иностранными гостями.

Смерть Брежнева Громыко перенес спокойно. Он не боялся за свое положение. Напротив, рассчитывал на повышение. Но Андропов его наверх не пустил, хотя сделал приятное предложение:

— Я, конечно, хотел бы, чтобы ты продолжал работать министром иностранных дел, но в то же время, если ты согласишься, предлагаю тебе занять пост председателя Президиума Верховного Совета. У меня нет сомнений, что все товарищи и на Политбюро, и в Верховном Совете поддержат мое решение.

Громыко отказался. Андропов очень удивился:

— А я думал, тебе это предложение понравится.

Громыко объяснял потом сыну:

— Я знаю, пройдет два-три месяца после моего назначения на пост председателя, как Юрий Владимирович начнет крепко сожалеть о своем предложении.

Андропову понадобится этот пост для ведения международных дел,

предсказывал Громыко. Так и произошло. В порядке компенсации Андрей Андреевич получил к посту министра должность первого заместителя главы правительства. После Андропова Громыко примеривался уже к посту генерального, но выдвинули Черненко. Как это произошло, министр обороны Устинов потом рассказал главному кремлевскому медику — академику Евгению Ивановичу Чазову:

— Мы встретились вчетвером — я, Тихонов, Громыко и Черненко. Когда началось обсуждение, почувствовал, что на это место претендует Громыко, которого мог поддержать Тихонов. Ты сам понимаешь, что ставить его на это место нельзя. Знаешь его характер. Видя такую ситуацию, я предложил кандидатуру Черненко, и все со мной согласилось.

«Я всегда верил Устинову, считая его честным и откровенным человеком. Нов тот момент мне показалось, что он чуть-чуть кривит душой, — пишет Чазов. — Больной, к тому же по характеру мягкий, идущий легко на компромиссы, непринципиальный Черненко вряд ли мог противостоять настойчивому, сильному и твердому Устинову, возглавлявшему военно-промышленный комплекс».

Любопытно, что Громыко упрекал других за раблепство. Рассказывал сыну, как они с Андроповым были у тяжело больного Брежнева. Тому нездоровилось. И он вдруг сказал:

— А не уйти ли мне на пенсию? Все чаще чувствую себя плохо. Надо что-то предпринимать.

Брежнев был настроен на серьезный, долгий разговор. Но Андропов тут же сказал:

— Леонид Ильич, вы только живите и ни о чем не беспокойтесь, только живите. Соратники у вас крепкие, мы не подведем.

Брежнев растрогался и со слезами на глазах сказал:

— Если вы все так считаете, то еще поработаю.

Громыко осуждал Андропова за лесть, но сам практически то же самое сказал уже умиравшему Черненко. Дня за три до своей смерти Константин Устинович позвонил ему:

— Андрей Андреевич, чувствую себя плохо. Вот и думаю, не следует ли мне самому подать в отставку. Советуюсь с тобой...

Громыко не хотел рисковать:

— Не будет ли это форсированием событий, не отвечающим объективному положению? Ведь, насколько я знаю, врачи не настроены так пессимистично.

— Значит, не спешить? — переспросил с надеждой в слабеющем голосе Константин Устинович.

— Да! Спешить не надо, это было бы неоправданно.

Черненко остался доволен разговором. Громыко подтвердил свою славу великого дипломата. Для страны такая дипломатия была, конечно, губительна. Но Андрей Андреевич в эти сложные годы думал о себе.

«Генеральный секретарь был болен, — вспоминал известный партийный работник Юрий Анатольевич Прокофьев. — Проходило собрание в Кремле в зале пленумов. Собрался очень узкий круг людей, и вместо Черненко с заявлением от его имени должен был выступить Виктор Васильевич Гришин.

Я должен был сидеть в президиуме рядом с Гришиным как первый секретарь райкома партии, а Андрей Андреевич Громыко — рядом с Горбачевым. И вот, когда мы выходили на сцену, Громыко резко отодвинул меня плечом, рванулся из всех сил вперед и уселся рядом с Гришиным. Я, честно говоря, заметался, не зная, куда сесть. Смотрю: место свободное рядом с Горбачевым, я и сел рядом».

Похоже, Андрей Андреевич питал некоторые надежды возглавить страну после Черненко. Бывший председатель КГБ Крючков вспоминал, как в январе 1988 года ему присвоили звание генерала армии. Подписал указ Громыко как председатель Президиума Верховного Совета. Он позвонил Крючкову, поздравил, завязался разговор. Громыко вспоминал Андропова, Устинова. Заметил, что, наверное, скоро уйдет на пенсию:

— Боюсь за судьбу государства. В 1985 году, после смерти Черненко товарищи предлагали мне сосредоточиться на работе в партии и дать согласие занять пост генерального секретаря ЦК КПСС. Я отказался, полагая, что чисто партийная должность не для меня. Может быть, это было моей ошибкой.

Сыну Громыко говорил, что на пост первого человека не претендует:

— Не за горами мое восьмидесятилетие. После перенесенного, как мне сказали врачи, «легкого инфаркта», да еще при аневризме, да еще после операции на предстательной железе думать о такой ноше, как секретарство, было бы безумием. Учти, у меня нет своей партийной или государственной базы, не говоря уже о военной, чтобы побороться за этот пост. Да и не хочется... Гришин, Романов, Горбачев — вот они будут претендовать.

«Я не задавала папе вопросов, была ли у него возможность стать генеральным секретарем партии, — рассказывала дочь Андрея Андреевича. — Как-то, когда папа уже был на пенсии, во время прогулки по лесу кто-то из членов семьи задал ему этот вопрос. Папа ответил: «Чтобы стать генеральным секретарем партии, мне надо было за это бороться. У меня уже большой возраст. Если бы я и стал генеральным

секретарем, мне потребовалось бы огромное напряжение всех своих физических сил. Моего здоровья хватило бы только на один год работы».

Впрочем, ходят слухи, что Громыко все же пытался сговориться с председателем Совета министров Николаем Александровичем Тихоновым. Союз не получился, и Громыко понял, что его надежды иллюзорны. Но свой голос в политбюро он решил отдать подороже. После закулисных переговоров Громыко согласился рекомендовать Горбачева на пост Генерального секретаря.

«Вечером на даче в Заречье, накануне заседания политбюро, где должен был быть решен вопрос об избрании нового генерального секретаря партии, раздался телефонный звонок, — пишет Эмилия Громыко-Пирадова. — Михаил Сергеевич Горбачев просил папу о срочной встрече. Папа, мама и я сидели в столовой и пили чай. Папа тотчас прошел в прихожую, надел пальто и выехал в город. Вернулся он где-то около двенадцати часов ночи. На следующий день на заседании политбюро папа выдвинул кандидатуру Горбачева на должность генсека».

11 марта на заседании Политбюро, после того как академик Чазов изложил медицинское заключение о смерти Черненко, слово неожиданно взял Андрей Андреевич:

— Конечно, все мы удручены уходом из жизни Константина Устиновича Черненко. Но какие бы чувства нас ни охватывали, мы должны смотреть в будущее, и ни на йоту нас не должен покидать исторический оптимизм, вера в правоту нашей теории и практики. Скажу прямо. Когда думаешь о кандидатуре на пост генерального секретаря ЦК КПСС, то, конечно, думаешь о Михаиле Сергеевиче Горбачеве. Это был бы, на мой взгляд, абсолютно правильный выбор...

Громыко произнес настоящий панегирик будущему генсеку, подхваченный остальными членами Политбюро. А Горбачев в знак благодарности оставил Андрея Андреевича в политбюро и сделал председателем Президиума Верховного Совета СССР. Этот вопрос решился 29 июня 1985 года на заседании политбюро. Михаил Сергеевич сказал:

— В нынешних условиях целесообразно, чтобы генеральный секретарь ЦК КПСС сосредоточился на вопросах партийного руководства. В связи с этим вношу предложение рекомендовать для избрания председателем Президиума товарища Громыко. Андрей Андреевич — один из старейших членов партии, имеет большой политический опыт, известен как в нашей стране, так и в мире. Все это отвечает нынешней ситуации, интересам наиболее рациональной расстановки сил.

Благодаря этому Громыко еще три года провел на Олимпе, тогда как остальных членов прежней команды Горбачев сразу разогнал. Потом Громыко, уйдя на пенсию, будет ругать Горбачева. Но пока оставался при должности, покорно исполнял волю очередного хозяина. Иностранцы отмечали, что при Горбачеве «Громыко, пока он еще участвовал в переговорах, никогда не вмешивался по собственной инициативе в разговор и открывал рот, только когда его спрашивали».

Он-то прекрасно понимал, скажем, что антиалкогольная кампания поставила советских послов за границей в дурацкое и позорное положение, но беспрекословно выполнил постановление политбюро. Корниенко подготовил проект циркуляра, который запрещал подавать спиртные напитки на протокольных мероприятиях, и требовал следить за тем, не пьют ли посольские работники, а Громыко его подписал. Когда в советских посольствах перестали подавать спиртное, над нашими дипломатами откровенно смеялись, а репортеры подлавливали советских людей в магазинах, где они тайком покупали вино и виски. Угощать перестали и официальные делегации, которые приезжали в СССР, что тоже не повышало престиж государства.

2 июля 1985 года Громыко в последний раз побывал в своем кабинете в Министерстве иностранных дел. Он ни с кем не попрощался, даже не собрал коллег. Просто встал и ушел. Сотрудники МИД сгрудились у окон, чтобы увидеть его отъезд.

Он продолжал следить за международными делами. Ему, конечно, не нравилось, что делалось без него. Один раз Громыко пригласил своего сменщика Шеварднадзе с женой к себе на дачу. Но живого разговора не получилось. Все чувствовали себя скованно.

Олег Трояновский, которого Горбачев отправил послом в Китай, нанеся Громыко визит вежливости. Сказал, что сейчас стоит задача — нормализовать советско-китайские отношения. Андрей Андреевич вдруг возразил, что ничего из этого не выйдет.

— Почему? — удивился Трояновский.

— Они уже слишком связаны с американцами.

Мир менялся, но Громыко жил прошлым. Он приезжал в Кремль точно к девяти часам, уточнял с помощниками распорядок дня. Выступление на XXVII съезде партии переделывал девятнадцать раз.

Громыко стал ездить по стране. Все, что он видел, производило на него тягостное впечатление. Андрей Андреевич плохо представлял себе жизнь в родной стране, был оторван, как и все члены политбюро, от реальности, не подозревал, что в магазинах пусто, что людей охватила

тоска, и они смертельно хотят перемен. Перестав быть министром, он оказался ненужным. По привычке высказывался на каждом заседании политбюро, но невпопад. Его речи походили на старческое брюзжание. Однажды удивленно сказал:

— Я вот тут гулял по улице Горького и газированной воды не нашел.

Горбачев смотрел на него снисходительно. Новые члены политбюро — иронически или раздраженно.

Громыко решительно выступил против любых попыток реабилитации жертв сталинских репрессий. Он специально взял слово на политбюро:

— Нельзя проходить мимо того, что у нас не перевелись люди, которые хотят, чтобы мы вернулись к переоценке прошлого, снова поставили под вопрос Сталина, индустриализацию, коллективизацию. Это просто недопустимо. Мы не можем быть добренькими. Тут сомневаться нечего...

Президент Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук Александр Александрович Никонов обратился в политбюро с просьбой реабилитировать Кондратьева, Чаянова и других выдающихся экономистов, уничтоженных Сталиным. Это особенно возмутило Громыко; их реабилитация как бы перечеркивала его собственную жизнь.

— Разве это можно делать? Это были махровые защитники кулачества. Мне самому, когда я преподавал политэкономии, приходилось разоблачать этих горе-теоретиков, выступавших главным образом под флагом защиты кулачества и свободного хуторского хозяйства. А теперь нам предлагают, видите ли, реабилитировать этих буржуазных лжеученых.

В 1988 году после отпуска Андрей Андреевич собирался лететь в Пхеньян с визитом. Но в один из сентябрьских дней к нему в Верховный Совет заехал Горбачев. Они поговорили, визит был отменен, и Громыко подал в отставку. Когда его отправляли на пенсию, он попросил: оставьте мне дачу, машину и одного помощника — писать мемуары.

Генеральный секретарь Михаил Сергеевич Горбачев и глава правительства Николай Иванович Рыжков подписали 20 октября 1988 года документ под названием: «О материально-бытовом обеспечении т. Громыко А.А.»:

«В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР от 17 октября 1988 г. № 1194-232 установить т. Громыко пенсию союзного значения пожизненно в размере 800 рублей. Сохранить за т. Громыко А.А. порядок пользования дачей и охраной, транспортом, курортными дачами, столом заказов, бытовыми учреждениями (пошивочная и др. мастерские) 9-го управления КГБ СССР, а также

медицинское обслуживание в спецполиклинике и спецбольнице 4-го главного управления при Минздраве, предоставлявшиеся ему до ухода на пенсию».

Громыко в спальне прикрепил к стене распорядок дня и неукоснительно им руководствовался. Читал, много гулял. Ежедневно работал над мемуарами. Вскоре вышел его двухтомник под названием «Памятное». Читатели были разочарованы.

Эгон Бар писал потом: «Своими мемуарами он оскорбил себя — ведь они никак не могли быть у него такими бледными и скудными. Он утаил от грядущих поколений целое сокровище, унеся с собой в могилу опыт, знания и взаимосвязи исторических событий и характеристики личностей, которыми мог поделиться он один. Жаль, что этот выдающийся человек так и не смог сбросить чешую и, будучи слугой своего государства, счел не заслуживающим упоминания и излишним все, что выходило за рамки того трезвого и предельно скупого изложения, которое представлялось ему необходимым».

Однажды Громыко сказал дочери:

— Я знаю несколько таких вещей, что, если бы мир узнал о них, он просто бы ахнул.

— Папа, ты можешь об этом написать? — спросила Эмилия Андреевна.

— Нет.

— Почему?

— Я остался единственным свидетелем из тех, кто это знает. Остальные уже умерли. Никто не может подтвердить это сейчас. Нет, я не могу этого сделать. Вообще я много что знаю. Но это уйдет со мной в могилу...

И только однажды вечером, закончив работу над статьей о Сталине, бывший министр вдруг произнес:

— Какие вы счастливые, что не жили в то время, в которое жил я.

Громыко был председателем комиссии по изданию дипломатических документов. Как вспоминают его сотрудники, если кто-то из них «усматривал в публикации того или иного документа некую угрозу возможного использования этого документа в неблагоприятных целях нашими противниками», Громыко такого сотрудника поддерживал, и документ не публиковался. Громыко не подпускал к архиву даже бывших послов, которые хотели посмотреть свои собственные телеграммы.

Академик Сергей Леонидович Тихвинский, который в Министерстве иностранных дел руководил историкоархивным управлением, вспоминает:

Громько не давал такого разрешения даже Александру Семеновичу Панюшкину, бывшему послу в Китае, бывшему начальнику первого главного управления (внешняя разведка) КГБ, который до ухода на пенсию возглавлял отдел ЦК КПСС по работе с заграничными кадрами.

Возмущенный Панюшкин обратился к Сулову, тот позвонил Громько, и тогда было сделано исключение. Но для себя Громько не сделал исключения, и в его двухтомнике нет ни новых документов, ни каких-либо открытий.

* * *

В статье к девятистолетию Громько Джил Беннет, заместитель директора департамента истории и архивов британского МИД, писал: «У советской машины никогда не было слуги более профессионального, добросовестного, последовательного, преданного, лояльного, хладнокровного, осторожного, самоотверженного и многострадального, чем Андрей Андреевич Громько».

Он умер 2 июля 1989 года в больнице, не дожив двух недель до восьмидесятилетия. На следующий день семью навещал Горбачев, выразил соболезнование, предложил выбрать место для могилы. 5 июля с государственными почестями Андрея Андреевича похоронили на Новодевичьем кладбище. Лидия Дмитриевна умерла 9 марта 2004 года на 93-м году жизни. Похоронили ее рядом с мужем, маленькое извещение появилось в «Известиях».

Угрюмое лицо Громько с опущенными уголками рта в течение нескольких десятилетий олицетворяло внешнюю политику Советского Союза. Его устами Москва почти всегда говорила «нет». Главное для Громько состояло в том, чтобы на всем земном шаре ни одна проблема не решалась без участия Советского Союза. Он презирал такие вещи, как права человека, но, пожалуй, был свободен от коммунистических догм. Он заботился только о постоянно растущем могуществе государства, которое выражалось в мощи армии, и о равенстве с Соединенными Штатами.

Убогость советской жизни и гнилость режима прошли мимо него. Он всю жизнь провел в министерском кабинете или в поездках за границу. Видел только то, что можно увидеть из окна правительственного лимузина. Он придерживался традиционной дипломатии XVIII столетия, предпочитая тайную дипломатию, основа которой — стремление ввести противника в заблуждение. Одному западному дипломату Громько сказал:

— Возможно, вы, сэр, действительно говорите откровенно, но вообще-то правительства этого не делают.

Громыко очень жалел потом, что выдвинул Горбачева. Но способен ли был Андрей Андреевич поступить иначе? У него было природное чутье. Он всегда безошибочно ставил на фаворита. И разве мог он в конце жизни вдруг изменить себе и пойти против того, кто взял власть? Он был верным, надежным исполнителем воли того, кто стоял во главе государства, — Сталина, Хрущева, Брежнева. Это и помогло ему выжить.

Его жизненное кредо было: «не высовываться». Он всегда был осторожен, избегал неразумных, неверных и опасных шагов. Это одна из причин его долголетия в политике. Усердие, послушание, упорство — и так до конца жизни.

Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе Министр, который стал президентом

Когда Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе вернулся в Грузию, вся прежняя ненависть к горбачевскому министру иностранных дел, который сблизился с Западом, развалил Варшавский Договор, поспешно вывел советские войска из Восточной Европы и бесплатно позволил Германии объединиться, наконец-то получила оправдание. Его противники торжествовали: мы же всегда говорили, что он перевертыш! Позавчера произносил хвалебные речи Брежневу, вчера ратовал за демократию, а сегодня этот грузинский националист сам пустил в ход танки против Абхазии. По его вине погибли сотни и тысячи человек. И это он в 1989 году требовал наказать заслуженных российских генералов за то, что кто-то погиб в Тбилиси во время разгона незаконного митинга!

Еще в тот момент, когда Горбачев назначил Шеварднадзе министром иностранных дел, немалая часть русского общества с возмущением подсчитывала, не слишком ли много инородцев руководили внешней политикой России со времен Нессельроде?

Эдуард Шеварднадзе, как и Молотов, был министром иностранных дел дважды. Сначала с июля 1985 по декабрь 1990 года, пять с половиной лет — пока не подал в отставку. Он стал первым после Троцкого министром иностранных дел, который покинул этот пост по собственному желанию. И вновь стал министром в ноябре 1991 года. На сей раз ему суждено было занимать эту должность меньше трех недель — до исчезновения Советского Союза.

Учитель, сын учителя

Эдуард Шеварднадзе родился в большой семье 25 января 1928 года в селе Мамати Ланчхутского района. Это село находится в Гурии, исторической области в Западной Грузии. Его отец, Амвросий Георгиевич, учился в Батуми и преподавал в школе русский язык и литературу. Этим много не заработаешь, поэтому он выращивал кукурузу, разводил виноградную лозу, держал пчел.

Шеварднадзе-старший не любил меньшевиков, которые после революции взяли власть в независимой Грузии, за неспособность создать эффективную экономику. Среди меньшевиков было много выходцев из Гурии. А его брат Акакий, напротив, не любил большевиков и Сталина. Бурные политические дискуссии, да еще помноженные на взрывной грузинский темперамент, происходили в присутствии будущего министра.

А еще в доме часто вспоминали двоюродного брата отца — Давида Шеварднадзе, который в 1905 году возглавил восстание крестьян и погиб.

В десять лет Эдуард нанялся работать почтальоном и приносил газеты и письма из районного центра в родное село. Дорога в один конец была неблизкой — двенадцать километров. Шеварднадзе рассказывал потом, какое впечатление на него производили газеты, которые он листал:

«Бесконечные здравицы в честь Сталина, вести об успехах первых пятилеток и рядом — сообщения о диверсиях и террористических актах, происках «врагов народа» и мирового капитала. Голоса моих близких, правда, которую они — каждый по-своему и каждый свою — отстаивали, звучали во мне, отзывались сомнениями, множеством трудных вопросов, и это накладывалось на прочитанное, а все вместе производило сложный и противоречивый результат».

Впрочем, скорее всего, Шеварднадзе задумался над этим не в счастливом десятилетнем возрасте, а много позже. Излишние сомнения помешали бы его удачной политической карьере. В годы массовых репрессий его отец тоже попал в черный список. Был выдан ордер на его арест. Но бывший ученик, сотрудник райотдела НКВД, предупредил учителя, и Шеварднадзе-старший исчез. Но Эдуарду, как сыну человека, попавшего под подозрение, отказали в поездке в пионерский лагерь. Для самого активного пионера школы это был удар. Но семье повезло. Угроза ареста миновала, и Амвросий Георгиевич благополучно вернулся домой.

Эдуард окончил восьмилетку в родном селе Мамати. Его старший

брат Акакий погиб на войне, защищая Брестскую крепость. Эдуард на фронт не попал — война кончилась. Родители мечтали, чтобы он стал врачом, и он поступил в медицинский техникум в Тбилиси, который и закончил с отличием. Это открывало перед ним дорогу в мединститут. Но уже на первом курсе техникума он стал секретарем комсомольской организации. И когда ему предложили место в райкоме, он, не думая, согласился. Так что он стал не врачом, а инструктором райкома комсомола, потом заведующим отделом кадров и оргинструкторской работы.

Пребывание в Тбилиси едва не закончилось для него плачевно. Он заболел туберкулезом, лекарств в послевоенной Грузии не хватало, и его отправили лечиться в высокогорное село. Свежий воздух оказался целительным. Болезнь прошла, и он вернулся к комсомольской работе.

В 1948 году его приняли в партию. В следующем году взяли слушателем в двухгодичную партийную школу при ЦК КП(б) Грузии. Многие партийно-комсомольские чиновники удовлетворялись и таким образованием. Шеварднадзе же поступил на исторический факультет заочного отделения Кутаисского государственного педагогического института имени А. Цулукидзе (Александр Григорьевич Цулукидзе был участником революционного движения в Закавказье).

Шеварднадзе окончил институт в 1959 году, уже будучи первым секретарем республиканского комсомола. Как и отец, получил диплом учителя, но не русиста, а историка. Но в школе никогда не преподавал.

В 1951 году во время отпуска он встретил свою будущую жену — Нанули — и влюбился. Друзья не советовали ему жениться, предупреждали:

— Испортишь анкету, и конец твоей карьере.

Отца невесты, полковника Раждена Цагарейшвили, расстреляли как врага народа. Сама Нанули сказала, что любит Эдуарда, но не хочет портить ему жизнь. Шеварднадзе поставил любовь выше карьеры. Они поженились, и это оказался на редкость счастливый брак.

Эдуард Амвросиевич стремительно поднимался вверх по служебной лестнице. Умный, энергичный, деятельный, да еще и хороший оратор, он не мог не сделать карьеры в комсомоле. Буквально каждый год он поднимался на одну ступеньку вверх.

В 1951 году его утвердили инструктором ЦК комсомола Грузии. В следующем году он уже секретарь, затем второй секретарь Кутаисского обкома комсомола. В 1953 году его сделали инструктором Кутаисского обкома Компартии Грузии и в том же году утвердили первым секретарем горкома комсомола. В его судьбе важнейшую роль сыграли события 9

марта 1956 года, когда студенческая манифестация в Тбилиси окончилась расстрелом.

Восстание 1956 года

Хозяином Грузии в те годы был Василий Павлович Мжаванадзе. Он родился в Кутаиси, но в двадцать два года уехал из Грузии, потому что пошел служить в армию. Вернулся на родину только через тридцать лет.

Мжаванадзе стал профессиональным армейским политработником, в 1937 году окончил Ленинградскую военно-политическую академию, был членом военных советов разных армий, войну закончил в звании генерал-лейтенанта. После войны служил в Харьковском, Киевском, Прикарпатском военных округах. В Киеве познакомился с Хрущевым, который после войны работал на Украине. Никита Сергеевич вспомнил о нем, когда после смерти Сталина и ареста Берии стали подыскивать первого секретаря для Грузии.

Последние сталинские годы были особенно тяжелыми для республики. По приказу Сталина там проводились массовые аресты и готовилось несколько крупных дел — они были направлены против Берии. Вождь собирался его уничтожить.

Сразу же после смерти Сталина Лаврентий Павлович поставил во главе Грузии своих людей. Первым секретарем республиканского ЦК сделал Александра Иордановича Мирцхулаву. Это бывший председатель Совмина Абхазии, полтора года он работал в Москве инспектором в аппарате ЦК. Его вернули в Грузию, а в марте 1952 года арестовали по делу так называемой мингрельской националистической группы. Это дело было направлено непосредственно против мингрела Берии. Однако в марте 1953 года Лаврентий Павлович его освободил. Правда, Грузией Мирцхулава руководил всего несколько месяцев. Когда в июне Берию арестовали, Мирцхулава поспешно присоединился к хору осуждавших, но должность не сохранил.

Хрущев не знал грузинские кадры, боялся, что там еще остались бериевские люди. Нужен был человек, которому он мог доверять. Василий Павлович Мжаванадзе не знал, что происходит в республике, не имел опыта хозяйственной работы. Но Хрущева его кандидатура устроила — надежный человек, а то, что давно утратил связи с республикой и чужой для местной элиты, так это только хорошо — будет ориентироваться на Москву. После сентябрьского пленума ЦК 1953 года Мжаванадзе перевели в Грузию. Он начал с чистки людей, как-то связанных с Берией, и действовал совершенно по-сталински.

Мжаванадзе в апреле 1954 года отправил в Москву записку о «нецелесообразности дальнейшего пребывания в Грузинской ССР близких родственников разоблаченных врагов партии и народа Берии, Кобулова, Гогли-дзе и Деканозова» и просил разрешения всех выселить. Такое решение было принято, хотя, например, многочисленные родственники Берии не видели Лаврентия Павловича много лет и никак не участвовали в его преступлениях. Тем не менее всех выгнали из родных домов. Им запретили жить не только на территории Грузии и Закавказья, но и во всех крупных городах Советского Союза. Они находились под надзором органов госбезопасности.

Василию Павловичу не повредило даже кровопролитие в 1956 году, когда Грузия восстала из-за Сталина. После его смерти каждый год 5 марта в Грузии устраивались митинги, к его памятникам возлагались цветы, дети читали стихи об ушедшем вожде. То же самое намечалось и в 1956 году.

Но в феврале проходил XX съезд. 25 февраля, в последний день, когда съезд уже фактически закончил работу и уже был избран новый состав ЦК, на закрытом заседании Хрущев произнес свою знаменитую речь о сталинских преступлениях. Это означало, что официальное отношение к усопшему вождю должно быть пересмотрено. Ему уже не полагались прежние почести. О выступлении Хрущева знали только делегаты съезда. Он вышел на трибуну с текстом, который дорабатывал до последней минуты. Но во время выступления отвлекался от написанного, импровизировал. Его речь не стенографировалась. Поэтому после съезда еще неделю шла работа над уже произнесенным докладом — он приглаживался, причесывался, «обогащался» цитатами из Маркса и Ленина.

5 марта президиум ЦК принял постановление «Об ознакомлении с докладом тов. Хрущева Н.С. «О культуре личности и его последствиях»:

«1. Предложить обкомам, крайкомам и ЦК компартий союзных республик ознакомить с докладом Хрущева Н.С. «О культуре личности и его последствиях» на XX съезде КПСС всех коммунистов и комсомольцев, а также беспартийный актив рабочих, служащих и колхозников.

2. Доклад тов. Хрущева разослать партийным организациям с грифом «Не для печати», сняв с брошюры гриф «Строго секретно».

Но прежде, чем доклад начали читать в партийных организациях, Грузия, до которой донеслись разговоры о том, что Хрущев на съезде осудил Сталина, уже забурлила. Хватило и слухов. Рекомендации относительно того, как теперь быть со Сталиным, партийный аппарат выработать не успел. Для большинства высших чиновников речь Хрущева

оказалась сюрпризом. Мжаванадзе, не зная, как быть, не отменил ритуал, хотя какие-то нерешительные попытки ограничить масштабы траурных мероприятий были предприняты. Но эти невнятные шаги только спровоцировали антиправительственные настроения.

В третью годовщину смерти вождя грузинская молодежь в Тбилиси, Гори, Кутаиси, Сухуми и Батуми вышла на улицу, чтобы защитить имя национального героя. В Тбилиси в манифестациях приняли участие более шестидесяти тысяч человек, в основном студенты и школьники. В Абхазии манифестации переросли в столкновения на национальной почве: грузины и мингрелы против русских и абхазов.

В секретной записке «О положении дел в комсомоле Грузии» говорилось:

«Подготовка к дням памяти И.В. Сталина началась еще в конце февраля. По Тбилиси, а затем и по республике поползли ложные слухи, антисоветские националистические измышления, искажающие существо доклада о культе личности и его последствиях. Однако всему этому не было дано надлежащей трезвой оценки. А некоторые принятые меры, наоборот, вызвали возмущение и раздражение населения и осложнили обстановку. Так, по чьему-то указанию было запрещено изготовление и продажа венков в цветочных магазинах, у учащихся брались расписки о том, что они не примут участия в шествии к монументу Сталина, и т. д.

Уже к вечеру 4 марта к монументу Сталина в г. Тбилиси стали стекаться люди. Каждые две-три минуты у монумента сменялся почетный караул, читались стихи о Сталине.

5 марта в Тбилиси начались организованные шествия к монументу.

6 марта события в городе протекали аналогично, что и накануне.

7 марта около семи часов большая группа студентов сельскохозяйственного и зооветеринарного институтов с портретами Сталина, венками, песнями и возгласами: «Ленину и Сталину — ура!», присоединяя к себе многих горожан, прошли через центр города к монументу.

День 8 марта начался шествием студентов университета и сельскохозяйственного института. 8-10-тысячная толпа подошла к зданию Компартии Грузии и потребовала вывесить в городе флаги, портреты Сталина, опубликовать 9 марта в республиканских газетах материалы о жизни и деятельности Сталина. Через некоторое время после этого по радио начали передавать песни о Сталине.

На здании городского Совета и штаба Закавказского военного округа было вывешено панно с изображением Ленина и Сталина. В этот же день

толпа вторично осадила здание ЦК Компартии Грузии с предъявлением тех же требований. Выступивший перед собравшимися секретарь ЦК Компартии Грузии Мжаванадзе заверил собравшихся, что их требования будут удовлетворены. Это была, по существу, глубоко ошибочная тактика — тактика невмешательства и хвостизма.

В ночь на 9 марта в городе были вывешены флаги, портреты Ленина и Сталина. На улицах царило праздничное оживление. К 9 часам утра у монумента Сталину и на прилегающих к нему улицах собралось около 80 тысяч человек.

В 10 часов утра секретарь Тбилисского горкома КП Грузии Сехниашвили открыл городской митинг, посвященный памяти Сталина. Митинг продолжался около часа, а затем было объявлено о его закрытии и о проведении митингов по предприятиям, учреждениям, вузам и школам. Однако народ не расходился. Руководство митингом перешло в руки так называемого «делового президиума».

«Деловой президиум» предоставлял слово людям, которые в своих выступлениях призывали к замене некоторых руководителей партии и правительства, клеветали на советскую власть, требовали реабилитации некоторых врагов партии и государства, провозглашали националистические лозунги. Вечером была оглашена так называемая декларация, в которой содержались прямые призывы к замене существующего руководства Союза ССР и требования о выходе Грузии из состава Союза Советских Социалистических Республик.

Попытки партийного, комсомольского актива завладеть трибуной не увенчались успехом. После десяти часов вечера по предложению «делового президиума» группа провокаторов и дезорганизаторов проникла внутрь Дома связи и там была задержана нарядом солдат. (В Доме связи манифестанты искали радиостудию, чтобы рассказать о происходящем в Тбилиси. Писали в Москву телеграмму с требованием не трогать Сталина. — *Авт.*)

Узнав об этом, собравшиеся у монумента Сталину люди бросились к Дому связи с целью освободить задержанных. Они применяли против охранявших Дом связи солдат палки и камни. В ответ на это солдаты открыли огонь по осаждавшим. У Дома связи было убито 7 человек и ранено 15. Трупы некоторых убитых и раненых растаскивались людьми и увозились неизвестными на машинах.

Стрельба у Дома связи, крики, вопли раненых и их призывы к мщению русским за пролитую кровь вызвали у собравшихся у монумента рассеянность, недоумение, панику и возмущение. Группа людей пыталась

захватить помещение городского отдела милиции, где имелось оружие, развезжала на машинах по улицам с криками: «Русские собаки убивают наших братьев!»

Туда же было стянуто два батальона мотопехоты, отряд конвойных войск. Солдаты окружили присутствующих у монумента и, как устанавливается рассказами многих очевидцев, в толпу у монумента были сделаны выстрелы из автоматов...»

В город ввели войска, которым разрешили применять оружие. В результате погиб двадцать один человек и больше шестидесяти получили ранения. Органы КГБ задержали почти четыреста манифестантов. Судили тридцать девять человек — тех, кто выступал на митингах и составлял обращения к правительству.

Это было первое антиправительственное выступление такого масштаба в стране после двадцатых годов. Первоначально собирались квалифицировать это как контрреволюционный заговор со всеми вытекающими отсюда последствиями. Но потом сообразили, что это произведет самое неблагоприятное впечатление: какая же может быть контрреволюция в стране, где давно победил социализм? Да и в Грузии большой процесс вызвал бы возмущение и еще большее отчуждение от центральной власти.

Советские руководители испугались накала антисоветских чувств, которые выплеснулись во время мартовских событий, а особенно призывов добиваться независимости Грузии. Тем более, что Мжаванадзе переслал в Москву полученное им анонимное письмо, в котором ему предлагали созвать Верховный Совет республики и, руководствуясь Конституцией, принять декларацию о выходе Грузии из состава СССР, поскольку пролитая 9 марта кровь навсегда разделила Грузию и Россию.

В Тбилиси командировали большую группу сотрудников КГБ. Один из них, Филипп Денисович Бобков, будущий первый заместитель председателя КГБ, писал потом, что происшедшее согласились квалифицировать просто как стихийную реакцию грузин на слухи о докладе Хрущева. Поскольку никто не потрудился сообщить людям, что именно говорил Хрущев, они восприняли критику в адрес Сталина как унижение национального чувства. Бобков цитировал слова редактора местной газеты в Гори, которая говорила:

— Вы требуете, чтобы я отказалась от Сталина, но поймите, я родилась в Гори, выросла напротив дома, где жил Сталин, окончила школу имени Сталина, затем университет его же имени, была сталинской стипендиаткой, диплом писала о Сталине. Наконец, сейчас я редактор

газеты «Сталинское племя». Я не могу понять, что происходит!..

В мае в Москве на Старой площади рассматривали доклад бюро ЦК Компартии Грузии о событиях 5–9 марта 1956 года. Президиум ЦК принял достаточно мягкое постановление «Об ошибках и недостатках в работе Центрального Комитета Коммунистической партии Грузии». Партийным органам республики предлагалось считать главной задачей «глубокое разъяснение решений XX съезда КПСС, антимарксистской сущности культа личности Сталина». Аппарату предлагалось «принять решительные меры по ликвидации последствий бериевщины, усилить борьбу со всякого рода проявлениями буржуазного национализма».

Мартовские события 1956 года оставили глубокий след в республике. Они больно отзовутся во время разгона митинга в Тбилиси в апреле 1989 года. Для всей страны взрыв страстей в Грузии будет полнейшей неожиданностью. Лишь немногие люди за пределами республики понимали и чувствовали настроения грузинского общества, скрытые от внешнего взгляда преувеличенным оптимизмом и восточной пышностью речей высшего начальства.

Александр Трифонович Гвардовский после поездки в Тбилиси в июле 1962 года записал в дневнике крайне любопытные наблюдения:

«Главное впечатление — дымка некоторой грусти, невысказанности, притаенности чего-то, о чем не было слов и нет стихов. Сталинские времена были огромной компенсацией для национального самолюбия грузинских патриотов (или националистов?) за целые века исторической печали о минувшем давным-давно величии. Это при всем том, что он им давал духу наравне со всеми другими, если не больше, и что он как бы уже и грузином не хотел считаться.

Сразу после Сталина — настроения внезапной потери некоего первенства среди народов, а дальше и чувство вины, и опасений, и затаенной боли. И — молчанка. Никто, как мне кажется, даже не попытался затронуть эту тему, а ее же не пройдешь... Они считают, что на эту тему для них наложено табу. А поэзии делать вид, что ничего не было и ничего не случилось, — не выходит. Куда уж там до этой темы, когда они боятся сказать, что мяса нет в магазинах, чтобы не быть обвиненными в национализме...»

В этой особой любви к Сталину проявлялись подспудные настроения ущемленности и недовольства своим положением. Неожиданно для всех советских людей они вырвутся на поверхность в перестроечные годы, и Грузия одной из первых потребует выхода из Советского Союза и независимости.

Первый секретарь ЦК Компартии Украины Петр Ефимович Шелест пометил в дневнике в январе 1964 года: «На станции Раздельная в двенадцати вагонах демобилизованные из армии грузины устроили пьяный дебош. Открыто высказывали недовольство в адрес Хрущева, защищали все действия и порядки при Сталине, восхваляли политику Маленкова».

Вот почему Василий Павлович Мжаванадзе вел себя крайне осторожно, когда речь шла о Сталине. На XXII съезде партии осенью 1961 года Хрущев и председатель КГБ Александр Николаевич Шелепин вновь говорили о сталинских преступлениях. 30 октября, когда съезд уже заканчивал работу, первый секретарь Ленинградского обкома Иван Васильевич Спиридонов зачитал предложение переместить прах Сталина из Мавзолея. Его предложение поддержал первый секретарь московского горкома Петр Нилович Демичев. Следующим должен был выступить первый секретарь ЦК Компартии Грузии.

Второй секретарь ЦК Фрол Романович Козлов заранее объяснил ему задачу. Но на утреннее заседание 30 октября Мжаванадзе пришел с завязанным горлом и шепотом сказал, что у него начался воспалительный процесс, он потерял голос и говорить не может. Вместо него на трибуну отправили председателя Совета министров Грузии Гиви Джавахишвили. Тот был верным соратником Мжаванадзе, проработал с ним двадцать лет и должен был выручить старшего товарища. Он довольно невнятно сказал, что Грузия согласна с предложением вынести гроб Сталина из Мавзолея. Съезд проголосовал за это предложение. Ночью 31 октября гроб с прахом Сталина вынесли из Мавзолея и похоронили у Кремлевской стены.

Василий Мжаванадзе и на республиканском съезде, и на XXIII съезде КПСС критиковал воспоминания академика и бывшего посла в Англии Ивана Михайловича Майского, опубликованные в «Новом мире» — за «слишком вольное обращение с историей». Василию Павловичу не понравилась критика Сталина.

В роли чистильщика

В мартовские дни 1956 года молодой Шеварднадзе занял благоразумную позицию. Сам он в манифестациях не участвовал, но и не спешил клеймить ее участников. Это оценили, и из Кутаиси его перевели в столицу секретарем ЦК республиканского комсомола. Ему было двадцать восемь лет. На следующий год он возглавил грузинский комсомол.

Он понравился Василию Мжаванадзе, которому события 1956 года никак не повредили. А на следующий год Мжаванадзе решительно поддержал Хрущева, когда Молотов, Маленков, Каганович и Булганин попытались снять его с поста Первого секретаря. В благодарность Никита Сергеевич сделал Мжаванадзе кандидатом в члены президиума ЦК. Это укрепило его позиции, обезопасило и от московских контролеров.

Василий Павлович ощутил себя полным хозяином в Грузии, что стало благодатной почвой для массовой коррупции в республиканском аппарате. В свое время ходили слухи, что и семья первого секретаря не осталась в стороне от этого благодатного для чиновников занятия. Василий Мжаванадзе управлял Грузией девятнадцать лет. Этот период злые языки называли «викторианской эпохой» по имени его жены Виктории, которая больше всего любила бриллианты.

Забыв о том, что своей карьерой он целиком и полностью обязан Хрущеву, Василий Павлович в 1964 году принял деятельное участие в подготовке свержения бывшего благодетеля. Не только сам горячо поддержал идею убрать Хрущева, но и агитировал других видных партийных секретарей. Теперь уже Брежнев был в долгу у Мжаванадзе, и это продлило его годы у власти.

Благожелательное отношение первого секретаря помогло Эдуарду Шеварднадзе пройти по всем ступенькам комсомольской карьеры. А вот партийная карьера началась у него не слишком удачно. В 1961 году Мжаванадзе сделал его первым секретарем Мцхетского райкома, но Эдуард Амвросиевич жаловался друзьям, что его обидели: район дали красивый, исторический, но малозаметный в экономической и политической жизни республики. Через два года его все же перевели первым секретарем одного из райкомов в столичный Тбилиси. Его знакомые по комсомолу помнят, что уже в те годы Шеварднадзе с горечью рассказывал о масштабах коррупции в республике. Называл Василия Павловича Мжаванадзе мягким и доверчивым человеком, великодушно

считая, что во всех безобразиях в республике были виноваты плохо подобранные кадры. Но на этот счет есть и другие мнения.

Когда Шеварднадзе попытался обратить внимание хозяина республики на недостойные поступки некоторых людей из его окружения, Эдуарда Амвросиевича убрали с партийной работы и сделали сначала первым заместителем, а через год республиканским министром охраны общественного порядка (после переименования ведомства в 1968 году он стал министром внутренних дел). Назначение расценили как желание Мжаванадзе убрать молодого человека с партийной работы. Переход в МВД мог поставить крест на многообещающей карьере. Но опасный для начинающего политика пост ему не повредил. Напротив, в Москве заметили молодого и искреннего борца с коррупцией. Рассказывали, как он приказал не выпускать утром такси из таксопарков, а по Тбилиси все равно ездили машины с «шашечками», и всех частников, выдававших себя за таксистов, переловила милиция.

Он пытался бороться с коррупцией всеми доступными ему методами. Проводил чистки следственного и тюремного аппарата, набирал в МВД молодежь из комсомола. Но со временем убедился, что ничего не помогает. Система перевоспитывала людей в своем духе. Семь лет он служил министром внутренних дел, получил звание генерал-майора. Ему часто потом припоминали, что он сажал людей в тюрьмы. Зато никто не мог сказать, что он брал взятки или вообще замешан в чем-то недостойном. А про его предшественника нечто подобное говорили открыто.

В МВД охотно переводили с партийной работы, но обратной дороги не было. Максимум, на что он мог рассчитывать, это на перевод в союзное министерство, в Москву. Тем более, что министр внутренних дел СССР Николай Анисимович Щелоков благоволил своему грузинскому коллеге. Но обстоятельства сложились для Шеварднадзе очень удачно.

В начале семидесятых Брежнев стал менять партийное руководство в центре и на местах. Там, где у него были свои люди, вопрос решался легко. На Украине вместо хрущевского человека Петра Ефимовича Шелеста первым секретарем в 1972 году стал старый друг Брежнева Владимир Васильевич Щербицкий. В том же году настала очередь Мжаванадзе. Желание сменить первого секретаря в Грузии созревало у Брежнева постепенно.

Тот же Петр Шелест обратил внимание на один показательный эпизод. В конце ноября 1970 года в Ереване отметить пятидесятилетие образования Советской Армении собрались все первые секретари национальных республик. Приехал и Брежнев. Вечером собрались вместе поужинать.

Первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана Гейдар Алиевич Алиев, произнося тост, сказал:

— Закавказские республики живут дружно, поддерживают друг друга. Наш аксакал Василий Павлович Мжаванадзе нас направляет, мы с ним советуемся по всем вопросам.

Шелест пишет, что слова об «аксакале» восприняли как шутку все, кроме Брежнева, который насторожился и завел разговор об опасности групповщины и национальной обособленности. Петр Ефимович считает, что Брежнев поставил в личном деле Мжаванадзе жирный минус.

Но дело скорее было в другом. Брежнев еще не болел, был бодр, хотел что-то сделать, а Мжаванадзе шел уже к семидесятилетию. Нужен был новый человек. Говорят, что именно Щелоков обратил внимание генерального секретаря на подающего надежды республиканского министра внутренних дел. Сам Шеварднадзе считает, что его имя Брежневу назвал тот же Гейдар Алиев, первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана, а до того председатель республиканского КГБ.

К Алиеву в те годы в Москве относились с особым уважением. Став первым секретарем, Алиев провел массовую чистку кадров, снял с работы около двух тысяч чиновников. Часть из них была арестована, в доход государству поступило немалое число конфискованных ценностей. Правда, со временем станет ясно, что масштабы коррупции в республике не уменьшились. При Алиеве, по существу, просто произошла смена республиканской элиты. А новое руководство желало так же наслаждаться жизнью, как и прежнее. Виктор Михайлович Мироненко, в те годы видный работник Комитета народного контроля СССР, рассказывал, как, приехав в Азербайджан с проверкой, был поражен:

— В магазинах, в государственной торговле, все было как на рынке — продавцы самостоятельно устанавливали цены, покупатели с ними торговались. Продавец вел себя так, словно магазин принадлежал ему, а не государству...

От Шеварднадзе ждали таких же подвигов, как и от Алиева. Решение сделать министра внутренних дел республики первым секретарем ЦК далось Брежневу нелегко. Но Шеварднадзе действительно с первого взгляда внушал симпатию и рождал уверенность в том, что он способен справиться с любым делом.

Смену руководства в Грузии провели по всем правилам. В 1972 году парторганизация Грузии была подвергнута серьезной критике. Шеварднадзе избрали первым секретарем Тбилисского горкома. Затем Василия Павловича Мжаванадзе отправили на пенсию, и в конце того же

1972 года Эдуард Амвросиевич стал первым секретарем ЦК Компартии Грузии. Ему было всего сорок четыре года. Шеварднадзе стал первым секретарем сразу после партийного съезда, поэтому положенного ему членства в ЦК КПСС пришлось ждать четыре года — это произошло только в 1976 году, на XXV съезде.

Один перед бушующей толпой

В апреле 1978 года в Грузии едва не повторилось мартовское кровопролитие пятьдесят шестого. В тот год всем союзным республикам велели принять новые конституции, потому что был подготовлен новый Основной закон СССР. В реальной жизни это ничего не меняло, и для всех республик было чисто формальным делом — кроме Грузии, Армении и Азербайджана. В их конституциях с двадцатых годов сохранилось положение о своем языке как о государственном.

Закавказским республикам велели подравняться под общий строй. Но попытка убрать этот атрибут самостоятельности вызвала массовое возмущение у молодежи. Грузинские студенты, как и в марте 1956 года, устроили демонстрацию, хотя понимали, как трагически все это может закончиться. Шеварднадзе пытался объясниться с Брежневым. Тот неохотно ответил: «Это идеологический вопрос» — и переадресовал первого секретаря к Михаилу Андреевичу Суслову как главному идеологу партии. Догматик Суслов ничего не хотел слушать и твердил, что эта республиканская языковая аномалия противоречит марксизму.

14 апреля, в день, когда депутатам республиканского Верховного Совета предстояло голосовать за новую конституцию, возле Дома правительства в Тбилиси собрались тысячи молодых людей. В руководстве республики были люди, готовые применить в ответ силу, ввести в действие армию.

Шеварднадзе еще раз позвонил Суслову, напомнил о кровопролитии 1956 года и просил доложить Брежневу, что ситуация в республике крайне серьезная, и он, как первый секретарь, обязан предпринять все необходимое для сохранения спокойствия. В общем, благодаря своей настойчивости и умению убеждать Шеварднадзе добился своего — грузинский язык остался в Грузии государственным.

Он вышел к студентам, собравшимся у Дома правительства, и торжествующе сказал:

— Братья, все будет так, как вы хотите.

И огромная площадь взорвалась восторгом. Шеварднадзе стал в республике героем.

Он сумел и успокоить молодежь, и сделать так, что вся Грузия была ему благодарна. При этом не поссорился с Москвой. Более того, Брежнев оценил политическое искусство Шеварднадзе. И через полгода, в ноябре

1978 года, сделал его кандидатом в члены политбюро. Высокое партийное звание полагалось далеко не всем руководителям республик.

На том же ноябрьском пленуме секретарем ЦК КПСС был избран Михаил Сергеевич Горбачев. С Шеварднадзе они были немного знакомы с комсомольских времен. Когда Горбачев стал секретарем ЦК по сельскому хозяйству, познакомились ближе. Горбачев часто приезжал в Грузию — отдыхал в Пицунде. Шеварднадзе возил его по республике, показывал, чего своим трудом может добиться крестьянин, если ему не мешать.

«Шестидесятые-восьмидесятые годы были, возможно, самым беззаботным периодом в истории Грузии, — вспоминает писатель Георгий Нижарадзе, — общереспубликанские потребности с избытком дотировались из Центра, денежных мест было много, процветали искусство и спорт, приезжие пили дешевое вино и поражались «несоветской» атмосфере легкомыслия и веселого вольнодумства, царящей в стране. Советскую власть ругали не понижая голоса, но того, что она доживает последние годы, не мог себе представить никто».

Брежнев определенно выделял Шеварднадзе, в 1981 году наградил Золотой звездой Героя Социалистического Труда. Леонид Ильич позволял ему то, что не позволялось другим местным секретарям. Грузинской интеллигенции жилось легче, в республике сохранялось больше свободомыслия. Хотя с диссидентами здесь поступали так же жестко, как и везде, что Шеварднадзе припомнят, когда Грузия обретет самостоятельность.

18 ноября 1983 года вооруженная группа молодых грузинских диссидентствующих художников, актеров и врачей захватила самолет Ту-134 (57 пассажиров, 7 членов экипажа), следовавший по маршруту Тбилиси — Батуми — Киев- Ленинград, и потребовала от летчиков лететь в Турцию. В связи с неблагоприятными метеоусловиями самолет был вынужден, почти долетев до Батуми, вернуться в Тбилиси. Когда самолет совершил посадку, его взяли штурмом бойцы спецподразделения КГБ «Альфа». Погибли двое летчиков, двое пассажиров и бортпроводница, получили тяжелые ранения штурман и другая бортпроводница. Из числа угонщиков был убит художник Гия Табидзе, покончил с собой художник Давид Микаберидзе, были ранены актер Геча Кобахидзе, художник Сосо Церетели и врачи Паата и Кахи Ивериели. В период правления Звиада Гамсахурдиа угонщиков восславили как борцов за свободу...

Шеварднадзе, конечно, был мастер ладить с начальством. Не забывал курить фимиам Брежневу. С восточным красноречием его молодых и талантливых помощников, сочинявших Эдуарду Амвросиевичу речи и

статьи, мало кто мог соревноваться. В 1981 году после XXVI съезда партии, вернувшись в Тбилиси, Шеварднадзе с воодушевлением делился своими впечатлениями перед участниками республиканского актива:

— В каждом положении и каждом выводе доклада Леонида Ильича Брежнева, в каждом его слове звучала ленинская деловитость, ленинская целеустремленность, ленинская объективность, самокритичность, подлинно ленинский, глубоко научный подход к анализу современности. На трибуне стоял Леонид Ильич Брежнев, такой близкий и родной каждому. И каждый видел, всем сердцем чувствовал, как он мыслил и творил на съезде.

Много раз в перестроечные годы ему припоминали эти пышные речи и едко спрашивали: когда же вы были искренни, Эдуард Амвросиевич? Тогда, воспевая Брежнева, или сейчас, призывая к радикальным переменам?

Шеварднадзе отвечал, что это было лишь необходимым средством:

— Мы не выслуживались перед Москвой. Мы лишь хотели создать условия, чтобы лучше служить своему народу.

На пленуме ЦК КПСС 23 июня 1980 года, где задним числом обсуждался вопрос о вводе войск в Афганистан, Шеварднадзе сказал, что «смелый, единственно верный, единственно мудрый шаг, предпринятый в отношении Афганистана, с удовлетворением был воспринят каждым советским человеком». Одобрили афганскую авантюру, разумеется, все участники пленума, но зачем было делать это с такой страстью? Шеварднадзе не упустил случая вознести хвалу Леониду Ильичу:

— В сегодняшнем мире нет более авторитетного, более последовательного государственного деятеля, чем Леонид Ильич, которого глубоко уважают, которому верят. Будучи очевидцем титанической деятельности Леонида Ильича Брежнева, читая записи его бесед, фундаментальные труды, выступления по внешним и внутренним проблемам, испытываешь искреннюю радость и гордость от сознания того, что во главе партии и государства стоит человек, в котором органично сочетаются широчайшая эрудиция, ленинская принципиальность, пролетарская стойкость, революционная смелость, высокий гуманизм, редкая дипломатическая гибкость.

Речи Эдуарду Амвросиевичу писали мастера своего дела, а произносил он их с неподдельным энтузиазмом. Надо признать, что Шеварднадзе — политик хитрый, изощренный, но не трусливый. О нем рассказывают одну историю, которая кажется легендой, но характерно, что вокруг него рождались именно такие легенды. Осенью 1977 года в Тбилиси

местная футбольная команда «Динамо» играла с ворошиловградской «Зарей». Счет был ничейным. Создалась ситуация, при которой судья должен был, как казалось зрителям, назначить пенальти в ворота ворошиловградцев. Судья этого не сделал, динамовцы остались без золотой медали. Темпераментные тбилисские болельщики пришли в неистовство, немногочисленная милиция не могла с ними справиться. Тогда из правительственной ложи вышел Шеварднадзе и сумел успокоить разбушевавшуюся толпу.

Моторная лодка на Смоленской площади

Не успели избрать Горбачева генеральным секретарем, как Шеварднадзе умело похвалил Михаила Сергеевича на первом же пленуме ЦК и решительно поддержал его линию, которая еще не была толком сформулирована. Эдуард Амвросиевич говорил о том, как весь мир откликнулся на избрание Горбачева, процитировал статью из газеты «Вашингтон пост» и добавил лукаво:

— Я знаю, что Михаил Сергеевич не любит, когда его хвалят. Но это не я, это американцы говорят...

В зале довольно засмеялись.

Никто не ждал, что Горбачев назначит его министром иностранных дел. Но Михаилу Сергеевичу был нужен не столько профессионал — их достаточно в аппарате министерства, — сколько единомышленник, союзник. Однажды они вместе отдыхали в Пицунде, говорили о происходящем в стране, и Шеварднадзе с нескрываемой горечью сказал:

— Все прогнило, все надо менять.

Во время разговора с Громыко, который уже переходил в Верховный Совет, Горбачев спросил, кого тот видит на посту министра иностранных дел. Громыко назвал своего первого заместителя Георгия Марковича Корниенко, считая его самым достойным, затем как бы нехотя добавил еще две кандидатуры — посла в Соединенных Штатах Анатолия Федоровича Добрынина и посла во Франции Юлия Михайловича Воронцова.

Горбачев выслушал его без интереса и спросил:

— Как вы смотрите на Шеварднадзе?

Даже выдержанный Громыко был поражен: республиканский партийный секретарь в роли министра иностранных дел? Но тут же справился с собой:

— Нет, нет, я не против. Я же понимаю, это продуманное предложение.

Горбачев объяснил, что на посту министра иностранных дел нужна крупная политическая фигура, человек, способный к переменам. Громыко не посмел возразить генеральному секретарю.

Недели за две до окончательного решения Горбачев позвонил Шеварднадзе в Тбилиси:

— У меня есть весьма серьезные намерения в отношении тебя. Два предложения. Конкретизировать пока не готов. Но оба потребуют твоего

переезда в Москву.

Шеварднадзе, как полагалось, сказал, что для него главное — получить поддержку генерального секретаря в работе на нынешней должности. Ничего иного ему не нужно. В последних числах июня 1985 года Горбачев вновь позвонил ему и предложил занять пост министра иностранных дел. Эдуард Амвросиевич искренне удивился:

— Все, что угодно, мог ожидать, только не это. Я должен подумать. И вы еще должны подумать. Я не профессионал... грузин... Могут возникнуть вопросы.

Следующим утром он прибыл в Москву. В разговоре с Горбачевым выложил все доводы «против». Дипломатия — это профессия, а у него нет опыта. И главное — этот пост все же должен занимать русский человек.

— Вопрос этот решен, — ответил Горбачев. — Он согласован с секретарями Центрального комитета. Твою кандидатуру поддерживает Громыко. Что касается национальности, то да, ты — грузин, но ведь советский же человек! Нет опыта? А может, это и хорошо, что нет? Нашей внешней политике нужны свежесть взгляда, смелость, динамизм, новаторские подходы...

После беседы Горбачев собрал политбюро.

— Нам не найти второго Громыко, — сказал он, — с его опытом, знанием проблем внешней политики. Но ведь и сам Андрей Андреевич когда-то начинал свой путь в дипломатии не с таким опытом и знаниями, какие имеет сейчас. Я беседовал с Андреем Андреевичем о том, кого выдвинуть на пост министра иностранных дел. Квалифицированных дипломатов у нас много. Опытный работник Корниенко. Как на партийной, так и на дипломатической работе был Червоненко. В поле зрения Добрынин. И все же мысли у нас пошли в другом направлении. На пост министра нужна крупная фигура, человек из нашего с вами состава, которого мы хорошо знаем и в котором уверены.

Громыко, правда, попытался вставить слово:

— Воспитана целая когорта дипломатов.

Горбачев пропустил его слова мимо ушей.

— В результате мы остановились на том, чтобы рекомендовать Эдуарда Амвросиевича Шеварднадзе. Это сформировавшийся деятель, принципиальный, понимающий интересы партии. Эдуард Амвросиевич показал себя человеком закаленным, выдержанным, умеющим найти подходы к решению проблем. Необходимо иметь в виду и такой важный момент: страна у нас многонациональная, и необходимо, чтобы это находило отражение и в составе центральных органов партии. Убежден,

товарищи, что это правильное решение.

Потом выступил Громыко, как всегда лояльный к мнению начальства:

— Предлагаю поддержать. Товарищ Шеварднадзе-член руководящего центра. Это важно для министра иностранных дел.

1 июля собрался пленум ЦК. Шеварднадзе перевели из кандидатов в полноправные члены политбюро. Кстати, на этом же пленуме секретарем ЦК избрали Бориса Николаевича Ельцина.

Когда Громыко освободил кабинет, Шеварднадзе впервые приехал на Смоленскую площадь. У подъезда высотного здания его ждал начальник секретариата министра, проводил на седьмой этаж, показал кабинет № 706. В этом кабинете сидели все его предшественники, начиная с Вышинского. Шеварднадзе попросил собрать заместителей министра, откровенно сказал им:

— Положение у меня — хуже не придумаешь. Удивить вас познаниями в области внешней политики не могу. Могу лишь обещать, что буду работать так, чтобы мне не было стыдно перед вами, а вам — за меня. Мне придется особенно трудно на фоне авторитета Андрея Андреевича. Что я по сравнению с ним, крейсером внешней политики? Всего лишь лодка. Но с мотором.

Шутка всем понравилась.

«Какие у вас планы на вечер?»

Когда назначили Шеварднадзе, лучшие умы министерства впали в прострацию. Все предполагали, что если останутся на профессионале, то министром станет Корниенко. Если выбор падет на политика — то это будет Виталий Иванович Воротников, председатель Совета министров РСФСР.

Высокомерные дипломаты, в большинстве своем выпускники элитарного Института международных отношений, не ожидали, что пришлют провинциала, грузина. Карьерные дипломаты — это спаянное братство. Они гордятся своим профессионализмом и не любят выдвиженцев, считая, что они никогда не получили бы столь высокий пост, если бы пытались сделать обычную дипломатическую карьеру.

В курилках нового министра презрительно называли «кутаисским комсомольцем». Говорили, что он не только мира, но даже и Советского Союза толком не знает, иностранными языками не владеет, да и по-русски говорит неважно... Решили, что внешней политикой новый генеральный будет заниматься сам, а Шеварднадзе, бывшего эмвэдэшника, назначили для того, чтобы он перетряхнул министерство и разогнал пижонов, которые оторвались от действительности, а только за границу ездят. Ждали опричнины.

Ревниво следивший за своим сменщиком Громько жаловался сыну:

— Шеварднадзе устроил настоящую экзекуцию профессиональным кадрам, только потому, что многие дипломаты не пели ему «аллилуйя», сохраняли достоинство и не лакействовали. В министерстве царит атмосфера уныния и страха.

Но все было не так. Шеварднадзе чисток не устраивал, вообще никого не уволил. Напротив, двери министерского кабинета на седьмом этаже раскрылись для широкого круга сотрудников министерства. Шеварднадзе приглашал их не для того, чтобы устроить разнос или дать указание, а для того, чтобы выслушать их мнение. Приезжая в какую-нибудь страну, выступал перед советскими дипломатами в посольстве, чтобы рассказать им, что происходит в Москве. Он был откровенен с журналистами.

Талантливые люди при нем процветали, причем даже те, кто придерживался иного политического направления. За год он сумел вникнуть в новую работу и привлек на свою сторону аппарат дипломатической службы. С собой из Тбилиси он привел только одного

помощника — Теймураза Георгиевича Мамаладзе-Степанова, талантливого журналиста, который потом работал в «Известиях». Вторым помощником стал Сергей Петрович Тарасенко, один из руководителей американского отдела МИД.

Правда, в министерстве устроили кампанию по борьбе с семейственностью. Если в МИД работали отец и сын, то кого-то одного просили уйти. Но это была идея секретаря ЦК Егора Кузьмича Лигачева. Он и прислал в министерство нового заместителя по кадрам Валентина Михайловича Никифорова — из аппарата ЦК, тот получил указание брать в МИД побольше детей рабочих и крестьян, а также партийно-комсомольских активистов.

Первоочередную программу действий Шеварднадзе выработал вдвоем с Горбачевым: установить нормальный диалог с Соединенными Штатами; идя на компромисс, добиваться ограничения военных потенциалов Востока и Запада; вернуть советские войска из Афганистана; нормализовать отношения с Китаем. Сверхзадача состояла в том, чтобы вывести страну из враждебного окружения, уменьшить давление на нее, создать благоприятные внешние условия для перемен и дать Горбачеву возможность заняться внутренними делами.

Своим помощникам в министерстве он откровенно сказал:

— Я ведь могу сидеть тихо, ничего не делать, наслаждаться жизнью. Но внешняя политика зашла в тупик, страну нужно вытаскивать из ямы.

Горбачев в первом же интервью «Правде» отметил, что не намерен смотреть на мир через призму отношений с США, какими бы важными они ни были сами по себе. Первым иностранным гостем был итальянский премьер Беттино Кракси. Бывший канцлер ФРГ Вилли Брандт говорил в Москве пять часов о необходимости особых отношений с европейскими социал-демократами. Начался диалог с китайцами, с которыми договорились вновь обращаться друг к другу «товарищ». Новый министр иностранных дел Эдуард Шеварднадзе поехал в Токио. И было объявлено о моратории на ядерные испытания.

У Шеварднадзе оказалось совсем мало времени на подготовку к новой роли. В том же июле 1985 года он отправился в Хельсинки, где собрались министры тридцати пяти стран Европы, США и Канады, чтобы отметить десятилетие подписания Заключительного акта. В определенном смысле это были «смотрины» нового министра. Для всего мира появление Шеварднадзе оказалось событием — на памяти целого поколения не было иного советского министра, кроме Громыко. Предстояла и встреча с главным партнером-государственным секретарем США Джорджем

Шульцем.

Его помощник Теймураз Мамаладзе вел дневник и опубликовал в журнале «Дружба народов» заметки о своем бывшем шефе. Шеварднадзе фигурирует в записках как Седой.

«30 июля 1985 года, Хельсинки.

— Боже мой, он улыбается! — Сакральный ужас на лице Его Превосходительства из маленькой средневропейской страны. Мистическое потрясение, смешанное с восторженным недоверием: Боже, новый советский министр улыбается! Более того — смеется! И даже острит!

Министерский дебют Седого на международной арене. Речь тускла. Но десятилетие Хельсинкского акта — его торжество. Он — гвоздь программы. Блестящий, острый, хорошо откованный гвоздь. Легенды сопутствуют ожиданиям. Про вас сочиняют истории, героем которых вы обязаны быть. Будто бы в Хельсинки Седой положил перед Шульцем грузинский кинжал в драгоценных ножнах и сказал:

— Я разоружился, теперь ваша очередь...

«Ничего подобного не было, — говорит Седой, — а было вот что...»

Шульц подвел к Эдику какую-то миниатюрную девушку в строгом брючном костюме мышиноного цвета. Она напоминала мышку, которая запуталась в копне собственных волос.

— Я хочу представить вам мою лучшую телохранительницу, — сказал Шульц.

У него это называлось «снять мерку».

Седой оглядел несоразмерность охраняемого тела и тела охраны, крепко пожал стальную мышиную лапку и сказал:

— Наконец-то я убедился, что судьба Америки в надежных руках.

Дебют гурийского юмора на европейской сцене прошел под сплошной гомерический хохот. Давно так не смеялись на международных форумах.

Уж если кто-то желает снять с вас мерку — пусть делает это под вашу диктовку: «Мой размер — такой-то».

— Кто я такой в сравнении с господином Шульцем? Но если за ним опыт, то за нами — правда!

Домашняя заготовка. Впервые применена на Смоленской площади в день вступления в должность.

— Кто я в сравнении с Андрей Андреичем? Он — большой океанский лайнер, я — маленькая лодка. Но — моторная!

В новую должность Седой вступал под смех облегчения мировой общественности, подчиненных и коллег».

Вовремя сказанная шутка помогала Шеварднадзе в сложных дипломатических баталиях. Вот еще отрывок из записок его помощника:

«23 марта 1988 года, Белый дом.

Вице-президент Буш. Нас очень беспокоит проблема безопасности на Олимпийских играх в Сеуле.

Седой. Я уверен, игры пройдут хорошо.

Президент Рейган. Оставьте нам хотя бы несколько медалей.

Седой. Этот вопрос можно будет обсудить сегодня на вечернем раунде наших переговоров. Если с вашей стороны будут уступки по вопросам стратегической оборонной инициативы. (Общий смех.)»

Умения ладиться людьми и говорить приятные им вещи, неизменно добиваясь своего, Шеварднадзе было не занимать.

На Смоленскую площадь встретиться с аппаратом Министерства иностранных дел и послами, которых со всего мира собрали в Москву, приехал Горбачев. Шеварднадзе, вспоминая Борис Дмитриевич Панкин, тогда посол в Швеции, стал говорить, какая им оказана огромная честь, что генеральный секретарь впервые за всю историю государства посетил МИД. На эти слова Горбачев отозвался, что ничего особенного в этом нет, и не надо преувеличивать. Шеварднадзе с мягкой улыбкой сказал, что он замечание генерального секретаря, разумеется, принимает к исполнению, но сейчас все-таки будет читать то, что у него написано. Зал заулыбался.

Министру пришлось нелегко. Его ждали мучительные переговоры с американцами об ограничении ядерных вооружений. Предстояло в короткий срок освоить огромный массив информации. И когда его постепенно знакомили с этой проблематикой, он был просто в отчаянии, говорил:

— Зря я согласился на эту должность! Это же невозможно понять.

Помощников поражала его способность мгновенно вникнуть в суть обсуждаемой проблемы. Память у него была замечательная — не хуже, чем у Громыко. Шеварднадзе не изображал из себя всезнайку. Принимая дипломатов, которые вели переговоры с американцами по стратегическим вооружениям, он несколько застенчиво сказал:

— Я первоклассник, не смущайтесь. Хочу, однако, все знать и сам понимать.

Если чего-то не понимал, он спрашивал, просил объяснить. Сказанное запоминал. Ему очень помогали природный ум и быстрая реакция. Поэтому он не боялся полемики, «ближнего боя» и не старался удерживать противника на дистанции.

Громыко не разрешал на переговорах синхронного перевода, всегда

настаивал на последовательном. Эта процедура сильно затягивала переговоры, но давала дополнительное время на размышление. При синхронном переводе непросто уловить тонкости, детали. Шеварднадзе возмущался, если ему предлагали последовательный перевод: жалел время. Он был самым внимательным слушателем, которого только видели в министерстве. Поражал дипломатов способностью с ходу разобраться в сложнейших проблемах, выделить главное и не упустить ни одной мелочи.

Шеварднадзе изменил ритм мидовской жизни, вспоминал главный министерский переводчик Виктор Сухо-древ. Он допоздна работал, приезжал на Смоленскую площадь и в субботу. Очень удивлялся, если вечером кого-то не оказывалось на месте. Скоро все дисциплинированно сидели на местах и раньше министра домой не уезжали.

«Работа шла в сумасшедшем режиме и темпе, — писал Юлий Квицинский, который стал заместителем министра. — Их задавал министр, подвергавший себя невыносимым перегрузкам. Встречи и переговоры, полеты за границу и приемы в Москве шли непрерывной чередой... Сказывался немалый политический опыт Шеварднадзе, его знание людей, искусство строить личные отношения, просчитывать ситуацию и без нужды не обострять ее».

Когда в результате сближения с Южной Кореей стали ухудшаться отношения с Северной Кореей, Шеварднадзе прилетел в Пхеньян. Обещавший быть нелегким разговор с великим вождем Ким Ир Сенон он начал с изысканного оборота:

— Михаил Сергеевич сказал мне: прежде чем отчитаешься передо мной, отчитайся перед товарищем Ким Ир Сенон.

«Рядом с великим вождем, — записал в дневнике помощник советского министра Теймураз Мамаладзе, — сынок, Ким Чен Ир, инфант, престолонаследник и надежда нации. Толстенький, одутловатый очкарик, низкорослый и мрачный, глядящий с подозрением на каждого, кто осмеливается посмотреть на него... Я обратил внимание на его маленькие ножки, обутые в серые туфельки с узкими загнутыми носами».

На первых переговорах с американским госсекретарем Джорджем Шульцем Эдуард Шеварднадзе держался спокойно, изображал внимательного и вежливого новичка, но был настороже. Шульц был хозяином, поэтому он сказал:

— Я хотел бы вам, господин министр, как гостю, предоставить слово первым.

Перед Шеварднадзе на столе лежала подборка материалов по всем вопросам, которые будут обсуждаться. И он вдруг прямо заявил:

— Вы знаете, я человек новый. Претендовать на то, что я прекрасно знаю все вопросы, которые будем сейчас обсуждать, было бы с моей стороны глупо. Поэтому заранее прошу прощения: мне приготовили справки, я их прочитаю, и это пока все, что я могу сделать.

Простота и откровенность понравились. Американцы увидели, что новый министр человек разумный и уверенный в себе, поэтому не боится признать, что чего-то не знает. Наши дипломаты успокоились: неприятных неожиданностей не возникнет. А закончил первую встречу Эдуард Амвросиевич неожиданно. Уже собирались расходиться, как вдруг он обратился к государственному секретарю:

— Могу я на секундочку вас задержать?

Он произнес несколько возвышенных слов о Джордже Шульце как об опытном дипломате. Американцы растаяли от удовольствия, и тут Шеварднадзе добавил:

— На вашей стороне, господин государственный секретарь, опыт, а на нашей стороне — правда.

Американцы этого никак не ожидали. Получилось, что последнее слово осталось за советским министром. Он изменил стиль и атмосферу переговоров: у нас с американцами множество проблем и противоречий, мы жестоко спорим и будем спорить, но почему мы должны вести себя как враги? И во время второй встречи с Шульцем советский министр сказал:

— Я намерен вести дело так, чтобы быть вам честным и надежным партнером, а при встречном желании — и другом.

Шульц, на которого эти слова произвели впечатление, встал и протянул ему руку.

При Шеварднадзе удалось преодолеть многолетнее недоверие между Советским Союзом и Соединенными Штатами, когда любой шаг партнера воспринимался как угроза, когда любые переговоры начинались с перечисления взаимных претензий и обвинений и иногда этим же заканчивались.

Отойти от этой линии оказалось непростым делом. Через год после прихода Горбачева к власти, в апреле 1986 года, на заседании политбюро рассматривался проект документа под названием «О политико-пропагандистских мероприятиях по противодействию антисоветской линии США». В нем предлагалось провести военно-морские маневры в Мексиканском заливе у берегов Северной Америки, практиковать «демонстративные действия с обозначением ударов по морским целям США силами ракетноносных средств, дальней авиации ВМФ СССР».

Эти предложения Горбачев вычеркнул, но говорил о том, что «в нашей

пропаганде нужно использовать их болевые точки, разоблачать военно-промышленный комплекс, показывать, как они грабят мир... Пусть они нервничают, совершают ошибки».

Когда произошла катастрофа в Чернобыле 26 апреля 1986 года, иностранные послы, аккредитованные в Москве, оборвали телефоны Министерства иностранных дел. Дипломаты просили о немедленной встрече с министром: они говорили, что действуют по поручению своих правительств, которые требуют разъяснений по поводу радиоактивных элементов в атмосфере. Авария могла произойти только в Советском Союзе.

Но политбюро потребовало организовать идеологическое обеспечение «отпора провокационной пропагандистской шумихе, поднятой на Западе в связи с событиями на Чернобыльской атомной электростанции»...

Но от этих пагубных для репутации страны привычен постепенно избавлялись.

Американцы попали под обаяние Шеварднадзе.

— Шеварднадзе очень галантен, — рассказывал мне его помощник Сергей Тарасенко. — Его очень любили все девушки в госдепартаменте, все для него делали, потому что он был очень внимателен, целовал ручки, говорил комплименты.

Он любил изображать простачка, но на самом деле был наделен острой реакцией, которую обыкновенно скрывал. Однажды после переговоров с госсекретарем они вышли на улицу и пошли к машинам через коридор журналистов. Одна американская журналистка спросила его:

— Завтра выходной день, как вы намерены провести свободный день?

Шеварднадзе реагировал мгновенно:

— Какие у вас предложения?

Впервые в истории отношений двух стран министры стали бывать другу друга дома, встречаться семьями. Это не исключало споров, обид и взаимного недовольства. Но изменился сам характер отношений — не желание обмануть потенциального врага, а намерение найти разумный компромисс.

Когда Шеварднадзе с Шульцем подписывали документ по Афганистану, возникла серьезная проблема. Шеварднадзе настаивал на том, что Советский Союз, хоть и выводит войска, будет оказывать помощь Кабулу. Шульц не соглашался с такой позицией, попросил объявить перерыв, чтобы поговорить с экспертами. Помощники спросили Шеварднадзе:

— Что будем делать, если американцы не согласятся?

Шеварднадзе ни секунды не сомневался:

— Уезжаем, и до свидания.

Появился Шульц, сказал, что он очень сожалеет, но принять советское условие не может. Шеварднадзе поблагодарил и откланялся. А в самолете сказал:

— У меня такое чувство, что, пока долетим до Москвы, американцы согласятся.

И точно. Тут же отправились в Женеву, там подписали соглашение и вывели войска из Афганистана.

Первые поездки за границу были для министра не слишком приятными. В аэропорту или возле посольства его повсюду встречали пикеты: афганцы требовали вывести войска из Афганистана, прибалты — вернуть свободу их странам, евреи — разрешить советским евреям эмигрировать в Израиль.

Оказавшись в Вашингтоне, Шеварднадзе вдруг вышел из здания посольства, подошел к демонстрантам и сказал:

— Я понимаю, есть проблема. Выделите три-четыре человека, пойдете поговорим.

Посольские смотрели на министра с изумлением, настолько это казалось диким и непривычным.

— Мидовец был приучен к другому, — рассказывал Сергей Тарасенко. — Приезжает в министерство американский посланник с каким-то делом. Я его встречаю и провожаю после переговоров. Прощаясь, он вдруг говорит: «Ах, я забыл передать важный документ» — и сует мне бумагу. А это список отказников, людей, которым отказано в выезде за границу. За них американцы хлопочут, но в советские времена с ними просто не разговаривали на эти темы и никакие списки не принимали, чтобы не давать повода для продолжения разговора. И если по неопытности берешь этот список, то рискуешь быть уволенным. Руки надо было за спину прятать и ни в коем случае не брать опасный документ.

А когда на первой встрече Шульц осторожно завел разговор об отказниках, Шеварднадзе ему укоризненно сказал:

— Что же вы права человека ставите на третье место? Давайте каждую встречу начинать с обсуждения прав человека.

Шульц просто не верил своим ушам. А Шеварднадзе спокойно принимал списки отказников. Пустых обещаний не давал, но под каждую встречу с американцами выбивал из КГБ разрешения отпустить очередную группу. А ведь не выпускали по самым дурацким причинам — в основном чтобы статистику не портить. Скажем, директор института говорил: «Из

моего института никто не уедет». Или местный партийный босс брал на себя обязательство: «У меня в области желающих уехать нет». И никто всерьез не принимал международные обязательства обеспечить человеку право свободно покидать страну и возвращаться домой. Это было характерно для советской системы: с большой помпой подписать любое международное соглашение, но пальцем не пошевелить для того, чтобы в соответствии с ним изменить внутреннее законодательство.

Министр обратился к подчиненным с предложением: давайте вместе думать над новой концепцией внешней политики. В посольства были отправлены телеграммы: ждем свежих идей. И многие очень быстро откликнулись, вспоминает посол Владимир Петрович Ступишин. МИД начал борьбу с другими ведомствами за приведение законодательства в соответствие с Заключительным актом, подписанным в Хельсинки.

Шеварднадзе первым из отечественных министров иностранных дел решил, что дипломаты обязаны правдиво рассказывать стране о том, что происходит в мире. Он также полагал, что МИД должен привлекать в страну все хорошее, что есть в мире, использовать мировой опыт.

Лучший друг — в тюрьме

Пока новый министр ездил по миру, встречался с президентами и главами правительств, утверждая новый стиль советской дипломатии, в Грузии разворачивались события, которые могли сломать его карьеру.

Горбачев для порядка спросил у Шеварднадзе, кого он рекомендует на пост первого секретаря ЦК в своей родной республике. Шеварднадзе назвал Тенгиза Николаевича Ментешашвили, который работал у него вторым секретарем в ЦК комсомола, потом первым секретарем Тбилисского горкома, а последние годы — в Москве секретарем Президиума Верховного Совета СССР. Но Горбачев поставил во главе республики более молодого секретаря ЦК Компартии Грузии по сельскому хозяйству Джумбера Ильича Патиашвили. Наверное, это была ошибка. Другой человек на этом посту, возможно, уберег бы республику от губительных катаклизмов...

Патиашвили, выпускник Грузинского сельскохозяйственного института, тоже был выдвиженцем Шеварднадзе. На одиннадцать лет моложе Эдуарда Амвросиевича, но прошел по тем же ступенькам комсомольско-партийной карьеры: возглавлял республиканский комсомол, стал первым секретарем Горийского райкома партии — на родине Сталина. В 1974 году Шеварднадзе сделал его секретарем ЦК Компартии Грузии.

Первым делом Патиашвили избавился от другого секретаря ЦК — Солико Евтихиевича Хабеишвили. Они давно конфликтовали, но в присутствии Шеварднадзе Патиашвили молчал. С отъездом Эдуарда Амвросиевича ситуация в Тбилиси изменилась. Один бывший первый секретарь райкома, обвиненный в получении взяток, дал показания против Хабеишвили.

В том же июле 1985 года, когда Шеварднадзе осваивался в министерском кабинете, в Тбилиси собрали бюро ЦК Компартии Грузии и сняли Хабеишвили с работы, назначили заместителем председателя республиканского комитета по газификации.

Солико Хабеишвили прилетел в Москву, позвонил Шеварднадзе, попросил помощи. Они были не просто сослуживцами, но и близкими друзьями. Солико не сомневался, что Эдуард Амвросиевич спасет его. Но Шеварднадзе даже не захотел встречаться, ответил по телефону, что очень занят. Потом, когда на Хабеишвили в Грузии завели уголовное дело, он понял, что ему грозит арест, и вновь стал умолять Шеварднадзе о встрече

— на сей раз через помощника министра. Тот доложил Эдуарду Амвросиевичу о просьбе Солико. От себя добавил, что надо помочь, иначе человек попадет в большую беду. Шеварднадзе промолчал, просто ничего не ответил.

Потом он говорил, что не имел права вмешиваться — это дело прокуратуры и суда. Но в реальности все было иначе. Шеварднадзе понимал, что «дело Хабеишвили» косвенно направлено против него. Все знали, что они друзья. Если он вмешается, попросит Горбачева заняться этим делом, то тем самым подтвердит свою причастность. Недоброжелатели скажут: почему он вмешивается? Хочет спасти невинного человека или пытается закрыть дело, потому что сам запачкался? Встретаться с Солико он не захотел, понимая, что его охранники из 9-го управления КГБ доложат о встрече своему начальству на Лубянке. А госбезопасность и занималась делом Хабеишвили. С аппаратной точки зрения Шеварднадзе поступил правильно, с человеческой — отвратительно. Он спас себя, бросив друга в беду. И он это понимал.

Солико Хабеишвили лег в Москве в больницу. Но сотрудники прокуратуры увезли его из больницы, посадили в самолет и отправили в Тбилиси — в следственный изолятор местного КГБ. Следствие шло долго. Вероятно, ждали, что обвиняемый не выдержит и ради собственного спасения даст показания на Шеварднадзе. Солико держался, хотя понимал, что ему грозит расстрел. «Пуля для тебя уже отлита», — говорил ему начальник следственного управления МВД Грузии. В конце концов недавнего секретаря ЦК приговорили к пятнадцати годам заключения.

Как ни странно, Хабеишвили спасли трагические события 9 апреля 1989 года, после которых Патиашвили лишился своего кресла. В августе следующего года Верховный суд Грузии пересмотрел его дело и сократил срок заключения с пятнадцати до восьми лет. Звиад Гамсахурдиа, став президентом Грузии, объявил амнистию. Солико вышел на свободу, но сидел без работы. Когда Шеварднадзе вернулся в Тбилиси, то создал для старого друга фонд «За демократию и возрождение». Шеварднадзе чувствовал себя виноватым перед Солико, хотел дать ему возможность пожить по-человечески.

Но какой-то злой рок тяготел над Солико. Он недолго наслаждался жизнью. В июне 1995 года его убили. Одни полагают, что это была расправа над другом Шеварднадзе. Другие объясняют убийство более прозаическими причинами — одна из бандитских группировок хотела прибрать к рукам гостиничный комплекс в Гудаури, построенный

Хабешвили.

Президент Грузии Шеварднадзе находился в тот день с визитом за границей. Возвращаясь на родину, он в самолете горько сказал:

— Ну, что мне теперь делать?

«Он и так много задолжал своему другу, а теперь его долг вырос до размеров жизни, — писал Теймураз Мамаладзе. — Солико умер с возгласом: «Они убивают меня!» Его мать слышала эти слова. Солико убивали на глазах матери, она стояла на балконе, провожая сына глазами, когда киллер в капюшоне начал стрелять в него».

«Жаль, что мы расстаемся таким образом»

В мае 1986 года на совещании в Министерстве иностранных дел Шеварднадзе говорил о том, что надо отказаться от прежнего постулата: Советский Союз должен быть столь же силен, как и любая возможная коалиция противостоящих ему государств. Этот постулат заставлял бешено вооружаться, подорвал экономику и тем самым национальную безопасность страны. Весь мир завалили оружием, а своим гражданам не смогли обеспечить сносную жизнь. Продажа нефти принесла стране сто восемьдесят миллиардов долларов, а в магазинах полки пустовали, во всех городах вводили талоны и очереди стояли за самым необходимым.

Взгляды Шеварднадзе предопределили его столкновение с военными, которые видели, что им грозит: министр призывал к принципу разумной достаточности, что вело к ограничению военных расходов. А этого в Министерстве обороны никак не могли допустить. Это было время, когда Европу именовали театром военных действий. Людей заставляли жить словно в осажденной крепости.

Горбачеву и Шеварднадзе выпала миссия закончить холодную войну. Надо было прекратить военное соперничество с Соединенными Штатами, освободить страну от гонки вооружений. Знающие, великолепно образованные, опытные советские дипломаты боялись мыслить по-крупному, были поглощены деталями. Шеварднадзе не был профессионалом, но парадоксальным образом его непрофессионализм помогал ему принимать более смелые решения.

Когда Горбачев и Шеварднадзе начали новую внешнюю политику, американский президент Рональд Рейган оставался подчеркнуто холоден. Американцы не верили в возможность крутых поворотов в политике Москвы, считали, что русские разыгрывают перед ними очередной спектакль.

Многое изменила встреча Горбачева и Рейгана в Рейкьявике. Известный дипломат Юрий Владимирович Дубинин опубликовал свои воспоминания о том, как прошла эта встреча в октябре 1986 года. Горбачев приехал в исландскую столицу с грандиозным планом полного уничтожения ядерного оружия, чего американцы никак не ожидали. Они были настроены на продолжение прежних тягучих споров. А Горбачев с победным видом излагал им свой план. Он предложил наполовину сократить стратегические наступательные ядерные вооружения. В Европе

согласился полностью ликвидировать ракеты средней дальности, заморозить количество ракет с дальностью полета менее тысячи километров, чтобы со временем договориться о полном уничтожении и этого класса вооружений. И наконец, Горбачев предложил переговоры о прекращении испытательных ядерных взрывов. Это была программа, рассчитанная на пять лет, которая должна была привести к полному отказу от ядерного оружия.

Американский президент не был готов к таким масштабным предложениям. Рейгану понадобилось время, чтобы проконсультироваться с государственным секретарем Шульцем и экспертами. В обмен на свои уступки Горбачев хотел, чтобы Рейган отказался от своей стратегической оборонной инициативы (СОИ), то есть планов создания противоракетного оружия в космосе.

Рейгановская военно-космическая программа стала тяжким ударом для советских военных. Столько лет они создавали огромные арсеналы баллистических ракет с ядерными боеголовками, способными уничтожить Соединенные Штаты. Неужели американцы смогут запросто сбивать их в космосе, и многолетние усилия пойдут прахом?

— Я все жду, — многозначительно сказал Горбачев Рейгану, — когда вы начнете делать уступки мне.

Рональд Рейган не хотел отказываться от своих космических планов. Он предложил вместо подписанного в 1972 году договора о противоракетной обороне заключить новый, который бы позволял вести хотя бы исследовательские работы в области создания оборонительного космического оружия. Ведь нужны же гарантии на тот случай, если другая сторона или какой-то маньяк захотят нанести ядерный удар по Соединенным Штатам.

Горбачев на это ответил:

— Раз мы идем на глубокие сокращения ядерных вооружений, то должны быть уверены, что не только фактически, но даже в мыслях другая сторона не захочет поколебать стратегическую стабильность. Стало быть, нужна уверенность в бессрочном характере договора о противоракетной обороне.

Когда переговоры стали близиться к концу, Горбачев сказал, что готов идти даже на большие сокращения ядерных сил, но без определения судьбы договора о противоракетной обороне. Вся стратегия этих сокращений рухнет.

— Мы возвращаемся к исходной позиции и должны закончить встречу, — развел руками Горбачев.

— Неужели нам придется разъехаться ни с чем? — огорченно сказал Рейган.

— Фактически да, — подтвердил Горбачев.

Но когда подошло время прощаться, Михаил Сергеевич предложил сделать перерыв, чтобы министры иностранных дел Шеварднадзе и Шульц попытались еще что-то придумать.

— Мы ведь с вами вправе продлить немного встречу, — резонно заметил Горбачев.

Последнее предложение советской стороны было таково. В течение ближайших пяти лет стратегические наступательные силы сокращаются вдвое. А в последующие пять лет обе страны вовсе отказываются от такого оружия. В течение этих десяти лет США и СССР не выходят из договора о противоракетной обороне. Запрещаются испытания космических элементов противоракетной обороны, разрешаются только лабораторные исследования и испытания.

Горбачев говорил Рейгану:

— Если вы через десять лет все же захотите продолжить работу над вашей программой СОИ, то мы сможем вместе это обсудить. Зачем сейчас, заранее решать этот вопрос?

Рейган опять попросил сделать перерыв. Вместе с Шульцем они ушли обсуждать советское предложение.

Дискуссия у американцев получилась долгая. Они вернулись в комнату переговоров, когда уже стало темнеть. Американцы предлагали разрешить обеим сторонам продолжить «исследования, разработки и испытания, разрешенные договором по ПРО». Тонкость состояла в том, что советская делегация считала возможным разрешить только лабораторные разработки, не представляющие опасности, — без практических испытаний в космосе такое оружие не создашь.

Горбачев сразу спросил:

— Из вашей формулы исчезло упоминание о лабораторных исследованиях. Это сделано сознательно или нет?

— Да, сознательно, — ответил Рейган. — А в чем дело?

— Меня это сильно смущает, — объяснил свою позицию Горбачев. — Эта формулировка дает одной из сторон возможность производить эти работы и при этом утверждать, что договор вовсе не нарушается. Создается неравная ситуация, ухудшается безопасность одной из сторон. Мы не можем убрать из договора уточнение, что испытания должны ограничиваться лабораторными условиями.

— Вы разрушаете мне все мосты к продолжению моей программы

СОИ, — сказал Рейган. — Я не могу пойти на ограничения такого характера, которых вы требуете.

Горбачев оставался столь же непреклонен:

— Если в отношении лабораторий это ваша окончательная позиция, то тогда мы можем действительно завершить нашу встречу.

— Да, окончательная, — подтвердил Рейган. — Но неужели ради одного слова в тексте вы отвергаете историческую возможность договоренности?

— Здесь дело не в слове, дело в принципе. Мы не можем согласиться с тем, чтобы в период, когда будет сокращаться ядерное оружие, Соединенные Штаты расширяли СОИ и шли с ней в космос.

Рейган пустил в ход последний аргумент:

— Я все же прошу вас изменить вашу точку зрения, сделать это одолжение для меня с тем, чтобы мы могли выйти к людям миротворцами.

— Согласитесь на запрещение испытаний в космосе, — стоял на своем Горбачев. — На что-то другое мы пойти не можем. На что могли, мы уже согласились. Нас не в чем упрекнуть.

— Жаль, что мы расстаемся таким образом, — искренне сказал Рейган.

— Мне тоже очень жаль, — ответил глубоко разочарованный Горбачев, который считал, что до успеха было рукой подать. — Я хотел договоренности и сделал для нее все, что мог, если не больше...

Пропавшие танки

Практического результата в Рейкьявике достичь не удалось, но Рейган, похоже, поверил в возможность коренного поворота в отношениях с Советским Союзом. Попытка одним махом решить все военно-стратегические вопросы едва ли была возможна. Однако эта встреча заложила основу для дальнейших переговоров. Хотя пока что действовала инерция ухудшения отношений.

В октябре 1986 года американскому посольству в Москве запретили нанимать советских граждан на работу в посольство и в резиденцию посла. И в Спасо-хаусе, где жил посол, остались только трое итальянцев. А началось это с ареста в Нью-Йорке советского сотрудника ООН Геннадия Захарова, которого обвинили в шпионаже. В ответ в Москве посадили американского журналиста Николаса Дэнилоффа. Тогда американцы выслали больше семидесяти сотрудников советского посольства и представительства при ООН, назвав их выявленными офицерами КГБ и ГРУ...

Весной 1987 года в Москву приехал государственный секретарь Шульц. В Спасо-хаусе устроили прием по случаю еврейской пасхи и пригласили евреев-отказников. Шульц появился перед ними в ермолке и каждому сказал: «Никогда не отчаивайтесь!» Кошерную еду для приема доставили из Америки.

Для Шеварднадзе трудность заключалась в том, что он должен был договариваться не только с американцами, но и с советскими военными. Последнее иногда было сложнее... С самого начала у Шеварднадзе появились в Москве влиятельные оппоненты. Причем не только в Министерстве обороны, но и в собственном ведомстве.

Первый заместитель министра Корниенко был сторонником прежней линии Громыко. Георгий Маркович говорил, что есть люди, которые выдвигают предложения, опасные для нашей безопасности, и таких людей надо привлекать к ответственности. Он находил полное понимание у начальника Генерального штаба маршала Сергея Ахромеева, который, напоминая об ошибочных решениях Хрущева по сокращению вооруженных сил, грозил, что Генштаб прекратит сотрудничество с МИД, если дипломаты станут вести опасную для страны линию.

Проблему с Корниенко решил сам Горбачев. Ему не понравилось, что на первых переговорах с Рейганом в Женеве Корниенко часто вступал в

разговор, атаковал американцев, а Горбачев поневоле становился зрителем. Эта роль его не устраивала. Он перевел Георгия Марковича в аппарат ЦК КПСС первым заместителем заведующего международным отделом. Формально это могло считаться повышением, но на практике означало отстранение от практической дипломатии.

Громыко мирился с тем, что военные рассматривали сотрудников МИД как своих подручных и не считали нужным давать какую-то информацию дипломатам, которые вели сложнейшие переговоры на разоруженческие темы. Шеварднадзе полагал, что такая практика нелепа.

Уже при Горбачеве на политбюро решили передать американцам на переговорах в Женеве определенные сведения о нашем оружии — на взаимной основе, разумеется. Но Министерство обороны шифротелеграммой передало в Женеву: американцев ознакомить с секретными данными, а гражданских членов нашей делегации не информировать! Скажем, Юлий Квицинский вел переговоры по ракетам средней дальности, но никогда не видел ракеты «Пионер» (СС-20).

Отстранение дипломатов от реальной информации рождало серьезные внешнеполитические осложнения. Советские военные утверждали, что страна располагает одним количеством ракет средней дальности, западные дипломаты называли другую цифру. Горбачев потребовал от Министерства обороны сообщить, сколько же ракет средней дальности находится на боевых позициях и сколько лежит на складах. Оказалось, что точных данных ни у кого нет, рассказывал позднее Леонид Митрофанович Замятин, заведовавший отделом внешнеполитической пропаганды ЦК КПСС. Горбачеву объяснили, как шел процесс установки ракет.

Приходил министр обороны Устинов к Брежневу:

— Леня, надо на этом вот направлении поставить еще десяток-другой ракет с ядерными боеголовками.

Брежнев, не заглядывая в поданные ему бумаги, спрашивал:

— А что, действительно надо?

— Надо. Пусть чувствуют нашу мощь!

И Брежнев подписывал решение о развертывании дополнительных ракет...

Это, конечно, несколько утрированное изображение процесса принятия решений в советском политическом механизме. Но правда состояла в том, что до Горбачева военные действительно получали почти все, что пожелают. При этом они спокойно нарушали любые международные договоренности. Самый красноречивый пример — история радиолокационной станции с фазированной решеткой в

Красноярске, строительство которой стало нарушением столь любимого Москвой договора о противоракетной обороне.

Советский Союз имел право установить на северо-восточном направлении станцию раннего предупреждения о ракетном нападении. По договору ее надо было строить где-то на Таймыре у побережья Северного Ледовитого океана. Но это стоило бы огромных денег. Поэтому решили построить в более удобном месте. А возможный скандал в расчет не принимали. Улаживать его пришлось Шеварднадзе.

Внешняя политика, которую проводили Горбачев и Шеварднадзе, перевернула всю толемееву картину мира. Если США и НАТО не собираются на нас нападать, если Запад не враг, а друг, то зачем содержать такую армию и самодскую военную экономику? Зачем пугать страну неминуемой войной, призывать людей затягивать пояса и теснее сплачиваться вокруг партии и правительства?

Военные обижались. Особенно возражали против намерения Горбачева ликвидировать ракеты средней дальности в Европе, печально знаменитые «Пионеры», в противовес которым американцы развернули свои ракеты, и военно-стратегическое положение Советского Союза заметно ухудшилось. Маршал Ахромеев говорил Квицинскому: если сократить ракеты, то на все намеченные в Европе цели просто не хватит ядерных боезарядов. В Генеральном штабе всерьез готовились вести в Европе ядерную войну на уничтожение...

В Вашингтоне после подписания договора об уничтожении ядерных ракет среднего радиуса действия президент Рейган, как хозяин, первым произнес речь. Он не упустил случая напомнить свою любимую поговорку «Доверяй, но проверяй». Он выговорил ее и по-русски с таким чудовищным акцентом, что понять его было невозможно. Но переводчик повторил эти слова, и тогда Горбачев не выдержал, хотя прерывать выступающего в таких случаях было не принято.

Михаил Сергеевич не без раздражения громко произнес:

— Вы это всякий раз повторяете.

Зал грохнул от смеха. Когда Рейгану перевели слова Горбачева, он сам рассмеялся и несколько растерянно заметил:

— А что, мне нравится эта поговорка.

Любовь американского президента к русскому фольклору была объяснима. Американцы не доверяли советским партнерам. После подписания договора о ракетах средней дальности американцы поставили вопрос о проверке его исполнения: давайте пришлем друг к другу контролеров. В Министерстве иностранных дел управление по проблемам

ограничения вооружений и разоружению возглавлял Виктор Павлович Карпов. Потом он стал заместителем министра. Карпов поехал на ракетный завод — убедиться, что туда можно приводить американских инспекторов. А к тому времени американцам уже назвали точное количество ракет. Карпов вернулся с завода потрясенный и доложил министру:

— На заводских складах лежит еще штук двести неучтенных ракет.

Оказывается, директор держал небольшой запас — на всякий пожарный случай. Вдруг не справится с планом, или проблема с поставкой комплектующих, или еще какая неприятность — возьмет из запаса. Но как особенности функционирования советской хозяйственной системы объяснить американцам?

Министерство обороны не раз ставило Шеварднадзе в глупейшее положение. Он только от западных партнеров узнавал, что именно сделали советские военные. Накануне подписания парижских соглашений об ограничении обычных вооружений на европейском континенте Министерство обороны официально сообщило, что располагает двадцатью одной тысячей танков. Но два года назад их было вдвое больше! Куда же делись остальные?

Для Запада это не было секретом: половину танков Министерство обороны просто перебросило через Урал, то есть формально убрало их из Европы. Когда военных поймали за руку, они сообщили, что за Урал перебросили восемь тысяч танков, еще восемь с половиной тысяч законсервированы, а четыре тысячи пошли в металлолом.

Шеварднадзе пришлось оправдываться. Партнеры смотрели на него с подозрением, не веря, что министр иностранных дел сам узнал об этих манипуляциях задним числом. Министр считал, что, если подписал договор, — нужно выполнять, если обманул — надо признаться, если что-то сделал неправильно — следует извиниться. В политике главное — интересы, но мораль и порядочность тоже многое значат. Если ты будешь надувать, то и тебя обманут.

Шеварднадзе стал олицетворением политики сокращения вооружений, взаимопонимания и взаимодействия с окружающим миром. Министерство иностранных дел добилось подписания первых документов о мерах доверия с НАТО. Советские военные боялись натовского предложения о взаимных инспекциях, как черт ладана. Но дипломаты, пишет участвовавший в этой работе посол Ступишин, доказывали, что при условии полной взаимности инспекции никак не могут угрожать нашей безопасности. Разве что заставят привести в порядок военные городки и лишний раз почистить туалеты...

Эдуард Амвросиевич смело шел на конфликт с Министерством обороны или с КГБ, когда считал их позицию вредной для страны. Раньше такого не было: политбюро — это своего рода клуб, где принято заранее договариваться и не спорить. А Шеварднадзе ясно излагал свои взгляды: вот в чем заключается интерес нашей страны, вот что нам следует сделать, прошу поддержать наши предложения. Когда военные наотрез отказывались идти на изменение советской официальной позиции, Шеварднадзе переходил к новой тактике. Дипломаты разрабатывали удобную для страны позицию, согласовывали ее с американцами. Потом Шеварднадзе докладывал Горбачеву, что есть возможность договориться с американцами. И генеральный секретарь уже улаживал отношения с военными.

Обозленные военные стали жаловаться, что Шеварднадзе в своих переговорах с американцами вышел за рамки своих полномочий, и просто игнорировали то, о чем договорился министр иностранных дел. По словам Валентина Фалина, дискуссии между Шеварднадзе и начальником Генерального штаба генералом армии Михаилом Алексеевичем Моисеевым, который сменил на этом посту маршала Ахромеева, были жесточайшими. Доведенный до крайности **МИНИСТР ГОВОРИЛ:**

— Если будет принята позиция Министерства обороны, то сами ведите переговоры с Соединенными Штатами.

Начальник Генштаба отвечал не менее резко:

— Мы снимаем с себя ответственность за безопасность страны, если предпочтение отдадут капитулянтской линии Министерства иностранных дел.

Юлий Квицинский рассказывал, как его отправили вместе с начальником Генштаба в Вашингтон ликвидировать очередные разногласия с американцами. Перед отлетом генерал Моисеев собрал всех и многозначительно напомнил, что он — глава делегации и не допустит, чтобы дипломаты выбалтывали американцам идеи и задумки военных, как это, мол, не раз бывало раньше.

Причем военные умудрились сказать американцам, что у тех хорошие переговорщики, а с нашей стороны за столом переговоров сидят «чудаки» из МИД, которые умеют делать одни уступки. Генералы, как известно, одобряют сокращение только чужой армии. При этом они плохо понимают, что дипломаты все же умеют находить решения, которые устраивают обе стороны.

Кончилось это тем, что после тяжелых разговоров с американцами генерал Моисеев убедился, как трудно отстаивать свои позиции в диалоге,

поднял руки, капитулировал и согласился со всеми американскими идеями.

Доверию в международных отношениях мешало бесконечное вранье советских политиков, которые отрицали то, что было известно всему миру, в частности помощь некоторым режимам в создании запрещенного химического оружия. Министр иностранных дел считал, что такая политика вредит в стране.

В 1989 году Шеварднадзе обратился в ЦК:

«На протяжении последних нескольких лет в зарубежной печати, а также среди общественности получили хождение сообщения о причастности СССР к производству, поставкам и применению химического оружия в различных районах мира...

Так, в апреле 1988 года лидер британских лейбористов Н. Киннок обращался к М.С. Горбачеву по поводу якобы применения нашего химоружия эфиопскими войсками против повстанцев. Примерно с этого же периода распространяются сообщения о применении химоружия в Анголе против формирований УНИТА ангольскими и кубинскими войсками с намеками на советское происхождение этого оружия.

Весной 1988 года в западногерманской прессе были сообщения о поставках нами химоружия в Ирак. В августе 1988 года в США стала распространяться информация о возможном сотрудничестве между СССР и Сирией в производстве химоружия. При этом делались ссылки на визит в Сирию начальника химвойск Пикалова В.К.

В самое последнее время в США стали активно распространяться сообщения о создании в КНДР военно-химического потенциала с использованием в качестве средств доставки изготовленных по нашей лицензии ракет. Как следует из сообщения нашего посольства в Пхеньяне, эта информация не лишена оснований. Наконец, американцы стали связывать нас с созданием в Ливии объекта по производству химического оружия...

Теперь уже не вызывает сомнения, что осенью 1988 года мы помогли ливийцам организовать противовоздушную оборону вокруг создававшегося ими объекта по производству химического оружия. Если за другими сообщениями о нашей причастности к военно-химической деятельности других стран есть хоть какая-то доля правды, то это, конечно, серьезно подрывает доверие к нашим неоднократным заявлениям о том, что мы никогда и никому не передавали химического оружия, не размещали его за пределами своих границ и выступаем против его распространения...

Поэтому возникает необходимость еще раз посмотреть, не даем ли мы

каких-либо поводов, пусть самых мелких, для обвинений в наш адрес».

Кто потерял Восточную Европу?

Бытует мнение, что неопытного Шеварднадзе легко обводили вокруг пальца ушлые западные дипломаты. Но ведь переговоры он вел не в одиночку, рядом всегда находились профессиональные дипломаты.

— Дипломатия Шеварднадзе была нашей общей дипломатией, — говорил мне Александр Александрович Бессмертных, который сменил его на посту министра. — Мы ведь персонифицируем внешнюю политику для облегчения труда историков... Он работал рука об руку со всем аппаратом министерства, и основные идеи, например, что «наша безопасность зависит от безопасности других», — это мы сочиняли вместе.

Эпоха второй половины восьмидесятых годов в дипломатии была блистательной, и это позволило стране безболезненно выйти из холодной войны, считает Бессмертных. Это был период творческой и активной дипломатии. Многие дипломаты были воодушевлены новыми возможностями, которые открылись с приходом Шеварднадзе в министерство. Если бы у него было дипломатическое образование, что-то он, вероятно, видел бы тоньше, но суть, основы ремесла он освоил хорошо. Только со стороны кажется, что вся работа дипломата — ходить на приемах с бокалом шампанского и вести светские беседы. Дипломатия — зверски сложная работа.

Многие люди, знавшие Шеварднадзе, отмечали, что Эдуард Амвросиевич проявил большие способности к дипломатии, чем можно было предположить. Он умело вел переговоры, был терпелив, находил компромиссы. Человек неординарный, с сильным и тонким умом, с кавказским магнетизмом, он использовал эти качества для приобретения друзей и нейтрализации врагов.

— Если бы можно было показать записи его бесед, вы бы почувствовали, как тонко он их вел, — говорил Бессмертных. — Стиль Шеварднадзе совершенно не был похож на стиль Громыко. У него были свои находки, свои способы убеждать собеседника. Я могу еще раз сказать, что Шеварднадзе — один из выдающихся политиков второй половины XX столетия, человек, который очень много сделал для нашей страны и которого несправедливо обвиняют в том, что его политика не дала результатов.

— Принято говорить, что политика Шеварднадзе была политикой сплошных уступок, что он отдал Восточную Европу, потому что интересы России ему были безразличны. Вы согласны с такой оценкой? — спросил я Бессмертных.

— Нет. Шеварднадзе был абсолютно советским партийным деятелем, и не думаю, что он считал, будто главное для него — обеспечить интересы родной Грузии.

Что касается Восточной Европы, то вариантов было два. Либо мы силовыми методами не позволяем Восточной Европе выйти из Варшавского Договора, либо мы признаем собственные интересы этих государств и пытаемся соотнести их с нашими интересами.

— Только кажется, что мы всем могли руководить в Восточной Европе, а на самом деле мы не контролировали ситуацию, — говорил мне Бессмертных. — У политики каждой страны есть своя логика и динамика. Если бы мы пытались силой помешать развитию событий, против нас восстал бы весь мир. Восточная Европа все равно взорвалась бы, и нашей стране был бы нанесен огромный ущерб.

Из Восточной Европы в любом случае войска надо было выводить. Вопрос состоял в том, как уйти — со скандалом и с кровью или более или менее разумно, не рождая новую волну ненависти и не дожидаясь, когда начнут стрелять в спину. Горбачев и Шеварднадзе не довели дело до кровавой драки. Не сожгли мосты, оставили возможность для новых отношений.

ГДР погибла не в результате дипломатии Шеварднадзе. В тот момент, когда было принято решение открыть границу между двумя Германиями и восточные немцы хлынули на Запад, социалистическая Восточная Германия фактически перестала существовать. Все, что происходило потом, было лишь юридическим закреплением наступивших перемен.

Политические оппоненты Шеварднадзе упрекали его за то, что он слишком часто говорил своим западным партнерам «да», а надо было почаще произносить «нет». Но профессиональные дипломаты не считают, что министр был слишком уступчив. Когда партнеры никак не соглашались с предложением, в разумности которого Шеварднадзе был уверен, он проявлял жесткость и неуступчивость.

— Когда шли переговоры о судьбе Германии, — вспоминает Сергей Тарасенко, — немцы предложили вариант, который нас не устраивал. Ночью шли переговоры в рабочей группе. Утром министру доложили, что по ключевому вопросу согласия нет. Как быть? Эдуард Амвросиевич спокойно говорит: передайте, что, если не будет найдено решение, я на встречу не поеду. И через десять минут наше предложение было принято.

Иногда очень слабые позиции, даже вничью свести трудно, а он еще умудрялся одерживать победы за столом переговоров... Но прибегать к таким методам можно только тогда, когда это действительно необходимо.

— Эрих Хонеккер, когда еще существовала ГДР, обратился к нам с просьбой не выпускать советских солдат из казарм — они так одеты, что позорят старшего брата, — вспоминает Тарасенко. — Генеральный секретарь ЦК СЕПГ просил покрасить казармы, заборы. А наших солдат либо приодеть, либо держать в военных городках.

До Шеварднадзе вопрос, откуда брать средства, ни Министерство иностранных дел, ни Министерство обороны не интересовал: будет решение политбюро, будут и деньги. А Шеварднадзе стал спрашивать: есть ли на это деньги? Надо ли, скажем, создавать все то оружие, которое хотят иметь военные? Как можно тысячами выпускать танки, но не строить жилье для танкистов?

Советские дипломаты не привыкли задавать вопросы: зачем и почему? Они исполняли инструкции. Шеварднадзе просил сформулировать: а в чем именно состоит реальный интерес нашей страны? Каковы наши цели и какую цену мы готовы заплатить за их достижение? Бесплатно ведь ничего не бывает.

Он часто ставил своих помощников в тупик. Доставал бумагу и спрашивал:

— А почему мы такую позицию занимаем?

Все удивленно пожимали плечами:

— Да мы всегда ее занимали.

Шеварднадзе качал головой:

— Это не ответ. Вы мне объясните, есть ли в этой позиции смысл. Она нам выгодна? Это в наших интересах?

Трудность Шеварднадзе состояла в том, что ему в быстро менявшемся мире не хватало времени на размышления. Время мчалось, как скорый поезд. Надо было успеть произнести свою реплику, прежде чем занавес опустится. При этом Шеварднадзе был достаточно осторожен. Горбачев, как президент, был куда свободнее в действиях.

Скажем, когда шел процесс объединения Германии, Горбачев на встрече с американским президентом Джорджем Бушем-старшим согласился с тем, что единая страна сама решит, хочет ли она состоять в НАТО. Народ имеет право выбирать, с кем ему быть. Буш был доволен. Шеварднадзе и Фалин, тогда секретарь ЦК КПСС по международным делам, встревожились.

Эдуард Амвросиевич отвел Горбачева в сторону и стал ему что-то внушать. Напоминал, что Михаил Сергеевич вышел за рамки предварительных договоренностей — в Москве все-таки хотели видеть единую Германию нейтральным государством. Тогда Горбачев попытался

перевалить эту проблему на министра иностранных дел, сказал, что германскую проблему должны основательно проработать Шеварднадзе и новый американский госсекретарь Джеймс Бейкер.

И тут Шеварднадзе, что было совершенно неожиданно, публично возразил своему президенту:

— Этот вопрос должны решать главы государств. Тут нужно политическое решение.

Шеварднадзе не хотелось принимать на себя ответственность за это решение. И все равно его потом проклинали за то, что они с Горбачевым не потребовали выхода единой Германии из НАТО. Но остановить объединение Германии можно было только силой. Как и пытаться помешать единой Германии оставаться в НАТО. На шантаже и угрозах политику не построишь, ничего бы из этого все равно не получилось. Но наложило бы тяжелый отпечаток на отношения двух стран.

Кровавый апрель

Еще сложнее для Шеварднадзе оказалась ситуация в апреле 1989 года. За полгода до этого, в ноябре 1988 года, в Грузии уже возникали волнения — реакция на проект конституционных поправок и довольно спорный закон о выборах народных депутатов СССР. Но тогда Шеварднадзе сумел объясниться с республикой, и напряжение спало.

Весной 1989 года события в Тбилиси приобрели куда более серьезный характер. 7 апреля первый секретарь республиканского ЦК Джумбер Патиашвили сообщил бывшему председателю КГБ, ставшему секретарем ЦК Виктору Михайловичу Чебрикову, что в Грузии идут митинги, участники которых требуют выхода республики из состава СССР.

Горбачев в эти дни находился за границей. Оставшийся на хозяйстве второй человек в партии Егор Лигачев провел совещание членов политбюро. Приняли решение навести порядок в Грузии и для этого перебросить в Тбилиси необходимые воинские части. Вечером того же дня Шеварднадзе вместе с Горбачевым прилетели из Англии. Прямо в аэропорту встречавшие генерального секретаря члены политбюро сообщили, что в Тбилиси идет несанкционированный митинг у Дома правительства и туда отправлены подразделения внутренних войск. Чебриков сказал Горбачеву:

— Патиашвили настойчиво просит у Центра помощи.

Он имел в виду шифротелеграмму, присланную первым секретарем из Тбилиси. В ней говорилось: «Обстановка в республике резко обострилась. Практически выходит из-под контроля. В сложившейся ситуации надо принимать чрезвычайные меры».

Горбачев распорядился:

— Действовать только политическими средствами. Если надо — пусть туда летит Шеварднадзе.

Эдуард Амвросиевич позвонил в Тбилиси. Ему сказали:

— Положение нормализуется. В вашем приезде необходимости нет.

8 апреля в ЦК проходило новое рабочее совещание под председательством Чебрикова. Лигачев уехал в отпуск. К этому времени пришла успокоительная телеграмма от Патиашвили: «В целом ЦК КП Грузии, правительство, местные партийные и советские органы владеют ситуацией... Каких-либо дополнительных к ранее принятым мерам со стороны ЦК КПСС, Правительства СССР в настоящий момент не

требуется».

Решили, что Шеварднадзе действительно незачем лететь. Это была ошибка. Если бы он находился в Тбилиси, кровопролития можно было бы избежать.

10 апреля Шеварднадзе должен был отправиться в Берлин на заседание Комитета министров иностранных дел стран-участниц Организации Варшавского Договора. Но утром 9 апреля ему сообщили, что митинг в Тбилиси разогнали силой и есть человеческие жертвы. Он все отменил и тут же полетел в Тбилиси.

Операция была проведена в четыре часа утра. Санкцию дал командующий войсками Закавказского военного округа генерал-полковник Игорь Николаевич Родионов, будущий министр обороны России.

То, что увидел Шеварднадзе, его потрясло. Грузия находилась в шоке. Большинство митинговавших составляли женщины и подростки, а при разгоне использовались боевые химические вещества. Причем военные все опровергали — даже то, что опровергнуть невозможно. И никто не мог ответить на простой вопрос: кто же отдал приказ? Даже Шеварднадзе, член политбюро, не мог выяснить полную правду. Он выступил на пленуме ЦК Компартии Грузии:

— У нас перед погибшими один высший долг — установить истину и навсегда исключить малейшую возможность повторения трагедии. Это важно само по себе — как нравственный императив.

20 апреля в Москве на заседании политбюро он возмущенно говорил, что руководство республики действовало непродуманно и использовало войска без согласования с Москвой.

— Оправдано ли это? Считаю, что нет. Необходимо учитывать специфику Грузии. Ее народ не приемлет насилия. Волнения в республике начались после того, как в Абхазии стали требовать самостоятельности. Это вызвало возмущение грузин: «Делят наши земли!» А Патиашвили не информировал об этом Москву.

В конце мая на съезде народных депутатов академик Тамаз Гамкрелидзе, будущий ректор Тбилисского университета, поставил вопрос об ответственности военных за массовое избиение участников мирного митинга, в результате которого погибли шестнадцать ни в чем не повинных человек. Ему отвечал генерал Родионов:

— Митинг в Тбилиси носил антисоветский, антигосударственный, экстремистский характер. Сеялись антирусские, националистические настроения. Возникла угроза расправы над коммунистами. Руководство республики приняло решение освободить от митингующих площадь перед

Домом правительства. Была поставлена задача вытеснить людей без применения оружия. Но отряды боевиков оказали сопротивление. Возникла давка, в ней погибли люди.

Выступил и грузинский первый секретарь Джумбер Патиашвили. Говорил путано и неуверенно. Признал, что бюро ЦК попросило прислать в Тбилиси дополнительные воинские подразделения, приняло решение очистить площадь и поручило это генералу Родионову. Но военные вместо того, чтобы рассеять митинг, устроили избиение.

В декабре 1989 года на очередном съезде народных депутатов о происшедшем подробно рассказал председатель депутатской комиссии Анатолий Александрович Собчак. Комиссия пришла к выводу, что решение грузинских властей использовать военную силу для разгона митинга было незаконным. Но после него предоставили слово главному военному прокурору Александру Филипповичу Катусеву, который назвал действия войск правомерными. Шеварднадзе возмутили аплодисменты зала и его соседей по правительственной ложе. И новый первый секретарь ЦК Компартии Грузии Гиви Григорьевич Гумбаридзе, переведенный на эту должность с поста председателя республиканского КГБ, категорически не согласился с выступлением главного военного прокурора. Депутаты от Грузии вообще покинули зал заседаний.

В перерыве члены политбюро собрались в комнате отдыха за сценой Дворца съездов. Все сели обедать. Вошел возбужденный Шеварднадзе и сказал:

— Я не могу молчать! Прокурор говорил возмутительно. Это позор. Нельзя же так извращать факты. Я должен выступить. Это вопрос моей чести, совести! Иначе я подам в отставку!

Горбачев попытался его успокоить:

— Погоди, не торопись, не надо эмоций. Давай разберемся, все обсудим.

Михаил Сергеевич встретился с грузинской делегацией и после перерыва взял слово:

— События в Тбилиси — это наша общая боль. Я против того, чтобы продолжать обсуждение этой проблемы. Давайте поручим Верховному Совету довести дело до логического конца.

Съезд народных депутатов все же принял постановление, в котором осудил применение силы против участников митинга. Горбачев хотел обо всем этом поскорее забыть и не понимал, что грузины этого забыть не смогут. Нежелание союзных властей расследовать апрельские события сыграло пагубную роль в истории республики.

События 9 апреля 1989 года в Тбилиси, разгон демонстрации и гибель людей вскоре привели к власти известного диссидента Звиада Гамсахурдиа. И Грузия перестала быть частью единого государства.

Ружье в обмен на спиннинг

Советской дипломатии пришлось туго, когда после Рейгана президентом Соединенных Штатов стал Джордж Буш-старший. Новый президент не спешил делать шаги навстречу Москве. Такого же мнения придерживался и госсекретарь Джеймс Бейкер. Он советовал президенту:

— Нам надо избежать скоропалительности, не стоит спешить.

Бейкер считал, что его предшественник Шульц проявил мягкотелость в отношениях с русскими и сделал слишком много уступок. Бейкер не желал выглядеть податливым. Рейган с его репутацией ястреба не боялся критики справа, Буш и Бейкер не чувствовали себя столь же уверенно.

Для Шеварднадзе это было неприятным сюрпризом. Он действительно хорошо сработался с Шульцем. Они разговаривали очень откровенно и не пытались блефовать. Каждый из них мог сказать: все, дальше я не могу отступить. И другой верил партнеру.

Шеварднадзе огорченно заметил Горбачеву: Бейкер — «холодный малый» и с ним нелегко будет установить человеческие отношения. Первая встреча Шеварднадзе и Бейкера состоялась в Вене. После переговоров Эдуард Амвросиевич, улыбаясь, рассказал помощникам, что американец не столько говорил, сколько зачитывал подготовленные ему памятки. Если он не мог найти нужную бумажку, то его речь становилась невнятной. Бейкер был новичком, а Шеварднадзе уже пообвыкся на своей должности и забыл, с чего начинал сам.

В мае Бейкер приехал в Москву. После переговоров Шеварднадзе пригласил Бейкера с женой к себе домой, угощал гостей хорошо приготовленной бараниной и грузинскими винами. Зная, что американец любит охотиться в родном Техасе, подарил американцу охотничье ружье. Но в Соединенных Штатах установлены строгие правила относительно стоимости подарков, которые позволено принимать правительственным чиновникам, и дорогое ружье отправилось на склад государственного департамента.

Это были времена, когда мир восхищался Горбачевым и Шеварднадзе, а Буша и Бейкера общественное мнение, в том числе в самих Соединенных Штатах, именовало косными и негибкими. Бейкера в сравнении с Шеварднадзе называли дилетантом. Бейкер жаловался, что русские обвели его вокруг пальца, умело играя на настроениях в Европе и Северной Америке.

В сентябре Шеварднадзе прилетел в Вашингтон. Бейкер повез его на свое ранчо в Вайоминг. Они пошли ловить форель. Шеварднадзе взял спиннинг, и Бейкер сразу понял, что в рыбной ловле советский министр профан. Шеварднадзе ничего не поймал, но сказал, что получил огромное удовольствие. Свежую форель он увидел на ужине в доме Бейкеров.

Постепенно Бейкер проникся уважением к Шеварднадзе:

— В противоположность многим дипломатам он способен услышать разумные доводы, опровергающие его позицию. Он тебя выслушает; если согласится, то примет нелегкое решение, а потом будет отстаивать свое мнение дома перед Горбачевым и военными.

В 1990 году отношения дипломатов с военными настолько обострились, что Шеварднадзе даже приходилось отказываться от уже согласованных с американцами позиций. Бейкер был потрясен этим и говорил ему:

— Я не понимаю, зачем же мы с вами встречаемся и о чем-то договариваемся, если ваши военные потом возражают и вы говорите, что нашей договоренности больше не существует?

Бейкер серьезно засомневался: а можно ли с Горбачевым подписывать соглашения о сокращении вооружений, если его позиции в стране уже так ослабли?

В середине мая 1990 года Бейкер вновь прилетел в Москву. Вечером в его честь был устроен обед в доме одной грузинской художницы, среди гостей был Евгений Максимович Примаков, тогда член Президентского совета. Американцы нашли советского министра подавленным и грустным. Во время ужина Шеварднадзе заметил, что он начинает уставать. Американцы восприняли это как намек на возможность его ухода из МИДа. Присутствие Примакова, которого прочили на пост министра, показалось им символическим. Американцев эта вероятная смена караула не обрадовала.

В конце мая 1990 года Горбачев прилетел в Вашингтон. Его сопровождал Шеварднадзе. Он уединился с Бейкером и сказал, что им позарез необходимо торговое соглашение:

— Для нас это крайне важно. Иначе что мы скажем нашим людям, когда вернемся?

Бейкер холодно предложил:

— Вы им просто скажите, что из-за событий вокруг Литвы Соединенные Штаты не могут подписать такое соглашение.

Литва требовала самостоятельности. Ответом Москвы стала экономическая блокада и попытки сменить власть в Вильнюсе.

Тон Шеварднадзе стал почти просительным:

— Я редко говорю так с вами, но сейчас крайне важно, чтобы это было сделано.

Если Шеварднадзе обвиняли в том, что он пляшет по указке американцев, то о Бейкере говорили, что он из кожи вон лезет, чтобы угодить Москве! Под влиянием эмоциональной просьбы советского министра Бейкер настоял, чтобы соглашение было подписано. Президент Буш согласился с госсекретарем.

Иракско-кувейтская война

Шеварднадзе и Бейкер вели переговоры в Иркутске 2 августа 1990 года, когда американцы получили сообщение о том, что иракские войска пересекли кувейтскую границу.

— Этого не может быть! — сказал Шеварднадзе. — У нас с иракцами союзнические отношения. Если бы там было что-то серьезное, уверяю, мы бы об этом знали.

Но тут и ему сообщили, что президент Ирака Саддам Хусейн атаковал Кувейт. Бейкер улетел в Монголию, Шеварднадзе вернулся в Москву. Его помощник Сергей Тарасенко рассказывал мне, как министерство попросило военных сообщить: что в действительности происходит вокруг Кувейта? Что показывают разведывательные спутники — в самом ли деле иракские войска уже оккупировали Кувейт?

Военные ответили, что у них нет такой информации. Хотя даже журналисты сообщили, что Кувейт захвачен. В МИД возник вопрос, зачем военным дают такие огромные деньги на космос, если они в критический момент не могут помочь руководству страны принять правильное решение?

Поводом для оккупации Кувейта летом 1990 года стало согласие Саудовской Аравии и Кувейта снизить цену на нефть. Саддам Хусейн заявил, что это наносит огромный ущерб Ираку, и придвинул свои войска к границе Кувейта. Маленькая страна, разумеется, не могла противостоять иракской армии и обратилась за помощью к арабским братьям. В Багдад прилетел встревоженный президент Египта Хосни Мубарак. Он прямо спросил Саддама: что означают его военные приготовления? Саддам Хусейн клятвенно обещал Мубараку, что никогда не нападет на Кувейт.

— Все, что мне нужно, — сказал Хусейн, — это деньги. Пусть они вернут мне миллиард долларов, который я из-за них потерял.

Успокоенный Мубарак передал кувейтцам, что бояться им нечего. Но иракский президент обманул египетского. 2 августа 1990 года иракские войска вошли на территорию Кувейта, который был объявлен девятнадцатой провинцией Ирака. Кувейтские деньги и кувейтская нефть достались Саддаму. Иракцы просто разграбили страну.

Саддам давно хотел это сделать. В Багдаде не признавали самостоятельности Кувейта, считали его частью Ирака и пытались присоединить его к своей стране, едва Кувейт получил независимость в

1961 году. Кстати говоря, Советский Союз в начале шестидесятых, как верный союзник Ирака, тоже не признавал Кувейт и не позволял ему вступить в ООН.

Практически весь мир выразил протест против иракской агрессии. Но Саддам был уверен в том, что США и СССР окажутся по разные стороны баррикад.

Бейкер прервал свой визит в Монголии и прилетел в Москву. Он встретился с Шеварднадзе в правительственном аэропорту Внуково-2. Бейкер заранее предложил советскому министру выступить с совместным заявлением. В Министерстве иностранных дел сильно сомневались: Советский Союз давно связан с Ираком особыми отношениями, действует Договор о дружбе и сотрудничестве. В Ираке находятся восемь тысяч советских специалистов, их жизнь может оказаться под угрозой.

И все-таки Шеварднадзе пришел к выводу, что важнее всего противостоять агрессии. Он позвонил Горбачеву, который отдыхал в Форосе. Президент не возражал и поручил Шеварднадзе согласовать документ с оставшимися в Москве руководителями: премьер-министром Валентином Сергеевичем Павловым, министром обороны Дмитрием Тимофеевичем Язовым и председателем КГБ Владимиром Александровичем Крючковым.

Советские руководители были против, как и арабисты в самом МИД: разве можно вместе с американцами выступать против старого друга Советского Союза, которого Москва вооружила и поддерживала именно за антиамериканскую позицию?

Шеварднадзе взял ответственность на себя. Они с Бейкером осудили Саддама Хусейна и вместе призвали объявить эмбарго на поставки оружия Ираку. «Мировое сообщество, — говорилось в совместном заявлении, — должно не только осудить эту акцию, но в ответ на нее предпринять практические шаги».

Саддам Хусейн этого не ожидал. Впервые Соединенные Штаты и Советский Союз действовали вместе в таком принципиальном вопросе. Идеологические соображения потеряли значение, важно было желание остановить агрессора и показать всем другим потенциальным агрессорам, что им это не сойдет с рук. Саддам фантастически промахнулся. Он выбрал худшее время для оккупации Кувейта. Чуть позже или чуть раньше все могло быть иначе.

Горбачев поддержал Шеварднадзе:

— Другая реакция была бы для нас неприемлема, поскольку акт агрессии был совершен при помощи нашего оружия, которое мы

согласились продавать Ираку с целью поддержания его обороноспособности, а не для захвата чужих территорий и целых стран.

По инициативе МИД, КГБ и Министерства обороны приняли решение вывести из Ирака всех советских военных советников.

9 сентября 1990 года Горбачев и Буш встретились в Хельсинки. Две державы демонстрировали единство. Именно тогда у Буша появилась мысль, что рождается новая мировая система, в которой ООН действительно будет играть ту роль, которая ей предназначалась, а Соединенные Штаты и Советский Союз станут партнерами в обеспечении мировой безопасности.

Евгений Примаков, специалист по Арабскому Востоку, лично знакомый с Саддамом Хусейном, сказал Горбачеву, что сумеет убедить иракского лидера уйти из Кувейта. Шеварднадзе возражал против поездки Примакова в Ирак. Он доказывал Горбачеву, что Саддам истолкует его приезд как выражение поддержки. Но Горбачев мечтал: а вдруг поездка Примакова принесет какой-то благоприятный результат.

Шеварднадзе возмутился:

— Не может быть у страны две внешние политики!

Но получилось именно так. Линия Шеварднадзе-стратегическое сотрудничество с американцами ради того, чтобы не дать агрессору возможности воспользоваться плодами победы. Линия Примакова — попытка, используя личные отношения с иракскими руководителями, найти выход из положения до того момента, как будет применена сила.

В Москве многие действительно не знали, как быть. Саддам, конечно, агрессор, но он — союзник и партнер. Соединенные Штаты хотят наказать агрессора, но как можно радоваться торжеству американского оружия? С другой стороны, кто виноват, что Саддам не понимает иного языка, кроме языка силы? Совершив акт агрессии, он сам вывел себя из-под защиты международного права. Советские руководители тоже несут свою долю вины в том, что произошло. Видели же, что в Багдаде существует преступный режим, с которым нельзя иметь дело. Саддам убивал коммунистов и вообще оппозиционеров, травил курдские деревни отравляющими газами, вел с соседним Ираном восьмилетнюю войну. Но в Москве полагали, что некие высшие государственные интересы требуют закрывать на все это глаза, поддерживать Саддама и снабжать его оружием...

5 октября Саддам Хусейн принял в Багдаде Примакова. Саддам говорил, что Кувейт — исторически часть Ирака, поэтому он никогда не выведет свои войска. Он согласился отпустить на родину только тех

советских специалистов, срок контракта которых истекал в течение года (примерно треть всех работавших в Ираке советских граждан), остальные должны остаться. Тем самым советские специалисты превращались в заложников, в живой щит Саддама Хусейна.

Примаков ожидал большего успеха от своей поездки. Предложил Горбачеву: попробуем уговорить Саддама уйти, обещав ему сразу же заняться решением судьбы палестинцев. Горбачев поручил Шеварднадзе действовать вместе с Примаковым.

Министр не был согласен с Примаковым: любые обещания Саддаму создают у него ощущение, что он может настоять на своем, если проявит упорство. Шеварднадзе возмущался, говорил помощникам, что готов уйти в отставку:

— Кто руководит внешней политикой? Я или Примаков? Кто за нее отвечает? Я не могу быть министром, если какие-то другие люди станут заниматься внешней политикой!

Примаков полетел в Европу, а потом в Соединенные Штаты со своим планом мирного урегулирования. Шеварднадзе передал американцам через своего помощника:

— Примаков направляется в Вашингтон с предложением, которое мне не нравится.

Примаков уговаривал американцев дать Саддаму возможность уйти, сохранив лицо. В частности, оставить ему два кувейтских острова и нефтяное месторождение, которые, собственно, и стали предметом спора с Кувейтом. Президенту Бушу Евгений Максимович внушал:

— Не загоняйте Саддама в угол. Ему надо помочь найти путь к политическому решению.

Буш решительно возразил Примакову:

— Саддам совершил преступления, сравнимые с гитлеровскими. Как же можно идти на уступки такому человеку?

Примаков понял, что вопрос будет решен военным путем. Он еще раз полетел в Ирак и сказал Саддаму:

— Вы меня знаете давно и понимаете, что я говорю вам только правду. Если вы не уйдете из Кувейта, по Ираку будет нанесен удар.

Саддам ответил, что он не может уйти, пока не решен вопрос о выводе американских войск из Саудовской Аравии, пока Ираку не обеспечен выход к морю и пока не решена палестинская проблема... Примакову не оставалось ничего иного, кроме как развести руками. Саддам сам навлек на себя военную катастрофу. Но это произошло уже после того, как Шеварднадзе перестал быть министром иностранных дел.

Совет Безопасности ООН принял 29 ноября 1990 года резолюцию, которая давала Багдаду сорок семь суток-«пауза доброй воли» — для вывода войск из Кувейта. На следующий день Ирак объявил на весь мир о том, что он отвергает эту резолюцию.

В середине декабря в Багдад отправилась делегация, которую возглавлял заместитель председателя Совета министров СССР и председатель государственной военно-промышленной комиссии Игорь Сергеевич Белоусов. Он надеялся уговорить иракцев принять мир и решить судьбу трех с половиной тысяч советских граждан в Ираке, которых Саддам удерживал в положении заложников. Для него это был инструмент давления на Москву. Игорь Белоусов достиг договоренности о том, что наши граждане будут отпущены. Они покинули Ирак, за исключением семидесяти человек...

«Я подаю в отставку!»

Партийное собрание Министерства обороны дважды обращалось к Горбачеву с требованием привлечь Шеварднадзе к уголовной ответственности за продажу интересов Родины. В Верховном Совете и в печати министр иностранных дел подвергался не просто критике, а откровенным оскорблениям. Он превратился в козла отпущения. Его обвиняли во всех смертных грехах. А люди, которые должны были его поддержать, молчали. Он сильно обижался на Горбачева, который его не защищал, хотя министр проводил президентскую линию.

От Горбачева постоянно требовали скальпа Шеварднадзе. И президент явно подумывал о том, что, может быть, ему нужен новый министр, которого не будут каждый день топтать в Верховном Совете. Возможно, в Горбачеве проснулась ревность. Шеварднадзе стал известен во всем мире. Внешнюю политику страны связывали с его именем. Считали его не исполнителем воли Горбачева, а творцом политики. Это почетно для министра, но опасно для его карьеры. Шеварднадзе был честолюбивым человеком. Не любил оставаться на задворках. Говорят, что у Горбачева была мысль предложить Шеварднадзе громыкинский вариант — возглавить Верховный Совет.

Кончилось это тем, что в конце декабря 1990 года Эдуард Шеварднадзе на Съезде народных депутатов внезапно заявил, что уходит в отставку. Он больше не намерен был терпеть оскорбления, которым подвергался каждый день со стороны многих депутатов и прессы. Многие сочли его отставку неожиданной, хотя, скажем, мне этот поступок министра показался совершенно естественным.

Я работал тогда в журнале «Новое время» и накануне съезда написал статью, в которой предполагал отставку Шеварднадзе. Потом мне звонили иностранные корреспонденты, наивно предполагая, что у меня какие-то особые источники информации...

20 декабря, на четвертом Съезде народных депутатов, попросив слова, Шеварднадзе сказал, что это «самое короткое и самое тяжелое выступление» в его жизни. Как раз накануне депутаты предложили принять резолюцию, запрещающую руководству страны посылать войска в зону Персидского залива.

— Вчерашние выступления товарищей переполнили чашу терпения, скажу об этом прямо, — заявил Шеварднадзе. — Что, в конце концов,

происходит в Персидском заливе?.. Мы не имеем никакого морального права примириться с агрессией, аннексией маленькой, беззащитной страны.

Шеварднадзе говорил, что против него развернута настоящая травля, и предупредил:

— Наступает диктатура... Никто не знает, какая это будет диктатура и какой диктатор придет, какие будут порядки... Пусть моя отставка будет, если хотите, моим протестом против наступления диктатуры. Выражаю глубокую благодарность Михаилу Сергеевичу Горбачеву. Я его друг и единомышленник... Но считаю, что это мой долг как человека, как гражданина, как коммуниста...

Для Михаила Сергеевича демонстративный уход министра был крайне неприятным сюрпризом. Он обиделся, что Шеварднадзе не счел нужным заранее поставить его в известность, и опасался, что громкая отставка произведет неблагоприятное впечатление в мире, где решат, что за уходом министра последует резкое изменение политики.

Поэтому Горбачев отправил личное письмо американскому президенту Бушу:

«Для меня его заявление было полной неожиданностью. Это действительно так, и особенно меня огорчило не только то, что была нарушена лояльность по отношению к президенту. То, что он так поступил, не посоветовавшись и не предупредив меня, своего давнего друга и товарища, не имеет никаких оправданий. Что он безмерно устал, что невероятные перегрузки измотали его, что он, как у нас говорят, не жалея себя, выкладывался и вот в определенный момент сорвался — все это так. И поэтому хотелось бы отнестись с пониманием к его поступку. Но одобрить его я никак не могу... Я говорил с Эдуардом, хоть я и понимал, что отозвать свое заявление он уже не сможет. Это было бы потерей лица. При его чувстве достоинства это невозможно... Мне его будет очень недоставать...»

По просьбе Горбачева Эдуард Амвросиевич еще некоторое время исполнял обязанности министра. В Вашингтоне опасались, что министром станет Примаков. Но Горбачев предпочел Александра Александровича Бессмертных, кадрового дипломата, посла в Соединенных Штатах.

16 января 1991 года на коллегия МИД приехали Горбачев, Шеварднадзе и Бессмертных. Прежде чем представить нового министра, президент сказал, что Шеварднадзе имел право уйти, хотя непростительно, что он заранее не посоветовался с президентом.

— Но он был всегда рядом, он был самым близким товарищем — во

всех сложных ситуациях и, самое главное, в выборе, — заключил Горбачев. — Я не жалею ни о чем, что было сделано, хотя были и недостатки.

Несколько слов произнес Шеварднадзе:

— Президент в свое время сделал довольно оригинальный выбор. Но благодаря поддержке коллектива мы не подвели президента.

Новый министр Бессмертных счел необходимым поблагодарить своего предшественника за высокий профессионализм. Эдуард Амвросиевич покинул кабинет министра, не предполагая, что в том же году вновь вернется в высотное здание на Смоленской площади. Когда Шеварднадзе уходил, один из его тихих недоброжелателей внутри мидовского аппарата вдруг ожил и на большом собрании заявил:

— Вот тут наш бывший министр говорил о морали и нравственности. Но ничего этого в политике нет. Есть только интересы. В общем, мы тут в романтизм вдарились.

Сергей Петрович Тарасенко ему ответил:

— За предыдущие годы работы в министерстве я десятки раз испытывал угрызения совести. И тем, что мы избавились от этого, тем, что я могу приносить пользу стране и не чувствовать себя подонком, — я обязан Шеварднадзе. Пять с половиной лет работы с ним были счастливейшими в моей жизни. Ни о чем не жалею. Если бы история повторилась, сделал бы то же самое.

Министр на три недели

Шеварднадзе не знал, чем ему заняться. Он создал Внешнеполитическую ассоциацию, чтобы в последствии превратить ее в мозговой центр, анализирующий внешнюю политику с независимых позиций. Но после многих десятилетий напряженной политической жизни ему было невыносимо скучно.

В марте 1991 года, когда американский госсекретарь Бейкер приезжал в Москву, он ужинал у Шеварднадзе. Бывший министр обреченно говорил, что существует угроза хаоса и диктатуры, что возможен государственный переворот, и стране нужно новое поколение руководителей. Он полностью разочаровался в Горбачеве. Одному из своих гостей Шеварднадзе с печалью заметил:

— Теперь я понимаю, почему человек может покончить жизнь самоубийством.

Александр Бессмертных не пробыл на посту министра и восьми месяцев — после августовского путча ушел в отставку. Новым министром стал Борис Дмитриевич Панкин, посол в Чехословакии, единственный советский посол, открыто выступивший против ГКЧП. Но и Панкин оставался на посту министра меньше трех месяцев. И тогда министром вновь стал Шеварднадзе.

Зачем Горбачеву в последние дни существования Советского Союза вновь понадобился Шеварднадзе? Он был недоволен работой внешнеполитического ведомства? Хотел, чтобы дипломаты что-то делали иначе? О том, что происходило в те месяцы в Кремле, мне рассказывал один из немногих близких в те дни к Горбачеву людей — его пресс-секретарь Андрей Серафимович Грачев.

— Приглашение Шеварднадзе не означало, что президент недоволен МИД, — считает Грачев. — МИД в ту пору мог заниматься только склеиванием разбитых горшков на внешнем фронте. Горбачеву было ясно, что, заполучи он обратно Шеварднадзе, это было бы замечательным политическим сигналом для внешнего мира и одновременно для советской номенклатуры — все должно стать на свои места, и интермедия, связанная с путчем, как бы политически закрывается.

Горбачев сразу же после августовского путча пытался вернуть Шеварднадзе на Смоленскую площадь. По словам члена политбюро Александра Николаевича Яковлева, в его присутствии Горбачев предложил

Шеварднадзе занять пост министра иностранных дел. Тот наотрез отказался.

— Почему? — растерянно спросил Горбачев.

— Я вам не верю, Михаил Сергеевич, — жестко ответил Шеварднадзе.

Да и Горбачев до путча плохо отзывался о Шеварднадзе: рвется к власти, его пожирает честолюбие, сам желает стать президентом.

— Отношения казались напрочь испорченными. Все-таки Шеварднадзе ушел, хлопнув дверью, — говорит Грачев. — А в первые дни августовского путча он выступил с несколько двусмысленными оценками деятельности Горбачева. Он не был до конца убежден, что Горбачев не замешан каким-то образом в происходящих событиях.

Канцлер ФРГ Гельмут Коль в телефонном разговоре прямо спрашивал Горбачева:

— Как расценивать заявление Шеварднадзе о том, что вы якобы знали о намечавшемся путче?

— Что-то я не слышал таких интерпретаций, — схитрил Горбачев.

— Но у нас об этом пишут в газетах.

— Я поинтересуюсь. Возможно, это были какие-то заявления для заграницы.

— Ведь он же был вашим другом.

— Я и сейчас за то, чтобы и он, и Яковлев вернулись.

Шеварднадзе взял свои слова назад, но никто не мог представить себе, что процесс примирения и сближения с Горбачевым пойдет так быстро, что он вскоре вновь станет министром — всего на три недели.

— Почему Шеварднадзе все же согласился?

— У них был долгий, почти семейный разговор, — вспоминает Андрей Грачев. — Шеварднадзе не сразу согласился. Но и перед ним стоял вопрос: а что дальше? Выбора у него не было. Вряд ли он мог рассчитывать, что станет для Ельцина таким же близким человеком, как и для Горбачева. Так что должность в российских структурах ему бы не предложили. И кроме того, он с удовольствием вспоминал о своей министерской работе, потому и был податлив.

— И он не предполагал, что его второй министерский срок окажется столь коротким?

— А как вы думаете, принял бы он эту должность, если бы так думал? Конечно же, нет. Так что не только Горбачев поверил в возможность восстановить единое государство.

5 ноября 1991 года Михаил Сергеевич предложил Шеварднадзе заняться прежним делом. 20 ноября Эдуард Амвросиевич вернулся в

знакомый кабинет на седьмом этаже в высотном здании на Смоленской площади. Только теперь его должность называлась иначе — министр внешних сношений. МИД в середине ноября, при Панкине, слили с министерством внешних экономических связей и переименовали.

Шеварднадзе заявил, что его главный приоритет — сохранение единого государства. Он сказал, что отменяет все зарубежные визиты.

— Весь его календарь состоял из поездок по республикам, — вспоминает Грачев. — Он понимал, что от того, насколько ему удастся поладить с республиканскими руководителями, зависит восстановление государства, да и его пребывание на этой должности.

Шеварднадзе боялся распада СССР, внушал своим партнерам на переговорах, сколь важно для всего мира сохранить единую страну. Западные лидеры предпочли бы по-прежнему иметь дело с Советским Союзом, а не с пятнадцатью новыми государствами, но их собственные эксперты докладывали, что, судя по всему, Советский Союз не сохранится. Подозревать Шеварднадзе в том, что он на всех должностях в Москве оставался тайным грузинским националистом и мечтал о разрушении страны, нелепо.

— Больших разрушителей, чем путчисты, я не вижу, — считает Грачев. — Шеварднадзе был кадровым продуктом советской системы. Не было ему резона рубить сучья, на которых он так величественно и вельможно восседал.

Как минимум, можно твердо сказать, что на посту министра иностранных дел СССР ему жилось лучше, чем потом в роли президента независимой Грузии. Но Советский Союз распался, исчезло союзное правительство и сама его должность.

19 декабря 1991 года Георгий Фридрихович Кунадзе, новый заместитель министра иностранных дел России, зашел к Шеварднадзе, чтобы показать ему проект указа Ельцина о переводе собственности советского министерства под юрисдикцию России.

— Моя единственная просьба, — сказал Шеварднадзе, — касается сотрудников министерства. Не будьте к ним слишком суровы.

Возвращение в Грузию

Через три месяца после распада Советского Союза Шеварднадзе бросил спокойную и комфортную жизнь в Москве и поехал в Грузию. Зачем он это сделал? Тщеславное намерение завершить карьеру президентским постом? Желание помочь родине в трудную минуту? Тоска по активной деятельности? Годится любой вариант ответа или их сочетание.

Шеварднадзе было тесно под Горбачевым. У него были идеи, которые он не мог реализовать на посту министра. И вдруг — чудесный поворот судьбы: он становится первым человеком. Пусть не в такой огромной стране, как СССР, но зато у себя на родине.

В роли отставного министра его ждала комфортная и спокойная жизнь. Возле особняка на тихой улице в Москве, где удобно разместилась Внешнеполитическая ассоциация — синекура, которую придумал себе Эдуард Шеварднадзе, — сменялись лимузины с посольскими номерами и флажками. Не только аккредитованные в Москве послы, но и все самые высокопоставленные иностранные гости спешили побывать у Шеварднадзе. Его ждали в любой части света с лекциями и выступлениями, которые отменно оплачиваются. И такой жизни он предпочел прыжок в неизвестность. Сам Шеварднадзе сказал так:

— Я знал, что, если бы я не вернулся в Грузию, она бы погибла.

Если это и преувеличение, то не очень большое. Когда Шеварднадзе поехал в Грузию, расставшуюся со Звиадом Гамсахурдиа, многие в России и за ее пределами вздохнули с облегчением. В Грузии, которую раздирала гражданская война, где царило безвластие и хозяйничали вооруженные группировки, казалось тогда, воцарится цивилизованный порядок.

От Шеварднадзе ждали великого царствования, а он начал войну с Абхазией, поссорился с Россией и вообще все меньше походил на человека, который когда-то отказался от власти и почестей, потому что не желал участвовать в закручивании гаек и возможном кровопролитии. Это была большая неожиданность для всех, кто его знал.

Но с еще большей неожиданностью столкнулся он сам. Он, наверное, и сам растерялся, оказавшись совсем не в той стране, которую когда-то оставил. После трагедии 9 апреля 1989 года Грузия быстро дошла до точки кипения. Он вернулся в страну, где запросто могли свергнуть любого президента, опрокинуть в грязь вчерашнего кумира, где люди все споры

решали с помощью оружия.

Движение к независимости не удалось возглавить никому. Грузинское общество рассыпалось на множество мелких партий, которые темпераментно выясняли отношения между собой. 31 марта 1991 года в Грузии состоялся референдум, грузины проголосовали за независимость. 9 апреля Верховный Совет республики провозгласил Грузию независимым государством. 26 мая на первых президентских выборах победил Звиад Гамсахурдиа. Хотя первый глава самостоятельной Грузии — закомплексованный, обращенный в себя вчерашний диссидент — не годился на роль лидера. В своей не очень счастливой жизни он привык делить людей на друзей и врагов. Врагов всегда оказывалось больше, чем друзей. Гамсахурдиа был обречен потому, что не сумел стать главой всех грузин. Он получил неограниченные полномочия. Но плохо ими распорядился.

«Первый президент Грузии, придя к власти, начал закручивать гайки и расправляться с несогласными, — писали тбилисские журналисты Вадим Анастасиади и Этери Какабадзе. — Митинги протеста разгоняли силой, а порой и стрельбой. Депутатам-оппозиционерам приходилось идти на заседания Верховного Совета под градом проклятий и оскорблений, которыми их осыпали фанатичные женщины, прозванные в народе «черными колготками». Их летучие «зондеркоманды» появлялись там, где нужно, и расправлялись с любым, кто посмел идти против их кумира. Возможно, именно женщины, не чаявшие души в «красивом, умном, образованном, умеющем говорить по-английски и играющем на пианино» Гамсахурдиа, создали впечатление, что он безальтернативный лидер и любимец народа. Но это было далеко не так».

Звиад Гамсахурдиа с юности был диссидентом. В 1956 году вместе с Мерабом Коставой, поэтом и музыкантом, они написали опасную по тем временам листовку, где были такие слова: «Грузины! Не забыли ли вы кровавую ночь 9 марта? Не забыли ли вы 1924 и 1937 годы уничтожения и истребления грузинского народа? Братский привет и сочувствие героическому венгерскому народу».

Другим такая «злобная антисоветская вылазка» дорого бы обошлась. Для сына классика сделали исключение — он отделался условным сроком. Ситуация изменилась в 1975 году после смерти классика грузинской литературы Константина Гамсахурдиа. Теперь уже за публикации в самиздате и эмигрантской прессе его сына решили посадить. В апреле 1977 года Звиада арестовали. Он сотрудничал со следствием, публично каялся и просил прощения, что было показано по республиканскому телевидению.

Заклучение ему заменили ссылкой. Другие диссиденты, отбывшие большие сроки, этого Гамсахурдиа не простили.

А в перестроечные годы он стал в республике самым популярным политиком. Растерянные сломом социализма и распадом единого государства, люди возлагали на него фантастические надежды. Но Звиад оказался дилетантом в политике. Грузия оказалась в опасной изоляции. Его лозунг «Грузия для грузин» отпугнул очень многих. Он совершил немало непоправимых ошибок.

Верховный Совет Грузии аннулировал автономию Южной Осетии. Для национально мыслящих грузин автономия — творение русских коммунистов: Южная Осетия появилась в 1922 году после того, как осетины поддержали Москву в борьбе против самостоятельной Грузии.

В ответ Южная Осетия приняла решение о выходе из состава Грузии. Гамсахурдиа послал туда свою милицию. Началась война. Нормальная жизнь в Грузии разрушилась. Экономика перестала работать. Люди стали уезжать. За пять лет население республики сократилось на четверть миллиона.

Звиад Гамсахурдиа рассорился практически со всеми, кто его поддерживал, и продержался только полгода. Роковой ошибкой стало его решение подчиниться требованию ГКЧП в августе 1991 года распустить национальную гвардию. Гвардия не подчинилась приказу и перешла в лагерь оппозиции. Его противники, сплотившись, подняли вооруженное восстание. 22 декабря 1991 года национальные гвардейцы Тенгиза Китовани обстреляли дом правительства. 4 января 1992 года Звиаду Гамсахурдиа вместе с семьей пришлось покинуть Тбилиси. Его приютил в Чечне Джохар Дудаев. Жизнь в изгнании оказалась невыносимой. 31 декабря 1993 года Гамсахурдиа покончил с собой при обстоятельствах, которые все эти годы представляются загадочными.

Джаба на завтрак

7 марта 1992 года самолет Ту-154 доставил Шеварднадзе в Тбилиси. Семь лет он провел вне Грузии. Он застал родину в бедственном положении. Страна была расколота на кланы и роды. Никто не работал. Власть в Тбилиси поделили несколько сильных людей, у них были собственные вооруженные формирования — самый убедительный аргумент в грузинской политической жизни. Эдуард Амвросиевич возглавил созданный после свержения Гамсахурдиа Госсовет, его заместителем стал Джаба Иоселиани. Тенгиз Сигуа возглавлял правительство, Тенгиз Китовани — Министерство обороны.

Шеварднадзе оказался в компании военных баронов, которых со временем обвинят в бандитизме. Они-то зачем призвали московского варяга? Не сумели договориться между собой, кто станет первым среди равных, и предпочли человека, у которого нет своей армии (следовательно, не опасен), но который придаст им респектабельности и сможет добиться для них мирового признания?

— Я думал, вот он приедет и нам поможет, — признавался Джаба Иоселиани в интервью российскому журналисту Павлу Григорьевичу Шеремету (убитому позже в Киеве), — используя свои большие связи. У него в друзьях были Рейган, Буш, Тэтчер, Шульц, Бейкер. Весь мир практически.

Интересно, каково было Эдуарду Амвросиевичу сидеть рядом с главой боевых отрядов «Мхедриони» («Всадники») Джабой Константиновичем Иоселиани, приговоренным судебной коллегией Ленинградского городского суда в 1956 году к двадцати пяти годам тюремного заключения за соучастие в групповом убийстве с ограблением? Впрочем, чем эта компания так уж принципиально хуже, скажем, его прежнего окружения по брежневскому политбюро? Там заседали некоторые люди, виновные в гибели значительно большего числа людей, чем Джаба Иоселиани.

— У меня в юности не было иной дороги: или тюрьма, или комсомол, — говорил Иоселиани. — Я в комсомол не мог вступить органически, я видел, что мои сверстники, вся шваль, все лезли в комсомол. Я так не мог, а больше дороги не было. Даже в монастырь нельзя было податься, потому что монастырей не было. А там — улица, романтика.

Джаба Иоселиани был незаурядным человеком. Вор, убийца — и при

этом одаренный писатель, автор популярных романов, пьес, кандидат, а затем и доктор наук...

Эмиль Золя предупреждал молодых литераторов: литературный мир настолько омерзителен, что привыкнуть к нему можно только глотая каждое утро холодных жаб. Мир политики не менее омерзителен. Тот, кто хочет преуспеть в мире политики, должен обрести иммунитет в виде хорошей порции цинизма.

Опытный и умелый Шеварднадзе постепенно сконцентрировал всю власть в своих руках. Инстинкт самосохранения заставил грузин почти единодушно проголосовать за Шеварднадзе. В октябре 1992 года Шеварднадзе стал председателем парламента. Иного выбора у республики не было. Он покончил с войной в Южной Осетии. Но при этом совершил огромную ошибку — в августе 1992 года согласился с безумной идеей войсковой операции в Абхазии.

23 июля 1992 года Верховный Совет в Сухуми принял постановление «О прекращении действия конституции Абхазской АССР 1978 года». Это означало выход Абхазии из состава Грузии. 25 июля Госсовет Грузии аннулировал постановление и принял решение подавить сепаратистов.

Бежавший из Грузии бывший министр государственной безопасности генерал Игорь Пантелеймонович Георгадзе рассказывал журналистам, как началась война в Абхазии:

«В половине второго ночи раздается телефонный звонок. В трубке голос полупьяного дежурного из аппарата министра обороны Китовани:

— Министр срочно собирает всех на совещание.

И вот картина, которую я наблюдал в бывшем кабинете первого секретаря ЦК Компартии Грузии. Около сорока человек, каждый второй пьян, мат, неразбериха.

Китовани радостно приветствовал его:

— О, Игорек пришел. Давай, Игорек, собирай своих людей — сколько у тебя человек? Завтра идем в Абхазию».

Ко всему рассказанному бывшим генералом Георгадзе (о нем еще пойдет речь дальше) следует относиться с осторожностью, но, похоже, что анархистская атмосфера Тбилиси тех лет передана верно. Многие полагают, что абхазская операция была самодеятельностью того же Джабы Иоселиани и министра обороны Тенгиза Китовани, а Шеварднадзе, по существу, поставили перед совершившимся фактом.

Отчего же в таком случае Эдуард Амвросиевич не осудил своих коллег по Госсовету Грузии, не подал немедленно в отставку — или хотя бы не пригрозил отставкой? В 1990 году в сходной ситуации после

кровапролития в Вильнюсе Шеварднадзе рекомендовал Горбачеву поступить именно так. У Шеварднадзе есть ответ. Его отставка ввергла бы Грузию в пучину куда более жестокой междоусобицы.

14 августа 1992 года Шеварднадзе приказал своим войскам «обезопасить жизненно важные транспортные артерии и ликвидировать гнезда терроризма» в Абхазии. Борьба с терроризмом служит удобным прикрытием для любой войсковой операции...

Шеварднадзе совершил непростительную для опытного политика ошибку, позволив ввести грузинские войска в Абхазию. Его действия стали ответом на решение Абхазии восстановить действие конституции 1925 года, что означало формальный выход из состава Грузии. Грузины боялись отделения Абхазии и решили ударить по сепаратистам раньше, чем абхазы укрепятся.

В тот момент абхазы составляли семнадцать процентов населения республики Абхазия. Численное превосходство грузин было очевидно. Но грузины проиграли и вынуждены были бежать из родных мест. Это была странная война: крохотная Абхазия победила большую Грузию. Грузины утверждают, что абхазам помогли российские военные, потому что Верховный Совет Абхазии дважды принимал решение просить Россию принять республику в свой состав. Абхазы уверяли, что они — часть России. Один из депутатов Верховного Совета республики говорил:

— Сколько бы русских поселенцев ни было на нашей земле, это нам не вредит, потому что мы не усматриваем в этом какую-то опасность для нашего этноса. Совершенно иное дело с грузинскими колонистами...

Кто конкретно помогал Абхазии, кто там реально воевал и кто дал оружие — на эти вопросы нет ответов и по сей день. Никто не хочет об этом рассказывать.

«14 августа 1992 года — одна из трагических страниц в нашей истории, — рассказывал журналистам первый президент Абхазии Владислав Григорьевич Ардзинба. — У Госсовета Грузии были танки, артиллерия, самолеты и вертолеты, у нас — всего лишь автоматы... Я поехал к российским пограничникам на «Маяк», там был независимый аппарат ВЧ-связи. В то время в Сочи, на даче «Бочаров ручей» отдыхал президент России Ельцин. Я звонил ему неоднократно, но он, к сожалению, стал недоступен. Грузинские войска были введены в Абхазию по согласованию с Ельциным... Грузины думали, что мы разбежимся, как зайцы, но не тут-то было... На первом этапе огромную роль сыграли добровольцы — наши братья с Северного Кавказа».

Конфедерация горных народов Кавказа, объединившая различные

национальные движения, объявила о солидарности с Абхазией. Первыми туда пришли отряды кабардинцев, адыгейцев и чеченцев. Будущий террорист и убийца Шамиль Басаев командовал там батальоном. Тогдашний глава Федеральной службы контрразведки Сергей Вадимович Степашин много позже признал, что его коллеги (видимо, из военной разведки) заигрывали с Басаевым, который был нужен для общего дела.

Боевиков в подчинении у Басаева было немного. Но их появление ободрило абхазцев. Басаев был назначен командующим Гагрским фронтом, потом заместителем министра обороны Абхазии. Президент Ардзинба наградил его медалью «Герой Абхазии».

Невероятная жестокость басаевцев придала войне кровавое измерение. Считается, что это люди Басаева отрезали грузинам головы. Поэтому президент Грузии Михаил Николаевич Саакашвили говорил потом, что не позволит туристам отдыхать там, где абхазцы играли в футбол головами грузин.

Война усилила истерическое состояние, в котором находилось грузинское общество. Шеварднадзе учитывал эти настроения. Во время абхазской войны он говорил:

— Если всем нам придется умереть, мы умрем. Но свою землю не отдадим.

Этот пафос не обязательно соответствовал реальным намерениям Шеварднадзе, но свидетельствовал о состоянии духа грузинского общества. Но когда грузины кричали, что Россия отрывает Абхазию от Грузии, Шеварднадзе был осторожен в выражениях:

— Я далек от того, чтобы утверждать, что в Абхазии с нами воюет Россия. Но я вправе утверждать: в Абхазии с нами ведет войну красно-коричневая армия имперского реванша.

Сам Шеварднадзе во время абхазской войны находился в Сухуми и руководил грузинскими войсками, пока они просто не побежали. Потом он говорил, что абхазские и чеченские отряды вели прицельный огонь по тому зданию, где он находился. Он чудом выжил и считает, что это российские военные выдали его месторасположение. Он, правда, забывает, что из Абхазии его вывезли именно на российском вертолете. Считается, что именно поэтому абхазы не решились его сбить — смерть российских солдат и чиновников, летевших тем же вертолетом, им бы не простили.

Зато с назначенными Шеварднадзе грузинскими руководителями Абхазии, которые не успели покинуть Сухуми и находились в здании Совета министров республики, расправились невероятно жестоко, их избивали, над ними издевались. Перед расстрелом заставили есть землю —

«вы хотели взять нашу землю? Вот вы ее получили!». Среди убитых был глава абхазского правительства Жиули Шартава, один из самых близких к Шеварднадзе людей, бывший руководитель комсомола Грузии...

— Знаете, сколько грузинских беженцев из Абхазии? — говорил журналистам Шеварднадзе. — Триста тысяч! Их погнали только потому, что они — грузины. Абхазы этого не могли сделать, потому что в Абхазии грузин было сорок восемь процентов, а абхазов — семнадцать процентов. Чеченцы воевали, казаки воевали, добровольцы воевали и так далее. Перед такой силой мы не могли выстоять...

Два покушения

29 августа 1995 года Шеварднадзе чудом избежал смерти. Он направлялся на церемонию подписания конституции во Дворец молодежи на улице Руставели. Буквально рядом с автомобилем Шеварднадзе взорвали бомбу, заложенную в припаркованную во дворе «ниву». Шеварднадзе был ранен. Его доставили в ближайшую больницу. Чтобы избежать паники, журналистам не мешали работать. Фотографии главы Грузии в одной майке с порезами на лице, которого перевязывают врачи, обошли весь мир.

— Даже такое дело, — сказал не утративший хладнокровия Шеварднадзе, — не могут сделать, как следует.

Многие грузины уверены, что к покушению на Шеварднадзе причастен тогдашний министр госбезопасности Грузии генерал-лейтенант Игорь Георгадзе. Считается, что на эту должность Георгадзе назначили по требованию Москвы. У него были хорошие контакты с командованием российских войск в Закавказье.

Его отец, генерал Пантелеймон Иванович Георгадзе, служил в пограничных войсках КГБ СССР. Игорь Георгадзе тоже начинал в Комитете госбезопасности. В независимой Грузии перед ним открылись новые возможности — он стал начальником военной контрразведки, заместителем министра обороны, затем заместителем министра внутренних дел и, наконец, возглавил органы госбезопасности.

После покушения на Шеварднадзе Игорь Георгадзе был снят с должности и исчез, что в глазах общественного мнения стало веским доказательством его причастности к попытке убить Эдуарда Амвросиевича. В Грузии не сомневаются, что Георгадзе бежал на российскую военную базу Вазиани, откуда его на военном самолете вывезли в Россию.

Несколько российских журналистов имели возможность взять у него интервью. Бывший генерал говорил очень самоуверенно:

— Если бы я хотел убить Шеварднадзе, мы бы сейчас беседовали на его могиле. Я все-таки профессионал...

5 ноября 1995 года Шеварднадзе был избран президентом Грузии. Отряды «Мхедриони» были разоружены, Джаба Иоселиани арестован.

Во время второй чеченской кампании Москва была недовольна, что в Тбилиси не хотели перекрывать грузиночеченскую границу, пропускали

чеченских боевиков и оружие. В Тбилиси отвечали: в политике все делается на основах взаимности, если сражаешься против сепаратизма у себя дома, не поддерживай сепаратистов на территории соседа. Если Россия послала танки и авиацию навести порядок в мятежной Чечне, почему грузины не вправе сделать то же в Абхазии? Если просите помочь в поиске чеченских террористов, почему укрываете человека, подозреваемого в организации террористического акта?..

9 февраля 1998 года Шеварднадзе во второй раз пытались убить. Нападавшие, явно профессионалы, обстреляли его машину из гранатометов и автоматического оружия. Вечером он покинул государственную канцелярию в одно и то же время, направляясь в свою резиденцию Крцаниси. Один из террористов снимал все на видеокамеру.

Президентский кортеж состоял из девяти машин, президентский «мерседес» шел в центре колонны. Снаряд, выпущенный из гранатомета, попал в капот «мерседеса», подаренного немцами. Машину несколько раз развернуло на месте. Террористы были уверены, что Шеварднадзе мертв. Президента Грузии спасли профессионализм охранников и бронированный «мерседес», подаренный немцами.

Из развороченного «мерседеса» выскочил начальник президентской охраны и вывел Шеварднадзе. Рядом остановились «жигули» полицейского по имени Гарик Симонян. Президента усадили в «жигули» и погнали по ночной дороге в сторону резиденции. Приехал министр внутренних дел.

— Слава Богу, что вы уцелели, батоно Эдуард, — сказал он. — Раз вы целы, значит, государственный переворот сорван.

Шеварднадзе немедленно выступил по телевидению, рассказав о покушении на его жизнь. Сам президент считал, что его пытались убить те, кому не нравится, что нефть из Азербайджана пойдет в турецкие порты через территорию Грузии.

Возможно, на него покушалась наркомафия. Через Грузию везли наркотики — колоссальная проблема для республики. Шеварднадзе публично прошел проверку на употребление наркотиков, чтобы заставить сделать то же самое своих чиновников. Бывший начальник его охраны полковник Эльдар Гоголадзе был задержан на грузино-турецкой границе по обвинению в организации транзита наркотиков.

Тбилисские парламентарии были уверены, что покушение организовали в России, которая никогда не смирится с независимостью Грузии. А некоторые российские средства массовой информации решили, что это покушение вовсе не настоящее: никто Шеварднадзе убивать не собирался, это была политическая провокация...

Тогдашний министр внутренних дел России генерал армии Анатолий Сергеевич Куликов предположил, что в нападении на Шеварднадзе участвовали чеченские боевики. Такой же версии придерживался тогдашний министр госбезопасности Грузии Джемал Гахокидзе, он сказал, что теракт был запланирован на базе чеченского полевого командира Салмана Радуева. Тот сам сделал заявление:

— То, что произошло 9 февраля в Тбилиси, это не покушение и не теракт, а заранее спланированная боевая операция по уничтожению российского бандформирования в Грузии во главе с Шеварднадзе.

Убийство Шеварднадзе должно было стать началом государственного переворота, которого ждала оппозиция. В операции участвовали шестнадцать боевиков. Пятерых удалось поймать и посадить.

Генерал Деникин как свидетель обвинения

Осетинский и абхазский конфликты, недовольство линией Шеварднадзе в чеченском конфликте послужили поводом для распространения в России антигрузинских настроений. Народы, которые были связаны тесными духовными узами, разошлись. Пристрастное внимание к событиям в Грузии и к личности Эдуарда Шеварднадзе выдавало неспособность признать тот очевидный факт, что Грузия больше не является частью России.

В свидетели призвали даже генерал-лейтенанта Антона Ивановича Деникина, главнокомандующего вооруженными силами юга России, чтобы процитировать его слова: «Создатели независимой Республики Грузии в 1918 году, которые в Москве были интернационалистами, у себя в Тбилиси превратились в националистов». Дескать, какими вы, грузины, были, такими и остались.

Кто сейчас вспомнит опубликованный в восьмидесятых в «Нашем современнике» рассказа Виктора Петровича Астафьева «Ловля пескарей в Грузии»? А этот рассказ буквально взорвал Грузию. Глупо отождествлять героя с автором, но что-то в этом астафьевском герое прочитывалось автобиографическое. Возможно, потому, что герой рассказа — писатель, которого в доме творчества в Гаграх здорово обидели: дали худший номер, да еще напротив общественного туалета. И все происходившее с ним во время отдыха в Грузии внушило герою-писателю сильнейшую антипатию ко всему грузинскому. Речь, манеры, обычаи и нравы — все раздражало астафьевского героя. Он чувствовал себя белым миссионером, оказавшимся в какой-то глуши, среди первобытных племен, жалко отставших от мировой цивилизации. «Дело дошло до того, что любого торгаша нерусского, тем паче кавказского вида по России презрительно кланут и кличут «грузином», — рассуждал герой-писатель.

Ну чем не повод для писателя-автора вступить за честь нации, которая никак не может состоять из одних «торгашей»? Но грузинам пришлось самим защищать свою честь. И тогда уже Валентин Распутин на очередном писательском съезде высокомерно прошелся насчет «больной Грузии»...

Не все русские писатели были столь высокомерны, как герой Виктора Астафьева. Грузинских поэтов переводили лучшие русские стихотворцы — Пастернак, Мандельштам, Заболоцкий, Ахматова. Грузинская музыка,

грузинский кинематограф — разве не стали частью нашей общей культуры?

Российское общество не заметило появления грузинского национального движения и не понимало того, как история Грузии участвует в формировании ее современной политики. Грузия в 1991 году отсоединилась от Москвы с еще большей радостью и злостью, чем балтийские республики. Причиной был не только взрывной южный темперамент, но и глубокая ненависть к России тогдашнего председателя Верховного Совета республики Звиада Гамсахурдиа, его окружения и немалой части грузинской интеллигенции.

Выпускники советских школ и сейчас еще уверены, что присоединение к Российской Империи в 1801 году было благом для Грузии. Грузинская интеллигенция придерживается иной точки зрения — это была гибель самостоятельного государства.

Отец президента Гамсахурдиа писатель Константин Гамсахурдиа в мае 1921 года обратился к соотечественникам: «История древней Грузии завершилась катастрофой 1801 года... Когда устаревшему грузинскому государственному аппарату была противопоставлена полувосточная, выученная прусскими инструкторами государственная машина Екатерины II и Павла I, он разрушился, рассыпался».

Константин Гамсахурдиа, которого в те годы щедро награждали и восторженно именовали «грузинским Горьким», считал, что русские издеваются над грузинами: «Почти во всей русской литературе XIX века грузин символизировал прелюбодея и пьяницу...» Гамсахурдиа (при Сталине он и сам вынужденно стал царедворцем) презирал грузин, которые служили России: «Грузия XIX века запятнана в нашей истории. В течение ста лет грузинское дворянство обменивало на эполеты свой патриотизм и отчизну».

После Октябрьской революции вновь возникла независимая Грузия. В марте 1919 года делегация Грузинской республики представила мирной конференции в Париже, решавшей судьбы Европы, меморандум с просьбой признать новое государство. В манифесте присоединение Грузии к Российской Империи именовалось «аннексией».

Самостоятельная республика просуществовала только четыре года. Старший Гамсахурдиа объяснял это так: «В кандалах рабства грузинская нация отвыкла от верности государству. Враждебное отношение к государственному строю развращает нацию политически. Оно развивает в ней антигосударственные традиции. Грузинская интеллигенция не сумела провести полную и стройную мобилизацию сил грузинского народа на

построение национального государства». Он же предупреждал, что «Грузия — страна политического радикализма, где даже священники и их сыновья становятся в первый революционный ряд».

На политические взгляды младшего, Звиада Гамсахурдиа, оказали большое влияние его занятия антропософией, мистическим учением о посвященных, которым открыт тайный смысл бытия. Грузинская нация, по мысли Гамсахурдиа, после четырех тысячелетий унижения должна воскреснуть и занять прежнее положение в мире. Идея особой роли Грузии в мире помогла Гамсахурдиа в свое время победить на выборах. Его свержение не означало отказа грузинского общества от самой идеи — просто Гамсахурдиа оказался плохим практиком.

Договор с Москвой был для Грузии вынужденным шагом. Большая часть грузин решила на этот шаг только после оглушительного разгрома в Абхазии. Многие грузины были потрясены угрозой вице-президента России Александра Владимировича Руцкого разбомбить Тбилиси. Но Шеварднадзе постоянно повторял:

— Россия — безусловный и бесспорный гарант стабильности и мира в этом регионе. Грузия — естественная, историческая союзница России.

Однажды, еще в советские времена, Шеварднадзе высокопарно сказал, что для Грузии солнце восходит на севере. «Смена природных закономерностей и сторон света была утверждена на заседании бюро ЦК, но в народе вызвала тихое гомерическое ликование, — пишет Теймураз Мамаладзе. — Теперь все вернулось на круги своя. Солнце вновь восходит на востоке. А на севере восходят афганский бомбометатель Руцкой и мимикрирующая номенклатура с ее длинным списком Эдуардовых прегрешений».

Шеварднадзе знал, что Грузии от России никуда не деться. Но постоянно маневрировал. Он разрешил создать российские военные базы, и он же через несколько лет попросил их ликвидировать. Строя с Москвой отношения, говорил: помогайте, или пойду на Запад. А Западу повторял: помогайте, а то обращайтесь к России.

Благодаря Шеварднадзе Грузия только от Соединенных Штатов получила в виде помощи миллиард долларов. Ни одна другая республика столько не получила.

— Он многое понимает, — говорил мудрый Александр Яковлев, — но в политике иногда не ты ведешь лошадь под уздцы, а она тебя сзади в одно место подталкивает.

«Бархатная революция» в Грузии началась после того, как сложилась весьма заметная оппозиция — причем в основном из числа недавних

членов команды Шеварднадзе. Самый заметный — Михаил Николаевич Саакашвили, который почти на сорок лет моложе Шеварднадзе. В 1995 году он был избран депутатом парламента, в 1998 году возглавил пропрезидентскую фракцию «Союз граждан Грузии», в 2000 году стал министром юстиции. Ничто тогда не предвещало его будущую конфронтацию с Россией. Михаил Саакашвили требовал тогда закрыть представительство Ичкерии в Тбилиси и выслать из страны всех чеченских сепаратистов...

Политический кризис вспыхнул в Грузии осенью 2001 года. За полтора года до этого Шеварднадзе одержал убедительную победу на президентских выборах — за него проголосовало 85 % избирателей. Но плодами победы воспользовалось его окружение, которое, как выразился один из компетентных журналистов, «поняло, что на предстоящие пять лет республика отдана им на полное разграбление». Настроения в обществе изменились. Свобода слова сыграла немалую роль в росте оппозиционных настроений. Шеварднадзе отправил в отставку правительство и силовиков. И в оппозиции оказались те, кто еще недавно входил в его ближайшее окружение. Среди них спикер парламента Зураб Жвания (будущий премьер-министр) и Михаил Саакашвили.

Он обвинил президента и правительство в коррупции, завоевал поддержку в столице и стал председателем законодательного собрания Тбилиси. Победу на выборах он одержал под лозунгом «Грузия без Шеварднадзе».

2 ноября 2003 года в Грузии прошли парламентские выборы. Наблюдатели отметили огромное количество нарушений. Официальные данные о победе пропрезидентского избирательного блока «За новую Грузию» общество не приняло. 4 ноября в Тбилиси собрался многотысячный митинг. Шеварднадзе отказался выполнить требование митингующих признать выборы недействительными. Массовые акции протеста проводились каждый день. Противостояние нарастало с каждым днем. 23 ноября на площади Свободы собралось уже примерно пятьдесят тысяч человек. Площадь не смогла вместить всех желающих.

— Мы завоюем свою свободу и докажем всему миру, что являемся свободными людьми, — провозгласил один из молодых лидеров оппозиции Михаил Саакашвили.

Другой лидер оппозиции Зураб Жвания потребовал от президента выйти к толпе. Президент направился в парламента, где началось первое заседание нового состава. Туда же двинулись митингующие. Они ворвались в здание парламента. Ни внутренние войска, ни полиция им не

препятствовали. Охрана вывела Шеварднадзе и увезла.

Охранники, которым приходилось время от времени открывать предупредительный огонь — машины сопровождения уже не было, доставили президента Грузии в его загородную резиденцию. Он был белый, как мел. Сказал своей внучке Софико:

— Ты же любишь фильмы с погонями и стрельбой, вот тебе настоящее кино. Куда интереснее самой участвовать, чем смотреть по телевизору.

Девушка разрыдалась.

Активисты оппозиции захватили и канцелярию президента. Из президентского кабинета выбросили кресло Шеварднадзе, собравшаяся перед зданием толпа с наслаждением его сожгла.

В России были встревожены. До самого последнего времени Шеварднадзе считали гарантом стабильности в республике. 22 ноября ночью министр иностранных дел России Игорь Сергеевич Иванов, бывший подчиненный Шеварднадзе, прилетел в Тбилиси. Что именно делал в Тбилиси Игорь Сергеевич и как его появление повлияло на отставку Шеварднадзе, волнует историков и журналистов все эти годы.

Одни уверяли, будто российский министр привел с собой отряд спецназа и предложил Шеварднадзе «зачистить территорию». Другие, напротив, рассказывали, что он уговаривал президента Грузии уйти в отставку...

Эдуард Амвросиевич рассказывал, что Иванов «приезжал помочь нам с оппозицией как-то договориться»:

— Он многое сделал. Дважды к ним ездил, выступал на митинге. Во второй раз он пришел ко мне уже с оппозицией. Его посадили во главе стола. Он сказал: «Я что, тамада что ли здесь?» Я говорю: «Да, ты тамада»...

Игорь Сергеевич привез лидеров оппозиции в резиденцию Шеварднадзе и усадил их за стол. Сказал:

— Теперь, когда вы вместе, мне кажется, было бы правильным, чтобы дальнейшее обсуждение вы уже вели непосредственно с другой стороной. А я поеду дальше.

Российский министр полетел в Батуми, где прямо в аэропорту беседовал с главой Аджарии Асланом Абашидзе. Это породило массу слухов.

«Новая газета» спрашивала у спикера грузинского парламента Нино Бурджанадзе:

— Вы, конечно, помните о приезде во время «революции роз» нашего министра иностранных дел Иванова и его ночном выступлении на митинге

оппозиции? По каналу «Рустави-2» прозвучала версия о сговоре Кремля с Шеварднадзе: Шеварднадзе бескровно уступает место Саакашвили, на должность премьер-министра избирается лидер Аджарии Аслан Абашидзе, чтобы со временем взять в руки всю власть в Грузии...

— Господин Иванов — достаточно разумный человек, — ответила Бурджанадзе. — Приехав в Грузию и увидев все, что происходило здесь в те дни и часы, как не понять, что нет смысла даже заикаться о правопреемстве Абашидзе!..

Тем временем Шеварднадзе подал в отставку. Она стала неожиданностью для всех — и для Игоря Иванова, и для лидеров грузинской оппозиции, которые не рассчитывали, что власть свалится им в руки так быстро и легко.

— Я видел, что бескровно это не пройдет, — объяснил свое решение вечером уже бывший президент Грузии, — и мне пришлось бы использовать свои полномочия. Но я считаю, что делать этого нельзя, поэтому я ушел.

И меланхолично добавил:

— Я привык к отставкам.

4 января 2004 года президентом был избран Михаил Саакашвили. В жизни Грузии началась новая эпоха. Много лет спустя в интервью «Новой газете» Шеварднадзе вновь объяснял, почему он тогда ушел:

— Я мог приказать армии разогнать протестующих. Я сказал: то, что происходит в Грузии, — это попытка государственного переворота, и подписал приказ о введении чрезвычайного положения. Жена мне сказала: «Я слышала, что ты вводишь чрезвычайное положение. Ты что, хочешь, чтобы кровь пролилась?» На что я ей сказал: «Кровь не прольется. С завтрашнего дня я не президент»...

— Мы были друзьями с Путиным, — рассказывал Эдуард Амвросиевич. — Мне удавалось проводить очень тонкую и просчитанную на долгие годы политику в отношении Соединенных Штатов. И одновременно дружить с Россией. Перед заседанием руководителей СНГ я зашел к Путину и сказал, что мы решили с помощью американцев сформировать грузинскую армию.

Путин сказал:

— Мы бы тоже помогли.

На что Шеварднадзе ответил:

— У вас столько денег нет. Но я даю вам слово, что на территории Грузии никогда не будет вооруженных баз американцев и других государств, которые могут представлять опасность для России...

В октябре 2004 года в Тбилисской кардиологической больнице имени Чапидзе скончалась жена бывшего президента Грузии 75-летняя Нанули Цагареишвили-Шеварднадзе — от острой сердечной недостаточности. Накануне того дня, когда она попала в больницу, Эдуард Амвросиевич улетел в Мюнхен на международную конференцию «Где начинается и кончается Европа». Это была первая поездка после отставки. Нанули много лет была редактором газеты «Мшвидоба ковелта» («Мир для всех»). Пока муж был президентом, руководила благотворительной организацией «Женщины Грузии за мир и жизнь». После отставки они жили в доме на территории правительственной резиденции Крцаниси, построенной еще Берией в тридцатые годы. Эдуард Амвросиевич пережил ее на десять лет, он ушел в мир иной в июле 2014 года.

Александр Александрович Бессмертных «Я на этот пост не просился»

20 июня 1991 года министр иностранных дел Советского Союза Александр Александрович Бессмертных вел в Берлине переговоры со своим постоянным партнером государственным секретарем Соединенных Штатов Джеймсом Бейкером. После переговоров Бессмертных вернулся в советское посольство. Вдруг позвонил государственный секретарь со словами, что им необходимо срочно встретиться вновь.

— Я должен вам сказать кое-что важное, но не по телефону, а только лично. Не могли бы вы приехать ко мне?

Бессмертных крайне удивился:

— Джим, в чем дело? Что произошло?

Бейкер говорил как-то неуверенно:

— Повторяю, у меня срочное дело. Очень хотелось бы немедленно встретиться.

Бессмертных решил, что речь идет о какой-то детали, которую они не успели обсудить на переговорах.

— Через несколько минут у меня встреча с министром иностранных дел Кипра. Неужели дело не может подождать? Ну, если очень срочно, приезжайте, поговорим.

Бейкер стал говорить тверже:

— Дело у меня деликатного свойства. Если я поеду, то вслед двинется большое количество машин с охраной, заинтересуется пресса. Если можете, приезжайте вы. Я буду ждать в гостинице. Но желательно не привлекать внимания.

Бессмертных никак не мог решиться:

— Неужели это так срочно? У меня все же беседа с кипрским министром...

Бейкер настаивал:

— Я бы на вашем месте в принципе отложил все дела и немедленно приехал. Я должен сказать нечто очень важное и срочное. Приезжайте один.

Два месяца до путча

Бессмертных взял у советского посла машину и поехал без охраны, без сопровождения мотоциклистов, тайно. Взял с собой только Георгия Энверовича Мамедова, начальника управления США и Канады (и будущего заместителя министра), полагая, что предстоит разговор на двусторонние темы.

В гостинице «Интерконтиненталь» американцы никого не подпускали к лифту, чтобы Бессмертных мог сразу же подняться к Бейкеру. Госсекретарь, увидев Мамедова, сказал, что хотел бы говорить один на один. Когда все их оставили, Бейкер сообщил Бессмертных:

— Я только что получил шифровку из Вашингтона. Она, вероятно, построена на разведывательной информации. Речь идет о попытке смещения Горбачева. Она может произойти завтра. По нашим данным, в этом примут участие премьер-министр Павлов, министр обороны Язов и председатель КГБ Крючков.

Бейкер, как человек осторожный, на всякий случай не сказал, от кого получена эта информация, хотя знал имя. В полдень того же дня в резиденции посла Соединенных Штатов в Советском Союзе Джона Мэтлока, который прекрасно говорил по-русски, появился мэр Москвы Гавриил Харитонович Попов. Они расположились в библиотеке.

Попов достал лист бумаги и, продолжая говорить, что-то на нем написал и передал послу. Там было написано: «Готовится попытка снять Горбачева, надо сообщить Борису Николаевичу». Президент РСФСР Борис Ельцин в тот момент находился в США.

Мэтлок, продолжая разговор, написал на том же листке:

«Я передам. Кто это делает?»

Попов написал четыре фамилии:

«Павлов, Крючков, Язов, Лукьянов».

Надо отдать должное Гавриилу Харитоновичу: как выяснится в августе, он не ошибся...

Попов разорвал листок на мелкие клочки и сунул себе в карман.

До встречи президента Буша с Ельциным оставалась пара часов. Когда московский мэр ушел, заместитель Мэтлока в посольстве связался по защищенному от прослушивания телефону с Вашингтоном. Трубку снял первый заместитель государственного секретаря США Лоуренс Иглбергер, который сразу же отправился в Белый дом и доложил о сообщении из

Москвы президенту Джорджу Бушу и его советнику по национальной безопасности Brentу Скоукрофту. Одновременно шифротелеграмма из посольства в Москве была доложена Бейкеру, который в тот момент в Берлине заканчивал переговоры с Бессмертных.

Американцы пришли к выводу, что они обязаны предупредить Горбачева. Но стоит ли Бушу напрямую звонить Горбачеву — ведь горячую линию связи между двумя столицами обеспечивают связисты КГБ?

— Надо связаться через Бессмертных, — предложил Бейкер.

Он и попросил советского министра иностранных дел немедленно приехать. Бейкер сказал Александру Александровичу:

— Мы считаем, что информация настолько важна, что вам следует о ней знать. Ваше дело, что с ней делать. Но с нашей точки зрения, вопрос срочный, и вам надо срочно доложить Горбачеву. Есть ли у вас надежная линия связи?

Бессмертных ответил, что в посольстве есть аппарат ВЧ, междугородной правительственной связи, но эта связь контролируется КГБ. Тогда Бейкер предложил передать эту информацию через американского посла в Москве Джона Мэтлока:

— Это надежный вариант. Тут никто ничего не перехватит.

В Москве в восемь вечера помощнику Горбачева по международным делам Анатолию Сергеевичу Черняеву позвонили из американского посольства: посол Мэтлок просит аудиенции, у него срочное и секретное послание от Буша. Черняев доложил Горбачеву. Тот согласился принять посла и попросил Черняева присутствовать. Он и описал эту встречу:

«На Мэтлоке буквально не было лица. Горбачев, не обратив на это внимания, стал выражать сожаление в связи с его предстоящим отъездом, говорил, что очень ценит его деятельность».

Дождавшись, когда ему позволят говорить, Мэтлок сказал:

— Господин президент, я только что получил личную шифротелеграмму от своего президента. Он велел мне немедленно встретиться с вами и передать следующее: американские службы располагают информацией о том, что завтра будет предпринята попытка отстранить вас от власти. Президент считает своим долгом предупредить вас.

Горбачев и Черняев рассмеялись, настолько невероятным им это показалось. Мэтлок смутился:

— Я не мог не выполнить поручение президента.

Горбачев поспешил его успокоить:

— Это абсолютно невозможно. Успокойте его. Но я ценю, что Джордж сообщает мне о своей тревоге. Раз поступила такая информация, долг друга — предупредить. И я вижу, насколько далеко мы ушли вперед во взаимном доверии. Это очень ценно.

Поскольку Мэтлок, разумеется, не назвал хорошо известный ему источник информации, Горбачев сам попытался объяснить послу, откуда могли взяться такие тревожные слухи:

— Дело идет к подписанию Союзного договора, к согласию в обществе. Но есть силы, которым это не нравится. Они чувствуют, что теряют власть. Не исключаю, что в их среде ведутся разные разговоры, в том числе и такие, которые подслушал ваш разведчик.

Тем временем в Вашингтоне президент Буш принимал восходящую звезду советской политической сцены — Бориса Ельцина, только что избранного президентом России. Буш пересказал ему то, что сообщил Попов. Ельцин не раздумывал ни секунды: нужно предупредить Горбачева. Буша вполне устраивало, чтобы эту информацию Горбачеву пересказал Ельцин. Буш попросил соединить его с Москвой.

В советской столице близилась полночь. Горбачев уже уехал на дачу. Дежурный секретарь из президентской приемной в сомнении позвонил Черняеву: американский президент желает поговорить с Михаилом Сергеевичем. Как быть?

Тот уверенно сказал:

— Соединяйте.

Вызов переключили на президентскую дачу. Но Михаил Сергеевич с Раисой Максимовной вышли погулять. Это был обязательный ритуал — каждый вечер, когда он возвращался на дачу, они делали несколько кругов. Горбачев рассказывал, что происходило в течение дня, Раиса Максимовна внимательно слушала и давала советы. Охрана не решилась их побеспокоить. Михаилу Сергеевичу доложили о звонке из Вашингтона, когда прогулка завершилась. Горбачев распорядился немедленно соединить его с Белым домом, но теперь уже Буш не мог разговаривать.

На следующее утро Горбачев устроил разнос председателю КГБ Владимиру Александровичу Крючкову и руководителю президентского аппарата Валерию Ивановичу Болдину за то, что не смогли организовать разговор с Бушем. Болдину велел разогнать дежурных секретарей:

— Идиоты, дармоеды! Один из них меня до сих пор Леонидом Ильичом иногда называет.

Когда разговор с Бушем, наконец, состоялся, американский президент был рад услышать, что нет никаких оснований для беспокойства. Сгоряча

он даже выдал Горбачеву источник информации — Попова. Тогда Горбачев и вовсе успокоился: Гавриил Харитонович не может знать больше президента СССР. Наверняка Попов несколько прямолинейно истолковал выступление премьер-министра Павлова на закрытом заседании Верховного Совета 17 июня.

Павлов критиковал президента за бездействие и требовал предоставить ему дополнительные полномочия, сравнимые с полномочиями самого президента. Горбачева тоже смутило резкое выступление Павлова, а еще больше то, что премьер-министра поддержали председатель КГБ Крючков, министр обороны Язов и даже министр внутренних дел Борис Карлович Пуго. Все трое силовых министров, не называя президента, фактически предъявили ему обвинение в антигосударственной деятельности. На следующий день Горбачев появился в Верховном Совете и, как ему показалось, погасил эффект от внезапного бунта силовиков.

Вернувшись в Москву, Бессмертных спросил Горбачева, передал ли ему Мэтлок информацию о заговоре.

— Да, я все знаю, — небрежно кивнул Михаил Сергеевич и перевел разговор на темы, казавшиеся ему более важными.

До путча оставалось два месяца.

Увидев московского мэра, Горбачев погрозил ему пальцем:

— Ну, зачем вы рассказываете сказки американцам?

Личная записка министру

Александр Александрович Бессмертных родился далеко от Москвы, в Бийске Алтайского края, 10 ноября 1933 года. Отец погиб на фронте, мать одна воспитывала четверых детей. Он приехал в столицу и сумел поступить в элитарный Московский институт международных отношений. После института, в 1957 году, его взяли на работу в отдел печати МИД, а уже через три года отправили работать в секретариат Организации Объединенных Наций. Прекрасная школа для молодого дипломата. Он пробыл в Нью-Йорке довольно долго-год в отделе переводов секретариата и еще четыре с половиной помощником заместителя Генерального секретаря ООН.

В Москве его взяли в секретариат министра. Громыко заметил молодого дипломата, который умело написал речь для Хрущева, а потом составил несколько аналитических материалов для министра, и сделал его своим помощником. Потом разрешил ему вернуться в Соединенные Штаты — на сей раз в посольство в Вашингтоне, но уже не выпускал из поля зрения.

Александр Бессмертных проработал в посольстве в США тринадцать лет подряд. Это позволялось не многим. В отношении основной массы дипломатов действовал жесткий принцип ротации — заграничная командировка чередуется с работой в центральном аппарате, чтобы не слишком привыкали к зарубежной жизни. Но Бессмертных ценили, к концу срока он стал советником-посланником, вторым человеком в посольстве.

В 1983 году Громыко вернул его в Москву и доверил ему главный отдел — американский, сделал членом коллегии МИД. Бессмертных стал одним из самых близких к министру людей. Кроме отношений с Соединенными Штатами он занимался еще и проблемами разоружения.

Шеварднадзе, став министром, оценил Бессмертных и в 1987 году сделал его своим заместителем, а через год первым заместителем. Он занимался переговорами с американцами по ключевым проблемам, в том числе в сфере ядерных вооружений.

Бессмертных мечтал быть послом в Соединенных Штатах. Шеварднадзе не хотел отпускать его из Москвы, но он понимал, что талантливый дипломат нуждается в поощрении. Тогда Горбачев отозвал домой Юрия Дубинина, который приехал в Вашингтон в 1985 году. Дубинин не был американистом, не говорил по-английски. Но он учился, и

в конце концов понравился американцам. Когда Дубинин уезжал и пришел на прощальную беседу в Белый дом, президент Буш в знак уважения вышел с ним прогуляться вокруг Белого дома. На глазах Дубинина были слезы.

Горбачев сменил посла за неделю до своей поездки в Соединенные Штаты в мае 1990 года. Но и Бессмертных не удалось насладиться любимой работой в Вашингтоне. В конце декабря Шеварднадзе подал в отставку. Александр Александрович крайне сожалел об этом и даже написал ему личную записку с просьбой отказаться от отставки. Он еще не подозревал, что именно его ждет кресло министра.

Шеварднадзе предложил Горбачеву себе на смену три кандидатуры: Юлия Квицинского, своего заместителя, Юлия Воронцова, представителя в ООН, и Александра Бессмертных, посла в США.

Горбачев тоже рассматривал трех кандидатов на пост министра, но несколько других — это Александр Яковлев, Евгений Примаков и Александр Бессмертных. Яковлев был бы предпочтителен для Горбачева, но его бы наверняка не утвердил Верховный Совет, испытывавший ненависть к архитектору перестройки. Время Примакова еще не пришло. Как раз в тот момент он вел переговоры с Саддамом Хусейном, и его назначение было бы настороженно встречено Западом. Бессмертных казался естественным кандидатом на пост министра: посол в Соединенных Штатах, следовательно, американцы его хорошо знают, человек из команды Шеварднадзе, политически нейтрален, умен и образован.

В Министерстве иностранных дел его назначение вызвало облегчение — свой, прекрасный профессионал, лучший выбор. Самому Бессмертных назначение польстило, хотя он предпочел бы остаться послом в приятной компании молодой жены Марины и только что родившегося сына Арсения, которому было всего две недели. Им всем не хотелось покидать Вашингтон.

Встречавший его в Шереметьево заместитель министра иностранных дел Алексей Александрович Обухов вспоминал, что в тот январский день в Москве была какая-то особенно плохая погода. Одна из британских газет отметила: «Едва ли можно представить себе более неблагоприятные обстоятельства, чем те, при которых Александр Бессмертных стал министром иностранных дел».

15 января 1991 года Бессмертных вошел в кабинет Горбачева. Через полчаса президент представил его депутатам. Александр Александрович произнес в Верховном Совете подготовленную на ходу речь:

— Внутренняя политика может либо содействовать внешней, очень

активно ее продвигая, будучи крепким, надежным тылом, либо очень ее осложнять. И, к сожалению, это последнее обстоятельство имеет место.

Он счел своим долгом сказать самые добрые слова о своем предшественнике.

— Когда я вышел на трибуну перед депутатами Верховного Совета, — рассказывал мне Бессмертных, — то сказал, что испытываю чувство горечи из-за ухода Шеварднадзе, прекрасного, блестящего дипломата.

В перерыве ему говорили, что он напрасно это сказал — депутатам не понравится, да и Горбачев неважно относится к Шеварднадзе.

— Я на это ответил, что мне плевать, — вспоминает Бессмертных, — проголосуют за меня или нет, я на этот пост не просился, меня вполне устраивает должность посла в Соединенных Штатах...

В конечном счете депутаты почти единодушно проголосовали за Бессмертных, только три голоса было против. Сразу после утверждения у министра состоялась продолжительная беседа с Горбачевым. Он высказал интересную мысль, что все сливки с внешней политики уже сняты. Теперь надо заниматься конкретными делами — сколачивать реальные отношения.

Представляя нового министра на коллегии МИД, Горбачев говорил:

— От взятого курса мы не отказываемся, надо идти вперед. Бессмертных всегда был рядом с Шеварднадзе. Известны его деловые и личные качества, культура. Его только что допрашивал Верховный Совет. Всего три голоса против, это подтверждение правоты нашей линии.

Через несколько дней у Эдуарда Амвросиевича был день рождения. Александр Александрович приехал к нему поздравить и произнес тост за профессионального дипломата Шеварднадзе. Такие жесты, не слишком принятые в чиновном мире, где мгновенно перестают узнавать бывших начальников, производят сильное впечатление.

Буря в Персидском заливе

Начало министерской деятельности Бессмертных совпало с трагическими событиями в Вильнюсе, где спецпод-разделения госбезопасности и армии пытались сменить власть, чтобы подавить попытку литовцев обрести независимость. Это вызвало резкое осуждение в мире. Горбачеву и Бессмертным пришлось оправдываться. А в день, когда назначили Бессмертных, еще и началась война в Персидском заливе. Как он сам шутя выразился:

— Не было у нового министра первой ночи. Поспать не удалось. Пришлось всем этим заниматься.

В два часа по московскому времени госсекретарь Джеймс Бейкер позвонил Бессмертным и предупредил, что военная операция в Персидском заливе вот-вот начнется. Горбачев просил отложить ее хотя бы на несколько часов, но военный механизм уже был приведен в действие. Американцы в каком-то смысле попали в безвыходное положение. Не начать боевые действия — укрепить Саддама Хусейна в сознании собственной безнаказанности. Начать — значит навлечь на себя обвинения в агрессии, спровоцировать антиамериканские настроения.

В ночь с 16 на 17 января 1991 года многонациональные силы, размещенные на территории Саудовской Аравии, нанесли первый удар по армии Ирака, захватившей Кувейт. В операции принимали участие британские, египетские, саудовские войска, но главную скрипку играли американцы. Через пятнадцать лет после Вьетнама они демонстрировали свою мощь. Советские военные с нескрываемым раздражением и завистью наблюдали за тем, как американская авиация, артиллерия и ракеты сокрушают советскую технику, купленную Ираком.

Решение применить силу далеко за пределами своего государства, восстановить справедливость и наказать агрессора, то есть главу другого государства, принял президент Соединенных Штатов Джордж Буш-старший. Его поддержала премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер. Эти двое сказали себе, что Саддам должен быть наказан. Если это сойдет ему с рук, другие решат, что им тоже можно.

В решимости Тэтчер никто не сомневался. Французский президент Франсуа Миттеран, который знал толк в женщинах, сказал о Маргарет Тэтчер, что у нее губы Мэрилин Монро, секс-символа шестидесятых, но глаза безжалостного римского императора Калигулы.

А вот президент Соединенных Штатов Джордж Буш-старший казался крайне осторожным человеком, неспособным на рискованные поступки. Он много лет занимался дипломатией, был послом в Китае, представителем в ООН, директором ЦРУ. Но бывший военный летчик Джордж Буш знал, что есть ситуации, когда надо действовать быстро и решительно. Во время Второй мировой войны он летал на торпедоносце. В сентябре 1944 года японцы подбили его самолет. Двое членов экипажа погибли. Он выбросился с парашютом из горящей машины и два часа держался на воде, пока его не подобрала американская подводная лодка.

Все вокруг полагали, что на Ирак следует воздействовать дипломатическими средствами. И только Буш, договорившись с Тэтчер, с самого начала исходил из того, что для освобождения Кувейта придется пустить в ход силу.

Кстати говоря, ровно десять лет спустя эта же команда, организовавшая операцию «Буря в пустыне», чтобы жестоко наказать диктатора, вновь оказалась у власти. Ее собрал Джордж Буш-младший, который в январе 2001 года сам вступил в должность президента Соединенных Штатов. Он не только внешне похож на отца, но и является его полным единомышленником. Министром обороны во время операции в Персидском заливе был Ричард Чейни. Джордж Буш-младший выбрал его на роль вице-президента. В свое время Чейни был готов даже пустить в ход ядерное оружие против иракской армии. Но военные убедили его в том, что в условиях огромной пустыни ядерное оружие совершенно неэффективно. Непосредственное руководство боевыми действиями осуществлял генерал Колин Пауэл, который при старшем Буше был председателем комитета начальников штабов. При Буше-младшем он стал государственным секретарем.

Колин Пауэлл, сын иммигрантов с Ямайки, сделал фантастическую военную карьеру. Он провел, возможно, самую успешную военную операцию в истории Америки. И при этом завоевал умы и сердца своих сограждан. Его отличала подлинная, не показная, забота о солдатах и ораторский талант. Он очень остроумен и умеет убеждать. Когда он вышел в отставку, все были уверены, что он станет баллотироваться в президенты. И у него были все шансы привлечь на свою сторону избирателей. Пауэлл отказался от этого соблазна. Не в малой степени — подчиняясь просьбам жены, которая мечтала, чтобы после тридцати пяти лет военной службы он побыл с семьей.

Несколько лет Пауэлл занимался благотворительностью и для собственного удовольствия чинил старые автомобили — это его хобби. Он

вернулся в политику, потому что не мог отказать семейству Буш.

Саддам капитулировал

Джордж Буш-старший предложил Горбачеву отправить в Персидский залив советский воинский контингент — хотя бы чисто символический. Американские и русские солдаты, сражающиеся вместе, произведут очень сильное впечатление, говорил Буш Горбачеву. Казалось, и это возможно. Но советский президент все-таки не решился. Объяснил, что память об Афганистане не позволяет ему отправлять советских солдат сражаться за границами родины.

Хотя дело было в другом: советские политики чувствовали себя неуютно. Они никак не могли решить: ту ли сторону они поддержали? Немалая часть советских людей не видела в поведении Саддама Хусейна ничего зазорного и не считала возможным «предавать» союзника.

Саддам охотно играл в дипломатические игры. Это позволяло ему оттянуть время в надежде, что все устанут и займутся другими проблемами. Иракцы маневрировали, надеясь поссорить Москву с Вашингтоном. Министр иностранных дел Ирака Тарик Азиз говорил, что его войска вот-вот уйдут из Кувейта. Но Саддам и не думал этого делать. Горбачев принимал Азиза, терпеливо спрашивал: какие у вас есть реальные предложения? Азиз жаловался, что против Ирака устроен заговор. Но с гордым видом заявлял, что Ирак не боится ни американцев, ни мировой войны. Упрекал Горбачева за то, что он говорит на одном с американцами языке.

Совет Безопасности ООН предъявил Саддаму ультиматум: или он уходит из Кувейта, или его уберут оттуда силой. Горбачев организовал еще одну встречу Бейкера и Азиза в Женеве. Американцы требовали безоговорочного вывода войск из Кувейта. Тарик Азиз высокомерно отказался принять письмо Буша Саддаму Хусейну. Иракцы все еще не верили, что американцы решатся нанести удар и что Советский Союз поддержит военную операцию.

Горбачев до последнего момента надеялся предупредить боевые действия. Всех уговаривал повременить, доказывал, что Саддам Хусейн сам уйдет из Кувейта. Заместитель министра иностранных дел Александр Михайлович Белоногов рассказывал журналистам:

— В 2 часа 30 минут ночи 7 января я был разбужен звонком из МИДа. Мне сообщили, что министр иностранных дел Александр Бессмертных узнал по телефону от Бейкера, что в течение часа начнутся военные

действия... Горбачев велел нашему послу в Ираке Виктору Посувалюку срочно встретиться с Саддамом. Если бы это было сделано, то наша страна оказалась бы в очень некрасивом положении. Мы выдали бы чужую государственную тайну. Помогло то, что передача шифровок занимает время. Когда шифровку получили в Багдаде, война уже шла. Но Горбачев имел неосторожность выступить по советскому телевидению. Выражая сожаление, что началась война, он сообщил, что дал указание нашему послу в Багдаде предупредить Саддама. Во время пресс-конференции, которую мы проводили вместе с Виталием Игнатенко, на нас обрушились вопросы: «Почему СССР предал интересы США, выдав время начала операции? Ведь американцы, англичане и другие рискуют жизнями...» Я был в неловком положении.

17 января в семь утра Горбачев собрал в Кремле совещание, его помощники собрались еще раньше. Министр обороны маршал Язов доложил, что происходит в Персидском заливе. Язов сразу сказал, что американцы Багдад брать не будут. Это им не нужно.

Американская авиация совершила в общей сложности сорок тысяч боевых вылетов. Несколько раз самолеты поднимались в воздух в надежде уничтожить самого Саддама. Но ничего не получилось. Саддам Хусейн был безумно осторожен. Он не пользовался ни телефоном, ни радио, чтобы американцы не запеленговали его местопребывание. Никто не знал, где он проведет следующую ночь. Каждый вечер его охрана готовила сразу шесть домов, и только в последнюю минуту он сам выбирал место для ночевки. Иногда, когда его охватывал приступ страха, он предпочитал поспать в хорошо охраняемом и комфортабельном автобусе где-нибудь на обочине пустынной дороги.

Ирак выпустил несколько ракет по территории Саудовской Аравии и Израиля. Саддам Хусейн надеялся, что Израиль не выдержит и нанесет ответный удар, и тогда это будет война Ирака против ненавистного еврейского государства. Но американцы уговорили израильтян не отвечать ударом на удар. Тем более, что советские ракеты СКАД, состоявшие на вооружении Ирака, не причинили Израилю особого ущерба.

Жена и маленький сын Бессмертных все еще оставались в Вашингтоне, а он занимался войной в Персидском заливе. Прилетев 26 января 1991 года в Вашингтон, он не заглянул в здание посольства, к семье, а сразу отправился на встречу с государственным секретарем Бейкером.

Горбачев и Примаков надеялись хотя бы уберечь Ирак от наземной операции. 12 февраля, когда город бомбили, в Багдаде Примакова тепло

принял Саддам. Они обнялись.

Евгению Максимовичу продемонстрировали следы разрушений от бомбардировок. Иракское телевидение снимало каждый шаг советского гостя, эти кадры благодаря американской телекомпании Си-эн-эн увидел весь мир.

Примаков уговаривал Саддама заявить об уходе из Кувейта, тогда боевые действия сразу прекратятся. Евгений Максимович осуждал действия американцев:

— Бойня должна быть прекращена. Я не говорю, что раньше война была оправдана, но ее затягивание не может быть оправдано ни с какой точки зрения. Целый народ гибнет.

Горбачев предлагал свое посредничество, на советском самолете доставил в Москву иракского вице-премьера Тарика Азиза. Саддам и Азиз говорили, что готовы вывести войска поэтапно, если будут выполнены все их условия и ООН отменит все санкции. Горбачев предложил: пусть Ирак пообещает вывести войска, тогда он уговорит Буша прекратить бомбардировки. Ответ из Багдада последовал через два дня — обращайтесь со своими предложениями к американцам. Саддам все еще не понимал, что его ждет. Впрочем, страдания страны его не беспокоили. Напротив, чем больше людей погибнет, тем лучше: злее будут. Саддам выступал по телевидению со словами, что он никогда не капитулирует.

Но американцы не хотели позволить ему вывернуться из этой ситуации с почетом и избежать наказания. Буш предъявил Саддаму ультиматум: за неделю вывести войска. Иракский президент ультиматум игнорировал. 24 февраля в Персидском заливе началась наземная операция. Бессмертных поручил отделу печати МИД выразить сожаление по поводу того, что «возобладала тяга к военному решению и упущен реальный шанс на мирное урегулирование».

Но надо отдать должное Горбачеву и Бессмертных — они не стали занимать особую позицию. Это дало возможность освободить Кувейт от оккупации. Выяснилось, что, вообще говоря, интересы СССР и США на Ближнем Востоке не противоречат друг другу, потому что обе страны заинтересованы в сохранении там мира и стабильности, в решении всех конфликтов политическими средствами.

За два дня иракская армия была практически уничтожена. Спасаясь от неминуемой катастрофы, униженный Саддам капитулировал. Разрушение страны его не беспокоило. Он испугался, что его собственные генералы, спасая себя, уничтожат его.

В ночь на 27 февраля советского посла в Багдаде Виктора

Викторовича Посувалюка пригласили в министерство иностранных дел Ирака. Посувалюк, блистательный дипломат, умница, интеллектуал, был знатоком Арабского Востока. Очень веселый, остроумный, азартный и доброжелательный человек с широким кругозором, он сочинял стихи, писал песни. Во время войны в Персидском заливе, в часы бомбежек Виктор Викторович сидел в посольском подвале, не отчаивался, не терял бодрости духа. Он получил тогда орден Красного Знамени. Потом Посувалюк возглавлял ближневосточный департамент министерства, стал заместителем министра иностранных дел России, а в 1999 году он после тяжелой болезни безвременно ушел из жизни, не дожив и до шестидесяти лет...

Виктор Посувалюк оставался единственным каналом связи Ирака с внешним миром. В министерстве иностранных дел его просили срочно передать американцам: Ирак уже начал вывод войск из Кувейта, Ирак принимает все резолюции ООН и гарантирует выплату Кувейту компенсации за нанесенный стране ущерб. Джордж Буш-старший и его команда добились своего.

Бессмертных согласился с американским проектом резолюции Совета Безопасности ООН, которая требовала от Ирака уничтожения оружия массового поражения. Пока Саддам Хусейн этого не сделает, сохранятся политические и экономические санкции, и Ираку запретят продавать нефть.

Можно читать и по бумажке

На время работы Бессмертных министром пришлось удивительно плодотворное сотрудничество СССР с Соединенными Штатами и вообще с Западом. Горбачев и Бессмертных исходили только из реальных интересов собственного государства. Это был момент, когда все идеологические и даже психологические стереотипы отошли на задний план. Казалось, действительно открывается эра разумного сотрудничества с Западом, когда Советский Союз и Соединенные Штаты смогут проводить единую политику.

Конечно, и у Бессмертных возникали конфликты с военными. Он старался их улаживать в более спокойной манере, чем его предшественник, хотя ситуации бывали сложные. Например, когда президент Буш пожаловался Горбачеву на очевидное нарушение договора об обычных вооружениях. В соответствии с договором советские вооруженные силы подлежали сокращению. Чтобы ничего не сокращать, Генштаб мигом перевел три сухопутные дивизии вместе с большим количеством танков в состав морской пехоты, которая ввиду своей малочисленности договором не учитывалась. Горбачев спросил мнение министра. Бессмертных, колеблясь, сказал, что это откровенное надувательство и так с американцами играть нельзя.

Благодаря его усилиям 31 июля 1991 года в Москве президенты Михаил Горбачев и Джордж Буш-старший подписали первый договор о сокращении стратегических наступательных вооружений.

До и после Бессмертных министры увлекались политикой, иногда уместно, иногда нет. Бессмертных был первым на посту министра иностранных дел не политиком, а чистым дипломатом, который ничем иным в жизни не занимался. На его долю досталась черновая дипломатическая работа — реализовывать те декларации, которые произносились до него.

— Пока я был заместителем министра или первым замом, — рассказывал Бессмертных, — я занимался очень широким кругом вопросов, в основном ключевых, и хотя все-таки были зоны, где основные направления мне были ясны, но от профессионалов я отставал. Поэтому, занимаясь тем или иным вопросом, я приглашал профессионалов.

— Откройте маленький секрет, — спросил я Александра Александровича. — К переговорам вам готовили справки по всем

проблемам, которые могут возникнуть на переговорах. Вы действительно в состоянии были все проштудировать и запомнить?

— Для министра всегда готовится обширный «разговорник». Там написано, что и когда нужно говорить, включая необходимые формулы вежливости. Учитываются все возможные повороты беседы. К «разговорнику» прикладывается обширный справочный материал — история любого вопроса от Адама и Евы. В общей сложности это пятьсот — шестьсот страниц. И все это нужно знать, потому что такого материала вполне достаточно для ведения переговоров.

Кстати говоря, некоторые министры просто шпарят по бумажке. В этом нет ничего страшного. Это лучше, чем, забыв собственные планы, отступить от заявленной позиции. Тем более, что тематика дипломатических переговоров иногда носит крайне сложный характер, особенно когда речь идет о стратегических вооружениях, о военном космосе. Дипломаты приглашали к себе создателей такого оружия — они натаскивали переговорщиков. Так что современная дипломатия требует серьезной подготовки, и надо иметь перед собой необходимые материалы.

— Я понимаю, что жизнь министра иностранных дел — это сладкая каторга. Министр должен тщательно подготовиться к переговорам. Но где взять на это время?

— Можно закрыться в кабинете, но не надолго, потому что в мире постоянно что-то происходит. Работа министра отягощена тем, что все, что происходит, отражается на его жизни — что-то взорвалось, где-то кто-то перешел границу, всем этим надо заниматься. Когда на переговоры надо куда-то лететь, это большое благо. Особенно хорошо, если летишь в Америку. Все десять часов в самолете идет интенсивная подготовка, плюс еще съедается ночь. Так и воспитываются совы. Я в последние годы меньше четырнадцати часов в день не работал. Домой приезжал к полуночи.

— Может ли на переговорах партнер задать вопрос, которого нет в вашем «разговорнике» и к ответу на который вы не готовы?

— Такое бывает очень редко. Как правило, переговоры прогнозируются на сто процентов. Кроме того, современная дипломатия исходит из того, что мы не станем друг другу ставить ловушки. Обычно, наоборот, принято заранее предупреждать партнеров — мы намерены предложить к обсуждению такие-то проблемы. Тем не менее может возникнуть вопрос, к которому вы не готовы. Лучше ничего не выдумывать и дать ответ позже. Импровизационная дипломатия — это минное поле. Одно неосторожное слово вам будут припоминать

десятилетиями. И сменивший вас министр пострадает из-за того, что вы что-то напортачили. Ей-богу, разумнее честно признаться: не знаю!

Есть и другая сторона дела — если дипломат начинает сочинять какие-то ходы, он тем самым может ненамеренно дезинформировать собеседника, а это просто опасно. В современной дипломатии нельзя обманывать. Можно промолчать, обманывать нельзя. Это твердое правило — на переговорах нельзя врать. Об этом обязательно станет известно — и министру всегда будут тыкать в нос, что он однажды соврал.

Историю о том, как нашему послу в США Анатолию Добрынину прислали телеграмму с указанием заявить президенту Кеннеди, что советских ракет на Кубе нет (притом что американцы их уже сфотографировали), и как то же самое твердил министр Андрей Громыко, поминают и по сей день.

Министры, конечно, очень откровенны в личных разговорах, отмечает Бессмертных. Один другому скажет на ухо то, что не произнесет публично. Но только в том случае, если твердо знает, что партнер не разгласит конфиденциальную информацию. Между министрами должно быть доверие даже в том случае, если они ни о чем не договорились, если они придерживаются противоположных точек зрения.

Иногда, правда, применяется такая стратегия: во время встречи один на один внезапно поставить перед коллегой-министром вопрос, к которому тот не готов. Обычно это делается в тех случаях, когда имеют дело с импульсивным и амбициозным человеком, новичком в дипломатии, который органически не способен признать, что он чего-то не знает. Или в надежде сыграть на самолюбии министра, если он любит прихвастнуть: вот, дескать, что я могу, я способен на то, на что не способны другие.

Бывали министры, которые вызывали страх у дипломатов: не пообещает ли неопытный министр сгоряча на рыбалке, на охоте или в бане что-то такое, что нанесет ущерб интересам страны? Но объятия и поцелуи не должны вводить в заблуждение. Политики никогда не перестают быть политиками. Душевных порывов на таких встречах не бывает. Опасения насчет того, что, расчувствовавшись, министр может совершить необдуманный поступок, безосновательны. Министры держат себя в руках. И заранее знают, до какого рубежа они могут отступить, чтобы добиться нужного компромисса. Даже если у министра и вырвется неосторожное словечко, практических последствий это иметь не будет. Официальный представитель МИД сразу же опровергнет это заявление, скажет, что министра не так поняли.

Последствия такой попытки взять партнера на пушку весьма

плачевны: между двумя министрами, а следовательно, между двумя государствами исчезает доверие, отношения ухудшаются. Только дилетанты думают, что умный дипломат должен давать каждой стороне разное объяснение мотивов своих действий. Надо, разумеется, уметь воздействовать на собеседника, добиваясь нужного результата, но более тонкими методами. В этом и заключается дипломатическое искусство. Скажем, на переговорах с арабами нельзя показать свое разочарование, скептицизм, недовольство. Надо демонстрировать дружелюбие и оптимизм, даже если переговоры идут ко дну.

Переговоры — это в значительной степени шахматная игра. Дипломат должен уметь играть в шахматы, если не умеет — не многого добьется. Дипломат мыслит так же, как шахматист, просчитывает все вероятные повороты дискуссии, чтобы добиться нужного результата. Надо уметь воздействовать на своего собеседника, убеждать его в выгодности твоего предложения, в этом и заключается искусство дипломатии.

Готовясь к переговорам, — говорит Бессмертных, — выстраиваешь логическое древо, предусматривая все возможные повороты в беседе. И надо понять самое главное: вам нужно достичь своей цели, а вашему партнеру — своей. В результате достигается компромисс. Сломать партнера — это не дипломатия. В этом отличие дипломатии от шахмат: для нас победа — это когда обе стороны довольны. Причем переговоры могут быть очень откровенными. Вы прямо говорите — наша позиция такая-то, и собеседник так же откровенно объявляет свою позицию. Очень важно в начале переговоров точно изложить свою позицию. Ну и если уж говорить о нашей внутренней кухне, то скажу: на фоне полной откровенности и искренности можно изложить позицию с завышенными требованиями, чтобы потом чем-то пожертвовать.

— Что было для вас новым на посту министра? Ведь вы к тому времени уже проработали в МИД тридцать четыре года.

— Новым для меня было общение на высшем уровне — с королями, президентами, премьер-министрами, многие из которых были выдающимися личностями. Я привык к общению с западными лидерами, а у восточных лидеров иная манера ведения переговоров. На Востоке надо еще уметь читать знаковые письма на лицах, которые кажутся непроницаемыми. Меня смутило, например, что японцы, когда я говорил, закрыли глаза. Спят, что ли? Нет, они закрыли глаза, чтобы очень внимательно слушать. Мнимо спящий японец — бдительный японец.

— Есть дипломаты-революционеры, которые все меняют, и дипломаты-консерваторы, которые избегают серьезных перемен. Вы себя к

какому типу относите?

— Революцию в дипломатии делают амбициозные люди. Они очень опасны. Стремясь пересест в кресло повыше, они злоупотребляют своими полномочиями, такой дипломат может дров наломать и привести к катастрофе. Могут быть революционные перемены, но только в том случае, если и у партнера происходят какие-то серьезные изменения.

Профессиональные дипломаты понимают, что эта работа началась до того, как они ей занялись, и будет продолжаться после них. Внешняя политика состоит из бесконечного количества маленьких, крохотных инициатив, улучшений, поправок, которые удастся внести в общий, неостановимый поток мировых событий. Во внешней политике не может быть внезапных, блестящих решений, которые все наладят, разрешат. Дипломатия — это долгая, многоходовая, хитрая игра.

Бессмертных — американист по специальности и профессии, он понимал значение Соединенных Штатов в мировой политике. Но он был человеком широкого кругозора.

— Когда я стал министром, то через какое-то время заявил, что мы чрезмерно много занимаемся Северной Америкой, — говорит Бессмертных. — Я тогда предложил обеспечить страну поясом дружественных государств. Получилось, что мы дружим с США, а вокруг нас страны, с которыми масса неурегулированных проблем. А мы через них перепрыгиваем. Речь шла не о том, чтобы доказывать собственную значимость, скандаля с Америкой, а о том, что давно пора обратить внимание на соседей, занять свое место в Европе, установить новые отношения с Восточной Европой, которая обретала самостоятельность.

Нелепо говорить, что Шеварднадзе отдал Восточную Европу. Да ее никто не взял! Она долго сама не могла решить, с кем ей идти. А наша дипломатия вела себя неправильно. Даже потом, пытаясь помешать расширению НАТО, наши дипломаты вели переговоры с Америкой, с Западной Европой, с кем угодно, только не с самими восточноевропейскими странами. Мы в Восточной Европе наломали столько дров... Здесь виноваты все поколения советской дипломатии. Впрочем, отношениями с восточноевропейскими странами занимался не МИД. Взгляд на Восточную Европу был чисто идеологический, а не прагматический.

Бессмертных не раз говорил о том, что российская дипломатия склонна к декларативности. Это наглядно проявилось, когда решали, как быть в связи с расширением НАТО:

— Мы на первых порах все свели к «не допустим!», «не позволим!»,

полагая, что этого достаточно. Было упущено время, и мы почти загнали ситуацию в тупик.

И еще министру пришлось заниматься сложнейшей территориальной проблемой с Китаем — это шесть тысяч километров границы, о которой надо было договариваться. В мае 1991 года Бессмертных удалось подписать соглашение с китайцами о границе. Никто не знал, что процесс демаркации растянется на многие годы.

Бессмертных подготовил первые поездки советского лидера в Японию и в Южную Корею, что привело к заключению дипломатических отношений с Сеулом. И в том же 1991 году Горбачев впервые участвовал во встрече семи наиболее развитых стран в Лондоне.

Наконец, Александр Александрович занялся Ближним Востоком. Он был первым советским министром, который побывал в Израиле. Горбачев сказал министру, что арабские друзья будут шуметь. Бессмертных хладнокровно ответил президенту:

— Михаил Сергеевич, все будет нормально. Только что прошла война в Персидском заливе, и те, кто мог бы шуметь, утратили свои позиции.

В августе лучше не отдыхать

По мнению Бессмертных, внешняя политика — это политика спокойных умеренных шагов. Сам он так и действовал — быстро, квалифицированно, безукоризненно. Он был полностью лоялен к Горбачеву, он вообще подчеркнуто не участвовал во внутривластной борьбе. Что же произошло в августе 1991 года?

18 августа в 17:30 председатель КГБ Владимир Александрович Крючков позвонил Александру Александровичу Бессмертным, который отдыхал в Белоруссии, и без объяснений попросил срочно прибыть в Москву. Министра доставили в столицу на самолете командующего Белорусским военным округом.

Поздно вечером 18 августа в Кремле, где уже шло совещание членов Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП), появился Бессмертных. Он был в джинсах и куртке, недоуменно осматривал присутствующих. Крючков вышел с министром в другую комнату, наскоро ввел в курс дела и предложил подписать документы только что созданного ГКЧП.

В печально знаменитом «Заявлении Советского руководства» говорилось, что Горбачев по состоянию здоровья не может исполнять свои обязанности и передает их вице-президенту Геннадию Ивановичу Янаеву, в отдельных местностях СССР вводится чрезвычайное положение и для управления страной создается Государственный комитет по чрезвычайному положению.

Министр попросил исключить его из списка членов ГКЧП:

— Да вы что? Со мной ведь никто из иностранных политиков разговаривать не будет.

Он сам синим карандашом вычеркнул свою фамилию, хотя и опасался, что за его несогласием последуют печальные для него последствия. Он очень боялся за своего маленького сына. Но его отпустили домой.

Бессмертных не поддержал путчистов, не помогал им. Но и не выступил против, как это сделал бы, например, Шеварднадзе. Вадим Викторович Бакатин и Евгений Максимович Примаков написали заявление с протестом против ГКЧП. Предложили Бессмертных как члену Совета безопасности присоединиться. Тот отказался, сославшись на то, что «необходимо осуществлять преемственность внешнеполитического курса».

Во время путча американцев очень интересовала позиция

Бессмертных. Джордж Буш, который позвонил Ельцину в здание Верховного Совета РСФСР на Краснопресненской набережной, спросил о Бессмертных. Ельцин ответил:

— Он нейтрален. Видимо, ждет, кто возьмет верх.

19 августа утром Бессмертных вызвал к себе своего первого заместителя Квицинского и распорядился отправить послам телеграммы с поручением передать документы ГКЧП властям стран пребывания. В результате Министерство иностранных дел дало указание всем советским послам распространить во всех странах документы ГКЧП. Дисциплинированные посольства были готовы подчиниться новому начальству.

Бессмертных попросил быстро, буквально за полчаса, продиктовать проект послания вице-президента Геннадия Ивановича Янаева главам крупных государств относительно происходящего и включить в текст слова о том, что внешняя политика Горбачева будет продолжена. С этим проектом министр уехал на совещание в Кремль.

К концу дня Бессмертных собрал своих заместителей. По словам Квицинского, министр сказал, что у них есть три варианта действий: либо подать в отставку, либо ничего не делать, либо продолжать работать, чтобы не нанести ущерба внешней политике страны. Все высказались за третий вариант. После этого министр уехал на дачу. С ним общались по телефону. Говорили, что у Бессмертных дипломатическая болезнь. Он уверял, что страдал от приступа почечно-каменной болезни.

«Августовский путч был воспринят в целом спокойно, — свидетельствует бывший подполковник внешней разведки Виктор Калашников, который служил в Вене под посольским прикрытием. — Собственно, некоторые из отделов аналитического управления первого главного управления КГБ еще с января 1991 года стали собирать и обобщать опыт военных диктатур, особенно чилийской... Утром 22 августа актив совколонии нервно толкался в парткоме: платить или не платить взносы сегодня, в день зарплаты. Заплатить-то можно, но как этой поймут? Войдя, секретарь влез на стул и первым делом снял со стены портрет Горбачева...

Больше всех от тех событий пострадала, пожалуй, милейшая Лена Язова — дочь того самого маршала-гэкачеписта. Ее вместе с тремя детьми срочно эвакуировали в Москву. А подруги, особенно коллег мужа по военному цеху, еще пару дней назад выражавшие глубокую преданность и заходившие к ней на чай, гордо проходили мимо в ответ на недоуменные вопросы о ее стремительном исчезновении».

— Бессмертных оказался не на высоте, — сказал Горбачев, вернувшись из Фороса.

В тот момент Горбачев не признавал полутонов. Или ты поддержал ГКЧП, или остался верен президенту и законной власти. Горбачев в Форосе, когда к нему все прилетели, сказал главе парламента Анатолию Ивановичу Лукьянову в присутствии Примакова и Бакатина:

— Если ты не мог сразу собрать Верховный Совет, чтобы разделаться с путчистами, почему не встал рядом с Ельциным?

Горбачев и с министром иностранных дел разговаривал очень жестко:

— У меня создалось впечатление, что вы вели себя пассивно в эти три дня.

Бессмертных не согласился:

— Это неправда! Вам наговаривают на меня. Я единственный из ваших соратников, кто прошел через это испытание. Все были в отпусках. А я старался сделать все, чтобы защитить нашу политику.

— У меня иная информация, — сказал Горбачев.

Бессмертных подал в отставку. В иное время Александр Александрович оставался бы министром долгие годы. Он собрал коллегия, рассказал о разговоре с президентом. Провожали его с сожалением, к нему в министерстве относились очень хорошо.

— Я вынужден был уйти, — говорил мне Бессмертных, — потому что исчезло взаимопонимание с Горбачевым. Я сам ушел и не переживаю по этому поводу.

Перед тем как покинуть министерство, Александр Александрович позвонил своему главному партнеру Бейкеру. В Вашингтоне было четыре часа утра. Бейкер выразил сожаление: «Мне очень жаль, что это случилось. Мы начали хорошо работать вместе».

— Вы о чем-нибудь потом сожалели? — спросил я Александра Александровича.

— Внешняя политика, которая при мне проводилась, не была поставлена под сомнение. Напротив, все отмечали, что меня не критикует ни один из флангов политического поля. А то, что я ушел с поста министра... Так сложились обстоятельства.

Бессмертных после отставки стал руководителем Центра политического анализа во Внешнеполитической ассоциации Шеварднадзе, а после отъезда Эдуарда Амвросиевича в Грузию возглавил ассоциацию.

Александр Александрович ведет классический образ жизни бывшего министра иностранных дел: участвует в международных научных конференциях, разработке внешнеполитических прогнозов, общается с

коллегами из разных стран. С журналистами встречается не часто. В одном из редких газетных интервью он сказал:

— Какой-то особой ностальгии по работе во власти сейчас не испытываю. Я профессиональный дипломат и остаюсь им, по существу занимаясь тем же самым, что и раньше. Плюс впервые в своей жизни наслаждаюсь свободой, не ограниченной инструкциями не всегда умных начальников.

На праздновании 80-летия Горбачева в Москве в марте 2011 года Бессмертных клялся автору этой книги, что обязательно завершит работу над воспоминаниями...

Борис Дмитриевич Панкин

«Не страшно разбиться, страшно опозориться перед друзьями»

Утром 28 августа 1991 года президента СССР Михаила Сергеевича Горбачева соединили с советским послом в пока еще единой Чехословакии Борисом Дмитриевичем Панкиным. В посольстве аппарат междугородной правительственной ВЧ-связи по инструкции находился в отдельной звуконепроницаемой будке, где было душно и тесно.

— Здравствуй, Борис Дмитриевич, — буднично сказал Горбачев, словно они только вчера расстались, — ты можешь сейчас прилететь в Москву?

— Если вы вызываете, конечно.

— Тогда прилетай сегодня же и прямо ко мне в Кремль... Прямо из аэропорта... Речь идет о назначении тебя министром иностранных дел...

Панкин ответил четко:

— Могу я ответить так: я немедленно вылетаю, но в дороге буду думать.

Два указа

Аэрофлотовский самолет задержали в пражском аэропорту, чтобы посол успел собраться, и Панкин вылетел в Москву. В Кремле у Панкина несколько раз проверяли документы, пока он не попал к помощнику Горбачева по международным делам Анатолию Черняеву. Тот сказал Панкину, что никто Горбачеву не называл его кандидатуру, он сам это решил. Причем вспомнил, что знаком с Панкиным еще с комсомольских лет.

Когда Панкина пригласили в кабинет Горбачева, там уже сидел Александр Яковлев. Горбачев достал из стола папочку, в которой лежали две бумаги, и несколько картинно подписал первый из указов, которым освобождал Панкина от обязанностей посла в Чехословакии:

— Но этот указ мы положим в стол. Пусть полежит там, пока Верховный Совет вот эту бумагу не утвердит.

Он подписал второй указ и прочитал его текст вслух:

— Назначить министром иностранных дел и внести настоящий указ на утверждение Верховного Совета СССР.

— Учти, могут и не утвердить, — предупреждающе сказал Яковлев. — Тут, брат, дело такое...

— Утвердят, утвердят, — уверенно сказал Горбачев. — Пусть попробуют не утвердить.

Это был звездный час Бориса Панкина. Нечто почти неправдоподобное. Его имя в те дни облетело всю планету. Указ о его назначении министром зачитали по телевидению в девять вечера. В этот момент он еще находился в приемной президента. Все бросились его поздравлять. Евгений Примаков, которому неведома была его дальнейшая счастливая судьба, то ли в шутку, то ли всерьез попросил нового министра послать его послом в какую-нибудь хорошую страну:

— Только не на Ближний Восток, хватит с меня. Лучше, например, в ту же Англию.

Потом Панкина еще раз принял Горбачев, говорил о том, что предстоит сделать — «менять ориентиры, отбрасывать предубеждения», тесно сотрудничать с Западом, налаживать контакты с благополучной Саудовской Аравией, а не с Ливией и вождем палестинцев Ясиром Арафатом. Горбачев был очень недоволен поведением министерства иностранных дел во время августовского путча:

— В МИД многое надо менять. Сидели, молчали, обслуживали ГКЧП... Чуть ли не все послы взяли под козырек. Все это надо основательно расследовать. Ко мне идут сигналы: лидеры не хотят иметь дело с такими послами... Кто действительно поддержал путч, тех, конечно, надо убирать...

За поддержку ГКЧП пострадали семь послов. В министерстве Панкину представили на каждого досье и рекомендовали отозвать. Николай Николаевич Успенский, молодой дипломат, назначенный послом в Швецию, дал интервью, в котором поддержал ГКЧП (потом он станет послом в Эстонии). Вадим Петрович Логинов, посол в Югославии, бывший второй секретарь ЦК ВЛКСМ и потому прекрасно известный Панкину, поспешил снять портрет Горбачева в посольстве. Леонид Митрофанович Замятин, бывший заведующий отделом ЦК КПСС, посол в Великобритании, в беседе с журналистами обосновывал отстранение Горбачева. Юрий Дубинин, посол во Франции, никакой вины за собой не признал — он только передал французским властям полученное из Москвы послание (его сделают потом заместителем министра иностранных дел России)...

Панкин сразу же освободил от должности первого зама Юлия Александровича Квицинского, который курировал отношения с Восточной Европой и радикально расходился во взглядах с новым министром.

Квицинский говорил послу Панкину:

— Эти страны, нарушив кровные связи с нами, перестали представлять какой-либо интерес для мира. Теперь они превращаются в глухую мировую провинцию, уходят в глубокую тень. Серая зона. Задворки Европы...

Первым заместителем Панкин назначил Владимира Федоровича Петровского, очень уважаемого дипломата, блестящего профессионала.

Заместителя министра по кадрам, присланного еще Лигачевым, велел убрать Горбачев. Из гуманных соображений его пристроили на должность вице-консула в Гамбург...

Горбачев в те бурные дни не мог вырваться даже на час, и Панкина в МИД представил Григорий Иванович Ревенко, руководитель президентского аппарата, а до того первый секретарь Киевского обкома. В министерстве были сильно удивлены назначением. Полагали, что вернется Шеварднадзе. Квицинский после путча звонил Эдуарду Амвросиевичу и просил подумать о возвращении в министерство. Тот заинтересованно спрашивал, каково мнение коллектива. К нему даже отрядили представителей, чтобы подтвердить, что коллектив его ждет. Но назначили

Панкина.

Почему Горбачев выбрал Панкина? Он оказался единственным советским послом, который выразил протест против августовского путча и сказал, что представляет не ГКЧП, а законно избранное руководство страны во главе с президентом Горбачевым. В ночь с 20-го на 21 августа Панкин и советник-посланник Александр Александрович Лебедев продиктовали чехословацкому телеграфному агентству текст заявления с протестом против ГКЧП. Утром Панкин зачитал свое заявление на совещании посольских дипломатов, затем очень твердо выступил Лебедев. И самое поразительное — многие дипломаты их поддержали, кроме сотрудников резидентур КГБ и ГРУ. Они уже приготовились служить ГКЧП. Один из них сразу попытался снять портрет Горбачева, висевший в вестибюле посольства.

Панкин предлагал сократить число сотрудников советской разведки в Чехословакии, убрать хотя бы тех, кого в социалистические времена официально представили чехам как офицеров КГБ и ГРУ! Власть в Праге сменилась, и обилие расшифрованных разведчиков в составе посольства только компрометировало страну.

Вместо Панкина послом в Праге остался Александр Лебедев. Я работал с ним в журнале «Новое время», запомнил его как человека остро мыслящего и порядочного. Он немалую часть профессиональной жизни провел в комсомольском и партийном аппарате, но это его несколько не испортило. Впоследствии Лебедев трудился в структурах ООН на Балканах, а потом отправился российским послом в Турцию.

— Не страшно было послу в одно мгновение превратиться в министра? — спросил я Бориса Дмитриевича Панкина, когда мы встретились в Санкт-Петербурге, на полпути между Москвой и Стокгольмом, где он сейчас живет.

— Думаю, что я был готов к этому не меньше, чем Шеварднадзе, который стал хорошим министром, — уверенно ответил Панкин.

— А что было неожиданным для начинающего министра?

— Да, пожалуй что ничего. Это все вокруг удивлялись, что я вошел в новую работу, как нож в масло.

Борис Панкин всегда был уверен в себе, независим, бесстрашен и был готов рискнуть ради того, что он считал справедливым.

От стажера до главного редактора

Борис Панкин прежде всего — блистательный журналист, редактор и литературный критик. Он родился в 1931 году во Фрунзе и после школы приехал поступать в Московский университет. У него была серебряная медаль, и он поступил, несмотря на огромный конкурс. Он мечтал стать журналистом и впервые опубликовался в многотиражной газете «Московский университет».

— И когда впервые увидел свою фамилию на газетной полосе, у меня от счастья просто потемнело в глазах, — вспоминает Панкин.

Приметил его Алексей Иванович Аджубей, зять Хрущева, который потом станет главным редактором «Комсомольской правды» и «Известий», заметная фигура в истории отечественной журналистики. Его собственная газетная карьера оказалась недолгой — его сняли с должности в один день с Хрущевым. Но те, кому посчастливилось с ним работать, и по сей день вспоминают его с восхищением.

После университета Аджубей привел Панкина в «Комсомольскую правду». Его взяли стажером — большая удача для начинающего журналиста. Но через три месяца уволили, потому что нужно было кого-то сократить. Не ветерана же выгонять. Но потом смилостивились и оставили. Это просто хрестоматийная история, которую в «Комсомолке» рассказывали новичкам: мальчик из провинции пришел стажером, едва избежал увольнения, а стал главным редактором.

Панкин быстро прошел по ступенькам газетной иерархической лестницы — корреспондент, специальный корреспондент, заведующий отделом. В нем ценили и умение писать, и очевидную административную жилку. Аджубей, уходя в «Известия», наказал своему преемнику:

— Запом себе возьмешь Бориса.

В тридцать четыре года он стал главным редактором «Комсомольской правды», одной из лучших газет страны. Первый и пока единственный редактор «Комсомолки», который дорос до главного редактора, начав стажером. Никто не может оспорить того очевидного факта, что в газете он был первым не по должности, а по умению. Коллеги это признавали. А в те годы в «Комсомолке» собралась целая плеяда талантливейших журналистов.

— В этом кругу авторитет у того, кто лучше держит перо, — говорил мне Константин Александрович Щербаков, известный критик и первый

заместитель министра культуры России, который в те годы работал в «Комсомолке». — И он хороший редактор. Это же таинство, когда из хаоса гранок вдруг возникает газетная полоса. Он чувствовал эту газетную полосу.

«Комсомольская правда» под его руководством, оставаясь органом такой идеологически косной организации, как ЦК ВЛКСМ, одновременно ходила в коллективных диссидентах, отваживалась проводить собственную линию и распространяла в читателях дух вольнодумства.

— Когда в те годы с гордостью говорили: «Мы все из комсомола!», — вспоминал Панкин, — я поправлял: «Извините, я из «Комсомольской правды». Хотя должен сказать, что люди, с которыми работал в комсомоле и к которым относился пренебрежительно, в дальнейшем оказывались куда порядочнее некоторых моих соратников и воспитанников.

— Какими же качествами надо было обладать, чтобы делать острую газету и при этом ладить с ЦК комсомола?

— Я с ними не ладил, я с ними заседал. Иногда благодаря моему присутствию мнения раскалывались. А вообще-то за время работы я получил строгий выговор от ЦК КПСС и строгий выговор от ЦК ВЛКСМ. Бывало, что мои собственные статьи снимались из номера. Ничего, мы не пугались, а иногда и выходили победителями.

А как же Панкин обходил бдительное комсомольское начальство?

— Он умел разговаривать с этими людьми на их языке, хотя это ему давалось непросто, — говорил мне Константин Щербаков. — Умел он с ними. Совсем уж чужим в цековских коридорах он не был...

Какая у Панкина была сверхзадача в жизни? Что им двигало?

— Честолюбие, — ответил Щербаков. — Он хотел быть значимой фигурой и в политической, и в культурной жизни страны. Но для него важна не только должность, но и те возможности, которые она открывает. В то время мы все заблуждались, думая, что можем повлиять на общество. Хотя, может, и не заблуждались, может, «Комсомолка» того времени повороты в умах пусть маленькие, но производила. И для Бориса Дмитриевича это было важно.

Либерал по взглядам, Панкин был человеком с высоко поднятой головой, выпяченным вперед подбородком, жестким взглядом и уверенным голосом.

— Некоторая двойственность в нем была, — заметил Щербаков, — но, как минимум, в те годы начало истинного газетного интеллигента в нем преобладало. Он человек самоуверенный, жестковатый, эгоцентричный, но на него можно было положиться.

— Что вами двигало? — спрашивал я самого Панкина. — Став главным редактором «Комсомолки», вполне можно было наслаждаться жизнью, а не ходить по острию ножа.

— Мной двигало желание что-то сделать, потому что мы все видели, что структура гнилая. У меня всю жизнь две страсти: творить и руководить. И я постоянно высовывался. Как говорит мой любимый герой, «ввяжись в драку, а там видно будет». И я в эту драку постоянно ввязывался. А коллектив такой в «Комсомолке» был, что пойти против диссидентски настроенного коллектива страшнее, чем проехать по начальству. Когда прыгал с парашютом, надо было выйти на крыло — поджилки, ясное дело, трясутся. Но мне не так страшно было разбиться, как опозориться перед товарищами. Прыгнул. И все нормально. Это чувство со мной всю жизнь.

Панкин любил спорт, кончилось это тем, что однажды он упал с лошади и сломал позвоночник. Долго лежал в больнице, там сблизился с Константином Симоновым, о котором потом написал книгу.

Шведская модель

В 1973 году Панкин ушел из «Комсомолки», чтобы стать председателем Всесоюзного агентства по авторским правам. ВААП создавался как идеологический инструмент-контролировать произведения литературы и искусства, идущие на Запад, отсеивать то, что неприемлемо. Говорят, что один главный редактор так выразился по этому поводу: — Современного Белинского назначили Бенкендорфом. Посмотрим, что из этого выйдет.

Это был министерский пост, а он человек честолюбивый. Это была самостоятельная работа, а он человек властный, не любящий подчиняться, и эта должность предполагала широкое общение с деятелями культуры, что льстило либеральному литературному критику Борису Панкину. Как и в «Комсомолке», он умудрялся нравиться начальству и при этом многое сделать для писателей, драматургов, художников, которые получили возможность издаваться, ставиться и выставляться за границей и получать за это какие-то деньги. Прежде все гонорары доставались государству.

Либеральная линия Бориса Панкина вызывала раздражение его ортодоксальных коллег. Один из его заместителей Марат Васильевич Шишигин, бывший работник отдела пропаганды ЦК комсомола, написал на Старую площадь жалобу:

«По некоторым произведениям решения об уступке прав принимает лично т. Панкин, не всегда считаясь с мнением экспертов. Так, например, он дал распоряжение об уступке прав на издание «Кончины» Тендрякова одному из финских издательств вопреки заключению Управления по вопросам художественной литературы о нецелесообразности уступки по соображениям идеологического характера. Без обсуждения по приказу т. Панкина были рекомендованы для издания зарубежным издательствам неопубликованные в СССР рукописи В. Аксенова «Золотая наша железка» и братьев Стругацких «За миллиард лет до конца света».

Тов. Панкин, по существу, поощрял действия писателя Ю. Трифонова, который в нарушение установленного порядка самовольно, минуя ВААП, заключил соглашение с западно-германской фирмой «Бертельсман» на издание в ФРГ своей повести «Дом на набережной» и получил от нее незаконно аванс в сумме 1500 марок. Вместо того, чтобы заявить протест издательству, нарушившему генеральное соглашение с ВААП, и принять соответствующие меры к писателю Трифонову, признать его сделку

незаконной, т. Панкин именно в это время демонстративно принял Ю. Трифонова».

Марат Шишигин не нашел понимания в ЦК, его самого убрали из ВААП и устроили начальником главка в государственный комитет по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Панкина в ЦК ценили. Борис Дмитриевич умел ладить с начальством.

Он заботился об издании за границей трудов вождей партии и, в частности, министра иностранных дел Громыко. И в 1982 году получил назначение послом в Швецию. Панкин ехал в тихую мирную страну, а попал с бала на корабль. Накануне его приезда советская подводная лодка, потерпев аварию, всплыла у шведских берегов. Разразился скандал: шведы и без того подозревали, что советские подлодки постоянно заходят в их территориальные воды и занимаются шпионажем. В Москве отрицали эти обвинения. Возможно, даже и не ввали. Но все настолько привыкли, что советская дипломатия постоянно врет, что, даже когда говорили правду, никто не верил.

— Что же там произошло в реальности, — спросил я Панкина, — это была ошибка капитана подлодки или он выполнял шпионское задание?

— Потом уже, когда стал министром, выяснил — это была ошибка.

Панкин был из тех послов, которым омерзительна была привычная роль: постоянно давать отпор «антисоветским измышлениям». Из Москвы потоком шли указания: разьясните, опровергните, заявите протест, вручите ноту... Ему же хотелось, чтобы дома лучше узнали, что представляет собой так называемая шведская модель.

Шведская модель — это низкая безработица, отсутствие конфликтов между рабочими и предпринимателями, большой государственный сектор и высокие налоги. Шведы живут не только лучше нас, но и лучше других европейцев. Они добились редкого сочетания экономической эффективности и социальной справедливости. Почему шведская модель не похожа ни на одну другую?

Шведы склонны все обсуждать и договариваться. Шведы дисциплинированы, рациональны, им чужды крайности. Коммунистическую партию Швеции иронически именовали «пивным клубом», потому что ее руководители предпочитали проводить время в пивных, а не сражаться за приближение коммунизма. Владимир Ильич Ленин говорил, что если в Стокгольме разразится революция, то, победив, восставшие пригласят на обед министров свергнутого ими правительства и поблагодарят за проделанную работу.

Поскольку многие годы Швецией управляли социал-демократы, то

логично предположить, что государство вмешивается во все вопросы. На самом деле этого нет. Борис Панкин, который восемь лет был послом в Швеции, вспоминает, что его поразило: никто в правительстве — ни премьер-министр, ни министр промышленности — не торопится, вопреки нашим неперенным правилам, ни на завод, ни на судовой верфь, ни в село. Не спешат давать производителям ценные советы. Да и как бы изумились шведы, увидев своего премьера на заводе в окружении огромной свиты, толпы репортеров и охранников...

Правительство — это тринадцать небольших министерств, которые в основном заняты подготовкой законопроектов. В министерстве работает не более ста человек, включая секретарей и курьеров. Шведское правительство определяет налоговые ставки, курс валюты, выделяет субсидии. Правительство следит за соблюдением законов и безжалостно собирает налоги.

Уже не одно поколение шведов пользуются тем, чего нет ни в одной другой стране: прекрасной системой здравоохранения, социального обеспечения, образования. Шведы получают пенсии, которые составляют две трети их самого высокого оклада. Все семьи получают пособия на детей — до достижения ребенком шестнадцати лет, а если ребенок учится — то и до окончания учебного заведения. Тем, кто мало зарабатывает, приплачивают и предоставляют пособие на жилье. Всеобщая система медицинского страхования сделала медицинские услуги почти бесплатными. Чтобы все это иметь, шведы платят очень высокие налоги — общенациональные и местные. Высокие налоги избавляют страну от нищеты, но не позволяют разбогатеть.

Панкин неустанно пропагандировал шведский опыт, особенно когда началась перестройка. Но шведский опыт плохо приживается в России. Хотя между нами и шведами есть нечто общее. И они и мы хотели бы научиться у американцев зарабатывать, но сохраняя при этом систему социального обеспечения. И в Швеции, и в России люди привыкли получать помощь от государства и без колебаний голосуют за партии, которые обещают, что правительство позаботится о них.

Жертвоприношение в центре Праги

Эдуард Шеварднадзе перевел Панкина послом в Прагу. Новым президентом Чехословакии стал знаменитый диссидент и драматург Вацлав Гавел. Имелось в виду, что литературному критику Панкину будет проще найти с ним общий язык, чем карьерному дипломату. Эта мысль пришла Шеварднадзе в голову после того, как в феврале 1990 года Гавел приезжал в Москву.

Проводив Гавела, министр отправил шифровку Панкину в Стокгольм:

«В силу известных причин европейское направление вышло сейчас на передний план нашей внешней политики. Особенно бурно и неординарно развиваются события в странах Восточной Европы. Не буду скрывать, что нынешний уровень работы совпосольств в этих странах уже не удовлетворяет... Вот почему принято решение направить послами туда наиболее квалифицированных, опытных дипломатов, которые могли бы... помогать руководству страны вырабатывать и осуществлять политику на этом важном направлении. С учетом всех этих обстоятельств мы имеем в виду внести предложение о назначении вас послом в Чехословацкую Республику».

В Праге, как и в Стокгольме, Панкин тоже вел себя так, как считал нужным. Охотно встречался с людьми, давал интервью, смело разговаривал с журналистами, не потому что сам был журналистом, а потому что был уверен в себе и не боялся. Он там и остался чужаком для мидовской элиты. Ему постоянно выговаривали за отклонения от принятой практики.

— Я, как мог, отбивался от них, — не без удовольствия вспоминает Борис Дмитриевич. — Писал в Москву: я всех ваших «табу» не знаю, потому и нарушаю какие-то неписанные правила, но дело делаю, и если нарушение оказывается во благо — так чего вам еще надо?

Коллектив пражского посольства тоже злился на посла. Дело было не только в идеологических разногласиях. Многочисленное советское посольство просто не могло смириться с тем, что рухнул коммунистический режим и закончилась удобная и сытая жизнь. Эти люди чувствовали себя в чужой стране полными хозяевами. Один пьяный советский дипломат, когда его остановили пражские полицейские, кричал на них:

— Наши танки здесь, а вы меня задерживаете?

Когда Панкин уже стал послом, было принято решение о выводе советских войск из Чехословакии. Советские генералы просили не торопиться:

— Нам нужно время, чтобы подготовиться к их приему и размещению на советской территории.

Чехи резонно отвечали:

— Мы ваши проблемы понимаем. Но когда вы в одну ночь ввели сюда войска, разве вы думали о том, где вы их разместите? А теперь у вас полтора года впереди.

Панкин был сторонником скорейшего вывода советских войск, как и командующий группой войск генерал-полковник Эдуард Аркадьевич Воробьев, впоследствии депутат Государственной Думы.

— А вам было интересно перебраться из Стокгольма в Прагу? — спросил я Панкина.

— Еще бы! Прежде всего, у меня появилась возможность принести извинения за ввод советских войск.

— Похоже, ваши извинения не очень помогли. Все равно Чехия, как и другие восточноевропейские страны, смотрит на Россию с подозрением, с опаской, с тревогой.

— Если бы все было так легко — извинился, и будто ничего не было и все забыто. Так не бывает. Но мне кажется, что сожаление, идущее от души, не прошло незамеченным.

Утром 21 августа 1990 года советский посол пришел к тому месту, где сжег себя студент Карлова университета Ян Палах, и возложил цветы. Он был первым советским официальным представителем, который счел своим долгом сделать нечто подобное.

Студент Ян Палах покончил с собой в 1969 году в знак протеста против оккупации Чехословакии. 16 января двадцатилетний Палах купил белое пластмассовое ведро с крышкой и налил в него бензина на заправочной станции на той же улице, где обедал в студенческой столовой. На главном почтамте оставил несколько писем. Примерно в четыре часа дня с ведром, полным бензина, он подошел к национальному музею в самом центре Праги. Снял крышку с ведра, облил бензином голову и одежду и зажег спичку. Нестерпимая боль погнала его через мостовую к тротуару. Прохожие, замершие от ужаса, увидели, как движется пламенный шар. На углу Ян Палах упал. Первым опомнился регулировщик уличного движения. Он набросил на горящего юношу свою шинель и сбил пламя.

За годы, прошедшие после смерти Яна Палаха, чешские журналисты

подробно описали его короткую жизнь. Он был одинок, молчалив, вежлив и очень внимателен к окружающим. За год до смерти вместе со студенческим отрядом он побывал в Советском Союзе и сумел там добиться, чтобы бригада получала полноценное питание, и чтобы все издевательства со стороны лагерного начальства прекратились. Он сделал это один, не устраивая собраний и не требуя от товарищей поддержки. В своих последних письмах он пишет о некоей группе единомышленников, но никаких следов этой группы ни тогда, ни потом найти не удалось. Придумал ли он эту группу, чтобы придать своим требованиям более солидный характер?

Эти требования выглядят очень скромными. Главное из них — отменить цензуру и закрыть газету, которая приветствовала ввод в Чехословакию войск стран Варшавского Договора. Ян Палах не требует от оккупантов немедленно покинуть страну. Его протест направлен не против власти чужой державы, с которой он ничего не может поделать, а против инертности внутри собственной страны, против медленного привыкания к самому ужасному. Он верит во внутреннее сопротивление. Он убежден, что, если интеллигенция, студенты и рабочие объединятся, единая воля народа заставит оккупантов уйти.

У него обгорело восемьдесят пять процентов кожи. Но он жил еще четыре дня. Когда приходили мать и брат, старался улыбаться, хотя говорить для него уже было мукой. После его смерти медсестра уверяла, что последними словами Яна Палаха были:

— Никто не должен последовать моему примеру.

Слишком складная фраза, но она устраивала власть. На похоронах ректор университета и министр культуры заклинали студентов:

— Вы нужны стране живыми.

До последней минуты Ян Палах хотел знать, что изменил его поступок. Зашевелились ли люди, правительство?

— Этого слишком мало, — шептал он, когда медсестра читала ему газеты.

Он напрасно ждал каких-то известий. Руководители страны — Александр Дубчек, первый секретарь ЦК Компартии, и Олдржих Черник, глава правительства, выразили его матери соболезнования, но ничего не сделали. Они еще у власти, но уже сдались, и поступок Яна Палаха их только пугает. Они искренне верят, что единственное, что нужно стране, это порядок, спокойствие, нормализация. Вскоре они лишатся своих постов.

Цензура усиливается, коллаборационисты уже сидят в редакциях всех

газет. Советские войска со всеми удобствами устраиваются в стране, где много дешевого хрусталя, бочкового пива и свежей ветчины. «Нормализация» будет продолжаться двадцать лет...

Я хорошо помню январские дни 1969 года, когда на больничной койке умирал Ян Палах, и мир был в шоке. Мне двенадцать лет, я учусь в пятом классе, и после занятий мы ходим в Музей Вооруженных Сил. Вход бесплатный, и в музейном кинозале тоже бесплатно крутят документальный фильм о чехословацкой контрреволюции, которая с помощью американских империалистов и западногерманских реваншистов готовила вооруженный мятеж против социализма. Советские газеты ничего не писали о Палахе. Мы ничего не знали о Палахе. Другие знали, но отнеслись спокойно:

— Сумасшедший.

ЗИЛ у подъезда

Горбачев включил Панкина в состав Политического консультативного совета при президенте и сделал членом Совета обороны. Панкину нравились атрибуты власти — ЗИЛ у подъезда, постоянно сопровождавший министра охранник, секретарь, который встречает у дверей особого — для министра! — лифта. Ему нравилось, что в Кремле ему козыряют охранники, что все вокруг стали предупредительны и внимательны.

Он входил в МИД через специальный вход — для министра и его заместителей. И на столе утром лежало отпечатанное на машинке расписание рабочего дня, а в нем перечислены беседы с министрами, премьерами и президентами. Такой взлет действует на любую голову. Тут нетрудно впасть в эйфорию.

Когда Панкин был послом, то не очень уютно чувствовал себя в министерстве. Кадровые дипломаты не жалуют пришлых, а он был политическим назначенцем. Теперь он получил редкую возможность посмотреть на дипломатическую жизнь с другой стороны. Послу при всех преимуществах его положения и его значимости многое неведомо. Он не посвящен в секреты большой политики. Послы жалуются: пишешь, пишешь в Москву шифровки, а ответа нет... И вдруг недавний посол получает возможность узнать и увидеть, что же происходит с его шифровками.

Но работа министра — тяжкая. Надо провести десяток встреч в день и при этом сохранять остроту восприятия, быстро реагировать, уметь пошутить, не терять спокойствия, поскольку много раз на день надо оказаться перед журналистами и ответить на их вопросы.

Когда он утром садился в свой ЗИЛ, его ждала первая информационная сводка. Более полная уже лежала на рабочем столе. Рядом объемистые папки с расшифрованными телеграммами послов, сообщениями ТАСС, информацией разведки, докладными записками отделов и управлений министерства. В приемной ждут приема послы и старшие дипломаты. А на приставной тумбе телефоны в несколько рядов, и самый главный — аппарат прямой связи с президентом, который может позвонить в любую минуту. Министру помогает обширный аппарат, который фильтрует безбрежный поток информации, отбирает самое главное, помогает разобраться в том, что происходит. И все равно министр

должен ежедневно освоить и переварить огромный объем информации.

После августовского путча Горбачев пытался вернуть себе прежнее место в обществе, восстановить отношения с демократическими силами. Но было поздно. К нему относились с недоверием. Он пытался самоутвердиться в постоянных встречах с иностранными гостями. Поэтому он давал Панкину все новые поручения, переговаривался с ним несколько раз в день.

— Не трудно было вести переговоры с коллегами-зубрами, которые не один год занимали пост министра иностранных дел?

— Особых трудностей не ощущал, потому что очень сильно симпатизировали тогда Советскому Союзу, — говорил мне Борис Дмитриевич. — Ведь нам тогда не комплименты говорили, действительно возникло особое к нам отношение, причем искреннее. Потому и казалось, что наступила золотая пора в отношениях с Западом, вообще с внешним миром.

Панкин говорил американскому госсекретарю Бейкеру:

— Давайте договариваться по крупным вопросам. И надеюсь, мы придем к взаимному пониманию, но заранее хочу попросить вас — даже если окончательная договоренность окажется ближе к вашей первоначальной позиции, чем к прежней нашей, — преодолите соблазн подтвердить прессе, что мы пошли на уступки. Просто изменились наши представления о мире.

Панкин уже в роли министра подготовил принципиально новые договоры со странами Восточной Европы. В первоначальных проектах содержался параграф, ограничивавший их право вступать в союзы с третьими странами, направленные против другой стороны. Панкин настоял на том, что всем странам должно быть предоставлено право самим выбирать, с кем дружить и союзничать. Поэтому недруги Панкина и говорят, что он первый открыл Восточной Европе дорогу в НАТО.

— Тяга к НАТО появилась позднее, когда появился страх перед Россией, — считает Панкин. — Запретами ничего не решишь. Улоф Пальме говорил так: не может страна чувствовать себя в безопасности, если она сама не заботится о безопасности соседей.

Панкин на посту министра отличался решительностью и смелостью. Не бежал в Кремль советоваться по каждому поводу, а принимал решения сам. Что он ставит себе в заслугу, подводя итоги своего недолгого пребывания на министерском посту?

Провел международную встречу по правам человека в Москве — через несколько дней после путча. Многим это казалось неуместным, но

Панкин настоял и оказался прав. Восторжествовала формула: права человека, интересы личности выше принципа невмешательства во внутренние дела, которым советская власть часто прикрывала свои самые низменные цели.

Подписал с американцами соглашение о прекращении военной помощи противоборствующим сторонам в Афганистане. Это не спасло президента Наджибуллу, но спасло Россию от лишних трат. Панкин первым встретился с афганскими моджахедами, которые после появления талибов окажутся союзниками России.

Подготовил дипломатическое признание Литвы, Латвии и Эстонии, которые к тому времени были признаны уже полусотней стран. Дальше не признавать реальность и упираться было бессмысленно.

Добился принятия решения о восстановлении дипломатических отношений с Израилем. Панкин ударом молотка открыл Мадридскую международную конференцию по Ближнему Востоку. При этом он только-только вдохнул обжигающий политический климат ближневосточного урегулирования. После восстановления дипотношений с Израилем сирийский министр иностранных дел устроил Панкину выволочку. Панкин был возмущен тем, с какой бесцеремонностью ведут себя эти люди, словно не мы их, а они нас снабжают оружием, посылают нам советников и вообще всячески помогают.

Панкин на сессии Генеральной Ассамблеи ООН фактически по собственной инициативе негативно отозвался о печально знаменитой резолюции ООН от 1975 года, которая приравнивала сионизм к расизму. Некоторые члены советской делегации возражали, говорили: мусульманские страны нас не поймут. Панкин подумал и все-таки сказал:

— Необходимо раз и навсегда отказаться от наследия «ледникового периода» вроде одиозной резолюции, в которой сионизм приравнивается к расизму.

Вскоре Генеральная Ассамблея ООН проголосовала за отмену этой резолюции.

Панкин считал необходимым перестроить отношения с Кубой.

— Мне не нравилось, что мы должны кормить Кубу. Когда-то мы болели кубинской романтикой, а кончилось тем, что мы их просто кормили. С какой стати? Вывели нашу бригаду с Кубы. А что ей там делать? Советская бригада находилась на положении заложника. Расчет Фиделя Кастро был циничен и прост: пока на острове есть советская воинская часть, американцы никогда на него не нападут, боясь, что в бою погибнут советские солдаты. Охлаждение с Кубой или, точнее, попытка

перевести отношения на более реалистическую основу многих возмутила. Но это, видимо, от полного непонимания реальной ситуации.

Член политбюро Петр Шелест еще в начале семидесятых возмущенно записал в дневник:

«Куба нашей стране обходится очень дорого — около полутора миллионов рублей в день. Действительное же положение на Кубе далеко не такое, как его преподносят нам печать, радио, телевидение. Все это делается в целях пропаганды. Кубинская экономика находится в катастрофическом состоянии, политическая обстановка очень неустойчивая. Пока что мы, Советский Союз, сохраним Кубу на своем полном иждивении. Ежегодно отправляем на Кубу 900 тысяч, а то и миллион тонн хлеба — одна булка на семью в день. Завозим туда сливочное масло, мясо, картофель, рыбу, лук, растительное масло и другие продукты питания, чтобы прокормить свыше девяти миллионов кубинцев.

По нашим договорам мы обязаны Кубе дать товаров на 750–800 миллионов рублей в 1971 году. Куба нам поставляет товаров на 200 миллионов рублей, и то при условии поставки нам сахара по цене 120 рублей за тонну — это в два раза дороже среднемировой цены. Только на этом мы в год теряем 320 миллионов рублей. Куба только не оплаченных нам кредитов имеет на три с половиной миллиарда рублей, к 1975 году эта задолженность возрастет до шести-семи миллиардов рублей... Кубе мы потворствуем по многим вопросам, кубинцы ведут себя просто безответственно, а нам не достает мудрости, смелости, благоразумия и, в конце концов, гордости, чтобы остановиться, осмотреться, что же мы делаем?..»

Что Борис Панкин считает своими ошибками на посту министра?

— Я перебирал самокритично, что и как делал. Но нет-глупостей не наделал.

«Куда ты хочешь поехать?»

Панкин вынужден был бороться за сохранение своего ведомства, потому что Ельцин поставил вопрос о сокращении аппарата Министерства иностранных дел в десять раз, и Министерство финансов России вообще прекратило финансировать МИД. Понадобилось вмешательство Горбачева.

Ельцин примирительно сказал Панкину:

— Тут действительно наш министр финансов сработал под одну гребенку. Мне Михаил Сергеевич позвонил, и я министра поправил. Но все равно, пусть это рассматривается как сигнал...

Панкин предложил образовать Совет министров иностранных дел, в который вошли бы министры всех союзных республик, ввести в состав посольств представителей республик, а аппарат МИД сократить на треть — за счет «соседей», то есть сотрудников КГБ и ГРУ. На Госсовете Горбачев и Ельцин план Панкина поддержали.

В ноябре 1991 года МИД из соображений экономии соединили с министерством внешнеэкономических связей и назвали министерством внешних сношений. Единое министерство должно было координировать работу дипломатических служб союзных республик. Но вскоре министерская карьера Панкина закончилась. Горбачев все-таки уговорил Шеварднадзе вернуться на пост министра.

18 ноября часа в четыре дня Горбачев по прямой связи соединился с министром иностранных дел:

— Не заседаешь? Можешь подъехать?

Когда Борис Дмитриевич приехал в Кремль, Горбачев несколько неопределенно сказал:

— Ты знаешь, мы все-таки подумали, что надо, чтобы Шеварднадзе вернулся.

Обижать Панкина ему не хотелось, поэтому Михаил Сергеевич предложил ему пост советника по международным вопросам, иначе говоря — поработать Генри Киссинджером. Но помощник по международным вопросам у Горбачева уже был — Анатолий Сергеевич Черняев, по уши загруженный бумажной работой.

— Будем втроем вершить внешнюю политику — ты, я и Шеварднадзе...

Ни заменять Черняева, ни делить с ним эту совершенно непривлекательную для себя работу Панкин не собирался. Поэтому с ходу

отверг лестное предложение.

— Конечно, — легко согласился Горбачев, — можно и в послы... Это пожалуйста... Хочешь Вашингтон, хочешь Париж...

— Лондон, — сразу назвал Панкин.

Но Горбачев велел до утра подумать и тогда уже твердо решить — в советники или в послы. Утром Горбачев позвонил сам и попросил приехать. В кабинете президента уже сидел Шеварднадзе. Горбачев еще раз переспросил Панкина и, выслушав ответ, попросил немедленно соединить его с премьер-министром Великобритании Джоном Мейджором. Сразу не получилось, потому что премьер был в дороге. Минут сорок просидели втроем. Ситуация была неловкая.

Мейджор тут же попросил поздравить нового министра иностранных дел и приветствовал нового посла. Но объяснил:

— Я должен согласовать это с королевой. Я уверен, что у нее не будет никаких возражений, она будет счастлива видеть Бориса Панкина послом при своем дворе, тем не менее я должен с ней согласовать.

Горбачев объяснил, что он хотел бы сообщить о назначениях в девять вечера по-московски. Мейджор сказал, что он успеет. Через два тягостных часа королева дала согласие на приезд нового посла.

20 ноября в одиннадцать утра собрали коллегия министерства. Без десяти одиннадцать приходящий и уходящий министр встретились у служебного входа, которым пользовались только избранные. Полчаса они ждали Горбачева. За десять минут до начала коллегии Панкин ернически поинтересовался у Горбачева, дадут ли и ему слово.

— Борис Дмитриевич, — выпалил президент СССР, — не сыпь ты соль на раны!

На коллегии, где Горбачев вновь представлял Шеварднадзе, Панкин, прощаясь, сказал, что всю жизнь будет гордиться тем, что в трудную и опасную для страны минуту был призван на пост министра иностранных дел, и надеется, что оправдал доверие. Многие были удивлены, с какой легкостью Горбачев расстался с Панкиным, которым только что гордился, и вознес Шеварднадзе, еще недавно жестко критиковавшего президента в газетных интервью.

Карьерные дипломаты упрекают Панкина в том, что министр из него не получился, а мужественное поведение во время путча не гарантирует умелое управление всей дипломатией огромной страны. Но Борису Дмитриевичу Панкину суждено было пробыть на посту министра меньше всех своих предшественников — около трех месяцев, так что осуждать его несправедливо.

Недобрые соседи

Работа в Лондоне была приятной, потому что тогдашний премьер-министр Джон Мейджор искренне симпатизировал Борису Ельцину. Борис Панкин не очень долго пробыл в Великобритании. Через полтора года после назначения ему предложили переехать послом в Югославию. Шифротеле-грамма была составлена в самых комплиментарных выражениях: только вы с вашими способностями справитесь...

Панкин написал в ответ: «Благодарю за честь, но ситуация в Югославии такова, что от послов там мало что зависит». Буквально через две недели после такого ответа телеграмма из Москвы: «Президент предлагает вам выйти на пенсию».

Что же случилось за эти две недели?

В сентябре 1993 года на заседании Президентского совета Борис Ельцин вдруг заявил, что Панкина необходимо немедленно сместить, но не объяснил, за какие грехи.

— Кто-то подсунул ему бумажку, — рассказывал мне Панкин, — насчет того, что посол в Лондоне черт-те что творит, книжки пишет, постоянно высказывает свое мнение, а его дело — волю Центра исполнять.

Один из весьма уважаемых российской интеллигенцией людей оказался в роли не просто опального или ссыльного политика, но и как бы скомпрометировавшего себя чем-то недостойным. Причем отсутствие прямого обвинения исключало и возможность оправдаться.

Прошло несколько месяцев, Панкин продолжал исполнять свои обязанности. Поползли слухи о том, что президентский указ о его освобождении от должности отозван, что министр иностранных дел России Андрей Владимирович Козырев, будучи в тех местах, как бы извинился перед послом и предложил остаться в Лондоне. Но в Министерстве иностранных дел эти слухи категорически опровергли: посол Панкин попросил министра дать ему возможность доработать до начала 1994 года.

Но что же стало реальной причиной отставки?

Борис Панкин нанес тяжелый удар бывшему КГБ и главному разведывательному управлению, когда рассказал в 1991 году, какое колоссальное количество разведчиков укрылось под посольскими крышами. Став министром, он вообще намеревался лишить разведчиков дипломатического прикрытия. Поэтому у него были основания видеть в своей отставке месть спецслужб.

Резидентуры политической и военной разведок в каждом российском посольстве имеют собственные каналы шифросвязи с Москвой. Не только посол, но и министр иностранных дел не знает, что передают из Лондона оба резидента своему начальству, как оценивают деятельность посла. Не было ли решение президента Ельцина убрать Панкина импульсивной реакцией на представленный ему «компромат» на посла?

Проблемы со спецслужбами у Панкина возникли еще в то время, когда он поехал послом в Швецию. Такого количества сотрудников спецслужб под разными крышами он еще не видел и оказался к этому не готов. В ВААП секретным постановлением правительства девять должностей из четырехсот пятидесяти были переданы КГБ. А тут чуть ли не каждый второй или из КГБ, или из ГРУ.

— Самым сложным в посольской жизни, — рассказывал Панкин, — было ладить с этими людьми. Они свято верили в то, что все остальные дипломаты, посольство в целом существуют только для того, чтобы их прикрывать. Я однажды не выдержал и спросил резидента: «Вы что, думаете, посольство существует, чтобы служить вашей крышей?»

Он на меня посмотрел как на идиота: а ты что, по-другому думаешь?

Но может быть, когда Панкин стал министром и получил возможность знакомиться с разведывательной информацией, он оценил разведку по достоинству? Увидел, что ради такой информации ничего не жалко?

— Нет. — Панкин решительно качнул головой. — Отдельные интересные материалы они добывали. А часто просто переписывали свои донесения из посольской информации — я это видел, я же был послом в трех странах. Дегradировало там все.

Обычно послы не ссорятся с резидентами разведки. Но у Бориса Панкина всегда был бойцовский характер.

— И я начал с этим засильем спецслужб воевать. Особенно когда выяснил, что все они чьи-то родственники, друзья, приятели, которых пристраивают в хорошей стране.

Когда Панкин работал в посольстве, то удивлял резидентуру свободными встречами, интервью без подготовки, пешими прогулками по улицам. Разведчики сразу почувствовали в нем чуждый и опасный элемент. Панкин отвечал им взаимностью. Он называл вербовочную деятельность «работоторговлей»: «Людей вербовали, насилуя их дух, волю, шантажировали, подлавливая на чем-то, коверкали их жизнь, жизнь их семей и близких... Ну чем их деятельность отличается от преступлений мафиози или банальных воровских шаек?»

Однажды, приехав в Москву, Панкин пришел к будущему

председателю КГБ, а тогда начальнику разведки Владимиру Крючкову и сказал, что посольство в Швеции перегружено сотрудниками разведки. После этого военная разведка и КГБ превратились в его откровенных врагов.

— Они ведь хотели командовать послом, следили, куда я ездил, с кем разговариваю. Заставляли моего водителя обо всем сообщать. Они потеряли голову, потом это сами признали.

Вот тогда Борис Дмитриевич обнаружил, что не посол, а офицеры КГБ реальные хозяева посольства.

— Посол ничего не может. Закончился срок командировки — уезжай. А пока срок не кончился, посол тебя домой не отправит. А офицер безопасности любого может досрочно вернуть на родину. Вот их все и боялись.

Панкина не избрали членом парткома посольства в Стокгольме. Это называлось утратой доверия коллектива, за этим обыкновенно следовал отзыв посла. Но Панкина миновала чаша сия. Напротив, из Стокгольма его перевели в Прагу, чтобы на новой основе строить отношения с Восточной Европой. Здесь он опять вступил в конфликт с многочисленными «соседями». Они могли серьезно испортить ему жизнь. Но августовский путч вознес его на недостижимую для них высоту.

Когда Панкин стал министром иностранных дел, он своей властью решил сократить число сотрудников разведки, которые пользуются дипломатическим прикрытием.

— Когда пришел в МИД, — вспоминает Борис Дмитриевич, — тут я секретов не открываю — просто ужас, сколько их оказалось. Да еще был такой спрут, как управление кадров: изучали, кто у вас бабушка, кто дедушка. С какой стати это должно делаться в нормальном цивилизованном обществе?

Он расформировал главное управление кадров Министерства иностранных дел и убрал оттуда всех сотрудников КГБ. К министру Панкину приехал тогдашний начальник советской разведки Леонид Владимирович Шебаршин.

— Пришел буквально за два дня до собственного увольнения и сказал: вы правы, эти люди не разведчики, мы сами от них страдали, их надо убирать.

Он стал показывать министру какие-то бумаги:

— Видите, скольких мы уже сократили.

Панкин сказал Шебаршину:

— Я отдал приказ о том, чтобы все ваши люди из МИД ушли. Приказ

издан два дня назад, а они все на месте.

Шебаршин все понял. Через час к Панкину зашел его первый заместитель Петровский:

— Борис Дмитриевич! Всех как ветром сдуло!

Панкин обещал разработать документ об условиях работы сотрудников разведки в загранпредставительствах. Но с уходом Панкина все это закончилось. «Дипломаты» в штатском вернулись в Министерство иностранных дел. Уверяют, что нынче в центральном аппарате МИД, посольствах и консульствах разведчиков несколько не меньше, чем в советские времена...

* * *

Из Англии Панкин в Москву не вернулся. Выйдя на пенсию, он перебрался в Швецию, где ему так понравилось и где к нему относятся с большим уважением. Он занимался бизнесом, писал в шведских и российских газетах. Говорил, что доволен служебной карьерой, но не доволен творческой:

— Если бы второй своей страсти — руководить — отдавал бы меньше сил, то больше бы сумел написать.

Мне кажется, что в последние годы он наверстал упущенное, выпустив несколько заметных книг.

Андрей Владимирович Козырев Плюшевый медвежонок с железным сердцем

В октябре 1995 года президент Борис Ельцин на встрече с журналистами вдруг грубо сказал, что Андрея Козырева, первого министра иностранных дел независимой России, пора менять. К тому времени Козырев отметил свое пятилетие на посту министра. Причину министерского долголетия многие видели в полной преданности Козырева своему президенту.

Когда Ельцин решил отправить в отставку самого верного своего министра, который ради президента жертвовал своими политическими друзьями и репутацией, послушно менял политику и служил мишенью для всеобщей критики, многие были поражены. Но события развивались очень странно. Андрей Владимирович в отставку не подал. А президент, словно поправляя себя, сказал, что, может быть, достаточно назначить Козыреву сильного заместителя. Неужели передумал?

Стать министром — катастрофа

В те дни министр иностранных дел России словно доказывал, что есть жизнь после смерти. Услышав слова Ельцина, весь мир фактически простился с Козыревым как с министром, но он продолжал руководить российской дипломатией и пытался уверить всех (и, возможно, себя), что ничего особенного и не произошло.

Я побывал у него на Смоленской площади в последних числах ноября 1995 года и после почти двухчасовой беседы мог подтвердить, что официальный Козырев так же спокоен и уверен в себе, как и прежде. Он надеялся вновь стать депутатом Думы (шла избирательная кампания) и побороться за любовь и внимание президента. Андрей Владимирович, как обычно, говорил полупшепотом, иронически улыбался, смотрел прямо в глаза и находил дипломатичный ответ на любой вопрос.

Я пришел с вопросом, который не задать было нельзя:

— После того как президент Ельцин в унижительной форме заявил, что освободит вас от должности министра, почему вы сами сразу же не ушли в отставку?

— На следующее утро мы должны были вместе лететь в Соединенные Штаты. В аэропорту я сказал Борису Николаевичу: наверное, мне нет смысла ехать и целесообразно уйти в отставку.

Но Ельцин не хотел начинать визит в Соединенные Штаты со скандала и лететь без министра иностранных дел. Президент возмущенно развел руками:

— Да меня просто не так поняли. Я сейчас сам все журналистам растолкую.

Президент вышел к журналистам, собравшимся в пустом зале правительственного аэропорта Внуково-2, и сказал, что вовсе не собирается увольнять Козырева. Ему просто нужен сильный заместитель, чтобы вести дела в министерстве... И, подозвав Козырева, Ельцин пошел к самолету. Андрей Владимирович развел руками, улыбнулся журналистам и пошел вслед за президентом.

— Разве не лучше ли было вам уйти самому? — снова спросил я Козырева.

Он чуть заметно качнул головой:

— Я считал, что подать в отставку накануне визита президента — значит ослабить позиции государства на переговорах. Это все равно что

военным выяснять отношения во время похода в разведку.

— Вы приравниваете визит в Соединенные Штаты к боевым действиям?

— Я очень привержен партнерству и сотрудничеству, но я и партнерство рассматриваю как форму отстаивания национально-государственных интересов. В поездке мы с президентом общались тесно и вполне дружески, но объясниться я решил по возвращении. Борис Николаевич заболел, и разговор наш состоялся уже в Центральной клинической больнице. Результатом было заявление президента о том, что он поддерживает министра иностранных дел.

— То есть вы пришли к выводу, что слова президента были оговоркой, а не твердым решением вас снять?

— Я должен спокойно разобраться, что стояло за теми словами, и что потом стояло за выражением поддержки мне. Это требует времени.

Козырева молва уже столько раз отправляла в отставку, что он, вероятно, и на сей раз не поверил в серьезность намерений президента. Андрей Владимирович говорил, что, конечно, рано или поздно ему придется покинуть свой мрачноватый кабинет, обставленный мебелью, оставшейся со времен Вышинского. Но ему, понятное дело, хотелось, чтобы это произошло как можно позже. Вероятно, он находил для себя массу доводов в пользу решения задержаться на посту министра. Еще неизвестно, кого посадят на его место, а пока он министр, он все же способен влиять на политику в разумном направлении и уберечь страну от очевидных глупостей...

— Наверное, вам трудно иметь дело с иностранными партнерами? Они не знают, как долго вы пробудете на этом посту.

— Представление о том, что мы ослаблены сейчас на внешнем фронте, неверно. Партнеры все поняли правильно.

Не одному Козыреву хотелось понять, почему Борис Ельцин вдруг заявил, что отправит своего министра в отставку. Может быть, это всего лишь проявление безграничной экстравагантности, свойственной первому президенту России? Но при всей своей экстравагантности президент твердо знал: за Козырева никто не вступится, поддержки у него нет. Козырев в том правительстве был последним демократом первого призыва, да еще к тому же просвещенным и образованным западником, либералом, интеллигентом. Козырев говорил мне:

— Западные демократии — естественные партнеры и союзники России. Я никогда не отказывался от этой идеи и умру с ней.

При этом Козырев умудрился за последние два-три года рассориться и

с теми, кто ему всегда сочувствовал.

— После того как вы вышли из «Выбора России», разойдясь с недавними товарищами в отношении к чеченской войне, вы ведь остались в совершеннейшем одиночестве как политик. Вас это не пугает?

— Не пугает и не смущает. Я остался в одиночестве среди группировок московской политической жизни. Но ведь это верхушечные группы, не имеющие прочной базы в стране. То, что за меня не проголосуют какие-то группировки, меня мало беспокоит. Важнее — как проголосуют избиратели в моем округе.

Козырев прочитал мне маленькую лекцию о том, что политика не может быть застывшей, догматической, что она должна учитывать реальность, реагировать на нее. И добавил:

— А мои политические взгляды, по существу, не претерпели изменений.

И ведь действительно: взгляды Козырева не изменились. Он только год от года «корректировал», как он выражается, свою политическую линию и свой словарный запас. И «государственником» называл себя чаще, чем «демократом». Старых друзей его новая лексика оттолкнула, новыми друзьями он, похоже, не обзавелся. Козырева считали ренегатом, которому кресло дороже всего остального. Почему не ушел, как ушел, скажем, Егор Тимурович Гайдар? Уважали бы за принципиальность. Ответ есть: остался, потому что не хотел бросать то, что начал делать. Анатолий Борисович Чубайс тоже остался. Своего рода теория малых дел. И не знаешь: то ли порицать за беспринципность, то ли превозносить за последовательность.

Андрей Козырев в молодые годы достиг абсолютной вершины в своей профессии. Что же ему делать, когда он перестанет быть министром? Я спросил и об этом.

— Это большая проблема. Когда в политику приходит строитель, инженер или математик, он всегда может вернуться к своему делу. Мое дело — дипломатия, но вернуться к ней я не смогу. Так что для профессионального дипломата стать министром иностранных дел — это не вершина карьеры, а катастрофа.

Когда интервью закончилось и я выключил магнитофон, Андрей Козырев словно расслабился и на мгновение перестал быть министром. Он показался мне симпатичнее и человечнее. Я с сочувствием увидел, что никакой он не небожитель, защищенный от наших бед и страхов высоким постом, кремлевской охраной и иронической невозмутимостью.

Я рассказал министру, что, готовя очередную телепередачу, просматривал старую видеохронику. Когда он только вошел в

правительство, начинающий министр выглядел добродушным и оптимистичным, хотя видно было, что он с характером, посему в одной из статей я назвал его «плюшевым медвежонком с железным сердцем». Прошло не так много лет, но медвежонка министр больше не напоминает.

— Укатали сивку крутые горки, — грустно сказал министр. — Кто же мог знать, что все так повернется?

Скорее всего, он имел в виду не только свою судьбу.

17 декабря 1995 года на выборах в Государственную Думу Козырев победил в Мурманске и получил депутатский мандат. По закону депутат не может быть министром. Он должен был отказаться от мандата, если бы сохранил свой пост. Козырев ждал до крайнего срока: не намекнет ли президент, что ему следует остаться в правительстве? Не дождавшись, написал заявление об уходе в Государственную Думу.

Смена президентов, глав правительств, министров-дело неизбежное. В демократическом обществе даже самые хорошие министры через определенный срок уходят в отставку. Пусть другие попробуют себя на этом поприще. В принципе отставка — дело нормальное. Но мы выросли в таком обществе, где отставка означала политическую смерть, забвение, позор и полунущету. Поэтому у нас любой государственный чиновник всегда боялся отставки как огня. Поэтому Громыко был министром иностранных дел почти тридцать лет.

Времена изменились. Понимаю, как Козыреву трудно было расстаться с любимым делом, но он должен был знать, что рано или поздно это произойдет. Хотя, вероятно, утешал себя тем, что с таким лояльным человеком президент не расстанется. Но Борис Ельцин, как, вероятно, любой политик, легко расставался со всеми, кто ему больше не нужен. Жаль только, что события последнего времени как бы перечеркнули сделанное Козыревым. Много лет он был лицом новой России, и это было хорошее лицо с располагающей улыбкой.

Служба в «отстойнике»

Андрей Владимирович Козырев родился 27 марта 1951 года в Брюсселе. Его отец работал в советском торговом представительстве в Бельгии. Козырев-младший окончил Институт международных отношений и был взят на работу в МИД. Он женился на дочери кадрового дипломата, который со временем стал заместителем министра. Этот брак оказался недолговечным. Но если Козырев и нуждался в протекции и поддержке, то лишь на очень раннем этапе. Пока начальство его не оценило.

Он оказался в отделе международных организаций МИД, который занимался Организацией Объединенных Наций, разоружением, разного рода международными конференциями. Работа в отделе сформировала у него представление о необходимости тесного сотрудничества с американскими, западными партнерами в решении глобальных проблем. Ему сильно повезло с начальником. Громыко поручил руководить отделом Владимиру Федоровичу Петровскому, одному из самых интеллигентных людей в министерстве, с удовольствием продвигавшему молодежь. Шеварднадзе сделал Петровского своим заместителем.

Я познакомился с Козыревым летом 1989 года. Заместитель министра иностранных дел Петровский давал в особняке МИД обед в честь заместителя Генерального секретаря ООН Ясуси Акаси, с которым я хотел поговорить. Обед в мидовском особняке — рутинное светско-дипломатическое мероприятие, на которое приглашаются несколько сотрудников МИД и «представители общественности». Петровский со свойственной ему любезностью познакомил меня с присутствующими: это были руководители отдела (потом управления) международных организаций. Козырев из присутствовавших был самым молодым по возрасту и младшим по должности, но именно его Петровский выделил особо, дав понять, что у этого человека большое будущее.

Держался Козырев свободно и уверенно, говорил очень тихим голосом, убежденный, что его услышат. Шеварднадзе поддержал молодого дипломата. Андрей Владимирович вскоре возглавил отдел, в котором работал. С этой должности он стал российским министром, хотя в тот момент это не казалось таким уж повышением.

Летом 1990 года началось формирование первого ельцинского правительства. В структуре правительства РСФСР значилось и Министерство иностранных дел, не имевшее ни веса, ни влияния. Если

подбором остальных министров занимался сам глава правительства Иван Степанович Силаев, то подыскать подходящую кандидатуру на пост главного дипломата попросили Владимира Петровича Лукина, который возглавлял комитет Верховного Совета РСФСР по международным делам.

Козырев подозревал, что Лукин искал профессионала, который не будет самостоятельной политической фигурой и которого можно будет в нужный момент потеснить. Сам Лукин опровергает эти предположения. Впрочем, были и другие кандидатуры. Скажем, Анатолий Леонидович Адамишин, которого с поста заместителя Шеварднадзе с удовольствием уехал послом в Италию. Его вызвали из Рима на беседу к Ельцину. Он просидел несколько дней в Москве. Но Ельцин предпочел Козырева.

11 октября 1990 года Верховный Совет РСФСР легко утвердил неизвестного депутатам Андрея Козырева министром иностранных дел республики. Потом многие депутаты будут кусать себе локти: ведь могли запросто проголосовать против.

Министру было всего тридцать девять лет. Его назначение прошло почти незамеченным. Сам Андрей Владимирович вспоминает, что он отметил назначение вдвоем с приятелем в ресторане. Наутро он вызвал машину из гаража Совета министров РСФСР и поехал на новое место работы.

Он сменил прежнего министра — Владимира Михайловича Виноградова, с которым я, работая в журнале «Новое время», вступил в полемику. Виноградов откликнулся на мою статью о тупике, в котором оказались отношения с Японией из-за территориальной проблемы. Я писал, что, если не найти способ решить эту проблему, прогресс в отношениях двух стран невозможен, потому что японцы считают, что в 1945 году Сталин оккупировал часть их территории. Хрущев в 1956 году обещал это исправить, но острова так и остались советскими.

Министр Виноградов отстаивал прежнюю позицию Громыко: «островной вопрос» не важен, потому что японцы его просто придумали, а нужно всего лишь «всемерно расширять» контакты, тогда все уладится само собой.

Я разобрал неубедительные доводы Виноградова по пунктам и довольно резко добавил: «Как раз сейчас формируется будущий российский кабинет. Министр иностранных дел России становится реальной фигурой. Хотелось бы видеть на этом посту не прекраснодушного поклонника прежних мистических формул «всемерно улучшить и расширить», а политика новой формации. Такого уровня, как те, кто помогает Эдуарду Шеварднадзе успешно продвигаться вперед на

приоритетных направлениях советской внешней политики, в число которых отношения с Японией, увы, пока не входят».

В те дни, наверное, я один так высоко оценивал значение этого министерского поста. Сам Козырев еще не знал, какое будущее его ждет...

Министерство иностранных дел РСФСР располагалось в небольшом особняке на проспекте Мира. Аппарат министерства был маленьким, всего на десять человек больше штата управления международных организаций, которым в союзном министерстве руководил Козырев. Республиканский МИД воспринимался как «отстойник» для дипломатов, карьера которых не задалась. Министерство занималось выдачей виз и приемом второстепенных иностранных делегаций. В какой-то момент Козырев даже пожалел, что польстился на красиво звучащую должность. В союзном министерстве его ждала неплохая карьера — со временем он либо пробился бы в заместители министра, либо уехал послом в хорошую страну. А в этом «отстойнике» он мог и пропасть.

Новое российское руководство внешней политикой не интересовалось, полно было иных забот и проблем. Председатель Верховного Совета России Борис Ельцин, возможно, только подписав указ о назначении Козырева, узнал, что у него есть собственное Министерство иностранных дел. Козырев не мог даже дозвониться до главы российского правительства Ивана Степановича Силаева. Линия прямой связи ему не полагалась, а трубку «второй вертушки» (аппарат правительственной городской автоматической телефонной станции АТС-2) снимал секретарь в приемной. Он любезно отвечал, что председатель Совета министров чудовищно занят и обещал доложить о звонке.

Но Козырев проявил характер и инициативу. Он сумел стать полезным и нужным Ельцину, когда взял на себя подготовку его зарубежных визитов, которые до того организовывались дилетантски. Кроме того, он боролся против существовавшей тогда на Западе «горбимании» — уверенности в том, что в Москве можно разговаривать только с Горбачевым. Козырев доказывал, что Западу уже пора иметь дело с Ельциным.

В апреле 1991 года Ельцин побывал в Страсбурге на сессии Европейского парламента. Поездка была плохо подготовлена, и встретили его там плохо. Козырев вспоминает: «Когда ко мне пришел советник-посланник французского посольства в Москве и познакомил с деталями визита, а главное, рассказал о том, кто с французской стороны организует этот вояж — а это были явно второстепенные предприниматели и политики, — у меня просто волосы встали дыбом».

Козырев написал довольно эмоциональное письмо Ельцину, выражая недоумение в связи с тем, что зарубежный визит готовится в обход МИД и совершенно непрофессионально. Министр предлагал визит отложить, поскольку не надо быть пророком, чтобы предсказать целый ряд серьезных организационных и политических неприятностей. Ельцин поехал. Мрачные пророчества подтвердились. В Европейском парламенте в Страсбурге Ельцина встретили плохо, называли «демагогом» и обвиняли его в том, что он только мешает Горбачеву.

До этой поездки общение министра иностранных дел с Ельциным проходило в письменном виде. После неудачной поездки Борис Николаевич его принял и сказал:

— Готовьте следующий визит сами, так, как считаете нужным.

Козырев полагал, что Ельцину нужна полновесная поездка в Соединенные Штаты, чтобы установить контакты на высшем уровне. Но Ельцин готовился к выборам президента России. Его окружение считало, что надо сосредоточиться на предвыборной кампании. Борис Николаевич сам сомневался: стоит ли этим заниматься, а вдруг не выберут? Он спросил Козырева:

— Послушайте, насколько этично, что вы занимаетесь подготовкой моего визита до того, как состоятся всенародные выборы? А что будет, если я их проиграю?

Козырев твердо ответил:

— Я в вашей победе не сомневаюсь.

После избрания президентом России Ельцин поехал в Соединенные Штаты. Это была его первая по-настоящему успешная поездка. Его принял американский президент Джордж Буш и разговаривал с ним весьма уважительно.

После августовского путча 1991 года в Москве установилось двоевластие. Российскому руководству не нравилось, что союзные органы по-прежнему пытаются управлять страной, а МИД СССР по главе с Борисом Панкиным выступает от имени всех республик. Козырев предложил передать основную работу Министерству иностранных дел России, укрепить внешнеполитические ведомства остальных республик, а за союзным МИД оставить координационные функции. На Смоленской площади это вызвало скандал.

Тогда Козырев, чтобы показать свое бескорыстие, неосторожно сказал руководителям союзного МИД, что он за свое место не держится и его может занять сам Панкин, лишь бы дело было сделано. Ельцину же донесли, что Козырев не дорожит своей работой, хочет покинуть пост

министра, предлагает его разным людям, а сам мечтает получить должность за границей. В те времена подобное поведение считалось предательством и дезертирством. Это был для Козырева болезненный урок аппаратной жизни. Но министр, на свое счастье, уже успел понравиться президенту.

«Ничего, вы оставайтесь»

1 декабря 1991 года на Украине состоялся референдум. Девяносто процентов опрошенных высказались за независимость Украины. Российское правительство заявило, что признает независимость Украины. Президентом Украины избрали Леонида Макаровича Кравчука, второго секретаря ЦК республиканской компартии, которому надоело подчиняться Москве. Ему хотелось быть главой независимого государства.

2 декабря вечером, писал Анатолий Черняев, Горбачев разговаривал по телефону с Ельциным:

«Тот куда-то ехал. Был уже пьян. Михаил Сергеевич уговаривал его встретиться вдвоем, втроем — плюс Кравчук, вчетвером — плюс Назарбаев. Тот пьяно не соглашался:

— Все равно ничего не выйдет. Украина независимая.

— А ты, Россия? — возражал Михаил Сергеевич.

— Я что! Я — Россия. Обойдемся. Ничего не выйдет с Союзом... Вот если вернуться к идее четверного союза: Россия плюс Украина, плюс Белоруссия, плюс Казахстан?

— А мне где там место? Если так, я уйду. Не буду болтаться, как говно в проруби. Я — не за себя волнуюсь. Ты пойми: без Союза вы провалитесь и погубите все реформы.

— Да как же без вас, Михаил Сергеевич! — пьяно «уговаривал» Ельцин.

— Ну а что же я, где... если нет Союза?

— Ничего... вы оставайтесь, — милостиво соглашался Ельцин...»

Ельцин предупредил Горбачева, что едет в Минск разговаривать с председателем Верховного Совета Белоруссии Станиславом Станиславовичем Шушкевичем и что неплохо бы заодно поговорить с Кравчуком, узнать, что он думает о будущем Советского Союза. Перед отъездом Ельцин сказал журналистам, что «надо будет все сделать, чтобы убедить украинцев присоединиться к Союзному договору». Правда, он сделал оговорку, которая в тот день не привлекла особого внимания:

— Если этого не получится, надо будет подумать о других вариантах.

Козырева Ельцин взял с собой в Беловежскую пущу.

Я спрашивал Андрея Владимировича:

— То, что произошло в Беловежской пуще, это была импровизация или хорошо продуманная заготовка?

— К тому моменту было абсолютно ясно, что Советский Союз не сохранится как единое государство. В сентябре были все возможности его сохранить. В октябре еще оставалась возможность сохранить единое государство. Но за три-четыре месяца эта возможность была утеряна. Не думаю, что кто-то имел в портфеле готовый вариант, который потом и реализовался. У каждого из нас было несколько вариантов. Было много кубиков, которые потом складывали. Но еще утром этого дня никто не знал, что сложится именно так, закончится именно так. Для меня вопрос был один: не станет ли это повторением югославского варианта? Ведь рядом с нами распалось такое же федеративное государство, но оно распалось в крови. Это была главная задача — избежать повторения трагических событий. Меня, например, югославский сценарий просто по ночам преследовал. Мы стояли на краю той же пропасти...

Белоруссия, вспоминает Козырев, больше других должна была хотеть сохранения Союза. Но и здесь были очевидны настроения в пользу независимости и полного суверенитета. Из Минска российскую делегацию повезли в Беловежскую пуцу. Ельцин оказался там вечером. Кравчук приехал раньше и отправился на охоту. Он старался держаться в стороне.

Ночные бодрствования в пуще

Когда три лидера встретились, они еще не знали, чем закончится встреча. Но все оказалось просто. Когда они начали разговор, Кравчук сказал, что Украина союзный договор не подпишет. А вот если бы он подписал, подписал бы и Ельцин.

«Кравчук приехал весь напряженный, — вспоминает Андрей Козырев. — Он ожидал, что Ельцин будет угрожать, выдвинет какой-то силовой ультиматум с требованием подчиниться Москве. В таком случае сама идея трехсторонних переговоров потерпела бы крах и дело кончилось бы разрывом между Москвой и Киевом... За этим маячили хаотический распад Союза, рост взаимного недоверия, а может быть, даже и ненависти. Мы приехали с вариантом сообщества или союза демократических республик... Украинцы долго не раскрывали своих намерений, так же, впрочем, как и белорусы».

Российская делегация появилась в Беловежской пуще во второй половине дня. Сразу сели ужинать. Ельцин и Государственный секретарь РСФСР Геннадий Эдуардович Бурбулис завели разговор о том, что, как бы ни развивались дальше события, три славянские республики должны держаться вместе...

Украинские делегаты в кулуарах подошли к Гайдару, Шахраю и Козыреву: ребята, с чем вы приехали? Если собираетесь давить в пользу Союза, то Кравчук уедет, потому что Верховный Совет Украины требует независимости. Разумнее идти по пути объединения независимых государств, но без подчинения единому центру.

Ельцин предложил поручить экспертам за ночь разработать идею такого союза братских стран. Заместитель главы правительства Егор Гайдар, министр иностранных дел Андрей Козырев и Сергей Михайлович Шахрай, которого Ельцин сделал государственным советником РСФСР по правовой политике, уединились в отведенном для российской делегации особняке и начали думать над основными элементами возможного проекта соглашения. Той ночью им предстояло ответить на главный вопрос: как три союзные республики могут заключить договор без участия других республик?

Выход нашел Сергей Шахрай.

«Именно ему, — вспоминает Козырев, — принадлежит следующий аргумент: СССР создавался в 1918–1921 годах четыремя независимыми

государствами — РСФСР, Украиной, Белоруссией и Закавказской Федерацией. Поскольку ЗСФСР перестала существовать, остались три субъекта, некогда образовавшие Союз, причем их право на самоопределение неизменно сохранялось и в вариантах союзных договоров, и в Конституции СССР. Таким образом, с чисто юридической точки зрения в Беловежской пуще собрались полноправные руководители трех полноправных же субъектов объединения, называвшегося СССР. Поэтому они были вправе принять решение о расторжении связывавших их до сих пор уз».

Для Гайдара и Козырева идеи Шахрая были неожиданными, но они находку оценили. К российской делегации присоединились белорусы. Украинцы, пока кипела работа, прогуливались на свежем воздухе. Они сели за стол, когда работа уже шла к концу.

Утром проект документа представили президентам и премьерам. Президентам понравилась формула «Содружество Независимых Государств». Им очень дорого было слово «независимые», хотя в таком документе оно бессмысленно.

8 декабря Ельцин, Кравчук и Шушкевич подписали Минское (Беловежское) соглашение об образовании СНГ, в котором говорилось, что «Советский Союз прекращает свое существование». Горбачев остался без государства.

— Как выглядел Борис Николаевич после подписания документов в Беловежской пуще?

— После подписания были речи. Было, как положено, шампанское, — рассказывал Андрей Козырев. — Говорили, что сохранить Союз не удалось, но главное, что мы остались вместе. Рассказывают нелепую историю, будто американскому президенту Бушу звонили советоваться, можно это делать или нельзя. В реальности его потом поставили в известность о том, что произошло. Бушу обязательно нужно было позвонить. Я как профессионал и тогда это советовал, и сейчас считаю, что это было правильно. Хотя бы в силу ядерного параметра наших отношений мы обязаны друг друга информировать о подобных ситуациях. Это проявление ответственности в политике — объяснить логику происходящего, успокоить, что ядерная кнопка под контролем.

— Горбачев обиделся, что не ему позвонили первому.

— Напрасно он обиделся. С ним попытались связаться первым, но не получилось. Это абсолютно точно.

Между войной и миром

На следующий день после распада Советского Союза Андрей Козырев проснулся министром иностранных дел великой державы, у которой еще не было внешней политики. И никто твердо не знал, какой она должна быть. Сам для себя задачу он сформулировал так: в сжатые сроки создать благоприятную внешнеполитическую среду для реформ в стране. Ему подыскали цитату из Петра Аркадьевича Столыпина, которая ему понравилась: «Будут здоровые и крепкие корни у государства, поверьте, и слова русского правительства совсем иначе зазвучат перед Европой и перед целым миром».

Еще все было неясно: как строить отношения с Западом: ссориться или дружить? Как вести дела с Украиной: признавать Крым частью Украины или не признавать?

— Мы все были в мыле в первые месяцы, — вспоминает Козырев. — Я помню, что в те дни был какой-то сумасшедший дом. Все бегали с бумагами и пытались решить неотложные вопросы. Едва здоровались друг с другом. Я прибежал к Ельцину и говорил: то-то и то-то происходит, срочно нужно ваше решение. А у меня была своя головоломка — как выстроить отношения с бывшими советскими республиками. Никто о них ничего не знал. Ничего, кроме советской статистики. Не было ни одного специалиста, которого можно было пригласить и спросить: что такое современный Узбекистан? А тут уже в Таджикистане начиналась гражданская война...

Еще я был занят тем, как нам сохранить место в Совете Безопасности ООН. Я твердо знал, что это необходимо. Это особые привилегии, особая ответственность. Но как доказать, что именно Россия имеет право на это кресло, а не все пятнадцать республик? Была теория, что надо это поделить между всеми республиками. А это не делится. Не могут пятнадцать человек сидеть в одном кресле. Принятие этой теории привело бы к потере места в Совете Безопасности. И я был убежден, что нам выйти из своих проблем можно только в союзе с теми странами, которые уже обрели то, что мы хотим для себя, — демократию, свободу и богатство. Логично именно с этими странами тесно сотрудничать.

Андрей Козырев отстаивал принцип равноправных отношений с четырнадцатью государствами, которые раньше входили в состав Советского Союза. Он повторял: стоит только заговорить с ними на языке

силы, проявить высокомерие, и четырнадцать соседей мигом превратятся в четырнадцать врагов. По мнению Козырева, нужен был переворот во внешнеполитическом мышлении, которое столетиями строилось на формуле: что хорошо для государства, то хорошо и для его граждан. На самом деле все должно быть наоборот.

Генерал Коржаков как связной

Андрей Козырев стал первым за многие десятилетия министром иностранных дел России, который самостоятельно определял внешнюю политику страны. Горбачев этого своим министрам не разрешал. Ельцин в первые годы международными делами занимался мало и дал Козыреву карт-бланш.

Весь мир с интересом присматривался к новой фигуре. Министр говорил тихо, не повышал голоса, всегда сохранял спокойствие. Вскоре выяснилось, что молодой человек с манерами круглого отличника, карьерный дипломат, избегающий конфликтов и склонный к компромиссам, на самом деле обладает твердым характером, может и умеет быть жестким.

Он летал в районы боевых действий — в Боснию, Нагорный Карабах, Афганистан, демонстрируя личную смелость. Он был лишен и кабинетной трусости, свойственной аппаратным чиновникам, не решавшимся в нужный момент сказать «нет». Он не говорил «нет» только одному человеку — президенту Борису Ельцину.

Поначалу президент прислал Козыреву «комиссара» — Федора Вадимовича Шелова-Коведяева, который в Верховном Совете РСФСР возглавлял Комитет по межреспубликанским отношениям. Он стал первым замом и занимался отношениями с бывшими советскими республиками. Но вскоре Ельцин убедился, что может доверять своему министру.

Именно тогда между ними установились тесные рабочие отношения.

— Я человек первого впечатления, — говорил мне Козырев, — и оно меня не обмануло. Во время нашей первой подробной беседы с Ельциным я увидел человека, который борется сам с собой, иногда более успешно, иногда менее успешно. Я увидел человека старой эпохи, пытающегося ворваться в новую жизнь и взять нас всех с собой. Он очень четко понимал: надо идти вперед, идти по пути реформ. Я понял, что этому человеку придется многое объяснять, причем понятным ему языком. Но мои усилия что-то объяснить зависели от его состояния. Когда он был на подъеме реформаторских настроений, то понимал с полуслова. На обратном движении маятника все было значительно сложнее.

— Каковы же были его взгляды, его представления о мире?

— Он человек с определенными привычками, с определенными стереотипами партийного функционера, мало информированного,

находящегося под властью схем. Человек, который всю жизнь проработал в партийно-хозяйственном аппарате. Но он с этим боролся. Из первого же разговора я вынес убеждение, что попытка слишком глубоко и детально объяснить ему какие-то вещи неуместна. Ему трудно во все это вникнуть в таком возрасте и при таком жизненном опыте. Кстати, для президента это нормально. Деталими должен заниматься кто-то другой.

Ельцин очень доверял своему министру. Козыреву одному из первых в критические дни 1993 года под большим секретом Борис Николаевич поведал, что собирается распустить Верховный Совет. Ельцин знал, что Козырев всегда его поддержит. Возможно, Козырев был самым лояльным из ельцинских министров. Он безоговорочно отстаивал даже те решения президента, которые ему явно не нравились. Андрей Владимирович многое делал на свой страх и риск. Иногда потому, что решение необходимо было принять мгновенно, а связаться с президентом не удавалось.

— У меня на столе было чуть ли не сорок телефонов, из которых я пользовался двумя или тремя, — рассказывал мне Козырев. — Один из них — это спецкоммутатор, очень нужная штука: достаточно назвать имя человека, с которым хочешь поговорить, и тебя соединят, найдут нужного человека из-под земли. Это очень удобно, и после отставки первое время я все не мог привыкнуть, что надо самому набирать номер, помнить его. Страшно развращает...

Если Ельцин находился у себя в кабинете, то было совсем просто — у министра прямой телефон. Если он не в Кремле, то операторы спецкоммутатора его сразу отыщут, где бы он ни был — в машине или в самолете — по закрытой космической связи. Аппараты спецкоммутатора положены примерно трем десяткам высших чиновников страны.

— А если он не хотел с вами говорить, что вам девушка на коммутаторе отвечала?

— Девушка говорила, что не может связаться.

— И вы понимали, что он не желает сейчас с вами разговаривать?

— Я в таких случаях старался не понимать. Я просто исходил из того, что связи нет, и начинал искать другой способ передать информацию. Несколько раз я звонил Саше Коржакову, с которым был в очень дружеских отношениях, и просто говорил: я знаю, что мне следует делать, но ситуация такая, что я обязан поставить президента в известность. Поэтому я тебе сейчас расскажу, что происходит. Ты выслушай или запиши. Он иногда записывал, слышно было, как он скрипит пером, потому что с какой стати он должен знать некоторые имена. Половина людей не могла отличить Караджича от Младича, Милошевича от Тудж-

мана. Это и президенту трудно помнить всех действующих лиц балканской драмы... Вот и приходилось Саше записывать, в чем там дело. Надо сказать, что он потом всегда отзванивал и передавал: ну, действуй. Я это воспринимал как то, что я доложил президенту.

Борис Николаевич приглашает поужинать

Общение с Ельциным не было простым. Первый президент России бывал очень разным. Никогда нельзя было заранее определить, с каким человеком сегодня встретишься.

— Я это наблюдал много лет, — вспоминает Андрей Козырев. — Может утром раздаться звонок человека, который говорит медленно, с трудом — такое впечатление, что у него в голове проворачиваются какие-то жернова. А вечером вы встречаетесь с человеком, который очень быстро на все реагирует, шутит. Причем это может измениться за несколько часов. Мы разговаривали с ним минимум раз в день. Всякий раз я пытался в первую секунду оценить, с кем я разговариваю. От этого многое зависело: как докладывать? В какой форме? Либо совсем упрощенно — в расчете на жернова, тогда и сам начинаешь говорить медленно, чтобы это проникло в жернова. Либо ты должен делать это в совсем иной манере — с шутками.

— А с чем это связано?

— Не могу сказать.

— Но была какая-то закономерность?

— Не определил. Я просто знал, что это так. Особенно это важно было понять при телефонном разговоре. При встрече сразу можно было уяснить, в каком он состоянии. А по телефону это гораздо сложнее, ты же человека не видишь. И если он звонил, было легче. По первым фразам можно было представить, в каком он настроении. А если сам звонишь, он откликается: да, здравствуйте. А дальше надо излагать дело, но совершенно не знаешь, с кем из двоих ты сейчас столкнешься. А от этого многое зависит. Если вы человеку, который находится в заторможенном состоянии, начнете быстро, с шуточками, с вензелями что-то рассказывать, он ничего не поймет. С другой стороны, если человеку, который находится в прекрасном расположении духа, все соображает, начнете медленно что-то толковать, вы и половины не успеете изложить из того, что нужно.

Всякие неожиданные перемены в настроении Ельцина, его внезапные исчезновения из Кремля, когда он пропадал то на несколько дней, то на неделю, оставив дела и бросив страну на помощников, трактуются однозначно: Борис Николаевич злоупотреблял горячительными напитками.

— На ваших глазах Борис Николаевич много пил? — спросил я Андрея Козырева.

— У нас есть определенные традиции застольного общения, —

дипломатично ответил бывший министр иностранных дел.

— Но это сказывалось на работе?

— Ничего, что выходило за рамки традиций, я не наблюдал, — последовал еще более дипломатичный ответ. — При этом президент в любом случае держал себя в руках и подчиненных не оскорблял и не топтал. Барского, советского хамства я никогда не видел — ни в отношении себя, ни в отношении других. Он всегда обращался на «вы», за исключением редких случаев интимного общения вне работы. И по имени-отчеству. Он вообще не ругался матом. У нас в ряде случаев это просто общепонятный технический язык, а он этого не выносил. В работе с ним было много приятных сторон, царила более культурная, интеллигентная обстановка, чем в советские времена.

— На службе он один, а в неформальном общении, где-нибудь на даче — совсем другой?

— Нет, он был одним и тем же человеком. Уезжая с работы, Ельцин, насколько я знаю, никогда не прекращал работать, заниматься политикой. Он не переключался, за исключением игры в теннис. Да и на корте он мог продолжить разговор, начавшийся днем.

Казалось, что Козырев и по возрасту, и по складу характера не может входить в тесный круг ближайших друзей Бориса Ельцина. Но президент часто повторял:

— Андрей — профессионал, дипломат.

Это было уважение необразованного провинциала к столичной штучке, к человеку, который владеет иностранными языками, запросто ездит за границу, знает, как с иностранцами разговаривать. Президент приблизил к себе министра. Приглашал домой, на дачу.

— А зачем он вас звал к себе на дачу? Вы с ним такие разные люди.

— Он считал, что с теми, с кем он часто общается, — это некое политбюро, состоящее из наиболее важных министров, — у него должны быть не только официальные, но и дружеские отношения. Потом уже и привычка к общению возникла. Это было движение не столько души, сколько ума, который говорил ему, что с этими людьми должны быть и неформальные, товарищеские отношения.

Ельцин активно общался со своими приближенными. Пока был здоров, играл с ними в волейбол, потом в теннис — четыре-пять раз в неделю. Если проигрывал, то настроение у него безнадежно портилось. Он любил застолье, устраивал званые ужины в президентском клубе в особняке на Ленинских горах.

Жизнь высшего эшелона власти в России была устроена несколько

необычно. Собирается Козырев вечером после работы домой, ему звонит президент:

— Ну как, Андрей Владимирович, сегодня в теннис сыграем? Поужинаем?

Могло быть иначе. Министр уже садится в машину, когда его охранник спрашивает невинным голосом:

— Ну как, в президентский клуб поедем?

— А почему в клуб?

— Потому что там Борис Николаевич, — со значением говорит охранник.

Козырев откладывал любые дела и ехал в клуб. Отказ не предполагался. Причем было известно, что если президент не желал кого-то видеть, то охрана ему о клубе не напоминала.

При Ельцине теннис стал символом здоровья и динамизма новой политической элиты. В теннис играли самые близкие к президенту люди: Геннадий Эдуардович Бурбулис, Александр Васильевич Коржаков, Валентин Борисович Юмашев, Виктор Васильевич Илюшин, Андрей Владимирович Козырев... Когда Ельцин стал болеть, посиделки с обильной выпивкой и закуской прекратились. Смена образа жизни была полезна для печени. Но одновременно Борис Николаевич лишился общения, распался круг людей, которые худо-бедно рассказывали ему о происходящем вокруг.

Вахтовый метод в дипломатии

Козырев, обосновавшись в министерском кабинете на Смоленской площади, чисток не проводил, поменял только высший эшелон — заместителей министра. У него сформировалась очень сильная команда. Потом практически все его заместители разъехались послами.

Сергей Викторович Лавров, будущий министр, был назначен постоянным представителем России в ООН. Анатолий Леонидович Адамишин, первый заместитель министра, отвечавший за систему отношений внутри СНГ, отправился послом в Лондон. Виталий Иванович Чуркин, самая заметная после самого министра фигура в МИД, — благодаря его челночной югославской дипломатии получил назначение в Бельгию. Александр Николаевич Панов, уважаемый японист, уехал в Токио. Сергей Борисович Крылов, занимавшийся европейскими делами, стал послом в Германии. Не уехал только Игорь Сергеевич Иванов, который со временем сам стал министром.

Дипломаты всегда разрываются между стремлением делать карьеру, перемещаясь из кабинета в кабинет в высотном здании на Смоленской площади, и желанием вырваться за границу в роли посла. Заместитель министра выше по должности, но жизнь посла комфортнее, интереснее. Большинство высокопоставленных дипломатов делают выбор в пользу посольского кресла. Если, конечно, им не предлагают место самого министра.

С заполнением посольских вакансий проблем не было. Проблема состояла в другом — впервые в истории МИД начался отток кадров. Дипломаты, особенно молодежь, бежали от маленькой зарплаты. В 1992 году из министерства ушло триста с лишним человек, в следующем году еще больше. Уходили в бизнес, потому что нужны были деньги. Зарплаты в центральном аппарате министерства платились ничтожные — в сравнении с ожиданиями дипломатов и их высокой квалификацией.

Российские дипломаты работают на Смоленской площади — в известном всему миру высотном здании, которое они прежде делили с коллегами из министерства внешних экономических связей. Поскольку в высотке места всем не хватало, то специалисты по Ближнему и Дальнему Востоку расположились в маленьких комнатках соседнего с высотным здания, в котором когда-то находился известный гастроном «Смоленский», поэтому здание в мидовском обиходе именовалось «ГастроМИДом». А

сотрудники департамента по делам СНГ обосновались вовсе уж в тоскливом помещении — в здании на Старом Арбате, где находится аптека. Это здание дипломаты между собой так и называли: «МИД-аптека».

Дипломаты сидят в тесных комнатах и ведут довольно скучный образ жизни: читают шифровки из посольств, стоят в очереди в буфете, составляют справки, курят в специально отведенных для этого местах (курить в кабинетах позволено только начальству), вскакивают, когда в комнату входит это самое начальство, и ждут, пока подойдет их очередь ехать в загранкомандировку.

Заманчивая, завидная профессия — дипломат. Приемы, светские рауты, мужчины во фраках, женщины в вечерних туалетах, заграничные поездки с зеленым паспортом, освобождающим от таможенного досмотра, хорошие вещи, машины, валюта, недоступные простому смертному удовольствия...

В реальности все несколько по-другому. Тем не менее в советские времена дипломаты ощущали себя привилегированной кастой, кланом, которому открыто в жизни то, что недоступно другим. Когда каждый получил возможность поехать за границу и зарабатывать хорошие деньги, ореол дипломатической службы поблек. Тем более, что особо завидного в жизни российского дипломата осталось не много. Кабинеты мидовские были в ужасном состоянии: осыпающиеся потолки, обшарпанные двери, дряхлая мебель. Комнат не хватало, поэтому сидели дипломаты на голове друг у друга. Изучающие иностранный язык устраивались прямо в коридоре. Даже поехать в загранкомандировку стало неизмеримо труднее, потому что сократились штатные расписания посольств и консульств.

Бедствующих дипломатов подкармливали тем, что отправляли вахтовым способом на три месяца в какое-нибудь посольство на свободную ставку. Командированный не ест, не пьет, копит валюту для семьи. Потом с покупками — назад, в Москву. А в посольство едет следующий. В посольстве конечно же предпочли бы постоянного работника, за три месяца в дела не вникнешь, но все понимали, что людям надо как-то жить. В начале девяностых у Министерства иностранных дел не было денег ни на ремонт осыпавшихся потолков, ни на новую мебель для кабинета министра, ни даже на то, чтобы заплатить за лифт. Помню, как осенью 1994 года половину лифтов в высотном здании отключили за неуплату, и российские дипломаты не могли добраться до своих письменных столов.

Такая жизнь дипломатам не нравилась. Забыв свойственные им

осторожность и сдержанность, они кляли власть, которая не может платить им хорошую зарплату и вернуть утраченное чувство избранности.

У дипломатов были и чисто психологические причины для недовольства. Уже при Шеварднадзе их стали обвинять в недостатке патриотизма и низкопоклонстве перед Западом. Каким образом российские дипломаты оказались в роли малопатриотичных либералов, не желающих блюсти государственный интерес, пляшущих под чужую дудку?

Вот уж эта роль совсем не вяжется с российским кадровым дипломатическим корпусом. Воспитанники элитарного Института международных отношений, бдительно проверенные насчет нежелательных родственников и сомнительных взглядов, дипломаты, говоря современным языком, крепкие государственники, даже державники. Но образованные. Знающие иностранные языки. Поработавшие за границей и потому понимающие то, что неизвестно и недоступно их критикам. Вот почему в горбачевские времена Министерство иностранных дел было самым перестроечным, внедрявшим идеи свободомыслия.

Но при Козыреве дипломаты стали роптать. Ненависть к министру оппозиция переносила и на все министерство. А российские дипломаты в большинстве своем вовсе не были единомышленниками министра.

— Вы об этом подозревали? — спрашивал я Козырева. — Или в разговорах с вами они выглядели иначе?

— Я знал об этом. Мы же в МИД кадровой революции сознательно не проводили. Хотя после путча братья-демократы требовали провести чистку. Но где взять профессионалов, знающих языки, специфику дипломатической работы? Мы кадровый профессиональный состав полностью сохранили. Все заместители министра иностранных дел СССР стали послами. Я никогда и не рассчитывал, что это коллектив моих политических единомышленников. Такой коллектив был в Кремле, вокруг президента. Но и он со временем растаял.

Когда делят пирог...

Больше всего Козырев страдал от неразберихи в формировавшемся государственном аппарате, когда совершенно неожиданные люди, пользуясь своей близостью к президенту, влезали в международные дела, подписывали ни с кем не согласованные указы и распоряжения или же что-то ему внушали по внешнеполитической части. Это были не просто ведомственные дрызги, речь шла о направлении внешней политики.

Козыреву ставили в вину стремление дружить с Соединенными Штатами, упрекали за отсутствие интереса к Востоку, Ближнему Востоку в частности. Он, правда, неизменно отвечал, что это миф, будто он занимался только отношениями с Америкой, а остальной мир забыл. Конечно, после распада СССР практически полностью изменилась политика Москвы в отношении прежних союзников. Прекратились, например, дружественные отношения с воинственным Ираком, зато Москва восстановила дипломатические отношения с богатой и стабильной Саудовской Аравией.

Козырев считает своим огромным достижением добрососедские отношения с Китаем. Китайцы быстро пошли на сближение, когда Козырев предложил в 1992 году: давайте забудем о социализме и о капитализме. Давайте не будем больше идеологическими братьями и идеологическими врагами, а просто признаем, что есть великий Китай и великая Россия, и будем строить нормальные отношения.

Козырев действительно был сторонником стратегического партнерства с Западом, считая, что это лучший выбор точки зрения национально-государственных интересов России. На первых порах это почти всем понравилось. В 1991–1992 годах в стране практически не ощущалось антиамериканских настроений, все надеялись на теснейшее сотрудничество с Западом. Потом появились разочарование, сомнения и подозрения: почему они с нами так обращаются? Почему они много обещают, но мало чем реально помогают? И вообще Запад навязывает нам такой экономический курс, который привел нас к упадку.

Козырева стали обвинять в том, что в результате его политики Россия растеряла союзников, лишилась способности влиять на положение дел в мире. Россия действительно перестала внушать страх окружающему миру, но многим казалось, что именно это означает утрату статуса великой державы.

Я спрашивал Козырева:

— Ваши оппоненты говорят: западные партнеры на самом деле пекутся только о своем интересе.

— А мы печемся о своем. Раз они платить за нас не желают, раз у них есть другие дела, кроме как нам помогать, неужели это означает, что они нам враги? Думать так — значит не понимать суть партнерства. Если мы с вами партнеры, то вы, наверное, не мечтаете о том, чтобы я был намного богаче вас, чтобы я был Рэмбо, а вы хиляком. Но вы и не хотите, чтобы я был хиляком. Партнер вам нужен более или менее такой, как вы сами. Они не хотят, чтобы мы стали супердержавой, которая всему миру диктует, как ему быть. И мы не хотим, чтобы Соединенные Штаты были супердержавой...

— У ваших оппонентов есть такой аргумент. Когда Козырев демонстрирует свой прозападный курс, то Запад думает: этот человек в любом случае наш, что с ним церемониться? А если министр говорит: я еще подумаю, стоит ли с вами договариваться, то партнер вынужден идти на уступки.

— Когда делят пирог, надо быть за столом и постараться отрезать себе кусочек побольше. А если стоишь в сторонке, то внешне это выглядит как очень гордая позиция. Но задача состоит в том, чтобы есть пирог.

Хлебнул горячего

Российский министр иностранных дел подчиняется напрямую президенту, но на заседаниях Совета министров он сидит не на первых местах. Выше его по положению множество вице-премьеров и первых вице-премьеров.

В правительстве Соединенных Штатов нет никаких вице-премьеров. Государственный секретарь, то есть министр иностранных дел, фактически второй человек в правительстве после президента. Партнером Козырева был государственный секретарь Уоррен Кристофер.

«Уоррен Кристофер, — вспоминал генерал, а затем и дипломат Колин Пауэлл, — был достаточно пассивен, особенно по сравнению с Джорджем Шульцем и Джимом Бейкером, которые врывались на совещания по национальной безопасности и проявляли себя как лидеры американской внешней политики. Кристофер же как адвокат просто ждал, пока группа его клиентов решит, какую позицию ему следует занимать».

Суховатый и невозмутимый, он казался, во всяком случае со стороны, человеком в футляре, которому все человеческое чуждо. Политики и дипломаты высокого ранга переходят на «ты» для того, чтобы иметь возможность говорить друг другу неприятные вещи в глаза, не доводя дело до скандала. Но можно ли было с Кристофером установить такой личный контакт?

— Он вполне нормален в общении, — говорит Андрей Козырев. — Шел на личные контакты. С Кристофером мы сразу были как бы на «ты», то есть называли друг друга по имени. Любопытно, что он просил называть себя не Уорреном, а Крисом. Поэтому ко мне он обращался «Дорогой Андрей», а я к нему «Дорогой Крис». Кстати, Кристофер — заядлый теннисист, и играл, несмотря на свой солидный возраст, очень прилично.

Кристофер — юрист, долгие годы работал в юридической фирме. Это своеобразное мышление, очень структурированное, очень четкое и слишком дисциплинированное. Шаг вправо, шаг влево — для юриста уже побег. В этом есть положительные стороны. Его слова очень надежны. Человек привык отвечать за свои слова. Но с другой стороны, когда нужно было попытаться понять внутренние мотивы американцев, я испытывал некоторые сложности. Кристофер вел себя как строгий юрист в юридической консультации, который не скажет лишнего слова, чтобы потом клиент не пришел с жалобой: вот вы мне сказали, я из этого сделал

неправильный вывод, и вот результат. Поэтому Кристофер считал, что лучше сказать меньше, но точнее.

— Мы с ним в определенном смысле похожи, — вспоминает Козырев, — я стал министром, когда все обрушилось. И он пришел, когда ландшафт мира менялся и неясно было, как в этих условиях действовать. Ему пришлось хлебнуть горячего, потому что не было времени ни подуть, ни остудить. Как есть, так и хлебай.

Билл Клинтон, первый раз в 1992 году баллотируясь в президенты, обещал, что не станет заниматься никакими делами, кроме внутренних американских. Разумеется, ему пришлось заняться внешней политикой. Линия Клинтона в отношении России определялась его личным желанием помочь Ельцину. Что бы ни делалось, главное — сохранить Ельцина. Это обеспечило России льготный режим.

Скажем, при Козыреве в 1995 году были подписаны секретные соглашения между Россией и США, которые позволяли Москве завершить поставки оружия Ирану, обещанные еще в 1980-х годах.

Продавать Тегерану оружие дело выгодное, но Иран включен в американский список стран, поддерживающих международный терроризм. И в Соединенных Штатах в 1992 году был принят закон Гора — Маккейна, который предусматривает санкции против любого государства, поставляющего оружие странам, внесенным в этот список. Российское правительство обещало не заключать новых контрактов, а Клинтон посулил позаботиться о том, чтобы Россия не подверглась санкциям за продажу оружия Ирану, то есть для России было сделано изъятие из закона.

Эта история выплыла на свет божий только осенью 2000 года, накануне президентских выборов США, когда республиканцы обвинили кандидата от демократической партии и бывшего вице-президента Ала Гора (соавтора этого закона!) в том, что он нарушил американское законодательство, заключив такую сделку с Россией.

«Что мы можем для тебя сделать?»

Андрея Козырева постоянно недооценивали. Он не считался сильной самостоятельной фигурой — слишком молод, никакого политического опыта. Его позиции казались слабыми. При всем добром к нему отношении президента он был одинок на вершине политической власти. Секретарь Совета безопасности Юрий Владимирович Скоков откровенно его не любил. Министра иностранных дел демонстративно не включили в первый состав Совета безопасности. Хотя этот орган скопирован с американского, в котором государственный секретарь является важнейшим действующим лицом.

Совет безопасности под руководством Юрия Скокова пытался оттеснить Министерство иностранных дел и разрабатывать все основные внешнеполитические документы. Иногда Козырева приглашали на заседания совета, иногда не приглашали. Иногда ему присылали заранее документы к очередному заседанию. Иногда забывали...

Российский дипломат номер один вступил в политическую борьбу летом 1992 года. Козырев схватился с вице-президентом Александром Руцким. Тот поехал в Приднестровье, где взялись за оружие, чтобы отсоединиться от Молдавии, и произносил там зажигательные речи против молдавского руководства. Козырев сразу же отправился в Кишинев и Тирасполь, где опроверг заявления вице-президента и дал знаменитое интервью «Известиям», где говорил о существовании «партии войны».

Андрей Козырев заявил, что возможен новый путч, что специальные службы России (разведка, военная разведка и контрразведка) дезинформируют президента Ельцина.

Это заявление произвело сильное впечатление на российское общество еще и потому, что от министра иностранных дел такой смелости никто не ожидал.

Скорее всего, он и сам от себя этого не ожидал. Но, ворвавшись в политику, не испугался. Почувствовал вкус к большой политике. На заседании Совета безопасности Скоков стал говорить, что министр иностранных дел не имеет права давать такие интервью, они наносят ущерб государству. Руцкой был на взводе. Пригрозил Козыреву:

— Я вам не позволю превратить Россию в половую тряпку!

Козырев вскочил со своего места:

— Имейте в виду, что я вам не дам толкнуть Россию в пучину

братоубийственной войны и навязать нам югославский сценарий.

Ельцин призвал всех работать дружно, запретил публичную полемику между членами Совета безопасности и сделал Козыреву формальный выговор, но, похоже, был доволен выпадом министра иностранных дел против вице-президента и спецслужб.

Воспитанный в духе традиционной дипломатии, Козырев и дальше не забывал повторять, что он лишь исполняет волю президента. В реальности старался играть самостоятельную политическую роль, понимая, что это увеличивает его вес во внутрикремлевских интригах.

14 декабря 1992 года в Стокгольме на заседании Совета министров иностранных дел стран — участниц Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе Козырев позволил себе рискованный шаг. Он произнес речь, которая повергла присутствующих министров в шок:

— Я должен внести поправки в концепцию российской внешней политики. Пространство бывшего Советского Союза — это, по сути, постимперское пространство, где России предстоит отстаивать свои интересы с использованием всех доступных средств, включая военные и экономические. Мы будем твердо настаивать, чтобы бывшие республики СССР незамедлительно вступили в новую федерацию или конфедерацию, и об этом пойдет жесткий разговор...

Когда Козырев закончил речь и в мертвой тишине вернулся на свое место, заместитель государственного секретаря Соединенных Штатов Лоуренс Иглбергер попросил его выйти из зала, чтобы поговорить. Встревоженный Иглбергер спросил:

— Андрей, что мы можем сделать для тебя лично?

Американский дипломат был уверен, что в Москве создан новый ГКЧП и Козырев вынужден излагать их новые идеи...

Козырев вторично попросил слова и объяснил, что именно такой станет политика России, если власть возьмут реакционные силы. Он всего лишь хотел предупредить мир о такой возможности. Многие назвали поступок министра недопустимой выходкой, политическим цирком. Но эта история в Стокгольме произошла после очередного Съезда народных депутатов, на котором со всех сторон атаковали Ельцина. Козырев, как всегда, поддержал президента, обрисовав миру стратегию его противников.

Андрей Козырев легко вписался в «команду мальчиков» Егора Гайдара, который с началом экономических реформ возглавил правительство. «Мальчики» понимали, что они чужие в муравейнике власти, и старались держаться вместе. В то время Козырев часто совещался с Геннадием Бурбулисом, который был правой рукой Ельцина, его главным

советником и стратегом реформ.

Отец экономической реформы Егор Гайдар и творец новой российской внешней политики Андрей Козырев стали для мира олицетворением происходящих в стране перемен. Казалось, что их уход из правительства невозможен. Но постепенно большая часть реформаторов во главе с Гайдаром была вынуждена уйти из правительства. Бурбулиса отстранили от власти. И только Козырев оставался в правительстве и пользовался доверием президента.

После ухода Бурбулиса и Гайдара министр Козырев превратился в главную мишень для оппозиции, которая постоянно требовала его отставки. Руцкой, председатель Верховного Совета Руслан Имранович Хасбулатов, многие военные, националистически настроенные депутаты вели против него настоящую войну. Главными противниками Андрея Козырева всегда были те, кто считал, что опасность для России исходит с Запада, от Соединенных Штатов, НАТО.

Козырев был неприемлем для оппозиции своими интеллигентными манерами, либеральными взглядами, высоким уровнем мышления, образованностью. Коммунистов и националистов возмущала его линия во внешней политике, которая началась с присоединения Москвы к санкциям против Ирака. Это линия была нацелена на совместные действия с мировым сообществом против тех, кто противопоставляет себя миру. Крайняя оппозиция считала министра иностранных дел предателем национальных интересов, преступником, который должен быть изгнан из правительства. К тому же политические противники подозревали Андрея Козырева в том, что он скрытый еврей, хотя евреев на работу в Министерство иностранных дел СССР не брали много десятилетий.

Козырев держался уверенно. Хладнокровно, с легкой усмешкой выступал перед Верховным Советом, где его оскорбляли и требовали, чтобы он подал в отставку. В определенном смысле он очень упрям. Чем крепче на него давят, тем сильнее он упирается.

Победа и поражение одновременно

После октябрьских событий 1993 года многое изменилось. С политической арены исчезли Руцкой и Хасбулатов. Ельцин расстался с секретарем Совета безопасности Скоковым, пытавшимся подмять под себя МИД. Да и сам Совет безопасности после очередной реорганизации перестал быть конкурентом министерству иностранных дел.

Но радоваться Козыреву было рано. 14 декабря 1993 года стали известны результаты выборов в первую Государственную Думу. Неожиданно много голосов получили Аграрная партия и коммунисты Геннадия Андреевича Зюганова, которые создали третью по значению фракцию. Главной сенсацией выборов стал успех партии Владимира Вольфовича Жириновского, которая прошла в Думу с демагогическими и националистическими лозунгами.

Через несколько лет станет ясно, что Жириновский, как таковой, не представляет особой опасности. Он станет охотно и небескорыстно сотрудничать с Кремлем и Белым домом. Но тогда появление в Государственной Думе фракции ЛДПР в пятьдесят девять человек было ошеломляющим событием. Успех Жириновского свидетельствовал о том, как широко распространены в обществе антидемократические и националистические идеи.

С демократами дурную шутку сыграла неспособность объединиться. Козырев говорил тогда:

— Я сказал Сереже (Шахраю) и Григорию (Явлинскому): ребята, создавайте свои партии для президентских выборов, но сейчас выступим единым блоком...

Ничего не получилось. В отличие от своих коллег, прошедших в Думу по партийным спискам, то есть без состязания с соперниками, Козырев стал депутатом, одолев соперников в одномандатном округе. Правда, он участвовал, кажется, только в одном заседании парламента, но депутатский мандат придал ему уверенности. Своей бодростью и оптимизмом Козырев посылал миру сигнал: политика Москвы — президентская, а не думская.

— Президент на месте, — говорил Козырев, — и это счастье, потому что его присутствие в Кремле гарантирует нас от появления чернорубашечников на улицах.

Но внешняя политика — всегда продолжение политики внутренней. И именно внутренняя политика определяла, что говорить российским

дипломатам. Андрей Козырев всегда чутко следил за переменами в общественном мнении, в умонастроениях людей. И приспособливал внешнюю политику к внутренней. Он вынужден был реагировать на внутривнутриполитические зигзаги, на результаты выборов, на успех Жириновского, на усиление позиций компартии. Это очень точно подметил бывший министр иностранных дел Александр Александрович Бессмертных:

— Многие уничижительно говорят об Андрее Козыреве, сваливая на него все, что произошло во время его пребывания на посту министра. Да, ему не хватало опыта — единственного источника дипломатической умудренности. Но ему приходилось на максимальной скорости перемещаться из одной пожарной зоны в другую, тем более что горизонт то и дело затягивался дымом. Его главная трудность заключалась в разрушительной зависимости от внутривнутриполитических комбинаций...

Сражаясь со своими оппонентами и набирая очки во внутривнутриполитических играх в Кремле, министр Козырев слишком вовлекся в политическую борьбу. Он стал больше думать о том, как переиграть своих политических оппонентов, выбить у них из рук обвинение в «проамериканизме», «западничестве». Но за этой изоэщренностью противники скорее почувствовали слабость, неумение держать удар, стоять на своем. Зато сам министр частично позаимствовал у своих оппонентов державный лексикон и пытался провести несуществующую грань между «приемлемым» национализмом и агрессивным шовинизмом. И тогда он настроил против себя уже и тех, кто его прежде поддерживал.

Привычную критику со стороны националистов и коммунистов Козырев переносил спокойно. На критику со стороны демократов и либералов сильно обижался. Видимо, считал, что его должны понять: он меняет лексику, а не политику. После выборов, на которых успех достался партии Жириновского, Козырев начал вырабатывать новую, более жесткую линию в отношении бывших советских республик, в которых осталось многочисленное русское население.

Русский вопрос — вот важнейшая проблема московской дипломатии. И эта проблема поставила администрацию Ельцина в безвыходное положение. Оппозиция атаковала президента именно на этом беспроигрышном направлении: из-за вас страдают русские, оказавшиеся вне России.

Но некорректно было обвинять политику Ельцина-Козырева в пренебрежении русским вопросом. Они столкнулись с проблемой, которая, как показывает история, не имеет идеального решения. Чистая дипломатия,

переговоры, резолюции ООН, апелляции к международным организациям, двум верховным комиссарам по правам человека (европейскому от ОБСЕ и всемирному от ООН) радикально изменить ситуацию не в силах. Потому что по-настоящему успокоить русских за пределами России, вернуть им утраченный душевный комфорт можно было только восстановив СССР. Остальные решения желанного облегчения всем зарубежным русским не принесут.

Самые умелые действия российских дипломатов, даже если им удастся, например, добиться каких-то уступок от правительств балтийских республик, все равно не изменят атмосферу в Прибалтике, где русских считают инородным элементом и в лучшем случае соглашаются их терпеть...

Сцена в аэропорту

30 сентября 1994 года в ирландском аэропорту Шеннон сел самолет российского президента, возвращавшегося из США. Ожидалось, что стоянка продлится всего два часа, но появление Ельцина на ирландской земле было оформлено как официальный визит главы Российской Федерации. В аэропорту его ждал почетный караул, ковровые дорожки.

Премьер-министр Ирландии Альберт Рейнольдс и его жена, укрывшись зонтами от моросившего дождя, стояли на летном поле, чтобы доставить Бориса Николаевича в старинный замок Дромоланд, там должны были состояться официальные переговоры. Ради встречи с Ельциным ирландский премьер-министр сократил на два дня визит в Австралию. Всю эту историю красочно описал тогдашний посол в Ирландии Николай Иванович Козырев (см. журнал «Международная жизнь», № 6/2007).

Беда состояла в том, что Ельцин позволил себе лишнее, и ему стало плохо в самолете. Сопровождавшие президента врачи не могли сразу определить, что это — сильный сердечный приступ или микроинсульт? Поэтому самолет сел с опозданием на час — он почему-то кружил над аэродромом. Но Ельцин на трапе не появился. Повинуясь чувству долга, Борис Николаевич пытался подняться на ноги, но не сумел выйти из самолета.

Представитель «Аэрофлота» в Шенноне доложил послу, что президент устал и вместо него переговоры поручены первому заместителю главы правительства Олегу Николаевичу Сосковцу. Посол ринулся в самолет. Но его остановил начальник охраны Коржаков:

— Президент очень устал.

Попытки российского посла объяснить, что ирландцы ждут президента больше часа и все это грозит скандалом, ни к чему не привели. Посол пошел к Альберту Рейнольдсу извиняться: у президента высокое давление, он плохо себя чувствует, не может вести переговоры.

— Ну что же, — ответил премьер-министр Ирландии, — если человек болен, ничего не поделаешь. Я готов говорить с представителем российского президента. Однако президент Ельцин — мой гость, он находится на нашей земле. Я не могу не подняться в самолет минут на пять, чтобы подать ему руку и пожелать скорейшего выздоровления.

Посол уже предлагал такой вариант Коржакову, но услышал категорический отказ:

— И этого тоже не надо.

Услышав отказ, вспоминает посол Козырев, премьер-министр на мгновение изменился в лице, но тут же взял себя в руки. Переговоры решили провести тут же, в здании аэропорта. Но ничего толкового не получилось. Сосковец не был готов к диалогу...

Потом Ельцин, как ни в чем не бывало, рассказывал журналистам, что он, утомившись, проспал, а охрана не решилась его разбудить. Но довольно быстро стала известна реальная подоплека. Пристрастие президента к горячительным напиткам ни для кого не оставалось секретом. История в Шенноне бурно обсуждалась в Ирландии, страна сочла себя оскорбленной.

«Ранний» и «поздний»

Эволюция политики Козырева отражала изменения в общественном сознании и еще большие перемены в настроениях правящей верхушки, где стопроцентных демократов заменили люди, называющие себя государственниками. Они предъявили Козыреву серьезное обвинение: Россия утратила статус великой мировой державы, растеряла союзников, лишилась способности влиять на положение дел в мире.

В стране вновь брал верх прежний тип мышления — враждебность к окружающему миру, инстинктивное стремление спрятаться от него за частоколом ядерных ракет, поиск врагов — внутренних и внешних. Это порождение комплекса неполноценности, который проявляет себя в конфронтации. Чтобы уважать себя, нужно враждовать со всем миром, говорить по каждому поводу «нет».

Козырев искал опоры внутри страны и не находил ее. В стране произошла смена вех, а он олицетворял политику, от которой правящая элита отказывалась. В результате возникало ощущение, что российская внешняя политика мечется, как нервическая барышня. То Москва соглашается подписать натовскую программу «Партнерство ради мира», то отказывается. То пригрозит американцам, то обнимет. То скажет: не будут наши солдаты под натовцами в Боснии, то идет на попятную.

К чему новая линия привела лично Козырева? Его державные оппоненты с ним не смирились. Скорее, они увидели в смене курса отступление. Новая жесткая позиция Андрея Козырева создала ему проблемы в отношениях с американцами и западноевропейцами, которые считают, что дипломаты должны не грозить, а вести переговоры за закрытыми дверями, стараться убедить партнеров в собственной правоте и искать компромисс.

Я написал о «раннем Козыреве» и «позднем Козыреве», между которыми все меньше общего, в газете «Известия», где работал в середине девяностых. Ранний Козырев-улыбчивый министр-западник. Поздний — неулыбчивый министр, который преподносит Западу неприятные сюрпризы. Андрей Владимирович считал, что остался таким же, каким и был, и обижался на меня.

От других ему, впрочем, доставалось больше. Американские журналисты и вовсе назвали Андрея Козырева реинкарнацией души Андрея Громыко после того, как он стал оправдывать военную операцию в

Чечне, включая ковровые бомбардировки городов. Разница между двумя Андрями, по мнению американских журналистов, заключалась в том, что Громько оправдывал акции Кремля интернационализмом, а Козырев национальными интересами России...

Конечно, с одной стороны, не меняются только закостеневшие догматики. С другой, повороты на 180 градусов в политике называются сменой курса. Министр утратил симпатии тех, кто его всегда поддерживал. Андрей Владимирович оказался вовсе без союзников. Вот и наступил момент, когда президент Ельцин задумался над тем, что ему следует пожертвовать министром иностранных дел, которого критикуют абсолютно все.

Сочные мужские поцелуи

Судя по рассказам людей знающих, президент предпочитал простые и ясные доклады, на какие был мастер министр обороны генерал армии Павел Сергеевич Грачев: «Сделаем, Борис Николаевич!» Долгие объяснения, почему во внешней политике что-то можно делать, а чего-то не стоит, видимо, выслушивать скучно.

Среди бравых мужчин, которые при встрече по советской привычке бросаются целоваться и обниматься, рафинированный Козырев был белой вороной. Вот министр обороны Грачев или управляющий делами президента Павел Павлович Бородин были своими. Они говорили с Ельциным на понятном ему языке, не возражали, не спорили, сыпали анекдотами. А Козырев начинал нудно объяснять, почему вот это и это никак нельзя делать. Это и на трезвую-то голову не всякий поймет...

— Иногда возникало ощущение, — спрашивал я министра иностранных дел, — что вы действовали самостоятельно, не поставив президента в известность, а он потому и недоволен.

— Когда я обращался к нему с каким-то делом, он иногда мог сказать: ну что, сами не можете решить этот вопрос? — рассказывал Козырев. — Зачем беспокоите меня по мелочам? Хотя и он и я знали, что я не должен этот вопрос сам решать. Я не стану ему звонить с вопросом, который целиком входит в мою компетенцию. Его реакция означала, что он желает оставить себе свободу рук, чтобы потом, в случае неблагоприятного развития событий, иметь возможность сказать: вот, я вам доверил, а вы ошиблись. Это его право. Но мне важно было позвонить и доложить. А если он хочет оставить себе свободу рук, это его право.

— Бывало так: вы с Ельциным о чем-то договорились. А когда вы вернулись в министерство, выясняется, что он уже передумал или его переубедили?

— Нет, он человек последовательный в принятии решений. И надежный. Другое дело, что ему иногда подсовывали неподготовленную бумагу, а потом удивлялись: почему документ не действует? Потому что тут же приходили другие люди и доказывали, что допущена ошибка. Я сам тысячу раз оказывался в такой ситуации, когда получал подписанный указ. Но мне было ясно, что президент не знает всей картины, ему не доложили. Кто-то подсунул, именно подсунул выгодную для себя бумагу. Это риск. Это как быстрые деньги: можно заработать, а можно и все потерять.

Если объясняешь свое предложение, доказываешь его правоту, то он тебя поддержит. Он вел себя порядочно. Он не забывал, что принял решение и разделяет с тобой ответственность за него. Я не ждал от него предательства: мы вдвоем приняли решение, а ты потом один расхлебывай. Бывало другое: он хотел, чтобы огонь критики попал на тебя.

Я на это всегда шел без возражений и часто сам ему такой вариант подсказывал: пусть вся критика, которая неизбежна при таком решении, обрушится на меня. Не надо, чтобы президента по каждому случаю критиковали. Можно разыграть так, будто решение вообще принято без президента. Были случаи, когда говорили, что МИД или Козырев принимают решения, о которых президент знать не знает. Мы это не опровергали.

В клетке с тигром

Люди, знающие Ельцина, отмечали его очень сильное качество — умение слушать. Тот, кто умел убедительно говорить, способен был добиться от президента большего, чем тот, кто представил самый точный и разумный анализ, но в письменном виде. Ельцин предпочитал не читать, а слушать. Но, как известно, недостатки — это продолжение наших достоинств. Тот, кому удавалось втереться в его доверие, кто научился убеждать президента, использовал свое умение себе во благо. Когда Ельцин прислушивался к таким людям, это приводило к печальным последствиям. Не случайно говорили: у Бориса Николаевича мнение последнего посетителя.

— Да вы поймите, что в тот момент решения принимались с ходу, времени на анализ не было, — возражает Андрей Козырев. — История не отпускала времени на долгие размышления. Было так: человек приходил к президенту не с идеей, а с последней новостью — что-то случилось! Это же меняет ситуацию, верно? Если дом горит, надо вещи выносить. А человек, который утром приходил, он еще не знал, что дом сторит. И советовал проводить капитальный ремонт. Решение изменилось, но изменилась и ситуация. Так что не совсем честно его за это упрекать.

— С каким настроением шли на доклад к президенту? Опять придется убеждать его в очевидных истинах?

— У меня было ощущение, что разговор будет непростым. Всегда думал, как выстроить аргументацию, как упростить проблему, как понятно выразиться, как найти близкий для него поворот. Некоторые коллеги говорили, что они идут, как к тигру в клетку, с замиранием сердца: прыгнет он на тебя или не прыгнет? У меня не было такого ощущения, даже когда наши политические линии разошлись. У нас, правда, был запас многолетнего неформального общения. Даже если мы расходились политически, отношения до последнего дня оставались дружескими. Может быть, людям, которые с ним работали меньше, было сложнее.

— Убедить его можно было?

— Можно было спорить. Но желательно не публично. Не стараться на совещании обязательно настоять на своей точке зрения, чтобы президент вначале сказал одно, а потом признал: вот, Козырев все правильно придумал, а я ошибался... Но спорить с ним можно было. Я спорил с ним все пять лет. Другое дело, что в 1995 году наш спор зашел в тупик, он стал

склоняться в сторону точки зрения Примакова.

Евгений Максимович Примаков руководил тогда Службой внешней разведки.

Козырев много раз жаловался, что специальные службы дают президенту искаженную информацию. После некоторого перерыва в 1991–1992 годах они опять начали изображать окружающий мир как враждебный России.

— Президента убеждали: если мы займем жесткую позицию, то НАТО вообще развалится, — рассказывает Козырев. — Это же из области фантастики! Один источник информации утверждал: если на президентских выборах в Польше победит Квасьневский, то Польша вообще не захочет вступать в НАТО. Главный бузотер (Лех Валенса) уйдет, а Александр Квасьневский — социалист, мы его знаем — некоторые это даже с намеком говорили, хотя все это не подтвердилось.

Козырев тоже лично знал Квасьневского и повторял, что Польша от вступления в НАТО не откажется. Так и получилось: президент Квасьневский сразу сказал, что он будет добиваться вступления в Североатлантический блок, и чем скорее, тем лучше.

Расчет на то, что Восточная Европа перестанет добиваться вступления в НАТО, обернулся большими издержками. Кто-нибудь ответил за эту дезинформацию? За эти намеки насчет того, что они обладают какой-то особой информацией? Вовсе нет.

Вокруг одни враги

Президенту внушали, что существует заговор против России, что страна со всех сторон окружена врагами.

— Когда-то в Кремле вокруг президента был коллектив политических единомышленников, — говорил Козырев. — Но он растаял. Появились люди, которые были назначены по каким-то иным критериям, известным только самому президенту. Эти люди подозрительно относятся к окружающему миру. Они не видят, что иностранные партнеры представляют иную цивилизацию, иную культуру и традиции.

Скажем, во время обеда с чужеземным президентом принято произнести один тост. Наши люди, исполненные лучших чувств, начинают произносить тост за тостом, как на профсоюзной пьянке, и видят, что иностранцы поглядывают на них с удивлением и не пьют на равных. Возникает отчуждение. Наши обижаются: «Нос воротят! Не хотят с нами по-человечески! Значит, враги».

Уловив это непонимание и обиду президента, его со всех сторон стали заваливать антизападными, антиамериканскими бумагами. В Кремле на этом делались карьеры. Когда началась борьба против расширения НАТО, какое количество людей воодушевилось и воспряло духом!

Когда Козырев уже ушел в отставку, Виктор Степанович Черномырдин, еще остававшийся главой правительства, предъявил бывшему министру прямое обвинение, что именно он виноват в том, что НАТО приближается к границам России.

— Вы признаете себя виновным? — спросил я Козырева.

— Да, я чувствую себя виновным. Когда я был министром, я не все возможности использовал, чтобы объяснить главе правительства, как и президенту, а главное — российской общественности — некоторые простые вещи. Нравится нам НАТО или не нравится, оно будет расширяться. Я удивлен тем, что для нашего премьер-министра это оказалось новостью. Решение НАТО о том, что расширение блока обязательно произойдет, было принято еще в 1992–1993 годах. Странно, что Виктору Степановичу это не доложили. Пытаться этому противодействовать — значит начинать вторую холодную войну. Да и это их не остановит. Мне не менее странно то, что премьер-министру не доложили, что само НАТО меняется.

— А в чем заключаются перемены внутри НАТО?

— Прежде всего, входящие в него страны сокращают вооружения, военные бюджеты. Но главный способ для них измениться — это сотрудничать с Россией. Когда они с нами сотрудничают, мы можем на них воздействовать. Мы требуем, чтобы НАТО изменилось, но несколько лет сами отказывались вести с ними переговоры об этих изменениях. У нас давно уже договор мог быть в кармане. Проблема была бы полностью снята...

— А говорят, что только жесткая позиция Москвы заставила НАТО пойти на переговоры.

— Надо ясно сказать, что это не мы НАТО сломали каким-то секретным способом и заставили пойти на переговоры, а мы сами вынуждены были сесть за стол переговоров. Наша страна нуждается в инвестициях, в преодолении дискриминационных барьеров против наших конкурентоспособных товаров. Вот где надо побороться с Западом, вот в чем наши реальные интересы. А это все отодвинуто разговорами о расширении Североатлантического блока. Так в советские времена поступали, когда чем сложнее было внутриэкономическое положение, тем ожесточеннее боролись с НАТО.

Я давным-давно начал зондировать почву: а можем ли мы участвовать в принятии политических решений в Североатлантическом блоке? Например, по образцу Франции, которая состояла в НАТО, но не входила в военную организацию. А если мы участвуем в принятии политических решений, то как мы можем бояться НАТО?.. Пусть себе вступают новые члены, а мы там уже сидим за столом и принимаем самые главные политические решения. Все остальное, даже военные меры, это всего лишь исполнение политической воли.

— Что же вам помешало довести дело до конца?

— Мои коллеги-смежники написали Борису Николаевичу, что Козырев собирается вести с НАТО какие-то переговоры о договоре. А нужен ли нам договор? Нам нужно пожестче с ними, они испугаются, не будут расширяться, а то и вообще развалятся...

— Может ли военная организация НАТО представлять когда-нибудь опасность для России?

— В принципе две огромные военные машины России и НАТО конечно же, могут представлять друг для друга опасность. И ведь мы, преодолевая всяческие подножки в Москве, подписали с натовцами в июне 1994 года большую программу «Партнерство ради мира» и специальный протокол, который давал России более широкие права, чем другим участникам программы, и признавал за нашей страной высокий статус. Но

программа не реализуется. Опять-таки по нашей вине. Наши военные пропускают семинары, встречи, заседания штаба, в том числе и по ядерной проблеме. А какой же иной есть способ убедиться в том, что против нас ничего не готовится, кроме как постоянно встречаться с натовскими штабистами, генералами? Почему бы не проводить совместные учения, маневры? Вот это и будет преодолевать конфронтацию и ликвидирует опасность противостояния двух мощнейших военных машин.

— Расширение НАТО — это неизбежный процесс?

— Варшавский Договор был создан теми режимами, которые отвергнуты народами. Режимы развалились, и с ними распался Варшавский Договор. А Североатлантический союз был создан демократическими режимами. Конечно, одна цель существования НАТО полностью исчерпана — Советского Союза больше не существует, и коммунистической угрозы тоже больше нет. Но у них в руках остался нормальный механизм военного сотрудничества. И отказываться от этого полезного инструмента им ни к чему.

— А зачем нужно НАТО?

— Опасностей в мире полно. Кстати говоря, опасность для нашей безопасности исходит вовсе не с Запада. Посмотрите, где в последние годы льется кровь российских солдат: это конфликтные зоны в странах СНГ, таджико-афганская граница, Чечня... НАТО тут ни при чем. Почему мы видим опасность там, где ее нет?

— Андрей Владимирович, вы не считаете опасным расширение НАТО, потому что вы западник?

— Я хочу, чтобы мы все жили как на Западе. Я не хочу, чтобы мы жили так, как на Востоке. Сравните уровень жизни Запада и Востока. Я не имею в виду Японию — она, по нашим понятиям, тоже Запад. Спросите нормальную домохозяйку, куда она хочет ходить? В западный супермаркет? Или на наш колхозный рынок? Или на восточный базар, где что-то можно купить, но качество не то? Я хочу, чтобы наша хозяйка ходила на западный рынок и чтобы мы жили на их уровне.

Такой разговор состоялся у нас с Козыревым в далекие девяностые годы. Много изменилось с тех пор. И мы сами сильно изменились.

Передача дел

Наступил момент, когда он стал проигрывать в спорах о внешней политике. Ельцин решил, что пора избавиться от министра, который подвергается постоянной критике. Козырев стал не нужен, и в начале 1996 года он написал заявление об отставке.

10 января на коллегии министерства Ельцин представил дипломатам нового министра — Евгения Максимовича Примакова. Борис Николаевич так легко расставался с самыми близкими людьми, что создавалось ощущение, будто он вовсе не способен к обычным человеческим чувствам.

— У него личные привязанности не довлеют над политической целесообразностью, как он ее понимает, — считает Андрей Козырев. — За это его можно критиковать, но политик такого уровня должен ставить во главу угла дело, а не личные отношения. И я бы мог сказать: мы пять с лишним тяжелых лет были вместе, и вдруг он меня сдает... Но я понимаю, что он должен руководствоваться только политическими интересами. Нельзя критиковать его за то, что он политические соображения ставит выше личных отношений. Соратники, союзники и помощники были нужны Ельцину для выполнения определенной цели. Как только цель достигнута, он расставался с этими людьми.

— Когда вы сдавали дела Примакову, о чем вы говорили?

— Мы встретились, обменялись мнениями. Я пытался рассказать о трудностях, проблемах, которые стоят перед министерством. Евгений Максимович задавал вопросы. Договорились, что, если что-то понадобится, он всегда может ко мне обратиться, как и я к нему. Была вполне нормальная беседа.

— Он не обращался?

— Он не обращался. Мы с Евгением Максимовичем можем себя поздравить с тем, что отошли все-таки от советской практики, когда ушедший министр поливает грязью своего преемника, а преемник, в свою очередь, все валит на ушедшего. Во всяком случае, публично это не происходит.

— Если бы вас в тот момент спросили, кого вы видите на посту министра, то кого бы вы назвали?

— Я бы Евгения Максимовича не назвал. Он и так был на должности. Но когда я узнал, что президент его назначил, то для меня это был вполне обоснованный и понятный выбор.

— Вы не хотите называть имена, чтобы не бросать на них тень?

— Конечно.

— Но вы видели таких людей?

— Конечно. Много кандидатур.

— Бывают руководители, которые смотрят вокруг и говорят: нет, нечем меня заменить.

— У меня такого никогда не было. Никогда не было идеи собственной незаменимости. Это наша драма, что, заняв какое-то кресло, человек становится незаменимым. Беда, что такая богатейшая талантами страна воспринимается как неспособная рождать собственных Ньютонов и Платонов.

Завидный жених

Что происходит с министрами, когда они уходят в отставку и исчезают с экранов телевизоров? Что они делают в отставке? Зарабатывают деньги? Отдыхают? Пишут воспоминания? Играют в домино?

Прежде всего, о бывших министрах мгновенно забывают. Это произошло и с Козыревым. Первые полгода после ухода в отставку Андрей Владимирович провел в думском кабинете и в своем избирательном округе. Отставка пошла Козыреву на пользу: он отдохнул, расслабился и женился на молодой и красивой женщине.

— Как вы перенесли столкновение с бытовыми проблемами после пяти лет министерской жизни?

— Переход из одного состояния в другое практически шоковый. И когда становишься министром, и когда перестаешь им быть, особенно если ты пять лет был министром. Хорошо это сформулировал мой друг Джим Бейкер. Когда он перестал быть государственным секретарем США, то сказал: «Самое неожиданное — это то, что машина у подъезда желтая (то есть такси), и водитель спрашивает, куда ты хочешь ехать».

— При всем при том жизнь в Соединенных Штатах весьма отлажена, чего не скажешь о нашей стране.

— Безусловно. Бейкер ушел в свою семейную фирму, которую основал его дед больше ста лет назад. Это хорошие деньги, у него прекрасный офис в Вашингтоне. Он пришел на пост государственного секретаря из этой жизни и вернулся в нее. А я пришел из ниоткуда и ушел в никуда. Это и создает предпосылки для того, что люди, оказавшись на должности, стараются это время максимально использовать для собственного блага, чтобы смягчить себе потом существование. Это основа коррупции. Если министр видит, что у него в распоряжении есть какие-то квоты (у меня их не было), распределив которые он сможет потом пересест в лучшую машину и вести лучшую жизнь, то убедить его не делать этого очень трудно. Я, сталкиваясь сейчас с весьма неприятными жизненными обстоятельствами — такими, как у всех, впрочем, — иногда в сердцах себе говорю: надо было, черт возьми, что-нибудь придумать тогда такое, чтобы сейчас все было проще...

От половины проблем Козырева спасает завидный характер.

— У меня практически не бывает устойчивого дурного настроения. Сгорела дача — это огорчительно, тем более что нет денег ее восстановить,

но долго огорчаться я не могу. А чтобы я просто предавался меланхолии — это не в моем характере. Но это не значит, что я не переживаю, что у меня нет сильных страстей и пристрастий, скажем политических. Просто я считаю необходимым держать их при себе.

— Вы генетически спокойный человек? Вы с детства были спокойным? Или это результат самовоспитания, умения держать себя в руках, не распускаться?

— Я спокойный по манере поведения. И это сознательно, я очень стараюсь это делать. У меня был только один срыв, за который мне до сих пор стыдно. Еще в роли министра я приехал в Мурманск. У нас такая манера: когда приезжают люди определенного уровня, то в провинции останавливают движение целыми кварталами. Впереди машина с мигалкой, сзади машина с мигалкой. Меня это всегда раздражало. А когда приезжаешь в Мурманск вести избирательную кампанию?.. И так на тебя люди смотрят — почему ты не можешь проехать нормально? Зачем тебе охрана? В избирательном округе тебе это может стоить большого числа голосов. Я один раз доказываю, что этого не нужно, второй раз — в своей спокойной манере. Но все бесполезно. Наконец, я остановил эту кавалькаду, вышел из машины и, довольно грубо поговорив с представителями соответствующих служб, настоял все-таки на том, чтобы весь этот кортеж разогнали, и я спокойно проехал по своему избирательному округу — как человек, а не как президент банановой республики. За эту грубость мне было неприятно, потому что эти люди невиноваты — у них свои инструкции. То есть у меня бывают срывы.

— Для ушедшего в отставку министра вы очень молоды. Вы думали о продолжении политической карьеры?

— Я действительно исхожу из того, что жизнь у меня только начинается. Евгений Максимович Примаков стал министром (после меня) в шестьдесят пять лет. Так что у меня впереди по крайней мере столько же, сколько позади.

В 1999 году Козырев не стал баллотироваться в депутаты. Работал в московском представительстве транснациональной фармацевтической корпорации, принадлежавшей американскому миллионеру югославского происхождения Милану Паничу. В решающие для Югославии дни Панич стал премьер-министром страны, баллотировался на пост президента Сербии, но проиграл Слободану Милошевичу, который — в результате нескольких войн — привел сербов к катастрофе.

В одном из наших разговоров Козырев предложил поспорить на бутылку коньяка, что в скором времени опять возникнет необходимость в

такой же открытой и либеральной внешней политике, которую он проводил. Сожалею, но Андрей Владимирович проиграл. Я могу претендовать на коньяк.

Евгений Максимович Примаков

Академик отказался стать генералом

Глубоко Евгения Максимовича Примакова знали не многие, только те, кто входил в тесный круг его друзей. На экранах телевизоров Примаков часто предстал мрачноватым. Казалось, что он постоянно недоволен. Когда он стал министром иностранных дел, то первое время появлялся на публике в непроницаемых темных очках. Это производило не очень приятное впечатление. И я написал полосный материал в «Известиях» о Примакове под заголовком «Темные очки мешают увидеть истинное лицо министра». Видимо, кто-то еще ему сказал об этом, и он вскоре очки сменил, чтобы можно было видеть его глаза.

Пасмурный на вид, в реальности он был веселым, жизнерадостным человеком. Писал лирические стихи, любил застолье, знал множество анекдотов и хранил верность товарищам. Он многое делал как бы играючи. Защищал диссертации, не собираясь посвящать себя полностью науке, а получилось, что академическая карьера стала главной. Ушел из научного института, не предполагая, что со временем займет крупные посты в правительстве и в конце концов возглавит кабинет министров.

По образованию он арабист, специалист по Ближнему Востоку, где потом работал корреспондентом газеты «Правда». Из журналистики перешел в мир академической науки: возглавлял Институт востоковедения, затем Институт мировой экономики и международных отношений, был избран в Академию наук. Горбачев приблизил его к себе и вовлек в большую политику, сделал председателем Совета Союза Верховного Совета СССР, кандидатом в члены политбюро, членом Президентского совета, Совета безопасности...

Считается, что Примаков всю жизнь работает на КГБ. Но это явное недоразумение. В кадрах КГБ, по сведениям знающих людей, Примаков не состоял и среди «добровольных помощников» госбезопасности тоже не числился. Напротив, руководство КГБ его не жаловало и карьере его мешало.

Почему же Примакову приписывают службу в КГБ? Возможно, потому что он занимался некоторыми деликатными делами, например отношениями с иракскими курдами. Это действительно была секретная миссия, особое задание, но не разведки, а ЦК КПСС.

Примакова советовали Горбачеву на роль вице-президента, но Горбачев предпочел тогда Геннадия Ивановича Янаева и совершил ошибку. Примаков — в отличие от Янаева — никогда бы не предал своего президента. Примаков верный и надежный человек. Возможно, поэтому Евгений Максимович — единственный крупный политик, который был в фаворе и у Горбачева, и у Ельцина.

А ведь Ельцин горбачевцев в свою команду принципиально не брал. В последние месяцы существования Советского Союза Ельцин даже сопротивлялся назначению Примакова на должность начальника разведки. Ельцина пришлось уговаривать. Зато потом он в полной мере оценил Примакова.

Смерть сына

Кажущаяся легкость карьеры — свидетельство многих талантов, хотя во всякой карьере имеет значение и элемент случайности, а точнее, везения. А вот в личной жизни у него была настоящая трагедия — он потерял жену и сына.

Такая утрата для любого человека непереносима, а для Примакова, горячо любившего семью, в особенности. Но Евгений Максимович никогда не жаловался, не показывал, как ему тяжело, и не впадал в тоску. Несмотря на карьеру и профессиональные успехи, самым главным в жизни для него была семья. Он рано женился, но их чувства с Лаурой нисколько не угасли. Они были не только мужем и женой, но и друзьями, дополняли друг друга. Они родили двоих детей — сына и дочь: Александра и Нану.

По рассказам всех, кто его знал, Саша Примаков был очень умным и способным.

— Саша был потрясающий мальчик, — вспоминал Томас Анатольевич Колесниченко, правдист, старый друг Примакова. — Для меня это идеал. У меня таких детей нет, и ни у кого я таких не видел. Он пошел в Евгения Максимовича.

Александр был аспирантом, но уже опубликовал работы, на которые ссылались. Ему предлагали и корреспондентом в Каир поехать, и в науку идти. Но этому не суждено было случиться. Саша Примаков ушел из жизни совсем молодым человеком, внезапно, на руках у друзей.

— Это один из самых черных дней моей жизни, — говорил Валентин Сергеевич Зорин, который подружился с Примаковым, когда они совсем молодыми вместе работали на радио. — Саша был моим аспирантом. Трое аспирантов пошли дежурить в праздничный день — это было первое мая 1981 года. Прекрасный весенний день. Вдруг Саша схватил товарищей за руки и сказал: я умираю. И умер мгновенно.

Сердце не выдержало, как потом у матери, Лауры... Саше Примакову было всего двадцать семь лет. У него было больное сердце, но он умер так неожиданно, что никто к этому готов не был и не думал, что это может произойти.

Когда это случилось, Примаков находился в командировке в Мексике. Валентин Зорин с помощью посольства разыскал его в гостинице и сказал: «Делай, что хочешь, но завтра ты должен быть в Москве».

— Он спросил, что случилось?

— Нет, но, наверное, догадался...

Друзья встретили его у трапа. Он спустился весь белый, и ему сказали:

— Саши больше нет.

Томас Колесниченко:

— Вот ехали из аэропорта в машине, а сзади «скорая помощь», чтобы оказать Жене помощь, если ему станет плохо.

Валентин Зорин:

— В полубессознательном состоянии мы доставили его домой, где лежало тело сына... Вот что ему выпало. Женя переживал это очень страшно. Если бы не дочь и внуки, он бы этого не перенес.

Люди вокруг Примакова знали об этой трагической истории и понимали, что переживает Евгений Максимович.

— Я помню, что как раз после смерти его сына был ученый совету нас в институте, — вспоминал Алексей Всеволодович Малашенко, доктор исторических наук, сотрудник Института востоковедения. — Все собрались, и стояла мертвая тишина. Сидели почтенные ученые и не знали, как им выразить свое сочувствие. А Примаков держался замечательно, ни жестом, ни словом не показал, каково ему сейчас.

Томас Колесниченко:

— Он продолжал работать. Да, вот в этом воля Жени. Он уходил в работу, он спасал себя работой.

Валентин Зорин:

— Два года после смерти Саши Примаков рабочий день начинал с того, что ехал утром на кладбище и час сидел у могилы сына, а потом ехал на работу...

Смерть сына была первой из двух трагедий, которые обрушились на Примакова.

Спасти могла только пересадка сердца

Все, кто знал Лауру Васильевну Примакову, сохранили о ней наилучшие воспоминания. Очаровательная женщина, великолепная мать и умелая хозяйка. Она изумительно готовила, была гостеприимна, доброжелательна. Чудесно играла на фортепьяно. И все у нее получалось легко, просто. Всегда полон дом гостей. Они жили весело и интересно.

Лаура Примакова была общительной, со множеством подруг. В день рождения Лауры Евгений Максимович приглашал их всех к себе. Точно так же, приезжая в последние годы в Тбилиси, он обязательно ездил на кладбище, где похоронены его мать и теща, и собирал старых друзей...

Одним из самых близких друзей Примакова был Владимир Иванович Бураковский, крупнейший кардиохирург, директор Института сердечно-сосудистой хирургии, академик медицины, лауреат ленинской и государственной премий, последний Герой Социалистического Труда, получивший Золотую звезду из рук Брежнева. Бураковский тоже вырос в Тбилиси, но он был старше Примакова на семь лет — в детстве и юности это имеет значение. Потом эта разница перестала быть заметной. Они подружились уже в начале семидесятых, когда Примаков вернулся с Ближнего Востока.

Лиана Бураковская, вдова Владимира Ивановича, вспоминала:

— Мы приехали к Примаковым в маленькую квартиру на улице Ферсмана. Ничего у них не увидела роскошного, да они и не привыкли к роскошной жизни. Но жили они весело. Евгений Максимович оказался блестящим рассказчиком. Когда потом у нас собиралась вся наша компания, это был фейерверк остроумия. И Лаура была такая же. Не полюбить эту семью и не сблизиться с ней было невозможно.

Они никогда не относились к себе слишком серьезно, у них не было никакого чванства. Всегда подшучивали друг над другом. Евгений Максимович не тщеславный и не напыщенный. Это нереализовавшиеся люди постоянно говорят о себе. А тот, у кого все получилось, ему-то зачем? Такие люди относятся к себе критически, с иронией. Хотя Лаура искренне гордилась, когда ее муж сделал такую карьеру:

— Я же говорила, что мой Женя — номер один!

Лаура была такая жизнерадостная. Друзья не знали, что она больна. Когда ей стало плохо, Бураковский первым к ней прибежал, потому что Примаковы жили рядом с его институтом на Ленинском проспекте.

Приступ купировали, а ее заставили обследоваться. Врачи поставили тяжелый диагноз: миокардит, это воспаление сердечной мышцы, она слабеет и перестает работать. Это неизлечимое заболевание. Саша Примаков, кстати, умер от миокардита.

В таких случаях показана пересадка сердца. Бураковский хотел начать операцию по пересадке сердца, но тогдашний министр здравоохранения Борис Васильевич Петровский, сам хирург-кардиолог, ему это запретил. А лекарства при миокардите не помогали, восстановить работоспособность миокарда — сердечной мышцы — не удавалось.

Наступил момент, когда врачи сказали, что жить Лауре Примаковой осталось всего лет пять. Они, конечно, сказали это не ей, а мужу. С этим страшным известием Евгений Максимович пришел к Бураковским. Он выглядел подавленным, потухшим, ушел в себя. Он мог говорить только с Бураковскими. Не только потому, что Владимир Иванович врач. Они тоже пережили страшную трагедию — в автомобильной катастрофе погибла их дочь. Ее могила рядом с могилой Саши Примакова.

— Евгений Максимович сказал жене о диагнозе? — спросил я Лилиану Альбертовну Бураковскую.

— Нет, нет! Никто не говорил. Делали вид, что все нормально. Примакова пригласили в Японию с женой. Он советовался: можно ли ей ехать? Решили: пусть Лаура съездит, отвлечется. И хорошо, что она поехала... А потом она чувствовала себя все хуже и хуже, лежала на даче, очень ослабела... Лаура и пяти лет не прожила.

Томас Колесниченко:

— Мы знали, что у Лауры слабое сердце. Она лежала в больнице. Мы ее навещали. Но, конечно же, никто из нас не мог предположить, что все произойдет так быстро.

В один из июньских дней 1987 года Лаура и Евгений Максимович вышли во двор. Она вдруг говорит:

— Женя, у меня остановилось сердце.

Вызвали «скорую», но уже было поздно. Она умерла. Ей было всего пятьдесят семь лет, она на год младше Евгения Максимовича. Вторая трагедия за несколько лет. Наверное, поэтому у Примакова исчезло то искрящееся веселье, каким он отличался в молодые годы. Как тут не стать сумрачным?..

— Но он очень волевой человек, — говорил Томас Колесниченко. — Это качество позволило ему добиться всех целей, которые он перед собой ставил. И в трагические минуты он тоже умел держать себя в руках.

— Даже со стороны видно, что он всегда собой владеет,

самообладание очень сильное. Но это не означает, что он холодный и циничный человек?

— Нет, нет. Ну что вы! Он, наоборот, ненавидел равнодушие и цинизм.

В дни памяти Лауры и Саши Евгений Максимович обязательно собирал друзей на могиле, а потом вез на поминки.

Лилиана Бураковская:

— Когда Евгений Максимович остался один, он очень часто к нам приезжал. Он разъехался с дочерью. Молодой семье нужно жить отдельно, он и дачу дочери отдал. Он получил небольшую двухкомнатную квартиру в центре. Мы приходили к нему, там стояли книги и фотографии Лауры. Но ведь в какой-то степени страдания и облагораживают. Он всегда был благородным человеком. Может быть, он стал глубже.

Лечащий врач

Во второй раз Примаков женился на своем лечащем враче — Ирине Борисовне Бокаревой. Ирина Борисовна работала в санатории «Барвиха», который был самым комфортабельным и престижным в системе 4-го главного управления при Министерстве здравоохранения СССР. Хотя санаториев и домов отдыха для начальства было предостаточно — от Рижского взморья до Сочи, от Курской области до Валдая, в советские времена все предпочитали «Барвиху».

Мягкий климат средней полосы, показанный практически при любом заболевании, близость Москвы, большие комнаты, хорошее диетическое питание и настоящая медицина — это привлекало отдыхающих даже не в сезон. Получить путевку в «Барвиху» считалось особой честью. Здесь отдыхали высшие начальники. Менее высоким чиновникам в путевке отказывали. Если ехать по Рублевскому шоссе, то, не доезжая до дачного поселка Жуковка и правительственных дач, можно увидеть простой указатель: Барвиха. Надо развернуться и съехать с шоссе на красивую лесную дорогу. И скоро появится новый указатель: санаторий «Барвиха».

Во время войны здесь был госпиталь. Тех, кому врачи не сумели помочь, похоронили рядом — военное кладбище сохранилось и по сей день. У ворот каменный домик, из которого появится бравый дежурный. Если вы приехали отдыхать, то надо предъявить путевку. Если в гости, то ваша фамилия или номер машины должны значиться в списке, представленном главным врачом. Если вас ждут, то ворота открываются, и можно въехать в санаторий. Дорога со строгими указателями «Стоянка машин у корпуса запрещена!» — ведет к главному корпусу. Двери раскрываются автоматически. За столиком сидит дежурный. Отдыхающих встречают как родных. Вещи на тележке везут до номера, чтобы гость, не дай бог, сам ничего не таскал.

В санатории мало отдыхающих, они друг друга почти не видят. Зато множество невероятно вежливых людей в белых халатах. Здесь не раздражаются и ни в чем не отказывают отдыхающим. Каждого называют по имени-отчеству. Имена помнит не только лечащий врач, но и сестры, и подавальщицы в столовой, и нянечки, и те, кто разносит больным пищу в комнаты. Каждому отдыхающему, если он приехал без жены, полагается уютный одноместный номер с небольшим предбанником и собственной туалетной комнатой. В комнате одежный шкаф, телевизор, холодильник,

письменный стол, журнальный столик и телефон с московским номером. Семейные номера побольше. Обязательно горка с посудой и электрический самовар. В прежние времена каждого бесплатно снабжали бельем, спортивными костюмами и кедами.

Нравы в санатории либеральные. Можно держать в своем холодильнике вино, водку и попросить дежурную сестру принести штопор. Хотя это и санаторий, но никто не удивится. Санаторий состоит из нескольких корпусов, соединенных ходами или зимним садом. Архитектура затейливая. Живут на первом и втором этажах, на третьем находятся административные кабинеты, кинозал — кино каждый вечер. Врачебные кабинеты на разных этажах. В каждом номере маленький балкончик, в том числе и на первом этаже.

В столовой шведский стол — овощи, зелень, а остальное по заказу из меню. В санатории свое птичье хозяйство. Можно получить разгрузочное питание — его носят в номер, чтобы желающий похудеть не ходил сам в столовую и не смотрел с завистью, что едят другие. Летом катаются на велосипеде, играют в пинг-понг, купаются в пруду. Но велосипед и лодка — только по назначению врача. Помимо лодочника дежурит сестра — вдруг кому-то из отдыхающих станет плохо. Построили красивый чайный домик, там на свежем воздухе пьют чай — с медом, вареньем и конфетами (за отдельную плату). Желающие ходят в бассейн и сауну.

Но в основном в «Барвихе» лечатся. Через полчаса после прибытия отдыхающих в номере появляется лечащий врач. Он, или чаще — она, будет приходить каждый день, кроме выходных (когда остается только дежурный врач), в удобное время между завтраком и обедом. Всем назначают много процедур — так что до обеда все заняты. Санаторий славится физиотерапией: магнитотерапия, электрофорез, токи Бернара, вихревые ванны, гидромассаж, углекислые ванны и многое другое.

Часа в четыре дня врачи собираются домой. Но прежде заглядывают к пациенту:

— Нет ли проблем? Не нужна ли я вам больше сегодня?

Врачей всегда старались подбирать знающих, умелых, любезных, способных лечить и сделать жизнь отдыхающего приятной. Одним из лечащих врачей в перестроечные времена в «Барвихе» была Ирина Борисовна Бокарева. Молодая женщина, она с семьей приехала из Ставрополя — землячка Горбачева, о чем тогда рассказывала не без гордости. Ее первый муж — высокий человек с пшеничными усами, несколько замкнутый, — тоже работал в «Барвихе» врачом-рентгенологом. Дочка училась в школе, на лето ее отправляли к бабушке с дедушкой.

На Ирину Борисовну сразу обратили внимание: обаятельная женщина, умный и образованный врач. Для всех у нее находится доброе слово. Каждый человек, разговаривая с ней, чувствует, как она ему симпатизирует. Она приходила утром к своим пациентам в прекрасном настроении и этим настроением заражала пациентов: доброе утро, как вы спали? И спрашивала искренне, участливо. Запоминала все просьбы и пожелания отдыхающих. Говорила не о себе, а о больных, что не так уж часто бывает среди врачей. Ее любили отдыхающие, ценил обслуживающий персонал и начальство.

В «Барвихе» Примаков и познакомился с будущей женой.

Когда его в 1989 году избрали кандидатом в члены политбюро ЦК КПСС, он попросил Ирину Борисовну стать его лечащим врачом. Из «Барвихи» ее перевели в Москву в поликлинику на улице Грановского — для высшего руководства.

После смерти Лауры Примаков долго не женился и даже не думал об этом. Но Ирина Борисовна оказалась именно той женщиной, которая ему была нужна. В 1994 году они поженились, и у Примакова, можно сказать, открылось второе дыхание. Едва ли бы он справился со своей работой, не будь рядом с ним такого человека.

Лилиана Бураковская:

— Его новая жена очень обаятельная, красивая, душевная. Умница, скромная. Она хорошо отнеслась и к кругу его старых друзей. Она трогательно к нам относится.

Всеволод Владимирович Овчинников:

— Его старые соратники были очень рады, что рядом с ним не только дочь Нана, но и близкий человек, который в какой-то степени эти утраты может восполнить. Конечно, такие удары судьбы не каждый способен выдержать...

Детство без отца

Компенсацией всех горестей стало обилие преданных друзей, окружающих Примакова. У него было множество товарищей и в Москве, и на Кавказе. Он любил друзей, друзья его любили. Это стиль такой кавказский, тбилисский.

Виталий Никитич Игнатенко, многолетний генеральный директор ТАСС:

— Его мужественное поведение — наверное, это закваска с детства, он в тяжелое время вырос, да еще и без отца. Но был замечательный тбилисский двор, в котором он вырос, верные друзья. И у него был хороший тыл. Это очень важно — чувствовать, что за тобой товарищи, которым все равно кто ты, на какой машине ты едешь, есть ли вообще у тебя эта машина. Это придает жизненную силу...

Евгений Максимович родился в Киеве 29 октября 1929 года. Но на Украине юный Примаков прожил считанные дни. Его перевезли в Тбилиси (тогда по-русски город назывался Тифлис), где он вырос и жил до 1948 года, пока не уехал в Москву учиться.

Его появлению на свет сопутствовали непростые семейные обстоятельства. Что заставило его мать срочно покинуть Киев? Можно только предполагать, что за решением Анны Яковлевны, взяв грудного младенца, проехать почти через всю страну и обосноваться в Тбилиси, стояла непростая жизненная драма.

Практически ничего не известно о его отце. Самые близкие друзья утверждают, что Евгений Максимович об отце никогда не заговаривал. Расспрашивать его даже в своем кругу было не принято.

В автобиографии Примаков писал:

«Отец умер, когда мне было три месяца (к этому времени мы уже переехали в Тифлис). Воспитывался матерью, проработавшей последние тридцать лет своей жизни врачом в поликлинике Тбилисского прядильно-трикотажного комбината. В 1972 она умерла в Тбилиси».

Позднее в мемуарах Евгений Максимович писал:

«Фамилия моего отца Немченко — об этом рассказала мне мать. Я его никогда не видел. Их пути с матерью разошлись, в 1937 году он был расстрелян. Я с рождения носил фамилию матери — Примаков».

Работая в Кремле или будучи начальником Службы внешней разведки, Евгений Максимович мог, наверное, узнать больше о судьбе отца. Но если

Примаков что-то и выяснил, то рассказывать не пожелал.

Семейные дела Евгения Максимовича Примакова, разумеется, исключительно его личное дело. Они представляют общественный интерес только в одном смысле: как детство без отца повлияло на его дальнейшую жизнь, на его отношения с людьми, на его характер, взгляды и образ действий?

В Тбилиси Примаковы жили в двух комнатах на Ленинградской улице в доме № 10. К его матери — Анне Яковлевне, которая всю жизнь лечила людей, в городе хорошо относились. Акушер-гинеколог Анна Примакова трудилась в Железнодорожной больнице, потом в женской консультации Тбилисского прядильно-трикотажного комбината. Милая, добрая, скромная, интеллигентная женщина, она многое передала сыну. Но растить его в одиночку ей было, наверняка, не просто.

Нет сомнений в том, что Примаков, как и любой мальчик в столь незавидных обстоятельствах, тосковал и страдал оттого, что рос без отца. Рассказывают, что родители его друзей были особенно к нему внимательны, и это несколько компенсировало невосполнимую утрату.

У его матери были братья и сестры, но они погибли один за другим. Дядю-врача, который жил в Баку, арестовали и расстреляли в тридцать седьмом. В Тбилиси у Примаковых тоже были родственники. Они помогали молодой женщине, оставшейся одной с ребенком. Сестра Анны Яковлевны вышла замуж за известного медика, профессора Михаила Давидовича Киршенבלата, директора Тбилисского института скорой помощи. В период массовых репрессий и его уничтожили.

Примакову повезло в том, что он оказался именно в Тбилиси, замечательном городе с особым теплым и душевным климатом. Тбилиси тех лет был одним из немногих городов, где в какой-то степени сохранились патриархальные нравы, и человек не чувствовал себя одиноким, а был окружен друзьями, приятелями, знакомыми, соседями и тем самым принадлежал к какой-то группе, клану, сообществу.

Здесь было принято помогать друг другу. Потом все знающие Примакова будут восхищаться его умением дружить и верностью многочисленным друзьям. Это качество было заложено тогда, в Тбилиси. Он понял, как важно быть окруженным друзьями, и научился дорожить близкими людьми.

В Тбилиси он оказался в кругу талантливой молодежи. Кое-кто из тех, с кем он учился в одной школе, с кем гулял по улицам вечернего города, с кем ходил на танцплощадку, добился с годами мировой славы. Рядом жил будущий глава Союза кинематографистов СССР режиссер Лев

Александрович Кулиджанов. Выдающийся грузинский философ Мераб Константинович Мамардашвили (он был на год младше Примакова, но рано ушел из жизни) позже, шутя, говорил:

— Мы с ним за одними и теми же девочками бегали.

Там же, в Тбилиси, рос выдающийся кардиохирург Владимир Иванович Бураковский. Позднее, уже в Москве они станут с Примаковым близкими друзьями.

Вдова Бураковского, Лилиана Альбертовна, выросшая в Сухуми, рассказывала:

— Воспитание у них с Бураковским было одно — тбилисское. У них был один кодекс чести, очень достойный. В старом Тбилиси люди доброжелательно относились друг к другу. Никого не интересовала национальность соседей и друзей — это было неважно. Тбилиси был интернациональным городом, многоголосым, разноплеменным. Рядом жили грузины, менгрелы, курды, много армян, евреи, турки — очень смешанный город. Было важно другое — как человек относится к жизни, к друзьям, умеет ли он защитить свою честь и не уронить свое достоинство, вести себя как положено мужчине. Вот это были критерии, по которым оценивались люди...

Леон Аршакович Оников, который почти всю жизнь проработал в аппарате ЦК КПСС, был знаком с Примаковым шестьдесят лет. Оников тоже учился в Тбилиси:

— Мы познакомились, когда он учился где-то в третьем классе, а я постарше был. Но поскольку я переехал из периферийной школы и год потерял, то разница между нами стерлась. Вот с этих пор мы друг друга знаем.

Юный Примаков похож был на маму. Полным он еще не был, средней комплекции. Его иногда называли самураем: глаза раскосые, лицо худое, тонкие усики.

— Тбилиси — это кузница дружбы, там высока культура дружеских отношений, — рассказывал Леон Оников. — Мно-гонациональность Тбилиси — это достоинство города. Грузинам присуща большая деликатность в личной жизни, рафинированность. Русские, живущие в Тбилиси, в дополнение к своим качествам — твердости, открытости — вбирали замечательные грузинские черты. А кроме того, в городе кто только ни жил — и греки, и персы, пока их Сталин не выслал. Это делало нас интернационально мыслящими людьми.

А вот в Москве Примаков столкнется с непривычной для него практикой делить людей по этническому признаку. Его друзья не любят

говорить на эту тему. Отдельваются общими фразами насчет того, что «в нашем кругу его национальность никого не интересовала». В этом никто не сомневается, порядочные люди не могут вести себя иначе. Но Москва не состоит из одних только друзей Евгения Максимовича.

В архивах ЦК КПСС, открытых после августа 1991 года, сохранились письма бдительных ученых, сигнализировавших партийному руководству о нерусском происхождении Примакова в надежде сместить неугодного директора:

«Коммунисты Института востоковедения АН СССР просят вас принять самые строгие меры против произвола, беззакония, взяток, злоупотребления служебным положением, которые насадил в нашем институте «академик» директор Примаков Е.М., настоящая фамилия Киршинблат.

Махровый делец, руководитель сионистской мафии в институте, злоупотребляет служебным положением, почти целый год пребывает в загранкомандировках, собирая взятки со своих сотрудников, живущих за границей, и на нетрудовые доходы выстроил себе дачу-дворец на «Малой земле». Не брезгуя ничем, крупной мошной разбазаривает Примаков-Киршинблат государственную казну для своего обогащения, алчности, наживы.

Он полностью развалил институт, разделив сотрудников на угодных ему евреев и неугодных остальных прочих...»

Это малограмотное письмо — не анонимное, а с подписями конкретных людей — было написано уже в горбачевские времена и поступило в ЦК КПСС в октябре 1985 года. Поскольку Примаков взяток не брал, государственное имущество не разбазаривал и дачу-дворец не строил, то письмо трудящихся практических последствий не имело. Но с такими письмами знакомили высшее руководство, устраивались проверки, и в аппарате сладострастно шушукались: у академика-то, оказывается, не все ладно по пятому пункту...

— Разговоры о том, что Примаков — скрытый еврей, ходили и по нашему Институту мировой экономики и международных отношений, — рассказывал Владимир Размеров, много лет проработавший в ИМЭМО. — Такие слухи ходят всегда. Даже Иноземцева, предыдущего директора, евреем считали, и Арзуманяна, нашего первого директора, в евреи записали, потому что он, якобы, брал в институт только армян и евреев. Наша страна без антисемитизма и других «анти», без пренебрежительного отношения к «чучмекам» долго еще не сможет обойтись. Такие разговоры в нашем обществе неизбежны при наших дрянных привычках. У нас

каждый должен расщепить генеалогическое древо руководителя прямо на спички и найти что-нибудь нехорошее. Таких умельцев полно, в том числе и в нашем институте.

— В первые годы перестройки, — вспоминал бывший член политбюро академик Александр Яковлев, — на митингах лидер «Памяти» Дмитрий Васильев распространял листовки, где говорилось, что в Советском Союзе существует сионистский заговор. Кроме меня, как главного советского еврея, там обязательно фигурировал Евгений Максимович Примаков — под другой фамилией. Забыл какая. Потом и Ельцина включили в этот список.

Озабоченные еврейским вопросом не сомневаются в том, что русская фамилия Примакова — не настоящая, а придуманная, что не только его мать, но и отец — евреи. Работая над мемуарами, он счел необходимым рассказать о своем происхождении.

«Антисемитизм всегда был инструментом для травли у тупых партийных чиновников, — пишет Евгений Максимович. — Мне всегда были чужды как шовинизм, так и национализм. Я и сегодня не считаю, что Бог избрал какую-либо нацию в ущерб другим. Он избрал нас всех, которых создал по своему образу и подобию...

С моей бабушкой по материнской линии (еврейкой) связана романтическая история. Обладая своенравным характером, она вопреки воле моего прадеда — владельца мельницы, вышла замуж за простого работника, к тому же русского, отсюда и фамилия Примаковы».

Эта тема заслуживает внимания опять же с одной только точки зрения: в какой степени это обстоятельство повлияло на жизнь Примакова?

В Тбилиси национальный вопрос не имел значения. Судя по всему, в юношеские годы ему и в голову не приходило, что он чем-то отличается от окружающих его грузинских ребят. Когда Примаков приехал в Москву, то он говорил так, как принято произносить слова в Тбилиси, то есть как бы с сильным грузинским акцентом. Потом его речь очистилась, и он стал говорить очень интеллигентно, чисто по-московски. Но и сейчас в минуту крайнего душевного волнения в его словах могут проскользнуть характерные грузинские интонации.

Антисемитизма в Грузии не было. Евреев не отличали от грузин, и многие грузинские евреи сами себя считали в большей степени грузинами, чем евреями.

От анонимок и чьей-то злобы это, разумеется, не спасало. Но, работая в «Правде» и в Институте мировой экономики и международных отношений, Примаков был под надежной защитой своего руководителя

академика Николая Николаевича Иноземцева, который, как это свойственно русскому интеллигенту, к антисемитам относился брезгливо и даже с нескрываемым отвращением.

Собственно политическая карьера Примакова началась уже в перестроечные времена, когда пятый пункт анкеты утерял прежнее значение. Для первого президента России Бориса Ельцина, насколько можно судить по его кадровой политике, национальность сотрудников вовсе не имела значения. Что касается националистов, которые строят свою предвыборную стратегию на лозунге засилья евреев в правительстве, бизнесе и средствах массовой информации, то Примаков сумел поставить себя так, что к нему не смеют цепляться по этому поводу.

В известных кругах, озабоченных чистотой крови, в его еврейском происхождении никто не сомневается. Но к нему подчеркнуто хорошо относятся даже те, кто не любит евреев. В подметных листовках его обвиняли в сионизме, когда он еще был в горбачевском окружении. Когда Примаков стал министром иностранных дел России, а затем и премьер-министром, левая оппозиция, вне зависимости от того, что она думала на самом деле, публично высоко оценивала его патриотическую позицию — в противостоянии Соединенным Штатам, в борьбе против расширения НАТО, в критике экономистов-либералов и готовности поддерживать отечественного производителя.

Как выразился в ту пору один из губернаторов:

— Евгения Максимовича Примакова мы считаем истинным российским патриотом.

Когда главой правительства был назначен Сергей Кириенко, сразу стали говорить и писать, что его настоящая фамилия — Израитель, и поэтому понятно, что ничего хорошего он для России не сделает... Примакову таких претензий не предъявляли.

Срочный вызов к президенту

5 января 1996 года в кабинете директора Службы внешней разведки Евгения Максимовича Примакова зазвенел аппарат спецкоммутатора:

— С вами будет говорить Борис Николаевич.

Президент спросил:

— Можете приехать ко мне?

Ельцин пригласил к себе Примакова не на обычный доклад, без бумаг и справок. Причем не в Кремль, а на дачу. Примакова не предупредили, о чем пойдет речь. Но несложно было догадаться. До Примакова донеслись слухи, что Козырев уже ушел со своего поста. Когда Евгений Максимович появился на президентской даче, Борис Ельцин сразу сказал ему:

— Есть идея назначить вас министром иностранных дел. Как вы на это смотрите?

Примаков категорически отказался:

— Борис Николаевич, мне кажется, вам не стоит этого делать. По многим причинам. Я окажусь неприемлемой фигурой для Запада, где меня считают другом Саддама Хусейна, аппаратчиком старой школы, консерватором, руководителем спецслужбы и так далее.

У Примакова были и личные причины отказываться от этого назначения. Ему нравилась работа в разведке. Служба внешней разведки по степени политического влияния почти сравнилась с Министерством иностранных дел, а необходимая на посту министра публичность только смущала Примакова. До президентских выборов оставалось меньше шести месяцев, все мысли Ельцина были о выборах, и Примаков добавил:

— Борис Николаевич, в предвыборной ситуации такое назначение неоправданно.

Ельцин выслушал его внимательно и ответил:

— Мне кажется, что минусы, о которых вы говорите, могут обернуться плюсом. Вы меня не переубедили, но, если хотите, будем считать, что вопрос остается открытым.

9 января директор Службы внешней разведки прибыл к президенту с обычным докладом о ситуации в мире. Ельцин хитро посмотрел на Примакова:

— Ну как? Перерешили?

Примаков с металлом в голосе попытался отказаться еще раз:

— Нет, я своего мнения не изменил.

Ельцин махнул рукой:

— А я перерешил.

Примаков попросил разрешения остаться на прежней работе еще на несколько месяцев, чтобы спокойно завершить начатые дела. Ельцин кивнул, но заботы разведки его в тот день не интересовали. Примаков вернулся к себе в Ясенево и сел работать. Открыв дверь, в кабинет мягко вошел секретарь. В разведке (так повелось со времен КГБ) секретарями работают мужчины-офицеры. Секретарь сказал:

— Извините, Евгений Максимович, в телевизионных новостях только что передали, что вы назначены министром иностранных дел Российской Федерации.

Так Примаков стал министром.

На следующий день, 10 января, коллегия Министерства иностранных дел пригласили в Кремль. Ельцин представил нового министра:

— Евгений Максимович в особых рекомендациях не нуждается. Его хорошо знают как у нас в России, так и за рубежом, и в международных делах он не новичок.

Ельцин сказал, что было несколько кандидатур.

— Необходимо было найти человека, который сочетал бы в себе опыт государственной работы, профессионализм, умение вести организационную работу, широту взглядов, личную честность и порядочность.

Через день, 12 января, Примаков устроил первую пресс-конференцию.

— Свое назначение я рассматриваю лишь с одной позиции — как необходимость усиления активности МИД в защите национальных государственных интересов России.

Для широкой публики и для всего мира назначение Примакова было неожиданным. Борис Ельцин сознательно выбрал полного антипода Андрея Козырева.

Лучший предвыборный ход

Ельцин хотел сменить внешнеполитический курс, чтобы выйти из-под огня критики, но не мог найти человека, который способен это сделать. Как только подходящий кандидат был найден, Козырев ушел. Примаков был на двадцать два года старше своего предшественника и заметно старше большинства министров в кабинете Виктора Степановича Черномырдина.

Евгения Примакова давно прочили в министры. Его фамилия несколько раз значилась в списках кандидатов, которые подавали сначала Горбачеву, потом Ельцину. В первый раз — в конце 1990 года, когда с поста министра неожиданно ушел Эдуард Шеварднадзе. Но Горбачева смутили разговоры о том, что Примаков слишком связан с непопулярными ближневосточными лидерами, вроде Саддама Хусейна. Ельцин тоже далеко не сразу воспринял кандидатуру Примакова...

Почему на замену Козыреву президент выбрал именно Примакова? Пять лет Козырев и Примаков работали в одной и той же сфере. Только один был на виду, а другой в тени. Взгляды Козырева были хорошо известны. Примаков сознательно воздерживался от всякой публичности. Но Ельцин, который принимал начальника разведки каждую неделю и читал его доклады, хорошо знал, что Примаков думает и что он предлагает.

Примерно с 1993 года мнения Козырева и Примакова стали сильно расходиться. Разведку, конечно, не стоит называть теневым министерством иностранных дел. Но в конечном счете разведка занята тем же самым: добывает сведения о ситуации в мире, оценивает происходящее и дает свои рекомендации, что и как следует делать. Первоначально различия в оценках носили тактический характер. Разведка делала одни акценты, МИД другие. Потом расхождения усилились, и, наконец, Козырев и Примаков по ряду ключевых проблем заняли прямо противоположные позиции. Ельцин взял в министры политика, который давно вел полемику с Козыревым, скрытую от широкой публики.

Все поздравляли тогда Примакова, но многие недоумевали: зачем он принял министерскую должность за несколько месяцев до президентских выборов? В феврале 1996 года шансы Ельцина на переизбрание были невелики. Политологи, опираясь на результаты опросов общественного мнения, почти единодушно сулили победу коммунистическому кандидату Геннадию Зюганову. К нему уже присматривались как к следующему президенту. Скептики и прагматики удивлялись: зачем Примаков «вышел

из леса» в такой неудачный момент? В роли начальника разведки он мог бы сохраниться и при Зюганове, а уж с поста министра иностранных дел новая власть его наверняка уберет...

Об этом на пресс-конференции спросили самого Примакова: не секрет, что может возникнуть такая ситуация, что вам придется сложить полномочия министра уже в июне этого года.

— Спасибо за этот прогноз, — чуть улыбнулся Примаков.

Журналисты засмеялись.

Подкупали солидность и основательность Примакова. Уже через месяц-другой стало ясно, что его назначение было точным внутривластным ходом. Как выразился один из его предшественников на посту министра Александр Бессмертных, это лучший выбор из числа непрофессионалов.

Примаков умело и изощренно прикрыл президентские тылы, лишив оппозицию возможности критиковать внешнюю политику. Даже коммунисты, злейшие враги Ельцина, не могли сказать ничего плохого о Примакове. И то, что на Западе его назначение приняли неприязненно, тоже было хорошо для Ельцина. Накануне выборов мнение американцев его не интересовало. Ему нужны были голоса избирателей, всех избирателей, в том числе и тех, кто ненавидит Запад.

В ходе президентской кампании 1996 года Ельцина обвиняли в чем угодно, кроме внешнеполитических провалов. Внутри страны Примаков получил полную поддержку. Он часто встречался с депутатами, и критики практически не было. Его ценили и те, кто поддерживал Ельцина, и оппозиция. Многие депутаты говорили, что Примаков знает, как разговаривать в Думе, как сделать депутатам что-то приятное, но при этом проводит свою линию и с нее не сворачивает. Этот феномен Станислав Николаевич Кондрашов, политический обозреватель «Известий» и давний друг Примакова, объяснял так:

— Почему он добился поддержки обществом своей внешней политики? Он ни с кем внутри страны не вступил в конфронтацию. Он исключил из своего лексикона внутривластные ярлыки, он не делил общество на демократов и коммунистов. Общество хотя и не едино, но импульс согласия ищет и готово принять. И принять с благодарностью...

Примаков говорил мне, что на посту министра он внутренней политикой принципиально не занимался:

— У меня есть собственные взгляды, как у всякого человека. Но у министра иностранных дел и у министерства в целом симпатии и антипатии должны быть отключены. Я никогда не позволю себе называть

кого-то зелеными, розовыми, красно-коричневыми, голубыми — я имею в виду цвета политического спектра.

— Разве Министерство иностранных дел может остаться в стороне от политики?

— МИД конечно же занимается политикой, но только внешней политикой, — повторил Примаков, — поэтому Министерство иностранных дел — это самое внутренне деполитизированное министерство...

Обеды подшевели

С приходом Примакова внешняя политика вышла из зоны острой критики, дипломатов оставили в покое. Его авторитет в Кремле и в правительстве, административный опыт позволяли надеяться, что и личные проблемы дипломатов будут решаться.

Примаков в бытность министром был одним из немногих политиков, имевших регулярный доступ к президенту, что не только позволяло ему решать свои проблемы, но и создавало определенный статус в отношениях с другими министрами, которые всегда ревниво следят за МИД. Спорить с Примаковым они не решались. И президент с большой готовностью откликался на его просьбы.

Через два месяца после назначения Примакова Ельцин подписал указ о координирующей роли Министерства иностранных дел. Правительству и администрации президента запрещалось принимать к рассмотрению вопросы, относящиеся к внешней политике, если они не согласованы с МИД. С официальными заявлениями по вопросам внешней политики разрешено было выступать только троим — президенту, премьер-министру и самому Примакову. Он добился этого, потому что время от времени разные политики — вице-премьеры, секретарь Совета безопасности — произносили такие речи, что Министерству иностранных дел приходилось срочно давать разъяснения.

Это не значит, что жизнь Примакова была спокойной. Время от времени проносились слухи, что президент может отправить Примакова в отставку. Ходили упорные разговоры о том, что Примакова на посту министра сменит Сергей Владимирович Ястржембский, молодой, динамичный политик с хорошим дипломатическим опытом, который стал заместителем главы президентской администрации и пользовался определенным влиянием на Ельцина.

В октябре 1997 года я приехал к Сергею Ястржембскому в Кремль, чтобы прямо спросить его, насколько верны эти предположения. Слухи о своем скором назначении он искренне опроверг и сказал:

— Евгения Максимовича надо успокоить.

Судя по болезненной реакции самого Примакова на эти слухи, министр понимал, что непредсказуемый президент способен на всякое.

Министру иностранных дел Примакову удалось то, что было не под силу его предшественникам, даже таким влиятельным, как Громыко и

Шеварднадзе: он отвоевал для себя все высотное здание на Смоленской площади. Никогда еще этот дом, построенный в 1952 году, не принадлежал целиком МИД. Наследников некогда могущественного министерства внешней торговли выселили, и в здании начался долгожданный ремонт. Сначала поудобнее расселись заместители министра — мидовские кабинеты очень скромные, в других ведомствах начальство сидит куда просторнее. Теперь заместителям министра выделили комнаты отдыха — они там, естественно, не отдыхают, а принимают иностранных послов. Потом взялись ремонтировать целые этажи, и рядовым сотрудникам тоже стало немного комфортнее.

Кроме того, сотрудники министерства вновь стали получать квартиры, и, как гордо сказал Евгений Максимович, обеды в мидовской столовой подешевели. Второй приятный сюрприз Примакова — повышение пенсий. До его появления пенсия даже посла — генеральская должность! — была мизерной. Было решено, что пенсия кадрового дипломата составит около восьмидесяти процентов всего его денежного содержания на последней должности.

— Не кисло, — радостно прокомментировал это решение один из членов коллегии министерства. — Служить можно.

Примаков завоевывал сердца подчиненных тем же способом, каким ему уже удалось расположить к себе сотрудников Службы внешней разведки: улучшая условия их жизни и работы. В первый же год работы Примакова в министерство пошла молодежь.

В мае 1998 года в Министерство иностранных дел приехал сам президент Ельцин — это редкое событие в жизни МИД. Он прочитал доклад, написанный для него в самом министерстве, и особо отметил роль Примакова.

— Наша дипломатия обретает новое дыхание, становится активнее, проявляет все больше принципиальности и умения добиваться поставленных целей, — говорил президент. — Внешняя политика России сейчас имеет большой авторитет в мире, и с ней считаются. Со своей стороны могу гарантировать: сделаем все, чтобы помочь вам закрепить и усилить высокопрофессиональный коллектив МИД.

Борис Ельцин повторил, что мир должен быть многополярным, призвал оценить важность нестандартной президентской дипломатии без галстуков и обещал, что Россия не ляжет под Соединенные Штаты. Эта эротическая формула российско-американских отношений была, пожалуй, самой яркой в речи президента.

Ельцин вручил орден самому Примакову и еще нескольким

дипломатам. Помимо коробочек с орденами он привез в МИД нечто более весомое. Он дал поручение управляющему делами президента заняться социальными проблемами сотрудников министерства, а министру обороны не призывать в армию молодых дипломатов. Ельцин согласился с просьбой Примакова платить дипломатам надбавки за сохранение государственной тайны.

Кроме того, Ельцин подписал указ о введении почетного звания «Заслуженный работник дипломатической службы Российской Федерации». Эта награда вручается ветеранам, послам, прослужившим всю жизнь в Министерстве иностранных дел.

Непьющий посол плохо служит Родине

Вершина дипломатической карьеры — должность посла. В министерстве трудится сто пятьдесят дипломатов в ранге посла. Но и это место не так привлекательно, как прежде.

— С трудом подбираем послов, — несколько лет назад жаловался мне один из руководителей Министерства иностранных дел. — А подыскать посла в такую страну, как Бирма или Непал, совсем трудно. Тот, кто по своим знаниям, опыту и способностям может стать послом, находит более привлекательное и высокооплачиваемое место в сфере бизнеса или в международных организациях.

Примаков сделал посольские должности более привлекательными. Я просмотрел списки назначенных им послов. Основная масса послов — кадровые дипломаты. Практически не было людей со стороны, политиков, пожелавших стать дипломатами.

Те, кто работает на Смоленской площади, убежденно говорили, что не хотят ехать в длительную заграничную командировку:

— В Москве интереснее, здесь жизнь кипит.

Но если побеседовать с послами по душам, то они честно признавались:

— Если не быть министром или его заместителем, то лучше всего стать послом.

А один посол — Виталий Иванович Чуркин — даже сказал мне, что послом быть много лучше, чем заместителем министра. Чуркин сам был заместителем министра, так что знает, о чем говорит.

Прелести посольской жизни понять со стороны нельзя. Не послужишь, не узнаешь. Это самостоятельная, заметная и приятная работа, удовлетворяющая властную натуру.

Оклад посла исчисляется, исходя из стоимости потребительской корзины в стране пребывания. У посла есть смета на проведение приемов, обедов и ужинов, на поездки по стране. Но это не только его деньги. Старшие дипломаты тоже устраивают коктейли и ужины, которые оплачиваются из этой сметы. Все счета отправляются в МИД, на места выезжают ревизоры из центрального аппарата, которые выясняют судьбу каждой копейки.

Раз в два года дипломату выдают так называемые экипировочные — деньги на приобретение темного вечернего костюма, незаменимого в

дипломатической службе. Как выразился Примаков, это рабочая одежда. Послу готовит повар или буфетчик — в зависимости от штатного расписания. Послу нанимают горничную — кого-нибудь из жен технических работников посольства. Посла возит самый опытный водитель посольства. Самим садиться за руль послам не рекомендуют. Случись на дороге неприятное происшествие, пусть полиция занимается водителем, а не послом. Если посол, не дай бог, кого-то собьет на дороге, пострадает престиж государства, а его самого придется отзывать. Так и произошло с очень перспективным послом в одной из стран СНГ...

Кроме того, послу надо дать возможность на приемах и обедах, а они случаются чуть ли не ежедневно, что-то выпить. Если посол начнет отстранять протянутый ему бокал, карьера у него не заладится. Непьющий посол хорошие контакты не установит, так что непьющий посол плохо служит Отечеству.

В принципе послу положена резиденция — домик с садом или парком, но не в каждой стране это есть. Скажем, в Англии посол довольствуется большой, во весь этаж, квартирой в посольском здании. Отсутствие резиденции — большой минус, не с точки зрения комфорта посла, а по соображениям политическим. Премьер-министр или президент страны пребывания не могут часто приезжать в иностранное посольство. Тут существует жесткий регламент. А вот неофициально посетить резиденцию посла — дело другое. Такие контакты не возбраняются. А дипломатическая служба и состоит в основном в поддержании контактов, официальных и неофициальных. И тут все зависит от личности посла.

При Примакове от послов стали требовать короткие, сжатые телеграммы, но такие, какие можно было бы посылать на самый верх, — то есть показывать президенту. Все телеграммы посла адресованы просто и коротко — в Центр. После расшифровки они поступают в секретариат министра, где решают, кому телеграммы показывать: самые важные доводятся до сведения министра, правительства и президента. Кроме того, посол отправляет в Москву то, что называется почтовой информацией, — то есть письма, тоже, разумеется, секретные. Тут уже посол сам решает, кому их адресовать.

Обращение через голову министра непосредственно к президенту — большая редкость. Дисциплина и чинопочитание — одно из отличительных качеств дипломата. Впрочем, однажды Анатолий Адамишин, который был послом в Англии, направил напрямую президенту Ельцину записку с предложением провести в Министерстве иностранных дел радикальные реформы. Ельцин вызвал Адамишина из Лондона и

разговаривал с ним. Практических последствий беседа не имела. Но через некоторое время Анатолий Адамишин стал министром по сотрудничеству со странами СНГ, правда, по не зависящим от него причинам пробыл на этом посту недолго.

Примаков на всех совещаниях говорил: от посла ждут, что он станет не только информировать центр о происходящем в стране, но и принимать самостоятельные решения. Послу виднее, так как он находится на месте, встречается с людьми, на него работает аппарат посольства. Впрочем, у некоторых послов возникали проблемы со связью. В новых посольствах не было шифровальных систем. Установка такого оборудования — дорогое и сложное дело. Первый посол в Литве Николай Михайлович Обертышев рассказывал мне, как он поначалу вынужден был ездить на машине из Вильнюса в Калининград, когда ему надо было отправить шифровку в Москву или получить присланные на его имя телеграммы.

У послов в небольших государствах Африки были такие же проблемы — они раз в неделю ездили в соседнюю страну, где у коллеги-посла имелась шифровальная служба, читали поступившие указания и отписывались за неделю. Телеграммы пишутся от руки в специальном шифровальном блокноте с нумерованными страницами и передаются шифровальщику — самому секретному человеку в посольстве. Шифровальщик с семьей постоянно живет на территории посольства. Выходить в город в одиночку ему категорически запрещено. Завербовать шифровальщика — мечта любой разведки. Иногда это удается. Служба у шифровальщика тоскливая, денег платят мало. Дипломаты получают удовольствие от зарубежной жизни, а он нет.

Как и в армии, в дипломатической службе есть ранги и должности. Есть табель о рангах, стимулирующая стремление неудержимо двигаться вверх.

— Когда мне присвоили первое дипломатическое звание, начальник сказал торжественно: «Ты сделал первый шаг в своей карьере и помни, что последний должен быть на Новокунцевском кладбище», — вспоминает один из послов.

Плох тот дипломат, который не мечтает стать послом. Будущий посол начинает службу референтом или переводчиком. Первая зарубежная командировка — чаще всего не в посольство, а в консульство. Выдача виз и выслушивание жалоб — удручающе скучная работа. Но талантливого молодого человека со временем дипломатия вознаградит потрясающе интересной работой.

В советские времена, чтобы получить первое дипломатическое звание,

надо было проработать от двух до четырех лет. Теперь в надежде поощрить молодежь присваивают первый ранг — атташе — значительно быстрее. Но лестница, ведущая наверх, короче не стала: атташе, третий секретарь, второй секретарь второго класса, второй секретарь первого класса, первый секретарь второго класса, первый секретарь первого класса, советник второго класса, советник первого класса, чрезвычайный и полномочный посланник второго класса, чрезвычайный и полномочный посланник первого класса и, наконец, вершина — чрезвычайный и полномочный посол...

Ранги от атташе до советника присваиваются приказом министра. Посланниками и послами дипломатов делает президент. Это уже генеральские звания. Очередные ранги присваиваются два раза в год — весной и осенью. Раньше это старались приурочить к 1 мая и 7 ноября, чтобы порадовать перед праздником.

Дипломатический ранг не только приятен, но и полезен. Дипломату полагается 25-процентная прибавка к окладу за ранг. А еще платят надбавки за выслугу лет, за знание иностранных языков и за работу с секретными материалами. Если дипломат работает без проколов и начальство им довольно, то каждые два года его будут повышать, пока он не станет первым секретарем. Тут совершается переход в старшие дипломаты, и процесс присвоения рангов замедляется: только каждые три года можно ожидать вожделенного повышения. Присвоение очередного ранга сулит и продвижение по службе.

Старший дипломат — это уже фигура. На младших дипломатов старшие смотрят покровительственно, общаются больше между собой. В посольстве старшему дипломату дадут отдельный кабинет, выделят машину. Младшие дипломаты делят одну машину на нескольких человек, ездят по очереди. Только разведчикам, даже самым молодым, обязательно полагается своя машина. Так их контрразведка и вычисляет.

Меньшая часть дипломатов всю жизнь занимают одним регионом. Чаще всего это знатоки редких восточных языков. Но это скорее редкость. Теперь дипломата все чаще перебрасывают с направления на направление.

Послы часто пытаются не отпускать в Москву умелого, опытного сотрудника, чей срок командировки истек. Это по-человечески понятно: кому же охота расставаться с ценным работником. Но, как правило, департамент кадров одерживает в этой борьбе победу: выслужившего срок заменяют. Принцип ротации должен действовать неукоснительно, считал Примаков, хотя со стороны это кажется нелепым: зачем убирать из страны специалиста, блестяще знающего язык, и заменять его человеком, у

которого таких достоинств нет? Но Примаков исходил из того, что дипломат должен менять должности и страны, приобретая кругозор и знания.

Это одна из важных перемен в кадровой политике Министерства иностранных дел. Раньше упор делался на подготовку страноведов. И специалист по Корее всю жизнь проводил в Пхеньяне, а изучивший не менее трудный венгерский язык — в Будапеште. Примаков считал, что дипломат должен обладать широким кругозором. Синолог, то есть специалист по Китаю, со временем поедет в Вашингтон, а профессиональный африканист получит назначение в какую-нибудь европейскую страну.

Примаков обосновывал свою позицию так:

— Надо вообще отказаться от практики, когда один человек проводит командировки только в одной стране. Он приезжает во Францию первый раз, потом он пребывает в центральном аппарате, потом он снова едет во Францию и так до пенсии. Нужна ротация.

Старшие дипломаты (начиная с первого секретаря) должны меняться каждые четыре года, младшие дипломаты — каждые три. Послам срок пребывания в должности не ограничен, но им не дают засиживаться, потому что на Смоленской площади другие ждут своей очереди. План замены дипломатов готовится заранее и рассылается по всем подразделениям МИД. Там сказано, например, что в следующем году в таком-то посольстве планируется замена советника и двух первых секретарей.

Любой дипломат имеет право подать заявление в управление кадров и участвовать в конкурсе на замещение должности, которая станет вакантной. Список заявок будет переслан и в посольство. Послы всегда просят прислать им того или иного работника. Раньше просьбами посла пренебрегали — кадровая служба считала, что она лучше знает, кто и где должен работать. По новому положению о посольстве, мнение посла учитывается при назначении на старшие дипломатические должности — советник и выше.

Конкурс проводит комиссия под руководством заместителя министра. Кандидатов приглашают на собеседование. Решение комиссии оглашается, и выигравший конкурс дипломат спокойно работает, зная, что через год он отправится в такое-то посольство.

Можно получить назначение послом в небольшую страну, но не иметь ранга посла, а быть всего лишь чрезвычайным и полномочным посланником второго класса. А можно иметь ранг посла, но работать на

скромной должности в центральном аппарате МИД. Процедура назначения на должность посла занимает немалое время. Сначала принимает решение коллегия министерства. Она представляет кандидатов на посольские места администрации президента и комитетам по международным делам Государственной Думы и Совета Федерации.

Парламентарии имеют совещательный голос. При должной подготовке, как правило, парламентарии соглашались с представленными кандидатурами. Были два-три случая, когда парламентарии высказывались против, но через некоторое время министерство вновь предлагало эти кандидатуры, и на сей раз депутаты меняли гнев на милость. Если ни депутаты, ни администрация, то есть помощник президента по иностранным делам (несколько лет им был Дмитрий Рюриков, потом его сменил Сергей Приходько, который остался и при Путине), не возражают, то вопрос, как говорят бюрократы, докладывается президенту. Я знаю только один случай, когда Ельцин не подписал указ. Примаков предложил назначить послом во Францию своего заместителя Николая Афанасьевского. Но Ельцин попросил отложить это назначение со словами: пусть академик Юрий Рыжов еще поработает в Париже. Примаков настаивать не стал — с личными желаниями президента не спорят. Николай Афанасьевский уехал послом в Париж через год, когда Примаков уже стал премьер-министром.

Обычно если президент не против, то запрашивается агреман, то есть соответствующую страну конфиденциально спрашивают, не будет ли она против, если этого дипломата назначат послом? И лишь когда поступает агреман, подписывается указ о назначении такого-то послом. Выдача агремана — дело интимное, государство имеет право отказать, не объясняя причин. В советские времена такое случалось — по политическим соображениям. Теперь отказ принять посла — дело крайне редкое, да никто и не пытается отправить послом человека, которого заведомо не любят в стране пребывания.

Звание посла получить тоже непросто. Обычно к нему приходят после двух десятков лет дипломатической службы, став директором департамента или его заместителем. Коллегия МИД принимает решение о присвоении ранга посла и отправляет представление в администрацию президента. Документы изучаются в аппарате помощника по международным делам и поступают на подпись президенту. Можно стать послом по должности — это положено заместителям министра и самому министру.

Евгений Примаков получил ранг посла через полгода после

назначения министром. Работая в разведке, он от генеральских погон отказался. Это, кстати, в разведке оценили. Профессионалы себе каждую звездочку годами добывают, а тут сразу генеральские погоны. Погоны в его положении — детская шалость, от которой, впрочем, другие не отказывались.

Иногда можно подождать до утра

Дипломаты быстро оценили Примакова. А ведь надо иметь в виду, что это спаянное братство, каста, клан, закрытый для людей со стороны. Эта кастовость формируется еще в Институте международных отношений. Карьерные дипломаты гордятся своим профессионализмом и не любят чужаков и политических выдвигенцев. Они и к самому министру иностранных дел отнесутся снисходительно, коли сочтут его человеком, который никогда бы не получил этот пост, если бы пытался сделать обычную дипломатическую карьеру. Но Примакова они приняли и были ему благодарны.

Самому Примакову переход в министерство дался нелегко. Работа в разведке была, как ни странно, более спокойной. Министр же постоянно был на колесах. Что самое печальное для министра — свободное время отсутствует, даже когда формально оно имеется, то есть в воскресенье, в праздничные дни. Даже если министр уехал на дачу, все равно раздастся один телефонный звонок за другим, потому что в мире вспыхивают конфликты, и нужно личное участие министра в их разрешении.

Я расспрашивал помощников министра:

— Какой градус конфликта нужен, чтобы министру позвонили домой ночью или в воскресенье?

— Как только конфликт разгорается, министр уже в курсе. Министр должен знать, сразу определить, какие действия предпринять, чтобы пригасить конфликт в самом начале, либо — если дело зашло далеко, как ликвидировать его последствия.

Даже ночью работает дежурная бригада, которая, изучая поступающие телеграммы, должна принять решение: будить министра или нет? Хотя, конечно, не всегда следует поднимать министра среди ночи, иногда можно подождать и до утра. А бывали такие серьезные кризисы, когда постоянно происходили какие-то события, и министру лично докладывали все самое срочное. А остальное уже потом, когда министр рано утром появляется на работе.

— Я представляю себе толстенную пачку телеграмм, которые поступают отовсюду. Прочитать ее министр не в силах. Этот поток необходимо фильтровать. Кто это делает? Кто решает, что нужно доложить министру, а что передать заместителям, иначе он с ума сойдет от потока информации?

— Есть секретариат министра, который занимается тем, что докладывает поступающие документы. Работники секретариата и определяют степень срочности. Формальных критериев нет, это на интуитивном уровне решается. Надо проработать в МИД достаточное время, чтобы понять, какие документы требуют немедленного доклада, а какие могут подождать.

Когда работаешь первый год в министерстве, это просто невозможно определить, надо самому прочувствовать. Надо, кроме всего прочего, знать людей: кто передал это сообщение? Откуда оно пришло? В секретариате министра работают люди, которые потом сами станут послами. Помощниками министра были будущие министры — Александр Бессмертных и Игорь Иванов. А уж из заместителей министра и не счесть, сколько прошло через это горнило. В пачку материалов для министра входят и сообщения информационных агентств. Когда начинается кризис, в подразделении, которое этим занимается, смотрят программы Си-эн-эн, слушают радио. Полагаться только на шифротелеграммы невозможно. Они опаздывают.

Рабочим инструментом становится телефонная трубка, которая требует быстрой реакции и немедленных решений. Все кризисные ситуации последнего времени разрешались путем телефонных разговоров с коллегами-министрами, которые были вовлечены в урегулирование кризиса. Дипломатия и внешняя политика очень персонифицируются. Раньше инструментами дипломатии были длинные телеграммы, ноты и памятные записки, в которых выверялась каждая буква. Затем их пересылали в посольство, там переводили на местный язык, печатали на хорошей бумаге, и тогда посол звонил в министерство и просил его срочно принять. Это слишком долго и сложно. Теперь министр снимает трубку и решает проблему в двадцатиминутном телефонном разговоре. Работать стало проще, но министру труднее.

— Министр беседует с коллегами-министрами по обычному телефону?

— Нет, есть специальная связь, которая позволяет разговаривать с министрами основных стран конфиденциально, не боясь быть подслушанным.

— Как это выглядит? Примаков сам накручивал номер американского государственного секретаря Мадлен Олбрайт?

— Нет, для этого есть помощники. Например, поступил сигнал, что министр иностранных дел Германии хочет поговорить с Примаковым. Но Евгения Максимовича в данное время нет в кабинете. Мы отвечаем, что

связаться можно будет через час. Немцы согласны, и ровно в назначенное время министры снимают трубки.

— Они разговаривают через переводчиков?

— Можно и через переводчиков, если нет уверенности в языке. Переводчики с обеих сторон тоже держат трубки. Это технически сложная процедура.

— Какое впечатление Примаков произвел на аппарат министерства?

— Когда докладываешь, он спрашивает: «А что вы предлагаете?» Это не значит, что он обязательно примет твое предложение, но для него важно, что думает специалист, эксперт.

Что было характерно для его дипломатического стиля? По словам помощников, Примаков редко завышал свои требования, как это часто делают дипломаты, чтобы потом уступить и взамен потребовать уступки от партнера. Если Примаков считал, что его аргументация точна и справедлива, то он отстаивал это решение. Но он не страдал косностью. Если партнер выдвигал аргументы, которые казались ему убедительными и он их принимал, то он мог внести коррективы в собственную позицию.

Помощники Примакова с восхищением рассказывали, что министр читал все памятки, которые ему готовили к переговорам, и возвращал их с серьезной правкой на переработку. Примаков работал над каждым документом, который ему давали. Когда ему приносят документ, он начинает его править. Он никогда в раздражении не бросит помощникам непонравившуюся бумагу: переделайте! Нет, он перечеркнет текст и начнет писать сам. Однажды, когда он уже взялся за ручку, помощники поспешили его остановить:

— Евгений Максимович, не правьте! Этот документ уже передан в печать.

Примаков с видимым неудовольствием отложил ручку. Не менее внимательно он выслушивал доклады своих экспертов и очень многое запоминал. Жизненный опыт, академический склад ума и просто сильный интеллект позволяли ему четко выстраивать в уме план беседы. А когда выстроена логическая цепочка, вовсе не обязательно заглядывать в шпаргалки, подготовленные к переговорам. Он, естественно, держал все материалы перед собой, хотя в принципе цифры, факты и даты министрам можно и не запоминать. Примаков прожил большую жизнь и хорошо знал, как надо убеждать людей.

Евгений Максимович заботливо относился к своим работникам, выручал их из беды, но предпочитал людей сильных, самостоятельных и способных постоять за себя. Начальник одного из департаментов МИД

рассказывал, что, когда его повышали в должности, последовал вызов к Примакову. Министр сидел за столом мрачный. Рядом расположился его главный помощник Роберт Вартанович Маркарян, не менее мрачный. Примаков, глядя в бумаги, стал говорить:

— Мы хотим назначить вас... Это ответственная должность. Будет трудно. Как вы считаете, справитесь?

Кандидат на ответственную должность бодро ответил:

— Если бы я не считал, что смогу справиться, я бы не согласился занять этот пост.

— Хорошо, — сказал Примаков. — Вы назначены.

Потом начальнику департамента передали, что Примакову ответ понравился. Почему министр был мрачным? Проверял новичка, хотел посмотреть, способен ли он держать удар.

К Евгению Максимовичу сотрудники ходили на доклад с некоторой опаской. Не потому что боялись разноса или дурного настроения. Зная его опыт, его знания, его интеллект, они понимали, что разговаривают с очень компетентным человеком, и боялись опростоволоситься.

Примаков вообще не распекал. Огорчался, если выяснится, что дело не сделано:

— Как же так? Ведь очевидно, что надо было сделать...

Девятый хозяин

В сравнительно небольшом, вытянутом, как пенал, кабинете на седьмом этаже высотного здания на Смоленской площади Примаков был девятым хозяином. Общего между сменявшими друг друга министрами было не много, но обстановка в кабинете почти не менялась. Возможно, из скромности, возможно, из суеверия — только ремонт затеешь, тут тебя и уволят, — министры на внутренние перестановки в кабинете не решались.

Мебель скучная, канцелярская, большой стол, покрытый зеленым сукном, сбоку — приставка с традиционным набором телефонов: внутриминистерские, обычные городские, два аппарата правительственной связи — АТС-2 (для разговора с чиновниками средней руки) и более важная АТС-1 (это уже для министров и некоторых заместителей), массивный аппарат междугородной ВЧ-связи (можно поговорить с губернаторами, командующими военными округами, начальниками местных управлений Федеральной службы безопасности и послами в бывших социалистических странах) и, наконец, признак принадлежности к узкому кругу высших государственных чиновников — аппарат, на котором две буквы «СК», спецкоммутатор.

За столом дверь в комнату отдыха, откуда и появился Примаков, когда я к нему пришел. Я спросил его:

— Вот вы оказались в кабинете министра иностранных дел, сели в это кресло и сказали себе: ну, теперь я, наконец, сделаю то, что давно хотел осуществить...

Примаков покачал головой:

— У меня не было такого чувства. Я не стремился стать министром, чтобы что-то такое осуществить. Может, это черта моего характера. Я работал до этого и в «Правде», и на радио, потом был в Академии наук, руководил двумя крупными институтами, и в Верховном Совете, и, где бы я ни был, мне везде казалось, что я работаю на очень важном участке. Ну и в разведке, конечно. Так что это не было целью всей жизни — стать министром иностранных дел. Но я пришел сюда не как новичок. У меня был опыт, и я стал работать без раскочки.

— Чего бы вам хотелось добиться на посту министра? Может быть, это нечто недостижимое, тогда о чем вы мечтаете?

— Нет, все достижимо. Я считаю, что задачи, которые мы решаем, вполне посильны. Задачи ставит президент, решаем мы вместе с коллегами.

У нас очень дружная команда работает во главе министерства. Мы все единомышленники. Мы хотим облегчить стране решение всех внутренних проблем, а это можно сделать только одним путем — сохраняя Россию в качестве великой державы одним из главных игроков на международной арене. Мы стремимся к этому, и кое в чем нам это удастся.

Вот вам пример, говорил Примаков, разве не радостно, что в то время, когда мы вынуждены просить различные кредиты, с нами считаются в международных делах и от нас очень многое зависит? И все понимают, что нами пренебрегать нельзя. Разве этот контраст не важен для страны, для того, чтобы наши люди сознавали себя гражданами великой державы? Так что кое-чего можем добиться.

— Какие направления во внешней политике вы считаете для себя главными?

— Я бы не формализовал цели, — отвечал Примаков. — Философия внешней политики для России состоит в том, чтобы защищать национальные интересы государства, но при этом сделать все, чтобы не сползть к конфронтации. Кончилась холодная война, и кто-то думает, что мы проиграли. Я так не думаю. Демократическая Россия холодной войны не проигрывала. Поэтому мы не можем себе позволить быть ведомыми в международных отношениях, идти за единственной сверхдержавой и любой ценой добиваться принятия в цивилизованный мир. Отнюдь нет. Я считаю это неправильным.

Безусловно, нам нужно выправить отношения с бывшими противниками по холодной войне, переведя эти отношения в разряд партнерских. У нас огромное поле совпадающих интересов. Есть новые опасности, против которых мы должны бороться вместе. Все это так. Но давайте поговорим о цене! Если мне скажут: вы должны вопреки вашим интересам, вашему видению ситуации, вопреки общественному мнению вашей страны повторять то, что предлагает НАТО, я на это не пойду. Вопреки всему я действовать не могу.

— Евгений Максимович, общественное мнение имеет для вас значение при формировании внешней политики?

— Мы конечно же учитываем, не можем не учитывать общественное мнение в определении внешней политики, — сказал тогда Примаков. — Я поддерживаю контакты с руководителями парламентских фракций, я выступаю перед фракциями, комитетами Думы. Мы не можем проводить линию, которая противоречит общественному мнению.

Он не любил Америку?

Назначение Примакова на пост министра иностранных дел было неприятным сюрпризом для западных стран. Там его знали как начальника разведки и как человека, который на глазах всего мира обнимался с иракским лидером Саддамом Хусейном накануне войны с ним. В Соединенных Штатах эту его поездку восприняли с обидой. А Примакова зачислили в разряд политиков, настроенных антиамерикански. Хотя Примаков летал к Саддаму не по собственной инициативе, а выполняя поручение президента Горбачева. Объятия в арабском мире носят ритуальный характер. Обниматься могут и злейшие враги, если они встречаются на публике.

Уклониться от объятий Примаков не мог и не хотел, потому что расчет и строился на том, что иракский лидер прислушается к человеку, которого он знает, и выведет войска из Кувейта, и военная операция не понадобится. Саддам Хусейн доводы Примакова отверг и сам себя наказал: Ирак потерпел сокрушительное военное поражение. Но кадры, запечатлевшие дружескую встречу Саддама и Примакова, запомнились.

Назначение Примакова на Западе даже сравнивалось с приходом Юрия Андропова на пост генерального секретаря, не только по сходству биографии — Примаков тоже пришел из спецслужбы, — а потому что предполагали в нем готовность так же жестко и безжалостно служить российскому империализму. Американцы писали и говорили, что Примаков — сторонник восстановления единого Советского Союза и попытается восстановить контроль Москвы над ближним зарубежьем. В ущерб отношениям с Западом он постарается оживить стратегическое партнерство с наиболее опасными режимами в мире — Ираком, Северной Кореей, Ливией и Ираном...

Впрочем, личное знакомство с Примаковым несколько успокоило западных политиков. Тем более, что Евгений Максимович пустил в ход все свое обаяние.

Что же в целом изменилось во внешней политике за те два с половиной года, что Примаков был министром? Свою главную задачу Примаков видел в том, чтобы объяснить миру: Россия — великая держава, которая испытывает всего лишь временные трудности, и весьма близоруко пытаться на этом нажиться и не учитывать мнение России. Примаков показал, что не позволит уменьшить вес и влияние России там, где они

есть, во-первых, и будет биться за их повсеместное расширение, во-вторых. Примаков заговорил о многополюсном мире. Что он имел в виду? Плохо, когда в мире осталась одна сверхдержава, то есть Соединенные Штаты, и все крутится вокруг нее. Примаков говорил, что мы будем развивать отношения и с Западом, и с Востоком, и с теми, кто нам нравится, и с теми, кто нам не нравится.

Российская дипломатия возобновила сотрудничество со старыми друзьями — Ираком, Ираном, Сербией. Открыто демонстрировала трения и противоречия с Соединенными Штатами — единственной страной, с которой Россия любит себя сравнивать. В Минске Примаков сказал: для России Белоруссия — «особый союзник, особый партнер, особый брат». Примаков поехал в Иран, где заявил, что выступает против наращивания военного присутствия в зоне Персидского залива. А чьи там военные корабли? Американские. Примаков счел нужным побывать на Кубе. Его предшественник Фиделя Кастро избегал принципиально, считая, что экономических интересов на Кубе у России нет, а вести пустые разговоры с Кастро — только терять время.

Примаков совершил длительные поездки по Ближнему Востоку. Побывал и в арабских странах, и в Израиле. Но стало заметно возвращение к прежней расстановке фигур на доске: Соединенные Штаты больше поддерживают Израиль, а Россия вновь стала скорее склоняться к старым друзьям в арабском мире, прежде всего симпатизируя Сирии.

Когда Примаков стал министром, на первой же пресс-конференции его спросили: каким образом он намерен исправить ошибки Козырева? Примаков ответил:

— Я не считаю достойным любого политического деятеля давать поспешные публичные оценки своим предшественникам. Это не мой стиль.

О линии Козырева Примаков отозвался весьма иносказательно, когда, выступая в Институте мировой экономики и международных отношений, сказал по поводу примирения с бывшими противниками по холодной войне:

— Нашлись и у нас последователи Мао Цзэдуна, любившего повторять: для того, чтобы выпрямить палку, нужно ее перегнуть.

Он хотел сказать, что во время позднего Горбачева и раннего Ельцина происходила безоговорочная сдача позиций, но больше этого не будет.

Американцы считали, что Примаков вообще испытывает глубокое недоверие к Соединенным Штатам. Действительно ли Примаков не любил Соединенные Штаты?

— Он вообще никакой не «анти», — говорил профессор Герман Германович Дилигенский. — Если вспомнить формулу «деидеологизированная внешняя политика», это как раз адекватно его менталитету. Он не имеет каких-то идеологических или региональных пристрастий. И антипатий тем более. Он человек спокойный, взвешенный — и в политике тоже. Думаю, что сантиментов там вообще мало.

На эту тему я разговаривал еще с одним человеком, который прекрасно знал Примакова и почти всю жизнь занимался Соединенными Штатами. Это Станислав Кондрашов. Он был корреспондентом «Известий» в Америке. Так не было ли у Примакова антизападного комплекса?

— Нет, — сразу ответил Кондрашов. — Комплекс — это нечто неосознанное. А Примаков руководствуется вполне осознанными мотивами. Когда он работал в Египте, он имел возможность анализировать политику Запада на Ближнем Востоке. Он оттуда вынес убеждение, что Запад не является таким уж чистеньким. У Запада есть свои интересы. Эти интересы он преследует разными методами, не всегда симпатичными, и это дает основания для очень критической оценки политики Запада.

— Америка ему не нравилась. Неужели политические лидеры Востока, такие, как Саддам Хусейн, более симпатичны?

— Чем определяется отношение к той же Америке международника-государственника? — вопросом на вопрос ответил Кондрашов. — Тем, как Соединенные Штаты ведут себя в отношении нашей страны. Американцы считают, что то, что хорошо для Америки, хорошо и для всего мира. Ради собственных национальных интересов они готовы ущемить национальные интересы другой страны. Это не может нравиться.

Но ведь для Примакова выбор так не стоял — склониться туда или сюда. Для него все определялось каждым конкретным случаем. Саддам Хусейн не мог быть объектом любви Примакова. Он персонаж, с которым надо делать дипломатию. Причем таким образом, чтобы интересы своей страны были защищены. Может быть, он в ближневосточных лидерах видел больший уровень рациональности, чем другие. Не так страшен черт, как его малюют. Хотя он хорошо знал этого черта и знал, что он не ангел.

— Вы не находите, что в Примакове доля скептически-критического отношения к американцам больше, поскольку он провел несколько лет на Ближнем Востоке, где сильно не любят американцев?

— Примаков американцам менее симпатичен, чем Козырев. Но Козырев был слишком проамерикански настроен.

Он американцев развратил. На его фоне Примакову было строить

отношения затруднительно, хотя он их построил...

Один на один с «железной леди»

Как дипломат и руководитель внешнеполитического ведомства Примаков искал золотую середину между великодержавными, ностальгическими тенденциями и тем, что начал делать еще Горбачев. Примаков не был сторонником отчуждения от Запада. Но процветание, удачливость, напор Соединенных Штатов вызывали у него неосознанное раздражение. Ему бы хотелось, чтобы, когда он садится за стол переговоров, за ним стояла бы такая же экономическая и военная мощь.

Соединенные Штаты были, есть и будут главным партнером России. Это объективная реальность. Начиная с Громыко, все наши министры иностранных дел это понимали. Но иметь дело с американцами непросто. Бывший министр иностранных дел Александр Бессмертных как-то сказал:

— У нас с американцами разговаривать толком почти никто не умеет.

Первая встреча Примакова с американскими дипломатами была организована не в Москве и не в Вашингтоне, а в Хельсинки, на нейтральной, так сказать, территории. Познакомиться с Примаковым прилетел тогдашний государственный секретарь Соединенных Штатов Уоррен Кристофер. Во время первой встречи Кристофер и Примаков сформулировали четыре принципа взаимоотношений:

— не готовить друг другу сюрпризы и не ставить друг друга перед свершившимися фактами;

— консультироваться друг с другом;

— находить развязки, где их можно найти в диалоге;

— в том случае, если эти развязки не удастся найти, не доводить дело до конфронтации.

Но долго поработать с Кристофером Примакову не удалось. В начале 1997 года Клинтон подобрал Примакову нового партнера — Мадлен Олбрайт. Авторитетная, уверенная в себе и несколько надменная Олбрайт до назначения государственным секретарем была американским представителем в ООН. Она на восемь лет младше Примакова, родилась в Праге. Ее настоящее имя Мария Яна Корбелова. Она предпочитала называть себя Мадленкой. Ее семья бежала от нацистской оккупации. Войну провели в Лондоне, где она научилась говорить по-английски. Ее отец Йозеф Корбел был советником чехословацкого правительства в эмиграции. После войны он был назначен послом в Югославии, затем представителем в ООН. Когда Мадлен исполнилось десять лет, отец

отправил ее учиться в Швейцарию, где она выучила еще и французский. Но через год, в 1948-м, коммунисты взяли власть в Чехословакии. Корбел с семьей попросил политического убежища в Соединенных Штатах.

Олбрайт — дитя холодной войны. Воспоминания о двух бегствах — сначала от нацистов, а затем от коммунистов — никогда ее не покинут. Среди эмигрантов она не единственная, кто добрался до самой вершины. Генри Киссинджер, родившийся в Германии, тоже стал государственным секретарем. Генерал Джон Шаликашвили, родившийся в Польше, стал председателем комитета начальников штабов американской армии. Но она первая женщина, которая достигла такого поста. Олбрайт однажды сказала:

— Моя жизнь сложилась фантастическим образом. Я приехала в Америку, когда мне было одиннадцать лет, и передо мной раскрылись все возможности. Я и есть зримое выражение американской мечты.

Несколько кокетничая, Мадлен Олбрайт говорила, что достигла успеха не благодаря своим талантам в дипломатической сфере или большому интеллекту:

— Я не так уж умна. Я просто много работаю.

Она феноменально трудолюбивый человек. Когда писала докторскую диссертацию на тему «Советская дипломатическая служба: краткий очерк истории элиты», каждый день вставала в половине пятого утра.

Олбрайт была очень предана президенту Клинтону. Когда в ноябрьский день 1996 года поздно ночью стало известно, что Клинтон во второй раз победил на выборах, она исполнила модную тогда «макарену» прямо в своем офисе в Совете Безопасности ООН.

В ней находили нечто общее с Маргарет Тэтчер. Обе женщины в газетных публикациях фигурировали как «железные леди». Олбрайт, как и Тэтчер, вышла замуж за богатого человека, рано родила двоих детей и затем занялась политической карьерой. Как и Тэтчер, она уверенно чувствует себя в традиционно мужской сфере внешней политики и дипломатии.

Газета «Вашингтон пост» отыскала еврейские корни Олбрайт и сообщила, что трое из ее дедушек и бабушек, ее дядя, тетя и двоюродный братбылиубиты нацистами. Олбрайт сказала, что ее родители ей никогда не говорили, что она еврейка. Ее отец скрывал свое еврейское происхождение, боясь, что это повредит его дипломатической карьере. Олбрайт была воспитана католичкой. Выйдя в 1959 году замуж за Джозефа Олбрайта, она перешла в епископальную церковь.

Арабские страны решили, что она займет сторону Израиля. Израиль опасался, что она, напротив, будет, как и Генри Киссинджер, нарочито

строга с израильтянами, чтобы доказать свою беспристрастность. На самом деле Олбрайт предана только американским интересам. Коллеги сравнивали ее с бульдогом:

— Она готова буквально разорвать своих оппонентов на кусочки.

Она позволяла себе непарламентские выражения, особенно в адрес кубинцев и Фиделя Кастро, которого от души презирала. Когда вооруженные силы Кубы сбили два гражданских самолета, Олбрайт громогласно заявила, что в Фиделе Кастро нет ничего мужского — она употребила весьма сильное выражение, крайне обидное для мужчин, особенно латиноамериканцев. Это повергло чопорных дипломатов в шок, но Клинтону понравилось. Он хвалил ее за принципиальность во внешней политике. Но Олбрайт не «железная леди». Она скорее «алюминиевая». Это прочный металл, который выдерживает большие перегрузки. Из него делают самолеты, но он достаточно гибкий.

Мадлен Олбрайт знаток живописи, в том числе русского искусства. Она приятна в общении, но сохраняет дистанцию. Она интеллигентный человек, дочь профессора и сама доктор философии — подходящий партнер для академика Примакова...

Я спрашивал тогда Примакова, трудно ли ему ладить с Олбрайт? Как вообще он строил отношения с американцами, которые так неприязненно встретили его назначение?

— С разными по-разному, — ответил Примаков. — С государственным секретарем Мадлен Олбрайт у меня очень хорошие отношения. Она человек однозначный и поэтому предсказуемый. Самое плохое — это когда не знаешь, что человек завтра скажет и что он сделает завтра. Сегодня он такой, а завтра другой... Бывают такие люди. А Олбрайт нормальный человек. Она борется за интересы Соединенных Штатов, это естественно. Но она понимает важность развития отношений с Россией. У меня с ней тесный контакт. — Примаков показал на батарею телефонных аппаратов на приставном столике. — Я разговариваю с ней по телефону, встречаюсь.

Когда Мадлен Олбрайт бывала в Москве, они беседовали с Примаковым не только в комнате для переговоров, но и за обеденным столом у него дома. Обеды в неформальной обстановке и галантность в отношении женщины-госсекретаря не означали готовности соглашаться с Олбрайт.

Не только назначение Примакова означало изменение курса. С приходом Олбрайт произошла смена акцентов и в американской политике. Прежде Москве был предоставлен как бы льготный режим. Этот период

закончился. Реакция российского общества на эти перемены была несколько истерической. Это напоминало мышление человека, который сидит в темном углу и всего боится — и НАТО, и Запада, и черта с дьяволом. И что бы американцы ни сделали, реакция одна — это против нас!

Первый заместитель Олбрайт в государственном департаменте Струоб Тэлботт, друг Клинтона, бывший журналист, переводчик мемуаров Хрущева и специалист по российским делам, объяснил, как это видится американцам:

— Российская элита считает, что истинная стратегия администрации Клинтона состоит в стремлении ослабить Россию и даже расчленить ее. Существует российская склонность повсюду видеть заговоры. В результате такой подозрительности мы действительно станем меньше сотрудничать и больше соперничать, а нашим интересам отвечает обратное. Российские политики могут стать заложниками концепции, гласящей, что национальным интересам России соответствует практически все, вызывающее у американцев раздражение или создающее проблемы для Соединенных Штатов...

Дворцы Саддама Хусейна

Несколько раз казалось, что споры между Примаковым и американцами выходят за рамки обычной полемики. Происходило это из-за Ирака и сербской провинции Косово. Это две горячие точки, которыми Примакову больше всего пришлось заниматься в роли министра.

Совет Безопасности ООН решил в 1991 году лишить Ирак оружия массового поражения: уничтожить его запасы и средства производства. ООН сформировала международную команду инспекторов, которые должны были перевернуть всю страну, но найти запасы этого оружия и места, где оно производится. Химического и биологического оружия, а также установок для его производства оказалось так много и иракцы их так тщательно скрывали, что работа инспекторов ООН растянулась на годы. С самого начала было решено, что, пока они не закончат работу, санкции с Ирака не снимут.

Пока великие державы выступали единым фронтом, Саддам Хусейн терпел. Когда министром иностранных дел стал Примаков и выяснилось, что между Россией и Соединенными Штатами возникают противоречия, Саддам немедленно этим воспользовался. Он стал заявлять, что инспекторы ООН занимаются шпионажем и их нужно выгнать из страны. Соединенные Штаты и Англия сразу же заговорили, что заставят Саддама подчиниться силой. С их точки зрения, самый убедительный аргумент для Саддама — это воздушный удар по военным целям в Ираке.

Примаков не только не поддержал американцев, но и резко возразил. Он сделал все, чтобы не допустить военного удара по Ираку. Примаков фактически взял на себя обязанности посредника между Ираком и Соединенными Штатами.

Борис Ельцин обратился с личным посланием к Саддаму Хусейну. Тот прислал в Москву своего давнего соратника вице-преьера Тарика Азиза. Тарик Азиз прилично говорил по-английски и выглядел по-профессорски, он представлял Саддама перед внешним миром. Азиз исключение в окружении Саддама. Он христианин и не принадлежит к правящему в стране клану Тикрит. Возможно, именно поэтому он уцелел в кровавых чистках. Он президенту не соперник. Христианин никогда не станет человеком номер один в Ираке. Саддам не подозревал Тарика Азиза в том, что он попытается его свергнуть. Вероятно, это единственный человек, которому он доверял. Тарик Азиз — глаза и уши Саддама Хусейна.

Евгений Примаков говорил, что Азиз высокопоставленный посольный, а не человек, которому доверено принимать решения. Тем не менее, чтобы подчеркнуть серьезность российского подхода, его принял сам президент Ельцин.

Предложение Примакова состояло в том, что Ирак не мешает инспекторской группе работать, а взамен Россия добивается постепенного снятия санкций. Логика Примакова состояла в том, что иракцев надо не только наказывать, но и поощрять. Ведь большую часть работы инспекторы сделали, значит, можно смягчать санкции против Ирака. Иначе иракцы не видят никакого смысла в сотрудничестве с ООН.

После переговоров с Тариком Азизом Примаков предложил министрам иностранных дел Англии, Франции, Америки и Китая (постоянным членам Совета Безопасности ООН) срочно собраться в Женеве. Государственный секретарь Соединенных Штатов Мадлен Олбрайт поломала все свои планы, чтобы вовремя прибыть на встречу. Российский план был принят. Примаков показал, что способен урегулировать самый сложный международный кризис.

Но раньше времени снимать санкции Соединенные Штаты и Англия не хотели. Они считали, что сначала Саддам должен выполнить все до единого требования ООН. В январе 1998 года Саддам Хусейн вновь потребовал убрать всех инспекторов. И российская дипломатия опять занялась иракскими делами.

Если американцы считали, что рано или поздно от Саддама Хусейна удастся избавиться, то Примаков и его арабисты были уверены в обратном. Всякое давление на Ирак только укрепляет его позиции, поэтому надо смириться с существованием иракского диктатора...

Переговоры с иракцами продолжались несколько недель. Удалось договориться. Инспекторы вернулись в Ирак. Но в последних числах октября 1998 года все повторилось. На сей раз президент Клинтон, потеряв терпение, был полон решимости наказать Саддама Хусейна. Примаков опять пытался воздействовать на своих иракских друзей. Саддам держался до последнего. Он разрешил инспекторам ООН вернуться только тогда, когда срок американского ультиматума истекал, и американские бомбардировщики с крылатыми ракетами на борту уже были в воздухе.

Клинтон отдал приказ вернуть их. Но заявил, что в следующий раз он ударит по Ираку без предупреждения. Так и произошло 17 декабря 1998 года, после того, как Саддам в очередной раз помешал инспекторам ООН работать. Соединенные Штаты и Англия три дня обстреливали Ирак крылатыми ракетами, в налетах участвовала и авиация.

Американцы и англичане пытались уничтожить заводы по производству химического и биологического оружия. Удар был нанесен также по командным пунктам армии, по казармам республиканской гвардии — элитным частям Саддама Хусейна и по его дворцам, на строительство которых ушло, кажется, все богатство страны. После войны в Персидском заливе Саддам построил сорок восемь президентских дворцов на сумму два миллиарда долларов. Это дворцы с водопадами, искусственными озерами, похлеще Версальского дворца.

Считалось, что удар по Ираку не имел никакого военного смысла, что Саддам Хусейн этому только рад. Это не так. Это был тяжелейший удар по самолюбию Саддама Хусейна, который с отчаянием видел, как крошится его военная машина и рушатся его любимые дворцы. Россия необыкновенно резко реагировала на удар по Ираку. Президент Ельцин и премьер-министр Примаков не пожалели резких слов, и впервые за многие годы из Вашингтона и Лондона были отозваны российские послы.

Что у разведки в клюве?

Примаков пришел в Министерство иностранных дел с лозунгом: надо остановить расширение НАТО. Это Примаков и Служба внешней разведки первыми забили тревогу: Североатлантический блок приближается к границам России! Разведка еще в 1993 году опубликовала открытый доклад «Перспективы расширения НАТО и интересы России». Мнение Примакова резко разошлось с мнением тогдашнего министра иностранных дел Андрея Козырева.

— Президенту внушают, что существует заговор против России, что страна со всех сторон окружена врагами, — жаловался Козырев. — Я пытался сделать так, чтобы ручеек информации, поступающей из МИД, отличался от этого потока, но потерпел поражение.

Андрей Козырев считал, что специальные службы дают президенту искаженную информацию. В Службе внешней разведки с ним не согласны.

— Примаков хотел предупредить Запад и сказать: вот вы хотите расширяться, так учтите, что это не всем нравится, — рассказывала пресс-секретарь Службы внешней разведки Татьяна Викторовна Самолис. — Я не думаю, что разведка действовала из желания что-то сделать вопреки мнению Министерства иностранных дел. Я сама слышала от Евгения Максимовича много комплиментов в адрес Козырева, когда о нем заходил разговор. И вообще — Примаков не тот человек, который капает на коллег...

Козырев в бытность министром внушал президенту: не надо слишком далеко заходить и возрождать образ врага в лице НАТО, потому что потом все равно придется партнерствовать. А разведка говорила о том, что приближение Североатлантического блока к границам опасно для России.

— Разведка выполняла свои обязанности — сообщала то, что думают ее аналитики, — говорила Татьяна Самолис. — Естественно, они могут быть правы или неправы. Президент сам говорил, что у него одиннадцать источников информации. Президент сделал выбор в пользу разведки. Я бы на месте МИД обижалась не на того, чья точка зрения возобладала, а на того, кто ее воспринял. Мне не совсем понятно, почему они обижались на Примакова, а не на президента...

О приеме в НАТО восточноевропейские страны стали просить практически сразу после того, как им удалось выйти из-под опеки Москвы. Президент Билл Клинтон всерьез задумался о расширении НАТО в апреле

1993 года во время открытия музея Холокоста в Вашингтоне. Вацлав Гавел и Лех Валенса, президенты Чехии и Польши, буквально зажали Клинтона в угол и стали убеждать принять их страны в НАТО.

Прежний президент Джордж Буш-старший не прислушался к их пожеланиям. Билл Клинтон, который всего три месяца находился в Белом доме, был более внимателен к восточноевропейским гостям. Советник президента по национальной безопасности Энтони Лэйк и государственный секретарь Уоррен Кристофер в принципе не возражали против расширения НАТО. Министерство обороны не хотело тратить на это деньги, а Строуб Тэлботт, главный специалист государственного департамента по Советскому Союзу, предупреждал, что это разгневет Москву.

После нескольких месяцев размышлений американцы решили осторожно двигаться вперед. В январе 1994 года Клинтон заявил, что в принципе НАТО будет расширяться, но это вопрос будущего. Когда в Брюсселе собрались лидеры стран блока, восточноевропейские государства испытали большое разочарование: были отвергнуты заявки всех, кто мечтал вступить в Североатлантический блок.

Соединенные Штаты не хотели злить Россию. Западная Европа не желала брать на себя обязанность охранять молодые демократии ни от России, ни друг от друга. И тем более выкладывать фантастические деньги на приведение восточноевропейских армий и их вооружений (советского образца) в соответствие с натовскими стандартами.

Польше, Венгрии и Чехии предстояло в ближайшие три года изведать все муки ревности и оскорбленного национального достоинства. Они с горечью убедились в том, что ни для Западной Европы, ни для России, ни тем более для Соединенных Штатов отношения с Восточной Европой не принадлежат к числу приоритетных. Главным партнером Запада оставалась Россия, и Запад понимал, как важно показать русским, что никто не пытается их изолировать.

От имени Бориса Ельцина лидерам некоторых стран Запада было направлено секретное письмо с протестом против расширения НАТО. В разговорах за закрытыми дверями российские дипломаты говорили западным партнерам, что расширение Североатлантического блока приведет к усилению антидемократических сил внутри России. До поры до времени это действовало.

Но все еще только начиналось. В Соединенных Штатах живет двадцать один миллион выходцев из Восточной Европы. Они стали бомбардировать Белый дом телеграммами с требованием впустить

Польшу, Чехию, Венгрию в НАТО. Это серьезная сила, когда речь идет о выборах. А как раз приближались президентские выборы. Когда Клинтон баллотировался в первый раз, он говорил, что внешняя политика его не интересует, он займется улучшением жизни американцев. На вторых выборах он уже охотно рассуждал о своих достижениях в мировых делах. Ему нужен был громкий предвыборный лозунг. В Белом доме его придумали:

— Рейган разрушил Берлинскую стену, Буш объединил Германию, а Клинтон объединит Европу.

Золушка на балу

Главное состояло не в предвыборной стратегии Клинтона. Принято говорить, что НАТО расширяется. Но правда жизни состояла в том, что это восточноевропейские страны буквально ломались в НАТО. Они требовали, чтобы их приняли. Ни у американцев, ни у европейцев не было оснований говорить им «нет».

В штаб-квартире НАТО в Брюсселе можно встретить представителей трех основных профессий: дипломатов, которые стараются молчать, военных, которые говорят то, что им велели сказать, и разведчиков, которые говорят то, что приятно услышать собеседнику. Гостям из Москвы все обитатели штаб-квартиры НАТО повторяли одно и то же:

— Мы меньше всего хотим, чтобы Россия воспринимала расширение Североатлантического блока как вызов. Мы очень озабочены тем, чтобы Россия не оказалась в изоляции. Но что же нам делать, если страны Восточной Европы просят их принять?

А в России расширение НАТО многими воспринималось как непосредственная военная угроза: «Враг уже у Смоленска!» Зачем еще Западу понадобилось сохранять НАТО после роспуска Варшавского Договора, как не для того, чтобы разрушить сильную Россию? Еще в 1991 году лидеры НАТО заявили: «Угроза полномасштабного нападения действительно исчезла...» Но безопасность европейских государств еще не гарантирована. Существует опасность региональных, малых войн. Известно, например, что Турцию и Грецию, которые находятся в постоянном конфликте, от войны удерживает только их членство в Североатлантическом блоке. НАТО ставит перед собой задачу предотвращать конфликты и преодолевать возникающие кризисы.

Многие члены НАТО — сравнительно небольшие страны, которые вне блока чувствовали бы себя уязвимыми. Североатлантический блок гарантирует, что входящие в него страны не начнут воевать друг с другом. И что ни одна из этих стран не рискнет без общего согласия на кого-то напасть. НАТО обеспечивает стабильность и безопасность в Западной Европе. Те, кто не считал расширение НАТО катастрофой, говорили, что опасность исходит вовсе не от Запада. Почему мы видим опасность там, где ее нет, где находятся вполне цивилизованные страны?

К тому же Россия поссорилась со странами Центральной и Восточной Европы, оказавшимися в роли пешек в игре великих держав. Сколько

времени они добивались от натовцев, чтобы те их приняли? А их держали в очереди, мурыжили — в том числе и по просьбе Москвы. Они мечтали вступить в НАТО, как Золушка хотела попасть на бал, считая, что там она встретит своего принца. Они считали, что НАТО — это тот клуб, в котором они встретят своего принца. Наконец, они получили входной билет, руки дрожат от радости, и тут появляется некто и говорит: а я вас не пущу...

Противники НАТО говорили о нарушении баланса в обычных вооружениях, о появлении американского ядерного оружия в опасной близости от российской территории, о новом разделе Европы, при котором Россия остается в одиночестве на континенте, и вообще о нарочитом нежелании считаться с мнением России, что воспринимается как очевидное унижение...

В более серьезной дискуссии выяснилось, что расширение НАТО не создает военную угрозу для России: во-первых, Москва располагает достаточным количеством ядерного оружия, во-вторых, только люди, от природы наделенные болезненной фантазией, способны предположить, что благополучные европейцы ввяжутся в большую войну. При этом почти все соглашались, что блок НАТО, как таковой, и натовские страны сами по себе жаждут налаживания партнерских отношений с Россией — вплоть до создания постоянно действующего механизма консультаций между НАТО и Россией.

Так почему же Россия была так решительно настроена против расширения НАТО?

Ответ следует искать в сфере политической психологии. Это следствие давнего недоверия к Западу, помноженного на невероятную обиду на Запад, на американцев. Суть этой обиды можно выразить одной фразой: «С нами не считаются!» С Советским Союзом считались, потому что боялись его, а с новой Россией не считаются, потому что нас не боятся. В прежние времена НАТО не посмело бы принять в свои ряды какое-то восточноевропейское государство, если бы каким-то чудом оно обрело свободу принятия решений...

Прежний страх западного мира перед Советским Союзом льстил немалой части российского общества. Неосознанное раздражение из-за изменившегося места в мировой политике и есть психологическая основа протеста против расширения НАТО. Когда началась дискуссия вокруг расширения НАТО, в нее радостно включилось множество людей, которые заскучали было после окончания противостояния Восток-Запад. Спор из-за НАТО, можно сказать, вернул их к жизни.

Информационные потоки в России вновь изображали окружающий

мир в конфронтационном ключе. И руководители страны, и просто читатели многих газет получали информацию о том, что никто не желает сильной и процветающей России, что наши друзья не такие уж друзья, что наши партнеры на самом деле пекутся только о своем интересе. В Москве искренне полагали, что, если Запад говорит о партнерстве, он должен делать все так, как желает Москва. Никто не думал о том, что есть национальные интересы восточноевропейских стран, которые хотят идти по пути преуспевающих западноевропейских государств и вступать во все европейские структуры просто потому, что это им выгодно. И есть национальные интересы стран НАТО, которые хотят партнерства с Россией, но не хотят и не могут отталкивать от себя небольшие государства Центральной и Восточной Европы.

А ведь в те годы НАТО сильно изменилось. Боевой потенциал серьезно сократился. Мощные силы передового базирования, которые готовы были встретить Советскую Армию на границах, были отведены и расформированы. НАТО расслабилось. От большой и дорогостоящей армии перешли к небольшим мобильным формированиям быстрого реагирования.

Тогдашний глава правительства Виктор Черномырдин публично признал, что включение Венгрии или Польши в НАТО не опасно для России. Он сказал, что опасность состоит в том, что ультранационалисты станут обвинять президента и правительство в неспособности остановить НАТО.

Для нас это не аргумент, отвечали американцы. Обязанность президента и правительства, в частности, состоит в том, чтобы помогать общественному мнению сформировать правильное понимание ситуации. Если премьер-министр понимает, что прием Венгрии и Польши в НАТО не вредит безопасности России, то почему бы не сказать об этом своим согражданам? Вместо этого президент и правительство присоединяют свой голос к хору националистов и фактически занимают с ними одну и ту же позицию...

У Москвы были два варианта политики в отношении НАТО. Первый: свернуть отношения с Западом, начать вооружаться и искать новых союзников. Второй: возражая против расширения НАТО, развивать с блоком партнерские отношения.

Первый вариант Примаков отверг. От разрыва отношений с Европой и Америкой больше всего пострадала бы сама Россия. Пропагандистская атака на Запад в надежде, что он сам откажется от идеи принять в НАТО новые страны, не сработала. Надо было начинать переговоры в надежде

выторговать максимально выгодные условия.

Когда в Москве началась кампания по борьбе с расширением НАТО, я побывал в Брюсселе, где беседовал с послом Виталием Чуркиным, который занимался и отношениями с Североатлантическим блоком. Он был удивлен:

— Почему у нас дома такие пессимистические настроения? Неверно утверждать, что с Россией никто не считается. Считаются. Нужно высаживаться в Брюсселе, забираться в любую щель и вживаться. Причем натовцы этого хотят. Дело за Москвой, где никак не могут решить, что делать. Дипломатия должна быть активной, наступательной. Дуться просто нелепо. Что это за прецедент в мировой дипломатии — обижаться на весь свет?

Основная претензия к НАТО: вы с нами не консультируетесь! Да как же с нами будут консультироваться, если мы сами не создаем этот механизм консультаций, не создаем климат доверия. Но это улица с двусторонним движением.

Если мы хотим, чтобы в Брюсселе знали и учитывали нашу точку зрения, то должны быть готовыми в той же мере учитывать позиции НАТО.

«На нас это давит»

Целый год Примаков провел в беседах с тогдашним генеральным секретарем НАТО Хавьером Соланой. Генеральный секретарь НАТО — это политик, который должен согласовать интересы всех стран, которые входят в блок, и говорить от их имени. Профессор физики, бывший марксист, в восьмидесятых годах Солана активно участвовал в борьбе против решения правительства Испании войти в НАТО. Ренегат?

— То были другие времена и другие обстоятельства, — говорил Солана, когда мы с ним беседовали в Брюсселе. — С тех пор и мир, и само НАТО сильно изменились. То, что было разумно тогда, перестало быть таковым сейчас.

На него легла самая сложная задача за всю историю блока. Он должен был поладить с Россией, для противостояния которой НАТО изначально и создавалось. Солана обворожителен в общении и способен добиваться компромисса и согласия. Солана очаровал своих партнеров отменной работоспособностью, природным шармом и готовностью навещать всех, чьи сердца ему надо завоевать.

— Партнеры на переговорах, условно говоря, должны вас пощупать, — говорил Хавьер Солана.

Кажется, нет человека, которого бы Солана не мог расположить к себе. Он даже «нет» произносит так, что его отказ никого не обижает. Примаков, выросший в Тбилиси, и испанец Солана были подходящими собеседниками.

Примаков сам сформулировал ситуацию:

— Россия не может и не хочет накладывать вето на вступление других стран в НАТО. Но Россия вправе говорить о неблагоприятной геополитической ситуации.

Остановить расширение НАТО не удалось, это было невозможно. Но Примаков и Солана договорились о том, о чем можно было договориться. НАТО брало на себя определенные обязательства: не размещать ядерное оружие на территории своих новых членов, не придвигать боевые части к границам России и сокращать тяжелые вооружения на континенте. Одновременно создавался механизм постоянных консультаций и сотрудничества с Россией.

27 мая 1997 года в Париже президент Борис Ельцин подписал Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и

безопасности между Россией и Организацией Североатлантического договора. Выступая в Париже, Ельцин сказал:

— Россия по-прежнему негативно относится к расширению НАТО, но отдает должное готовности стран учесть законные интересы России.

Через год подводились первые итоги партнерства России и НАТО. В конце мая 1998 года в Люксембурге прошло заседание Совместного постоянного совета Россия-НАТО на уровне министров иностранных дел. Прилетел Примаков. Выступая, он сказал:

— К основополагающему акту мы шли долго, притирая свои позиции, и достигли документа, который удовлетворяет все стороны. Впервые военные стали встречаться на постоянной основе. Они между собой даже легче договариваются, чем политики. Сейчас мы стараемся состыковать военную стратегию НАТО и нашу военную доктрину, чтобы они не противоречили друг другу. Да, сотрудничество идет. Теперь даже наши встречи с Соланой стали другими. Можем спокойно обсуждать острые темы. Мы можем сотрудничать и в политической сфере, и в военной. Но для нас это способ минимизировать последствия расширения НАТО. Мы к этому продолжаем относиться негативно. И вообще сотрудничество было бы куда более плодотворным, если бы не расширение блока на Восток...

Вечером после переговоров и заседаний в гостиничном номере Примакова я спросил министра:

— В чем конкретно грядущее расширение НАТО изменило ситуацию к худшему?

Министр выглядел усталым и хмурым, улыбался меньше обычного. С ним были его неизменный помощник Роберт Маркарян и его заместитель Николай Николаевич Афанасьевский, занимавшийся НАТО.

— Есть реальные вещи. А есть психологический фактор. Его нужно тоже учитывать. На нас давит это дело. На нас давит то, что расширение идет и блок приближается к нам, хотя мы основополагающим актом несколько смягчили обстановку. Если бы не расширение НАТО, мы могли бы больше говорить о миротворчестве, о превентивной дипломатии, о том, как погасить напряжение в горячих точках. Если бы не расширение, мы могли бы не оглядываться друг на друга...

Примаков ответил точно: расширение НАТО — это не военная проблема, это психологическая проблема.

Почему он согласился?

Примаков прекрасно чувствовал себя на посту министра иностранных дел и считал, что эта должность будет отличным завершением его политической карьеры. Но он не проработал на посту министра иностранных дел и трех лет. После острейшего политического и экономического кризиса, который разразился в августе 1998 года, он принял на себя обязанности председателя Совета министров.

— Если бы за месяц до того, как Евгений Максимович стал премьером, мне бы сказали, что он возглавит правительство, я бы расхохотался, — говорил мне один из самых близких его друзей. — Я удивился, что он дал согласие. Я даже испугался, когда его премьер-министром назначили. Испугался за него. В столь неудачное время взять на себя такую ответственность...

Еще никогда премьер-министром России не становился человек, который бы столь искренне отказывался от этой должности. Примаков никогда не стремился к высшей власти. К тому же через месяц после назначения премьер-министром ему исполнилось шестьдесят девять лет. Он полагал, что это неподходящий возраст, чтобы начинать новое дело. Почему же он все-таки согласился?

Евгений Максимович понял, что дальше отказываться нельзя. В сентябре 1998 года экономический кризис усугубился политическим, и страна шла к катастрофе. В течение полугода перед его назначением — с конца марта и до начала сентября — события в России развивались стремительно, но до понедельника 17 августа большинство из нас пребывало в блаженном неведении относительно того, что же в реальности происходит в стране.

Пожалуй, все началось в марте 1998 года, когда Виктор Черномырдин вдруг был отправлен в отставку. Его сменил никому еще не известный Сергей Владиленович Кириенко. Он рассказывал мне, что 23 марта, в день назначения, разговор у них с Ельциным был такой.

— Вы понимаете, что происходит в стране? — спросил его президент.

— Понимаю, — ответил Кириенко. — Вкатываемся в долговой кризис. Если не принять срочные меры, последствия будут самые печальные.

— Вы считаете, что выйти из кризиса можно?

— Можно. Но для этого придется пойти на самые жесткие действия.

— Беритесь и делайте, Сергей Владиленович.

Кириенко счел нужным оговорить только одно условие:

— Борис Николаевич, я политикой не занимаюсь и заниматься ею желания не испытываю.

Ельцин одобрительно кивнул:

— Правильно, и не надо! Главная ошибка прежнего правительства — оно слишком лезло в политику. А дело правительства — это хозяйство, экономика. Займитесь экономической программой, а политику оставьте мне.

После отставки Кириенко придет к выводу, что сознательный отказ от политики был его главной ошибкой:

— Экономические проблемы в России не имеют чисто экономического решения. Они решаются только политическими средствами.

Жизнь взаимы

Ровно месяц ушел у Сергея Владиленовича на то, чтобы добиться утверждения его кандидатуры Думой, которая не хотела видеть в этом кресле еще одного молодого реформатора. Месяц страна жила без правительства, в ожидании роспуска Государственной Думы и новых парламентских выборов.

12 мая 1998 года Кириенко закончил формировать правительство. Тут началась рельсовая война, когда шахтеры перекрыли движение на железных дорогах. И почти сразу страна попала в финальную стадию долгового кризиса. Выступая в Государственной Думе с программной речью, премьер-министр Сергей Кириенко предупредил, что экономике России нанесен тяжелый удар азиатским финансовым кризисом. Последствия этого кризиса страна еще просто не заметила.

Люди слушали и не верили: о каком азиатском кризисе он говорит? У них в Таиланде и Индонезии что-то стряслось, а мы-то здесь при чем? На самом деле ситуация была еще хуже, чем первоначально предполагал Кириенко. Когда он обосновался в кабинете премьер-министра в Белом доме, то обнаружил, что доходов государства не хватает даже на текущие расходы.

Кириенко считал, что выход один — резко сократить государственные расходы. Он просил депутатов либо санкционировать секвестр бюджета, либо, если они не хотят брать на себя такую ответственность, разрешить правительству сделать это самостоятельно. Дума отвергла антикризисную программу правительства. Запад отказался помогать: вы просите нашей помощи, а между собой не можете договориться. Если бы в июле была принята антикризисная программа, не было бы 17 августа. Страна жила бы с таким же жестким бюджетом, который с большим опозданием пришлось готовить уже правительству Примакова, но обошлось бы без тех страданий, через которые страна прошла осенью.

В начале августа 1998 года из-за падения цен на российские валютные бумаги банки оказались на грани банкротства. Частные банки и фирмы не могли вернуть кредиты, взятые в твердой валюте. Кириенко решил спасти банки и заодно пощадить государственную казну, которой надо было расплачиваться по ГКО-государственным краткосрочным обязательствам. Правительство разрешило частным заемщикам в течение ближайших девяноста дней ничего не платить своим зарубежным кредиторам.

Одновременно ввели мораторий на выплаты по государственным краткосрочным обязательствам и облигациям федерального займа. Трехмесячная отсрочка должна была спасти экономику.

16 августа, в воскресенье, приехав к президенту, Кириенко сказал, что правительство готово уйти в отставку, приняв на себя ответственность за все.

— Если есть возможность заменить нас правительством, обладающим большей политической поддержкой... Ему не надо будет нести ответственность за уже принятые непопулярные решения.

Ельцин сказал, что уходить в отставку не надо, надо работать. Он не мог предположить, что на следующий день начнется в стране.

Возвращение Черномырдина

17 августа, в понедельник, после обнародования правительственных решений в стране началась паника. И она перечеркнула благие пожелания правительства. Все бросились скупать валюту, у кого было на что покупать, конечно. Обменные пункты закрылись. Вкладчики побежали в банки забирать свои сбережения. Вернуть всем деньги банки не могли.

21 августа, в пятницу, все фракции Государственной Думы выразили недоверие правительству и потребовали отставки Кириенко. В Москву срочно вернулся Виктор Черномырдин, который находился в Оренбурге. Он правильно рассчитал, что настал его час, потому что в окружении президента замечались в поисках фигуры, которая могла бы спасти ситуацию. Сам Черномырдин первым делом поехал в Государственную Думу договариваться с депутатами. Он говорил им:

— Пора действовать. Товарищ Кириенко растерялся, его ребята разбежались.

Черномырдин предлагал коалиционное правительство. Партии отказываются от политической борьбы, делегируют самых толковых в правительство и общими усилиями вытаскивают страну из кризиса. По словам Черномырдина, лидер коммунистов Геннадий Андреевич Зюганов его поддержал. Поддержал и Николай Иванович Рыжков, лидер фракции «Народовластие»: Черномырдин хорош тем, что ему не надо осваивать новое дело, он все знает.

22 августа, в субботу вечером, глава президентского аппарата Валентин Юмашев привез Ельцину на дачу проекты двух указов — об отставке Кириенко и назначении Черномырдина.

23 августа, в воскресенье утром, Ельцин вызвал к себе Кириенко. Когда Сергей Владиленич ехал к президенту, он понимал, что почти наверняка уедет уже не главой правительства. Попрощавшись с Кириенко, Ельцин сразу пригласил к себе Черномырдина, который жил по соседству, и предложил ему сформировать правительство. Черномырдин с удовольствием принял предложение, но поставил свои условия. Он получает значительно большие полномочия, чем прежде, а президент соглашается ограничить свою власть.

Виктор Степанович старался не только для себя. Он должен был получить поддержку Думы и брался добыть для оппозиции то, чего она тщетно добивалась много лет, — отказа президента от своего всевластия.

Он полагал, что это предел мечтаний оппозиции — конституционная реформа, передел полномочий в пользу Думы и правительства. Виктор Степанович предложил основным думским фракциям подготовить политическое соглашение. Если президент его подписывает, то Дума автоматически утверждает Черномырдина.

Президент был в таком состоянии, что соглашался на все. В те дни казалось, что президент настолько болен и слаб, что вообще вот-вот сам подаст в отставку. Ельцин действительно подписал политическое соглашение. Думу охватила эйфория: наша взяла, президент сдался, кризис закончился.

30 августа, в воскресенье вечером, коммунисты неожиданно отказались от этого соглашения и, следовательно, от поддержки Черномырдина.

31 августа, в понедельник, при голосовании в Государственной Думе Черномырдин получил голоса всего 94 депутатов. Против проголосовал 251 депутат. Ельцин сразу же вновь внес его кандидатуру на утверждение Думой.

7 сентября, в понедельник, Дума еще раз отказалась утвердить Черномырдина: 138 голосов «за», 273 — «против».

Курс доллара стремительно подскочил. Торги на валютной бирже пришлось остановить. Казалось, что страна погружается в глубочайший экономический кризис, в хаос. Потом, после утверждения Примакова, станет ясно, что объективных причин для такого падения курса рубля не было. Просто действовали внеэкономические категории — общество охватила паника.

Оставалось последнее, третье голосование по кандидатуре Черномырдина. Если Дума вновь говорит «нет», президент по Конституции распускает Думу и назначает досрочные выборы. В ответ депутаты лихорадочно готовились к процедуре импичмента — это лишит президента права разогнать их. Президент и его окружение не знали, что делать: рискнуть и настоять на своем или же подыскать новую кандидатуру? Одни считали, что надо выставлять кандидатуру Черномырдина в третий раз: в последнюю минуту депутаты, как пить дать, испугаются роспуска и проголосуют «за». В этом предположении был резон.

Депутаты не хотели роспуска Думы. Одно дело готовиться к выборам, располагая мощным думским аппаратом, депутатскими привилегиями, другое — в решающий момент оказаться на улице и начинать все с нуля. Депутаты весной уже дали слабину, когда после всех протестов и

негодования с третьего раза проголосовали все-таки за Кириенко. Но они боялись вновь проявить губительное отсутствие принципиальности, накануне возможных выборов опозориться в глазах избирателей. Поэтому риск третьего отказа был велик.

В ответ на роспуск Думы депутаты могли начать процедуру импичмента, и тогда страна попала бы в ужасающее положение, когда власти не признавали бы друг друга. А Ельцин уже не тот, что в 1993 году.

«Уговаривайте Примакова!»

Государственная Дума проявила инициативу и предложила президенту свой набор кандидатов на пост премьер-министра: глава парламентского комитета по экономической политике Юрий Дмитриевич Маслюков, известный банкир Виктор Владимирович Геращенко, спикер Совета Федерации Егор Семенович Строев, московский мэр Юрий Михайлович Лужков...

Лидер фракции «Яблоко» Григорий Явлинский вдруг заявил с думской трибуны, что есть кандидатура, которая устроила бы все политические силы, это министр иностранных дел Евгений Максимович Примаков. И это предложение действительно всем понравилось.

8 сентября, во вторник, Примаков сделал заявление:

— Признателен всем, кто предлагает мою кандидатуру на пост председателя правительства. Однако заявляю однозначно — согласия на это дать не могу.

А страна оставалась по-прежнему без правительства. Банки закрывались. Зарплату платить было нечем. Люди на все деньги скупали еду, лекарства и вещи. Настроения в стране были упаднические. Все ждали увольнений, пустых полок, очередей, холодной и тяжелой зимы, социальных потрясений, диктатуры. Люди готовы были согласиться на любого премьера, лишь бы он начал действовать.

На дачу к Ельцину приехали руководитель президентской администрации Валентин Юмашев, секретарь Совета безопасности Андрей Кокошин и заместитель главы администрации Сергей Ястржембский. Ястржембский предложил кандидатуру Лужкова:

— Лужков всегда был за президента. На всех этапах своего пути, при всех сложных ситуациях. Говорят, что сейчас он против вас. По-моему, это оговор. Я лично разговаривал с Юрием Михайловичем. Он попросил передать, что Борис Николаевич для него святое понятие. Но дело не только в этом. Лужков — реальный кандидат в президенты на следующих выборах.

Андрей Афанасьевич Кокошин поддержал Ястржембского. Но не был согласен Юмашев:

— Лужков рвется к власти, со своим грубым напором, не брезгуя никаким скандалом. Кроме того, если Лужков станет премьером, неужели он удержится от попыток захвата власти до выборов 2000 года? Конечно

нет.

Ельцин всех отпустил, сказав, что подумает, и почти сразу перезвонил Юмашеву в машину:

— Уговаривайте Примакова.

Во всяком случае, так это изложено в книге Ельцина «Президентский марафон», которую за него написал Валентин Юмашев. Для Ястржембского и Кокошина этот визит на дачу закончился увольнением — Ельцин заподозрил в них «тайных агентов» Лужкова.

Ельцин вел тройную игру: давил на Думу («У меня нет другой кандидатуры, это вопрос решенный, с вами или без вас, премьером будет Черномырдин»), убеждал Черномырдина не настаивать на своей кандидатуре («Виктор Степанович, нельзя вносить вашу кандидатуру в третий раз, в сегодняшней политической ситуации мы не имеем права распускать Думу») и через Юмашева уговаривал Примакова стать премьером.

Юмашев несколько раз встречался с Примаковым:

— Евгений Максимович, какие ваши предложения, что будем делать?

Примаков отвечал:

— Давайте предлагать Юрия Дмитриевича Маслюкова, это хороший экономист.

— Борис Николаевич ни за что не согласится на премьера-коммуниста, вы же знаете, Евгений Максимович. И что же, будем распускать Думу?

На самом деле от отчаяния Ельцин был готов на любой вариант. Юрий Дмитриевич Маслюков рассказывал позднее журналистам, что его прямо из отпуска пригласили к президенту. Утром 10 сентября он был в Кремле. Сначала с ним разговаривала президентская дочь Татьяна Борисовна Дьяченко. Она сказала:

— Сейчас папа будет предлагать вам пост премьера. Ни в коем случае не отказывайтесь.

Ельцин действительно предложил Маслюкову стать премьером. Тот ответил, что в силу его принадлежности к коммунистической партии назначение будет недоброжелательно встречено частью политического спектра страны. Маслюков сказал, что сейчас нужна такая фигура, как Евгений Максимович Примаков, а он готов работать под его руководством в качестве первого вице-премьера, ответственного за экономику.

В общей сложности Ельцин трижды предлагал Примакову возглавить кабинет. Последняя беседа состоялась 10 сентября, в четверг утром. Евгений Максимович искренне отказывался. Ему не хотелось братья за

практически неразрешимую задачу. Ельцину он сказал:

— Борис Николаевич, буду с вами полностью откровенен. Такие нагрузки не для моего возраста. Вы должны понять меня.

Но в президентской приемной к нему подошли Юмашев, Татьяна Дьяченко и глава службы президентского протокола Владимир Николаевич Шевченко. Шевченко говорил особенно горячо:

— Как вы можете думать о себе! Разве вам не понятно, перед чем мы стоим? 17 августа взорвало экономику. Правительства нет. Дума будет распущена. Президент может физически не выдержать. Мы на грани полной дестабилизации!

В тот же день у Ельцина собрались Примаков, Черномырдин, Маслюков и Юмашев. И все они вновь уговаривали Примакова. Наконец он согласился. Ельцин подписал указ о назначении Примакова, и об этом мгновенно сообщили информационные агентства.

В Министерстве иностранных дел печальные настроения. В стране — единодушный вздох облегчения. Примаков еще должен был утверждаться Думой, сформировать правительство, предложить программу действий, но главное было уже позади — угроза роспуска Думы, импичмента президента, безвластия, политических схваток с неизвестным результатом на фоне экономической катастрофы.

Евгений Максимович честно говорил в Думе:

— Я даже не знаю, что для меня лучше: чтобы вы меня утвердили или провалили.

Любопытно, что больше всех Евгения Максимовича уговаривали те, кто потом его и уберет с должности. Но в тот момент они все зависели от Примакова — не согласись он тогда, они вообще могли лишиться власти. Но чувство благодарности — не самое сильное чувство у обитателей Кремля. Предчувствия у Примакова были верные: и он тоже уйдет из Белого дома не по своей воле и не под аплодисменты... Но в тот момент подобный исход никому не мог прийти в голову. Выдвижение Примакова казалось счастливой находкой — ему доверяла вся страна.

Разворот

Уйдя в правительство, Примаков не оставил МИД без внимания. Он больше любого из своих предшественников занимался внешними делами и принимал каждого, сколько-нибудь значительного иностранного гостя. Стратегия российской внешней политики оставалась в его руках.

Балканы по-прежнему бурлили. В фокусе внимания оказалась сербская провинция Косово. Сербский спецназ проводил чистку этой провинции, на девяносто процентов населенной албанцами. Как это обычно бывает, страдали в первую очередь мирные жители, а не вооруженные албанские боевики, требующие для Косова независимости. Из зоны боевых действий, из сожженных албанских деревень бежали крестьяне, они остались без крова и еды.

Запад требовал от президента Югославии Слободана Милошевича прекратить боевые операции, дать беженцам возможность вернуться домой и вступить в переговоры с албанским меньшинством. Была принята резолюция Совета Безопасности ООН. Милошевич эти требования игнорировал. Тогда НАТО стала готовить военную операцию, цель которой остановить действия сербского спецназа и помочь беженцам.

Примаков выражал американцам недовольство относительно намечавшейся военной акции против режима Милошевича:

— Что дадут военные удары по сербам? Вы нас опять загоняете в угол. Причем этот готовящийся удар не обоснован ни с какой точки зрения.

В марте 1999 года Примаков должен был участвовать в заседании российско-американской комиссии, которой по традиции руководили вице-президент Соединенных Штатов и глава правительства России. Но личные отношения Ала Гора и Евгения Максимовича не складывались. Узнав о назначении Примакова, Гор сказал своим помощникам:

— Раньше Россия была рыночной демократией. Теперь это вотчина Примакова. Не нравится мне этот парень — и подозреваю, что это взаимно.

Примаков говорил, что вице-президент Гор зависит от внутривластной ситуации и слишком много думает о грядущих выборах, но повторял, что надеется наладить с ним какое-то взаимодействие. Но этому помешал тяжелейший кризис в российско-американских отношениях из-за Косова.

Утром 23 марта самолет Примакова поднялся в воздух. Когда сделали промежуточную посадку в ирландском аэропорту Шеннон, позвонил

российский посол в Вашингтоне Юрий Викторович Ушаков (будущий помощник президента по международным делам) и сообщил, что, судя по всему, переговоры американского представителя Ричарда Холбрука с Милошевичем ничего не дали и Соединенные Штаты могут применить силу.

Примаков попросил соединить его с вице-президентом Алом Гором и предупредил его:

— Я вылетаю в Вашингтон. Но если все-таки во время моего полета будет принято решение нанести удар по Югославии, прошу немедленно меня предупредить. В таком случае я не приземлюсь в США.

В Белом доме, конечно, могли отложить начало бомбардировок до завершения визита Примакова, но не захотели идти на попятный, чтобы не обнадеживать Слободана Милошевича: он должен видеть, что никто его с крючка не снимет. Либо он прекратит операцию в Косове, либо подвергнется бомбардировке.

Ричард Холбрук, исходя из того, что сербские спецслужбы его подслушивают, прямо из Белграда позвонил в Вашингтон:

— Я полагаю, вы согласны, что мы не можем позволить, чтобы нас отвлекал или тормозил визит Примакова. Мы все равно разбомбим Милошевича к чертовой матери, если он не выведет войска и не прекратит противоправные действия в Косове, поскольку зверства, которые он совершает, — прямой повод для бомбардировок.

— Совершенно справедливо, Дик, — услышал он в ответ. — Мы здесь тоже смотрим на это именно так.

Строуб Тэлботт соединился с американским поверенным в делах в Белграде Ричардом Майлзом и передал ему официальные инструкции: сжечь секретную переписку, собрать вещи и покинуть здание посольства.

В девять вечера по московскому времени вице-президент Гор перезвонил Примакову:

— Евгений, наши дипломатические усилия не дали результата. Ежедневно сербские силы убивают невинных людей, разрушают деревни, выгоняют людей из своих домов. И мы готовимся к удару. Прошу понять, что речь идет о том, чтобы остановить убийство ни в чем не повинных людей. Если ты примешь решение отложить свой визит, то предлагаю указать в сообщении для прессы, что визит не отменяется, а откладывается, то есть мы как можно скорее назначим новый срок его проведения.

— Прежде всего хотел бы поблагодарить тебя за откровенность, — сказал Примаков. — Мы дорожим отношениями с Соединенными Штатами. Однако мы категорически против военных ударов по

Югославии. Считаю, вы делаете огромную ошибку. В условиях, когда ты говоришь, что удары по Югославии неминуемы, я, разумеется, прилететь в Вашингтон не могу.

Примаков соединился с Ельциным. Президент одобрил его решение. Одни тогда аплодировали решительному поступку главы российского правительства, другие считали, что заступаться за Слободана Милошевича нелепо — ничего, кроме страданий, он собственному народу не принес... Но в любом случае разворот Примакова над океаном вошел в историю дипломатии.

Что сделал Примаков?

Главная заслуга Евгения Максимовича состоит в том, что он добился стабилизации политической ситуации в России. С его вступлением в должность исчез страх перед тем, что будет распущена Государственная Дума, что президент решится вновь применить силу против парламента, что страна пойдет вразнос и воцарится диктатура. И как-то сразу спало напряжение. Правительство получило несколько месяцев относительного спокойствия — для того, чтобы что-то сделать.

Когда Примаков представил публике свой кабинет, его называли розовым, красным, коммунистическим. Первые заявления министров насчет управляемой денежной эмиссии, национализации, поддержки военно-промышленного комплекса просто пугали.

На правительство оказывали колоссальное давление губернаторы, военно-промышленный комплекс, крупные производители. Они требовали денег и были уверены, что именно это правительство пойдет им навстречу. И ошиблись. Денег правительство Примакова печатать не стало. Как выразился один из коллег Примакова: когда становишься министром, нельзя не быть монетаристом. Невозможно раздать денег больше, чем есть в казне. Немыслимо давать кредиты, если очевидно, что их не вернут. Одно дело на митинге или с думской трибуны сулить избирателям золотые горы. Другое — понять, что от одного неверного шага может пострадать вся страна.

Вопреки первоначальным обещаниям, правительство Примакова не так уж сильно вмешивалось в экономику.

Людям не мешали работать. Не сбылся ни один из катастрофических сценариев, которые сулили правительству Примакова. Его кабинет впервые за десять лет составил честный бюджет, в котором доходы превышают расходы. И фактически удержал рубль, и через несколько месяцев наступило некоторое улучшение ситуации в стране, начался рост производства. Девальвация рубля помогла отечественному производителю, и от этого выиграло село и небольшие города России, где сосредоточены производители. После долгих споров в правительстве отказались от мысли, что в Международном валютном фонде сидят мальчики в коротких штанишках, ничего не смыслящие в российских делах. Выяснилось, что разумные предложения МВФ совпадают с целями правительства. И вообще оказалось, что в стране все-таки сформировалась рыночная экономика,

которая уже не так сильно зависит от правительственных решений и постановлений.

Примаков был очень осторожен, он продумывал каждый шаг, двигался как по минному полю, поэтому на посту премьер-министра он допустил куда меньше ошибок, чем кто-либо другой на его месте. Но вместе с тем его упрекали в том, что он не идет на решительные, радикальные, но непопулярные меры, которые только и могут вытащить нас из кризиса.

Либеральные экономисты ругали Примакова за пассивность. Если к хирургу пришел больной с нарывом, хирург, конечно, должен позаботиться о том, чтобы сделать операцию максимально безболезненно. Но вскрывать нарыв необходимо, иначе будет заражение крови. Примакова обвиняли в том, что он, ссылаясь на волю пациента, не решается вскрыть нарыв, а дает только обезболивающее. Но пациент-то может и умереть...

Вот и президент Ельцин в мае 1999 года объяснил стране, что расстался с Примаковым, потому что его правительство не преуспело по экономической части. Некоторые экономисты согласились с президентом. Другие напоминали, что Примаков стал премьером, когда страна находилась в кризисе, люди были в панике. От этого он страну спас и дал экономике возможность восстановиться. А провинция была ему благодарна — ей стало легче. Кроме того, при Примакове стали выплачивать зарплаты и пенсии — без опозданий.

Примаков, пожалуй, только с журналистами не нашел общего языка. Он настроил против себя средства массовой информации, выговаривая им за то, что они необъективны к правительству. Он всегда неоправданно остро реагировал на критику в газетах, считая, что его критикуют несправедливо. Он, похоже, исходит из того, что журналисты недостаточно серьезно подходят к делу.

Самая достойная отставка

Евгений Примаков приступил к работе с большим, невиданным кредитом доверия. Ни один глава правительства не имел такой массовой поддержки. Это создавало ему запас устойчивости в отношениях с Кремлем. Примаков был достаточно тактичен и умен, чтобы не покушаться на prerogatives президента, пусть даже и больного. Он ни одной минуты, что бы на сей счет ни писали, не работал заместителем президента. Он старался не возбудить в Ельцине ревность, зная, что тот не любит успехов других политиков. Евгений Максимович почти всегда чудесно ладил с начальством. Он наделен счастливым даром вести себя очень естественно.

Первоначально Ельцин зависел от Примакова и даже в определенном смысле заискивал. Через две недели после его назначения президент вдруг многозначительно и доверительно заговорил с ним:

— Давайте думать о стратегических вопросах. Я мыслю вас на самом высшем посту в государстве!

Примаков благоразумно отказался развивать эту тему:

— Я не готов к такому разговору. Не готов и не хочу его вести...

Борис Ельцин назвал Примакова «самым сильным, самым надежным премьером, которого поддерживает президент, поддерживает правительство, поддерживает Государственная Дума, поддерживают региональные власти на местах». Ельцин сказал, что получает удовольствие, видя, как Примаков решает проблемы, находя удачные компромиссы...

Тогда были плохие дни для Ельцина. В октябре 1998 года он полетел в Узбекистан и Казахстан. Но чувствовал себя скверно. Прямо под прицелом телевизионных камер в аэропорту он едва не упал. Его удержал Ислам Каримов, президент Узбекистана. Поездку свернули, и президент досрочно вернулся в Москву. Врачи сообщили, что у президента был трахеобронхит с высокой температурой. По Москве поползли зловещие слухи, что у него развилась болезнь Паркинсона.

Но едва кризис миновал, стало ясно, что Примаков неприятен Ельцину. Заговорили о том, что между Ельциным и Примаковым пробежала черная кошка, что президент обижен на премьер-министра, который за его спиной договаривается с Государственной Думой о том, чтобы вывести правительство из-под контроля президента. Известно, как Ельцин не любил, когда в его окружении кто-то занимался

самостоятельной политикой...

Знатоки кремлевской жизни поняли, что и Евгений Максимович не задержится в своем кресле. В 1998 году сменилось три премьер-министра. На то, чтобы сменить главу правительства, у президента в любом случае сил хватит. Так и получилось. В 1999-м тоже сменилось три премьера.

В книге Ельцина «Президентский марафон» так объясняются причины отставки Евгения Максимовича:

«Примаков с каждым днем становился для огромной части бизнеса, а значит, и для среднего класса, средств массовой информации, для многих политиков и целых думских фракций раздражающим фактором. Вольно или невольно Евгений Максимович консолидировал вокруг себя антирыночные, антилиберальные силы, вольно или невольно наступал на свободу слова, и журналистов не могло это не волновать.

Той весной многие российские граждане в массовом порядке начали паковать чемоданы... Возбуждались непонятные уголовные дела. Под арест попадали невинные люди. Часть сотрудников спецслужб не скрывали при допросах и обысках бизнесменов, что ждут реванша за прежние годы...

Дальнейшее пребывание Примакова у власти грозило поляризацией общества. Разделением на два враждующих лагеря. Это была тяжелая тенденция. Затягивание этого процесса, сползание к прежним, советским, методам руководства могли превратить его отставку в настоящий гражданский конфликт. Стало понятно, что ждать до осени, тем более до 2000 года, как я запланировал раньше, просто нельзя».

Примаков возглавлял правительство всего восемь месяцев. 12 мая 1999 года, когда глава правительства пришел к нему с очередным докладом, оживленный и прибодрившийся президент сообщил ему, что распускает кабинет. Примаков в эти недели чувствовал себя очень плохо, страдал от тяжелого радикулита, нуждался в операции. Но присутствия духа не потерял ни на секунду и твердо сказал:

— Мне кажется, что вы делаете ошибку.

Ельцин предложил ему самому написать заявление с просьбой об отставке:

— Так всем будет проще.

Примаков отказался:

— Я этого не сделаю. Вы можете подписать указ как президент.

Ельцин сказал примирительно:

— Давайте останемся друзьями.

Еще одна цитата из книги «Президентский марафон»: «Еще раз

посмотрел на Евгения Максимовича. Жаль. Ужасно жаль. Это была самая достойная отставка из всех, которые я видел. Самая мужественная. Это был в политическом смысле очень сильный премьер. Масштабная, крупная фигура».

Склоки в коридорах власти

Так почему же Ельцин уволил Примакова? Самый очевидный ответ-Борису Николаевичу не нравилась самостоятельность премьер-министра. Примаков был первым непрезидентским премьер-министром. Его и выбрал-то не Ельцин. Примаков был ему навязан ситуацией. У президента осенью был выбор: либо распустить Думу, либо принять кандидатуру Примакова. Ельцин согласился на меньшее зло, потому что был в очень плохой форме, сильно болел.

Примаков сам сформировал правительство, чего не было ни до него, ни после. Евгений Максимович в минимальной степени зависел от президентской администрации. Тем более, что в конце 1998 года Валентина Юмашева на посту руководителя администрации сменил новый президентский фаворит- Николай Николаевич Бордюжа, строгий, подтянутый, располагающий к себе офицер. Ельцин возлагал на него большие надежды и хотел посмотреть, каков он в деле. Борис Николаевич уже подыскивал себе преемника...

Но Бордюжа плохо ориентировался в коридорах власти и с уважением относился к Примакову. Это поставило крест на его карьере. Ельцин в своей книге объяснил, что к чему:

«Я вызвал Юмашева и сказал:

— Валентин, а вы уверены, что нет ошибки? Что-то я не чувствую Бордюжу.

Юмашев удивился. Внешне все шло гладко. Бордюжа старался изо всех сил, пытался стать командным человеком. Но я с самого начала видел — с ним что-то не то.

Позднее мне стало ясно, что же происходит с Бордюжей. Офицер, сделавший прекрасную карьеру в строгой военной системе, он плохо понимал устройство современной политической жизни, не улавливал ее тонких нюансов, не замечал подводных течений. Вся работа главы администрации была, с его точки зрения, нелогичной, нерепаментированной, странной. И он растерялся... Единственным, с кем Бордюже было комфортно, оказался Евгений Максимович Примаков».

Николай Бордюжа не проявил и других искомым качеств — беспредельной жесткости и твердости. Не хватило ему, видимо, и политического кругозора. Вот почему Бордюжа продержался в Кремле всего четыре месяца. 19 марта 1999 года он перестал был главой

администрации, 13 апреля потерял пост секретаря Совета безопасности.

Примаков сразу же взял Бордюжу к себе в правительство — председателем таможенного комитета. Назначение состоялось 14 апреля 1999 года. Через месяц Примаков перестал быть главой правительства, и Бордюжа подал заявление об отставке.

Новым секретарем Совета безопасности стал Владимир Владимирович Путин, а главой администрации — экономист Александр Стальевич Волошин, который в пух и прах стал разносить экономическую политику правительства.

Примаков с первого дня опирался на поддержку левой оппозиции, во-первых, потому что она составляла большинство в Государственной Думе, во-вторых, потому что (в отличие от президента) не видел в коммунистах ничего опасного. Говорили: премьер-министр позволяет оппозиции использовать себя, он слишком ей удобен. В Кремле считали, что Примаков нарочито блокируется со злейшими врагами президента. Как же так? Коммунисты готовят импичмент, а Примаков продолжает заседать вместе с ними, обсуждать дела...

У коммунистов на руках был сильный козырь: если отправим Ельцина в отставку, то управлять страной по Конституции будет такой уважаемый человек, как Евгений Максимович Примаков. Со стороны казалось, что на сей раз давно готовившийся импичмент может увенчаться успехом. Как минимум, депутаты согласятся признать Ельцина виновным в чеченской войне. Еще никто не знал, что затея с импичментом лопнет, как мыльный пузырь, поэтому контакты премьер-министра с оппозицией воспринимали в Кремле как враждебные.

Президент рискнул и выиграл

Несколько человек из высшего эшелона власти говорили мне, что выступали против увольнения Примакова. Не потому, что его любили, — боялись народного возмущения. Евгений Максимович был очень популярен. И как выяснилось позднее, уходу Примакова в отставку предшествовала некая попытка организовать восстание против президента.

Глава компартии России Геннадий Зюганов рассказал «Независимой газете», что накануне отставки правительства у Примакова было совещание с лидерами фракций, с руководством Государственной Думы.

— Затем мы остались — я, Рыжков и Харитонов — и еще два часа вели с Примаковым и его заместителями обсуждение ситуации в стране. Мы прямо сказали, что Ельцин и его команда пойдут на отставку Примакова... У Примакова была редкая возможность. Мы ему сказали, что завтра Ельцин отправит его в отставку, и просили рассмотреть сложившуюся ситуацию на совместном заседании Федерального собрания и правительства. К сожалению, правительству не хватило мужества это сделать. Мы пригласили их в Думу, но они не появились. А затем не появились и в Совете Федерации. Если бы тогда они решились, уверен, две палаты и правительство Примакова нашли бы выход...

Если бы законодатели и правительство обратились ко всем силовым ведомствам с совместным призывом соблюдать спокойствие и не поддаваться на провокации, уверял Зюганов, то ни один солдат, ни один генерал не выступил бы против законного правительства, поддержанного народом... Тогда была реальная возможность рассмотреть поправки к конституции, перераспределить полномочия и поставить правительство под контроль двух палат...

Почему же, спросили Зюганова, коммунисты, как они это обещали, не вывели людей на улицы в знак протеста против отставки Примакова?

— Это можно было сделать при одном условии. Если бы Примаков сказал: «Да, я приду в Думу». Если бы он официально обратился к стране. А когда он сказал, что уходит в связи с тем, что этого требует Ельцин, ситуация поменялась кардинально. Мы собрали Совет Федерации, но и там не хватило мужества честно оценить происходящее. Звать людей на улицы, когда сами отставляемые не делают ни шага навстречу Думе, — смысла нет...

Ельцин опять рискнул и опять выиграл. Абсолютно непопулярный

президент избавился от необыкновенно популярного премьер-министра, и ничего в стране не произошло — ни демонстраций, ни забастовок, ни массового возмущения! Примаков безмолвно ушел, невероятно страдая от унижения. Дума покорно проголосовала за нового премьер-министра Сергея Вадимовича Степашина.

Убрав Примакова, Ельцин нанес левым тяжелый удар. Когда еще и импичмент провалился, они просто растерялись. Еще вчера громогласно говорили о полевении России, о том, что вся страна поддерживает коммунистическую оппозицию, и вдруг замолчали. Коммунисты даже не решились сопротивляться назначению Степашина на пост главы правительства, хотя Сергей Вадимович был президентским премьером, полностью преданным ему человеком.

Отставка едва ли была для Евгения Максимовича неожиданностью. Примаков помнил незавидную судьбу всех своих предшественников и наверняка понимал, что президент его не очень любит. Хотя обставлен был его уход с должности отвратительно — люди, которых он, по существу, спас в критические дни осени 1998 года, не нашли в себе сил сказать положенное в таких случаях спасибо.

Отставку Примакова одобрили всего два процента опрошенных. У многих в стране осталось ощущение, что с ним поступили непорядочно. Еще ни один глава правительства не уходил со своего поста в ореоле народной любви. Опросы общественного мнения показывали, что Евгений Максимович — самый популярный и влиятельный человек в стране. И тогда заговорили о том, что он может сменить Ельцина на президентском посту.

Сам Примаков относительно выдвижения его кандидатуры на пост президента отвечал так:

— Всякое безумство должно иметь пределы. Я исчерпал свое, согласившись на премьерство...

До того, как его отправили в отставку, он действительно не собирался баллотироваться. После отставки все изменилось.

«За Примакова — надежду России!»

Примакова настойчиво уговаривали баллотироваться в Государственную Думу, а потом и в президенты. Он не спешил с решением. Во-первых, после ухода в отставку он сделал в Швейцарии операцию по замене тазобедренного сустава, которая избавила его от невероятных страданий. Но он не желал показываться на публике с костылями. Ждал, когда сможет обойтись без костылей и даже без палки. Во-вторых, он не хотел идти на выборы в одиночку, а своей политической организации у него не было.

Впрочем, я, честно говоря, думал, что он вообще откажется от политической деятельности. Он ведь не принадлежал к числу политиков до мозга костей, которые себе иной жизни не мыслят. У него интересы за пределами политики: книги, друзья, семья. Правда, было у него одно качество, возможно привезенное с Кавказа. Евгений Максимович вырос в Тбилиси, и он не прощает обид. А его сильно обидели, когда уволили так бесцеремонно. Со всех предыдущих должностей Евгений Примаков уходил только на повышение. Почти вся его жизнь — в смысле карьеры — это стремительное движение вперед и вверх. И вдруг такое увольнение. Желание если не отомстить, то, как минимум, взять реванш и, конечно же, притягательная сила большой политики, вероятно, и заставили его пойти на выборы.

За поведением Примакова многие следили с затаенным интересом, понимая, что он может сильно помочь избирательному блоку, к которому присоединится, и сильно помешать другим кандидатам в президенты, если бы решился участвовать в президентских выборах. Первым ему предложил союз московский мэр Лужков. Юрий Михайлович сам подумывал об участии в президентских выборах, но колебался, реально оценивая свои шансы. Тем не менее в 1999 году он создал свое движение «Отечество».

Когда Примакова отправили в отставку, Лужков сразу заговорил, что Евгений Максимович очень близок к «Отечеству». Союз Лужкова и Примакова казался очень сильным. Но Евгений Максимович не хотел быть чисто московским кандидатом. Тогда группа влиятельных губернаторов, создав свою организацию «Вся Россия», предложили Лужкову союз, стем, чтобы общий избирательный список возглавил Примаков.

Местные начальники по всей стране охотно строились под примаковские знамена, считая, что формируется новая партия власти, а в

таких случаях главное — не опоздать. Ельцина к тому времени списали окончательно, считая, что он тяжело болен, ни на что не способен и уже никому не опасен. Говорили, что у Ельцина серьезные проблемы с сосудами головного мозга, что иногда во время беседы он вдруг выключается, теряет нить и потом не может вспомнить, о чем говорил. В обществе были уверены, что его политическая карьера закончилась и ему пора уходить.

Лидер коммунистов Геннадий Зюганов уверенно заявлял:

— Режим уже изжил себя окончательно. Он агонизирует. Ельцин уже не может управлять по-старому, а по-новому он не умеет. В ближайшее время «семья» его изолирует, чтобы он не мешал. Администрация президента растеряна, ослаблена, она не имеет авторитета. Время либералов ушло, народ их ненавидит.

Кто-то, правда, вспоминал, что прежде Борис Николаевич был хорош именно в критических ситуациях, когда его загоняли в угол. Но его взлеты и победы, казалось, все в прошлом. Он не в состоянии был целый день высидеть в Кремле и все больше времени проводил в загородной резиденции. Его появления на телеэкране производили странное и жалкое впечатление. Он казался далеким не только от народа, но и от собственного правительства. Многие министры видели его только по телевидению. Он замкнулся в узком окружении, где главную скрипку играли его младшая дочь и журналист, который пишет ему книги и выполняет личные поручения. Пошли разговоры, что за него все делает окружение. И, не спрашивая президента, выпускает указы с помощью резиновой печати с факсимиле подписи Ельцина, которая хранится в сейфе заведующего канцелярией.

Нового премьер-министра Владимира Владимировича Путина никто всерьез не воспринял: ну и этого через неделю уберут. В Думе за него проголосовали совершенно равнодушно — какая разница? До выборов все равно придется терпеть ельцинские трюки...

В августе и даже в сентябре 1999 года мало кто сомневался, что на грядущих парламентских выборах победу одержит мощный блок «Отечество — Вся Россия» во главе с Примаковым. Он оставался самым популярным политиком в России и после отставки. Судя по опросам общественного мнения, люди хотели видеть на посту президента именно Евгения Максимовича как олицетворение взвешенной, спокойной, разумной политики. Казалось, что серьезных конкурентов у него нет.

В один из сентябрьских дней на большой дружеской вечеринке я видел, как друзья и соратники Примакова совершенно искренне поднимали

тосты:

— За Евгения Максимовича — надежду России!

Когда в начале августа 1999 года чеченские боевики вторглись в соседний Дагестан, а вслед за этим прогремели взрывы в Москве и в других городах, никто и представить себе не мог, что эти события радикально изменят политическую жизнь России. За чеченской войной и все политическое пространство нашей страны тоже превратилось в поле боя. Как в Чечне, здесь рвались снаряды и авиабомбы, орудовали снайперы. Соперники уже ощутили вкус политической крови, и на глазах пораженной, а может быть, и довольной публики они рвали друг друга на куски.

Досталось и Примакову. Говорили, что Примаков так и не оправился после операции, что его ждет следующая операция и закончится все это инвалидностью. При этом на экране телевизора возникали лужи крови, которые должны были вызывать определенные ассоциации.

В те дни, когда стране рассказывали, что Примаков с трудом передвигается, я наблюдал Евгения Максимовича в неформальной обстановке. Он был в прекрасном настроении, за столом ни в чем себе не отказывал, а после застолья в небольшой дружеской компании пел и пританцовывал. Но это видели человек двадцать, страна же верила телевидению. Тем более, что на телеэкране Евгений Максимович обычно появлялся мрачным и недовольным. Это не множило ряды его поклонников.

Примаков так и не сумел наладить отношения с прессой и телевидением и многих журналистов настроил против себя. Тем не менее не стоит говорить, что выборы в Государственную Думу в декабре 1999 года выиграло телевидение. Юрий Лужков был переизбран мэром Москвы абсолютным большинством голосов. А вот за политический блок «Отечество — Вся Россия», в котором он играл ключевую роль, проголосовало значительно меньше людей, чем ожидалось.

В чем причина поражения блока «Отечество — Вся Россия», который казался очевидным фаворитом? Ответов много. Главный предвыборный лозунг: избавиться от Ельцина в Кремле — уже устарел к моменту выборов. Никто и не сомневался в том, что Борис Николаевич вскоре уйдет. А вот кто и что будет после него? Жесткие атаки на Ельцина и «семью», обвинения в коррупции не расположили к себе избирателя. От политиков ждали не жесткой критики, а позитивной программы действий. А ее внезапно стал олицетворять новый и молодой премьер-министр Владимир Путин.

В нем увидели молодого и уверенного в себе человека, который не боится взять на себя ответственность. Он продемонстрировал те качества, которые люди хотели видеть в руководителе страны, по которым соскучились, — решительность и твердость. Массированное применение вооруженных сил в Чечне было воспринято как свидетельство восстановления былой мощи страны и единения общества, хотя бы на почве противостояния общему врагу. Это привело к неожиданному эффекту: социологи зафиксировали ожидание позитивных перемен в стране.

Примаков стал в Государственной Думе лидером фракции «Отечество — Вся Россия». Баллотироваться в президенты он не захотел. Чтобы противостоять Путину, Евгений Максимович должен был возглавить оппозицию — левую или правую, но он не принадлежал ни к той, ни к другой. Да и вообще не был он оппозиционером. 3 сентября 2001 года Примаков ушел с поста руководителя фракции.

Решение Примакова для многих все равно оказалось неожиданностью. Но ведь когда он возглавил избирательную кампанию блока «Отечество — Вся Россия», то вовсе не собирался работать в Думе. Это же была избирательная кампания с прицелом на президентский пост. Тем более, что именно работу в парламенте Примаков никогда не любил.

Евгений Максимович, конечно, в частной жизни человек очень веселый, живой, остроумный, компанейский, но для публичного политика ему не хватало некоторой доли позерства, самоуверенности, самолюбования и склонности к витийству. Он, как я понимаю, считал, что красиво говорить надо за дружеским столом, когда тост поднимаешь, а не на рабочем месте. Кстати говоря, лучше всего — он много раз это повторял — ему работалось в Службе внешней разведки, подальше от телевизионных камер.

Думаю, что, когда стало ясно, что первоначальные планы — завоевать большинство голосов в Думе и баллотироваться в президенты — не удалось, Примаков сразу хотел покинуть политическое поприще. Он остался, уступая просьбам и не желая выглядеть дезертиром. Он отбыл половину срока и заслужил право на условно-досрочное освобождение.

«Если Евгений Максимович Примаков уходит из большой политики, то я крайне сожалею об этом, — эти слова я сказал тогда в прямом эфире телекомпании ТВЦ. — Он один из тех немногих политиков, кому авторитет позволяет иметь собственную точку зрения, ее безбоязненно высказывать и отстаивать. Дума без Примакова станет более одинаковой и более послушной».

Так и произошло.

А ведь в какой-то момент Евгений Максимович Примаков был самым популярным и влиятельным человеком в стране. В середине ноября девяносто восьмого года шестьдесят восемь процентов опрошенных одобрили идею сделать Примакова вице-президентом, хотя тогда уже и не было такой должности. И почти сразу пошли разговоры о том, что Примаков должен баллотироваться в президенты на выборах 2000 года. Кому же, как не ему возглавить страну? И сразу же вспыхнули красные огни стоп-сигнала. Кто-то страшно испугался Примакова-президента.

Конечно, не стоило считать Примакова мягкотелым или излишне уступчивым человеком. Говорили: Примакову нельзя становиться поперек дороги. У него железный характер. Но коварства и жестокости, тяги к диктаторству в его характере не было и нет. Его политика, стань он президентом, была бы твердой, но только в рамках конституции.

Кто-то испугался не за страну, а за себя лично. Кто-то в ближайшем окружении первого президента. Как договариваться с Примаковым, если он, чуть ли не единственный в политической элите, вообще не занимается бизнесом? Не имеет доли ни в одном предприятии, никому не оказывает услуги и никого не крышует? Не потому ли Примакова так быстро вытолкнули из политики?

Предположения относительно его будущего строились самые разные. Говорили, что Путин либо поставит Примакова во главе Совета Федерации, либо даже вновь доверит ему правительство как человеку, обладающему бесценным опытом и значительным авторитетом.

Мне эти предположения казались наивными.

Несмотря на преувеличенно вежливое отношение к Примакову в Кремле, думаю, что там несказанно обрадовались его уходу из политики. Ему подыскали заметную и приятную, но не обременительную должность. 14 декабря 2003 года на внеочередном съезде Торгово-промышленной палаты Примакова единодушно избрали ее президентом. Он обещал расширить полномочия палаты, поднять ее статус, защищать предпринимателей и бороться против вымогательств со стороны чиновников во время постоянных проверок. Он руководил палатой до марта 2011 года, когда ушел в отставку, намереваясь заниматься уже только научной деятельностью. В июне 2015 года его не стало.

К Евгению Максимовичу Примакову в мире относились, как принято относиться к бывшим главам правительств, с полным уважением и пониманием его политического веса. Что касается нашей страны, то его ценят прежде всего как человека честного. Это крайне редкое качество для

политика. Примаков ни в чем не замаран, ничем себя не опорочил! Кто еще из российских политиков может похвастаться тем же?

Игорь Сергеевич Иванов

Смена курса

Один из российских министров — с тех пор, как он вошел в состав правительства, — свой день рождения отмечал исключительно в Соединенных Штатах. Но не стоило подозревать его в нехватке патриотических чувств. Каждый сентябрь в Нью-Йорке собирается сессия Генеральной Ассамблеи ООН. Присутствие министра иностранных дел обязательно. И родившийся в сентябре Игорь Иванов даже свой день рождения проводил не за дружеским застольем — с родными и близкими, а за куда менее приятным столом переговоров — с людьми, которые, возможно, ему совсем несимпатичны. Но им нужно улыбаться, пожимать руки и говорить любезные слова.

Игорь Иванов не принадлежал ни к питерской команде, ни к команде старых друзей нового президента Путина. Его считали примаковским человеком. В ту минуту, когда Евгений Максимович Примаков в сентябре 1998 года согласился возглавить правительство, он знал, что новым министром иностранных дел станет его первый заместитель Игорь Сергеевич Иванов.

Но не потому, что Иванов человек Примакова, его давняя креатура, старинный приятель. Вовсе нет. С равным успехом Иванова можно было бы считать человеком Козырева, который и назначил его первым заместителем министра иностранных дел России. Иванов не политический назначенец. Он профессионал. Он карьерный дипломат, хотя и попал в МИД сравнительно поздно и не закончил Институт международных отношений. Это ему нисколько не помешало.

— Невозможно родиться хорошим дипломатом, — говорил мне сам Иванов, — им можно только стать, обретя опыт. Можно родиться хорошим шахматистом. А дипломатами становятся, причем не сразу, а в результате тяжелого труда.

Иванов работал при шести министрах, начиная с Громыко, и каждый из них его привечал и повышал. Все, кто знает Иванова, считают его прекрасным профессионалом. И в мире расценили это назначение как свидетельство того, что в сложный момент, когда не ясно, в какую сторону пойдет внутреннее развитие России, как минимум, внешняя политика страны не изменится.

Суворовская выучка

Игорь Сергеевич Иванов родился 23 сентября 1945 года в Москве. Его мать, окончив автодорожный институт, работала в МВД и даже была начальником одного из районных ГАИ в Москве. Отец — кадровый военный. Сергей Вячеславович Иванов в войну командовал полком в знаменитой Отдельной мотострелковой бригаде особого назначения (ОМСБОН), в отставку ушел в звании полковника.

Родители мечтали, чтобы сын тоже получил военное образование. В одиннадцать лет Игорь поступил в суворовское училище и проучился семь лет. Участвовал в парадах на Красной площади. Усиленные занятия спортом позже ему очень пригодились. Словом, министр с удовольствием вспоминает это время, каждый год встречается с однокашниками по училищу. Этим его биография немного напоминает жизненный путь Примакова. Евгений Максимович в 1944 году, когда ему было пятнадцать лет, поехал в Баку и поступил курсантом в Бакинское военно-морское подготовительное училище. Но, когда война закончилась, все изменилось. Одно дело готовить себя к фронту, другое — выбрать военную карьеру в мирное время, когда началась демобилизация и солдаты и офицеры, сняв погоны, стали возвращаться домой. В 1946 году он ушел из училища.

Ни Примаков, ни Иванов военными не стали. С учетом дальнейшей истории — это явно к лучшему. Боевых офицеров нашим вооруженным силам всегда хватало, а министры иностранных дел наперечет.

В 1969 году Игорь Иванов окончил Московский государственный педагогический институт иностранных языков имени Мориса Тореза, где выучил испанский язык. Не лучшее образование для будущего дипломата, так что многое пришлось потом изучать самостоятельно. Его взяли стажером в Институт международного рабочего движения Академии наук СССР. В том же году он перешел младшим научным сотрудником в более крупное научное учреждение — Институт мировой экономики и международных отношений. Он учился в аспирантуре и работал личным референтом директора — академика Николая Николаевича Иноземцева, который сыграл особую роль в жизни сразу двух будущих министров иностранных дел.

Иноземцев был человеком талантливым и неординарным. Под его руководством институт расцвел. Своим заместителем Иноземцев сделал Примакова — высоко ценил Евгения Максимовича, помог ему стать

членом-корреспондентом, а затем академиком... Игорь Иванов приступил к работе над кандидатской диссертацией, но академическая карьера не увлекала. В 1973 году его взяли в Министерство иностранных дел вторым секретарем первого европейского отдела МИД СССР. Возможно, этому способствовал тот немаловажный факт, что он женился на дочери известного дипломата Семена Павловича Козырева (однофамильца будущего российского министра), который семнадцать лет был заместителем Громыко.

Тут биография Иванова сходится с биографией Андрея Владимировича Козырева, который тоже был женат на дочери другого заместителя министра. Но обоим будущим министрам протекция понадобилась только для первого шага в дипломатии.

В том же 1973 году Иванова оформили в Испанию. У Советского Союза дипломатических отношений с Испанией, которой еще правил ненавидимый в нашей стране генералиссимус Франциско Франко, не было. Но в Мадриде открылось торговое представительство, и четыре года Игорь Сергеевич работал в торгпредстве в должности старшего инженера — таково было штатное расписание. Иванов признается, что влюбился в Испанию с того самого дня, когда туда приехал. Улыбчивый, доброжелательный и легкий в общении, Игорь Сергеевич прекрасно чувствовал себя среди испанцев.

В 1977 году, уже после смерти Франко, были установлены дипломатические отношения, открылось советское посольство, и Иванов еще на шесть лет остался в Мадриде, где вырос от первого секретаря до советника-посланника, то есть второго человека в посольстве. Иначе говоря, он проработал в Испании десять лет подряд — большая редкость для Министерства иностранных дел.

В 1983 году он вернулся домой, был зачислен в центральный аппарат и приступил к работе в 1-м европейском отделе. На следующий год его взяли в секретариат министра, а вскоре он стал помощником Громыко, который слабых работников возле себя не терпел. Из его секретариата вышел еще один министр — Александр Бессмертных и некоторое количество заместителей министра.

— Хороший дипломат — это пишущий дипломат, думающий и пишущий, — говорит Александр Бессмертных. — Много думающих, но не так много пишущих. Много пишущих, но поменьше думающих. Когда сочетание того и другого, тогда получается хороший дипломат.

Игоря Иванова коллеги считают стопроцентно надежным человеком. Он известен способностью запоминать документы целыми страницами. Он

говорит очень четко и ясно, не сбивается, не путается.

Эдуард Шеварднадзе перевел Иванова в общий секретариат министерства, где он проработал пять лет, пока в 1989 году не возглавил это подразделение, которое является штабом МИД. Принял должность, которая требует почти круглосуточного присутствия на рабочем месте. И каждый в министерстве знал, что, когда где-то в мире начинался кризис, Иванову можно смело звонить в любое время: он на месте.

В нем не было комплекса приближенного, который горделиво вышагивал по мидовским коридорам: я каждый день общаюсь с божеством, которое вы видите раз в год. Игорь Иванов всегда подтянут, сдержан, внимателен. Но в те годы действовал с точностью хорошо запрограммированного компьютера. Людям со стороны Иванов казался несколько суховатым, закрытым и недоступным.

— Я думаю, это было связано с психологическим фактором, таким, как постоянное общение с начальством, перед которым вы предстаете в застегнутом сюртуке, — говорит его бывший начальник Александр Бессмертных. — Это непроизвольно распространяется на отношения с другими.

Вообще-то в частной жизни Игорь Иванов веселый и компанейский человек. Но он умеет отделить внеслужебную сферу от службы, где он должен быть застегнут на все пуговицы. А так — ничто человеческое ему не чуждо.

В 1990 году, в эпоху грандиозных перемен, Иванов твердо сказал, что в МИД не должно быть партийной организации, потому что министерство проводит политику не одной партии, а государства. В 1991 году, после стольких лет каторжной работы в центральном аппарате, он получил право уехать послом в Испанию. Он, в частности, подготовил Мадридскую конференцию по Ближнему Востоку, в которой приняли участие и арабы, и израильтяне, и которая была важным этапом в поисках мира в этом регионе.

Но в 1993 году Козырев вернул его в Москву. Андрей Владимирович признавался потом:

— Жаль, конечно, было его отзывать, потому что Иванов заслужил право побыть послом в любимой стране, но здесь он был нужнее.

В декабре 1993 года Иванов стал первым заместителем министра.

— Как же вам удавалось ладить со столь разными министрами? — спросил я Игоря Сергеевича.

Иванов улыбнулся:

— Вообще говоря, это естественно для дипломата. Я действительно

работал с шестью министрами, но не старался под них подладиться. Считал своим долгом придерживаться своей точки зрения и ее отстаивать. Возможно, именно это им и нравилось.

Иванов, что характерно, не сказал публично ни единого слова осуждения в адрес своих предшественников, хотя знает о них больше других.

Исчезнувшая спина

Евгений Примаков в бытность министром не влезал в детали мидовской жизни, так что несколько лет повседневные вопросы, в том числе кадровые, решались его первым заместителем Игорем Ивановым. МИД — это большой и сложный коллектив, сотни посольств, сотни различных подразделений, тысячи людей, и Иванов знал всех и вся лучше департамента кадров. Хотя в министерстве десять тысяч сотрудников, он мгновенно вспоминал нужного человека и давал ему точную характеристику.

Между первым заместителем и министром дистанция формально небольшая, но на самом деле принципиально важная. У первого зама всегда есть возможность переложить ответственность на министра, укрыться за его спиной. Иванов в роли первого зама чувствовал себя прекрасно, не думал, что когда-нибудь сменит Примакова, считал, что министр — фигура политическая. Когда Игорь Сергеевич стал человеком номер один в высотном здании на Смоленской площади, ему уже не надо было ни под кого подстраиваться. Но и решать все предстояло самому. Иванов говорил в те дни:

— Да, за такой спиной, как спина Примакова, чувствуешь себя комфортно. Теперь такой спины нет. Ответственности больше. Это не прибавляет времени для сна.

И еще ему пришлось самостоятельно выстраивать отношения с сильными мира сего — в аппарате правительства и в администрации Президента. Это тоже особое искусство.

Все, кто знает Иванова, считают его стопроцентно надежным человеком. Его отличают трудолюбие, организованность и четкость — редчайшие в государственном аппарате качества. Новые министры часто приходят с желанием все переделать, отринуть сделанное предшественником и начать жизнь по-новому. Игорь Иванов не упускал случая подчеркнуть, что он продолжит линию Примакова.

— Теперь, когда вы хозяин в министерстве, — спрашивал я тогда Иванова, — что вы хотите изменить? Наверное, у вас были идеи, которые давно хотели реализовать, да не могли?

— У нас в министерстве сложилась при Примакове творческая атмосфера, — ответил Иванов. — Поэтому не было таких вопросов, которые я не мог тогда поставить, а теперь могу. Я искренне говорю о

преемственности политики и пытаюсь продолжать то, что мы раньше делали вместе.

До последнего патрона

Андрей Козырев старался сдерживать свои эмоции, говорил шепотом. Евгений Примаков предстал перед публикой хмурым и мрачным. Игорь Иванов очень хорошо улыбается, чем вызывает искренние симпатии. Это тоже неплохое оружие в дипломатии. Поэтому его за глаза называли «министром улыбок и объятий», хотя приветливость и открытость вовсе не равносильны уступчивости на переговорах.

Игорь Сергеевич такой вежливый, воспитанный, интеллигентный человек, сокрушались тогда, а ему приходится иметь дело с жесткими американскими дипломатами. Трудное дело.

— Не стоит противопоставлять жесткость и интеллигентность, — говорил мне тогдашний представитель России в ООН Сергей Викторович Лавров. — Можно мягко стелить, да жестко будет спать. Дипломатия должна быть дипломатичной. Жесткой позиция должна быть по сути, а не по форме.

«Впервые я увидела Игоря Иванова, — пишет Мадлен Олбрайт, — когда он был заместителем Евгения Примакова. Тогда он показался мне несколько официозным. Позднее, когда он сменил Примакова на посту министра иностранных дел, и мы узнали друг друга лучше, я смогла оценить его ум и обаяние. Однако, каки Примаков, он также умел быть неуступчивым...»

Что отличало переговорный стиль министра Иванова? Есть очень жесткие переговорщики, которые упорно стоят на своем, засядут в траншее и отстреливаются до последнего патрона. Иванов из их числа? Или же при его более живом темпераменте он не станет отсиживаться в траншее, а найдет способ атаковать с фланга?

Сам Иванов, подумав секунду, ответил мне так:

— Нельзя быть либо жестким, либо мягким переговорщиком. Надо использовать весь арсенал дипломатических методов. Все зависит от ситуации, от партнеров. Поэтому дипломату так нужен опыт.

Опыт у Иванова был немалый. Его главное дипломатическое испытание — участие в мирном урегулировании на территории бывшей Югославии. В качестве первого заместителя министра он занимался подготовкой дейтонских мирных соглашений, которые привели к окончанию войны в Боснии.

Вести переговоры на Балканах — это чуть ли не самое сложное и

мучительное в современной дипломатии. Легких партнеров на Балканах не бывает, договариваться с ними — мучение. Переговоры идут годами, и до последней минуты кажется, что добиться ничего нельзя, это безнадежно. Неужели не возникает желания все бросить, отказаться от бессмысленного дела: да пусть они сами решают свои проблемы?

— Нет, — говорил Игорь Иванов, — я смотрю на это иначе. Я часто переживаю, что не смог добиться или убедить кого-то. Значит, я не был готов. Значит, надо почитать книжки — в истории многое повторяется, поискать новые аргументы.

С американской стороны переговорами по Боснии занимался тогдашний заместитель государственного секретаря Ричард Холбрук, друг президента Билла Клинтона. Холбруку дали специальный самолет, напичканный современной электроникой. Он мог мгновенно связаться не только со своим президентом и государственным секретарем, а вообще с кем угодно. Его снабдили мощным компьютерным досье, да еще с ним летала большая группа экспертов по аспектам балканской проблемы. Настоящее министерство иностранных дел в миниатюре.

Ничем этим российская делегация не располагала. Наши дипломаты добирались на попутках, на чем бог послал. А опаздывать было нельзя. Не приехали вовремя — без вас договорятся. Денег на необходимые расходы делегация не получила, потому что министерству финансов не объяснишь, какую особую задачу выполнял Игорь Иванов. У Минфина свои инструкции. И суточные были крошечные.

Российская делегация даже с трудом связывалась с Москвой, чтобы доложить о ситуации и вовремя получить инструкции. Министерство иностранных дел не могло позволить себе выложить несколько миллионов долларов на защищенные от прослушивания средства связи. Поэтому Иванов говорил с Москвой по обычному телефону эзоповым языком...

Кровавый распад

Когда Иванов стал министром, ему больше всего пришлось заниматься балканскими делами, где полыхало пламя войны. Распад Советского Союза был трагическим событием, но обошлось без войн и кровопролитий. Развал Югославии сопровождался войнами, убийствами, этническими чистками. История Югославии показывает, что могло произойти и с Россией, если бы события в нашей стране в 1991 году пошли иначе.

Все действующие лица югославской драмы внушают отвращение; их яркий национализм и непомерные амбиции разрушили процветающую и благополучную страну. Они мгновенно разворошили тлеющие уголья старой вражды, и в некогда едином государстве все возненавидели всех.

Хорваты и сербы были разъединены когда-то расколом церкви. Находившиеся под влиянием Византии сербы стали греко-православными, использовали кириллицу и ориентировались на восток. Хорваты сохранили верность римско-католической церкви, использовали латинский шрифт и ориентировались на Западную Европу. Но до создания первой Югославии между сербами и хорватами не было никаких столкновений.

Первую Югославию создали державы — победительницы в Первой мировой войне. Ими руководило желание восстановить этническую справедливость — дать самостоятельность народам Центральной и Юго-Восточной Европы, в первую очередь на Балканах. Либералы начала века верили в панславянскую идею, в преодоление этнических и конфессиональных различий, в возможность совместной жизни. Эти надежды не сбылись...

Пытаясь понять, почему развалилась единая Югославия, сербские политики приходят к выводу, что главная причина — ослабление федерации: республики получили слишком большую самостоятельность, породившую, в свою очередь, сепаратизм. Белград должен был крепче держать в руках все республики. Но первая, предвоенная Югославия как раз и была унитарным государством! Страна жестко управлялась из центра, сепаратизм подавлялся. К чему это привело?

В унитарной Югославии сербы чувствовали себя народом-объединителем, своего рода старшим братом и недоумевали: почему хорваты и словенцы не ценят их усилий? А другие народы были недовольны тем, что сербы заняли командные посты в армии, заставили

хорватов перейти на кириллицу, запретили македонцам изучать в школах родной язык, выселяли албанцев из Косова и переселяли туда сербов.

Во время Второй мировой войны сербы и хорваты безжалостно уничтожали друг друга. Особой жестокостью отличались хорватские усташа. Тем не менее после освобождения от немцев сербы и хорваты вновь объединились в одном государстве. Вторую Югославию создал руководитель коммунистических партизанских отрядов Йосип Броз Тито. Тито управлял страной куда более жесткой рукой, чем югославский король, но республики получили все привилегии и атрибуты самостоятельности. Тито построил социализм с хорошо работавшей экономикой. Югославы жили так, как другим восточным европейцам и не снилось.

Тито более всего был обеспокоен сохранением Югославии и борьбой с национализмом, с которым жестоко расправлялся. Тито считал себя вождем всех народов Югославии. Ему казалось, что хорошо продуманный федерализм уничтожит национализм. Он ошибся. Стремление к самостоятельности оказалось сильнее всех других чувств и настроений. Почти десять лет после смерти Тито федерация держалась жестким корсетом сплетенного воедино аппарата компартии, госбезопасности и армии. Когда корсет ослаб, федерация рассыпалась.

После распада Югославии несколько миллионов сербов оказались за границей, в том числе и в тех республиках, которые их не очень жаловали. У сербов был тот же выбор, что и у русских в бывших республиках СССР: вживаться в новую жизнь, уезжать или сражаться за воссоединение с Сербией. Сербы выбрали третий вариант.

Сербия оказалась в руках политика, который вел государство от катастрофы к катастрофе. Все, за что брался глава Сербии, а затем и Югославии Слободан Милошевич, оборачивалось для сербов трагедией. Он обещал укрепить Социалистическую Федеративную Республику Югославию — и разрушил единое государство, от чего больше других пострадали сербы. Первой ушла Словения — в значительной степени потому, что словенцы испугались, что жестокий и деспотичный Милошевич навяжет им свою власть.

Когда Югославия начала рушиться, Милошевич попытался помешать этому силой и подтолкнул радикально настроенных сербов к войне. Он говорил:

— Мы должны решить, будем ли мы сражаться или же станем на колени и превратимся в новую колонию на Балканах. Мы никогда не сдадим Сербию!

Но Милошевич только говорил красиво: в реальности он сдал все, что мог. Сербские националисты претендовали на все территории бывшей Югославии, где жили сербы. А хорватские националисты хотели иметь свое государство, в котором сербы в лучшем случае могут быть меньшинством. Но сербы рассуждали так: «Зачем нам быть меньшинством в вашем государстве, когда вы можете быть меньшинством в нашем государстве».

На самом деле этнические чистки означали торжество иной логики: «Никаких меньшинств на территории моего этнически чистого государства». Правило «живи и давай жить другим» на территории Югославии перестало действовать. Когда Хорватия объявила себя независимой, сербы решили, что их ждет повторение геноцида, устроенного усташами в годы Второй мировой войны. Армия Милошевича и хорватские сербы совместными усилиями отвоевали немалый кусок территории Хорватии и создали никем не признанную республику Сербская Краина. Хорваты, помня о поражении 1991 года, долго не решались освободить свои земли силой. Они предлагали руководителям Сербской Краины широкую автономию. Переговоры на сей счет велись в российском посольстве в Хорватии.

Линия фронта в Югославии рассекла и стройные ряды российских дипломатов. Я имел возможность убедиться, что наши посольства в Белграде и в Загребе придерживались противоположных точек зрения на причины конфликта и на то, почему война продолжается. Шифровки из Белграда и Загреба напоминали боевые донесения полевых командиров, находившихся по разные стороны линии фронта. Но российская дипломатия не поддавалась на давление разных политических сил и не заняла сторону ни одной из противоборствующих сил.

Если бы хорватские сербы приняли план, выработанный с российским посредничеством, тогда Краина имела бы почти полную автономию — собственную налоговую систему, свою валюту, полицию, школы, даже свой флаг. У сербов появилась возможность остаться на своей земле и нормально жить. В какой-то момент руководители Сербской Краины были готовы пойти на компромисс, но Милошевич сказал «нет». Милошевич убрал «соглашателей» и заменил их твердолобыми и послушными аппаратчиками. Кончилось это тем, что в 1995 году хорватская армия вернула себе утерянные земли, и полмиллиона сербов вынуждены были оттуда бежать. Милошевич и пальцем не пошевелил, чтобы их спасти. Он просто предал хорватских сербов.

Наверное, жить под властью Хорватии сербам было бы не очень

весело, но теперь у них нет ничего. Они едва ли когда-нибудь смогут вернуться в Хорватию, которую создал президент Франьо Туджман.

В годы Второй мировой войны Туджман воевал в партизанских отрядах Тито. Он стал генералом, когда ему не было и сорока лет. В 1961 году он вышел в отставку. Изучая историю Второй мировой войны, Туджман пришел к выводу, что грехи усташей преувеличены, что Хорватия стала жертвой коммунизма и векового заговора сербов против хорватов. Туджмана при Тито судили и держали в тюрьме. В 1989 году Туджман создал Хорватский демократический союз и выиграл выборы. Он первым делом провел чистку полиции и средств массовой информации. Президент уверял, что избавляется от коммунистических аппаратчиков. На самом деле он избавлялся от сербов.

У Милошевича и Туджмана было много общего. Разница между ними состояла в том, что Милошевич — откровенный циник, которому ничего не стоило сменить коммунистический интернационализм на сербский национализм. Туджман — националист искренний. Президент Боснии и Герцеговины Алия Изетбегович как-то признался, что выбор между Милошевичем и Туджманом можно сравнить с выбором между лейкемией и опухолью мозга.

В Сербии и в Хорватии сформировались в те годы однотипные полуавторитарные режимы, которым свойственны самодовольство, похвальба, эгоцентризм, отсутствие способности к самокритике. Сербские и хорватские лидеры придерживаются птолемеевской концепции мироздания, считая, что остальной мир вращается вокруг них. И в Загребе, и в Белграде возникла целая шовинистическая культура, в которой наука, прежде всего историческая, литература и журналистика увлеклись исключительно созданием националистических мифов. Народы Югославии были преданы своей интеллигенцией. В балканской культуре история не отделена от эпоса и фольклора. Литературные стереотипы освящены исторической наукой. Ненависть к иностранцам, чужим, культ мести, самовосхваление не оспариваются, не подвергаются сомнению культурной традицией.

Два периода модернизации Югославии — между двумя мировыми войнами и при Тито — не изменили провинцию. Напротив, сельские жители, перебираясь в большие города, принесли с собой провинциальный менталитет. Не провинция приобрела черты современного общества, а города провинциализировались.

Война в Боснии

Когда закончилась война в Хорватии, началась другая — в Республике Босния и Герцеговина, где живут и сербы, и хорваты, и босняки, исповедующие ислам. Республика Босния и Герцеговина была готова образовать с Сербией и Черногорией конфедерацию. Но Милошевич поставил ультиматум: или вступайте в наш союз, или отдавайте нам все сербские земли. Так началась война, которую вел жестокий и амбициозный лидер боснийских сербов Радован Караджич.

Этого человека одни считают преступником, другие героем. Поэт и психиатр, лауреат Шолоховской премии Радован Караджич родился в маленькой Черногории. Его отца в коммунистической Югославии посадили в тюрьму за то, что в годы войны он служил в отрядах четников, которые сражались и с нацистами, и с партизанами Тито. В начале восьмидесятых он стал врачом популярной футбольной команды в Сараево и должен был поднимать боевой дух спортсменов. Говорят, что пациенты ценили его как хорошего врача-психиатра. Но Караджич жаловался, что ничего не получается, потому что Сараево чужой для него город. Караджич провел почти год в тюрьме по обвинению в подделке документов. Считал, что его посадили только из-за того, что он серб.

Когда Югославия начала рассыпаться, азартный Караджич двинулся в политику. Сражающийся психиатр стал в глазах сербов настоящим героем. Сербы, обладавшие абсолютным превосходством в тяжелом вооружении, прибегали к обычной тактике: окружали город за городом и методично разрушали их артиллерией. Сербские войска захватили примерно семьдесят процентов территории Боснии, изгнали оттуда мусульман и хорватов и создали свое непризнанное государство. Караджич приказал своим артиллеристам и снайперам обстреливать Сараево. Обстрелы густонаселенной боснийской столицы унесли несколько тысяч жизней — причем гибли исключительно мирные жители, которые пытались добраться до булочной или до колодца...

Я был тогда в этом разрушенном городе, по которому передвигаться приходилось в бронежилетах и касках. Военных объектов в городе не было, и сербские артиллеристы крушили жилые дома, где живут босняки — в основном этнические сербы, чьи предки приняли ислам. «Босняки — люди, не потерявшие славянскую кровь, но приобретшие мусульманство», — так писал о них когда-то российский посол при

Оттоманской империи.

Караджич хотел, чтобы окружающие считали его выдающимся врачом, великим поэтом, потрясающим любовником и мудрым государственным деятелем. Рядом с ним всегда был генерал Ратко Младич, командующий войсками боснийских сербов. Отца Младича убили хорватские усташи. И для генерала Младича современная Хорватия — это враг. А права мусульманской Боснии на существование Младич просто не признает.

Милошевич помогал боснийским сербам в войне, которая шла несколько лет, снабжал их оружием, деньгами. Война в Боснии привела к самому большому после Второй мировой войны переселению народов. На сербской территории в Боснии мусульман и хорватов не осталось. Из Сараева уехали сербы. Они не захотели жить вместе с мусульманами.

Боснию возглавил Алия Изетбегович. Как и президент Хорватии Туджман, он был дважды судим. Но в отличие от Туджмана в годы Второй мировой войны Изетбегович был на другой стороне. При Тито его приговорили к трем годам тюремного заключения за вербовку мусульманской молодежи в формирования войск СС. Во второй раз Изетбеговича судили за «национализм и пропаганду ислама», что в социалистической Югославии считалось тяжким преступлением. Его называли «мусульманским националистом». По мнению Изетбеговича, «ислам вправе самостоятельно управлять миром».

Международное сообщество предлагало один мирный план за другим. Все они были выгодны сербам, потому что оставляли в их руинах значительную часть территории республики. Но Милошевич говорил «нет», а Караджич и Младич верили, что смогут взять всю Боснию. Зачем же мириться с теми, кого можно просто завоевать? Но соединенные силы боснийских мусульман и хорватов окрепли и перешли в контрнаступление. Сербы терпели одно поражение за другим, военное счастье от них отвернулось.

В тот момент Милошевич сделал очередной кульбит в своей политике и, стараясь поладить с Западом, заставил боснийских сербов смириться с дейтонским мирным планом — на условиях худших, чем они могли иметь. Сербам пришлось согласиться на ввод в Боснию миротворческих сил НАТО. Причина уступчивости Милошевича проста: в тот момент президенту Сербии нужно было во что бы то ни стало добиться от ООН снятия эмбарго на торгово-экономические отношения.

Санкции были бедствием для Сербии, где привыкли жить богато и сытно. Продавцы не торговали, а целыми днями клеили новые этикетки.

Белградцы ходили по магазинам и искали, где еще сохранились вчерашние цены. По ночам воры сливали бензин из машин, поэтому все ездили с почти пустыми баками и добавляли понемногу из канистр, которые держали в крепко запертом багажнике. Даже дети только и говорили что об экономических санкциях ООН: из-за эмбарго телевидение не имело права показывать диснеевские мультфильмы. Так что Милошевич должен был либо добиться снятия санкций, либо лишиться своего поста...

Тито хотел отдать Косово, но передумал

Косово — часть Сербии, но девяносто процентов населения — албанцы. Они не желали жить под властью сербов, а сербы не хотели отдавать часть своей территории.

Если смотреть со стороны албанцев, то это трагедия разделенного народа. Два миллиона косовских албанцев отделены от Албании государственной границей. Дело в том, что Албания появилась как самостоятельное государство в 1912 году в результате первой балканской войны, но половина албанцев осталась за пределами нового государства.

В сербской мифологии Косово занимает особое место. Сербы называют Косово колыбелью своей культуры, сербским Иерусалимом, святой землей, имеющей особое значение для исторического самосознания. Здесь в 1389 году славяне насмерть схватились с турецкими войсками, потерпели поражение, и началось пятисотлетнее владычество Оттоманской империи.

Албанцы считают Косово своей территорией, несправедливо отрезанной от Албании. В 1946 году Иосип Броз Тито действительно говорил, что Косово должно отойти к Албании, но этого нельзя пока сделать из-за международной и внутривластной ситуации. Тито даже обещал албанскому лидеру Энверу Ходже провести плебисцит среди албанского населения Югославии и передать Косово Албании. Но потом передумал.

Сербы утверждают, что албанцы чужаки на этой земле и оказались на территории Косово только в XX столетии. Албанцы отвечают, что они не пришлые люди, а такие же коренные жители. Конфликт между косовскими албанцами и сербами вызревал давно. Его можно было погасить, но его только разжигали.

Косово — самый отсталый и бедный район Югославии. В 1974 году Косово получило широкую автономию. Многие сербы уверены, что Иосип Броз Тито, хорват по национальности, сделал это специально, чтобы навредить сербам. Хотя в реальности Тито просто пытался интегрировать албанцев в единую Югославию, поднять уровень жизни и тем самым снять межнациональное напряжение. Появились албанские газеты и албанское телевидение. Официальным языком стал албанский, основные должности заняли албанцы. С момента принятия конституции 1974 года и до прихода к власти Слободана Милошевича албанцы переживали лучший в своей

истории период. Но у них были свои обиды.

Албанцев в несколько раз больше, чем, скажем, черногорцев. Однако Черногория — самостоятельная республика со своим парламентом и правительством, а Косово всего лишь автономный край. Это совсем другие права и возможности. Албанцам приходило о утверждать у начальства список песен, которые будут исполняться на свадьбе. Албанцы хотели учить детей не сербскому языку, а албанскому, иметь свои школьные учебники и программы. Им это не разрешали. Сербы и албанцы отдалялись друг от друга. Они даже ходили в разные магазины, чтобы не встречаться.

Через год после смерти Тито, в 1981 году, в Косове начались волнения. Албанцы требовали предоставить им статус полноценной республики. Манифестации разгонялись танками.

Вторая битва за Косово

Сербы оказались в Косове национальным меньшинством, не смогли приспособиться к этой ситуации и чувствовали себя неуютно среди албанцев и под властью албанцев. Выдвижение албанских кадров сербы считали дискриминацией. Они стали уезжать. Сербы были специалистами высокой категории, учеными, врачами, их отъезд болезненно сказался на состоянии Косова. Возрождение национальных чувств косовских албанцев привело к подъему сербского национального движения. Сербы сказали себе:

— Это наша земля. Если Косово не сербская земля, тогда у нас вообще нет земли.

Косовские албанцы — в основном мусульмане. А пятисотлетнее турецкое иго сформировало определенную политическую психологию у сербов, прежде всего страх перед мусульманами, который принял характер настоящей истерии. Появился меморандум сербской Академии наук и искусств, написанный под руководством академика Добрицы Чосича. Сербские интеллектуалы попросили власти провести деалбанизацию Косова, сделать так, чтобы большинство составляли сербы. Такая попытка была предпринята. Сербов отправляли на работу в Косово, чтобы выровнять демографический баланс. Им платили более высокую зарплату. Начались сербские манифестации под лозунгами:

— Долой албанский геноцид в Косове!

В сербском партийном руководстве были две линии — более либеральную олицетворял первый секретарь ЦК Иван Стамболич, более жесткую — второй секретарь Слободан Милошевич, партийный чиновник республиканского уровня. В апреле 1987 года Милошевич приехал в Косово для встречи с местным партийным руководством. Услышав жалобы на притеснения сербов, он щедро плеснул масла в этот огонь. Милошевич произнес речь, которая потрясла Югославию:

— Настало время не печалиться, а сражаться. Мы выиграем битву за Косово! Мы выиграем, несмотря на то, что внешние враги Сербии вместе с внутренними вступили в заговор против нас.

Его выступление сопровождалось восторженными криками толпы:

— Слобо! Слобо! Сербия!

Можно было подумать, что перед толпой предстал один из легендарных участников исторической битвы с турками на Косовом поле в

1389 году. Милошевич сам был поражен зрелищем огромной толпы, которая его приветствовала. Одно выступление сделало его национальным героем. В конце того же года Милошевич стал хозяином в Сербии, спихнув Ивана Стамболича, у которого он всему научился и который считал его своим другом.

Слободан Милошевич изменил конституцию и отобрал у албанцев автономию. В Косове был введен особый режим. Местные органы власти распустили. Административные должности заняли сербы. Учебные заведения, в которых учили на албанском языке, закрыли. Победа Милошевича над косовскими албанцами не только посеяла семена будущего кровавого конфликта, но и разрушила саму Югославию — другие республики испугались, что и у них могут отобрать конституционные права.

Непризнанная республика

Летом 1990 года албанцы провозгласили Косово «независимой и равноправной республикой в составе федерации Югославии». Косовские албанцы провели два референдума, парламентские и президентские выборы. От желания вернуть прежнюю автономию албанцы быстро перешли к требованию полной независимости.

Долгое время в Косове было тихо, и мир не обращал на этот регион внимания. Но когда в марте 1998 года сербские спецподразделения начали зачистку края, чтобы уничтожить повстанцев из малочисленной тогда Армии освобождения Косова, все взорвалось. Это была роковая ошибка Милошевича, ставшего к тому времени президентом Югославии. Албанская молодежь взялась за оружие. Албанские боевики врывались в города и стреляли в сербских полицейских.

Милошевич решил идти до конца — полностью уничтожить очаги албанского сопротивления. Как это обычно бывает, страдали в первую очередь мирные жители, а не вооруженные албанские боевики. Из зоны боевых действий, из сожженных албанских деревень бежали крестьяне, они остались без крова.

Запад требовал от президента Югославии Слободана Милошевича прекратить боевые операции, дать беженцам возможность вернуться домой и вступить в переговоры с албанским меньшинством. Была принята резолюция Совета Безопасности ООН. Милошевич эти требования игнорировал. Тогда НАТО стало готовить военную операцию, чтобы остановить действия сербского спецназа и помочь беженцам.

Игорь Иванов призывал натовцев к сдержанности и одновременно пытался урезонить Милошевича. Россия была категорически против военного вмешательства в Косове. Это не значит, что в Министерстве иностранных дел симпатизировали Слободану Милошевичу. Конечно, наши дипломаты не выражались так красочно, как американский президент Билл Клинтон, который сказал:

— Нарушенные Милошевичем обещания переполнили все кладбища на Балканах.

Но и российские дипломаты — разумеется, неофициально, — признавали, что Милошевич сыграл ключевую роль в распаде югославской федерации, в боснийской войне и в разжигании косовского кризиса. Из этого, однако, не следует, что сложнейшую косовскую проблему можно

решить бомбардировками.

— Как можно спасти косовских беженцев, бомбя те дороги и мосты, по которым этим беженцам будут доставлять гуманитарную помощь? — говорил Игорь Иванов. — Людей разных национальностей нельзя примирить под дулом. Этого можно добиться только в результате кропотливой терапии, а никак не путем хирургической операции.

Из Брюсселя для консультаций — это очень резкий в дипломатической практике шаг — были отозваны российский посол Сергей Иванович Кисляк, которого ждала большая карьера, и военный представитель в НАТО генерал Виктор Михайлович Заварзин, будущий председатель комитета Государственной Думы по обороне. Начальник главного управления международного военного сотрудничества Министерства обороны России генерал-полковник Леонид Григорьевич Ивашов заявил:

— Если натовцы предпримут акцию в Косове, Россия расценит ее как агрессию против Югославии.

Правда, пресс-секретарь президента Ельцина Дмитрий Дмитриевич Якушкин тут же попросил журналистов:

— Не обращайтесь внимания на заявления некоторых военных о возможности какой-либо военной помощи Белграду.

Российская дипломатия в те недели занималась только ситуацией вокруг Косова. Все закончилось в тот момент, когда совет НАТО на ночном заседании все-таки принял решение нанести ракетно-бомбовые удары по целям в Югославии, если Милошевич не выполнит требования ООН. На следующий день президент Слободан Милошевич капитулировал и принял все условия. Он обещал американцам прекратить боевые действия в Косове, вывести оттуда войска, помочь возвращению двухсот тысяч беженцев и начать переговоры с албанцами. Он согласился на приезд в Косово международных наблюдателей и на разведывательные полеты самолетов НАТО над краем.

Выступая в Государственной Думе, Игорь Иванов успокоил депутатов:

— Мы отвели военную угрозу от Югославии. Среди наших партнеров возобладала наша точка зрения, что нужно чисто политическое решение.

В реальности президент Милошевич сдался, потому что испугался натовского удара. Если бы он прислушивался к России, что мешало ему сразу согласиться на ее предложения? Но он предпочел сдаться Западу...

Кого же нам поддержать?

11 сентября 1998 года, когда Примаков стал главой правительства, Игорю Иванову достался пост министра иностранных дел.

Весной 1999 года вокруг Косова вспыхнул новый кризис. Там продолжалась военно-полицейская операция.

Европейцы и американцы каждый день видели на экранах телевизоров горящие албанские деревни и беженцев, бегущих через границу. Мир не мог оставаться равнодушным к этой трагедии.

Вновь начались переговоры о судьбе Косова. Придумать идеальный вариант оказалось невозможно. Интересы косовских албанцев и сербского руководства противоположны. Им предложили компромисс. План не понравился косовским албанцам, потому что не давал им самостоятельности. Не понравился и Милошевичу, потому что требовал ввода в Косово миротворческих сил, которые должны были гарантировать, что военных действий там больше не будет. Но албанцы все-таки подписали план урегулирования. Милошевич наотрез отказался.

На сей раз страны НАТО попытались решить косовскую проблему самостоятельно. За несколько лет до этого натовские бомбардировки сербских позиций в Боснии остановили там жестокую и кровавую войну, в которой погибли 270 тысяч человек. Никто не мог прекратить кровопролитие в Боснии — ни Организация Объединенных Наций, ни ОБСЕ, ни Россия. С этой задачей справилось только НАТО.

Сколько было сомнений и предостережений, сколько было пессимизма и недовольства, когда российских десантников отправили в Боснию, чтобы вместе с войсками НАТО провести там миротворческую операцию! Долго спорили о том, можно ли подчиняться натовскому генералу, не обидно ли для России действовать вместе с натовцами? Говорили о том, что миротворческая операция в Боснии провалится и натовцам придется бежать оттуда с позором.

Мрачные предчувствия не оправдались. Натовские и российские командиры поладили. В Боснии российские и американские военные не просто встречались, заседали или обменивались опытом. Они служили вместе, вместе планировали, готовили и проводили военные операции.

— Военная часть дейтонского плана была выполнена отлично, — говорил мне генерал-лейтенант Криволапое, который руководил оперативной группой российского Министерства обороны в штаб-квартире

НАТО.

Ему и подчинялась российская бригада, входившая в состав миротворческих сил в Боснии. Анатолий Глебович Криволапов окончил Серпуховское командно-инженерное училище, Военную академию имени Ф.Э. Дзержинского и академию Генштаба, командовал полком и дивизией Ракетных войск стратегического назначения. В Брюссель его отправили с высокой должности заместителя начальника главного оперативного управления Генерального штаба Вооруженных Сил России.

Криволапов, поработав несколько месяцев в штаб-квартире НАТО, убедился в том, что с блоком нужно тесно сотрудничать и влиять на натовцев изнутри, а не считать их врагами:

— Мы сейчас успешно взаимодействуем с американскими военными и с НАТО, и это отличный опыт, который обязательно пригодится в будущем.

Я поинтересовался у генерала, как к его точке зрения относятся в родном Генеральном штабе в Москве? Не говорят, что продался американцам?

— Всем так говорят, — рассмеялся Криволапов. — Это рецидивы холодной войны, НАТО меняется, и это реальность. Я-то вижу, не младенец, всю жизнь в армии, надежурился у ядерной кнопки. Альтернативы сотрудничеству нет, а то опять свалимся в конфронтацию и будем говорить, что НАТО — это плохо.

Генерал был прав. Его взгляды военный истеблишмент не разделял. После возвращения из Брюсселя в Генеральный штаб его не взяли, назначили заместителем генерального директора Российского агентства по системам управления (радиоэлектронный комплекс военной промышленности). В июле 2004 года перевели на скромную должность в Совете безопасности. Генерал-лейтенант в отставке Анатолий Криволапов скончался в декабре 2008 года в возрасте шестидесяти трех лет...

А в марте 1999 года авиация НАТО начала бомбить военные объекты на территории Югославии, требуя от Милошевича прекратить военно-полицейскую операцию в Косове. Это вызвало взрыв возмущения в России. Люди, которые не имели никакого представления о косовской проблеме, уверились, что Запад напал на Югославию, дабы поработить славянское государство.

Все контакты с НАТО были заморожены. Из Брюсселя отозвали российского представителя. В Москве закрыли натовский центр документации и его сотрудников попросили уехать из Москвы. Участие России в программе «Партнерство ради мира» прекратилось. Звучали

грозные предложения выдвинуть ядерные ракеты на территорию Белоруссии — поближе к НАТО, снабдить Югославию современным оружием или даже просто оказать сербам военную помощь.

Многие в России полагали, что обязаны занять сторону Сербии, извечной союзницы России. Но история значительно сложнее.

В апреле 1941 года нацистская Германия напала на Югославию. Немецкие самолеты бомбили Белград, пытаясь смести его с лица земли. Это произошло через несколько часов после подписания в Москве советско-югославского договора о дружбе. Праздничный банкет в Москве отменили, ограничились шампанским. Югославы просили включить в договор пункт о военной взаимопомощи и просили оружия. Сталин отказался. Когда Гитлер оккупировал и расчленил Югославию, Сталин не стал протестовать. Он не отозвал посла из Берлина, не сократил сотрудничество с нацистской Германией и не думал о том, чтобы отправить Красную Армию на помощь братьям-сербам.

Немалое число политиков сколачивали себе политический капитал на той войне. Им ни сербов не было жалко, ни наших ребят, которых они готовы были отправить умирать. С какой легкостью люди, которым лично ничто не грозило, намеревались втянуть нашу страну в войну! Провоцировали молодежь, призывали записываться добровольцами в Сербию. Молодежь-то не помнит, что Афганистан тоже начинался с малого. Сначала всего лишь послали оружие. Потом пришлось послать советников, чтобы научить афганцев пользоваться оружием. А потом десять лет не могли оттуда вырваться, погубили пятнадцать тысяч парней ни за что ни про что.

Разумные голоса были тогда редкостью. Скажем, тогдашний секретарь Совета безопасности Владимир Владимирович Путин заявил, что не надо заикливаться на Югославии, у нас и своих проблем достаточно. Нам надо подумать о защите собственных интересов, а нас подталкивают к конфронтации, к обмену ударами...

Российское правительство попало в ловушку. Подталкивать Милошевича к компромиссу Москве было затруднительно по внутривнутриполитическим соображениям. Ельцин, Примаков и Иванов вели сложную игру. Они делали грозные заявления, что, по их мнению, должно нравиться политикам внутри России, и одновременно старались не испортить вконец отношения с Западом. Игорь Иванов уверен, что принципиальная линия Москвы — осуждение бомбардировок и призыв к переговорам — оказалась единственно правильной. По мнению министра, Запад увидел, что без России ему проблему не решить.

Как только Россия и НАТО достигли согласия и выработали совместный план, президент Югославии Слободан Милошевич понял, что должен капитулировать. У него был шанс продержаться дольше, если бы в Москве взяли верх политики (и генералы), которые требовали оказать Милошевичу не только полную политическую, но и военную помощь. Тогда бы война продолжалась, и погибли бы многие тысячи или десятки тысяч сербов.

Когда Милошевич капитулировал, в Сербии наступило отрезвление. А за что мы воевали, спрашивали себя люди.

Ради чего умирали? И как теперь восстановить то, что разрушено? За годы правления Милошевича территория, на которой сербы могли чувствовать себя свободно и уверенно, постоянно сокращалась. До Милошевича это был самый процветающий народ на Балканах, а сейчас они оказались у разбитого корыта — с чувством ущемленной национальной гордости и горечью за постоянные поражения и провалы. Сербы остались одни, практически в полной изоляции и без надежды на помощь, которую получают их соседи, да и уже получают. Вот поэтому Милошевич в октябре 2000 года потерял власть над страной.

Многие албанцы были убиты во время военно-полицейских операций, восемьсот пятьдесят тысяч бежали из Косова — и бежали конечно же не от натовских бомбардировок, а от сербской армии и полиции. А потом беженцами стали косовские сербы, которые не захотели жить под албанским управлением.

Международные силы, вступив в Косово, столкнулись не с сербскими партизанами, а с албанскими боевиками из Армии освобождения Косова, которые не захотели разоружаться. Косовские боевики продолжали исподтишка убивать сербов — в основном для того, чтобы их запугать, сделать совместную жизнь невозможной. Международные силы были не в состоянии их защитить. Сотни тысяч косовских сербов стали беженцами. Возвращение стало практически невозможным. Во-первых, страшно. Во-вторых, нормальная жизнь в Косове так и не восстановилась, работы там нет, жить не на что. Албанцы существуют за счет контрабанды.

Косовские албанцы были довольны. Чем больше сербов уедет из Косова, тем лучше. Албанцы добились отделения от Сербии. В конце концов Косово провозгласило свою независимость, новое государство признали Соединенные Штаты и многие европейские страны, но не Россия.

Многим в России не понравилось, что созданный ООН Международный трибунал по расследованию преступлений, совершенных на территории бывшей Югославии, включил президента Милошевича в

список военных преступников. Но надо по справедливости признать, что нет политика, который принес бы сербам больше бед и несчастий, чем бывший президент Союзной Республики Югославии Слободан Милошевич.

Прыжок на Приштину: игра на грани войны

В России был праздничный день, и мало кто знал, что страна — на грани военного конфликта со странами НАТО. Российские и натовские солдаты были готовы стрелять друг в друга... Эти события развернулись в июне 1999 года, когда российские десантники тайно были переброшены на аэродром Приштины, главного города Косово. И на той, и на другой стороне нашлись генералы, которых война не пугала.

Генерал-полковник Леонид Ивашов, в ту пору начальник главного управления международного военного сотрудничества Министерства обороны, рассказывал:

«Вопрос о возможности вооруженного столкновения с натовцами мы отрабатывали еще на стадии принятия решения о броске в Косово. Был и еще один вариант, запасной: лететь в Белград и в случае боестолкновения с натовцами провести блицпереговоры о совместном противодействии угрозе нашим миротворцам.

Мы хорошо знали настроения сербских военных: они были готовы развернуть войска в южном направлении и войти в Косово. В этом случае натовцы оказались бы перед перспективой наземной операции, которой они страшно боялись. Тем более что армия Югославии с удовольствием отомстила бы агрессорам и за жертвы, и за поруганную честь. Да еще в братском союзе с русскими. Этот аргумент стал решающим...»

Главнокомандующий войсками НАТО в Европе генерал Уэсли Кларк воспринял тайную военную операцию российских десантников как враждебный акт. Упрямый по характеру, он был готов пустить в ход оружие, чтобы ее остановить:

«Я пытался соединиться с генеральным секретарем НАТО Хавьером Соланой, но безуспешно. Тогда я позвонил в Вашингтон заместителю председателя комитета начальников штабов генералу Джо Ролстону с предложением:

— Не должны ли мы как минимум подумать о военном ответе на этот вызов?

Генерал Ролстон согласился с этим предложением. Генерал Майк Джексон доложил мне, что у него есть две британские роты (примерно двести пятьдесят человек), и французы предлагают свой батальон (это еще триста пятьдесят человек)».

В тот момент судьба мира оказалась в руках военных. Политическое

руководство плохо представляло себе, что происходит. В Москве находился заместитель американского государственного секретаря Струоб Тэлботт, влияние которого объяснялось не столько тем, что он всю жизнь изучал нашу страну, сколько его давней дружбой с президентом Клинтонем.

«В пятницу, 11 июня, — вспоминал Тэлботт, — я приехал в Кремль на встречу с Владимиром Путиным, секретарем Совета безопасности, Путин не высовывался, избегал конфликтов и паблисити, а потому оставался на периферии нашей панорамы российской политики.

Встретившись с Путиным, я поразился, насколько ненавязчиво он способен внушить ощущение самообладания и уверенности в себе. Внешне он очень отличался от руководства страны — невысокий, худощавый и физически развитый; остальные были выше него, а большинство — на вид перекормленные. Путин излучал управленческую компетентность, способность добиваться результатов без суеты и лишних трений.

Если Ельцин и Черномырдин, по терминологии одного ученого, «горячи», то Путин, вероятно, — самый «прохладный» русский, которого я встречал. Он слушал с вниманием, которое казалось столь же расчетливым, сколь и вежливым.

Мне, как и остальным, он дал понять, что проделал домашнюю работу и прочел мое досье, подготовленное разведслужбами... С одной стороны, это вроде бы лестно («я вас знаю»), с другой — нервирует («я все про вас знаю»). Могу вообразить, как он проводил разбор полетов с агентами, которыми руководил в Восточной Германии, или допрашивал пойманных шпионов, уже обработанных его более жесткими коллегами...

Путин выразил удовлетворение тем, что война в Косове сменилась миром. Едва ли не мимоходом он добавил, что рад был внести и собственный маленький вклад, предложив Ельцину назначить особым посланником Черномырдина».

Бывший глава правительства Виктор Степанович Черномырдин стал специальным представителем президента по урегулированию конфликта в Югославии за два месяца до этого, 14 апреля 1999 года. Вскоре авиация НАТО начала бомбардировки военных объектов на территории Югославии, требуя прекратить военно-полицейскую операцию в Косове, и президент Билл Клинтон сравнил действия Слободана Милошевича с преступлениями нацистов, в России были возмущены. Отношения с американцами стали откровенно враждебными.

«Необдуманно авансами некоторых политиков, — вспоминал Черномырдин, — мы фактически провоцировали югославское руководство

на продолжение убийственной для этой страны войны и уж никак не способствовали прекращению кровавой бани.

После поездки в Белград председатель Государственной думы Селезнев привез сенсационное сообщение: Слободан Милошевич готов присоединиться к союзу России и Белоруссии. Чего было больше в этих действиях — недопонимания ситуации или стремления вовлечь Россию в широкомасштабную провокацию?»

Назначение Черномырдина спецпредставителем по Югославии неприятно удивило руководство российского министерства иностранных дел. Хорошо помню иронические замечания в адрес Виктора Степановича. На Смоленской площади были уверены, что у непрофессионала ничего не выйдет.

Удивились и американцы. Но они нашли объяснение. Струоб Тэлботт: «Черномырдин умел работатьс вице-президентом Алом Гором. Ельцин рассчитал, что Черномырдин вразумит американцев и, вероятно, заставит их смягчиться. Но и с Милошевичем Черномырдин мог разговаривать жестко».

Российские политики и телезрители видели одну картину — сербские города под натовскими бомбежками. А на Западе наблюдали другую картину — бесконечные потоки албанцев, которых изгоняли из Косова. Этот нескончаемый поток и был главный аргумент, который заставил руководителей НАТО бомбить Югославию, чтобы заставить президента Милошевича вывести войска и полицию из Косова. Мысль о том, что бомбардировки — негодный инструмент решения гуманитарной проблемы, они не принимали. Другие способы заставить Милошевича прекратить военную операцию не подействовали.

Переговоры об урегулировании в Косове вели трое — Черномырдин, заместитель госсекретаря США Струоб Тэлботт и президент Финляндии Мартти Ахтисаари в роли специального представителя Генерального секретаря ООН. После долгих и мучительных переговоров они пришли к согласованной позиции. Сербские войска уходят из Косова, албанские беженцы возвращаются, бомбардировки прекращаются, НАТО вводит миротворческие силы, которые должны обеспечить порядок и безопасность.

Но тут произошел раскол в рядах сотрудников Виктора Степановича.

Вместе с ним на переговоры отправились сотрудники Министерства обороны и Министерства иностранных дел.

Представлявший на переговорах Министерство обороны генерал Ивашов выступил против Черномырдина.

«Министерство обороны, — вспоминал Ивашов, — рассматривало натовские бомбардировки Югославии как нарушение принципов ООН, как агрессию против суверенного государства и предприняло все возможные меры по их прекращению. По решению министра обороны И.Д. Сергеева группе связи НАТО, размещенной в Москве в соответствии с Основопологающим актом Россия-НАТО, было предложено в сорок восемь часов покинуть пределы России. До минимума была ограничена деятельность военных атташе стран-членов блока. Наши военнослужащие, обучавшиеся на Западе, были отозваны на родину. Все программы сотрудничества с НАТО в целом и с государствами — участниками агрессии были заморожены».

Черномырдин был не очень рад включению Ивашова в состав делегации, иронически называл его «товарищ комиссар». Виктор Степанович был мастером убеждать, но переубедить Ивашова не смог. Генерал считал натовцев военными преступниками:

«Я заявил, — рассказывал Ивашов, — что предложенный документ — это не равноправное соглашение, а ультиматум, предъявленный Югославии, в связи с чем военная часть делегации не будет участвовать в его подписании и покидает зал заседаний».

Делегации как таковой не было. Черномырдин вел переговоры в роли спецпредставителя президента. Он сам повез в Белград согласованные предложения. Ожидал, что Милошевич будет возражать, спорить, требовать изменений и поправок.

«Но Слободан Милошевич не добавил ничего! — рассказывал Черномырдин. — Ни единого слова! Ни Милошевич, ни его ближайшие соратники не сделали того, что от них ожидали: попытки изменить проект резолюции Совета Безопасности ООН таким образом, чтобы он в большей мере отражал их интересы. Сколько потрачено усилий, сколько пролито крови — ради чего? Чтобы только сейчас принять документ, с которым можно было согласиться раньше?!»

Черномырдин поразился тому, что было известно тем, кто давно наблюдал за политикой Милошевича.

Чем можно объяснить действия Милошевича? Всякий раз, когда он втягивал страну в войну, он укреплял свою власть. Он начал военно-полицейскую операцию по подавлению косовских албанцев, чтобы сплотить население страны против внутреннего врага. Когда Соединенные Штаты и Западная Европа потребовали от него прекратить репрессии против албанцев, он занял жесткую позицию, чтобы сплотить народ против внешнего врага. Милошевич, циничный и расчетливый политик, знал, что

Косово ему не удержать. Он, видимо, рассудил так: если он примет план урегулирования сразу, его назовут слабаком, плохим патриотом, предателем. А теперь, когда он загубил столько людей и разрушил полстраны, его согласие с мирным планом — это вроде как акт государственной мудрости. Выступая по телевидению, Милошевич говорил о победе Югославии...

Силы НАТО получили мандат Совета Безопасности ООН для проведения миротворческой операции в Косове. И тут разразился новый конфликт — между Россией и НАТО. Камнем преткновения стал вопрос о роли российского военного контингента и его особом статусе.

«Российская сторона, — рассказывал Виктор Черномырдин, — хотела иметь свой сектор численностью порядка бригады десантников. НАТО не желало выделять российским войскам отдельный сектор. Наш контингент должен сохранять определенную автономию или же быть под началом сил ООН, но не в подчинении у НАТО. Американская сторона, натовцы, говорили, что силы эти должны быть едины, то есть находиться под их командованием. Лично я всегда отстаивал такую точку зрения: Россия имеет свои, особые интересы в Югославии. Поскольку она не входит в НАТО, ее контингент не должен и не будет подчиняться командованию Североатлантического блока».

Между тем в Министерстве обороны недовольство заключенным соглашением трансформировалось в конкретное решение. Косово поделили на пять секторов — американский, французский, итальянский, немецкий и британский. В окружении министра обороны маршала Игоря Дмитриевича Сергеева решили, что если российским миротворческим силам не будет выделен свой сектор в Косово, надо взять его самим.

«Прямо во время встречи с Путиным, — рассказывал заместитель государственного секретаря Тэлботт, — мне передали записку. Генерал Ивашов сделал заявление, что если НАТО войдет в Косово с юга, из Македонии, без окончательного соглашения о российском участии, российские силы в одностороннем порядке вступят в Косово с севера, через Сербию.

Я пересказал содержание записки Путину и добавил, что нам, похоже, грозит военная конфронтация.

— А кто такой этот Ивашов? — спросил Путин...

Сидя в самолете, я поспорил с одним из наших генералов на десять долларов, что Ивашова уволят еще до заката».

Заместитель государственного секретаря, который считается в Америке одним из лучших знатоков России, ошибся. Грандиозный скандал

еще только разгорался, и в него втягивались высокопоставленные чиновники.

«Уезжая из Македонии, — вспоминала тогдашний государственный секретарь Мадлен Олбрайт, — я мечтала хорошенько выспаться по пути домой. Но едва самолет оторвался от земли, как нам сообщили, что русские войска вступили на территорию Косово, и сербы встречают их в Приштине, как героев. Связались по телефону со Строубом Тэлботтом, который как раз находился на пути из Москвы. Посоветовали ему лететь назад».

Самолет Тэлботта находился уже где-то над Белоруссией, когда ему сообщили, что российская часть из расквартированного в Боснии миротворческого контингента вошла на территорию Сербии и предположительно движется в сторону Косова.

Тэлботту позвонил советник американского президента по национальной безопасности Сэнди Бергер. «Сэнди велел мне возвращаться в Москву и «закатить скандал», — вспоминал Тэлботт. — Я пошел в рубку и переговорил с нашим пилотом».

Возвращение Тэлботта в Москву сравнивают с тем, как Примаков, узнав, что начнутся бомбардировки Югославии, отказался от поездки в Америку и вернулся домой. На самом деле между ними огромная разница. Примаков развернул самолет, чтобы не разговаривать с американцами. Тэлботт развернул самолет, чтобы договориться.

«Вернувшись в Москву, — рассказывал Тэлботт, — в нашем посольстве мы смотрели прямые репортажи Си-эн-эн о продвижении российской бронекolonны по Южной Сербии. Когда мы приехали в МИД, Иванов беседовал по телефону с Мадлен Олбрайт. Станный у них получался диалог.

Государственный секретарь извещала министра иностранных дел России, что войска его страны уже вошли в Сербию и приближаются к Косову, а тот отвечал, что это неправда. Иванов говорил, что разобрался с этим делом, и его заверили: российский контингент просто находится в состоянии готовности войти в Косово в рамках синхронизированной операции.

Мадлен Иванову не поверила: у нас имелась собственная информация о передвижении войск на Балканах, и она поступала из источников, которым мы доверяли больше, чем российскому Министерству обороны. Однако Мадлен сомневалась — кто же врет: Иванов ей, или российские военные — Иванову».

Что же произошло на самом деле? Почему российские десантники

начали тайный марш в сторону Косова? И как получилось, что другие министры, в том числе руководитель российской дипломатии Игорь Сергеевич Иванов, ничего об этом не знал?

«Мы, — вспоминал генерал Ивашов, — стали готовить доклад министра обороны Сергеева президенту Ельцину о том, что нас пытаются исключить из балканского процесса, во избежание чего следует предусмотреть ряд мер. Одной из них мог бы стать одновременный с натовцами ввод в Косово наших миротворческих подразделений.

Проект документа доложили министру иностранных дел Иванову. Он внимательно прочитал его, внес несколько поправок и завизировал. Позднее пошли разговоры о том, что министр был якобы не в курсе дела, что его чуть ли не «подставили». Это, как мы видим, не так. Иванов, возможно, не знал деталей, но они ему и не требовались. Детали — дело военных.

Министр обороны поставил свою подпись и направился на доклад к Ельцину. Вернулся он из Кремля довольный: президент дал санкцию на синхронный с натовцами ввод российского контингента на территорию Косово».

В соседней Боснии выполняла миротворческую миссию российская воздушно-десантная бригада. Один из ее батальонов решили перебросить в Косово, а потом транспортными самолетами прислать еще два батальона с территории России.

Генерал-лейтенант Николай Викторович Стаськов, который был тогда начальником штаба воздушно-десантных войск, рассказывал журналистам:

«Решение принималось келейно, даже не на уровне первых лиц. Я как начальник штаба ВДВ знал заранее. Миротворческой бригадой ВДВ на Балканах командовал полковник Николай Игнатов. Я позвонил ему:

— Создавай заранее группировку.

Чтобы никто не заметил, формировали колонну на старом аэродроме. Когда получили команду, сразу рванули вперед. Сомнения были. Вышел на меня полковник Игнатов, говорит, никаких письменных приказов не получал, что делать? Беру, говорю, ответственность на себя, вперед».

Колонна, направлявшаяся в Косово, состояла из пятнадцати бронетранспортеров и тридцати пяти автомобилей с личным составом. В Министерстве обороны больше всего беспокоились о том, как скрыть от НАТО переброску российских солдат. Ведь формально они подчинялись командиру американской дивизии и совместно выполняли боевую задачу. Но обмануть американских товарищей по оружию оказалось делом не сложным.

Генерал Ивашов:

«Командование бригады по указанию Москвы информировало американца — командира дивизии, что наш батальон получил приказ на выдвижение на территорию Союзной Республики Югославии. Командир дивизии поинтересовался, не нужна ли какая помощь, и пожелал русским успеха.

Под Белградом батальон принял под свое командование генерал-лейтенант Заварзин. Я официально проинформировал Виктора Михайловича, что приказ на осуществление ввода нашего контингента в Косово отдан министром Сергеевым во исполнение прямого указания президента России. Честно говоря, расстановка сил в Москве не гарантировала, что кто-либо из должностных лиц Генштаба, Министерства иностранных дел или президентской администрации не попытается вмешаться в действия Заварзина и не поведет какую-то свою линию».

Из слов генерала Ивашова следует, что Генеральный штаб либо вообще не был поставлен в известность о переброске войск, либо возражал против этого. Для вооруженных сил ситуация невиданная! Ни одна боевая операция не проводится помимо Генерального штаба. Причем операцией руководил начальник управления международного воен-ного сотрудничества? Вообще-то его обязанность — отправлять министра в зарубежные командировки и принимать иностранных коллег, сотрудничать с военными ведомствами других стран.

Самого министра обороны маршала Сергеева не было не слышно, не видно. Он остерегался высказываться на эти темы. За непривычного к публичности Игоря Сергеева говорил генерал-полковник Ивашов. Он стал своего рода пресс-секретарем и главным советником министра, поражая публику жесткостью формулировок. Уже и министр иностранных дел Иванов настаивал на том, чтобы военные не давали отдельных пресс-конференций на натовско-косовские темы. Но генерал Ивашов говорил то, что ему поручает министр обороны.

Вот это больше всего и пугало. Один генерал-ястреб — это нормально. Но если Министерство обороны считает, что страны НАТО — а это девятнадцать государств Европы и Америки — военные преступники, если Министерство обороны сожалеет, что им не дали возможности оказать военную помощь Югославии, то есть вступить в прямую конфронтацию с девятнадцатью странами Запада, это производит пугающее впечатление...

«Под покровом темноты, — вспоминал Черномырдин, — батальон десантников снялся со своих позиций и пересек боснийско-югославскую

границу. Он в буквальном смысле слова промчался по территории Югославии в Косово и занял позиции вблизи важнейшего стратегического объекта — аэропорта Слатина рядом с Приштиной, вызвав и недоумение, и удивление натовской стороны. Удивление — потому, что переброска была осуществлена молниеносно, недоумение — потому, что в переговорах вопрос о переброске бригады вовсе не затрагивался».

За передвижением российских войск наблюдал генерал Уэсли Кларк, главнокомандующий войсками НАТО в Европе:

«В моем штабе предположили, что русские намерены захватить аэропорт в Приштине и ждать там подкреплений. Я распорядился выяснить, что происходит. Я не хотел, чтобы наши войска натолкнулись в Приштине на русский батальон и просили у русских разрешения пользоваться аэродромом.

Опасность состояла в том, что если русские придут первыми, они потребуют себе отдельный сектор на севере. Это приведет к разделу Косова. Говорили, что это Милошевич хотел сохранить за сербами север Косова, где у них большинство».

В Москве заместитель государственного секретаря Строуб Тэлботт пытался понять, что происходит. Министр иностранных дел Иванов повез его в Министерство обороны. Здесь Тэлботт допытывался у маршала Сергеева, почему российские десантники хотят войти в Косово первыми, раньше войск НАТО?

«Министр обороны Сергеев, — записывал свои наблюдения заместитель госсекретаря, — был в ярости на весь мир — не только на бомбардировщиков НАТО, но и на своих офицеров, в особенности на Ивашова и генерала Анатолия Квашнина. Я подозревал, что генералы преподнесли Сергееву неприятный сюрприз, — или же излагали версию событий, которой он не верил. Несколько раз Ивашов и Квашнин что-то шептали Сергееву на ухо или передавали записки, предлагая уединиться у него в кабинете на очередное совещание.

Ближе к двум часам ночи телекомпания Си-эн-эн сообщила, что российские войска дошли до Белграда и направляются на юг, а сербы в Приштине высыпали на улицы и готовятся их встречать. Сергееву явно стало очень неловко, и он ответил, что российская часть остановится на косовской границе и не станет входить в провинцию в одностороннем порядке...

Около четырех часов утра Си-эн-эн сообщила, что российские части вошли в аэропорт Приштины. Сергеев начал было это отрицать, но прихлебатели что-то ему нашептали, и он снова потребовал перерыва. На

этот раз их не было около часа. Похоже, дальше по коридору вспыхнул бунт: я слышал грохот и хруст швыряемых в стену предметов...»

Генерал Ивашов:

«В кабинете Сергеева царила, конечно, не идиллия, но и того, о чем пишет в своих мемуарах Тэлботт, тоже не было. Мебель, разумеется, никто не ломал, но обстановка была рабочая, напряженная.

Игоря Иванова больше всего страшила перспектива возможного боестолкновения с натовцами. Он настаивал: батальон вводить нельзя, давайте его вернем, задержим. По опросам и репликам Сергеева я видел, что маршал тоже опасался неспровоцированного открытия огня против нашего контингента.

Опираясь на данные разведки и на практику принятия решений в НАТО, приводили аргументы в пользу того, что без решения Совета НАТО американцы удара не нанесут...»

Впрочем, генерала Ивашова не смущала и возможность вооруженного столкновения с американскими войсками:

«Был и еще один вариант, запасной: лететь в Белград и в случае боестолкновения с натовцами провести блицпереговоры о совместном противодействии угрозе нашим миротворцам. Армия Югославии с удовольствием отомстила бы агрессорам и за жертвы, и за поруганную честь да еще в братском союзе с русскими. Этот аргумент стал решающим...»

Видимо, не для всех. Начальник Генерального штаба Анатолий Васильевич Квашнин не собирался из-за разногласий вокруг Косова начинать войну против НАТО. Это следует из слов Ивашова:

«Генерал Заварзин по мобильному телефону сообщил: только что получен приказ начальника Генерального штаба Квашнина развернуть батальон в обратном направлении (колонна к этому моменту уже пересекла границу и двигалась по территории Косово, правда, об этом из числа присутствующих в кабинете министра обороны знали лишь единицы). Пришлось напомнить Заварзину, что решение на ввод батальона принял верховный главнокомандующий — президент России, а приказ о нем отдал министр обороны. Этот-то приказ и обязателен к исполнению. Следовательно, никаких разворотов и остановок — только вперед».

Начальник Генерального штаба является по должности первым заместителем министра обороны. Проведение военной операции без его ведома — невиданное дело. Но приказ Квашнина не выполнили, хуже того — его обманули. Начальник Генерального штаба и не подозревал, что десантники уже вошли в Косово.

Генерал Ивашов:

«А чтобы уберечь генерала Заварзина от новых, не санкционированных министром обороны приказов я предложил ему на некоторое время выключить мобильный телефон. Потом, правда, была еще одна попытка Квашнина — через штаб бригады (в колонне шла командно-штабная машина со своей аппаратурой связи) — передать приказ на остановку батальона. Виктор Михайлович, помня о нашем разговоре, действовал четко и жестко, взяв на себя ответственность за выполнение поставленной задачи».

Картина рисуется фантастическая. Получив всего лишь устное распоряжение из Москвы, генералы были готовы пустить в ход оружие и начать маленькую войну с Соединенными Штатами.

Генерал-лейтенант Николай Стаськов, начальник штаба воздушно-десантных войск:

«Все боевые распоряжения идут только письменно. Мне не давали письменного распоряжения. Я бы тоже нашел способ не давать письменного распоряжения. Но в Боснии были мои люди, подчиненные. Комдив спросил: будет приказ о переброске батальона на Приштину?»

— Я тебя не подведу, — сказал я и шифром послал ему распоряжение.

Сначала предварительное, потом боевое. И только ночью, когда ко мне приехали из Генштаба проводить расследование, я понял, в какую аферу попал. Мне-то никто письменных распоряжений не давал. А уже скандал разгорается. Батальон дошел до аэродрома, и тут команда: «Стоп. Назад».

Доволен был, кажется, только генерал-полковник Ивашов.

«В кабинете Сергеева, — вспоминал он, — обстановка явно стала уравновешеннее: батальон, если судить по докладу Квашнина, двигался в обратном направлении, и министр иностранных дел Иванов успокоился. Неожиданно в кабинет вошел генерал-лейтенант Мазуркевич и сообщил, что Си-эн-эн ведет прямой репортаж о вхождении в Приштину российского батальона.

Для Иванова это было подобно грому с ясного неба. Он полагался на заверения Квашнина (начальник Генштаба и сам был уверен, что его команда о возвращении батальона дошла до исполнителей и действует), а тут... Иванов в сердцах обругал нас: мол, с вами, военными, как свяжешься, так обязательно попадешь в неприятность. Вышел к американцам и попытался объяснить им, что допущена техническая ошибка, которая будет оперативно исправлена».

Начальник Генерального штаба и министр иностранных дел России,

видимо, впервые были так откровенно обмануты. Министр иностранных дел Игорь Иванов настолько возмутился, что утратил привычное хладнокровие.

Струб Гэлботт:

«Иванов вывел меня в соседний зал, где стоял тяжелый жирный дух недоеденных пицц и хот-догов, которые нам доставили несколькими часами ранее.

— Я вынужден с сожалением информировать вас, — сказал Иванов, — что колонна российских войск случайно пересекла границу и вошла в Косово. Им отдан приказ в течение двух часов выйти из провинции. Министр обороны и я сожалеем о таком развитии событий...

Иванов сделал официальное заявление и зачитал его в прямом эфире Си-эн-эн. Позднее мне сообщили, что Сергеев так рассвирепел, что ему лгали его собственные люди — а он в силу этого вынужден был снова и снова лгать нам, — что уже не смог больше смотреть нам в глаза...»

События развивались следующим образом.

В субботу 12 июня, в половине седьмого утра, силы НАТО перешли границу с Македонией вошли в Косово. Когда под конец дня они достигли Приштины, российский батальон уже расположился на аэродроме Слатина и, как положено по уставу, занял круговую оборону... То есть подготовился к ведению боевых действий.

«Когда на следующий день я говорила с Ивановым, — вспоминала Мадлен Олбрайт, — он сказал, что произошло «недоразумение», мы его не так поняли по поводу отвода российских солдат. Русские останутся в аэропорту Приштины, и если НАТО разместит свои силы в крае прежде, чем будет достигнуто соглашение относительно роли России, то будут введены дополнительные российские войска, которые займут северную часть Косова.

Мне подумалось: или я сплю, или это самое плохое кино из всех мною виденных. За один только день мы скатились от празднования победы к нелепому повторению холодной войны. Меня тревожило и то, что Иванов уже сам не знал, что происходит в его собственном правительстве. Очевидно, что произошло какое-то рассогласование между гражданскими и военными властями, хотя никто не мог быть уверен в том, какой приказ мог отдать Ельцин...»

Генерал-лейтенант Николай Стаськов:

«Самое интересное утром. Министр иностранных дел молчит, другие должностные лица тоже отмалчиваются. Из Генштаба приходит приказ — стой, колонну вернуть назад. Опять выходит на меня Игнатов — что

делать? Своим решением даю ему команду закрепляться в Приштине. В штаб воздушно-десантных войск уже ехала комиссия Генерального штаба — разбираться, почему не выполняется приказ. Но тут просыпается Борис Николаевич, и ему все понравилось. Словом, победили».

Все зависело от того, кто первым доложит президенту Ельцину.

Генерал Ивашов:

«В одиннадцать часов утра министр обороны Сергеев делал доклад у президента страны... После доклада министра в зале наступила тишина. Паузу прервала фраза, произнесенная со всем известной ельцинской интонацией:

— Ну, наконец я щелкнул по носу...

Здесь президент назвал некоторых руководителей стран НАТО. Тут же из зала донеслось подобострастное:

— Вы, Борис Николаевич, не щелкнули — вы врезали по физиономии.

Ельцин поднялся и обнял Сергеева... На следующий день Ельцин подписал указ о присвоении Заварзину очередного воинского звания — генерал-полковник».

Операция в Приштине была оценена как крупный военнополитический успех. Российские военные торжествовали. Ночной марш, с их точки зрения, поднял престиж страны и обеспечил ей более надежные позиции за столом переговоров. Президент Ельцин радовался, как ребенок. Один из его предшественников в Кремле говорил в таких случаях:

— Запустили мы им ежа в штаны.

Российские политики и простые граждане с таким воодушевлением восприняли марш на Косово, что разбор дела был отменен. Победителей не судят.

«Я предполагаю, — считает Мадлен Олбрайт, — что Милошевич решил заключить с российскими военными сделку (может быть, через посредничество своего брата, который был послом Югославии в Москве), чтобы добиться фактического раздробления Косова.

Российские военные подготовили шесть транспортных самолетов, чтобы доставить в регион свои тысячные войска, которые могли бы подкрепить небольшой контингент, размещенный в аэропорту Приштины. Эта переброска сил так и не состоялась, потому что России было отказано в разрешении пересечь воздушное пространство Венгрии, Румынии и Болгарии... Этот шаг сгладил назревавший кризис, который мог вылиться в нечто, чего не знала холодная война, — прямое столкновение натовских войск с российскими».

В Москве, похоже, мало кто об этом думал. Наверное, твердо верили в то, что американцы ни при каких обстоятельствах не утратят хладнокровия.

Струб Тэлботт:

«В тот же день я вновь оказался в кабинете Путина в Кремле. Все дело в политике, сказал он. Россия уже погрузилась в «предвыборную борьбу» и этот факт осложняет американско-российские отношения. Как в США, так и в России есть свои «ястребы» и «голуби», сказал он, и за броском на прищтинский аэропорт стояли именно российские ястребы.

В российском правительстве есть люди, говорил он, подразумевая, естественно, и себя самого, которые считают развертывание ошибкой. Но оно, по крайней мере, не привело к человеческим жертвам. Ущерб, нанесенный за одну ночь американско-российским отношениям русскими «ястребами», — пустяк по сравнению с тем ущербом, который НАТО своей воздушной войной с Сербией нанес престижу Ельцина... Важно, сказал Путин, что «никто в России не сможет теперь назвать президента марионеткой НАТО».

Возможность щелкнуть по носу натовцев безмерно радовала российских политиков.

Президент Клинтон твердо считал, что в этой ситуации главная задача — не навредить Ельцину, поэтому не хотел обострять отношения и сдерживал своих военных.

«Генерал Уэсли Кларк был взбешен, — вспоминал Билл Клинтон. — Я не мог его за это винить, но знал, что мы, к счастью, не стоим на пороге третьей мировой войны. За сотрудничество с нами Ельцин подвергся дома резкой критике со стороны ультранационалистов, симпатизировавших сербам. Я считал, что Ельцин просто решил «бросить им кость».

Решение о переброске десантников в Косово — политическое решение! — было принято военными, а не политиками. Совет безопасности не собирался, правительство это не обсуждало. Не было даже совещания в узком кругу, где свое мнение могли бы высказать глава правительства и министр иностранных дел. Совещание состоялось уже после того, как все произошло. И все, кто смотрел телевидение, по выражению лица министра Иванова могли понять, что он думает по этому поводу.

Российское Министерство иностранных дел оказалось в дурацком положении. Военным, может быть, кажется, что они просто утерли нос штафиркам. Но отличие Министерства иностранных дел от всех остальных ведомств состоит в том, что оно представляет страну в целом. Поэтому

пострадала репутация страны, а не МИДа.

Ночной марш, о котором забыли предупредить не только западных партнеров, но и родное Министерство иностранных дел, означал игру по другим правилам. Или, точнее, игру без правил. Не надо ни о чем договариваться, искать компромиссы, уступать. Кто первый ухватил, тот и прав. Беда в том, что и другие захотят играть без правил.

Настроения у натовских военных были разные. Одни считали, что русские их просто обманули и были возмущены. Другие исходили из того, что главное — избежать конфронтации.

«Все кончилось тем, что натовские силы кормили русских, у которых было плохо с провиантом, в аэропорту Приштины, — пишет Мадлен Олбрайт. — Президент Ельцин позвонил президенту Клинтону и предложил укрыться вдвоем на «корабле, подводной лодке или на каком-нибудь острове, где никто нам не помешает», чтобы спокойно решить проблему».

Струоб Тэлботт:

«На протяжении всего кризиса Борис Ельцин вел себя тише воды ниже травы. Я не знал, действительно ли он одобрял планы и отдавал приказания, да и вообще представлял ли себе, что происходит.

Пока наш самолет летел домой, Клинтону наконец-то удалось связаться с Ельциным и попросить его распорядиться, чтобы командующий российскими войсками генерал Заварзин договорился с генералом Джексоном и покончил с противостоянием в аэропорту.

Ельцин, похоже, о Заварзине никогда не слышал, хотя в тот же день присвоил ему очередное воинское звание. Клинтону пришлось по буквам диктовать Ельцину фамилию. Затем Ельцин передумал и сказал:

— Да ну их, этих генералов, Билл! Эту проблему можем решить только мы с тобой!

Он предложил им встретиться немедленно, если необходимо, — на корабле или даже подводной лодке».

Клинтон не считал, что это вопрос, который должны обсуждать президенты.

Мадлен Олбрайт:

«Клинтон выдвинул встречное предложение: пусть министры обороны и иностранных дел двух стран встретятся и разрешат вопрос, что, в конце концов, — после нескольких дней энергичных взаимных уступок — и было сделано.

На переговорах в Хельсинки договорились разместить российский военный контингент в Косове в пределах районов, которые подконтрольны

Германии, Франции и Америке. России не было отведено специального сектора из опасения, что это приведет к фактическому разделению края».

Но напряженность не стихала. Нервы у всех были напряжены до предела. Это было очень опасно. Малейший повод мог спровоцировать боевые действия.

Строуб Тэлботт:

«В какой-то момент среди ночи НАТО получило сообщение, что российские транспортные самолеты Ил-76 с десятью тысячами солдат поднялись в воздух и направляются в Косово, несмотря на то, что Венгрия и Румыния запретили им пересекать свое воздушное пространство».

Генерал Уэсли Кларк:

«Один из офицеров спросил меня, что будем делать, если российские транспортные самолеты с подкреплением все-таки прилетят. Будем сбивать?»

Генерал Ролстон из Вашингтона предложил блокировать взлетно-посадочную полосу. Я приказал использовать боевые вертолеты для того, чтобы помешать Ил-76 сесть в Приштине. Я объяснил своим подчиненным, что русское правительство нас обманывает и мы не можем верить их обещаниям. Я бы не хотел оказаться в ситуации, когда мне пришлось бы сбивать их самолеты. Лучше помешать им сесть».

Но британский генерал Майкл Джексон отказался выполнять приказ главнокомандующего.

— Я просто не могу это сделать! — рапортовал Джексон. — И у вас нет полномочий отдавать мне такой приказ.

— У меня есть полномочия! — настаивал Кларк.

— Сэр, — ответил Джексон, — я не начну ради вас третьей мировой войны!

Уэсли Кларк:

«Генерал Джексон считал, что аэродром в Приштине не имел никакого значения и, следовательно, не было смысла враждовать с русскими. А я считал иначе. Это был решающий момент. Будут русские сотрудничать с нами на равных или нет? Будут они нас обманывать и вводить в заблуждение или привыкнут договариваться и находить компромисс? Я считал, что русские не пойдут на прямое столкновение с нами, у них не было для этого сил. Но я не отрицаю, что риск был».

— Майк, я отдаю тебе приказ, — сказал Кларк. — Если ты отказываешься его выполнять, ты должен сдать командование. Ты это понимаешь?

— Так точно, сэр.

Джексон вышел и через несколько минут вернулся с улыбкой на лице:
— Британское правительство запретило мне выполнять этот приказ.

Относительно статуса российских войск нашли компромисс — по опыту участия российского контингента в миротворческой операции в Боснии. Но пробыли они там недолго. В апреле 2003 года начальник Генерального штаба Анатолий Квашнин заметил:

— У нас не осталось стратегических интересов на Балканах, а на выводе миротворцев мы сэкономим двадцать пять миллионов долларов в год.

Десантников вернули домой. История, которая едва не привела к войне между Россией и НАТО, закончилась.

Игорь Иванов убедил президента Ельцина провести специальное заседание Совета безопасности по Косову. В официальном сообщении говорилось: «На совещании было обращено внимание руководителей министерств и ведомств на необходимость постоянной и четкой координации с МИД России своей работы по выполнению задач, связанных с урегулированием кризиса на Балканах»...

Свержение Милошевича

Поражение в Косове погубило Милошевича. Лагерь его сторонников таял на глазах. В конце концов он проиграл очередные выборы, потерял власть и оказался на скамье подсудимых.

На судьбу Милошевича, кстати говоря, повлияли не только натовские бомбардировки, но и то, что он сам и его окружение — триста с лишним человек — попали в черный список. Белградской элите закрыли въезд в европейские страны и запретили заниматься там бизнесом. Финансовая полиция стала искать их тайные счета. Это была катастрофа для семейства Милошевичей и правящей верхушки. Они лишились возможности отдыхать за границей и ездить за покупками. Они лишились своих доходов. В эпоху санкций окружение Милошевича зарабатывало на контрабанде бензином, спиртным и сигаретами. Крупного банкира Боголюбa Карича, которого Милошевич в знак благодарности сделал министром, не пустили даже на Кипр.

24 сентября 2000 года прошли досрочные выборы президента Югославии. Милошевич пребывал в убеждении, что он самый популярный в стране лидер и конкурентов у него нет и быть не может. Они с женой искренне рассчитывали на оглушительную победу. Его сгубила мания величия. Он даже не сделал то, что считал обязательным накануне прежних выборов, — не увеличил пенсии и зарплаты. И утратил мобилирующий идеологический заряд. Краина, Босния, Косово — все битвы были проиграны. А нового фронта борьбы против внешнего врага он не успел открыть.

Слободан Милошевич не воспринимал всерьез своего главного соперника — Воислава Коштуницу, лидера Демократической партии Сербии. А его поддержала коалиция из пятнадцати оппозиционных партий. Коштуница, умеренный националист, — достаточно бледная фигура, но массовый избиратель предпочел новое лицо. После натовских бомбардировок и потери Косова сербы ненавидели всех на свете. Но выразить свою ненависть они могли только Милошевичу. Это было голосование против надоевшего президента.

Избирательная комиссия сообщила, что Милошевич собрал 40,2 % голосов, а Воислав Коштуница получил 48,2 %. Комиссия объявила второй тур выборов. Но оппозиция заявила, что результаты подтасованы и Коштуница выиграл в первом же туре. В стране начались волнения. 27

сентября в Белграде прошла первая массовая демонстрация протеста против фальсификации выборов. За ней последовали другие. Возмутились не только белградцы и не только оппозиционные партии. 3 октября молодежь бульдозером проломили ворота государственного телевидения. И никто не желал прийти на помощь проигравшему президенту.

Политический климат в стране изменился. Это ощутили в избирательной комиссии, члены которой изменили свой вердикт и заявили, что немного ошиблись: на самом деле за Коштуницу проголосовали 48,9 %, а за Милошевича — всего 38,6 %. Надо еще учесть, что и сербская церковь была против Слободана Милошевича. Патриархия устроила молебен в Белграде и поздравила Коштуницу с победой.

Слободан Милошевич был мастером политической интриги и закулисных договоренностей. Но оказался никудышным борцом. На публике Милошевич был самоуверенным, несговорчивым и жестким. Он хотел, чтобы его воспринимали именно таким. Столкнувшись с серьезной проблемой, он оказался слабым политиком.

«Один мой сербский приятель поехал в особняк к Милошевичу морально поддержать своего друга, — рассказывала Тамара Замятина, которая в те годы была корреспондентом ИТАР-ТАСС в Белграде. — Он был поражен тем, что Слободан и его жена Мира Маркович сидели дома в полутемной гостиной, при закрытых шторах, при выключенных электричестве и телевизоре. Из этого эпизода можно сделать вывод, что и Милошевичу были ведомы чувства страха, отчаяния, безволия».

Президент оторвался от жизни. Последние годы он безвылазно сидел у себя в кабинете, мало с кем общался и потерял ориентиры. Сербь даже не могли вспомнить, когда глава государства в последний раз обращался к ним. Судя по всему, он не ожидал, что все так повернется. Он и его окружение просчитались. Милошевич никому не доверял, кроме своей жены, которая и была его главным советником. Мирьяна Маркович так же плохо понимала, что творится в стране, и ничем не смогла помочь мужу.

5 октября на улицы Белграда вышло минимум полмиллиона человек. Милошевич надоел сербам. Милошевич и его окружение проиграли четыре войны, разрушили экономику, а лагеря пленных в Боснии и убийства в Сребренице выставили сербов в роли кровожадных монстров. Митингующие захватили телевизионный центр и здание парламента.

Милошевич дважды звонил начальнику Генерального штаба Небойше Павковичу, требуя, чтобы он отправил войска и усмирил Белград. Генерал Павкович, поколебавшись, заявил, что военное командование «уважает волю граждан». Военные были сыты по горло правлением Милошевича и

также желали его ухода.

Начальник личной охраны Мирьяны Маркович приехал к генералу Павковичу и передал ему приказ физически уничтожить лидеров оппозиции — Вука Драшковича, Зорана Джинджича, бывшего начальника Генштаба Момчило Перишича... Никто не захотел исполнять приказ. Военные и офицеры госбезопасности видели, что народ настроен серьезно, и выполнение преступного приказа может оказаться опасным. Рисковать своей жизнью и карьерой во имя проигравшего президента и его жены никто не хотел.

5 октября Воислав Коштуница объявил себя президентом. Смелости ему придал тот факт, что все властные структуры перешли на его сторону.

Утром 6 октября в Белград прилетел российский министр иностранных дел Игорь Иванов. Все гадали, какую миссию он исполняет. Российский министр пригласил Милошевича и Коштуницу в Москву на переговоры. Они отказались. По некоторым сведениям, при посредстве Иванова состоялась тайная встреча Милошевича и Коштуницы. Присутствовали также начальник Генштаба и глава военной разведки. И Коштуница вроде как обещал позаботиться о самом Милошевиче и всей его семье. Только после этого, вечером 6 октября, Милошевич, более или менее уверенный в своем будущем, ушел в отставку.

Еще полгода продолжались переговоры о его судьбе. Западные державы требовали от Белграда исполнения резолюции Совета Безопасности ООН: те, кого Международный трибунал обвиняет в совершении военных преступлений, должны быть преданы суду.

Воислав Коштуница категорически не хотел выдавать Милошевича. Но он не располагал реальной властью. Вся власть принадлежала руководству Сербии, глава республики Зоран Джинджич желал видеть Милошевича на скамье подсудимых. 30 марта 2001 года спецгруппа МВД прибыла в резиденцию Милошевича, чтобы его арестовать. Охрана бывшего президента открыла огонь и ранила двоих полицейских.

После долгого спора между президентом Югославии Коштуницей и премьер-министром Сербии Зораном Джинджичем судьба Милошевича была решена. Коштуница понял, что больше не может защищать своего предшественника и умыл руки. Он заявил, что ни один гражданин страны не может быть выше закона. Милошевич понял, что никто его не спасет. 31 марта, в воскресное утро, он был арестован в своей резиденции и отправлен в белградскую тюрьму. Его дочь Мария стреляла в сотрудников спецслужб из пистолета, за это ее привлекли к суду. Когда отца увели, она застрелила собаку и выбила несколько окон. Она обвиняла отца в трусости

за то, что он позволил себя посадить.

Коштуница сказал иностранным журналистам:

— Избавляясь от Милошевича, мы освобождаем политику от яда, который ее отравлял.

28 июня власти Сербии передали Милошевича Гаагскому трибуналу.

Еще в мае 1999 года Международный трибунал обвинил Милошевича (он еще был президентом Союзной Республики Югославия) в преступлениях против человечности — убийствах, депортациях, нарушении законов и обычаев во время войны в Косове с 1 января по 22 мая 1999 года «по политическим, расовым и религиозным соображениям».

8 октября 2001 года Милошевичу предъявили еще одно обвинение — в причастности к массовым «этническим чисткам», убийствам и преследованиям хорватов на территории Хорватии в период с 1 августа 1991 года по июнь 1992 года.

22 ноября 2001 года последовало еще одно обвинение — в геноциде во время войны в Боснии и Герцеговине в 1992–1995 годах.

Судебный процесс по делу Милошевича начался 12 февраля 2002 года. Он умер в марте 2006 года в камере гаагской тюрьмы, ожидая вердикта по своему делу.

Разговоры вместо обеда

Жизнь министра иностранных дел кажется завидно веселой и увлекательной. В реальности она представляет собой бесконечный конвейер переговоров и совещаний. Если перелистать дипломатический паспорт министра, можно позавидовать: министр иностранных дел был везде. Но практически ничего не видел. Одинаковые машины с бронированными стеклами, одинаковые гостиницы, одинаковый протокол, одинаковые комнаты для переговоров, где сидят одинаково одетые люди, обеды и ужины со стандартным набором блюд и заранее известными тостами. Возможность поговорить с коллегой-министром где-то за городом или в сауне воспринимается как подарок судьбы.

Министр должен всегда идеально выглядеть — чисто выбрит, безукоризненно подстрижен, рубашки и костюм идеально выглажены, галстук подобран точно в тон, туфли начищены до блеска. Об этом в командировке министр заботится сам. Министр иностранных дел — не генерал, ему ни адъютант, ни ординарец не положены. У него есть охрана, которую он может о чем-то дружески попросить, но не обо всем. Постирать и погладить вещи — это берет на себя гостиница. А Игорь Иванов даже сам таскал свой портфель. Один из его заместителей не выдержал:

— Игорь Сергеевич, давайте я портфель понесу, а то как-то неудобно.

Не отдал, сам нес.

Главное для министра иностранных дел — обладать хорошим здоровьем, удовлетворяться коротким сном, уметь работать в самолетах, машинах и вообще везде и всегда.

Вот как это происходит. Каждый год в сентябре министр прилетает в Нью-Йорк на открытие сессии Генеральной Ассамблеи ООН. За неделю он должен успеть поговорить с несколькими десятками министров — для дипломатов, представляющих маленькие государства, это единственная возможность увидеть российского министра.

Работа начинается на борту спецсамолета, пересекающего океан, и заканчивается в том же самолете, на подлете к Москве, хотя на обратном пути обычно находится время для дружеских посиделок в просторном министерском салоне. Министру иностранных дел предоставляется самолет из правительственного авиаотряда «Россия». Вместе с министром летят его заместители и помощники, которые держат постоянную связь с

Москвой и продолжают составлять различные документы.

А неделя в Нью-Йорке состоит из череды бесконечных встреч с коллегами-министрами. В здании российского представительства при ООН на первом этаже есть две комнаты для переговоров. Первого гостя проводят в правую комнату, где его ждет министр. Пока идут переговоры, появляется уже следующий гость, его ведут в левую комнату. Ровно через полчаса министр прощается с первым гостем, пожимает ему руку и из правой переходит в левую комнату, где его ждет новый гость. Следующие переговоры начинаются без перерыва. От ближневосточного конфликта надо мгновенно переключиться на афганский, а от взрывоопасной ситуации вокруг Косова перейти к давней проблеме разделенного Кипра.

Переговоры продолжают и за обеденным столом, когда не столько едят, сколько разговаривают.

— У нас был общий обед с министрами стран-членов Европейского союза, — рассказывал Иванов. — То есть это для них был обед. Все обедали и задавали мне вопросы, я отвечал.

Зато сессия Генеральной Ассамблеи ООН позволяет сразу обсудить все горячие проблемы. В Организации Объединенных Наций очень демократичная атмосфера, где все быстро знакомятся и обходятся без традиционного протокола.

Сама практика современной дипломатии настраивает на поиск компромисса. Конечно, Россия, как постоянный член Совета Безопасности, может заблокировать любое решение, наложив вето на резолюцию, которая ей не нравится. Но Сергей Лавров, когда был российским представителем в ООН, воспользовался правом вето всего несколько раз. Он объяснял мне это так:

— Да, мы можем раз наложить вето, второй раз наложить вето. И что будет? Это приведет к тому, что другие страны махнут рукой на ООН и начнут действовать в обход нас. И что толку потом возмущаться? Нужно достигать компромисса.

Игорь Иванов был первым за многие годы специалистом по европейским делам, занявшим кресло министра. Возникли предположения, что он замкнется на отношениях с Европой и отодвинет отношения с другими регионами на задний план. В реальности произошло иначе. Он легко передал европейские дела другим, потому что эту сферу он прекрасно знал и понимал, когда понадобится его личное вмешательство. Важнее всего было завязать отношения с американцами.

— Американцы прагматичны, они уважают тех, кто отстаивает свои интересы, — говорил мне Иванов. — Я придерживаюсь именно такой

линии.

По мнению специалистов, вести переговоры с американцами — это особое искусство. Надо учитывать их менталитет, особенно когда представляешь страну, находящуюся в довольно сложном положении. Американцы не любят партнеров-жалобщиков, которые просят войти в их положение. Так можно разговаривать с европейцами. Американцы воспримут это как слабость. Не нужно петушиться, но надо быть прямым и твердым. Американцы уважают сильного партнера. Можно представлять слабую страну, но быть достаточно сильным на переговорах. Американцы любят ясность. Они не любят играть. Классическая дипломатия им не подходит. Нужна определенность.

Классическая дипломатия предполагает недосказанность: я говорю тебе правду, но не всю правду. Современная дипломатия так стремительна, что не остается времени на недосказанность. Приходится говорить прямо, как есть, иначе будет потеряно дорогое время. В отношениях с Соединенными Штатами нужно прежде всего доверие. Когда доверие исчезает, возникает подозрительность, которую никакими силами невозможно развеять. Приводит это к тому, что уже никто никому не верит. Все уверены, что другая сторона сознательно идет на конфронтацию и вынашивает коварные замыслы.

Новая концепция

Министерство иностранных дел в определенном смысле заложник политического и экономического курса страны. Дипломаты в меру таланта и изощренности могут многого добиться, но в конечном счете все зависит оттого, что происходит внутри страны.

Иванов, в отличие от своих предшественников, подчеркнуто не участвовал во внутривнутриполитических баталиях и даже не высказывался на эти темы. В первые месяцы его пребывания на посту министра он пользовался полной поддержкой премьер-министра, которым был Примаков, что предохраняло его от сложностей во взаимоотношениях с президентской администрацией и коллегами-министрами. Потом и в Кремле, и в Белом доме оценили профессионализм и надежность министра иностранных дел.

Я спрашивал Игоря Сергеевича:

— Разные партии в России желают разной внешней политики. Какую же линию проводит министр?

Тогда еще разные партии были достаточно заметны в политической жизни России.

— Я уважаю мнение всех фракций, — ответил мне министр, — но стану проводить ту линию, которая отвечает национальным интересам. Никакого шараханья, у нас одна внешняя политика.

— Но как можно проводить единую политику, если в обществе нет согласия, если значительная часть общества подвержена антизападным, антиамериканским настроениям?

— Мне бы хотелось добиться, чтобы у нас не было «анти». Ни в настроениях, ни в политике. Мы прошли тот этап, когда мир делили на хороших и плохих. Я буду говорить об этом и в Думе, и в средствах массовой информации — надо нам избавляться от стереотипов: кто-то плохой, кто-то хороший, этот друг, тот враг...

Внешние дела — и это не все понимают — отличаются от оборонных или экономических проблем тем, что приходится учитывать интересы других стран. Нельзя принять решение проводить политику, выгодную своей стране, и требовать от министерства неукоснительного ее исполнения. Внешнюю политику приходится согласовывать с другими державами. А у каждой страны есть свои интересы. Не остается ничего иного, кроме как эти интересы учитывать. Глупо загонять в угол

неприятных соседей, чтобы они копили ненависть и вынашивали злобные планы...

Иванов стал меньше говорить о многополюсном мире. Эта концепция Примакова носит откровенно антиамериканский характер и больше подходит Китаю, чем России. После смены президентской команды на внешнюю политику вновь пытался оказывать влияние Совет безопасности, тон в котором задавали сотрудники спецслужб. Секретарем совбеза с должности заместителя директора ФСБ стал Сергей Борисович Иванов. Для спецслужб Соединенные Штаты, НАТО, Запад в целом — это враги.

Пона Примаков возглавлял правительство, Иванова считали его тенью. Это неверное впечатление. Игорь Сергеевич Иванов человек очень лояльный, но они с Примаковым разные люди. Я хорошо представляю себе взгляды Евгения Максимовича, и у меня была возможность откровенно говорить с Игорем Сергеевичем.

В июле 2000 года Иванов — после того, как президент Путин подписал соответствующий документ, — представил новую концепцию внешней политики. В тот момент можно было говорить о переходе от глобальных претензий советских времен к реальной политике России, страны с более ограниченными возможностями.

Иванов считал, что главное в политике — это прагматизм и реализм. Когда ресурсы страны ограничены, нужно сконцентрировать их на главных направлениях: безопасность страны, создание условий для подъема отечественной экономики, защита интересов бизнеса и российских граждан за границей.

Но что представляла собой тогдашняя внешняя политика Путина?

С одной стороны, это тесные контакты с Европой, желание установить личные отношения с руководителями Германии и Великобритании, отказ от антиамериканских и антизападных жестов и высказываний. А с другой — нарочитое сближение с Китаем и поставки ему оружия в больших количествах, демонстративная жесткость в отношении Грузии, визит на Кубу, контакты с Ираком (где еще правил Саддам Хусейн), готовность продавать оружие Ирану.

Возникло ощущение противоречивости внешней политики, это означало, что национальный интерес так и не осознан. Российская политическая элита тратит слишком много сил, требуя, чтобы к ним относились как к представителям великой державы. Но американцы, скажем, не уверены, что Россия — великая держава. В современном мире могущество страны определяется не способностью уничтожить другое государство с помощью ракетно-ядерного оружия. Великая держава —

прежде всего богатая, процветающая страна с эффективной экономикой. Несмотря на всю антиамериканскую, антизападную риторику внешняя политика при Иванове оставалась достаточно уравновешенной.

Вторая война в Ираке

Ровно десять лет спустя после первой войны в Персидском заливе американская команда, организовавшая операцию «Буря в пустыне», чтобы жестоко наказать диктатора, вновь оказалась у власти. Ее собрал Джордж Буш-младший, который в январе 2001 года вступил в должность президента Соединенных Штатов.

У Буша была одна реакция на теракты 11 сентября 2001 года:

— Мы избавим мир от этих негодяев.

Президент Буш сформулировал свою доктрину самым простым образом. Америка не станет ждать следующей атаки. Соединенные Штаты будут первыми наносить удары по террористам, где бы они ни находились. Надо заботиться не о том, как потом наказать террористов за содеянное, надо предотвратить их удары. Американский президент пришел к выводу, что иракский диктатор Саддам Хусейн, создающий оружие массового уничтожения, представляет особую опасность: если он вооружит террористов, они смогут убить больше американцев, чем это произошло 11 сентября.

В один из мартовских дней 2002 года Джордж Буш заглянул в кабинет своего советника по национальной безопасности Кондолизы Райс и уверенно сказал:

— Чертов Саддам, мы его вышвырнем!

Вернее, президент выразился более откровенно, но я не рискую дословно перевести это выражение на русский язык. Через год хлесткая фраза Буша-младшего о Саддаме Хусейне («Мы его вышвырнем!») трансформировалась в военную акцию.

24 февраля 2003 года Соединенные Штаты и Великобритания внесли в Совет Безопасности проект новой резолюции, которая обвиняла Ирак в невыполнении своих обязательств и предлагала дать Саддаму Хусейну еще неделю на разоружение. 10 марта российская дипломатия сообщила, что наложит вето на такую резолюцию. В этот день умерла идея международной коалиции против Саддама Хусейна. У тех, кто считал, что надо применить силу, руки были развязаны.

Все последние годы в Совете Безопасности шла борьба не за то, чтобы заставить Саддама исполнить резолюции ООН, а за то, чтобы их отменить. Вопрос об Ираке расколол постоянных членов Совета Безопасности. Соединенные Штаты и Англия хотели довести дело до конца и убедиться,

что Саддам больше не представляет опасности. Россия и Франция, напротив, жаждали скорейшей отмены санкций, чтобы сделать Саддаму приятное и что-то получить взамен. Единая позиция Совета Безопасности позволила бы избежать военной операции. Саддам боялся войны. Если бы все члены Совета Безопасности были едины, все могло бы сложиться иначе...

Когда дело шло к войне, российские руководители не сделали ничего, что могло бы остановить военную операцию. Публичное обещание наложить вето в Совете Безопасности привело к тому, что Соединенные Штаты просто отказались от всякого сотрудничества в рамках ООН. Это было ошибкой российской дипломатии. Если российские руководители дорожат постоянным креслом в Совете Безопасности, зачем же отбивать у американцев желание сотрудничать?

Советник президента Кондолиза Райс назвала политику Франции, Германии и России — «нон, найн, нет» и сказала, что ответ Соединенных Штатов будет таков — «наказать Францию, игнорировать Германию, простить Россию».

В ночь на 17 марта 2003 года главе Торгово-промышленной палаты Примакову позвонил президент Путин. Евгений Максимович поехал в Кремль. Владимир Владимирович попросил его утром вылететь в Багдад, чтобы передать Саддаму устное послание с предложением уйти в отставку с поста президента и объявить в стране выборы ради того, чтобы избежать войны. Путин говорил, что Саддаму не обязательно покидать Ирак или, что называется, уходить на покой. Он мог бы, скажем, остаться лидером партии.

Саддам Хусейн, как обычно, не отказал Примакову в личной встрече и принял московского гостя в одном из своих дворцов. Он даже согласился поговорить один на один (третьим был переводчик, прилетевший из Москвы). Из уст Примакова прозвучало очень откровенное обращение российского президента к Саддаму:

— Если вы любите свою страну и свой народ, если хотите уберечь свой народ от неизбежных жертв, вы должны уйти.

Евгений Максимович обратил внимание Саддама на то, что это слова президента России:

— Я понимаю, насколько серьезно это предложение и насколько оно может изменить всю вашу жизнь. Но и вы должны понять — это делается ради иракского народа.

Не давая ответа, Саддам попросил Примакова повторить эти слова в присутствии вице-преьера Тарика Азиза и главы иракского парламента,

ожидавших в приемной. Когда те вошли, Примаков еще раз воспроизвел предложение президента России и добавил:

— Таким образом, вам удастся спасти Ирак от надвигающейся войны.

Саддам Хусейн заметил, что накануне первой войны в Персидском заливе Советский Союз тоже уговаривал его уйти:

— Вы тогда уверяли меня, что если выведете войска из Кувейта, то американцы не предпримут сухопутной операции. Однако уговоры, с которыми вы приезжали ко мне, оказались обманом.

Примаков немедленно напомнил иракскому президенту, как тогда дело обстояло в реальности:

— Если бы вы начали отводить свои вооруженные силы на иракскую территорию, а Тарик Азиз приехал в Москву до того времени, как Вашингтон выдвинул ультиматум, все было бы иначе. Но вы же этого не сделали.

Саддам молча похлопал Примакова по плечу и ушел. Разговор был окончен. Тарик Азиз громко произнес, чтобы Саддам услышал его слова:

— Пройдет еще десять лет, и вы, Примаков, убедитесь, что мой любимый президент и сейчас прав...

Евгений Максимович поразился тому, насколько спокоен и уверен в себе был президент Ирака. Созданный Саддамом режим его самого лишил объективной информации. И он до конца верил, что американцы не решатся его сбросить.

19 марта 2003 года проходило заседание Совета Безопасности ООН по Ираку. В Нью-Йорк прилетел российский министр иностранных дел Игорь Сергеевич Иванов. Он еще на что-то надеялся.

— Война против Ирака вызывает неприязнь во всем мире, — сказал Иванов. — Мы надеемся, что Вашингтон и Лондон прислушаются к мнению подавляющего большинства стран и вернуться на путь политического урегулирования...

Но решение было принято: мир надо избавить от Саддама Хусейна.

Срок ультиматума, предъявленного Саддаму, истек в четверг, 20 марта 2003 года, в 4 часа 15 минут по московскому времени. Война началась в 5 часов 35 минут утра. Саддам сам предопределил свое поражение. Все, что он говорил, было либо блефом, либо результатом того, что он и сам стал обманываться.

Боевой дух иракской армии никогда не был высоким. Солдаты дезертировали, поэтому были введены денежные награды за поиск беглецов. Местные партийные активисты неплохо на этом зарабатывали. Это было общество, где соседи доносили друг на друга. Иракская армия не

оказала сколько-нибудь серьезного сопротивления. Как только распространились слухи о том, что Саддам мертв, война закончилась.

Саддам Хусейн довел страну и собственных граждан до нищеты и полного отчаяния, поэтому никто и не захотел умирать за него. Иракцы ходили на демонстрации и повторяли то, что от них требовала власть. Но как только исчез хозяин, все развалилось, они побежали грабить и убивать недавнее начальство...

Президент Путин болезненно переживал все, что произошло вокруг Ирака. Он обиделся на американцев. Не за то, что они решили избавить мир от Саддама Хусейна. Совершенно очевидно, что в отличие от большинства российских политиков Путин не питает ни малейшей симпатии к ближневосточным диктаторам и даже не пытается это скрыть. Владимир Владимирович был глубоко разочарован тем, что Буш и его советники, начав иракскую войну, пренебрегли его мнением и его личными политическими интересами, поставили в трудное положение.

С этого момента началось изменение внешней политики России.

Когда Путин сменил Ельцина в Кремле, американским президентом был еще Билл Клинтон, возможно, самый прорусски настроенный политик в Соединенных Штатах. Он считал одной из ключевых задач своего президентства помогать новой России.

Государственный секретарь Мадлен Олбрайт первой встретила с Путиным в Москве в январе 2000 года. По ее словам, Путин беседу вел с холодной настойчивостью, но стал горячиться, едва разговор зашел о Чечне. Олбрайт заметила, что в долгосрочной перспективе ничего не решить одними только силовыми методами. Поинтересовалась у российского президента:

— Вы готовы искать политическое решение?

Путин ответил, что в Чечне не с кем вести переговоры, законных лидеров нет, только разбойники и убийцы.

Мадлен Олбрайт с интересом присматривалась к новому российскому политику. Ей показалось, что Путин не только моложе, но и современнее в своих взглядах, чем Ельцин и Примаков. Олбрайт прямо спросила нового руководителя России о его политических убеждениях.

— Я люблю китайскую кухню, — ответил Путин, — забавно есть палочками. Я долгое время занимался дзюдо, но это все просто экзотика. Это не наш менталитет. Российский склад ума куда более близок к европейскому. Россия обязательно должна быть частью Запада.

Олбрайт эти слова понравились. Но она записала, что за патриотизмом и прагматизмом Путина трудно рассмотреть демократические убеждения.

Он даже на словах не дорожил свободой средств массовой информации...

В июне 2000 года Билл Клинтон приехал в Москву. Путин, принимая гостей, обратил внимание на очередную брошь Олбрайт. На сей раз это было изображение трех обезьянок — одна закрыла глаза, другая уши, третья зажала себе рот, словом, наглядный символ древнего правила: не вижу, не слышу и ничего не хочу говорить.

Олбрайт иронически заметила:

— Я надела эту брошь, чтобы не забыть поговорить с вами о Чечне.

По словам первого заместителя госсекретаря Строуба Тэлботта, как только речь заходила о Чечне, глаза Путина сужались и тон становился жестче. Он говорил о террористах, с которыми можно только сражаться, и отвергал сообщения о «мнимых зверствах российской армии». Трехдневные переговоры с Путиным, констатировали американцы, ни к чему не привели. Путин внимательно и невозмутимо слушал Клинтона, но не более того. Тэлботт подсчитал, что Путин произнес около двухсот слов, но сводились они к одному: нет.

Владимир Владимирович считал (или ему внушили), что незачем договариваться с президентом Клинтонем, который заканчивает свой срок. Он готовился к диалогу уже с новым хозяином Белого дома.

Путин с удовольствием продемонстрировал гостям свои кремлевские апартаменты — библиотеку с бюстом Пушкина, личную часовню, спортзал с тренажером и кушеткой для массажа. Проходя по коридору, показал темную комнату и небрежно пояснил:

— Это медпункт предыдущего обитателя.

Клинтон сразу же заметил, что намерен навестить Бориса Ельцина, и поинтересовался, остался ли тот на прежней даче.

— Да, — сказал Путин, — я разрешил ему там остаться.

Расстроенный беседой Клинтон в сопровождении неизменного Строуба Тэлботта поехал к пенсионеру Ельцину на дачу в Горки-9. Борис Николаевич с удовольствием говорил о своем преемнике:

— Путин — молод, и это сильный человек.

Клинтон осторожно заметил:

— Борис, вы настоящий демократ и настоящий реформист. Вы — природный демократ. Но я не уверен, что это есть у Путина. Я просто не знаю. Может, да, может, нет. Вам надо приглядывать за ним и использовать свое влияние, чтобы двигать его в правильном направлении. Вы нужны Путину. Вы нужны России. Вы изменили свою страну. России повезло с вами. И всему миру повезло.

— Спасибо, Билл, — ответил растроганный Ельцин. — Я тебя понял.

После встречи с Ельциным американский президент сказал Тэлботту:

— Наверное, мы виделись с ним в последний раз. Нам будет его не хватать.

Когда американцы избрали республиканца Джорджа Буша-младшего, отношения между Москвой и Вашингтоном заморозились. Команда Буша не смотрела на мир через призму американо-российских отношений и не притворялась, будто Россия важнее для Америки, чем это есть на самом деле. Первые пять месяцев своего президентства Буш отказывался от предложения Путина встретиться. В новой администрации не стеснялись в выражениях. Первый заместитель министра обороны Пол Вулфовиц очень жестко выразился по поводу продажи российского оружия и ядерной технологии Ирану:

— Похоже, эти люди готовы за деньги продавать что угодно и кому угодно. На память приходит фраза Ленина о том, что если предложить хорошую цену, капиталисты продадут и саму веревку, на которой их же и повесят...

Но все изменилось 11 сентября 2001 года.

Президент России был первым иностранным лидером, который позвонил Джорджу Бушу в самолет, чтобы произнести слова поддержки и сочувствия. Путин сказал Бушу, что ему известно о переводе американских вооруженных сил в состояние полной боевой готовности. В таких случаях Москва всегда отдавала аналогичный приказ — обычная мера предосторожности. 11 сентября Путин распорядился не предпринимать ответных действий и не создавать американцам лишних проблем.

— В этот момент, — скажет потом Буш, — он ясно дал мне понять, что холодная война действительно закончилась.

На следующий день Путин вновь позвонил американскому президенту, который уже вернулся в Белый дом, и сообщил, что объявил в России траур в связи с трагическими последствиями террористических актов в Соединенных Штатах Америки. Это был умелый шаг, изменивший отношение новой американской администрации к России. Соединенные Штаты, травмированные внезапным осознанием собственной уязвимости, с благодарностью приняли предложение Путина о партнерстве. Россия вмиг превратилась в необходимого американцам союзника. Даже о Чечне стали говорить меньше.

Путин поддержал американскую операцию в Афганистане против талибов и террористов Осамы бен Ладена, не возражал против появления американских военных в бывших республиках Советского Союза. Возможно, он лишь смирился с неизбежностью, но выглядело это как

дружеский шаг. В начале октября передовые подразделения 10-й горно-стрелковой дивизии армии Соединенных Штатов прибыли в Узбекистан.

3 октября Путин прилетел в Брюссель и встретился с генеральным секретарем НАТО Джорджем Робертсоном. Он значительно мягче выразился о расширении Североатлантического блока, чем Ельцин.

В середине ноября Джордж Буш пригласил Путина к себе на ранчо для неформального разговора. Буш объяснил журналистам:

— Хорошая дипломатия начинается с того, что партнеры лучше узнают друг друга. Я хочу знать его ценности, а он должен понять мои.

13 декабря Буш сказал о том, что Соединенные Штаты выходят из договора о противоракетной обороне, поскольку пора отказаться от идеи взаимного гарантированного уничтожения. В прежние времена в Москве раздался бы взрыв возмущения. Договор по ПРО считался священной коровой. Военные доказывали, как опасно появление американской системы противоракетной обороны. Российский ракетный потенциал потеряет свою ценность, и Соединенные Штаты добьются военного превосходства.

Но Владимир Путин легко отнесся к словам Буша. Заявил, что Россия давно располагает эффективной системой преодоления противоракетной обороны, поэтому принятое Бушем решение не угрожает безопасности нашей страны. Путин объявил, что Россия отказывается от военно-морской базы в Камрани (на территории Вьетнама) и от разведывательного центра в Лурдесе на территории Кубы.

Базой во Вьетнаме российские моряки давно не пользовались. А вот центр в Лурдесе был передовой станцией радиоэлектронной разведки, которая прослушивала почти всю территорию Северной Америки. Отказ от разведцентра на Кубе послужил ясным сигналом Соединенным Штатам: мы не рассматриваем вас как врага.

Военные и спецслужбы не смели противоречить президенту Путину и надеялись, что это лишь тактика, временное отступление. Поколениями военные, как и все наше общество, воспитывались в уверенности, что главный враг — Соединенные Штаты, и рано или поздно с ними придется воевать. И это ярко проявилось во время войны в Ираке, когда многие люди убежденно говорили, что нас спасает от американцев только ядерное оружие. Иначе говоря, курс на партнерство с американцами Путин проводил, преодолевая молчаливое сопротивление своего аппарата, военных, военно-промышленного комплекса, силовых ведомств. Подспудно он полагал, что американцы должны это понимать, учитывать и не делать ничего, что подрывает хрупкое партнерство и его собственные

позиции внутри страны. Возможно, он даже намекал на это американцам.

Во всяком случае так делали все его предшественники, начиная с Брежнева. Леонид Ильич первым захотел иметь личные, доверительные отношения с американскими президентами. В беседах один на один он объяснял американцам, что в политбюро не все хотят разрядки и сокращения вооружений, поэтому американцы должны быть с ним уступчивее. И Горбачев втолковывал Джорджу Бушу-старшему, что своей политикой тот не должен подрывать процесс перестройки. И Ельцин это повторял Клинтону, когда требовал, чтобы НАТО не расширялось, и чтобы Югославию не бомбили.

Иначе говоря, все советские, а затем и российские политики откровенничали с американцами:

— Делайте то, что мы говорим, иначе будете иметь дело с людьми, которые вам совсем не понравятся.

Кто-то из американцев поддавался на это. Например, Билл Клинтон. Он внял Ельцину и Козыреву и оттянул расширение НАТО на несколько лет, чтобы спасти президента России от дополнительных нападков со стороны оппозиции. Но в целом у американских политиков и дипломатов совершенно другая логика. Российские внутривластные баталии американцев не очень интересуют.

— Если партнерство с Америкой соответствует интересам России, если вам это нужно, — говорят они российским политикам, — то почему мы должны идти на какие-то дополнительные уступки? Вы же себе делаете хорошо, а не нам.

Президент Путин, видимо, рассчитывал, что американцы примут во внимание его просьбу воздержаться от военных действий против Ирака. И ошибся, не понимая мотивов американских политиков. И обиделся. Владимир Владимирович человек самолюбивый, поэтому особенно ранимый. Поддавшись своим чувствам, он зашел значительно дальше в попытке остановить военную операцию в Ираке, чем собирался. И чем следовало бы. Когда Путин пригрозил применить право вето в Совете Безопасности, он сам исключил и Россию, и Организацию Объединенных Наций из дальнейшей игры. Хуже того, Саддам воспринял это как выражение поддержки.

Зато внутри России новый курс Путина оказался созвучен сильнейшим антиамериканским настроениям. Антиамериканизм искусственно поддерживается в нашем обществе, хотя он губителен, потому что мешает видеть реальную картину мира и заставляет делать непростительные ошибки во внешней политике, отвлекая от главной

задачи — подъема экономики. Устранение Саддама никак не повредило России. Соединенные Штаты нуждались всего лишь в политической поддержке, которую сами неизменно оказывали России. Готовность России наложить вето на резолюцию США по Ираку произвела сильное впечатление на американцев. Они задумались, а можно ли верить Москве? В Соединенных Штатах были потрясены накалом антиамериканских настроений в России, откровенным злорадством по поводу каждой неудачи войск коалиции и поддержкой Саддама Хусейна, очевидного преступника.

Юбилей родного города Путина оказался удачнейшим поводом организовать встречу двух президентов. 1 июня 2003 года в Санкт-Петербурге Буш-младший и Путин встретились — впервые после иракской войны. Российский президент показал гостю реставрированный Константиновский дворец, после чего начались переговоры. Президенты в окружении ближайших помощников беседовали всего час. Поскольку половина времени уходит на перевод, то разговор был весьма короткий. Эта встреча должна была показать всему миру, что под периодом споров из-за Ирака подведена черта.

Выйдя к журналистам, Владимир Путин не без удовольствия произнес:

— У нас много совпадающих точек зрения. Именно это позволяет мне называть президента Буша своим другом, а ему называть своим другом меня, а не только тот факт, что он мне сам лично нравится. Хотя и это соответствует действительности, мне нравится его семья.

Джордж Буш был столь же любезен:

— Друзья иногда могут ссориться, но быстро преодолевают разногласия и восстанавливают отношения.

В реальности отношения между двумя странами продолжали ухудшаться. Владимир Владимирович сильно разочаровался, пытаясь дружить с американцами по своим правилам. К сожалению, его команда не объяснила президенту, что у американцев правила другие.

Когда наш известный дипломат Юлий Воронцов в январе 1999 года завершал свой срок в качестве посла в Вашингтоне, американские дипломаты устроили ему прощальный ужин. И за десертом заговорили о том, что Россия напрасно поддерживает Саддама Хусейна и Слободана Милошевича.

Воронцов не выдержал.

— Я всю свою профессиональную жизнь, — сказал он, — занимаюсь отношениями с Соединенными Штатами. Я должен сказать, что значительно проще быть вам врагом, чем другом. В качестве ваших друзей

мы вынуждены слышать ваши требования, что мы должны дружить с девушками, которые вам нравятся, и ненавидеть мальчиков, которых вы ненавидите...

Раздражение посла Воронцова можно понять. Путин обиделся на то же самое. Это неприятно, когда тебе постоянно указывают, с кем тебе следует дружить, а кого лучше обходить стороной... Но, с другой стороны, какая нашей стране польза от дружбы с такими негодьями, как Саддам Хусейн?

Ненависть к Америке, воспитанная советской пропагандой, укоренилась в сердцах и умах российских граждан. Многие ненавидят Соединенные Штаты, хотя эта страна несколько не виновата в несчастьях, постигших Россию в XX столетии. Современные политики охотно подогревают эти чувства, понимая, как легко увлечь за собой такими лозунгами. Причем антиамериканские чувства просыпаются по любому поводу. Наши люди по-прежнему рисуют себе весьма своеобразную картину мира, в центре которой наша страна — оплот добра и справедливости, а другой полюс-это враждебная всему хорошему Америка. И все, кто против Америки, наши друзья.

Сосредоточенность Вашингтона на свободе и демократии столкнулась с новой политикой руководства России, которую можно обозначить одним словом — реставрация. Никаких шагов навстречу Западу, восстановление позиций на территории бывшего Советского Союза. Путин и его команда искренне верили, что в Вашингтоне на многое закроют глаза в знак благодарности за то, что они сделали для американцев. Путин закрыл военные базы на Кубе и во Вьетнаме, согласился на выход Соединенных Штатов из договора по противоракетной обороне, не возражал против размещения американских войск в Средней Азии и поделился разведывательными данными по Афганистану. А что в ответ?

Готовность президента Путина помогать Бушу в борьбе против терроризма не создала российской власти иммунитета от критики.

Столкнулись два подхода. По мнению российской власти, угроза терроризма настолько велика, что борьба с ним важнее всего на свете, ради этого можно отказаться от гражданских прав и отступить от принципов демократии. Американцы видят ситуацию иначе: именно развитая демократия позволяет обеспечивать и высокий уровень жизни, и эффективную борьбу с терроризмом. Американцев, скажем, невозможно убедить в том, что назначать губернаторов полезнее, чем их выбирать. Или что телевидение должно быть государственным.

Российские руководители были крайне недовольны тем, как

американские политики реагируют на политику Путина. Особенно не нравилось то, что все оценки даются публично. В Кремле считали, что американцы у них в долгу и должны помалкивать.

Для рыбалки время еще не пришло

Министр Иванов был одним из немногих российских политиков с безукоризненной репутацией. Опрос общественного мнения, проведенный в октябре 2000 года, показал, что 36 % относятся к министру иностранных дел хорошо, 23 % — безразлично и только 3 % негативно. Опрошенные высоко оценили такие качества Иванова, как профессионализм, компетентность, работоспособность, употреблялись такие выражения: «специалист высокого класса», «всегда в нужном месте в нужное время», «трудоголик».

Он — один из немногих политиков, удостоившихся похвалы за грамотную речь: «великолепная русская речь», «говорит хорошо без бумаги», «контактный», «умеет с людьми говорить». Люди отметили, что Иванов — спокойный, волевой, честный, тактичный, воспитанный («человек устойчивый», «спокойный, без резких шагов», «настойчив, умеет добиваться поставленной цели», «добропорядочный человек, нет за ним темных дел, у него в глазах честность», «порядочный, справедливый», «корректен», «хорошие манеры», «абсолютная терпимость»).

В декабре 2002 года Министерство иностранных дел устроило в особняке на Спиридоновке необычный прием для журналистов, формально посвященный 200-летию МИД. Эта встреча запомнилась сюрпризами и забавными шутками — вроде появления манекена самого министра, который непринужденно отвечал на вопросы. Игорь Иванов демонстрировал свойственные ему доброжелательность и открытость.

Но не состоит ли современная дипломатия из цепи постоянных разочарований? Едва один конфликт погасишь, два других вспыхнут.

— Напротив, — улыбался Игорь Иванов. — Сейчас простор для дипломатии необыкновенный. Настолько богата площадка, на которой можно проявить свое дипломатическое искусство, что мы получаем глубокое удовлетворение, кураж. Другое дело, что оценить успех в дипломатии иногда могут всегонесколько человек. Малоктознает, чегомыдобиваемся...

Человека его профессии неприятности подстерегают на каждом шагу. Но Иванов держит себя в руках и умудряется сохранять хорошее настроение. Он вообще производит впечатление мажорного человека, постоянно сохраняющего оптимизм и позитивный заряд. Это наследственное или результат самовоспитания?

— Надо себя контролировать, сдерживать. Я стараюсь всегда быть таким, каким вы меня видите.

Министр может все-таки в момент острого кризиса, когда все на нервах, накричать на подчиненных, бросить им в лицо плохо написанную бумагу?

— Этого делать нельзя, — ответил мне Иванов. — Другое дело, что я могу высказываться очень эмоционально. Но те, кто со мной работает, знают, что я говорю так, потому что переживаю.

Неужели министр не испытывает то, что так знакомо многим из нас: утром просыпаешься — и не хочется идти на работу, потому что опять придется заниматься проблемой, которую нельзя решить?

— Не хочешь заниматься этой проблемой, займись другой. Их так много. Раньше проблем было меньше. Теперь каждое утро хватаешься за голову: с чего начать?..

И Игорь Иванов — в коротком перерыве между переговорами, выступлениями и заседаниями — не мечтает о том, чтобы забыть обо всем этом, отключить телефоны, забраться в глушь и порыбачить?

— Ну, я еще не пришел в такое состояние, когда хочется уехать и забыться. Я живу работой. Даже в отпуске постоянно звоню в Москву: как дела, что происходит? Это естественно. Врач же не может забыть о своих пациентах. Если почувствую охоту к рыбалке, значит, приходит конец карьере, надо уходить...

Уход в Совет безопасности

Широкой публике так и осталось неизвестно, почему весной 2004 года президент Путин решил сменить министра иностранных дел. Предложение Путина занять кресло секретаря Совета безопасности оказалось для Игоря Сергеевича неожиданностью.

Претензий Игорю Сергеевичу Иванову, высокопрофессиональному и уважаемому дипломату, никто не высказывал. Хотя многие давно задавались вопросом: почему Путин, став президентом, сразу же его не заменил, как он убрал из Службы внешней разведки Вячеслава Трубникова, который тоже считался человеком Примакова?

Предположения строились разные. Например, такие.

Игорь Иванов — специалист по европейским делам, испанист по образованию. Поначалу Путин старался сблизиться с европейскими лидерами — канцлером Германии Герхардом Шредером и британским премьер-министром Тони Блэром. Потом Путин сделал ставку на особые отношения с президентом Соединенных Штатов. Может быть, Сергей Лавров, который больше половины дипломатической жизни проработал в Америке, представлялся самым подходящим человеком для проведения такой политики?

Или все-таки Игорь Иванов так и не стал своим для команды Путина, поэтому в конце концов и пришлось ему уйти из высотного здания на Смоленской площади?.. В Кремле вдруг вспомнили, что самого Иванова примеривали на высший пост?

В 1999 году, собираясь уходить, Борис Николаевич подбирал себе в преемники людей определенного склада: офицер Бордюжа, офицер Степашин, офицер Путин. В какой-то момент в списке мелькнуло имя министра иностранных дел Игоря Иванова. Он из военной семьи, окончил суворовское училище, сохранил офицерскую выправку... В феврале 1999 года Ельцин предложил Иванову стать премьер-министром с президентской перспективой? Игорь Сергеевич категорически отказался возглавить правительство и не захотел отречься от Примакова.

Скорее всего эта деталь его политической биографии особого значения не имела. Игорь Иванов сохранил пост министра иностранных дел при Путине, потому что вполне соответствовал внешнеполитическому курсу начала двухтысячных годов. Иванов умело и осторожно налаживал партнерские отношения с ключевыми западными странами.

Судя по всему, Игорь Сергеевич Иванов занимал кабинет в высотном здании на Смоленской площади, пока не изменилась внешнеполитическая линия страны. Главной заботой российского руководства стало падение влияния в бывших советских республиках, причем казалось, что главная причина — активное проникновение сюда американцев и вообще Запада.

Роли Иванова американская газета «Лос-Анджелес таймс» посвятила целую статью, назвав министра Терминатором российской внешней политики.

«Если вы один из бывших советских лидеров, которые отсиживаются на своих виллах и тревожно прислушиваются к ветрам демократии, дуящим снаружи, то для вас вряд ли могут быть вещи хуже, чем стук в дверь министра иностранных дел России Игоря Иванова.

В дверь к бывшему президенту Югославии Слободану Милошевичу Иванов постучался 6 октября 2000 года. Через считанные часы диктатор сдался оппозиции.

Эдуард Шеварднадзе услышал стук 23 ноября — через пару часов он смирился с неизбежным и покинул свой пост.

Затем тень Иванова появилась на пороге дома главы Аджарии Абашидзе, который угрожал, что никогда не прекратит борьбу с новыми грузинскими властями. Этой же ночью он вылетел в Москву на самолете Иванова. Он подливал Абашидзе виски и говорил то, что Россия обычно говорит давним союзникам, сотрудничество с которыми стало непрактичным. Нет, даже не непрактичным, а невозможным.

Роль Иванова как Терминатора российской дипломатии подчеркивает важное изменение, которое претерпела российская внешняя политика за последние десять лет: она больше не пытается влиять на судьбы мира, а концентрируется на собственных национальных интересах».

Иностранные журналисты, возможно, переоценивали значение российского министра иностранных дел. Более внимательные наблюдатели отмечали, что МИД утратил возможность влиять на определение внешней политики страны. Министерство по существу оттеснили от важнейших проблем на постсоветском пространстве. Курс в отношении Украины и Белоруссии, как стало ясно в момент газовых кризисов, определяли отнюдь не дипломаты.

13 февраля 2004 года в столице Катара городе Дохе взорвали джип Зелимхана Яндарбиева с помощью радиоуправляемого устройства. Яндарбиев, поэт и идеолог чеченского национального движения, стал вице-президентом у генерала Джохара Дудаева, после смерти генерала руководил Ичкерией, потом бежал из Чечни.

Катарская полиция обвинила в убийстве первого секретаря российского посольства Александра Фетисова, а также временно находившихся в стране двух российских граждан — они были прикомандированы к посольству. Фетисова, имевшего дипломатический иммунитет, срочно отправили на родину. Двух других полиция арестовала. Сразу заговорили о том, что они оба — профессионалы-подрывники одной из российских спецслужб.

Вызволял их Игорь Сергеевич Иванов сначала как министр иностранных дел, а потом уже в роли секретаря Совета безопасности. Он летал в Катар и вел беседы с наследным принцем Тамимом бен Хамадом бен Халифой аль-Тани. Обоих обвиняемых приговорили к пожизненному заключению. Иванов добился того, что уже 23 декабря 2004 года осужденных по делу об убийстве Яндарбиева доставили в Москву самолетом авиакомпании «Россия», которая обслуживает высшее руководство страны. С тех пор их никто не видел...

Скопированный с американского образца российский Совет безопасности по форме — консультативный орган. Фактически — что-то вроде современного политбюро, на заседаниях которого обсуждаются все ключевые проблемы. Члены Совета безопасности собираются по субботам в резиденции президента.

В Совете безопасности Путин попросил Иванова сосредоточиться на стратегических вопросах. Это означало отстранение от практической политики. Роль и значение секретаря Совета безопасности целиком и полностью зависит от его аппаратного веса. Когда этот пост занимал Сергей Иванов, в ту пору ближайший соратник Путина, Совбез казался важнейшим центром влияния. Когда Сергей Борисович ушел в Министерство обороны, влияние ушло вместе с ним.

Осведомленные люди уверяют, что в Совете безопасности Игорь Сергеевич не раз говорил о том, что отношения России с государствами СНГ стремительно ухудшаются, что можно потерять Украину и Грузию...

Но дипломат Игорь Иванов был чужим для военных и спецслужбистов, которые задают тон в аппарате Совета безопасности. Для Сергея Иванова Совет безопасности был ступенькой карьерной лестницы, круто ведущей вверх. Он ждал более высокого назначения. А Игоря Иванова же, напротив, очевидно отодвинули от большой политики. Игорь Сергеевич проработал на этом месте три года, пока его кресло не понадобилось для другого человека.

Летом 2007 года на секретаря Совета безопасности Игоря Иванова началась настоящая атака. Залп раздался в интернете: Иванова

представляли ставленником олигархов, сторонником антироссийски настроенных руководителей Грузии, подпольным бизнесменом и владельцем казино в Москве и Мадриде. Рассказывали, будто Шеварднадзе его продвигал, потому что у него мама грузинка. Или что Иванов готовился продать японцам Курильские острова...

Игорь Сергеевич говорил мне, что его поразил этот откровенный национализм. Повторял, что гордится мамой, которая родилась в далекой деревне, окончила институт в Москве и стала первой женщиной — начальником ГАИ одного из московских районов.

Компромат на Игоря Иванова носили по разным редакциям, предлагали за публикацию немалые деньги. Одни редакторы охотно печатали, другие брезгливо отказывались. Все эти статьи появились не сами по себе. Иванов попал в поле номенклатурной ненависти. Надо понимать, понадобилось его место. Иванов сразу сказал, что не станет цепляться за должность и уйдет спокойно. Но на всякий случай решили надавить, организовав гнусную кампанию. Такие нравы, такие люди...

В начале июля 2007 года Игорь Сергеевич подал в отставку. 14 июля в последний раз участвовал в заседании Совета безопасности. Президент Путин поблагодарил его за работу. 18 июля Владимир Владимирович подписал указ об освобождении Иванова от должности. В его кресло пересел многолетний директор Федеральной службы безопасности Николай Платонович Патрушев.

Игорь Иванов занялся консультативной деятельностью, читал лекции в МГИМО. Своим представлениям о принципах внешней политики он не изменил. Осенью 2010 года газета «Коммерсант» поместила статью бывшего министра иностранных дел:

«В современной истории Россия и НАТО дважды делали важные шаги навстречу друг другу. В 1997 году они подписали основополагающий акт о взаимных отношениях, а в 2002 году приняли Римскую декларацию, утвердившую Совет Россия-НАТО.

Судьба распорядилась так, что я имел непосредственное отношение к подготовке этих документов и присутствовал при их подписании на высшем уровне. Первый документ подписал Борис Ельцин, второй — Владимир Путин. В отличие от некоторых скептиков, я продолжаю считать, что сделанный тогда выбор был правильным».

Сергей Викторович Лавров

Повторение пройденного

В правительстве Сергей Лавров, пожалуй, единственный, кто не принадлежит ни к какому клану или чьей-то команде. Последние десять лет перед назначением министром иностранных дел он вообще проработал за границей очень далеко от Москвы. Возможно, для Путина это был еще один аргумент в пользу Лаврова — нужен был человек без собственных политических амбиций, который будет высокопрофессионально и надежно осуществлять внешнеполитическую линию Кремля.

В отличие от своего предшественника Сергей Викторович не часто улыбается на публике и выглядит мрачноватым или очень напряженным. Резкий тон и нежелание перемежать серьезные пассажи с шутками, разряжающими атмосферу, создают ему репутацию жесткого чиновника. Но это вовсе не отражает его личных взглядов и отношения к политике и людям. Видимо, он считает, что ситуация в стране и в мире не располагает к шуткам и улыбкам. Кажется, впрочем, что в нынешнем российском правительстве никто не улыбается.

А в жизни министр иностранных дел Сергей Лавров вовсе не таков, каким он выглядит на экране телевизора. Друзья, однокурсники и коллеги знают совсем другого человека — веселого, доброжелательного и компанейского, бывшего бригадира студенческого стройотряда, хранящего верность друзьям, любителя игры на гитаре, капустников и экстремальных видов спорта. Лаврова называют умницей и весьма достойным человеком, влюбленным в свою работу. Вокруг него — это большая редкость в аппарате — никогда не было интриг и кривотолков.

На первой же пресс-конференции в Москве после утверждения министром иностранных дел Сергей Лавров обещал:

— Мы будем стремиться гарантировать национальные интересы России, не скатываясь к агрессивным методам или конфронтации.

У меня была возможность вскоре после его назначения поговорить с Лавровым в неформальной обстановке — в самолете, на котором министр отправлялся на переговоры.

Я спросил:

— Что вам сказал президент при первой встрече: «Я хочу, чтобы отныне внешняя политика была другой?» Какой?

— Такие слова не произносились, — ответил Лавров. — Президент жelaет преемственности в нашей внешней политике.

Тем не менее внешняя политика Владимира Путина сильно изменилась после думских выборов 2003 года и президентских 2004 года. Начиная президент как трезвый прагматик — с выражения солидарности с Соединенными Штатами после страшных терактов 11 сентября 2001 года, согласия на американские базы в Центральной Азии и официального заявления: «Россия категорически не заинтересована в поражении США в Ираке».

Британский премьер-министр Тони Блэр всячески помогал Путину войти в сообщество мировых лидеров. Разговаривая по-немецки, Владимир Владимирович обнаружил надежного партнера в канцлере ФРГ Герхарде Шредере. Постарался найти общий язык и с президентом Джорджем Бушем.

Но Соединенные Штаты разочаровали Путина, не согласившись считать всю территорию бывшего Советского Союза сферой жизненных интересов России. Переломным был 2004 год. Расширение НАТО, трагедия в Беслане, «оранжевая революция» на Украине... Стратегическое партнерство с Западом было признано ненужным. Россия самодостаточна и могущественна.

Сказалось и другое. В 2001 году Владимир Путин был молодым президентом. Ему хотелось занять заметное место в кругу руководителей мировых держав, льстила возможность быть с ними на равных. Через несколько лет его жизнеощущение изменилось. Резко поменялись тональность и содержание внешней политики. И в очередном послании Федеральному Собранию президент Путин раздраженно высказался относительно «товарища Волка», который делает, что хочет, имея в виду Соединенные Штаты... Политика изменилась, понадобился новый министр.

Министерство Лаврова началось с бравурной ноты. 23 марта 2004 года Путин подписал указ о присвоении Сергею Викторовичу почетного звания «Заслуженный работник дипломатической службы». Наверное, указ готовился раньше, но получилось, что выпустили его сразу после назначения Лаврова министром.

Автор гимна

Сергей Викторович Лавров родился 21 марта 1950 года в Москве. В школе увлекался точными науками, собирался подавать документы в Московский инженерно-физический институт. Но мама, трудившаяся в министерстве внешней торговли, уговорила поступать в Институт международных отношений. К тому же экзамены в МГИМО сдавали раньше, чем в другие институты — в июле, а не в августе, так что в случае неудачи оставалась возможность поступить в другой институт. Так почему бы не попробовать?

Лавров окончил школу с серебряной медалью, ему надо было сдать только два экзамена. Он получил две пятерки и был принят. Первокурсников в порядке трудового воспитания будущих дипломатов тут же отправили строить Останкинскую телебашню. Все студенческие годы Лавров — неперемный участник институтских стройотрядов, в которых проводил летние каникулы. Что для других было тяжкой обязанностью, от которой не открутишься, ему доставляло удовольствие.

Лавров играет на гитаре, пишет песни и стихи. Увлекается футболом (в Нью-Йорке играл за команду российской миссии при ООН, теперь по воскресеньям — за команду правительства) и рафтингом — спускается по горным рекам на плоту. А еще любит горные лыжи и подводную рыбалку. Собирает холодное оружие.

В декабре 2005 года Лавров давал интервью «Известиям». Ему задали личный вопрос:

— Российские женщины отмечают, что вы изумительно выглядите. Даже после долгого перелета выходите из самолета, как будто только что из фитнес-центра. В чем причина: гламур, кутюр или просто жизненный азарт?

— Это просто фитнес на борту самолета.

— Ой, не обманывайте, нет там никакого фитнеса!

— Ну, правда, не знаю. Я люблю спорт, занимаюсь спортом. Регулярно играю в футбол. Ну и конечно, как завещал Высоцкий, утренняя гимнастика.

Нынешний министр — автор гимна МГИМО, кузницы дипломатических кадров. Гимн написал в 1999 году, вернувшись с Алтая, где сплавлялся на плотах:

Впервые здесь у нас пробились голоса,
Впервые здесь задумались о главном.
Менял МГИМО названья, менял и адреса,
Но не менял своих традиций славных:
Учиться — так взахлеб, а пить — так до конца,
Не падать и идти упрямо к цели.
Рассыпаны по миру горячие сердца,
Надежные и в деле, и в веселье.
Это наш институт, это наше клеймо,
И другого вовеки не нужно.
Оставайся всегда, несравненный МГИМО,
Бастионом студенческой дружбы.
Он нам помог себя на прочность испытать
И славой, и бедою, и богатством.
Он научил нас, как от жизни не устать,
И сохранить студенческое братство.
Куда бы нас ни бросило по миру — мы всегда
В любой стране и на любых маршрутах
Уверены — нам светит путеводная звезда
Над сводами родного Института...

Сергей Лавров женился на третьем курсе. Дочь Екатерина практически выросла в Соединенных Штатах, закончила Колумбийский университет, вышла замуж за успешного бизнесмена, родила двоих детей.

В 1972 году Лавров окончил МГИМО, в дипломе записано — «референт по странам Востока», в институте учил сингальский язык. Язык, прямо скажем, незавидный. Зато сразу поехал за границу. Дипломатическая карьера Лаврова начиналась с должности стажера в посольстве на острове Цейлон (ныне Шри-Ланка). Он стал переводчиком посла и его помощником. Послом был Рафик Нишанович Нишанов, недавний секретарь ЦК компартии Узбекистана (в перестроечные годы он станет известен всей стране в заметной тогда должности председателя Совета Национальностей Верховного Совета СССР).

Из стажеров Лаврова произвели в атташе. Природа и нравы на острове экзотические, но для дипломата это не самое интересное место. Один из ветеранов советской разведки в генеральском чине рассказал мне, что заскучавший на острове молодой дипломат даже подумывал, не перейти ли ему в разведку. Но сами же разведчики отсоветовали. Когда Лавров стал министром иностранных дел, генерал с мрачной иронией заметил:

— Правильно сделал, что к нам не пошел. Наши бы его загубили.

Хотя еще один молодой дипломат-востоковед, тоже выпускник МГИМО, Леонид Владимирович Шебаршин, заскучавший поначалу в Министерстве иностранных дел, перешел в разведку и через четверть века возглавил ее. А другой руководитель разведки, Евгений Максимович Примаков, напротив, со временем стал министром иностранных дел, но, похоже, крепко скучал по разведке.

«Сергей Викторович Лавров сразу после института четыре года проработал в Шри-Ланке моим референтом и переводчиком, — вспоминал посол Нишанов. — Лавров приехал с женой — Машей. Помимо референтских обязанностей возглавлял группу экономического анализа Шри-Ланки. В молодости он был длинным, худым, кучерявым. Сочинял песни, придумывал забавные капустники. Апофеозом новогоднего вечера стало появление на сцене рослого Сергея Лаврова с двумя дипломатами и апээновцем в балетных пачках. Сколько мне ни доводилось видеть «Танец маленьких лебедей» в пародийном мужском исполнении, так я никогда не хохотал.

Лаврова я отпустил со Шри-Ланки на год раньше положенного срока. В МИД освободилось место атташе в отделе международных организаций. Я отнесся с пониманием. Похлопал его по плечу: «Тебе надо расти. Поезжай!»

Лавров пять лет провел в центральном аппарате министерства, неторопливо поднимаясь по миловской иерархической лестнице — атташе, третий секретарь, второй секретарь... А в 1981 году Лавров получил назначение в Нью-Йорк в советское постпредство при ООН. Это одна из самых престижных дипломатических точек. Кадровое решение оказалось точным — Лавров создан для такой работы. В Нью-Йорке он провел вдвое больше обычного срока — семь лет и дважды повышался в должности: приехал первым секретарем, уехал старшим советником.

Уезжал Лавров в Нью-Йорк при Громыко, а вернулся при Шеварднадзе. Его пригласил к себе замом Зрнест Евгеньевич Обминский, начальник управления международных экономических связей. Он имел возможность оценить деловые качества Лаврова.

«Когда я работал в Бангкоке, — вспоминал Обминский, — он прилетел еще с одним дипломатом, чтобы помочь мне. Но вечером они оба пропали. Оказалось, что до утра гуляли на дне рождения одного коллеги и были не в состоянии явиться ко мне в назначенный срок. Я был вне себя, так как уже следующим вечером прибывала делегация во главе с заместителем министра Н.П. Фирюбиным. Визита такого уровня мы в

Бангкоке еще не достаивались, и, конечно, хотелось сделать все по высшему разряду. Утром, часам к двенадцати, — оба московских легионера появились у меня в кабинете. Я сорвался и грозил им всеми карами, на что Лавров сказал:

— Эрнест Евгеньевич, не волнуйтесь вы так. Мы сейчас все сделаем... И сделали! Через час весь материал был готов в лучшем виде».

Лаврова ценили не только за его умение работать.

«Сергей обладал разносторонними талантами, — пишет Обминский, — сочинял капустники и сам ставил их у нас на сцене. Вспоминал, как он спародировал «Евгения Онегина», поставив настоящий водевиль. В конце дуэль Онегина и Ленского не состоялась, герои весело танцевали, а комментарий был таков:

Удачный выдался конец.

Я думал — всем «невыездец!».

По-английски он говорил не хуже любого американца, но что особенно поражало — это умение вчитываться в самый сложный документ и анализировать его вплоть до самых незаметных «мелочей».

Своей атлетической фигурой и, я бы сказал, дендизмом он нравился самым капризным женщинам и умел с ними обращаться. Не удивительно, что с приходом Лаврова наше управление приобрело еще больший вес в МИД».

Чтобы потом ни говорили про Эдуарда Амвросиевича Шеварднадзе, умных и талантливых людей он замечал и продвигал: в сорок лет Лавров стал в МИДе начальником управления международных отношений. Тектонические изменения в стране — крушение социалистического строя и распад Советского Союза — не повредили его карьере.

Андрей Козырев доверил ему такой же департамент в Министерстве иностранных дел России. А в апреле 1992 года произвел Лаврова в заместители министра. Он курировал департамент международных организаций и международного экономического сотрудничества, управление по правам человека и международного культурного сотрудничества, департамент по делам государств СНГ. Среди прочего занимался положением русских, оставшихся за пределами России.

Но меньше чем через два года Лавров с удовольствием расстался с креслом замминистра и в январе 1994 года вновь уехал в хорошо знакомый ему Нью-Йорк постоянным представителем в ООН, где сменил ветерана отечественной дипломатии Юлия Воронцова.

«Вечерняя дойка»

Тяжкая работа. Заседания Совета Безопасности заканчиваются в пять-шесть вечера. Иногда дискуссии затягиваются, хотя этому противится секретариат ООН — переводчикам нужно платить за переработку в двойном размере. После заседания российские дипломаты спешат в представительство, чтобы составить отчет для Москвы, где из-за большой разницы во времени — целых восемь часов — уже давно спят.

— Я это называю вечерней дойкой, — сказал мне остроумный Андрей Иванович Денисов, китаист по профессии, сменивший Лаврова в Нью-Йорке.

Когда в Москве сотрудники Министерства иностранных дел приходят утром на работу, телеграммы из Нью-Йорка уже получены и расшифрованы. Пока в Нью-Йорке спят, в Москве работают. Когда дипломаты в Нью-Йорке просыпаются и приходят в постпредство, готовы ответы и инструкции из Москвы.

Здание российского постпредства находится неподалеку от ООН. Перекресток назван в честь академика Андрея Сахарова и его жены Елены Боннер. Эти таблички напоминают о тех временах, когда американцы воспринимали нашу страну как «империю зла» и отцы города не упустили случая выразить свое отношение к советскому режиму.

Рядом с ООН еще есть таблички в честь шведского дипломата Рауля Валенберга, погибшего на Лубянке, и советского физика Анатолия Щаранского, который хотел уехать в Израиль, а вместо этого оказался в лагере. Напротив российского постпредства расположена пожарная часть, где, кажется, никогда не спят, да еще популярная в городе синагога, которую часто посещают прихожане. Такое соседство вряд ли вызывало восторг у советских дипломатов.

После назначения Лаврова министром на первом этаже постпредства повесили портреты всех, кто был представителем при ООН. Это крупные дипломаты, ставшие как минимум заместителями министра.

Первым был Андрей Громыко. Историки подсчитали, что в конце сороковых Громыко больше двадцати раз использовал право вето, данное постоянным членам Совета Безопасности, поэтому его и стали именовать «Господин «Нет». Россия и сегодня как постоянный член Совета Безопасности может блокировать любое решение, наложив вето на резолюцию, которая ей не нравится.

— Призрак вето витает в зале заседаний, — говорил мне тогда Андрей Денисов. — Но им, скорее, угрожают, а не пользуются.

Задача современного дипломата состоит не в умении сломать собеседника, а в том, чтобы убедить его в своей правоте, найти аргументы в поддержку своей позиции, перетянуть коллегу на свою сторону. Надо быть обаятельным, но очень аккуратным и точным в словах и выражениях.

— Чем выше по рангу дипломат, — считает Денисов, — тем меньше у него возможностей для маневра.

Вскоре Лавров забрал Андрея Денисова в Москву и сделал своим первым заместителем в министерстве.

При Лаврове в российском постпредстве произошла крайне неприятная для него история. Первый секретарь постпредства Сергей Михайлович Третьяков в октябре 2000 года попросил у американцев убежища. Первый секретарь был не дипломатом, а сотрудником разведки, пять лет работавшим в Нью-Йорке под прикрытием. Сколько времени он тайно сотрудничал с американцами, осталось неизвестным. Полковник Третьяков был одним из заместителей резидента внешней разведки, то есть человеком осведомленным. Через несколько лет в США появилась книга «Товарищ Джей», основанная на его рассказах. В ней в крайне неблагоприятном свете фигурировали и разведчики, и дипломаты.

Такие скандальные истории обычно дурно сказываются на карьере начальника. Но Лаврову не пришлось отвечать за бегство полковника Третьякова.

Сергей Викторович Лавров — человек ироничный, умеет и любит пошутить. Острый на язык. Темпераментный. Волевой. Дипломатом считается жестким и напористым. Свободно говорит по-английски — это результат хорошего домашнего воспитания — обходится без переводчика. Вообще хорошо образован. Иностранцы знают, что с Лавровым надо быть осторожным. У него прекрасная память, он помнит многие документы, и дискутировать с ним непросто.

Всегда элегантно одетый, он запомнился коллегам по ООН с сигаретой в зубах, чашечкой крепкого кофе «эспрессо» и порцией виски. Считается, что он предпочитает шотландский виски — «Джонни Уокер» с черной этикеткой. Очень много курит, потому возражал против запрета на курение в стенах ООН. Когда в 2003 году Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан запретил курение в штаб-квартире, Лавров взорвался:

— Это здание принадлежит всем государствам — членам ООН, а генеральный секретарь всего лишь администратор!

В 1997 году Лаврову предлагали должность министра внешних

экономических связей и торговли. Он благоразумно отказался. Пост министра занял Михаил Ефимович Фрадков. А Лавров проработал в Нью-Йорке больше десяти лет. За это время в здании на Смоленской площади сменилось три министра. Все они были самого высокого мнения о Лаврове.

Друзья, характеризуя Сергея Викторовича, неизменно подчеркивают его порядочность и интеллигентность. Те, кто знает его с юности, шепотком говорят, что в советские годы он вообще придерживался прямо-таки диссидентских убеждений. Но, видимо, политическое взросление или меняет взгляды, или велит держать их при себе.

На одной вечеринке в достаточно узком кругу Сергей Лавров, провозглашая тост, вспоминал «очень трудные» для дипломатов девяностые годы, когда многое делалось совсем не так, как надо, и патетически воскликнул:

— Патриотические круги внутри министерства всегда руководствовались интересами России.

Надо полагать, себя Сергей Викторович относил к патриотическим кругам. Правда, осталось неясным, кто же был «антипатриотом» в Министерстве иностранных дел? И как именно заместитель министра Лавров им противодействовал? Обычно в проведении «антипатриотической линии» обвиняют министра Андрея Козырева. Однако же ветераны МИД, тогдашние члены коллегии министерства, помнят, что в ту пору Лавров дружил с Андреем Владимировичем, противоречий между ними не было. Напротив, Козырев охотно продвигал Сергея Викторовича по карьерной лестнице.

Наверное, опытные государственные чиновники тем и отличаются, что всегда точно чувствуют, какая политическая линия в настоящий момент является патриотической, или же изначально исходят из того, что собственные симпатии и антипатии, представления об окружающем мире службе мешать не должны. Задача чиновника, как говорили прежде, — проводить линию.

Сергей Лавров сам встречается с каждым дипломатом, который получил посольское назначение и будет представлять Россию в том или ином государстве. Причем приглашает и посла этой страны в Москве, угощает всех шампанским... Такого никогда не было. Некоторые послы (небольших государств) прежде никогда не удостоивались приема у министра иностранных дел России.

Лавров поразил коллектив тем, что сам провел встречу с аппаратом министерства — собрались все, кто мог уместиться в конференц-зале, и отвечал на все вопросы. Причем шла речь исключительно о бытовых и

материальных делах, посему привел с собой заместителя по материально-хозяйственным делам, начальника кадрового департамента, главного врача поликлиники. Сергей Викторович беседовал со своими подчиненными терпеливо, хотя вопросы были весьма непочтительными.

В основном молодые дипломаты жаловались на низкую зарплату. Она растет, но в аппарате министерства все равно недовольны. В середине июля 2008 года президент Дмитрий Анатольевич Медведев утвердил очередную концепцию внешней политики России. Встретившись с молодыми дипломатами, президент назвал два условия решения кадровых проблем:

— Первое, совершенно очевидное: у дипломатов — и у состоявшихся, маститых, и у молодых — должны быть нормальные условия труда, полностью сопоставимые с теми условиями, которые есть в других странах... Зарплата — еще не все. Еще должно быть желание заниматься государственной службой. А это желание возникает в том случае, если человек, который занимается дипломатической работой, разделяет идеологию государства.

Иначе говоря, дипломат обязан проводить линию правительства, не задумываясь над тем, правильна она или нет. Некоторые политологи отметили, что эти слова противоречили медведевской же идее деидеологизированной внешней политики.

Противостояние с Киевом

Многое в российской внешней политике изменили оранжевые революции — так именовались события на Украине, в Грузии и Киргизии, где общества, возмущившись произволом, ненасильственным путем сменили власть в своих странах. Хотя, возможно, революция — слишком сильное определение.

Скажем, события осени — зимы 2004 года на Украине прочно вошли в историю как «оранжевая революция», но серьезные исследователи называют эту формулу просто удачной метафорой. Система власти на Украине как таковая не претерпела изменений. Беспрецедентным было участие самых обычных людей в политической борьбе.

События в соседней стране вызвали в России острую реакцию. И непонятно было, что перевешивает: недовольство тем, что эти республики намерены выйти из российской сферы влияния, или страх перед тем, что и в нашей стране может произойти нечто подобное? В организации оранжевых революций обвинили США и Запад в целом, что в свою очередь привело к серьезному ухудшению внешнеполитического климата. И начались даже разговоры о новой холодной войне...

Что же произошло в Киеве?

Первый президент Украины Леонид Макарович Кравчук, бывший секретарь ЦК республиканской компартии по идеологии, проводил политику многовекторности, стараясь балансировать между Востоком и Западом, между США и Европейским Союзом, с одной стороны, Россией и СНГ, с другой.

Летом 1994 года президентом Украины был избран Леонид Данилович Кучма. Он пришел к власти под лозунгом максимального сближения с Россией. При Кучме отношения между Россией и Украиной в общем и целом вступили в период почти безоблачного развития. Впрочем, российские дипломаты все равно упрекали украинских коллег в неуступчивости и неспособности идти на компромиссы.

Киевские политики побаивались, что Россия использует СНГ для восстановления Советского Союза. Поэтому украинское руководство старалось балансировать между Европой и Россией. Президент Кучма осторожно говорил, что Украина не готова стать членом НАТО:

— Это прекрасно осознают и в Киеве, и в Брюсселе, и, думаю, в Москве.

Но в Киеве приветствовали расширение НАТО на Восток, подписали натовскую программу «Партнерство ради мира» и воздерживались от вступления в систему коллективной безопасности с Россией. Леонид Кучма отказался от идеи превратить СНГ в военный союз. Он сказал, что «не видит какой-либо глобальной угрозы, глобального вызова, глобальной агрессии, во имя отражения которой стоило бы создавать военный блок».

Президент Кучма столь же отрицательно относился к идее создания некоего союза славянских государств:

— От подобных идей веет душком этнического превосходства. Оно может привести лишь к межнациональному противостоянию.

Президент Кучма неизменно подчеркивал, что несправедливо говорить об односторонней зависимости Украины от России. Россия тоже зависит от Украины.

Украина и Россия конкурировали в борьбе за особые отношения с Западом, за получение кредитов и помощи. Тогдашнего президента США Билла Клинтона критиковали за то, что он полностью сосредоточился на оказании помощи России и забыл о таком большом европейском государстве, как Украина. Клинтон старался исправиться, демонстрировал уважение к Украине. Отношения с Россией украинские дипломаты описывали таким термином: конкурирующее партнерство.

Выиграв выборы осенью 1999 года, Леонид Данилович остался президентом Украины еще на пять лет. Его противник лидер коммунистов Петр Николаевич Симоненко предложил провести референдум об объединении России, Украины и Белоруссии. А перед вторым туром выложил своей последний козырь — обещал придать русскому языку на Украине статус государственного. И все равно проиграл. Это означало, что украинцы намерены сохранить свое независимое государство, и объединяться с Россией и Белоруссией не собираются.

В Москве Кучму называли прозападным политиком и говорили, что он приведет страну в НАТО. Леонид Данилович хотел иметь хорошие отношения и с Западом. Ставить ему это в вину нелепо. Любой президент Украины всегда будет действовать так, как выгодно Украине, а не России.

Тем не менее в Москве рассчитывали, что Кучму в президентском кресле сменит его наследник и единомышленник. Президентские выборы на Украине 2004 года стали важнейшим международным событием. Боролись два основных кандидата: от оппозиции лидер «Нашей Украины» Виктор Андреевич Ющенко, которого поддержала популярная Юлия Владимировна Тимошенко, и от партии власти — глава правительства Виктор Федорович Янукович, который, заполняя документы, «забыл»

указать прошлые судимости и допустил массу смешных орфографических ошибок...

Действующий президент Кучма поддерживал Януковича. Возможно, рассматривался такой вариант: Янукович становится президентом, но без особых полномочий, а реальная власть остается у Кучмы, который перемещается в кресло премьер-министра. Впрочем, эта идея затем развеялась, Виктор Федорович стремительно превращался в самостоятельную фигуру.

А Кучма растерял свою популярность. Его обвинили в том, что он дал указание своим спецслужбам разобраться с одним оппозиционным журналистом Георгием Руслановичем Гонгадзе, который досаждал своими статьями президентской администрации. Журналист пропал, а через три месяца в лесу под Киевом нашли обезглавленный труп. Его вдова — с большой долей вероятности опознала своего мужа.

И тут лидер оппозиционной социалистической партии Александр Александрович Мороз обнародовал запись беседы трех человек. Экспертиза подтвердила, что на пленке записаны разговоры президента Кучмы с министром внутренних дел и руководителем президентской администрации.

Это такой киевский суржик, то есть смесь русского с украинским, щедро сдобренный матом. Это разговоры о том, что поганые журналисты смеют критиковать президента, карикатуры на него печатают, неужели спецслужбы не могут с этими поганцами разобраться? Человек, чей голос похож на голос президента Кучмы, говорит примерно так: этот грузин (имеется в виду журналист Гонгадзе) совсем оборзел, подонок, надо его депортировать в Грузию или отдать чеченцам, чтобы увезли в Чечню и выкуп попросили. А голос, похожий на голос министра внутренних дел, отвечает, что мои люди за ним ходят, у меня сейчас команда боевая, орлы — что хочешь сделают.

Откуда запись? Ее сделал бывший офицер управления государственной охраны Украины майор Николай Иванович Мельниченко, который уволился и уехал за границу.

Навестить майора срочно отправилась группа депутатов, и бывший чекист рассказал, что он просто-напросто оставил в кабинете Кучмы магнитофон и записывал президентские разговоры.

Кучма сказал, что это фальшивка и что он отмечает все подозрения. Первая реакция общества: не может быть! Так президент не может разговаривать со своими министрами... Но вспомнили записи бесед, которые предавались гласности у нас в России. В 1996 году, во время

президентских выборов, когда выплыла история с коробкой из-под ксерокса с большим количеством долларов, недавний начальник службы безопасности президента генерал Коржаков опубликовал запись беседы, в которой участвовал первый помощник президента. Так это была фантастическая по откровенности беседа.

Вот на таком уровне чиновники мыслят и рассуждают, вот так разговаривают в своем кругу. Вот так и принимают решения. Увидят критическую программу по телевидению или резкую статью в газете прочитают, и начинается мат-перемат по вертушкам: заткните им глотку! Иногда затыкают.

Верховная рада несколько раз пыталась возбудить процедуру импичмента. Началась массовая акция «Украина без Кучмы». Так что страна вступила в избирательную кампанию в состоянии высокого политического возбуждения. Задолго до «оранжевой революции» тысячи людей выходили на улицы, проводили многочисленные демонстрации, разбивали палаточные городки в центре Киева.

В разгар предвыборной кампании Виктор Ющенко был отравлен. В его окружении были уверены, что это произошло во время ужина с руководителями республиканской Службы безопасности. Ющенко остался жив, но был обезображен. Эта история прибавила выборам драматизма.

Янукович же объявил, что сделает русский язык вторым государственным и введет двойное гражданство с Россией (он так и не исполнит свои обещания, став в конце концов президентом). Обращало внимание присутствие немалого числа российских политтехнологов и поп-звезд, сражавшихся на стороне Януковича.

Президент Путин приехал на Украину 27 октября 2004 года в канун первого тура голосования. Публично отметил немалые успехи премьер-министра Януковича. Это воспринималось как откровенная поддержка одного из кандидатов.

Да еще мэр Москвы Юрий Лужков съездил в Донецк и рассказал, что Украина — молодое государство. Может и на два разделиться. Или присоединиться к России... Многие украинцы, которые не собирались идти на избирательные участки или не знали, кого поддержать, проголосовали за Ющенко.

Первый тур выборов 31 октября никому не принес успеха. Ющенко и Янукович собрали почти одинаковое число голосов. 21 ноября — второй тур. Предварительные данные разнились. Одни сулили победу Ющенко, другие — Януковичу. Вечером прекратила работу компьютерная система Центральной избирательной комиссии. Подсчет голосов вручную сразу

породил предположения о манипуляциях с бюллетенями. Виктор Ющенко сразу обвинил власть в «тотальной фальсификации». Когда ЦИК объявил результаты — Янукович собрал 49,46 % голосов, Ющенко — 46,61 %. Украина взорвалась. В Киеве люди стали собираться на Майдане Независимости и на Крещатике.

Российские наблюдатели признали выборы состоявшимися. Януковича поздравили Владимир Путин (дважды — 22 ноября по результатам первых опросов и 25 ноября — уже официально) и президент Белоруссии Александр Лукашенко. Соединенные Штаты заявили, что не признают результаты выборов.

Городские Советы народных депутатов Киева, Львова, Ивано-Франковска, Тернополя, Винницы выразили недоверие Центральной избирательной комиссии, признали победителем Виктора Ющенко и сообщили, что будут исполнять только его распоряжения. К ним присоединились областные советы западной части Украины. На следующий день во многих городах начались забастовки и манифестации в пользу Ющенко. Донецк и Крым, напротив, присягнули Януковичу.

В Киеве десятки тысяч людей требовали отменить результаты выборов. Они выходили на улицы, они, может быть, впервые в жизни приняли участие в политической борьбе. Журналисты спрашивали народную артистку СССР Аду Николаевну Роговцеву:

— Вы были активной участницей «оранжевой революции»?

— Нельзя не быть с народом в унисон. А тогда у нас было одно дыхание и одна надежда.

— Вы не разочаровались?

— Когда весь народ, вся интеллигенция, все мыслящие люди вдруг получили такой шанс стать людьми — они попытались ими стать. И я была в их числе. О чем жалеть?

25 ноября произошло одно из самых ярких событий. В программе новостей государственного общенационального телеканала УТ-1 сурдопереводчица вместо пересказа официальной информации о победе Януковича сказала глухонемым жителям Украины:

— Результаты, сообщенные ЦИКом, сфальсифицированы. Не верьте. Наш президент — Ющенко. Мне очень жаль, что до этого приходилось переводить ложь. Больше я этого не буду делать. Не знаю, увидимся ли...

Украинские журналисты выступили против государственной цензуры и поклялись больше не врать. Оппозиция пикетировала основные правительственные здания в Киеве, парламент. Накал протеста был таков, что Служба безопасности Украины вышла из подчинения президенту

Кучме и отказалась от участия в силовых акциях. Эта позиция силовиков фактически определила исход противостояния.

3 декабря 2004 года Верховный суд Украины признал действия Центральной избирательной комиссии неправомерными и постановил провести новые выборы. Третий тур прошел 26 декабря. Ющенко получил 51,99 % голосов, Янукович — 44,2 %.

Янукович по сравнению с предыдущим туром потерял голоса двух с лишним миллионов человек. «Оранжевая революция» представляла собой протест против манипулирования людьми и наглого использования административного ресурса.

Московские политики придали выборам на Украине характер голосования «за» или «против» России. В результате поражение Януковича воспринималось как поражение российской власти.

Газ как инструмент дипломатии

Победа Ющенко поставила Москву в трудное положение — как налаживать отношения с человеком, которого назвали агентом ЦРУ и врагом России? Массированная пропаганда против «оранжевых революций» подействовала не на украинцев, а, скорее, на россиян, которые уверились в том, что только победа Януковича в интересах России, а Ющенко нанят американцами.

Да и само руководство России, похоже, искренне поверило в то, что события на Украине — лишь подготовка для «оранжевой революции» в России.

В декабре 2004 года на заседании Совета министров Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе Сергей Лавров обвинил ОБСЕ в том, что организация манипулирует выборами на постсоветском пространстве, обеспечивая нужный Западу результат:

— ОБСЕ не только перестает быть форумом, объединяющим государства и народы, но, наоборот, начинает работать на их разъединение.

Президент Путин заговорил о «диктатуре в международных делах, упакованной в красивую обертку псевдодемократической фразеологии», об опасности «попыток перестроить созданную Богом многоликую и многообразную современную цивилизацию по казарменным принципам однополярного мира». Находясь с визитом в Турции, еще жестче высказался о Западе — «добрые, но строгие дяди в пробковом шлеме» указывают, как жить:

— А если туземец будет возражать, то его накажут с помощью ракетно-бомбовой дубинки, как это было в Югославии.

Государственный секретарь США Колин Пауэлл не принял упреков в попытке установить американское влияние на пост-советском пространстве:

— Мы не соревнуемся и не боремся за эти территории. Мы не принуждаем их выбирать между Востоком и Западом. Мы живем совсем в другом мире, в котором люди стремятся к свободе, демократии, они хотят иметь возможность самостоятельно выбирать себе лидеров, партнеров и друзей.

Из его слов следовало, что Россия и Запад живут в разных мирах...

Отношения России и Украины быстро портились. Профессиональные дипломаты явно играли второстепенные роли в определении политики в

отношении Киева. Министерство иностранных дел превратили в исполнителя указаний. Разрабатывали внешнюю политику непрофессионалы, которые быстро повысили градус конфронтации.

Глава секретариата президента Украины Олег Борисович Рыбачук рассказывал российским журналистам о своих московских переговорах:

— Мне часто говорили, что в России есть политический центр, который определяет политику в отношении Украины. Все закатывали глаза и говорили, что есть только он и от него все зависит...

— Кто он?

— Ну, кто? Царь, Путин. А остальные все — второстепенные центры.

Что касается Киева, то окружение Ющенко допустило колоссальную ошибку, нарочито пренебрегая отношениями с Россией. Стремление нового украинского лидера ориентироваться на Европу вызвало полное неприятие Москвы. Осенью 2005 года Газпром почти в пять раз поднял цену на газ для украинских потребителей. Это было воспринято как ясный сигнал Киеву: «желаете присоединиться к Европе, так, будьте любезны, платите европейские цены».

«Министр иностранных дел Сергей Лавров, — писала в октябре 2005 года «Независимая газета», — в узком кругу сенаторов сказал, что главным дипломатическим ресурсом страны являются газ, нефть и электроэнергия. Лейтмотивом выступления Лаврова стали обещания применять по отношению к недостаточно лояльным соседям по СНГ весь разнообразный арсенал средств экономического давления».

Зато те, кто проявит заинтересованность в отношениях с Россией, получит преференции... Встреча с министром иностранных дел в Совете Федерации прошла в закрытом режиме, но, выйдя из зала заседания, сенаторы делились впечатлениями с журналистами.

Словом, если Советский Союз нес миру идеи коммунизма, то нынешняя Россия — нефть и газ. Влиятельные газовики оттеснили дипломатов от проведения внешней политики на важнейших направлениях. Нефтегазовый интерес взял верх над всеми остальными.

Газовые войны с Украиной, а затем и с Белоруссией произвели тяжкое впечатление на соседей-европейцев. Председатель Европейской комиссии Жозе Мануэл Баррозу отозвался о переговорах вокруг газового конфликта без свойственной ему дипломатичности:

— Я впервые вижу такую манеру вести переговоры, как у наших российских и украинских партнеров. Подписываются соглашения, за которыми не следует абсолютно никаких действий. Такого я не видел, даже когда был посредником на переговорах в Африке.

Украинские власти в ответ подняли вопрос о пересмотре условий базирования Черноморского флота на базах в Крыму... Противостояние нарастало.

По контрасту с жесткой линией Москвы президента Ющенко встречали «на ура» в Соединенных Штатах и в Европе.

«Украинская и грузинская революции, — писала в те дни газета «Коммерсант», — показали наличие второго пути — приятного во всех отношениях демократического развития, за который полагается любовь и восхищение Запада, а также его щедрая помощь. Запад уже признал в Грузии и Украине эталон демократии для СНГ и будет настойчиво рекомендовать его другим. Это значит, что отныне благополучие Украины и Грузии является угрозой для Москвы, поскольку демонстрирует, чего могут добиться экс-советские республики, если выйдут из-под опеки России».

В январе 2005 года влиятельные американские сенаторы — республиканец Джон Маккейн и демократ Хилари Клинтон — выдвинули Виктора Ющенко и Михаила Саакашвили на соискание Нобелевской премии мира за их «историческую роль в борьбе за свободу в Грузии и на Украине». Вице-президент Дик Чейни назвал Ющенко союзником Соединенных Штатов «в борьбе за свободу».

Но сближение Киева с Западом осталось на словах и не реализовалось в практических действиях, которые могли бы что-то принести украинцам. А ухудшение отношений с Россией было вполне конкретным и зримым.

В начале 2005 года Лавров признал, что отношения России и США напоминают холодную войну. Виновником он счел Соединенные Штаты, которые влезают в российские дела, забывая, что «внутренняя политика России — это наше внутреннее дело».

В одной статье Сергея Лаврова на помощь в противостоянии Вашингтону был призван Божий закон:

«Однополярность, если на то пошло, является покушением на прерогативы Всевышнего.... Нагорная проповедь содержит нравственный закон и для международных отношений; если мы не будем поступать с другими по-христиански, то будут ли с нами так поступать? Возможно, соборность российского мироощущения делает понимание этого более доступным для нас, чем для других».

Неожиданные аргументы для главного дипломата страны, который прежде не казался столь набожным. Лавров призвал к «изгнанию идеологических «бесов» — разного рода экстремистских продуктов европейской либеральной мысли».

Через год Лавров вновь подводил итоги и выразил неудовольствие тем, как положение в России отражается в западных средствах массовой информации:

— Наблюдается безусловное стремление рисовать образ России исключительно в темных тонах. Критика нарастает по мере того, как Россия становится все более уверенной в своих силах. Наверное, всегда есть желание у конкурентов постараться своего партнера-конкурента как-то ослабить...

На грани войны

Особое возмущение вызывали в Москве декларации Киева о намерении вступить в НАТО. В феврале 2008 года президент, правительство и руководство парламента отправили в Брюссель официальное письмо с просьбой выработать для Украины план действий по ее включению в состав Североатлантического блока. Это переполнило чашу терпения. И уже практически каждый шаг официального Киева воспринимался как враждебный. Москва резко реагировала на высылку двух российских дипломатов из-за проблем вокруг Черноморского флота — генерального консула в Одессе Александра Грачева и советника посольства в Киеве Владимира Лысенко.

Дмитрий Анатольевич Медведев, став президентом, сказал об Украине:

— Это государство, в котором, по сути, рассыпалась власть. Государство нам братское, близкое, но оно находится в неработоспособном состоянии.

Президент Медведев высказал сомнения в дееспособности украинского государства. Что означали эти пугающие слова? Что в стране нет власти?

К концу президентского срока Виктора Ющенко противостояние Москвы и Киева достигло пика. Дмитрий Медведев обратился к украинскому президенту с беспрецедентным посланием, врученным секретариату Ющенко 6 августа 2009 года:

«То, что мы наблюдаем в годы Вашего президентства, нельзя воспринимать иначе, как отход украинской стороны от принципов дружбы и партнерства с Россией, закрепленных в Договоре 1997 года.

Во время варварского нападения режима Саакашвили на Южную Осетию Украина заняла антироссийскую позицию. Те в Киеве, кто поставлял вооружения грузинской армии и, кстати, не намерен прекращать делать это и сейчас, полностью разделяют с Тбилиси ответственность за совершенные преступления.

Обращает внимание упрямое продолжение украинским руководством курса на вступление в НАТО, против которого выступают многие граждане страны. В качестве «аргумента» используются намеки на «российскую угрозу» безопасности Украины, которой, как Вы прекрасно знаете, нет и быть не может...

Российско-украинские отношения подвергаются испытаниям и в результате взятой Вашей администрацией линии на пересмотр общей истории, героизацию нацистских пособников, возвеличивание роли радикал-националистов, навязывание международному сообществу националистически окрашенных трактовок массового голода в СССР в 1932–1933 годах как «геноцида украинского народа».

11 августа 2009 года президент Медведев в своем видеоблоге предал гласности свое послание президенту Украины Ющенко. Он поставил Киеву в вину искажение «трудных эпизодов нашей общей истории, трагических страниц великого голода в Советском Союзе... трактовку Великой Отечественной войны как некоего противоборства между тоталитарными системами». Напомнил о враждебной позиции Киева в отношении августовской войны 2008 года на Кавказе: «Именно из украинского оружия убивали мирных жителей и российских миротворцев».

Президент Медведев назвал действия украинской власти антироссийскими и заявил, что откладывает приезд нового российского посла в Киев.

Украинские политики поразились небывало жестким выражениям российского президента. Только националисты в Киеве были, пожалуй, довольны и говорили: Россия показала свое истинное лицо. Глава секретариата президента Украины Вера Ивановна Ульянченко первой ответила на послание Медведева: «Агрессивная тональность обращения российского лидера, в сущности, касается не Виктора Андреевича Ющенко и его политики, а всего нашего государства и всего украинского народа».

Ющенко 13 августа 2009 года отверг все обвинения и предложил Медведеву решать проблемы за столом переговоров:

«Внимательно ознакомился с Вашим письмом от 6 августа 2009 года. Буду откровенен, очень разочарован его недружественным характером. Готовность вести диалог я подтверждал в течение последнего года по меньшей мере трижды в своих письмах в Ваш адрес. Этот призыв остается актуальным и сегодня».

Но переговоры исключались. Заявление Медведева означало, что Москва в принципе не станет иметь дело с президентом Ющенко и будет ждать перемен в Киеве. Противостояние в верхах сопровождалось пропагандистской кампанией и повлияло на настроения общества. Социологи «Левада-центра» сообщили, что по данным опроса граждане России даже лучше относятся к США, чем к Украине и Грузии. Плохо относятся к США — 40 %, к Украине — 47 %, к Грузии — 63 %...

Во время августовской войны на Кавказе украинское руководство

откровенно симпатизировало Грузии. В Киеве выразили неудовольствие использованием в боевых действиях против Грузии российских боевых кораблей, базирующихся в Севастополе.

10 августа МИД Украины сделало заявление:

«С целью предотвращения возникновения обстоятельств, при которых Украина может быть втянута в вооруженный конфликт и военные действия из-за участия в них военных формирований ЧФ РФ, который временно базируется на территории Украины, украинская сторона оставляет за собой право согласно нормам международного права и законодательства Украины запретить возвращение на территорию Украины до разрешения конфликта кораблей и судов, которые могут принять участие в вышеуказанных действиях».

Валерия Владимировна Лутковская, заместитель министра юстиции Украины, обосновала позицию Киева:

«В статье 6 базового Соглашения между Украиной и Россией о статусе и условиях пребывания российского флота определено, что военное формирование уважает суверенитет Украины и соблюдает ее законодательство, частью которого являются международные договоры. Но в 1994 году был ратифицирован договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между Украиной и Республикой Грузия.

В статье 4 документа каждая из сторон обязуется не допускать использования ее территории для подготовки и осуществления агрессии или любых насильственных действий против другой стороны. Договор между Украиной и Россией является более поздним и должен учитывать наличие договора между Украиной и Грузией...»

Следственный комитет при прокуратуре России заявил, что во время августовской войны 2008 года Украина помогала Грузии:

«Получена информация о том, что на стороне грузинских вооруженных формирований в вооруженной агрессии в отношении Республики Южная Осетия принимали участие военнослужащие регулярных воинских подразделений Министерства обороны Украины, а также не менее двухсот членов украинской националистической организации УНА-УНСО^[1]...»

Кому-то даже показалось, что атмосфера взаимоотношений между Москвой и Киевом — предгрозовая. Виктор Ющенко в интервью украинским журналистам принялся успокаивать общество:

— Я бы исключил любые шаги, которые можно назвать военными. Это поверхностно. Сегодня пугать оружием или агрессией — это очень примитивное поведение.

Он заявил, что Украина не потеряет государственность:

— Миллионы людей встанут, чтобы этого не допустить. Это позиция десятков миллионов людей. Нам брошен очевидный вызов — быть или не быть Украине.

Виктор Андреевич Ющенко участвовал в президентских выборах 2009 года, но было ясно, что у него нет никаких шансов. Победу — теперь уже неоспоримую — одержал его давний соперник Виктор Федорович Янукович. И атмосфера в отношениях между Москвой и Киевом сразу изменилась, словно и не было причин для противостояния.

Вновь встает вопрос о НАТО

Говорят, что в 2002 году Путин в беседе с одним крупным западным представителем заговорил о возможном вступлении России в НАТО. Ему ответили, что Североатлантический блок не рассылает приглашений. Придется, как всем, подавать заявку. И Путин вроде бы ответил:

— Россия очереди стоять не станет.

Владимир Владимирович, предложивший в начале своего президентства Соединенным Штатам тесное партнерство, был крайне разочарован. Ожидания не оправдались. Ускорить вступление во Всемирную торговую организацию американцы не помогли, в сфере противоракетной обороны навстречу не пошли, в иракских делах не прислушались. А живейшее участие США в делах Украины и Грузии было воспринято как личная обида.

Путин говорил на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности в феврале 2007 года от лица ущемленной России:

— НАТО выдвигает свои передовые силы к нашим государственным границам. Думаю, что процесс натовского расширения не имеет никакого отношения к модернизации самого альянса или к обеспечению безопасности в Европе. Наоборот, это серьезно провоцирующий фактор, снижающий уровень взаимного доверия. И у нас есть справедливое право откровенно спросить: против кого это расширение?

Его слова произвели шоковое впечатление на участников Мюнхенской конференции. На следующий день предстояло выступление министра обороны США Роберта Гейтса. Все ждали, каким будет ответ. Он отшутился:

— Одной холодной войны было достаточно.

«Если Путин и намеревался углубить раскол в НАТО, его агрессивное выступление привело к прямо противоположному эффекту, — сообщала тогда газета «Файнэншл таймс». — Впервые за многие годы политики, дипломаты и министры обороны стран — членов альянса сумели сомкнуть ряды перед лицом общего врага».

«Своей речью, — писала британская «Таймс», — Путин хотел показать, что Россия вновь стала агрессивной мировой державой после долгого периода упадка и унижений».

Главным камнем преткновения было опять-таки расширение НАТО на восток, включение в состав блока тех государств, которых в Москве

считают своими естественными партнерами. При этом не возникал естественный вопрос, почему чуть ли не все соседи России так стремятся в НАТО? Не потому ли, что не доверяют Москве и хотят от нее обезопаситься? Политологи констатировали, что в 2007 году Россия осталась без союзников. Но Москву это не беспокоило.

— Я бы не сказал, что НАТО, — говорил в декабре 2007 года Путин, — это смердящий труп холодной войны. Но это, безусловно, то, что досталось нам из прошлого.

Президент Дмитрий Медведев в конце 2009 года обвинил Запад в нарушении обещаний: клялись не расширять НАТО на восток и не выполнили. Так что же обещали Москве в 1990 году, когда рушилась берлинская стена и объединялась Германия?

Михаил Сергеевич Горбачев свидетельствует, что Медведев прав: Запад обещал не расширять НАТО. Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе, напротив, говорил, что таких обещаний не давалось. Бывший государственный секретарь США Джеймс Бейкер тоже отрицает какие-либо договоренности. Но тогдашний посол в Москве Джон Мэтлок подтверждает: Москве дали «недвусмысленное обещание». В тот момент Запад делал все, чтобы убедить советских руководителей: вопрос о вступлении в НАТО Польши, Венгрии или Чехословакии не стоит, и опасаться им нечего.

Так что же тогда говорилось и обещалось?

10 февраля 1990 года министр иностранных дел ФРГ Ханс Дитрих Геншер вел переговоры с Шеварднадзе. Немецкая запись беседы только что рассекречена.

— Мы понимаем, — говорил Геншер, — что членство объединенной Германии в НАТО рождает сложные вопросы. Для нас одна вещь ясна: военный блок не станет расширяться на восток.

Разговор шел в основном о распространении НАТО на восточную часть Германии, и Геншер добавил:

— Мы вообще не говорим о расширении НАТО.

Шеварднадзе ответил:

— Я вам верю.

1990 год был годом большой дипломатии — решалась судьба воссоединявшейся Германии, шло сокращение вооруженных сил в Европе. Советские дипломаты требовали все фиксировать на бумаге, даже обещание следить за советскими военными кладбищами на территории восточной Германии. Поразительно, что среди множества подписанных документов нет ни одного, касавшегося распространения НАТО на восток.

Вот почему западные политики уверенно заявляют, что Москва не вправе жаловаться. Нет подписанных обязательств.

Но честна ли такая позиция?

В начале 1990 года от позиции Москвы многое зависело. Советские войска еще стояли в восточной части Германии. В Вашингтоне, Париже и Лондоне размышляли о том, что лучше: единая Германия, включенная в структуры коллективной безопасности, состоящая в НАТО, или же, как это бывало прежде в истории, пребывающая между Западом и Востоком? Руководство же ФРГ считало, что этой неопределенности стоит положить конец. Германии обязательно надо состоять в НАТО.

Но как убедить советское руководство поддержать это решение?

«Министр, — вспоминал руководитель аппарата министра иностранных дел ФРГ Франк Эльбе, — двигался с осторожностью гигантского насекомого, которое с помощью множества щупалец проверяет, что происходит вокруг, готовый, встретив препятствие, отступить».

31 января 1990 года Геншер выступал в баварском городке Тутцинг. «Я хотел облегчить советским руководителям принятие решения», — вспоминает он. И министр иностранных дел ФРГ пообещал тогда:

— Не будет расширения НАТО на восток, то есть Североатлантический блок не приблизится к границам Союза.

Его слова нельзя было понять превратно: военные структуры НАТО не появятся на территории бывшей ГДР, и дверь блока останется закрытой для стран Восточной Европы.

Геншер помнил, что происходило во время венгерских событий 1956 года. Восставшие заявили, что намерены вступить в НАТО, и это дало Москве оправдание для военного вмешательства. В 1990 году Геншер хотел успокоить Горбачева: ему нечего опасаться. Запад намерен сотрудничать с Москвой.

Первым Ханса Дитриха Геншера поддержал прагматичный государственный секретарь Джеймс Бейкер. 2 февраля Геншер и Бейкер расположились в вашингтонском кабинете госсекретаря, скинули пиджаки, положили ноги на стол и договорились, что НАТО не станет расширяться на восток. К ним присоединился и британский министр Дуглас Херд. Они встретились 6 февраля. Как раз тогда в Венгрии должны были состояться первые свободные выборы. Геншер говорил британскому министру:

— Советский Союз не должен бояться, что в случае прихода к власти нового правительства, Венгрия присоединится к западному альянсу. Кремлю нужно дать твердые заверения на сей счет.

Дуглас Херд согласился с ним. 9 февраля 1990 года госсекретарь Бейкер сказал в Кремле, что если СССР соглашается на членство в НАТО единой Германии, «натовские войска не продвинутся на восток ни на дюйм».

Два десятилетия спустя Горбачев все еще возмущается этим эпизодом: — На американских политиков нельзя положиться.

Бейкер же говорит, что «он имел в виду только Восточную Германию, которая получит внутри НАТО особый статус, и больше ничего». Но Геншер-то на следующий день, беседуя с Шеварднадзе, говорил обо всей Восточной Европе!

Через несколько дней руководители западной дипломатии вновь встретились. Джеймс Бейкер неуверенно заметил:

— Похоже, центрально-европейские страны захотят вступить в НАТО. Геншер отрезал:

— Сейчас мы не должны даже обсуждать этот вопрос.

Бейкер с ним согласился.

Можно ли считать это обещанием, данным на века? Ясно, что нет. Скажем, тогда обсуждался вопрос о выходе Польши из Варшавского договора. Москве нужна была уверенность, что Польша «не присоединится к НАТО на следующий день». Но в будущем такая возможность не отвергалась.

Пожилые политики того времени сейчас уже не могут точно вспомнить, что и как тогда говорилось. Все хотя и выглядит хорошо. Горбачев не желает быть политиком, который не сумел вовремя захлопнуть двери НАТО перед бывшими союзниками по Варшавскому договору. Геншер и Бейкер не желали быть людьми, которые решали судьбы восточных европейцев через их головы. А Шеварднадзе давным-давно пришел к выводу, что в расширении НАТО нет ничего страшного.

Но в 1990 году у них были разные интересы!

В конце мая 1990 года Горбачев согласился на объединение Германии. Тогда западные политики доказывали Горбачеву, что не намерены пользоваться ситуацией в свою пользу и баланс сил не изменится. Почему же Горбачев вместе с Шеварднадзе не заставили Запад зафиксировать на бумаге обещание не расширять НАТО на восток?

— В начале 1990 года Варшавский договор еще существовал, — напоминает Михаил Сергеевич, — само упоминание о возможности расширения НАТО казалось тогда абсурдом.

Прибалтийские республики вообще еще были частью Советского Союза, и вероятность их вступления в НАТО вообще не обсуждалась. В

Восточной Европе у власти находились пацифисты вроде президента Чехии Вацлава Гавела, который, будь на то его воля, распустил бы не только Варшавский договор, но и НАТО. В то время ни одно восточноевропейское правительство не стремилось в НАТО, да и Запад абсолютно не горел желанием их принимать. Это означало лишние расходы, и раздражать Москву не хотелось...

Но в 1991 году Советский Союз распался. Началась кровавая война в Югославии. Возник страх балканизации всей Восточной Европы. Внезапно все пожелали вступить в НАТО, и пришлось НАТО всех принять. И тогда начался спор об истории этого вопроса, продолжающийся и по сей день...

При президенте Медведеве пытались в принципе остановить расширение Североатлантического блока. 23 июня 2009 года в Вене на ежегодной конференции Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе министр Лавров изложил идею Медведева — заключить новый общеевропейский договор. Принципы: невмешательство во внутренние дела, недопустимость силовых решений и отказ от размещения существенных боевых сил за пределами своих территорий. Иначе говоря, смысл договора состоит в том, чтобы остановить расширение НАТО.

Лавров вновь выразил негативное отношение к расширению военного блока:

— Речь идет о недальновидной политике «отщипывания» кусков бывшей территории Организации Варшавского договора с продвижением к российским границам.

Российский министр рассказывал о том, как желание вступить в НАТО вредит самим этим странам (он, надо понимать, имел в виду Украину и Грузию):

— Затягивание в альянс то раскалывает общество, то поощряет режимы к военным авантюрам.

Идея нового договора не вызвала большого интереса. Характерно, что Лавров был единственным министром на конференции, остальные страны были представлены заместителями министров или даже послами.

Бандера ссорит наши народы

Виктор Ющенко ушел с поста президента Украины, исчез главный раздражитель, мешавший российским руководителям иметь дело с Киевом. Открылась возможность развивать отношения с Украиной как с важнейшим внешнеполитическим партнером.

Но остается еще один постоянно действующий раздражитель — непреодоленное прошлое. В России многие так и не смирились с тем, что это независимое государство с собственной историей.

Сводить украинскую национальную идею к провинциальной буффонаде, оперетке, цирку, комедии с переодеванием — несправедливо и нереалистично, отмечают историки. И переход Украины под руку русских царей не следует изображать идиллически. Гоголь писал о том, что украинский народ не хотел этого, потому что «дышал вольностью и лихим казачеством и хотел пожить своей жизнью».

После февральской революции 1917 года в России национально мыслящие украинцы попытались образовать свое государство. Но украинское государство, просуществовав два года, рухнуло — и не только потому, что Ленин и Троцкий двинули на Киев Красную Армию. Немалая часть населения Украины хотела быть вместе с Россией. Другая часть украинского народа оказалась в составе Польши.

Украинские националисты с горечью говорят о том, что после Первой мировой войны поляки получили свое государство, а украинцы нет. Ненависть к полякам была настолько сильна, что Красную армию на территории Западной Украины осенью 1939 года встречали с цветами. Но как только начались ускоренная коллективизация и массовые высылки, ситуация изменилась. И тогда Организация украинских националистов^[1] предстала в роли единственной защитницы интересов украинского народа. Этим объясняется роль, которую лидер националистов Степан Андреевич Бандера и созданная им Украинская повстанческая армия^[1], которой командовал Роман Иосифович Шухевич, сыграли в жизни западных украинцев.

Ускоренная советизация и коллективизация после 1944 года еще больше оттолкнули людей от новой власти. Сопротивление западноукраинских крестьян носило массовый характер. Развернулась настоящая партизанская война. Отряды Украинской повстанческой армии^[1] контролировали примерно четверть территории республики.

Бывший секретарь ЦК компартии Украины по идеологии вспоминал уже в перестроечные годы, что в детстве и он тайком бегал в лес — относил продукты бойцам УПА^[1]...

Слышать все это невыносимо для тех, кто воспитан на сталинском курсе истории и не желает продолжить образование. А ведь историческая наука развивается, как и любая другая. Учебники по биологии и физике стареют еще быстрее. Отворачиваться от нового в истории просто нелепо. Новые документы, научные изыскания, новый уровень понимания прошедшего постоянно меняют наши представления о событиях и исторических фигурах. Осмысление и переосмысление истории бесконечно.

В новых странах происходит один и тот же процесс. Они обрели независимость, и им понадобилась собственная история и собственные герои. Поэтому на Украине восхищаются гетманом Мазепой, который для русского человека — предатель. Нам предстоит смириться с тем, что другие народы на знакомые нам события смотрят иначе — через призму национальной истории. Татары не станут восхищаться Иваном Грозным, который когда-то взял Казань. А на Кавказе не перестанут восхищаться Шамилем. Поэтому мне представляется крайне неуместной раздраженная нота российского Министерства иностранных дел относительно возвеличивания Мазепы на Украине. Прошли сотни лет, зачем ссорить народы из-за давней истории? Поход Наполеона и война 1812 года не мешают же добрым отношениям с Францией.

Вся Западная Украина живет иной исторической памятью. Во Львове — три музея Бандеры. Музей его ближайшего соратника и тоже Героя Украины — бывшего командующего Украинской повстанческой армией^[1] генерал-хорунжего Романа Шухевича видел один, зато там сразу три памятника этому человеку, который много лет вел борьбу против советской власти — пока его не убили в перестрелке.

Львов — это улицы, названные в честь вождей Организации украинских националистов^[1] и «Героев УПА^[1]», дома с барельефами деятелей, которые в 1941–1944 годах сотрудничали с немецкой оккупационной администрацией. Львов-это памятники жертвам голодомора и коммунистического террора. Львов — это книжные магазины, где на полках теснятся книги о национально-освободительном движении против владычества Москвы. Это магазины сувениров, где торгуют майками с надписью «Сердце партизана», но это другие партизаны, из Украинской повстанческой армии^[1]! На здании бывшего

советского консульства — памятная доска в честь боевика ОУН^[1], который в 1933 году по приказу Бандеры застрелил в упор советского дипломата. А на рынке торгуют попеременно советскими орденами, немецкими железными крестами и наградами УПА^[1]...

Беда в том, что национальную идею оседлали такие фанатики и радикалы, как Степан Бандера. Они исходили из того, что Украина — только для украинцев, остальные народы — или враги, или просто лишние на этой земле. Организация украинских националистов^[1] сложилась как террористическая организация. Считая русских, поляков и евреев врагами, Бандера и его соратники искали поддержки у немцев. Но они неверно истолковали намерения нацистской Германии. Берлин видел в украинских националистах подсобную силу в войне против СССР. А Бандера решил, что немцы дадут украинцам то, в чем им отказывали поляки и русские: независимое государство. Гитлер разгромит Советский Союз, и Украина достанется украинцам...

Боролся ли Бандера за Украину? Да, боролся. Но преступными методами и в союзе с преступниками. И за какую Украину? Авторитарную, вождистскую, где разрешено было бы жить только этнически чистым украинцам. В структурах, подчиненных Бандере, выделилась хорошо организованная Служба безопасности. Эсбистами были те, кто еще до войны прошел через немецкую спецшколу. Они убивали всех, кто подозревался в сотрудничестве с «москалями», в том числе учителей, руководителей клубов и врачей. Эти смерти на совести Бандеры и Шухевича.

Но война была жестокой с обеих сторон. Необходимо говорить и том, какими методами действовали чекисты на Западной Украине. Украинскую историю у нас знают очень плохо. Пора ее изучать глубоко, всерьез относиться к ключевым фигурам этой истории и каждому воздавать по делам его.

Восхищение Сталиным, отрицание его преступлений, высокомерие по отношению к украинцам помогают Бандере и через много лет после смерти ссорить наши народы. Когда спадет накал эмоционального противостояния, тогда на Украине не станут искать духовную опору в эпохе борьбы с Россией, перестанут восхищаться Бандерой и Шухевичем, посмотрят на них более реалистично. На Украине найдутся и другие герои.

Катынское наследство

В мае 2005 года Путин хотел не только повторить опыт Ельцина, который в 1995 году уговорил президента Клинтона приехать в Москву на празднование пятидесятилетия победы, но и превзойти своего предшественника по числу гостей и масштабу торжеств. Владимир Владимировичу хотелось быть мировым лидером, которому внимают президенты и премьеры. Так и получилось утром 9 мая, когда на Красной площади Путин произносил свою речь о значении победы. В этот день президент России был главным, а все остальные лидеры, начиная с президента Соединенных Штатов, — на вторых ролях.

Но полного торжества не получилось из-за Польши и Прибалтики, которые напомнили о пакте Молотова-Риббентропа, расчленении Польши, присоединении Литвы, Латвии и Эстонии, пред- и послевоенных сталинских репрессиях. Примерно то же повторилось и в мае 2010 года, когда меньшее число мировых лидеров (несмотря на усилия Лаврова и его команды) приняли приглашение в Москву на празднование очередной годовщины Победы.

История продолжает влиять на текущую политику. Есть страны, отношения с которыми остаются не слишком хорошими почти исключительно по причинам исторического свойства. Единственный способ преодолеть вражду — честно относиться к прошлому. Беда в том, что оно часто очень несимпатично, поэтому и вспоминать не хочется. Но ведь нынешние политики не несут никакой ответственности за то, что происходило в тридцатые и сороковые годы. Зачем же проявлять ложную солидарность с теми, кто в ту эпоху совершал преступления?

Катынь — может быть, самая болезненная проблема, доставшаяся России в наследство от советской системы. Немалое число наших сограждан все еще полагает, что преступление — дело рук фашистов и на этой точке зрения надо стоять. Ведь все началось 13 апреля 1943 года, когда берлинское радио сообщило, что в деревне Катынь возле Смоленска обнаружены тела тысяч польских офицеров, расстрелянных НКВД. Зная геббельсовские приемы, в катынской истории сомневались все, даже Бенито Муссолини: итальянское правительство рекомендовало своим журналистам не писать на эту тему.

Но немцы делали все, чтобы им поверили. В Катыни собрали международную комиссию из видных европейских судебных медиков и

криминалистов. Приехали представители польского Красного Креста. Исследование трупов, а извлекли четыре тысячи тел, доказало: время смерти — весна сорокового. В могилах нашлись документы расстрелянных, и даже дневники, которые польские офицеры вели до последних дней своей жизни. Это были офицеры, попавшие в советский плен осенью 1939 года.

После освобождения Смоленска в Советском Союзе создали комиссию под председательством академика Николая Ниловича Бурденко, главного хирурга Красной армии и президента Академии медицинских наук. Комиссия представила заключение, что это немецкая провокация. Сейчас рассекречены документы, показывающие, как «готовили» это заключение. Неудивительно, что комиссии поверили только в нашей стране. Но люди старшего поколения не в силах смириться с мыслью о том, что не германские нацисты, а Сталин со своими подручными совершили такое чудовищное преступление!

Немногие знают, что Главная военная прокуратура России возбудила уголовное дело № 159 «О расстреле польских военнопленных из Козельского, Осташковского и Старобельского спецлагерей НКВД в апреле — мае 1940 г.». С 17 марта 1992 по 2 августа 1993 года в соответствии с постановлением старшего военного прокурора управления главной военной прокуратуры работала комиссия экспертов во главе с директором Института государства и права РАН академиком Борисом Николаевичем Топорниным.

Выводы экспертов: материалы следственного дела доказывают наличие события преступления — «массового убийства органами НКВД весной 1940 г. содержащихся в Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях НКВД 14 522 польских военнопленных». Они были убиты выстрелами в затылок в Катынском лесу, в тюрьмах УНКВД Смоленской, Ворошиловградской и Калининской областей и захоронены в коллективных могилах в Козьих горах, селе Медное Калининской области и в лесопарковой зоне Харькова. Это было установлено в ходе проводимых военной прокуратурой летом 1991 года эксгумаций. Кстати, до села Медного немецкие войска не дошли, и одно это ставит крест на версии о том, что это их рук дело. Одновременно в тюрьмах НКВД Западной Белоруссии и Западной Украины были расстреляны еще 7 305 поляков.

Расстрелы совершались на основании чудовищного по своей незаконности секретного постановления политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 года:

«1. Предложить НКВД СССР:

1) Дела о находящихся в лагерях для военнопленных 14700 человек бывших польских офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, разведчиков, жандармов, осадников и тюремщиков,

2) а также дела об арестованных и находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в количестве 11000 человек членов различных контрреволюционных и диверсионных организаций, бывших помещиков, фабрикантов, бывших польских офицеров, чиновников и перебежчиков — рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания — расстрела.

2. Рассмотрение дел провести без вызова арестованных и без предъявления обвинения, постановления об окончании следствия и обвинительного заключения...»

Эксперты прокуратуры провели почерковедческую и криминалистическую экспертизы, которые подтвердили подлинность подписей Сталина, Молотова, Ворошилова, Микояна и Берии и самой выписки из постановления политбюро ЦК ВКП(б) № 13/144 от 5 марта 1940 года. Эти документы опубликованы Федеральной службой безопасности России в первом томе сборника «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Серия документов».

Документы о расстрелах хранились в КГБ. Сохранилась записка председателя КГБ Александра Николаевича Шелепина от 3 марта 1959 года с предложением Хрущеву уничтожить учетные дела расстрелянных польских офицеров:

«Непредвиденная случайность может привести к расконспирации проведенной операции со всеми нежелательными для нашего государства последствиями. Тем более, что в отношении расстрелянных в Катынском лесу существует официальная версия...»

Выполняли решение политбюро начальники Калининского, Харьковского и Смоленского областных управлений НКВД. Во внутренней тюрьме областного управления одну из камер обивали кошмой, чтобы не было слышно. Пленных по одному заводили в камеру, надевали наручники и стреляли в затылок. Трупы на грузовиках вывозили за город и закапывали в районе дач областного НКВД: сюда чужие люди не зайдут. Трупы укладывали, как сардины в банке, голова к ногам, ноги к голове. Когда операция закончилась, братскую могилу засыпали землей и сажали елочки. Часть пленных из Козельского лагеря расстреляли прямо в Катынском лесу. Эти могилы и обнаружили немцы, заняв Смоленск.

Руководитель следственной группы Главной военной прокуратуры России признал Сталина и приближенных к нему членов политбюро,

руководителей НКВД и исполнителей расстрелов виновными в расстреле польских граждан.

Казалось, открылась возможность подвести черту под трагедией, которая ссорит Россию и Польшу. Но произошло то, что только ухудшило ситуацию! В 2004 году дело прекратили в виду смерти всех виновных. Более того, материалы следствия засекретили. И это усилило разговоры о том, что в России скрывают и покрывают сталинские преступления.

Осторожные и дозированные признания уже звучали из уст представителей российского правительства, когда открывались мемориальные комплексы в Катыни и Медном. Но ограничиться абстрактным осуждением «бесчеловечной машины тоталитаризма», не называя имен, — значит, передать катынское наследство следующему поколению. Давно пора было назвать виновных и поставить точку в этой истории.

Что мешало? Умонастроения российского общества. Сталинские преступления во всем их объеме известны лишь узкому кругу историков. Для людей старшего поколения каждое такое открытие — шок. А более молодое поколение, похоже, даже не желает выяснять, что было на самом деле, и руководствуется лозунгом: не позволим ни в чем обвинять Россию и наших ветеранов!

За пределами нашей страны хорошо известно, кто убил пленных поляков. Так что репутации государства вредит отрицание очевидного. Мне представляется кощунственным и предположение о том, что правдивый рассказ о преступлениях, совершенных в Катыни, оскорбит военное поколение. С Великой Отечественной это не связано. Ни фронтовики, ни труженики тыла не имеют ни малейшего отношения к этим преступлениям! В государственных интересах — отделить преступников от всего народа. А вот скрывать массовое убийство — это похоже на соучастие. Почему мы все должны делить с преступниками ответственность за то, что мы не совершали?

Невозможно до бесконечности передавать это трагическое наследство новым поколениям. Все ждали, когда руководители России скажут: пора набраться мужества, разобраться с катынским наследством и, преодолевая прошлое, идти вперед.

7 апреля 2010 года на траурном мероприятии и поминальной службе, посвященных 70-й годовщине расстрела польских офицеров в Катыни, самым неожиданным был момент, когда и Владимир Путин, и прилетевший из Варшавы премьер-министр Польши Дональд Туск преклонили колени перед мемориалом и поставили по свече перед

венками. Потом поднялись и перекрестились. Этот жест главы российского правительства свидетельствовал о пересмотре официальной политики в отношении этой трагедии.

Предвестьем этого события стал внезапный показ по российскому телевидению фильма «Катынь» знаменитого польского режиссера Анджея Вайды. Его отец тоже был там расстрелян. Режиссер присутствовал на этой церемонии и сказал, что считает этот день «фантастичным».

В своей речи Путин обошел вопрос о том, кто несет ответственность за расстрел поляков. Сказал только о злодеяниях абстрактного тоталитарного режима:

— Десятилетиями циничной ложью пытались замарать правду о катынских расстрелах. Но было бы такой же ложью и подтасовкой возложить вину за эти преступления на российский народ.

Осталось непонятным, с кем полемизировал Путин. Об ответственности российского народа никто и не говорит. Напротив, добиваются выяснения конкретных имен тех, кто принял и осуществил это решение. Об этом главу правительства и расспрашивали журналисты. Когда Путин заговорил о виновниках преступления, видно было, что ему никак не хотелось называть имя главного палача. Перечислял:

— Руководители тогдашних служб безопасности, НКВД, Берия... Имена должны назвать следователи, прокуроры. Вы думаете, я знаю все имена наперечет, что ли?

Потом все-таки выговорил имя Сталина, хотя, как и следовало ожидать, предположил, что тот совершил это «из чувства мести»: Сталин руководил провалившейся военной операцией против Польши в 1920 году, после чего в польских лагерях «умерли тридцать две тысячи» попавших в плен красноармейцев...

Давно делалась попытка связать Катынь с судьбой красноармейцев, попавших в плен после неудачной войны с Польшей в 1920 году и умерших от голода и болезней в лагерях для военнопленных. О количестве пленных идет большой спор. Цифры называют разные: от 100 тысяч до 160 тысяч. По польским данным, было 110 тысяч пленных. Вернулись на Украину и в Советскую Россию от 60 до 80 тысяч. А что же с остальными?

Этот вопрос задавал еще в сентябре 1921 года нарком по иностранным делам Георгий Чичерин, обращаясь к поверенному в делах Польши в России: «В течение двух лет из 130 тысяч русских пленных в Польше умерли 60 тысяч».

Поляки говорят о том, что остальные либо предпочли остаться в Польше, либо умерли в лагерях от болезней и голода: было время

эпидемий. Условия в лагерях были ужасными, пленных избивали. Некоторые российские историки полагают, что российских пленных сознательно сгноили в лагерях.

Но, во-первых, одно преступление не оправдывает другое. Во-вторых, Сталин не вспоминал в 1940 году о судьбе красноармейцев, это аргумент, изобретенный в наше время. В-третьих, как и во многих странах в те годы, в Польше к пленным, конечно, относились отвратительно, их плохо кормили, не обеспечивали медицинской помощью и теплой одеждой, но польское правительство в 1920 году не принимало решение уничтожить советских пленных...

Тем не менее, слова Путина имели огромное значение в избавлении от катынского наследства. И тут произошла новая трагедия. В районе Смоленска рухнул самолет с высшими польскими руководителями, направлявшими на траурную церемонию в Катынь. На похороны погибшего президента Леха Качинского прилетел Дмитрий Медведев. Когда началась траурная месса, краковский архиепископ Станислав Дзивиш, обратившись к президенту России, сказал, что эта трагедия объединила российский и польский народы:

— Семьдесят лет Катынь разделяла два народа. Соккрытие правды о тех событиях не позволяло затянуться ранам.

Ему вторил исполнявший обязанности президента Польши Бронислав Коморовский:

— На протяжении десятилетий поляки должны были молчать о Катыни. Об этом молчал и свободный мир. В Польше за правду о Катыни приходилось платить высокую цену.

Сказанные Дмитрием Медведевым слова произвели сильное впечатление на поляков, на всю Польшу:

— Трагедия под Смоленском никого не оставила равнодушным. Для Польши она стала национальной трагедией. И у нас в стране она вызывала самые горькие эмоции, поэтому у нас был объявлен траур. Поэтому я посчитал правильным проводить в последний путь президента Польши Леха Качинского и его супругу Марию... У нас были разные периоды в истории. Последний был не из легких. Но перед лицом тяжелых утрат мы можем приложить усилия для сближения позиций наших стран, чтобы наши народы слышали друг друга лучше, находя разрешение самых трудных проблем. Одна из них — катынская трагедия. С нашей стороны все оценки даны. Катынская трагедия — это преступление Сталина и ряда его приспешников. Позиция российского государства по этому вопросу сформулирована...

Усилия президента Медведева не пропали даром. Между нашими странами есть и, скорее всего, будут серьезные и менее серьезные политические противоречия. Но снят груз исторической вражды, который в принципе перечеркивал любую возможность договориться, найти понимание в текущих политических вопросах. Это один из самых успешных шагов российской внешней политики последних лет.

Грузинская война

17 февраля 2005 года новый министр иностранных дел Сергей Викторович Лавров прилетел в Тбилиси, чтобы ускорить подготовку договора о дружбе и добрососедстве. Грузия оставалась единственным государством СНГ, с которым у России не было такого документа. Но препятствия возникали на каждом шагу.

Министр иностранных дел Грузии Саломе Зурабишвили заявила, что не согласится на положение об отказе от размещения иностранных баз на своей территории, на чем настаивала Москва.

Возложение венков к мемориалу на площади Героев-воинам, погибшим за Грузию, обязательно включается в программу официального визита в Тбилиси. Там значатся и имена солдат, погибших в боях за Южную Осетию и Абхазию. Лавров, учитывая «серьезную эмоциональную заряженность этого вопроса», отказался посетить мемориал. Хотя, приезжая в Баку, российские делегации не отказываются возложить венки к могилам тех, кто погиб при вводе советских войск в январе 1991 года. А ведь среди них люди, стрелявшие в наших солдат!

МИД Грузии снизил уровень визита Лаврова — с официального до рабочего.

— Мне стоило большого труда поверить, — сказала спикер парламента Нино Бурджанадзе, — что министр иностранных дел России отказался посетить мемориал павшим в боях за территориальную целостность Грузии. Это беспрецедентный случай в мировой истории и в практике международных отношений. Тем самым Сергей Лавров продемонстрировал свою открытую поддержку сепаратистам.

Участники акции протеста оставили у здания российского посольства в Тбилиси венок с надписью «Соболезнуем по поводу кончины российской дипломатии».

Тогдашний президент Грузии Михаил Николаевич Саакашвили оказался чуть ли не главным врагом Москвы. Он родился в Тбилиси. Окончил факультет международного права Киевского института международных отношений. Два года учился на юридическом факультете Колумбийского университета. Работал в Нью-Йорке. Когда вернулся на родину, был избран депутатом парламента. 4 января 2004 года победил на президентских выборах. 5 января 2008 года добился переизбрания.

Михаил Саакашвили стал лидером оппозиции, а потом и президентом

страны, обещав восстановить территориальную целостность Грузии, то есть вернуть Абхазию и Южную Осетию, которые де-факто давно вышли из состава республики.

Южная Осетия в советские годы была автономной областью в составе Грузии. 29 мая 1992 года Верховный Совет республики принял акт о государственной независимости Южной Осетии. В Тбилиси не признали независимость Южной Осетии. И точно так же пытались помешать этому военной силой.

Тогда в Москве спикер парламента Руслан Имранович Хасбулатов заявил, что Верховный Совет России, возможно, рассмотрит просьбу Южной Осетии о вхождении в Российскую Федерацию. Вице-президент Александр Владимирович Руцкой потребовал от Грузии прекратить военную операцию против Южной Осетии, обещав «поднять в воздух эскадрильи и бомбить ваши города».

Война прекратилась, когда Россия и Грузия договорились о создании Смешанной контрольной комиссии и размещении там миротворческих сил.

Абхазия и Южная Осетия пользовались покровительством Москвы, и президент Саакашвили оказался в контрах с российской властью.

Американцы помогли Саакашвили восстановить вооруженные силы, и он решил, что владеет инструментом, достаточным для исполнения его желаний. Вице-президент США Дин Чейни и его аппарат считали перемены в Тбилиси очевидным успехом кампании демократизации и настаивали на продаже Грузии как можно большего количества оружия.

За пять месяцев до августовской войны 2008 года президент Саакашвили приехал в Вашингтон. Президент Джордж Буш-младший в благодарность за отправку грузинского контингента в Ирак (две тысячи солдат и офицеров) посулил Грузии военную поддержку и членство в НАТО. Широким жестом обещал Саакашвили похлопотать за него перед коллегами по Североатлантическому блоку.

Через три недели Буш прилетел в Сочи на переговоры с Путиным. Здесь он услышал, что принять Украину и Грузию в НАТО — значит пересечь красную линию. Путин считал, что американцы незаконно обосновались в традиционной сфере влияния России, и исполнился намерения не позволить США пересечь эту линию.

— Мы, — признает бывший посол США в России Джеймс Коллинз, — не сумели понять серьезность русских, когда они говорили: «У нас есть интересы, и мы их будем отстаивать».

На встрече лидеров стран НАТО в Бухаресте в апреле 2009 года Буш призывал коллег открыть Грузии путь в Североатлантический блок. Но не

сумел убедить более осторожных европейцев. В Бухаресте выступал и Путин — на закрытом заседании. Его речь расценили как ультиматум, хотя Лавров потом объяснял:

— Никаких угроз с нашей стороны не было. Путин объяснил, почему расширение НАТО не добавит никому безопасности и создаст новые и сложные проблемы.

В июле в Тбилиси побывала госсекретарь Кондолиза Райс. В частных разговорах, по ее словам, она уговаривала Саакашвили не вступать с Россией в противоборство, в котором ему не выиграть. Но на публике демонстрировала поддержку Грузии:

— Мы всегда сражаемся за наших друзей.

Надо понимать, грузинские политики поверили этим словам.

Линия противостояния между южноосетинскими ополченцами и грузинской армией была фактически линией фронта, несмотря на наличие миротворческих сил.

Соглашение о принципах урегулирования грузино-осетинского конфликта было подписано 24 июня 1992 года. Соглашение о прекращении огня и разъединении сил — 14 мая 1994 года. Но там постоянно шли перестрелки. Грузинские войска считали, что вправе подавлять сепаратистов. Осетины не опасались эскалации конфликта, чувствуя себя уверенно благодаря российской поддержке.

Несколько дней накануне войны грузины жаловались на обстрелы со стороны Южной Осетии. Командующий совместными миротворческими силами генерал-майор российской армии Марат Минюрович Кулахметов (выпускник академии Генерального штаба, недавний командир дивизии в составе Северо-Кавказского военного округа) свидетельствовал, что огонь ведут обе стороны.

Тбилиси предложило Цхинвали провести переговоры при посредничестве российских дипломатов. Руководство Южной Осетии ответило отказом. 6 августа 2008 года возобновилась перестрелка между грузинскими войсками и формированиями Южной Осетии. 7 августа президент Саакашвили приказал своей армии в одностороннем порядке прекратить огонь. Сказал по телевидению, что готов на переговоры в любом формате. Генерал Марат Кулахметов подтвердил, что огонь прекращен. А через несколько часов в Тбилиси заявили, что осетинская сторона вновь открыла огонь, убиты десять человек, а генерал Кулахметов не в состоянии остановить осетин, которые стреляют, укрываясь за спинами российских солдат.

Грузия объявила о начале операции «по восстановлению

конституционного порядка в Южной Осетии». В 23:30 грузинская артиллерия открыла огонь по Цхинвали. Потом в действие вступила авиация, и началось наступление пехоты.

Реакция российского руководства была быстрой. Москва не стала обращаться к Совету Безопасности ООН или вообще пытаться урегулировать конфликт политическими методами, хотя неизменно декларировала правильность именно такого подхода. Российское руководство в предшествующие годы неизменно критиковало применение силы Соединенными Штатами и Европейским союзом для прекращения конфликта на территории другого государства — скажем, в бывшей Югославии.

В отношении событий в Южной Осетии глава российского государства и премьер-министр, не колеблясь, пустили в ход вооруженные силы — «для принуждения к миру».

8 августа 2008 года президент Медведев подписал заявление:

«Сегодня ночью в Южной Осетии грузинские войска, по сути, совершили акт агрессии против российских миротворцев и мирных жителей... Ситуация дошла до того, что миротворцы с грузинской стороны стреляли по российским миротворцам, вместе с которыми были обязаны выполнять свою миссию по сохранению мира в регионе. Сейчас в Южной Осетии гибнут мирные люди, женщины, дети, старики, и большинство из них — это граждане Российской Федерации».

В соответствии с Конституцией и федеральным законодательством, как Президент Российской Федерации, я обязан защищать жизнь и достоинство российских граждан, где бы они ни находились. Логика предпринимаемых нами сейчас шагов продиктована этими обстоятельствами. Мы не допустим безнаказанной гибели наших соотечественников. Виновные понесут заслуженное наказание».

В одиннадцать утра российская авиация нанесла удары по объектам на территории Грузии. Днем через Рокский тоннель прошли части 58-й российской армии. Они взяли под контроль Южную Осетию и двинулись дальше.

9 августа премьер-министр Путин, прилетев из Пекина, где шла Олимпиада, провел совещание в столице Северной Осетии:

— Действия грузинских властей в Южной Осетии — это преступление. И прежде всего — это преступление против собственного народа. Потому что нанесен смертельный удар территориальной целостности самой Грузии. Трудно себе представить, как можно после всего случившегося и после того, что еще происходит, убедить Южную

Осетию войти в состав грузинского государства... Россия веками играла в этом регионе, на Кавказе в целом весьма позитивную, стабилизирующую роль. Была гарантом безопасности, сотрудничества и прогресса в этом регионе. Так было в прошлом — так будет и в будущем. Пусть никто в этом не сомневается...

11 августа российские войска вошли в грузинские города Зугдиди, Сенаки и Поти и двинулись в сторону Тбилиси. Это породило международный кризис. Западные партнеры России могли понять желание Москвы защитить жителей Южной Осетии, но брать грузинские города — это уже совсем другая ситуация.

17 августа государственный секретарь США Кондолиза Райс дала интервью трем американским телеканалам:

— Россия заплатит за это свою цену. Мы вместе с нашими союзниками серьезно рассмотрим последствия, которые будет иметь Россия. Грузия будет восстановлена, а репутация России, возможно, восстановлена не будет.

От имени Европейского союза переговоры об урегулировании конфликта вел президент Франции Николя Саркози. Он настаивал на немедленном выводе российских войск с территории Грузии. После четырехчасового заседания министры стран НАТО сформулировали единую позицию: подтвердили принцип территориальной целостности Грузии, назвали Грузию «ценным и долгосрочным партнером альянса», обещали восстановить разрушенную инфраструктуру Грузии, создали комиссию НАТО — Грузия.

Действия России назвали «непропорциональными и несоответствующими роли миротворца и принципам мирного разрешения конфликтов».

Сергей Лавров ответил, что НАТО защищает «агрессивный и преступный режим». Министр иностранных дел напомнил, что без России натовским странам не обойтись:

— Мы сделаем для себя соответствующие выводы. Совет Россия — НАТО создавался не для того, чтобы учить Россию, как вести себя с грузинским руководством. Помощь России для НАТО является критически важной. После известного заседания НАТО, где был принят документ по отношениям с Россией, к российской стороне обращались члены альянса и шептали на ухо: «Надеемся, вы не прекратите сотрудничество по Афганистану»... Если приоритеты НАТО идут в сторону безоглядной поддержки обанкротившегося режима Саакашвили и если цена, которую они готовы заплатить, это разрыв отношений с Россией, — это не наш

выбор.

Путин считал, что войну спровоцировали с целью поддержать на президентских выборах в США кандидата от республиканцев Джона Маккейна, политика с жесткими взглядами, сторонника Грузии:

— Кто-то в США специально создал этот конфликт с целью обострить ситуацию и создать преимущество в конкурентной борьбе для одного из кандидатов... Административный ресурс может использовать только партия власти.

Трудно сказать, действительно ли премьер-министр России принимал эту версию всерьез или же просто считал полезным использовать ее в пропагандистских целях...

Российские руководители испытывали нескрываемое удовлетворение от того, что армия Саакашвили разгромлена и дорога Грузии в НАТО — как минимум на ближайшее время — закрыта.

Британские газеты писали, что в разговоре с британским министром иностранных дел Дэвидом Милибэндом, касавшемся событий в Южной Осетии, российский министр перешел на ненормативную лексику.

Лавров объяснил журналистам:

— Милибэнд возлагал на Россию вину за происшедшее в Южной Осетии в ночь на 8 августа и не только отказался признать факт нападения грузинской армии на спящий Цхинвал, но и всячески выгораживал Михаила Саакашвили как «большого демократа». Пришлось ему напомнить о характеристике, которую дал Михаилу Саакашвили в разговоре со мной наш коллега из одной европейской страны. Это характеристика звучала так: «F... lunatic» — «трахнутый безумец». Это была всего лишь цитата.

В сентябре 2008 года государственный секретарь США Кондолиза Райс выступала в Фонде Маршалла:

— Действия России вписываются в постоянно ухудшающуюся картину поведения: запугивание соседей, использование нефти и газа как политического оружия, угроза нацелить на мирные государства ядерное оружие, продажа оружия странам и организациям, которые угрожают международной безопасности, преследование и, что еще хуже, убийство российских журналистов, диссидентов и других... Последние действия российских лидеров вызывают вопрос о том, не находимся ли мы сейчас в состоянии холодной войны.

Корреспондент британской газеты «Гардиан» Джонатан Стил спросил Путина, почему Россия повела себя агрессивно и неадекватно в Грузии:

— Казалось, это была не политика защиты, а политика реванша.

— Нам что, оставалось утереть кровавые сопли и склонить голову? — ответил Путин. — Что вы хотели, чтобы мы там перочинным ножичком размахивали? А что такое адекватное применение силы, когда против нас используют танки, тяжелую артиллерию, мы что, из рогатки должны стрелять? Те, кто затеял, должны были понимать, что получают по морде по полной программе... Нельзя Соединенным Штатам вести себя как римскому императору, надо учитывать интересы партнеров — мы к такой работе готовы.

После войны Россия признала государственную самостоятельность Абхазии и Южной Осетии. Перед российской дипломатией была поставлена задача добиться признания мировым сообществом двух новых республик. Но даже союзники России этого не сделали. Выражения солидарности в первую очередь ждали от президента Белоруссии Александра Григорьевича Лукашенко, рассчитывали, что один из руководителей Союзного государства хотя бы признает независимость Абхазии и Южной Осетии. Он молчал. Российский посол в Минске не выдержал и в раздраженной форме потребовал определиться. Нажим ни к чему не привел. Белоруссия не желала признавать новые государства и ссориться с Грузией. Отношения между Москвой и Минском стремительно ухудшились. Впервые в президента Лукашенко полетели критические стрелы, российское телевидение обвинило его во всех смертных грехах.

Задача обеспечить признание Абхазии и Южной Осетии осталась невыполненной. Достаточно широкое признание независимости Косова, в чем крайне заинтересована большая часть Европы, — исключение. А вот, скажем, Турецкую республику Северный Кипр, фактически существующую уже несколько десятилетий, признает только сама Турция. Россия, конечно, более влиятельное государство, чем Турция. И кто-то готов пойти Москве навстречу. Но ведущие государства Европы, Северной Америки и Азии твердо поддерживают территориальную целостность Грузии в границах 1991 года (когда она была признана самостоятельным государством). Остальные страны не захотят с ними ссориться даже ради России. За десять лет самостоятельность Абхазии и Северной Осетии признали Никарагуа и небольшие государства в Тихом океане.

Российские руководители предупреждают западные державы, что если Грузию примут в НАТО, это может спровоцировать военный конфликт с российским участием. И некоторые российские соседи напуганы. Прибалтийские государства попросили НАТО разработать планы обороны против возможной российской военной акции. И не только прибалтийские...

Премьер-министр Чехии Мирослав Тополанек, активный сторонник размещения в своей стране элементов американской системы противоракетной обороны, заявил:

— Лучшим аргументом в пользу размещения американского радара в Чехии был конфликт между Россией и Грузией в Южной Осетии.

Где же вашингтонский обком?

Смена караула в Белом доме после очередных президентских выборов помогла восстановить рабочий ритм взаимоотношений Москвы и Вашингтона. Новая команда — президента Барака Обамы — предложила «перезагрузку», то есть начать строить отношения с чистого листа, отбросив груз взаимного недовольства. Инициативу Белого дома в Москве поддержали, и это позволило обеим странам немало продвинуться на некоторых направлениях. Во всяком случае прекратились разговоры о новой холодной войне.

На это же время пришелся сезон публикации документов американской дипломатической службы, что позволило лучше разобраться в механизмах проведения американской внешней политики. Ставшие всеобщим достоянием благодаря знаменитому теперь компьютерному сайту секретные телеграммы посольства Соединенных Штатов в Москве раскрыли кухню американской дипломатии. Масса любопытных деталей, забавные характеристики наших руководителей, имена тех, кого американцы неустанно спрашивают о ситуации в стране, о раскладе политических сил, о взаимоотношениях Путина и Медведева, об их планах на будущее... Но ни намек на руководящие указания, которые, как многие уверены, потоком поступают в Москву из Вашингтона!

Как часто с экранов телевизоров звучит ерническое выражение — «вашингтонский обком», что должно означать: Соединенные Штаты так или иначе руководят тем, что происходит в нашей стране, если не всем государственным аппаратом, то уж по крайней мере московскими либералами, пятой колонной — по известному выражению, «шакалящей у посольств».

В нашем обществе очень распространены слухи о тайной власти, которая на самом деле управляет страной. Этот слух любим теми, кто представляет политическую жизнь в виде театра кукол. Есть сцена и есть кулисы. Люди живут, как в театре, и строят — в собственном воображении — кулисы, за которые помещают главных действующих лиц — кукловодов, манипулирующих теми, кто на сцене. За кулисами скрываются вашингтонский обком, мировое правительство, ЦРУ...

Слух рождает другую, заманчивую правду. Слух упрощает существующий мир и находит в нем скрытый порядок. Наше воображение поражает способность слуха объяснить большое количество различных

фактов. Слух приходит к нам в сопровождении псевдо-доказательств, которые его как бы подкрепляют. Смысл приобретают те факты, о которых мы никогда не подозревали. Наш ум постоянно в поиске схем, позволяющих соединить разрозненные события. Мы ведь не любим беспорядка и не верим в случайности. Мы верим тому, что подтверждает уже сложившееся у нас мнение...

Так что же показывает знакомство с реальной американской дипломатической перепиской?

Первое. Дипломаты из Соединенных Штатов старательно пытаются разобраться в том, что у нас происходит. У них для этого не так уж много возможностей. Нет никаких особых источников. Никто им секреты не выдает. Они ведут беседы с теми же людьми, которые высказывают свое мнение в нашей прессе или на радио. Анализируют телепередачи и речи наших властителей. Пытаются сложить воедино клочки информации.

Второе. Докладывая в Вашингтон, американские дипломаты высказывают весьма здравые и осторожные оценки, справедливо ставя под сомнение сообщенные им сенсационные сведения, если их невозможно проверить. Мнения не отличаются от тех, что звучат публично. Летом 2009 года вице-президент Джо Байден сказал о России:

«У них сокращается население, у них слабеет экономика. Их банковский сектор и инфраструктура, вероятно, не протянут и пятнадцати лет. Россия оказалась в ситуации, когда мир вокруг меняется, а она цепляется за непрочное прошлое».

А британская газета «Таймс» писала тогда же: «Как избалованный ребенок, рассерженный поломкой новой игрушки, Россия кричит на весь мир, требуя к себе внимания... Пока российские бюрократы мародерствуют, олигархи грабят награбленное, а политики играют в игры, остальной мир движется вперед...»

Третье. Нет и следа указаний, которые, как многие уверены, американцы дают нашим политикам, правозащитникам или журналистам. Где же вашингтонский обком?

Вот в чем главный вопрос: что же рождает леденящее душу предположение, что нами управляет, как куклами, невидимая и далекая рука? Россия все же не маленькая страна, во всем зависящая от внешнего мира.

Официальной цензуры у нас нет, но и выяснить, что происходит, тоже невозможно. Большая часть вопросов, которые ставят перед своими собеседниками в Москве американские дипломаты, в их собственной стране и задавать нужды нет: ответы всем известны. Политики живут, как

за стеклянной стеной, и занавески запрещены. Даже личная жизнь руководителей государства изучается под увеличительным стеклом.

У нас же не только иностранцы, но и мы сами вынуждены питаться слухами. Когда утром спрашиваешь, какие новости, тебе сообщают не о том, что прозвучало по телевидению, а о том, что не было сказано. Власти свойственно утаивать плохое. Но люди-то знают, что плохое существует. Что характерно: наших начальников слухи безумно раздражают. Иногда буквально выводят из себя, особенно когда — в отсутствие реальной информации — обсуждается их личная жизнь.

Можно заткнуть рот телевидению и даже напугать тех, кто выступает в интернете. Но слухи существуют параллельно с телевидением и интернетом. Когда они замалчиваются, то кажутся более правдивыми. Слухи, как ни странно это звучит, необходимы обществу. Слухи возникают в том случае, если они отвечают общественной потребности, чьим-то желаниям, скрытым тревогам.

Слухи мобилизуют мыслительный аппарат. Мы стараемся воссоздать интересующее нас событие, опираясь на разрозненные факты, которые удалось узнать. Чем больше в нашем распоряжении реальных фактов, тем ближе наши догадки к действительности. И наоборот. Более того, строя гипотезы, мы вынуждаем власть говорить. Так что слухи могут быть весьма полезными. Немногослуховхорошо. Слишком много — плохо. Это дурной признак, свидетельствующий о сознательной дезинформации и утаивании правды от народа. Понятно, что лучший способ избавиться от слухов-говорить о них. Почему же наши нынешние начальники — сверху донизу — твердо убеждены, что чем меньше мы знаем, тем лучше?

Во-первых, по всей стране в начальники выбилось сравнительно молодое поколение, которое отличает презрительно-высокомерное отношение к народонаселению. Они даже не в силах этого скрыть. В отличие от прежних времен у них в руках не только ничем не ограниченная власть и ресурсы целого государства (области, района, города), но и огромные деньги в собственном кармане; этого хватит и детям, и внукам, которые, как правило, уже учатся за границей — поближе к вашингтонскому обкому.

Начальники прекрасно устроили собственную жизнь, которая к нашему брэнному существованию не имеет никакого отношения. Присмотримся к тому, чем они заняты. Пресыщенные и скучающие, они не знают, чем еще себя развлечь, и придумывают для себя все более экзотические приключения. Им смешна сама мысль о том, что надо отчитываться перед народом, который по части устройства собственной

жизни им и в подметки не годится.

Во-вторых, у наших начальников действительно есть веские основания позаботиться о том, чтобы мы не знали, как делаются дела в различных учреждениях. Как только кто-то из них, утратив доверие, перестает быть начальником, тут же подтверждаются худшие слухи. Например, о безудержной, всепроникающей коррупции. Хуже того, реальность опережает самые смелые слухи. Преступники, чиновники и силовики просто слились в единый организм. Конечно, власти есть что скрывать.

В-третьих, при всем своем высокомерии начальники явно ощущают неуверенность, понимая, что в реальной политической конкуренции они бы не выстояли. Не сумели бы отстоять право на высокую должность. Это на экранах собственного телевидения или в председательском кресле, в черном лимузине или на трапе авиалайнера, в окружении охранников и подручных они представляются крупными и значительными фигурами. Более близкое знакомство разрушает эту иллюзию.

Орден министру

8 февраля 2011 года в Москву не пустили прилетевшего из Лондона корреспондента британской газеты «Гардиан» Люка Хардинга. Его на два месяца отозвали в редакцию готовить к публикации разоблачительные материалы с сайта Викиликс, относящиеся к России. Вернулся к постоянному месту работы, но услышал от пограничника:

— Для вас Россия закрыта.

Люка Хардинга посадили на первый самолет до Лондона. Разгорелся скандал. Англичане высоко ценят свободу слова. «Гардиан» — одна из главных газет страны. Министр иностранных дел Уильям Хейг позвонил Лаврову и попросил объяснений.

Сергей Викторович явно не знал заранее о готовящейся высылке. Решение приняло другое ведомство, МИД даже не поставили в известность. Несколько часов формулировали объяснение. По долгу службы Лаврову пришлось оправдывать решение о высылке. Он сказал, что журналиста не пустили из-за нарушения им каких-то правил. Британцы назвали его объяснения неправдоподобными.

Как назло эта история приключилась как раз накануне долгожданного визита Лаврова в Лондон. Ему предстояло восстанавливать отношения, которые ухудшались на протяжении нескольких лет. Поэтому, надо понимать, Лавров апеллировал к высшей власти. Министру иностранных дел пошли навстречу. Буквально перед прилетом Лаврова в Лондон Люк Хардинг получил в посольстве России новую визу и благополучно прибыл в Москву.

А Сергей Викторович говорил в Лондоне совершенно поразительные вещи: что Россия избавилась от амбиций супердержавы, преодолела комплекс неполноценности и готова искать решение проблем, основываясь на главенстве закона, балансе интересов и здравом смысле. Он предложил превратить модернизацию России в общеевропейское дело...

Можно понять, какой неприятной для нашего министра иностранных дел была история с высылкой британского корреспондента.

«Наша внешняя политика последних лет, — писал Павел Русланович Палажченко, эксперт Горбачев-Фонда, — в ее проекции внутри страны выглядит как череда истерик, которые мы закатываем по разным поводам — от строительства трубопровода Баку-Джейхан до расширения НАТО, от переноса памятника советским воинам в Таллине до Черноморского флота.

Даже о беспорядках в парижских пригородах наши комментаторы пишут во взвинчено-злорадном тоне. Но все без толку: и трубопровод построили, у нас не спросив, и Париж, кажется, устоял.

Для многих людей мир поделен на друзей (Венесуэла, Иран, Белоруссия и самопровозглашенные республики) и врагов (почти весь остальной мир, особенно Америка, Украина и Грузия). Уязвленное самолюбие народных мстителей в осажденной крепости — такая «модель» складывается, кажется, только у нас. Пока больше на словах, чем на деле: политические концепции отдельно, реальное поведение отдельно, а пропаганда — сама по себе. Но это не может продолжаться до бесконечности. Внешняя и внутренняя политика взаимосвязаны, слова и дела — тоже. Переход от одного к другому происходит неожиданно, но потом дело всегда идет не по сценарию. России нелегко привыкнуть к мысли, что с валовым внутренним продуктом, составляющим менее трех процентов мирового, нельзя претендовать на центральную роль в мировых делах».

Истории с Бронзовым солдатом в Таллине, с запретом молдавского вина, с газовыми войнами привели к тому, что репутация страны пострадала. Европейцы сплотились, уменьшилась возможность играть на внутриевропейских противоречиях. А российские руководители чувствовали себя изолированными. Можно сказать, что внешняя политика такого рода продемонстрировала неспособность к гибкости, принятию быстрых решений в стремительно меняющейся обстановке.

Внешняя политика в последние годы несколько раз менялась — от предложения Западу тесного партнерства до почти холодной войны. В Москве постоянно говорят «нет», и этим все ограничивается. Позитивная программа, как правило, отсутствует, если не считать, конечно, широковещательных инициатив советского образца, не имеющих практического смысла.

Значение России на мировой арене уменьшается, но все еще остается весомым. Помимо ядерного арсенала и места постоянного члена Совета Безопасности ООН немалое значение имеют богатые кладовые страны. Нефть и газ, без которых Европе не обойтись (и не только Европе!), — вот самые надежные союзники нашей страны на мировой арене.

В июле 2009 года президент США Барак Обама побывал в Москве. Он, что называется, уважил российских руководителей. Второй канал российского телевидения показал интервью с Обамой, в котором он высоко оценил Медведева, назвал его «вдумчивым и прогрессивным политиком, который успешно ведет Россию в XXI век».

О премьер-министре Путине американский президент отозвался иначе:

— Пока мы движемся вперед с президентом Медведевым, важно, чтобы Путин понимал, что подходы к американско-российским отношениям времен холодной войны уже устарели, настало время идти вперед другим путем. Думаю, что Медведев понимает это. Путин же одной ногой опирается на старые методы ведения дел, а другой — на новые.

Но Обама, тем не менее, устроили рабочий завтрак с Путиным. Консультанты американского президента не сомневались в том, какую роль играет в стране Владимир Владимирович.

Дмитрий Медведев и Барак Обама одобрили документ со странным названием «Совместное понимание» — декларацию относительно нового договора о сокращении стратегических наступательных вооружений. Начальник Генштаба генерал Николай Макаров и председатель комитета начальников штабов вооруженных сил США Майкл Маллен подписали соглашение о сотрудничестве вооруженных сил двух стран и договорились провести в этом году совместные военные учения. Министр иностранных дел Лавров и первый заместитель госсекретаря Уильям Бернс — соглашение о транзите через российское воздушное пространство американских военных грузов для Афганистана.

Меньше чем через год третий договор о сокращении наступательных вооружений был подписан. Президент Обама назвал Медведева «другом и партнером». Президент Медведев сказал об Обаме:

— У нас сложились очень хорошие личные отношения, возникло то, что принято называть личной химией.

2010 год вообще был успешным в двухсторонних отношениях США и России. Несмотря на противостояние России и Соединенных Штатов на пост-советском пространстве, обе страны поддерживают прагматическую стабильность. В Вашингтоне спокойно встретили решение Украины законодательно закрепить свой внеблоковый статус, хотя еще недавно активно поддерживали стремление прежних киевских руководителей вступить в НАТО. Соединенные Штаты приветствовали обязательство Грузии не применять силу в отношении Абхазии и Южной Осетии. Заметим, что ни Россия, ни США не вмешались в конфликт, раздиравший Киргизию...

В июле 2010 года в Москве проходило совещание послов. На встречу с ведущими дипломатами приехал президент Медведев. Заодно вручил министру Лаврову высокую награду — орден «За заслуги перед Отечеством» второй степени.

Президент назвал четыре приоритетных страны — Франция, Германия, Италия, Соединенные Штаты, с которыми надо создавать модернизационный альянс. Он впервые в истории Министерства иностранных дел потребовал, чтобы дипломаты сосредоточились на трех направлениях: модернизация экономики и производства; укрепление институтов российской демократии и гражданского общества; борьба с организованной преступностью. Таких задач перед дипломатами еще не ставили. Президент потребовал от дипломатов вовлекать другие страны в процесс модернизации России.

Медведев сказал и другие слова, которые тоже еще не звучали в такой аудитории:

— Интересам российской демократии отвечает следование как можно большего числа государств демократическим стандартам в их внутренней политике.

Дмитрий Анатольевич посоветовал послам:

— Исходя из многовекторности современной жизни, следует работать открыто, отказываясь от конфронтации, а иногда и просто снимать шоры, которые могут быть у любого государства и которые, наверное, существуют и у нас. Нужно находить в себе силы отрешиться от стереотипов, даже если они усвоены еще в период учебы в МГИМО. Один из примеров такой работы — преодоление трудного исторического наследия с Польшей. Необходимо мобильно реагировать на происходящее и действовать на опережение, а не пытаться догнать уехавший поезд, оглядываясь по сторонам в поисках тех, на кого можно свалить ответственность.

Традиционно подводя итоги 2010 года, Сергей Лавров заметил:

— Важнейшим результатом минувшего года я бы назвал заметное оздоровление международной ситуации. В значительной степени это явилось результатом новой атмосферы в отношениях между Россией и США.

В начале февраля 2011 года в Мюнхене на очередной конференции по вопросам политики безопасности министр Сергей Лавров и госсекретарь Хилари Клинтон обменялись ратификационными грамотами — договор о СНВ вступил в силу. Это символизировало улучшение отношений между Москвой и Вашингтоном. Тональность российской внешней политики вновь изменилась. И даже НАТО на какое-то время перестало восприниматься как исчадие ада.

— Поставлена задача вывести отношения членов Совета Россия-НАТО на уровень стратегического партнерства, — сказал Лавров. —

Главное, чтобы это не осталось на бумаге.

С этими словами министра иностранных дел России нельзя было не согласиться. Слова в нашей стране с самых высоких трибун звучат правильные и красивые. Но, увы, не часто претворяются в дела.

В 2012 году Обама доверительно шепнул президенту Медведеву, что после своего переизбрания проявит большую уступчивость на переговорах о противоракетной обороне. Барак Обама остался в Белом доме на второй срок. А Дмитрий Медведев покинул Кремль, президентом вновь стал Владимир Путин.

В августе 2013 года Обама отменил намеченную на сентябрь встречу с Путиным. Спустя четыре года после попытки начать новую эру в отношениях между двумя странами американский президент пришел к выводу, что две страны настолько разошлись, что ему не о чем вести переговоры с российским руководителем.

В марте 2014 года Барака Обаму спросили, согласен ли он с оценкой видного деятеля республиканской партии Митта Ромни, назвавшего Россию крупнейшим геополитическим врагом Америки.

— Россия — региональная держава, и не из-за силы, а из-за своей слабости является угрозой для некоторых своих соседей, — с явным пренебрежением ответил Обама. — Действия России не представляют угрозу номер один для национальной безопасности Соединенных Штатов.

Американцы не уверены, что Россия — великая держава, поскольку в современном мире могущество страны определяется не способностью уничтожить другое государство с помощью ракетно-ядерного оружия. Великая держава — прежде всего богатая, процветающая страна с эффективной экономикой.

Но Обама ошибся. Россия отнюдь не «региональная держава в период заката». После вполне успешной реформы вооруженных сил, начатой при министре обороны Анатолии Эдуардовиче Сердюкове, и определенной модернизации Россия способна, говоря словами современных кремленологов, «удерживать свою историческую территорию, проецировать военную мощь на соседние регионы и карать недругов».

Теперь кремленологи пытаются понять стратегию и ментальность российских лидеров. Вот, к каким выводам они приходят.

Российский взгляд на мир сформирован драматическими событиями в стране после окончания холодной войны и распада Советского Союза. В Москве уверены, что сохранить статус великой державы можно лишь противостоя Соединенным Штатам, а не сотрудничая с ними.

Российские лидеры считают, что Вашингтон вмешивается в их

внутреннюю политику, чтобы организовать смену режима в Москве. И Кремль должен показать миру, что способен ответить тем же. А способность победить определяется не экономическим и технологическим потенциалом. Смелость и решительность, готовность к наступательным действиям заставят врагов побаиваться тебя, а союзников — ценить твою дружбу.

События лета 2014 года вокруг Украины вообще резко изменили не только геополитическую ситуацию в Европе, но и — главное! — положение в стране.

Лозунг «Крым — наш!» был встречен абсолютным большинством населения страны с искренним восторгом. Люди увидели в возвращении Крыма не просто торжество исторической справедливости, но и, наконец, первый большой успех страны.

Последние десятилетия воспринимались как время неудач, постоянных плохих новостей. И вдруг все переменялось: Россия возвращает утерянное и вновь определяет события в мире! Россия доказала, что способна добиваться своего. Это осознание успеха вызвало невероятный прилив энтузиазма. Рейтинг Путина достиг заоблачных цифр, потому что все знали: Крымом страна обязана ему лично.

Политологи полагают, что когда в феврале 2014 года бурные события в Киеве неожиданно превратились в революцию и украинский президент Виктор Янукович утратил власть, в Москве сочли это сознательной акцией Запада с целью вырвать Украину из-под влияния России и включить в НАТО.

Когда начались боевые действия на востоке Украины, Соединенные Штаты и западноевропейские страны назвали это сепаратизмом и обвинили российскую власть в поддержке сепаратистов.

«Ангела Меркель ледяным тоном пообещала Путину длительную изоляцию, — рассказывал тогдашний президент Франции Франсуа Олланд. — Его цель — максимально ослабить Киев, надеясь со временем увидеть у власти команду, более податливую российским интересам и более отдаленную от Евросоюза. Больше всего он не хочет вступления Украины в НАТО и получения ею оружия, которое могло бы изменить баланс сил. Глава России предпочитает видеть вокруг своего государства ледяную полосу покоренных земель».

От дружеских чувств к России, которые еще недавно выражали руководители Франции и Германии, кажется, ничего не осталось.

После того, как 17 июля 2014 года над востоком Украины был сбит малазийский пассажирский «Боинг-777», американский журнал «Тайм»

вышел с обложкой: «Холодная война-2. Запад проигрывает в путинской опасной игре».

Гибель пассажирского самолета — поворотный момент в отношении к Кремлю со стороны западного мира. Американское общественное мнение радикально изменилось. Похоже, никто не ожидал такого накала антироссийских эмоций. Влиятельный американский сенатор Джон Маккейн так сформулировал позицию Соединенных Штатов:

— Россия обеспечила сепаратистов оружием, снаряжением, подготовила их. Нажимал ли на кнопки именно российский военнослужащий — это не столь существенно. Факт заключается в том, что Россия и Путин вновь ответственны за ужасный акт насилия.

Политика в отношении России, сформировавшаяся в годы Горбачева и Ельцина, полностью пересмотрена. «Перезагрузка» осталась в прошлом. Так же как и тесное сотрудничество в международных делах.

Как назвать новый курс? Это политика сдерживания, а может быть, и отбрасывания. Соединенные Штаты отказались признать Крым российским и ввели санкции, отрезающие российскую экономику от инвестиций и современных технологий.

* * *

Началась новая холодая война. Заметно изменилась и дипломатия. Журналисты обратили внимание на то, что министр Лавров стал прибегать к экспрессивно-выразительной лексике, обыкновенно не свойственной дипломатам.

Во время совместной пресс-конференции с министром иностранных дел Саудовской Аравии в августе 2015 года, министр иностранных дел России, видимо, забыв, что микрофон включен, тихо, но отчетливо сказал: «дебилы». И добавил нецензурное слово... Не понравился заданный журналистами вопрос?

В историю дипломатии вошло выступление на Совете Безопасности ООН в апреле 2017 года заместителя постоянного представителя России Владимира Карповича Сафронкова. Обсуждалось использование химического оружия в Сирии. Британский представитель Мэтью Райкрофт обвинил Россию в «бесстыдной поддержке режима Асада».

Сафронков ответил, обратившись к британцу на «ты»:

— Выступление представителя Великобритании показало, что он только и думает о том, чтобы не дать развиваться политическому процессу,

принести в Совет Безопасности конфронтационность и враждебность. Все делаете для того, чтобы взаимодействие было подорвано. Именно поэтому... Посмотри на меня! Глаза-то не отводи! Что ты глаза отводишь?

Такой речи и Андрей Януарьевич Вышинский бы позавидовал.

Почему это происходит? Недостает убедительных аргументов? Или же, как во времена министра Вышинского, нет нужды искать взаимопонимания и находить компромиссы? Не договориться надо, а обругать покрепче...

В горбачевские времена казалось, что с гонкой ядерных вооружений покончено и создатели оружия остались без работы. Увы, мир вернулся к прежнему противостоянию. И вновь генералы и их верные друзья — производители оружия спешат доказать, что уже создают оружие, которым можно и нужно запугать врага.

Конфликт с Соединенными Штатами носит фундаментальный характер. Дело не в разногласиях по отдельным вопросам. Противостояние, как и в прошлую холодную войну, порождено острым геополитическим соперничеством, несовпадением политических систем и морально-нравственных ориентиров.

---

notes

Примечания

1

Организации, запрещенные в Российской Федерации.